

Х. М. А. Сабаттчиев

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

История
✧
Этнография
✧
Историография и источниковедение
✧
Персоналии

Х.-М. А. Сабанчиев

Хаджи-Мурат Алексеевич Сабанчиев

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

История

Этнография

Историография и источниковедение

Персоналии

Нальчик
ООО «Фрегат»
2023

УДК 93/94(470.6)
ББК 63(235.7)
С 12

Сабанчиев Х.-М. А.

С 12 Избранные труды. – Нальчик: ООО «Фрегат», 2023. – 576 с.

Издание приурочено к 70-летию известного ученого, доктора исторических наук Сабанчиева Хаджи-Мурата Алексеевича. В него вошли работы, посвященные актуальным проблемам истории, вопросам этнографии и культуры народов Северного Кавказа.

Для научных работников, преподавателей, студентов и широкого круга читателей.

*Автор выражает глубокую благодарность председателю
Совета директоров ОАО «Комбинат автомобильных фургонов»,
доктору филологических наук,
профессору Алию Ахматовичу Чеченову
за финансирование издания книги.*

ISBN 978-5-6049245-0-1

© Х.-М. А. Сабанчиев, 2023
© ООО «Фрегат», 2023

Предисловие

Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – советский и российский ученый-историк, педагог. Он родился 15 марта 1953 г. в Казахстане, куда балкарцы были сосланы в годы войны. В 1956 г. вместе с родителями и со своим народом вернулся в Кабардино-Балкарию, на родину предков. Общая трагедия, общие испытания балкарцев впоследствии во многом определили сферу его научных интересов.

Детские впечатления самые яркие. Но чтобы знать и приносить пользу своими знаниями, надо учиться. Хаджи-Мурат Сабанчиев пошел в школу в сел. Кенделен. Знания он старался получить и после школы в лучших учебных и научных учреждениях страны. Окончил исторический факультет Ростовского государственного университета, очную аспирантуру Института истории СССР АН СССР (Институт Российской истории РАН), докторантуру. В 1976–1989 гг. работал в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте, а в 1990 г. перешел на преподавательскую работу в Кабардино-Балкарский госуниверситет. Он доктор исторических наук, профессор КБГУ. Им опубликовано около 150 научных и более 50 научно-публицистических и учебно-методических работ, издано 14 авторских и совместных монографий, учебных пособий по истории КБР и Северного Кавказа. Вклад, внесенный им в историческую науку, трудно переоценить.

Область научных интересов Хаджи-Мурата Алексеевича весьма обширна (история, этнография, историография и источниковедение), хронологически охватывает период с VI в. до наших дней. Происхождение балкарского народа – вопрос сложный и для балкарцев особенно важный. Истоки отчасти видятся в болгарях Великой Болгарии, которые занимали «видное место в качестве желанных союзников или опасных противников окружающих стран». Их потомки стали неотъемлемой частью народов, населяющих Север-

ный Кавказ, Поволжье и Юго-Восточную Европу. Исследуя историю своих предков, Хаджи-Мурат Сабанчиев вольно или невольно становится исследователем этнической истории народов обширного региона.

Особое внимание Х.-М. А. Сабанчиева привлекают походы монголов на Северный Кавказ, интеграция народов региона в систему государственности Золотой Орды и нашествие Тимура на Северный Кавказ. Это было масштабной социальной катастрофой, и Х.-М. Сабанчиев исследует эту трагедию и заключает: «События, связанные с нашествием татаро-монголов, а затем и крушением Орды под ударами полчищ Тимура, ознаменовали собой переломный этап местной истории, предопределивший существенные изменения в этнической географии Северного Кавказа и в соотношении здесь военно-политических сил в последующие столетия».

Уцелев и даже отстояв свою независимость, балкарцы и родственные им карачаевцы вступили в новый этап своей истории – вошли в состав России. Хаджи-Мурат Сабанчиев рассматривает историю и механизм взаимодействия России и Балкарии, отмечает, что вхождение в состав империи носило мирный и добровольный характер; войдя в состав России балкарцы постепенно интегрировались в общероссийскую систему административного управления. Ученый указал на интересную деталь: «За присоединение горной полосы Центрального Кавказа с населяющими ее народами к Российской империи генерал Г. А. Эмануэль был награжден орденом Святого Александра Невского» – высшим орденом Российской империи.

Ряд произведений Х.-М. А. Сабанчиева посвящены обобщению опыта национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии в советский и постсоветский периоды и проблемам Великой Отечественной войны в регионе. Ученый подробно исследует политику фашистской Германии на Северном Кавказе, социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию в республике в начальный период войны. Специальному анализу подвергнуты вопросы вторжения германских войск в Кабардино-Балкарию, вре-

менной оккупации ее территории, установления оккупационного режима и освобождения республики от оккупантов.

Но проблема, которой Х.-М. А. Сабанчиев посвятил значительную часть своей творческой жизни, это проблема депортации балкарского народа, его жизни в изгнании, возвращения на родину и реабилитации. Этому посвящена его докторская диссертация, по этой сложной научной проблематике им написаны четыре монографии.

Исследовать трагедию любого народа довольно трудно. Но исследовать трагедию своего собственного народа трудно вдвойне или втройне. Трудно оставаться объективным. Здесь нужен особый профессионализм историка. И с другой стороны, чтобы люди, прошедшие через такую трагедию, тебе поверили, надо, чтобы они видели в тебе «своего», негласно наделили тебя полномочиями сказать правду о трагедии. И всей своей жизнью и своим творчеством Хаджи-Мурат Сабанчиев доказал, что он достоин таких полномочий. Образно и эмоционально это отразил известный поэт Алим Алафаев в стихотворении «Историк» (2011 г.):

*Ученый муж Хаджи-Мурат,
Любимец женщин и друзей,
Достоин песен и наград,
Служа Балкарии своей.
Ты изучил с пером в руках,
Как Данте, адские круги.
Труды издал и стал в горах,
Как сын, любимее других.
Я, как коня, дарю стихи
За подвиг славный, друг и брат.*

У Хаджи-Мурата Сабанчиева были смелые и талантливые предшественники, и в этой книге вы найдете статью «Х. И. Хутуев видный государственный деятель Кабардино-Балкарии и крупный организатор науки». Ханафи Исхакович Хутуев защитил в 1965 г. в Ростовском государственном университете кандидатскую диссертацию «Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный

период», восторженно встреченную специалистами. В ней впервые была поднята проблема депортации народов во время войны. Х.-М. А. Сабанчиев отмечает: «Публикации Х. И. Хутуева и его диссертационное исследование были по существу первым в отечественной историографии прикосновением к теме депортации, в которых автором поставлены и решены некоторые вопросы этой острой и непростой проблемы. И не удивительно, что с наступлением периода гласности рукопись диссертации Х. И. Хутуева была самой читаемой в Ленинской библиотеке».

Сам Х.-М. А. Сабанчиев исследовал проблему всесторонне и скрупулезно. В этой книге вы найдете его статьи «Механизм принятия решения и подготовка выселения балкарцев», «Правовое положение и социальный статус балкарцев на спецпоселении», «Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения». Исследована историография проблемы и анализ базы источников. Все это вы увидите в статьях «Болевые точки историографии: депортация и реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа», «Проблема депортации карачаевцев и балкарцев в зарубежной историографии» (впрочем, для Х.-М. А. Сабанчиева «зарубежная литература интересна не столько с информативной, сколько с аналитической точки зрения»), «Источниковая база проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Юга России».

Он указал на самую болезненную сторону жизни спецпереселенцев: «Они должны были оставить надежды на возвращение к местам прежнего жительства и прочно обустроиться в местах поселения».

Исследуя конкретную проблему, Х.-М. А. Сабанчиев «выдвинул и обосновал совершенно новый в историографии посыл, согласно которому причины депортации мусульманских и тюркских народов Кавказа и Крыма были обусловлены подготовкой власти к возможному театру военных действий на юге Союза ССР». Этот интереснейший посыл раскрывает перспективы дальнейших исследований проблемы с выходом на вопросы внешней политики.

В статьях «О природе принудительных миграций в годы Второй мировой войны в СССР и за рубежом: общее и особенное», «Проблема депортации народов Кавказа и Крыма в 40-х гг. XX в. в международном контексте» и других публикациях ученым разработаны теоретические и методологические вопросы проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Юга России. Х.-М. А. Сабанчиев – признанный в российском научно-историческом сообществе авторитет в области изучения этого аспекта национальной политики советского и российского государства.

Исследователь не замыкается в рамках проблемы своей докторской диссертации. Свою гражданскую позицию и взгляд на современность он высказал в статье «Государственность Кабардино-Балкарской Республики в условиях реформирования системы федеративных отношений»: «Национальный интерес Кабардино-Балкарской Республики – развитие всех атрибутов светского цивилизованного общества в неразрывном единстве с Россией. Иными словами, основной принцип государственного строительства – обеспечение конституционных прав и свобод каждого гражданина независимо от его национальной и расовой принадлежности, вероисповедания и политических убеждений».

Много внимания в своих исследованиях Х.-М. А. Сабанчиев уделяет проблемам этнографии своего народа. Интересна в данной книге его статья «Поселения и поселенческая культура балкарцев до 20-х гг. XX в.», в которой он описывает полифамильные и монофамильные образования, определяет факторы, влиявшие на формирование поселений, указывает: «Отличительной особенностью поселений Балкарии является наличие многочисленных (более 60) оборонительных и сторожевых сооружений – крепостей, замков, бапелен и оборонительно-жилых комплексов».

Много внимания автор книги уделяет важнейшим проблемам хозяйства и быта балкарцев. В статьях «Хозяйственная жизнь балкарцев в XIX – начале XX в.», «Пища как компонент культуры жизнеобеспечения балкарцев во второй половине XIX – начале XX в.», «Трапезы и поведенческая культура балкарцев в XIX – начале XX в.» можно найти, что

Балкария и Карачай – родина кефира, узнать, каким способам обработки подвергались продукты питания у балкарцев, как поведенческий аспект питания отражал взаимоотношения людей в обществе, нормы и формы их поведения, традиционные для данного общества. «Важно не только то, что именно люди едят, но и как они это делают».

Очень интересна статья «Тёре как форма организации управления в средневековой Балкарии и Карачае». Тёре – это высший выборный общенациональный универсальный орган социально-политического и законодательного порядка, регулирующий политическую и общественную жизнь в средневековой Балкарии и Карачае. В статье приводится текст клятвы-присяги, даваемой перед Тёре, текст магической формулы – алгыш. Среди собранных поговорок о роли Тёре привлекает внимание одна – «Где рассудило Тёре, там кровь не прольется».

Х.-М. А. Сабанчиева привлекает историография балкарского народа, изучение его духовной культуры. Интересны в этом отношении статьи «Из истории становления и развития исторических знаний и исторической науки о балкарском народе», «Из истории собирания и изучения фольклора балкарцев и карачаевцев во второй половине XIX – начале XX в.», ««Историография религиозных верований балкарцев во второй половине XIX – начале XX в.»».

С интересом читается статья «Изучение балкаро-карачаевского нартского эпоса в советский период». Автор указывает на «матриархальные мотивы, свидетельствующие о сохранении в фольклоре наиболее ярких отголосков эпохи, когда женщины стояли во главе племенных союзов». Что ж, некоторые авторы считают, что и подвиги Геракла – отражение борьбы с властью женщин на территории Аркадии и Арголиды. Это лишнее подтверждение древности нартского эпоса.

Следует сказать, что как историограф Х.-М. Сабанчиев воспитан на лекциях и трудах В. Г. Мирзоева – выдающегося ученого, одного из основоположников историографии как направления в отечественной исторической науке. Как вспоминает Х.-М. Сабанчиев, Владимир Григорьевич внушал студентам: «Историографы – это элита историков. Каждый

историограф прежде всего историк, но не каждый историк – историограф». Продолжая лучшие традиции историографической школы В. Г. Мирзоева, он в 1984 г. первым в Кабардино-Балкарии защитил кандидатскую диссертацию по историографии, издал монографию.

Талант Х.-М. Сабанчиева, широкая эрудиция специалиста проявились в статье «Актуальные проблемы истории Карачая и Балкарии, историографии и источниковедения», помещенной в предлагаемой книге. Здесь автор определяет направления новых исследований, вытекающие из всей предшествующей работы историков края. Они будут существенным подспорьем новому поколению историков при выборе темы исследования.

Исследуя историографию балкарского народа и определяя новые направления исследований, Х.-М. А. Сабанчиев не мог не оценить работу центра исторической науки в КБР и сделал это в статье «Кабардино-Балкарский НИИ как центр исторической науки в республике». Он сам там работал долгие годы, и возглавлял Кабардино-Балкарский НИИ в это время его соавтор Х. И. Хутуев, ушедший в науку с поста заместителя Председателя Совета Министров республики. Большая статья поражает титанической работой авторов по выявлению, систематизации и анализу научных публикаций под трифом института по археологии, этнографии и истории Кабардино-Балкарии за шесть десятилетий.

Заключительные статьи предлагаемой книги посвящены персоналиям, и выбор их не случаен. «Историк-просветитель М. К. Абаев». «Мисоста Абаева можно отнести к плеяде первых публицистов, чья творческая биография была неразрывно связана с общественной деятельностью... Его справедливо называют родоначальником балкарской историографии». Вторая статья – «Х. И. Хутуев видный государственный деятель Кабардино-Балкарии и крупный организатор науки (к 100-летию со дня рождения)». Об этом прекрасном историке и его вкладе в науку мы уже говорили.

В Кабардино-Балкарии много признанных поэтов и писателей. Мы знаем имена Хабу Кадиева, Керима Отарова, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова. Но героем своей третьей

статьи Хаджи-Мурат Сабанчиев выбрал Магомета Мокаева – своего старшего современника и доброго соседа. Почему? Он был не только новатором в балкарском стихосложении. «Героизм М. Мокаева как поэта проявился в достаточно смелом выборе запретной литературной темы – трагедии депортации. Последствия этой трагической страницы в истории балкарского народа и его страдания были известны Магомету не понаслышке». Его многолетняя работа была обобщена в сонетах, посвященных всем пяти ущельям Балкарии.

Материалы книги имеют пометку о выходных данных. Они показывают, что статьи Х.-М. А. Сабанчиева опубликованы в самых престижных российских научных журналах, что он активный участник Международных и Всероссийских научных конференций. Незаурядные качества ученого, оригинальная и глубокая трактовка исторических событий выдвинули его в ряд ведущих исследователей-кавказоведов.

Надеюсь, что многоплановая и содержательная книга Х.-М. А. Сабанчиева с интересом будет встречена специалистами и любителями истории.

*А. В. Венков,
доктор исторических наук, профессор.
Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН*

Раздел I

ИСТОРИЯ

Держава хана Кубрата и ее наследие *

История возникновения и распада Великой Болгарии хана Кубрата тесно переплетается с проблемой роли протоболгарских племен в этнической и политической истории Северного Кавказа, Волго-Камья, Дуная в раннем Средневековье, проливает свет на истоки этнокультурных связей и параллелей между народами этих регионов.

В V–VI вв. болгарские племена стали широко известны европейским хронистам, особенно византийским и латинским. Затем сведения о них встречаются у целого ряда арабских, сирийских и древнеармянских авторов VII–VIII вв. Письменные источники фиксируют этногеографию болгар, содержат сведения об их политической значимости в международных отношениях, сообщают о правителе хане Кубрате и его сыновьях, вносят важные коррективы для середины VII – начала VIII в.

В источниках и литературе встречается равнозначное написание этнонимов булгары/болгары. Видимо, следует придерживаться тюрколога М. З. Закиева и применять как общее название слово «болгары», а для обозначения волжских болгар – слово «булгары»¹.

Как утверждает профессор С. Г. Кляшторный, ранняя этническая история болгар связана с азиатскими племенами

* Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2016. № 2. С. 19–32.

огуров (огузов). Около 463 г. западная группировка огуров покинула казахско-джунгарские просторы и вторглась в Волго-Донское междуречье и степи Северного Причерноморья. В Приазовье при решающей роли оногурских племен возник племенной союз болгар². В течение нескольких десятилетий они занимали видное место в качестве желанных союзников или опасных противников окружающих стран и играли заметную роль в их политической жизни. В тот период союза с болгарами искали такие могущественные державы, как Византия и Персия. Однако вскоре болгары подпадают в зависимость от авар³.

В середине VI в. Северный Кавказ, включая проживавшие здесь племена и народности, входит в состав сначала единого Тюркского, а после его раздела в 588 г. – Западнотюркского каганатов, в которых правила династия Ашина. В период могущества Тюркского каганата болгары в той или иной мере признавали власть хакана тюрков. Арабские источники изображают хакана западных тюрков на Кавказе как некоего верховного сюзерена многих местных племен, среди которых в 60–80-е гг. VI в. упоминаются и болгары⁴. Болгарский историк Рашо Рашев, анализируя сложившуюся ситуацию, пишет: «В последний трети VI в., попав в вассальную зависимость от авар и тюрков, племена болгарского круга вместе с собственно болгарами получили исторический вызов: исчезнуть или же сохранить себя как независимый политический субъект»⁵.

В 20-х гг. VII в. болгары, официально признавая власть Западнотюркского каганата, практически были самостоятельны. Возглавив союз племен под главенством рода Дуло, болгары во главе с ханом Органом в 632 г. освободились от номинальной зависимости от Западнотюркского каганата. В самом каганате в 30-х гг. начались смуты, а в 50-х гг. VII в. под ударами китайцев происходит крушение государства. С ослаблением позиций Западнотюркского каганата подвластные народы создают самостоятельные политические объединения. В Предкавказье складывается крупная политическая сила – Великая Болгария, как назовут ее греки. Другая такая конфедерация была создана родственными болгарам хазарами.

Болгары занимали значительную территорию. Пределы ее в общем очерчены византийцем Феофаном Исповедником: «...от самого же озера (Меотийского. – Х.-М. С.) и до реки Куфис (Кубань. – Х.-М. С.), где ловится болгарская рыба ксистон, простирается древняя Великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги»⁶. Установлено, что котраги – это сокращенная форма кутригур в византийских источниках.

Что касается численности населения, то по сообщениям Теофана болгары были весьма многочисленны, «как песок у моря».

Болгарский язык, как доказано лингвистами, – тюркский, относился к группе западных тюркских языков. К этой же группе относят язык хазар.

Получив власть от своего дяди Органа, Кубрат внимательно следил за событиями, происходившими в Тюркском каганате, сотрясаемом междоусобными войнами в борьбе за трон. В ходе борьбы против Западнотюркского каганата другие ханы были вынуждены признать верховную власть Кубрата, и это фактически предопределило образование Великой Болгарии.

Основателем государства Великая Болгария стал в 635 г. хан Кубрат (ок. 594–665 гг.), которому удалось объединить под своей властью болгарские и родственные им племена оногуров, утигуров, кутригуров и др. Создание государства происходит в благоприятной для болгар политической обстановке. Византия и Персия начали между собой продолжительные и опустошительные войны и не представляли опасность для болгар. Кубрат полностью посвящает себя организации государства, реорганизовывает армию и общество, разрешает межплеменные и межэтнические противоречия. Расширяя и укрепляя свою державу, он добился независимости от авар, а затем разгромил хазар, населявших северные районы Кавказа⁷.

Кубрат получил прекрасное воспитание и считался одним из самых славных и достойных представителей рода Дуло, который в Тюркском каганате боролся за власть с правящим родом Ашина. Он слыл удачливым полководцем

и умным политиком, заслужил репутацию энергичного и мудрого хана⁸. В период правления Кубрата Великая Болгария достигла своего расцвета и установила свое господство в Предкавказье. Столица государства – Фанагория – находилась на Таманском полуострове. Этот античный город, разрушенный в свое время гуннами, был отстроен болгарами и превратился в центр ремесла и торговли.

Прозападная ориентация Кубрата была закреплена браком хана с дочерью богатого и знатного грека. Династический брак означал установление мирных отношений с сильным и богатым союзником. В результате социально-экономического и политического роста государства его границы расширились, постепенно включая соседние территории⁹. Параллельно с поглощением новых областей происходило заимствование их культуры, в том числе и политических традиций. Успех завоеваний ускорил расслоение болгарского общества, выделение военно-служилой знати и крупных земельных собственников. Формирующийся класс зависимых крестьян составлял основную массу непосредственных производителей.

В период расцвета Великой Болгарии ее владения простирались на востоке почти до Волги, на юге – до Кубани, на западе – до Днепра. Северные границы этого образования определить невозможно из-за их подвижности. Основная территория расселения болгар находилась в Приазовье и в Западном Предкавказье. Именно эти районы у византийских хроникеров Феофана и Никифора называются Великой Болгарией, а подвластные ей области могли охватывать и юг современной Украины¹⁰. Степные просторы Причерноморья-Приазовья уже не были «житницей» Греции. Греческое слово «мегали» переводится не как «великая», а как «большая», т. е. большая по величине территория. Кубрат хотел наладить на завоеванных территориях мирную жизнь. Всех наместников он обязал внимательно рассматривать жалобы подданных и справедливо обращаться с ними.

Великая Болгария являлась раннефеодальным государством. Верховный правитель именовался ханом (глава, вождь), под началом которого находились другие властители,

ниже его по рангу. У хана были дружина и двор, летняя и зимняя ставки, имелась государственная казна.

Основой болгарского общества была военно-политическая организация орда/урда (лагерь, ставка, держава). Государственное устройство страны в какой-то степени было конфедеративным. Территория делилась на области по племенному признаку. Хан посылал в кочевья подвластных племен наместников, что приводило к формированию вассально-сюзеренных отношений¹¹. Формируются административные центры – Фанагория в Тамани, Германасса. Рядом возникли другие поселения, жители которых занимались скотоводством, земледелием и ремеслами. Основная часть населения веда преимущественно полукочевой образ жизни. В кочевых центрах доминировали элементы зимних стойбищ, экономической основой которых было кочевое скотоводство. С постепенным переходом части кочевников к оседлости уже не военная орда, а род или община стали доминировать как единица социума; эволюционировали и общественные отношения¹². «Объединение племенных территорий предполагает преодоление родоплеменного принципа и возрастание значения территориально-административной организации», – пишет Р. Рашев¹³.

В социальном отношении болгарское общество делилось на две основные группы: рядовые общинники и военно-племенная аристократия. Последняя в свою очередь делилась на две категории – высшую и низшую¹⁴.

В правление Кубрата политическое, экономическое и социальное положение в государстве претерпело значительные изменения. Когда в результате завоеваний границы расширились, управление отдельными областями Кубрат в соответствии с традициями степных государств передает младшему брату и сыновьям. Конфедерация ослабляла централизованное управление государством и усиливала центробежные силы, которые проявили себя сразу после смерти хана¹⁵. С переходом к частичной оседлости укрепилась экономика страны, вырос уровень жизни населения. Изменилась и социальная структура общества. Обширность территории способствовала миграции населения, образова-

нию новых благоустроенных центров. Люди стремились жить в городах и административных центрах. В городах происходило смешение культур и традиций. К концу своей жизни Кубрату удалось создать сильное государство, которое контролировало все Предкавказье.

В наследственном праве болгар действовала удельно-лествичная система, согласно которой престол переходил не к старшему по возрасту брату или сыну покойного, а к двоюродному брату или племяннику. Это правило престолонаследия бытовало у гуннов и последующих тюркских народов. Как отмечают исследователи, в ожидании престола близкие родственники хана получали в управление уделы. Лествичная система была установлена с той целью, чтобы власть не оставалась постоянно у одной ветви рода и чтобы ее получали также и родичи по боковой линии¹⁶.

Спорно-судебные дела в большинстве случаев разрешались на основе обычного права. При решении юридических вопросов придерживались обычая клятвы на мече¹⁷. В обычном праве болгар особое место имела субординация: предпочтение левой стороны правой при расположении людей по старшинству, почтительное отношение и прославление хана. При этом хан обязан был соблюдать интересы подданных и защищать их имущество¹⁸.

В семейно-общественном быту сохранились древнетюркские элементы. Из ритуальных действий, помимо клятвы на мече, известны ритуал приема гостей, очищение огнем, использование конского хвоста в качестве военного знамени, ношение амулетов, запрет женщинам появляться без головного убора¹⁹.

В уголовном праве болгар преступление против государства и хана не разделялось. Виновный подлежал смертной казни. В качестве наказаний за воровство применялись увечья²⁰.

Кубрат воспитывался в Царьграде при дворе византийского императора, где и был крещен еще в детстве. Византия облегчала миссионерам дело распространения христианства, разрешая службу на местных языках, переводя Священное Писание на болгарский и другие языки²¹. Элитные слои бол-

гарского общества отказывались от языческих верований и принимали христианство. Принятие родовой знатью болгар христианства определило их место в иерархии народов, где христианство было официальной религией.

Христианизация язычников-болгар не была быстрой и легкой. Несмотря на многократные случаи крещения представителей господствующей верхушки и проповедническую деятельность византийских миссионеров, в обществе были сильны традиционные языческие верования. Главным богом, создателем всего считался Тенгри – высшее божество древних тюрков. По воззрениям болгар, Тенгри был подателем всех благ и всего доброго и почитался как бог неба. В народе был сильно развит культ животных, священных деревьев и рощ. Широко был распространен календарь с 12-летним животным циклом²². Он был настолько совершенен, что комиссии ООН и ЮНЕСКО по разработке проекта всемирного календаря за основу взяли древний болгарский календарь²³.

Во внешней политике Великая Болгария ориентировалась на Византию. Империя завязала отношения с ханом Кубратом. Он поддерживал близкие дружеские контакты с византийским императором Ираклием, от которого получил высокий сан патриция и богатые подарки. Около 641 г. Кубрат заключил с императором дружественный союз. По этому поводу византийский хронист Никифор писал: «К Ираклию Кубрат посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни»²⁴. Это событие имело большое политическое значение для Великой Болгарии – она получила признание на высшем международном уровне как суверенное государство.

Кубрат отличался справедливостью и добротой, но был решителен, строг и требователен, благодаря чему сумел навести порядок в государстве и добиться больших успехов как во внутренней жизни, так и во взаимоотношениях с внешним миром. Чувствуя приближение смерти, Кубрат советует своим пятерым сыновьям жить вместе, беречь единство страны и не враждовать друг с другом²⁵.

Вскоре после смерти хана Кубрата, скончавшегося в 665 г., Великая Болгария распадается. Она была разделена

между его сыновьями, которые стали полуавтономными владельцами своих территорий. Наиболее крупными ордами были две: одну возглавлял хан Батбай, другую – его брат Аспарух. Какое-то время они мирно сосуществовали, кочуя по обширным приазовским просторам²⁶. Однако вскоре сыновья Кубрата, нарушив завет отца, стали соперничать друг с другом из-за верховной ханской власти. Они считали себя обойденными вступлением на престол Батбая.

В Предкавказье наряду с болгарами сложилась и другая крупная политическая сила – Хазарский каганат. Во главе каганата стал род Ашина, неизменный соперник рода Дуло. Хазары считали себя прямыми наследниками Тюркского каганата. Над болгарами нависла угроза со стороны хазар, которых сдерживал Кубрат.

Уже после распада Болгарского объединения хазары решили использовать выгодную ситуацию и в 70-х гг. VII в. начали экспансию на запад. Болгары под предводительством ханов Батбая и Аспаруха оказали хазарам активное сопротивление, но были разбиты. Территория Великой Болгарии стала частью Хазарии. Этническая и языковая близость хазар и болгар привела к слиянию их в единый союз²⁷. Хан Батбай стал вассалом хазарского кагана. Особое место в каганате сохранили оставшиеся жить на его территории потомки Батбая, которые получили название «черные болгары».

Поражение многочисленных «как песок у моря» болгар объяснялось вовсе не военным превосходством хазар. Несомненно, здесь большую роль сыграли несогласия и вражда между сыновьями Кубрата. Другие причины победы хазар связаны с отсутствием у болгар сильной централизованной власти²⁸ и созданием враждебного им хазаро-аланского союза. «Земля алан, – пишет А. П. Новосельцев, – занимала центральную часть Предкавказья и вклинивалась на запад, т. е. в территорию, контролируемую болгарами. Следовательно, для алан было важно освободиться от власти болгар, а потому они и могли пойти на союз с хазарами, жившими на востоке от их территории. Именно союз с аланами помог хазарам сокрушить болгар, изгнать часть их на запад и подчинить остальных»²⁹.

Болгарские орды, вынужденные покинуть свои земли, отправились на юг, север и запад. Подчиненные хану Батбая орды уходят в предгорные и горные районы Северного Кавказа: это верховья Кубани, район Пятигорья и часть территории современной Кабардино-Балкарии. На этих и сопредельных землях источники локализуют четыре племена болгар: Купи-болгар, Дучи-болгар, Огхондор-болгар и Чдар-болгар. Другой сын Кубрата, Котраг, увел свой народ на север, в верховья Дона и Волги. Аспарух, преследуемый хазарами, вместе со своей ордой откочевал на Дунай. Четвертая часть болгар также вытесняется хазарами на запад. Кубер в западной части Балканского полуострова основал славяно-болгарское образование, которое, однако, не выстояло под натиском Византии. Еще ранее группа болгар во главе с Алцеком вместе с лангобардами осела на территории нынешней Италии³⁰.

К концу VII в. болгары расселились на Северном Кавказе, Поволжье, на Балканах, в Северной Италии и приняли активное участие в этнических процессах и политической жизни этих регионов. Та часть болгарских племен, которая осталась на Северном Кавказе, в последующем вошла в состав новых этнических образований края. Среди них – карачаевцы и балкарцы. По мнению некоторых ученых, название «малкъар», по всей вероятности, произошло от этнонима «болгар». Профессор Ю. Н. Дроздов на основе анализа раннесредневековых источников пишет, что правильная форма названия болгар была «балкар». Именно такую форму использовал персидский автор Гардизи в своем сочинении. Разбираясь с семантикой названия балкар, Ю. Н. Дроздов отмечал, что на составные части этот термин делится так: балк-ар. Составляющая «балк» восходит к корневой части глагола «балкырга» – «сиять, светить, излучать свет». Вторая составляющая «ар» – это «муж, мужчина». Название «балкар» в буквальном переводе означает «мужи сияния», или «мужи, излучающие свет». Это наводит на мысль, что термин «балкар» не был этнонимом, а скорее всего названием народа по его религиозным воззрениям, которые были связаны с сиянием, излучением света. Здесь явно подразумевает-

ся солнце. Можно предположить, что семантика термина балкар/болгар могла быть «солнцепоклонники». «Название балкар в фонетическом варианте малкъар сохранилось до сих пор в качестве самоназвания балкарцев. А это значит, что со временем рассматриваемое название приняло семантику этнонима», – заключает Ю. Н. Дроздов³¹. Здесь происходит контаминация начальных «б» и «м» (балкар-малкъар, бий-ик-мийик), характерная для карачаево-балкарского языка.

Примечательно, что участие болгар в этногенезе балкарцев и карачаевцев отразилось в их легендах и преданиях. Еще дореволюционный этнограф Н. Караулов отмечал, что по преданию самих балкарцев, «они представляют собой осколок болгарского народа»³².

В 1959 г. в Нальчике состоялась Всесоюзная научная сессия по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев. Основной итог работы сессии был изложен в следующей формулировке: «Карачаевский и балкарский народы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, черные болгары и, в особенности, одно из западнокипчакских племен»³³.

После этой сессии в Софии появилась работа болгарского историка Ц. Кристановой «К вопросу об этногенезе болгарского народа». Ею было обследовано более 2 тыс. балкарцев и карачаевцев – мужчин, женщин, детей, стариков, и проведено их антропологическое сравнение с дунайскими болгарскими. Ц. Кристановна пришла к выводу, что по данным антропологии балкарцы и карачаевцы – это потомки тех болгар, часть которых во главе с Аспарухом переселилась на Дунай и участвовала в этногенезе дунайских болгар³⁴.

В горах и предгорьях Центрального Кавказа, преимущественно в районе Кавм инвод и в верховьях Кубани, известно множество болгарско-хазарских памятников – городищ, грунтовых могил и крепостей с тюркскими руническими надписями на каменных стенах. Самой мощной была крепость близ нынешнего аула Хумара в Карачаево-Черкесии.

Толщина ее стен местами достигала 5–6 метров. Материалы городища имеют близкие аналогии в инвентаре памятников Волжской Булгарии и Дунайской Болгарии³⁵. Обнаружены болгарские древности и в Кабардино-Балкарии. Найденные памятники северокавказских рунических надписей, по мнению специалистов, принадлежат болгарам или болгаро-хазарам³⁶ и близки по фонетике цокающему диалекту карачаево-балкарского языка.

Болгарский компонент в историко-культурном наследии карачаево-балкарской общности хорошо иллюстрируется материалами языка. Сравнительно-исторические исследования показали, что в карачаево-балкарском языке сохранился значительный пласт протоболгарской лексики и даже грамматических характеристик, подтверждающие существование болгаро-балкаро-карачаевских историко-языковых связей³⁷.

Болгарские реликты наблюдаются в народном календаре карачаевцев и балкарцев. До недавнего времени они вели счет годам по двенадцатилетнему животному циклу. Аналогичный способ летоисчисления в прошлом практиковался у болгар³⁸. Среди балкарцев и карачаевцев до сих пор бытует культ верховного бога Тенгри-Тейри, который являлся верховным божеством протоболгар³⁹.

Именно болгарскими были привнесены в Западную Аланию скальные обряды погребений. Они представляли собой склепы, устроенные в скальных нишах, которые в большом количестве встречаются в ущельях вокруг Эльбруса.

Исследователи приводят значительный лингвистический, археологический и антропологический материал, а также параллели в языческих верованиях болгар, балкарцев и карачаевцев, свидетельствующий о том, что древние болгары явились первым наиболее значительным тюркским компонентом в этногенезе балкаро-карачаевцев и сыграли важную роль в формировании этого этноса.

Значительная часть болгар под предводительством хана Аспаруха ушла на запад, на берега Дуная. Болгары во главе с Аспарухом переправились через Дунай в районе Северной Добруджи и, вступив в союз со славянами, обитавшими на территории нынешней Северо-Восточной Болгарии, об-

разовали славяно-болгарское государство под названием Болгария⁴⁰.

В 680 г. хан Аспарух разгромил войска византийского императора Константина IV. В 681 г. между Византией и Болгарией был подписан мирный договор, в котором Византия признала новое государство и обязалась платить болгарам дань за то, чтобы они не посягали на земли южнее Балканских гор.

Дунайская Болгария продолжила традиции державы Великой Болгарии Кубрата на новой территории. Хан Аспарух проявил себя как дальновидный государственный деятель и предоставил славянам возможность жить в условиях внутренней политической автономии.

После смерти Аспаруха болгарский трон занял его сын Тервел. Талантливому полководцу удалось объединить значительную часть славян, находившихся под византийским владычеством, присоединить другие славянские территории к Болгарскому государству. Тервел обрел такое могущество, что принял участие в междоусобной борьбе внутри Византии и помог восстановить на престол императора Юстиниана II.

Хан Тервел разбил осаждавших Константинополь арабов, спасая Европу от их нашествия кратчайшим путем – через Балканы. За особые заслуги перед Византией его наградили титулом «Кесаря», а Болгария прочно утвердила свое положение на Балканах⁴¹.

Тюркоязычные болгары, оказавшись в окружении славян, через несколько поколений растворились среди них, передав образовавшейся новой славяноязычной народности свое имя и некоторые элементы культуры и быта.

Вторжение в конце VII в. тюркоязычных болгар в Волго-Камье положило начало большим этническим переменам. Здесь они участвовали в этногенезе казанских татар и чувашей, оказали значительное социально-экономическое, культурное и языковое влияние на тюркское и финно-угорское население края. Имея начальный опыт государственности и сильную военную организацию, племенные вожди болгар выступили объединителями местных племен. Вначале они организовали союз племен, а на рубеже IX–X вв. создали раннефеодальное государство – Волжскую Булгарию с центром в городе Булгар.

В политическом отношении Булгария находилась в зависимости от Хазарии. В 922 г. болгарская знать принимает ислам, что означало попытку приобретения суверенитета под идеологическим крылом Арабского халифата. Волжская Булгария стала самостоятельной после разгрома Хазарии Святославом в 60-х гг. X в. С этого времени заметно оживляется политическое, экономическое и культурное развитие страны⁴².

Волжская Булгария конца IX – начала XIII в. была страной городов (учтено до 200 городищ), с относительно развитым скотоводством, земледелием и ремесленным производством. Ее географическое положение на пересечении международного пути Волга-Кама с караванной дорогой с Запада на Восток способствовало развитию торговых и культурных связей с Русью, со странами Кавказа, Передней Азии и Востока⁴³.

Монгольское войско, считавшееся непобедимым, осенью 1223 г. впервые потерпело поражение на территории Волжской Булгарии. На рубеже 1239–1240 гг. Волжская Булгария была покорена монголами, ее территория вошла в Золотую Орду как Булгарский улус. Так же как и русские, болгарские князья получали ярлык на княжение от хана Золотой Орды в его столице Сарай на Нижней Волге и платили ему дань. В XV в. на развалинах Золотой Орды возникли несколько самостоятельных ханств, в том числе Казанское, как продолжение Булгарского государства⁴⁴.

Булгарское культурное наследие сыграло важную роль в формировании культуры коренных народов Поволжья. Учеными выявлено и проанализировано много параллелей в языке, топонимике, материальной и духовной культуре, народном творчестве, языческих верованиях протоболгар, татар, чувашей, башкир и дунайских болгар⁴⁵.

В заключение следует отметить, что образование и существование Великой Болгарии – важная веха в восточноевропейской истории. Вслед за гуннами болгары стали самым мощным и влиятельным народом, вокруг которого произошел процесс объединения степных племен⁴⁶. Наличие собственной государственности и образование Дунайской и Волжской Булгарии свидетельствуют о высокой степени организации болгарского общества.

Хан Кубрат считается одной из наиболее значимых личностей в болгарской истории, опытным и авторитетным державником, объединившим болгар и родственных им племен в мощное государство. Правление хана Кубрата сделало болгар значимым компонентом в государственно-политической жизни средневековой Восточной Европы. С распадом Великой Болгарии жизнь болгарских групп протекала на разных территориях. Они дали толчок будущей болгарской государственности на Дунае и Волге, сыграли значительную роль в консолидации племен, послуживших, с поздними включениями ордынского периода, основой формирования некоторых современных народов Северного Кавказа, Поволжья и Болгарии, а также отдельных элементов их материальной и духовной культуры.

Примечания

1. *Закиев М. З.* Происхождение тюрков и татар. М., 2003. С. 198.
2. *Кляшторный С.* Праболгары в европейских степях // *История татар с древнейших времен: в 7 т.* Казань, 2002. Т. 1. С. 183.
3. *Рахманалиев Р.* Империя тюрков. История великой цивилизации. М., 2015. С. 144.
4. *Ат-Табари.* Тарих ар-русул ва-л-мулук (История пророков и царей). Лейден, 1879. Сер. 1. С. 895.
5. *Рашиев Р.* Великая Болгария // *История татар...* Казань, 2006. Т. 2. С. 36.
6. *Феофан Исповедник.* Хронография // *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 60.
7. *Кляшторный С.* Указ. соч. С. 184.
8. *Петров П.* Образуване на българската държава. София, 1981. С. 132.
9. *Сибгатуллин Ф. С.* Татары и евреи. Казань, 2013. С. 118.
10. *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 90.
11. *Дулимов Е. И., Цечоев В. К.* Происхождение государства и права у народов Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 2006. С. 146.
12. *Артамонов М. М.* История хазар. СПб., 2001. С. 327.

13. *Рашиев Р.* Указ. соч. С. 45.
14. *Петров П.* Указ. соч. С. 172.
15. *Христов А.* Наследники хана Кубрата. Уфа, 2014. С. 50–52.
16. *Дулимов Е. М., Цечоев В. К.* Указ. соч. С. 134; *Рахманалиев Р.* Указ. соч. С. 120, 146.
17. «Отговорите на папа Николай I по допитванията на българите» / Текст и пер. от Дим. Дечев. 2-е изд. София, 1940. С. 37.
18. *Иловайский Д. И.* Начало Руси. М., 2002. С. 226–255.
19. «Отговорите на папа Николай I...» С. 38.
20. *Дулимов Е. И., Цечоев В. К.* Указ. соч. С. 146.
21. *История дипломатии* / Под ред. В. П. Потемкина. М., 1941. Т. 1. С. 100.
22. *Бешиевлиев В.* Верата на първобългарите. София, 1939. С. 34; *Петров П.* Указ. соч. С. 171.
23. *Хакимов Я.* Потомки гордых кочевников // *Забайкальский рабочий.* 1989. 7 мая.
24. *Никифор.* Бrevиария // *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 161.
25. Там же. С. 60.
26. *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1986. С. 21.
27. Там же.
28. *Христов А.* Указ. соч. С. 55.
29. *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 91.
30. *Мингазов Ш. Р.* Наследники Великой Болгарии в Западной Европе // *Филология и культура.* 2012. № 1 (27). С. 201.
31. *Дроздов Ю. Н.* Тюркская этнонимия древнеевропейских народов. М., 2008. С. 232.
32. *Караулов Н. А.* Болкары на Кавказе // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 132, 133.
33. *Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов.* Нальчик, 1960. С. 232.
34. *Кристанова Ц.* Към въпроса за етногенезиса на българския народ // *Исторически преглед.* София, 1966. Кн. 3. С. 33–50.
35. *Биджиев Х. Х.* Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993. С. 158.
36. *Кузнецов В. А.* Надписи Хумаринского городища // *Советская археология.* 1963. № 1. С. 305; *Кляшторный С. Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маячки // *Советская археология.* 1979. № 1. С. 274, 275; *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая

письменность Восточной Европы. Новые аспекты изучения // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1989. С. 256, 257; Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989. С. 266.

37. Байчоров С. Я. Гунно-протобългарско-северокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 44–62; он же. Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к болгарскому языку // Там же. С. 114–139; Соттлев А. Х. О происхождении балкарцев и карачаевцев по данным языка // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 42–47; Хашихожев Э., Балкански Т. Опыт изучения следов протоболгарского языка в языках дунайских болгар, балкарцев и карачаевцев // Проблемы семантики и синтаксиса карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1987. С. 149–160; Хабицев М. А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М., 1989. С. 21, 22.

38. Биджиев Х. Х. Указ. соч. С. 264, 265.

39. Балкански Т., Хашихожев Е. Към въпроса за първобългарския Тангра (Тентри) // Етнография. София, 1984. Кн. 3; Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 162–176; Каракетов М. Д. Традиционные верования // Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М., 2014. С. 409–411.

40. Петров П. Указ. соч. С. 150.

41. Ангелов Д. Хан Аспарух из рода Дуло – основатель Дунайской Болгарии и его сын хан Тервел. Календарь. 1999. Июнь.

42. Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 199; Измаилов И. Образование Булгарского государства // История татар... Т. 2. С. 124–131.

43. Измаилов И. Указ. соч. С. 128.

44. Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994. С. 36–41.

45. Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960; Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969; Кяримуллин А. Г. Татары: этнос и этноним. Казань, 1988; Закиев М. З. Указ. соч.; Христов А. Х. Указ. соч.; Сибагатуллин Ф. С. Указ. соч.; Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Нальчик, 1991 и др.

46. Раишев Р. Указ. соч. С. 47.

Походы монголов на Северный Кавказ в 20–30-х годах XIII века *

На рубеже XII–XIII веков предводитель одного из монгольских племен Темучин объединил все соседние племена. Доминирующими племенами наряду с монгольскими были и тюркские – кераиты, киргизы, меркиты, найманы и конгираты [1, с. 138]. Весной 1206 г. Темучин собрал великий курултай (большое собрание) тюрко-монгольских племен, которые провозгласили его верховным ханом с титулом чингиз-хаган (правитель вселенной). Как считает профессор Р. Гроссе, под предводительством Чингисхана все тюрко-монгольские племена Степи были консолидированы в единую нацию – монголджин улус [2, с. 165]. Чингисхан внушил объединенному им народу идею всемирного владычества и создания единой империи.

С начала своего правления великий хан приступил к решению организационных задач – созданию государства, укреплению армии и администрации. Утверждение своей власти он отметил обнародованием на курултае 1206 г. Ясы. Она представляла собой не просто свод древних законов тюрко-монголов, а новую правовую систему, призванную создать нормы права в соответствии с нуждами новой империи. В своих жестких рамках Яса еще теснее сплачивала народы, близкие по образу жизни, языку, традициям [3, с. 265–267]. Параллельно были заложены основы внутренней структуры государства. Несущей конструкцией государства стала созданная Чингисханом система организации военно-административного аппарата. Принципы, положенные в основу военной реформы, позволили Чингисхану создать самую совершенную в тогдашнем мире армию с четкой системой субординации и железной дисциплиной.

Систематические военные действия Чингисхан стал вести с 1212 г. После завоевания Северного Китая, покорения зна-

* Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 3. С. 65–70.

чительной части Передней и Центральной Азии начались походы Чингисхана на запад. В 1221 г. лучшие стратеги в монгольской армии Джэбэ и Субэтэй получили приказ провести разведку боем на Кавказе и в Южной Европе [3, с. 295].

Достигнув Закавказья, монголы захватили Армению, в 1221 г. нанесли сокрушительное поражение войскам грузинского царя Лаши. Победы Джэбэ и Субэтэя над грузинскими войсками привели к подчинению Закавказья [4, с. 133]. Весной 1222 г. монголы через Дербентский проход направились к Дербенту, но взять его с ходу не смогли. Дербентское укрепление представляло собой мощную стену, протяженностью 40 км от гор до Каспийского моря. Джэбэ и Субэтэй пошли на хитрость, предложив дербентскому правителю Ширваншаху отправить к ним посольство для заключения мира. Он послал десять почетных старейшин. Одного из них монголы казнили, остальным же сказали: «Если вы укажете нам дорогу, по которой нам пройти, то вам будет пощада, а если не сделаете этого, мы убьем и вас» [5, с. 658]. Оставшиеся в живых девять послов вынуждены были указать обходной путь на север. Монгольская армия, преодолевая сопротивление горцев Дагестана, прошла по восточным предгорьям Кавказа и вышла на равнины Северного Кавказа. «Проходя через Дагестан, монголы с присущей им жестокостью убивали, грабили, уничтожали населенные пункты. Они с лакзами обошлись очень жестоко и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей страны и дошли до алан» – сообщает Ибн ал-Асир [6, с. 148]. Монгольская армия совершила беспрецедентный конный рейд длиной около 8 тыс. км.

Аланы внимательно следили за движением монголов. Незадолго до их вторжения на Северный Кавказ аланы объединились с лезгинами и черкесами, заключили союз с предкавказскими кипчаками о совместной борьбе с завоевателями. С этой коалицией, вставшей стеной, столкнулась монгольская кавалерия [3, с. 297]. В кровопролитном и жестоком сражении ни одна из сторон так и не сумела победить. Тогда Субэтэй, стремясь внести раздор в коалицию противника, прибег к помощи дипломатии. Интересные

сведения об этом сохранил персидский хронист Рашид ад-Дин: «Когда они [монголы] пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они [аланы] сообща с кипчаками сразились с войсками монголов; никто не остался победителем. Тогда монголы дали знать кипчакам: "Мы и вы – один народ и из одного племени, аланы же нам чужие: мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платьев, сколько душа ваша пожелает, [только] предоставьте их [алан] нам". Они послали много добра; кипчаки ушли обратно, и монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийств и грабежей» [7, с. 220].

Разгромив остальных членов коалиции, монголы затем расправились и с поверившими их заверениям в дружбе кипчаками. Как пишет Рашид ад-Дин, «монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали» [7, с. 225]. Перебив кипчаков монгольские войска совершили рейд по Приазовью, ворвались в Крым и разграбили крупный портовый город Судак. В ходе рейда чувствительные потери понесли адыги [8, с. 178].

Перезимовав в степях Причерноморья, весной 1223 г. монголы выдвинулись в Приднепровье, куда бежала часть кипчаков. Хан приднепровских кипчаков Котян обратился к своему зятю галицкому князю Роману за помощью и добился заключения с русскими политического соглашения. Монгольские послы, пытавшие отговорить русских от союза с кипчаками, были казнены. Война стала неминуемой [3, с. 297, 298]. 31 мая 1223 г. монголы нанесли жестокое поражение в битве на реке Калке объединенным русско-половецким войскам. Затем опустошили Дешт-и-Кипчак и дошли до русского пограничья. Часть монгольских войск двинулась на волжских булгар, но в столкновении с ними потерпела неудачу, отошла и соединилась с основной армией. По пути домой через Урал-Каспийский проход в Азию, Джэбэ заболел и умер.

Традиционно считается, что поход Джэбэ и Субэтэя 1222–1223 гг. являлся глубокой разведкой в ходе подготов-

ки кампании по покорению западных стран. В современной историографии отстаивается мнение о том, что это была хорошо спланированная военная операция на обширной территории (Закавказье – Северный Кавказ) с целью установления контроля над стратегически важным регионом [9, с. 6; 4, с. 167].

В 1223 г. состоялся созванный Чингисханом большой курултай, куда прибыл и возвратившийся из похода Субэйтэй. Чингисхан был так заинтересован его докладом о совершенном набеге, что выслушивал полководца часами, решив тогда же завещать своим наследникам задачу покорения Европы [10, с. 122].

В августе 1227 г. во время похода на Тангутское государство Си-Ся Чингисхан скончался. Оставленное им громадное государство еще в последние годы его жизни было разделено на четыре удела по числу сыновей от главной жены Борте. Также было предопределено, что завоеванные в Европе земли отойдут к уделу Джучи на западе Монгольского государства. За смертью последнего этим уделом владел его сын Бату.

Два года после смерти Чингисхана прошли в установленном трауре. По прошествии этого срока на созванном в 1229 г. курултае Угедей был провозглашен великим ханом. На этом же курултае произошло формальное утверждение правителем Улуса Джучи Бату и подтверждения его прав на еще не завоеванные земли на западе Европы [11, с. 63–65].

Согласно прежнему указу Чингисхана, Бату приступил к завоеванию Заволжья и Нижнего Поволжья. В ходе этой кампании в степях Прикаспия началась война между монгольским отрядом Субэйтэя и кипчаками, которая продолжалась несколько лет. Упорное сопротивление монголам оказали аланы, адыги и другие северокавказские племена. Однако силы были неравными и завоеватели одержали верх. На исход борьбы оказала влияние разобщенность северокавказских народов. Монгольские завоевания сопровождалось уничтожением десятков тысяч мирных жителей, грабежами, разрушениями городов и сел. Ввергая народы в ужас, мон-

голы создавали иллюзию своей непобедимости: чем больше их боялись, тем меньше им сопротивлялись.

В 1235 г. на очередном курултае в столице Монголии Каракоруме принимается решение организовать общемонгольский поход на Запад, чтобы, как писал Джувейни, «завладеть странами Булгара, алан-асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» [12, с. 85].

Как видно, курултай чингизидов основными силами на пути монгольской экспансии считал булгар, алан и русов. Именно эти народы Восточной Европы оказали войскам Джэбэ и Субэйтэя наибольшее сопротивление в начале 20-х гг. XIII в.

Западные земли рассматривались как территория расширения улуса Джучи, поэтому его сын Бату был облечен званием главнокомандующего. В помощь ему был дан Субэйтэй, как уже побывавший в Восточной Европе, а потому хорошо знакомый с местными условиями. В походе, готовившемся в течение двух лет, приняли участие все лучшие монгольские полководцы. Выполняя указ Угедея, все улусы Монгольской империи направили войска на помощь Бату. 14 царевичей-чингизидов участвовали в походе лично. Общая численность армии составляла примерно 120–150 тыс. человек. Исследователями она складывается из 50 тыс. монгольского войска и 70–100 тыс. воинов из союзных и покоренных народов [13, с. 182, 183].

Монгольская экспансия на Европу началась ранней весной 1236 г. с верховьев Иртыша и с Западного Алтая. Пройдя через Урало-Каспийские ворота, армия Бату в июне была уже на Волге. Осенью монгольские войска переправились через Волгу и взяли города Булгар и Биляр – самые укрепленные и сильные города Волжской Булгарии. После победы над булгарами монголы напали на кипчаков в низовьях Волги. Затем прошли вдоль побережья Каспия и вышли в степные просторы Северного Кавказа. Здесь первыми жертвами монголов стали аланы и проживавшие в прикаспийских степях кипчаки. На их покорение были брошены большие

силы под командованием Мункэ. Аланы и кипчаки были разгромлены, а их предводители погибли в бою [14, с. 32].

Осенью 1237 г. тумены Мунке и Кадана были направлены на завоевание Северо-Западного Кавказа. В течение нескольких месяцев шли упорные боевые действия, в ходе которых монголы нанесли поражение черкесам и убили их «государя по имени Тукара» [12, с. 37]. Затем монгольские войска через Тамань переправились в Крым.

Одной из задач, вставшей перед Бату после успешного похода на Северо-Западный Кавказ, стало окончательное покорение Алании. Весной 1238 г. монголы вторглись в Центральное Предкавказье. Целью похода был захват степной и предгорной зон Алании, ее столицы, перевальных путей в Закавказье. Операция длилась почти год. Аланы оказали захватчикам ожесточенное сопротивление. После полуторамесячной осады монголы с применением стенобитных машин и турмом взяли столицу Алании Магас и разорили значительные территории [14, с. 32].

К началу 1239 г. непокоренным оставался Дагестан. Весной хан Бату отправил войска на завоевание страны гор. В том же году был взят Дербент и монголы перешли к планомерному завоеванию Дагестана. С этой целью они с двух сторон отправили отряды во внутреннюю часть Дагестана. Один отряд двинулся через территорию лезгин, табасаран и агулов. Здесь существовали перевальные дороги, связывающие Южный Дагестан с землями лакцев, даргинцев, аварцев. Второй отряд, опустошив побережья Каспия, вторгся в другие районы Дагестана, беспощадно истребляя население за оказанное им сопротивление. Столица небольшого агульского феодального владения с. Рича противодействовала монгольской войска в течение почти месяца [15, с. 35, 36]. Падение Ричи открыло монголам дорогу во владение Казикумух. Монголы сумели договориться с аварскими феодалами. Правители Аварии вступили в союз с монголами и использовали мощь их военной силы в борьбе со своим политическим противником шамхалом Казикумухским. В начале апреля 1240 г. монголы и турмом взяли с. Кумух, а само селение разрушили [16, с. 228].

Летом 1240 г. монголы сумели в основном завершить покорение Северного Кавказа. Плано Карпини отмечал, что в числе земель и народов, которые побеждены монголами, были «комукы, аланы, тарки и чиркасы» [17, с. 281]. Больше всего от нашествия монголов пострадало население равнинной части края. Чтобы спастись от врага люди переселялись в горные труднодоступные места, другие территории. Значительные контингенты алан во второй половине XIII – первой половине XIV в. появились в Молдавии, на Балканах и в Венгрии [18, с. 43, 44]. Часть дагестанцев нашла убежище в Азербайджане.

Однако нашествие 1236–1240 гг. не привело к повсеместному подчинению населения Северного Кавказа. Не сумев остановить монголов, население перешло к тактике внезапных налетов и набегов на отдельные монгольские отряды. Посол французского короля в Монголии Гильом де Рубрук, описывая положение дел на Северном Кавказе (1253–1256 гг.) отмечал, что черкесы, аланы и дагестанцы продолжали вести борьбу против монголо-татар [19, с. 88, 89, 95]. Видимо, мятежом какой-то части алан был вызван поход хана Менгу-Тимура на асский город Дедяков, который был захвачен, разорен и сожжен в феврале 1278 г. После падения Дедяково организованное сопротивление прекратилось. Только при Узбек-хане в 1327 г. произошло крупное выступление черкесов, во время которого был убит предводитель ордынского войска Хасан [12, с. 92]. Всякое мало-мальски широкое выступление монголы жестоко подавляли, сопротивлявшиеся истреблялись, монгольская власть на местах укреплялась.

Успехи монгольских завоевателей на Северном Кавказе объясняются несколькими причинами. Прежде всего внезапностью их вторжения и тактикой сражений, применяемой монгольскими полководцами. По боевой выучке и стойкости ополченцы заметно уступали монгольским всадникам. Немаловажную роль сыграла также этническая пестрота Северного Кавказа. Разобщенность племен и народов, его населяющих, делало невозможным организацию совместного сопротивления. Оно было часто героическим, но разрозненным. Для достижения своих целей монголы пользовались также феодальной раздробленностью, феодальными и

межнациональными противоречиями в регионе. Даже в этот трагический период истории местные правители так и не сумели объединиться и продолжали враждовать друг с другом.

Последствия монгольских нашествий для народов Северного Кавказа были катастрофическими. В ходе боевых действий политические образования края были разгромлены монголами, прекратили свое существование раннефеодальные государства алан, кипчаков и народов Дагестана. В общественном строе автохтонных народов наиболее характерными стали инволюционные процессы. Аланы, кипчаки, адыги и народы Дагестана, попавшие под власть хана Бату, были включены в монгольскую военно-административную систему и пополняли войска чингизидов. Нашествия сопровождались массовым истреблением мирного населения. Города и селения были превращены в руины, уничтожались памятники многовековых культур. Пришли в упадок сельское хозяйство и ремесленное производство. Монгольское нашествие в корне изменило этническую карту Северного Кавказа и существенно отразилось на процессе этногенеза многих народов региона. Народы Северного Кавказа превратились в данников золотоордынских ханов. Наступил новый период в истории края.

Литература

1. Гасанов З. Царские скифы. Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. Нью-Йорк, 2002.
2. Crousset R. Empire of the Steppes: A History of Central Asia. Rutgers University Press, New Brunswick, New Jersey, 1997.
3. Рахманалиев Р. Империя тюрков. История великой цивилизации. М., 2015.
4. История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань, 2009. Т. 3.
5. Ильминский П. М. Записка из Ибн ал-Асира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны с 1220-го по 1224 год // Ученые записки АН СССР. 1954. Т. 2. Вып. 4.
6. Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль (Всеобщая история) / Пер. с араб. П. К. Жузе. Баку, 1940.

7. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 2.
8. Кагазежев Ж. В. Борьба черкесов за независимость в период монгольских нашествий // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2010. № 3.
9. Хизриев Х. А. Из истории освободительной борьбы народов Северного Кавказа против татаро-монгольских завоевателей // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979.
10. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Уланста, 1991.
11. Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006.
12. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2.
13. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004.
14. Гутнов Ф. Х. Монгольские походы на Северный Кавказ // Кавказский сборник. М., 2010. Т. 6 (38).
15. Ибрагимов И. Г. Борьба агулов с татаро-монгольскими завоевателями в первой половине XIII века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3.
16. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2 т. М., 2005. Т. 1.
17. Плано Карпини Д. История монголов, именуемых нами татарами // История монголов. М., 2005.
18. Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
19. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Ред., вступ. ст. и прим. Н. П. Шастиной. М., 1957.

Золотая Орда и народы Северного Кавказа *

Обычно создание Золотой Орды как автономного государства внутри Монгольской империи связывают с именем хана Бату, сына Джучи¹. Золотая Орда – общепринятое обозначение северо-западного удельного владения монгольской империи, а также государства, возникшего на основе данного улуса. Это понятие появилось на страницах русских документов в XVI в. Официальным же наименованием было «Улус

* Вопросы истории. 2017. № 10. С. 64–78.

Джучи» – по имени первого правителя. Владения Золотой Орды простирались от устья Дуная и Карпат до верховья Иртыша и Алтая. Во второй половине XIII и первой половине XIV в. Золотая Орда становится крупнейшим государственным образованием средневековой Евразии².

Основу населения Золотой Орды составляли покоренные монголами тюрко-финно-угоро-славянские народы Средней Азии и Восточной Европы. На юге империи было немало представителей кавказско-иберийских и ираноязычных народов. Среди полиэтнического населения Золотой Орды доминирующее положение занимали тюркоязычные этносы – носители кипчакских и частично огузских наречий³.

За период своего существования Золотая Орда оказала значительное влияние на политическое, экономическое, культурное и этническое развитие входивших в ее состав народов.

Профессор М. Крамаровский писал: «Определяющей тенденцией развития Золотой Орды оказалось стремление к объединительным процессам, часто насильственным. Шли они внутри разных этнических групп одновременно на нескольких уровнях: консолидация, ассимиляция, интеграция. В процессах консолидации участвовали родственные по языку и культуре народности преимущественно тюрко-монгольской группы. В ассимилятивных процессах преобладающее значение получили кипчаки европейской зоны степей. Интеграция различных по своим языковым и культурным признакам этносов привела к появлению в Дешт-и-Кипчак новой этнополитической общности – золотоордынской. Речь при этом идет не о едином этносе, а об этническом конгломерате, собирательном образе «огосударственного» населения. Монголы составили в этой среде этническое меньшинство: в Дешт-и-Кипчак пришла армия, а не народ»⁴. Особенностью становления и развития Золотой Орды как империи было то, что она, являясь объединенным силой оружия союзом различных народов, имевших свои культурно-исторические традиции, по прошествии определенного времени создала особую цивилизационную модель, с общим

историко-культурным наследием которой многие народы современности связывают свое прошлое⁵.

Земли Северного Кавказа после монгольских походов 20–30-х гг. XIII в. вошли в состав Золотой Орды. Только территории к югу от Дербента (Южный Дагестан) попали под власть ильханов – Хулагуидов.

По своему этническому составу население Северного Кавказа было довольно пестрым. Наиболее многочисленными этническими группами были аланы, адыги, дагестанцы (лестги), вайнахи и тюркоязычные кипчаки, обитавшие на обширных пространствах Дешт-и-Кипчака, в том числе в степях Северного Кавказа. В социальном отношении эти народы находились на разных уровнях развития: одни – на догосударственном с институтами военно-демократического характера, другие – в процессе создания ранней государственности⁶. Они занимались скотоводством, земледелием, охотой, ремеслом и торговлей. В золотоордынских владениях на Северном Кавказе встречались армяне, грузины, евреи, выходцы из Руси и кочевое население (монголы, черные клобуки, борганы). Оседлые и кочевые жители городов и поселений стали активными участниками этнокультурных и этнополитических процессов, определивших тенденции дальнейшего развития края⁷.

Основой административно-территориального деления золотоордынского государства была улусная система. «Сущность ее составляло право феодалов на получение от хана определенного удела – улуса, за что владелец его принимал на себя определенные военные и экономические обязательства»⁸. Согласно сведениям итальянского монаха Плано Карпини, Северный Кавказ в 40-х гг. XIII в. представлял собой седьмой улус Золотой Орды, который был отдан Бату-ханом под управление своего брата Берке⁹. Территория его находилась в северокавказских степях, где лежал торговый караванный путь – через дербентский проход на Средний Восток. Во главе улуса стоял наместник хана, обладавший всей полнотой исполнительной и судебной власти. В обязанности чиновников рангом ниже входило проведение переписей населения для налогообложения, контроль за лояльностью

местных правителей, надзор за поведением подчиненного населения и сбор его в ополчение по приказу из центральной ставки хана. Размеры и сроки взимания налогов и дани, распределение пастбищ и прочие хозяйственные вопросы тщательно фиксировались в особых книгах, которыми ведали специальные чиновники. Ордынский чиновник Аргун в 1256 г. произвел первую перепись населения Северного Кавказа¹⁰.

Главной статьей доходов в Золотой Орде были торговля и таможенный сбор, который не превышал пяти процентов от стоимости товаров. Но казна пополнялась и за счет налогов. Так, «татарская десятина» – это минимальная налоговая ставка, десятая часть скота, зерна, а потом и денег, которую следовало отдавать в общегосударственную казну. Было несколько видов дани: «дань кровью», т. е. людьми, в виде девушек для гаремов, отработочной ренты и других¹¹. Кроме того, местное население облагалось повинностью, включавшей предоставление лошадей для нужд почтовой станции¹².

По требованию золотоордынских ханов, покоренные народы предоставляли им войска для службы. Современники отмечали, что в золотоордынских войсках находились русские, аланские, черкесские и кипчакские отряды, участвовавшие в военных походах. Полководцы и воины из их среды стали одной из самых боеспособных сил Золотой Орды¹³.

Жизнь государства и общества регулировала Великая Яса (в дословном переводе – «Великий» или «Основной Закон»), представлявшая собой свод законов и воинский устав и являвшаяся важным идеологическим документом. Она состояла из двух частей – собственно Ясы и Билика. Яса включала 58 статей административного, уголовного, гражданского и семейного права с установлением соответствующего наказания за их неисполнение. Билик (мудрость) представлял собой сборник изречений и воззрений Чингисхана, составлявших теоретическую часть свода из 30 статей¹⁴. Чингисхан лично продиктовал все пункты этого свода законов и повелел: «Знай и делай!» В Ясе содержалось узаконение о том, что все веры без различия должны быть терпимы и что служите-

ли всех религий, как посредники в общении с Всевышним, должны быть освобождены от всяких податей и налогов.

Большинство жителей Золотой Орды в XIII в. оставались язычниками и исповедовали веру в Тенгри. Ордынский хан Берке получил мусульманское воспитание и при нем была предпринята первая попытка внедрения в Золотой Орде ислама. В 1314 г. хан Узбек объявил ислам официальной религией своего государства. Новые каноны утверждались различными способами, включая и меры исключительные. Так, Узбек-хан «умертвил нескольких эмиров и знатных лиц и убил множество вельмож», отказавшихся принимать ислам. Исламизация осуществлялась и через среднеазиатских переселенцев – духовных лиц, проповедников, знатоков права. Благодаря их активной деятельности создавалась разветвленная сеть мусульманских учреждений, строились мечети и формировались религиозные общины. В результате Улус Джучи превратился в мусульманский султанат¹⁵. Единая религия сплотила подданных вокруг хана, приобщила тюрко-монголов к достижениям мусульманской науки¹⁶. Хан Узбек высоко ценил ученых, строил мечети и медресе, тратил большие средства на благотворительность. Вместе с мусульманской религией правящий двор Золотой Орды воспринял и восточную городскую культуру.

Оказавшись оторванными от метрополии, правители Золотой Орды считали необходимым ограничить произвол и дать возможность оседлому населению и жителям городов накопить имущество, восстановить хозяйство, создав таким образом основу для систематического налогового обложения¹⁷. Власть монголов над населением в большинстве покоренных земледельческих областей в конце концов оказалась опосредованной местной феодальной верхушкой. По словам египтянина ал-Омари, на Северном Кавказе монголы сохранили «местных царей... у алан и черкесов», признавших их власть.

Проживавшие в горах и предгорьях аланы и черкесы, хотя и были включены в состав Золотой Орды, но имели некоторую автономию и постоянно тревожили набегами близлежащие золотоордынские владения. В течение многих

лет монголы были вынуждены держать «на земле асов» свои гарнизоны. Посол французского короля в Монголии Гильом де Рубрук, посетивший в 1253 г. владения Бату, писал: «Аланы на этих горах все еще не покорены. Так что из каждого десятка людей Сартаха (сына Бату-хана и наследника трона Золотой Орды. – Х.-М. С.) двоим надлежало караулить ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине»¹⁸. Если же учесть, что Северный Кавказ при Бату-хане стал частью личного домена золотоордынских ханов, то правители Золотой Орды были заинтересованы в установлении здесь спокойствия¹⁹. Ханская администрация добивалась лояльности местных правителей в обмен на признание их сословных привилегий, но исключительно на правах сюзеренитета-вассалитета. Процесс сохранения, а затем и формирования прозолотоордынской социальной элиты на Северном Кавказе был призван гарантировать стабильность политической обстановки в регионе. С помощью правителей – аланов и черкесов – монголы влияли на других горцев Северного Кавказа; пытались через них опосредовать свою власть в приграничье с хулагуидскими владениями²⁰.

Улусы Джучи и Хулагу почти столетие (1262–1357 гг.) вели между собой ожесточенную борьбу за контроль над Восточным Кавказом и Закавказьем. Ее прямым следствием было установление Золотой Ордой тесных связей с мамлюкским Египтом. Свою роль в этом сыграли принятие ислама в Орде и сильные позиции в этом государстве кипчаков и черкесов-бурджитов, выходцев из Северного Кавказа²¹. Начиная с 1261 г., стороны обменивались посольствами, а в 1263 г. султан Бейбарс и хан Берке заключили первый альянс против хулагуидского Ирана²².

Укрепившаяся местная аристократия Северного Кавказа, поддерживавшая Золотую Орду, при случае предпочитала становиться союзником ее противников – Хулагуидов Ирана. В 1278 г. Хулагуиды вступили в тайный сговор с горцами Восточного Кавказа и аланами, спланировав совместный поход через Дербентский и Дарьяльский проходы вглубь Северного Кавказа. По мнению Е. И. Нарожного, штурм, захват и грабеж ханом Менги-Тимуром в феврале 1278 г.

города Дедякова был не только упреждающим ударом, но и показательной-устрашающей акцией против своеволия аланской аристократии²³.

В Улусе Джучи выходцы из Северного Кавказа жили и за пределами родных гор. Магрибский путешественник Ибн Баттута сообщает о кварталах асов и черкесов в столице Золотой Орды – Сарае. Известно об аланских и черкесских общинах в подвластном Улусу Джучи Крыму. В их среде сформировалась определенная чиновничья прослойка, возвысившаяся на золотоордынской службе. Плано Карпини в 1246 г. побывал в русском селении, где начальником был алан Михей. Черкес Зихабей являлся наместником в Тане²⁴.

В условиях относительно мирной обстановки второй половины XIII и первой половины XIV в. возобновилась хозяйственная жизнь. Согласно арабскому летописцу ал-Омари, черкесы и асы (аланы) – это «жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т. е. водится скот. – Х.-М. С.), текут реки и добываются плоды...»²⁵.

На Северном Кавказе золотоордынского времени основным занятием населения оставались земледелие и скотоводство. Источники свидетельствуют, что сельское хозяйство в некоторых районах Северного Кавказа было высокопродуктивным, в особенности производство зерновых. Зерно стало одной из важнейших статей торговли с причерноморскими итальянскими колониями, через Кафу вывозилось в Трапезунд и Самсун, реализовывалось в Крыму²⁶.

Оживление экономики равнинной и предгорной зон Северного Кавказа происходило в первой половине XIV в. Регион стал второй после Поволжья хлебной житницей Золотой Орды, активно развивалось скотоводство. Горцы разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец и коз. Северный Кавказ, славившийся своими армаками, был одним из коневодческих районов Золотой Орды. Пастбища Северного Кавказа использовались ордынцами под зимние стойбища. Здесь устанавливались хозяйственно-культурные и экономические взаимоотношения с местным населением. Горцы и степняки обменивались знаниями, опытом ведения

хозяйства, делились достижениями в улучшении пород скота, его скрещивании. На наличие на Кавказе особой породы скаковых лошадей, возникшей в результате скрещивания местной и знаменитой среднеазиатской ахалтекинской породы, указывает Ю. А. Прокопенко²⁷.

Земледельческо-скотоводческое хозяйство дополнялось домашними промыслами. Ремесленное производство продолжало традиции домонгольского периода. Больших успехов достигла обработка металла, дерева, кожевенное и шерстяное производство. Значительное место отводилось ювелирному и оружейному делу. Интересно свидетельство Рубрика об аланах, как искусных ремесленниках и оружейниках: «И когда мы добрались до опасного перехода, то из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами»²⁸.

Изделия прикладного творчества горцев представляли собой причудливое сочетание разных культур. Поразителен серебряный кубок из Белореченского кургана Кубани. Внутри него над дном находится ажурная решетка с возвышающейся посередине фигуркой птицы. Когда в кубок наливалась жидкость, создавался эффект плывущей по воде птицы, а мелкий орнамент серебряной сетки вибрировал под колеблющейся поверхностью вина²⁹.

Широкое распространение получило мастерство камнетесов. До наших дней в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Балкарии, Карачае и Осетии сохранились памятники каменного зодчества: башни, крепости, мавзолеи и надмогильные сооружения.

С установлением стабильности и спокойствия в Улусе Джучи возобновился торговый путь через Дербент на Ближний Восток. На Северный Кавказ товары направлялись по Чёрному, Азовскому и Каспийскому морям, Волге и сухопутными путями. В конце XIV в. хан Менгу-Тимур позволил итальянским коммерсантам из Генуи обосноваться в Крыму, и там поднялись их торговые города. Только на восточном побережье Чёрного и Азовского морей в XIV в. существовало

39 таких поселений. Административным центром всех мелких факторий был город Кафа. Отсюда вывозилось в Италию различное продовольствие и сырьё, а в обмен итальянцы предлагали ткани и ремесленные изделия из стекла, металла, кожи. Крупная итальянская торговая колония Тана располагалась в устье Дона у золотоордынского города Азака. Здесь сходились водные и караванные пути из столицы Золотой Орды, Руси и Северного Кавказа³⁰. Предметами вывоза с Северного Кавказа были самшит, скот, лошади, меха, шерсть, различные сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия. Рабы и, в особенности, рабыни являлись немалой ценностью для ордынских хозяев и перепродавались ими с большой выгодой купцам-работоторговцам³¹. Большинство невольников продавались в мусульманские страны, преимущественно в Египет, где многие из мужчин становились воинами-мамлюками в гвардии султана³².

Международная торговля приносила ханам огромный доход, поэтому они старались сделать дороги и рынки безопасными для купцов. Территорию страны монголы связали почтовой связью (ямная служба), учредили новую торговую пошлину – тамгу и получали немалые доходы с покоренного населения. Для иностранных купцов, торговавших с Золотой Ордой, был составлен даже специальный словарь – «Кодекс Куманикус». Он содержал параллельный перевод слов и фраз на персидский, латинский и половецкий языки. Торговые доходы и налоговые поступления обеспечили приток серебра для денежной реформы 1310–1311 гг., в ходе которой в Золотой Орде впервые была введена единая собственная монета – сарайский дирхем³³.

Нашествие монголов нанесло страшный удар по людским ресурсам края. В результате значительно возросла хозяйственно-экономическая роль зависимых людей и рабов-пленников. Плано Карпини сообщает в своих записках, что при взятии осажденного города «татары спрашивают, кто из них (жителей) ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают»³⁴.

Мастера различных специальностей нужны были Орде для строительства городов, зданий, для изготовления ору-

жия, украшений, керамики – всего того, чем впоследствии был знаменит Улус Джучи. В создании урбанистических центров Золотой Орды, ее пестрой и яркой материальной культуры был использован способ принудительной концентрации ремесленников из разных стран ³⁵.

Кроме того, монголы использовали пленных мужчин, годных к военной службе. Плано Карпини писал, что «люди собираются на войну со всякой земли державы татар» ³⁶. По требованию золотоордынских ханов покоренные народы предоставляли им воинов. Многие из них оседали в золотоордынских городах.

Захваченных в рабство использовали и для домашних работ, здесь особенно ценились черкешенки и русские женщины. В 1465 г. некая флорентийская синьора писала сыну: «Раз ты женишься, тебе необходимо будет взять рабыню: ... какую-либо татарку, которые все выносливы в работе, или черкешенку, отличающуюся здоровьем и силой, или русскую, которые выдаются красотой и сложением» ³⁷.

Сразу же после стабилизации политической ситуации правители Золотой Орды стали проводить активную градостроительную политику. Заметное оживление в этой области произошло при хане Берке. Города, разрушенные в период военных действий в оседло-земледельческих районах, были восстановлены. Взлет золотоордынского градостроительства и архитектуры произошел в первой половине XIV в. при ханах Узбеке и Джанибеке ³⁸. Наиболее урбанизированными областями являлись Хорезм, Поволжье, Северный Кавказ и Крым.

Появление городов у монголов явилось следствием образования государства и формирования его внутренней политической и экономической структуры. Изменения в жизни кочевого общества требовали создания стационарных центров, где сосредоточивался управленческий чиновничий аппарат, связанный со сбором налогов и дани, приемом многочисленных послов, ведением дипломатической переписки и т. п. Развитию городов в Золотой Орде способствовало также принятие новой религии – ислама. Развернулось возведение различных культовых сооружений и духовных школ ³⁹.

В домонгольский период единственным городом на Северном Кавказе был Дербент. При господстве Золотой Орды появились крупные города и целые оседлые районы. На первом этапе города строились как центры региональной власти для обслуживания интересов кочевой элиты и богатого купечества ⁴⁰.

Своего рода административным центром всего северокавказского региона был город Маджар. Он располагался на реке Куме, на месте нынешнего гор. Буденновска. Город был построен в первой половине XIV в. на пересечении торговых путей, соединявших центр Золотой Орды с Кавказом и западными районами, Азаком и городами Крыма. Наивысшего расцвета Маджар достиг во время правления Узбека и Джанибека. Ибн Баттута описывал Маджар как «город большой, один из лучших турецких городов, на большой реке, с садами и обильными плодами» ⁴¹. Население было полиэтническим и поликонфессиональным, но основными жителями являлись кипчаки. Кроме того, здесь проживали монголы, выходцы из Средней Азии, Ирана, Руси, Волжской Булгарии. Значительную часть жителей составляли мусульмане, многочисленным было и христианское население. Результатом полиэтничности явилось смешение культурных традиций и возникновение новой синтетической городской культуры, характерной для большинства городов Золотой Орды ⁴².

В Маджаре, как и в других золотоордынских городах, было множество культовых и общественных зданий – мавзолеев, мечетей, церквей и жилых домов, сооруженных из жженного кирпича и камня, украшенных разноцветными изразцами. Жители города занимались ремеслом и сельским хозяйством. Было развито гончарное производство, резьба по камню, металлообработка, кожевенное производство и обработка шерсти ⁴³.

На высоком уровне находилось городское хозяйство. Археологами выявлены остатки ремесленных мастерских, общественной бани и водопровода, снабжавшего население водой по керамическим трубам.

Город был крупным торговым центром, стоявшим на шелковом пути, проходившем через Северный Кавказ в бо-

гатую Византию. О развитии внешней торговли свидетельствуют находки монет из русских княжеств, Византии, Закавказья, Ирана, Средней Азии, Китая и Индии ⁴⁴. На базары Маджара свозились продукты экспорта со всего Северного Кавказа. О важном политическом и экономическом значении города свидетельствует то, что он имел право чеканить свои монеты.

Маджар также являлся центром мусульманской культуры. Здесь было множество культовых зданий. Ибн Баттута посетил в Маджаре соборную мечеть и скит. Для захоронения наиболее знатных жителей возводились мавзолеи (около 50). Архитектурные формы некрополя характерны для различных регионов Средней Азии. На тесную связь с другими мусульманскими странами указывает распространение арабской письменности, образцы которой прослеживаются на многочисленных эпиграфических памятниках ⁴⁵.

У балкарцев и осетин-дигорцев были популярны этногенетические предания, согласно которым их предки являются выходцами из местности Маджар. Причем в этих преданиях они связывали с маджарцами не только предков, но и родоначальников феодальных династий балкарцев и дигорцев – братьев Басията и Бадината. Исследователи маджарского цикла балкарского и осетинского фольклора полагают, что, поскольку ассимилировавшие алан кипчаки были выходцами из Предкавказской степи, главным городом которой стал к тому времени Маджар, то закономерным следствием этномиксации явилось появление нового «проэтноса», известного в устной традиции народов региона под именем «маджары» ⁴⁶. Но это было не единственным наименованием рассматриваемой общности. Некоторые авторы склонны полагать, что понятие «маджар» и «малкяр» этимологически равнозначны. При этом они исходят из того, что один из легендарных предков балкарцев по имени Малкяр фигурирует в преданиях как пришелец с равнины, из местности Маджар. Но в XIV столетии оба эти наименования могли обозначать одну и ту же общность – смешанное алано-кипчакское население плоскостной Алании.

Судя по преданиям, продвижение маджарцев в горы было постепенным. Вначале они пришли из степи в предгорья, где обитали вплоть до появления кабардинцев на Центральном Кавказе, а затем стали продвигаться в высокогорную зону, где ассимилировали остатки горных алан. Арабский географ XIV в. Абу-л-Фида называл алан «народом тюркской расы», а по словам Иоганна Шильтбергера, побывавшего в городе Татартупе в самом начале XV в., местные христианские священники проводили богослужение на «татарском» языке ⁴⁷.

В золотоордынское время на берегу р. Терек близ нынешнего гор. Майского появился гор. Нижний Джулат. Он возник на месте небольшого аланского поселения более раннего времени. Одним из основных факторов, способствовавших интенсивному развитию и росту Нижнего Джулата явилось его выгодное географическое положение близ места пересечения важнейших военно-торговых путей из Приазовья и Восточного Причерноморья в Дербент и из Юго-Восточной Европы через Дарьял в Закавказье. Основу хозяйства жителей как в домонгольский, так и в золотоордынский период составляли земледелие и скотоводство. Нижний Джулат входил в систему поселений, которая к XIV в. превратилась в один из крупнейших земледельческих районов Северного Кавказа ⁴⁸.

Город являлся центром керамического производства. Существовали металлургические и металлообрабатывающие мастерские. О ткачестве свидетельствуют находки различных пряслиц. В золотоордынское время усовершенствовалась техника металлургического производства, прядение и ткачество получили дальнейшее развитие. Наличие импортных предметов и нумизматический материал свидетельствуют о широких торговых связях. Некоторые из монет были отчеканены в Крыму и Сарае ⁴⁹.

В конце XIII–XIV в. религиозным и административным центром стала территория цитадели Нижнего Джулата. Здесь находились мавзолеи и крупнейшая на Северном Кавказе соборная мечеть. Свод мечети поддерживался 48 колоннами, стоявшими в четыре ряда. Под полом строе-

ния находился подземный склеп-мавзолей, где было погребено несколько знатных людей⁵⁰. Мечеть являла собой типичный образец культовых построек Золотой Орды. Нижний Джулат был одним из опорных пунктов распространения ислама, центром ремесла и торговли.

Третьим крупным городом золотоордынского времени являлся Верхний Джулат или Татартуп (Татарский стан). Он располагался близ современного с. Эльхотова. Верхний Джулат стал быстро разрастаться на основе крупного аланского городища. Здесь продолжали проживать кавказские народы и сохранялась местная традиционная культура. На небольшой площади археологами выявлены остатки трех мусульманских мечетей с минаретами и трех христианских храмов, сложенных из квадратного кирпича стандартных размеров⁵¹. Церкви размещены на окраинах города, тогда как мусульманские памятники тяготеют к центральной городской площади, вымощенной булыжником. Это свидетельствует о том, что центр города был заселен господствующей мусульманской прослойкой золотоордынцев⁵². Одна из мечетей была открыта у основания известного татартупского минарета – единственного историко-архитектурного памятника XIV в. эпохи Золотой Орды на Северном Кавказе. О выдающемся значении Верхнего Джулата в средневековой истории народов Центрального Кавказа говорит и то, что его развалины являлись местом особого почитания и суеверного поклонения балкарцев, кабардинцев, ногайцев, осетин⁵³. В XIV в. Верхний Джулат стал крупным экономическим центром Северного Кавказа. Одновременно город был опорным пунктом для монгольского гарнизона, охранявшего выход на равнину из Дарьяльского ущелья, а также Эльхотовские ворота⁵⁴.

Северокавказские города являются ярким отражением различных вариантов возникновения и развития урбанистических центров в Золотой Орде. Ордынцы объективно способствовали их росту. Города обеспечивали возможность политического и идеологического воздействия со стороны Золотой Орды на местное население⁵⁵.

Все золотоордынские города Северного Кавказа располагались близ трассы крупного торгового пути, шедшего из

Грузии к золотоордынским центрам Поволжья и Сарая – столице монгольских ханов. Поэтому Орда была заинтересована в росте и укреплении своих опорных пунктов в Предкавказье.

Города Маджар, Нижний и Верхний Джулат, Азак, Кафа стали местами концентрации, переработки и перераспределения основной массы продуктов и товаров дальнего импорта.

Отличительная особенность всех золотоордынских городов – это этническая пестрота населения. В 30-х гг. XIV в. в столице Золотой Орды существовали черкесский, аланский и кипчакский кварталы. Наряду с ними в золотоордынских городах проживали русские, армяне, персы, а также выходцы из Западной Европы, Хорезма и арабских стран. М. Крамаровский указал на важную особенность – отсутствие в городах империи расовой или религиозной сегрегации⁵⁶. Естественно, в этих условиях происходило взаимообогащение культурных традиций.

Господствующим классом в Золотой Орде являлись монгольские феодалы и военно-служилая знать кипчаков. Собственно монголы в Орде оказались в меньшинстве и растворились в преобладающей массе кипчаков, о чем достаточно красочно в 40-х гг. XIV в. писал ал-Омари: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда ими завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, и все они стали точно кипчаки»⁵⁷. Возможно речь идет и об изменении физического облика монголов под влиянием кипчаков, во внешности которых преобладали европейские черты.

Процесс этномиксации затронул и Северный Кавказ. Поскольку основным населением Орды были половцы, то начался неизбежный процесс кавказско-кипчакского этнического симбиоза и синтеза. Мощная миграция кипчаков с предгорной равнины в горы после нашествий монголов и Гимура была последним импульсом в тюркизации части аланыхтонов Северного Кавказа.

В XIV в. основным языком общения в степи и городах Золотой Орды были различные диалекты кипчакского языка. Этот язык, известный под названием «тюрки», стал деловым, политическим и официальным литературным языком государства⁵⁸. Ордынская духовная элита обращала особое внимание на развитие тюркского языка и письменности. Самыми значительными тюркоязычными литературными памятниками XIII–XIV вв. являются «Мухаббат-намэ» ал-Хорезми и «Китаби Гулистан» Сейфа Сарай. Достаточно полные сведения о кипчакском языке содержатся в половецко-персидско-латинском словаре «Кодекс Куманикус». Тот факт, что при хане Тохтамыше кипчакский язык стал официальным языком Улуса Джучи, имел чрезвычайно важное значение в судьбах тюркоязычных народов. Это привело к унификации и своеобразной нивелировке всех тюркских языков и наречий⁵⁹.

Все это способствовало окончательной тюркизации предков современных тюркских народов Северного Кавказа, говорящих на языках кипчакской группы: карачаевцев, балкарцев, кумыков и ногайцев. Неудивительно, что языки этих народов состоят в близком родстве с языком кипчаков. Об этом свидетельствует и «Кодекс Куманикус», составленный в 1303 г. и предназначенный для европейских купцов, торговавших с Ордой. Кипчакские слова и выражения обнаруживают большое сходство с языком карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев. О том же говорит и сам факт принадлежности этих языков к кипчакской группе тюркских языков⁶⁰. Этнографический материал позволяет констатировать наличие тюркских элементов почти во всех сферах материальной и духовной культуры этих этносов – жилищном зодчестве, национальном костюме, быту, декоративно-прикладном искусстве, языческом пантеоне, фольклоре и т. д.

В золотоордынскую эпоху был дан импульс возникновению на Северном Кавказе новых этнополитических сообществ. Рассмотренные выше этнокультурные и этноязыковые процессы привели к образованию балкарцев и карачаевцев. В XIII–XIV вв. окончательно оформился этнический тип и

основные черты культуры и быта осетин и вайнахов. После нашествия Тимура начался процесс обособления восточных аланов в отдельную народность – кабардинцы⁶¹.

Золотоордынский период был временем распространения исламской религии, обрядности и культуры среди горцев Северного Кавказа. До прихода монголов мусульманство в регионе присутствовало только в Дагестане. В XIV–XV вв. ислам стал распространяться на Центральном и Северо-Западном Кавказе, где до этого господствовали языческие культы и христианство православного толка. Аланская епархия действовала на Кавказе до 1366 г., а зихская – до 1398. Хан Узбек не был религиозным фанатом и демонстрировал толерантность к различным религиям. Об этом свидетельствуют археологические и письменные источники, описывающие наличие православных церквей в Маджаре, Верхнем Джулате, Азаке и на Тамани.

Правители Золотой Орды поддерживали мусульманское духовенство Северного Кавказа, жертвовали средства на строительство зданий для религиозной практики и обучения, обеспечивали их исламскими учеными. Ибн Баттута упоминает соборную мечеть г. Крыма, которую хан Узбек построил в 1314 г., рассказывает об ученых, читавших проповедь, включая юриста и профессора из алан. В Азаке он встречал религиозного судью и студентов, в Маджаре остановился в странноприимном доме шейха из Ирака⁶². Некоторые из священнослужителей принадлежали к местным этническим группам, получившим образование в мусульманских центрах прибрежной полосы Северного Кавказа⁶³. В XIV в. были сооружены мечети в Маджаре, местности Татартуп, в порокище Нижний Джулат и других местах.

Исламизация края сопровождалась формированием новых социальных прослоек и групп населения. В источниках упоминаются эмиры, шейхи, муфтии, кади и т. д. В золотоордынское время суд стал носить прецедентный характер. Высшей судебной инстанцией при рассмотрении уголовных, административных и религиозных правонарушений являлись кади (судья) и эмир. Ибн Баттута сообщает о разделении обязанностей между участниками суда: «Что

касается к делам религиозным, то решает кади, другие же [дела] решают эти эмиры»⁶⁴.

В Золотой Орде и на подвластных территориях существовала практика приспособления монгольского закона Ясы к мусульманскому праву – шариату. В нем были кодифицированы нормы построения жизненного пути мусульманина от рождения до смерти и даны нормы права, морали, религии и т. д. На Северном Кавказе получила распространение практика разделения компетенции шариата и правовых обычаев, к которым при некоторых условиях можно отнести и Великую Ясу. Примерно с середины XIV в. мусульманское право вытеснило монгольское, и основным источником права стал Коран. Е. И. Нарожный, анализируя сложившуюся ситуацию, писал: «Усиление роли ислама в государственной жизни, активное расширение мусульманской элиты, особенно на местах, вероятно, приводило и к увеличению роли мусульманского права и судопроизводства, естественно, вытеснявшего старые, монгольские принципы системы организации и управления обществом, на новые. Преобладающая роль ислама, вероятно, должна была означать полное вытеснение или же – утрату опоры на "Великую Ясу"»⁶⁵.

Общественную жизнь мусульман наряду с шариатом регулировали нормы обычного права – адата. Поэтому в монгольское время получил развитие правовой плюрализм, т. е. одновременные действия в едином правовом пространстве шариата и обычного права. На практике шариатский суд старался не вмешиваться в решения, принятые по обычному праву⁶⁶.

В новые времена у народов Северного Кавказа имена эпических героев связывались с историческими персонажами века: Чингисханом – крылатый Хьандзаргас, Бату-ханом – Сайнаг (от Саин-хан), Берке-ханом – Балгеа, темником Ногаем – Нокай. В Ногайской орде сложилось сказание об Идиге – Едигее, «татарском хане»⁶⁷. Но главным было сохранение лучшего из богатого устного наследия, созданного в домонгольский период, и, прежде всего, основных циклов нартского эпоса.

Особый след в устном творчестве горцев оставили опустошительные нашествия монголов и Тимура. До сих пор народная память хранит предания о борьбе с чужеземными поработителями, конкретно привязывая отдельные события прошлого к той или иной местности⁶⁸.

Влияние Золотой Орды отчетливо прослеживается и в генеалогических преданиях горцев о происхождении влиятельных фамилий. Значительная часть феодальной элиты народов Северного Кавказа ведет свое происхождение от выходцев из Орды и деятельностью выдающихся предков объясняет разделение общества на сословия, обосновывая политические функции аристократических фамилий⁶⁹.

Существовавшие у тюрко-монголов обычаи не отпускать на сторону вдову с сыновьями, заботиться о них, традиция совместного проживания постаревших родителей с младшим сыном, которому и доставался дом и двор, – о чем писал Рубрук, – находит аналогии и в семейном быту народов Северного Кавказа⁷⁰.

Таким образом, помимо разрушительных последствий монгольского завоевания, вхождение Северного Кавказа в состав Золотой Орды имело и определенные положительные стороны. В истории народов Северного Кавказа это был первый опыт многовекового общежития в составе мировой империи. В XIII–XIV вв., несмотря на разорительное нашествие монгольских феодалов и их гнет, шел постепенный процесс экономического и культурного возрождения народов региона и развития феодальных отношений. Введение ислама благотворно отразилось на общем уровне культурной жизни. Золотоордынские города края стали крупными культурными центрами, средоточием исламской учености и премудрости. Многонациональный состав населения, обширные международные связи Золотой Орды способствовали тому, что культура народов Северного Кавказа испытала на себе влияние культур народов Поволжья, Средней Азии, Закавказья, Ирана. Значимы последствия золотоордынской эпохи в этнической и политической истории Северного Кавказа. Мощь централизованного и сильного золотоордынского государства, развитая система управления, общеизвестная

веротерпимость – все это способствовало политической и экономической стабильности в регионе, подъему производительных сил, развитию торговли и ремесел. Однако процесс политико-экономического возрождения Северного Кавказа в золотоордынский период был прерван вторжением среднеазиатского эмира Тимура.

Примечания

1. Рахманалиев Р. Империя тюрков. История великой цивилизации. М., 2015. С. 338.
2. Греков Б. Д., Якубовский Я. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
3. Егоров В. А. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 155.
4. Крамаровский М. Великая Орда Златая. Улус Джучи как цивилизация // Родина. 2003. № 11. С. 62.
5. Сибагатуллин Ф. С. Татары и евреи. Казань, 2013. С. 349.
6. Кадырбаев А. Северо-Западный и Центральный Кавказ в эпоху Золотой Орды // В кн.: История татар с древнейших времен. Казань, 2009. Т. 3. С. 486.
7. Нарожный Е. И. Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия // Автореф. дисс. докт. ист. наук. Владикавказ, 2007. С. 32.
8. Егоров В. А. Указ. соч. С. 163.
9. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 117.
10. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 22.
11. История Осетии. Владикавказ, 2012. Т. 1. С. 310.
12. Гмыря А. Восточное Предкавказье в XIII–XIV вв. // История татар... Т. 3. С. 499.
13. Вернадский Г. Монголы и Русь. Тверь, 1977. С. 298.
14. Хара-Даван. Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, 1991. С. 136–145.
15. Трепавлов В. В. Золотая Орда в XIV–XV веках // Преподавание истории в школе. 2004. № 2. С. 26.

16. Али-Заде А. Хроника мусульманских государств I–VII веков хиджры. М., 2007. С. 376.
17. Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 87.
18. Путешествия в восточные страны... С. 186.
19. Егоров В. А. Указ. соч. С. 194.
20. Нарожный Е. И. Указ. соч. С. 17.
21. Кагазежев Ж. В. Черкесия в эпоху князя Инала и его ближайших потомков (XIV – пер. пол. XVI в.). Нальчик, 2013. С. 60.
22. Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 335.
23. Нарожный Е. И. Указ. соч. С. 22.
24. Кадырбаев А. Указ. соч. С. 491.
25. Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 103.
26. Гутнов Ф. Х. Монгольские походы на Северный Кавказ // Кавказский сборник. М., 2010. Т. 6 (38). С. 40.
27. Прокопенко Ю. А. К вопросу о находках золотоордынских монет в Центральном Предкавказье // Из истории земли Ставропольской. Ставрополь, 1996. С. 31.
28. Путешествия в восточные страны... С. 165.
29. Горшкова В. «Клейменный» Фёдор князь // Родина. 1997. № 3, 4. С. 68.
30. Егоров В. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай... // Там же. С. 76.
31. Пушкарёва Н. Полонянки // Там же. С. 59.
32. История Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 204.
33. Трепавлов В. В. Указ. соч. С. 25.
34. Путешествия в восточные страны... С. 54.
35. Полубояринова М. Русские в Золотой Орде // Родина. 1997. № 3, 4. С. 53, 54.
36. Путешествие в восточные страны... С. 55.
37. Луцкий И. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV–XV вв. Киев, 1886. С. 41.
38. Егоров В. А. Историческая география... С. 78.
39. Там же. С. 168, 169.
40. Крамаровский М. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар... Т. 3. С. 575.
41. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 287.

42. Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2015. С. 60.

43. Там же. С. 35–38.

44. Пачкалов А. В. Иноземные монеты на Маджарском городище // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа»). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 78.

45. Маджар и Нижний Джулат. С. 60.

46. См.: Батчаев В. М. «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988, С. 160–177; *его же*. Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа истории Северного Кавказа) // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. С. 86–99; Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1988; Малкондуев Х. Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII в.). Нальчик, 2015.

47. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394-го по 1427 г. Баку, 1984. С. 34.

48. Маджар и Нижний Джулат. С. 140.

49. Там же. С. 139.

50. История Северного Кавказа... С. 200.

51. Кузнецов В. А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2014. С. 7.

52. История Осетии. Т. 1. С. 314.

53. История Северного Кавказа... С. 201.

54. История Осетии. Т. 1. С. 314.

55. Маджар и Нижний Джулат. С. 178, 179.

56. Крамаровский М. Город и городская жизнь... С. 589.

57. Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 235.

58. Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 90; Золотая Орда в мировой истории. С. 218.

59. Улаков М. З. Очерки истории карачаево-балкарского языка. Нальчик, 2005. С. 58.

60. Баскаков Н. А., Баскаков А. Н. Современные кыпчакские языки. Нукус, 1987. С. 8.

61. Голубев Л. Э. Социально-экономическое и политическое развитие адыгов в XIII–XV вв.: дисс. канд. ист. наук. Майкоп, 2004. С. 103.

62. Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 322.

63. Шамильоглу Ю. Высокая исламская культура Золотой Орды // История татар... Т. 3. С. 594.

64. Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 311, 312.

65. Нарожный Е. И. Указ. соч. С. 33.

66. Дулимов Е. И., Цечоев В. К. Происхождение государства и права у народов Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 2006. С. 320, 322.

67. Крамаровский М. Великая Орда Златая... С. 73.

68. Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973; Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978; Малкондуев Х. Х. О нашествии Тимура на Центральное Предкавказье по данным фольклора и топонимики // Исторический вестник. 2005. С. 345–361; *его же*. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (кон. XIV–XVIII в.). Нальчик, 2015.

69. Барзbieв М. И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – нач. XX века. Нальчик, 2000. С. 84–89.

70. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.

Борьба Тимура с Токтамышем и его сторонниками на Северном Кавказе (1385–1396 гг.) *

В самом конце XIV столетия Северный Кавказ становится ареной решающей схватки полчищ Тамерлана с войском золотоордынского хана Токтамыша. События, связанные с крушением Орды под ударами Тимуровских отрядов, ознаменовали собой переломный этап не только местной истории, но предопределили дальнейший ход истории всей Восточной Европы и Западной Азии ¹.

Основатель империи Тимуридов эмир Тимур происходил из тюркского племени барлас. Будучи мужественным

* Вопросы истории. 2022. № 6 (2). С. 113–122.

и решительным воином, целеустремленным и умелым политиком, он рвался к власти и в 1370 г. стал властителем Мавераннахра. Подданным Тимур объявил, что будет именоваться титулом Великий Эмир, и что править он будет под знаменем ислама². В течение трех десятилетий фактически непрерывных войн эмиру удалось создать огромное государство и сделать его одной из крупнейших держав того времени. Обосновавшись в сердце Центральной Азии, Тимур взял на себя роль наследника Чингисхана и мечтал восстановить монгольскую во всем величии.

Потомок хана Джучи Токтамыш своим приходом к власти был обязан эмиру Тимуру. Сначала он возвел его на трон Белой Орды, а в 1380 г. помог молодому и энергичному чингизиду стать ханом Золотой Орды. Токтамыш взошел на трон после почти двадцатилетнего периода внутренних смут и кровавой резни в правящей верхушке Золотой Орды. Вполне естественно, что главной заботой Токтамыша были восстановление былого могущества Золотой Орды и возвращение государства в разряд великих мировых держав³. В период своего правления Токтамыш объединил Золотую Орду, создал сильную армию. Держава приобретала мощь и динамизм, стала одним из могущественных суверенов Центральной Азии.

Тимур опасался золотоордынского великодержавия и пытался установить там свое политическое влияние. Он хотел иметь стабильного и предсказуемого соседа, чтобы обеспечить безопасность Мавераннахра во время своих дальних и длительных военных походов. «Исходя из этих соображений, Тимур оказывал всестороннюю военно-политическую помощь Токтамышу, — пишет востоковед Р. Рахманалиев. — В лице молодого Токтамыша Тимур видел политически неопытного, но верного нукера, который сможет надежно прикрыть Мавераннахр с севера, обеспечив тем самым полную свободу рук эмиру Тимуру в южном секторе геополитического горизонта»⁴.

До последней четверти XIV в. отношения между Сараем и Самаркандом оставались безоблачными. Конфликт между двумя союзниками начался после того, как Токтамыш, укрепившись на ханском престоле, без оглядки на Тимура

стал активно продвигать экономические интересы золотоордынской политической элиты и купечества, желавшего торговать в Азии широко и беспоплавно⁵.

Интересы Токтамыша и Тимура пересеклись в Иране, через который шел основной поток товаров с Востока. Каждый из них хотел контролировать торговые пути и грабить караваны. Между ханом и эмиром началась ожесточенная борьба за отрезок шелкового пути. В 1385 г. Тимур решил установить свое влияние в Центральном Иране и Азербайджане. Чтобы не допустить Тимура в Азербайджан, Токтамыш послал против него крупное войско. Его встретили тимуровские отряды под командованием Мироншаха, сына самого эмира, и нанесли поражение; в плен попали несколько высокопоставленных ордынцев⁶.

Тимур пытался уговорить Токтамыша отказаться от агрессивных действий и направил ему письмо с предложением снова стать друзьями. Но тот не согласился. Токтамыш занялся формированием мощной армии и вступил в сговор с эмиром Моголистана Камар ад-Дином — злейшим врагом Тимура.

Воспользовавшись отсутствием Тимура, союзные войска в 1387 г. напали на Мавераннахр с севера и востока. Они осадили Бухару, окружили Самарканд, разорили многие окрестные города и разрушили несколько дворцов. Тимур срочно вернулся из Ирана и со своей армией двинулся навстречу врагам. В феврале 1387 г. Тимур вошел в столицу. Получив известие об этом, союзники отступили⁷. Армия Тимура преследовала золотоордынскую конницу, нанося ей большой урон. Эмир захватил и разорил один из крупнейших городов ордынцев — Хорезм. За Хорезмом настала очередь Моголистана. Война продолжалась до весны 1389 г. и окончилась поражением Токтамыша. Наиболее тяжелыми для золотоордынского хана были потеря военно-политических позиций в Хорезме и значительного числа отборных войск⁸.

Тимур горел желанием отомстить Токтамышу за опустошительные набеги на города чагатайцев. В начале февраля 1391 г. эмир собрал курултай, на котором царевичи одобрили решение Тимура совершить большой поход на владения Токтамыша⁹. 21 февраля мощная армия двинулась в север-

ном направлении. Всадники эмира совершили сложный переход через пустыню. Появление Тимура оказалось для Токтамыша неожиданным: он получил известие о движении войска противника лишь в конце апреля. Поэтому Токтамыш отступал, используя тактику выжженной земли, чтобы армия Тимура не смогла пополнить запасы продовольствия. Хан старался избегать прямого столкновения с армией Тимура, надеясь на то, что у войск эмира закончится продовольствие и он повернет обратно. Несмотря на то что всадники и кони испытывали серьезные трудности с продовольствием и фуражом, Тимур продолжал преследование Токтамыша. В середине мая армия Тимура достигла Тобола, а в июне форсировала Яик. Токтамыш был вынужден оттянуть войска к Средней Волге, в район Самары. Здесь армия Тимура настигла основной лагерь врага, и битва стала неизбежна. Основное сражение произошло 18 июня 1391 г. в междуречье Кундурчи и Сока, севернее современной Самары. По разным данным в этом сражении принимало участие до 400 тыс. воинов. Битва проходила с переменным успехом. Сначала инициатива была у Токтамыша, но предательство части войска склонило чашу весов. Кровавое сражение закончилось очередным крупным поражением Токтамыша. Большая часть его разбитой и потерявшей управление армии обратилась в бегство, много воинов утонуло в Волге. Токтамыш с большим трудом спасся от смерти, бежал за Волгу и скрылся в степях¹⁰.

На Кундурче был нанесен сильный удар по Золотой Орде, ее военные силы были серьезно подорваны. Яркую победу Тимур отметил грандиозным праздником. Однако победа не была полной: Тимуру не удалось окончательно решить судьбу Токтамыша, положить конец существованию его государства. Победа досталась Тимуру дорогой ценой. Его армия была сильно потрепана в кровопролитной битве, и он не стал продолжать военные действия. Похоронив павших в битве воинов, эмир вернулся в Мавераннахр.

Токтамыш стал готовиться к реваншу. К началу 1393 г. почти вся территория Золотой Орды вновь оказалась в руках Токтамыша, он начал формировать мощную армию. Вой-

ско комплектовалось из тюрко-монголов и из покоренных народов Руси, Крыма, Северного Кавказа и других стран. Чтобы изолировать Тимура на международной арене, Токтамыш в 1394 г. заключил союз с султаном Египта Баркуком, установил контакты с Литвой и Грузией, искал сближение с Османским султаном Баязитом¹¹.

Узнав о приготовлениях Токтамыша и его набеге осенью 1394 г. на Ширван, Тимур отдал распоряжение своим войскам готовиться к походу. Но прежде он отправил Токтамышу письмо-ультиматум, где писал, что у хана есть выбор между войной и миром. Выбрав войну, получишь смерть, предупреждал хана эмир. По утверждению Шараф ад-Дина Изеди, Токтамыш был готов к компромиссу, но под давлением золотоордынской элиты отклонил это предложение и «...в ответе своем на письмо Тимура написал грубые выражения»¹². Разгневанный эмир решил, что с Токтамышем надо покончить и избавиться от угрозы северным границам своего государства.

Зиму 1394–1395 гг. Тимур переждал в Араксе, приведя в порядок свои войска перед походом. В феврале 1395 г. он двинулся на Северный Кавказ, где в это время находились основные силы Золотой Орды. Сбив передовые отряды Токтамыша на реке Кой-Су, войско Тимура в марте вышло на равнину Северного Кавказа. К тому времени Токтамыш укрепился на левом берегу Терека, приказал соорудить фортификационные укрепления, чтобы не дать войску эмира переправиться через реку. Но Тимур применил хитрость, перешел Терек, смяв фортификационные сооружения ордынцев¹³. 15 апреля 1395 г. основные силы сошлись в битве на равнине между реками Курой и Тереком.

Это было одно из крупнейших сражений в мировой истории. Численность войск была примерно равной, а потому битва была крайне ожесточенной и кровопролитной. Сражались даже главнокомандующие – Тимур и Токтамыш¹⁴.

Вначале сражение шло с переменным успехом, некоторый перевес был на стороне ордынцев, которые чуть было не захватили в плен самого Тимура¹⁵. Гвардейцы поспешили к нему на выручку и спасли его. На второй день обе сторо-

ны понесли большие потери, но ни одна из них не сумела добиться решающего успеха. Перед третьим днем в стане Токтамыша начались раздоры. Военачальник правого крыла Актау потребовал наказания другого ордынского военачальника – Иса-бека, вошедшего в тайную связь со своим братом Едигеем, находившемся в лагере Тимура. После полученного от хана отказа, Актау покинул фронт сражения и увел с собой до 10 тыс. воинов¹⁶. В войсках ордынцев возникла паника, которой воспользовался Тимур. На исходе третьего дня битва завершилась полным разгромом ордынцев, Токтамыш бежал в сторону Булгара. Тимур праздновал победу. Эта была самая тяжелая из всех его войн. Он пал ниц посреди поля сражения и возблагодарил Аллаха за исход битвы, в которой он был близок к поражению и собственной гибели¹⁷. Преследуя побежденных, войска Тимура вторглись в Поволжье, Южную Русь и Крым. Разоряя и разрушая на своем пути города и поселки, угоняя в рабство население, Тимур подрывал экономический и военный потенциал Золотой Орды. Битва на Тереке предопределила дальнейшую судьбу Золотой Орды, стала одной из причин ее упадка. Она больше не смогла возродить свое бывшее могущество и перестала быть угрозой Мавераннахру и другим государствам.

Тимур продолжал уничтожать остатки войска Токтамыша и его союзников. Осенью 1395 г. он повернул на Северный Кавказ и всей мощью своего войска обрушился на горцев. Дело в том, что народы Северного Кавказа, будучи подданными Орды, выступали в войне на стороне Токтамыша. Вместе с тем они преследовали и собственную цель – защитить свои земли от экспансии Тимура. Аланы и черкесы составляли наиболее боеспособные части ордынского ополчения и нанесли наибольший урон войскам Тимура. Этому он стал свидетелем в битве на Тереке.

В сочинениях персидских авторов Низам ад-Дин Шами и Шараф ад-Дин Йезди довольно подробно описаны походы Тимура на Северном Кавказе. Хронисты указывают, что Тимур начал военные действия с западной части Северного Кавказа, затем переместился к центру и завершил их покорением восточной части региона. Эмир не собирался присо-

единять эти земли к своему государству, это были обычные карательные походы против врага.

Северный Кавказ был второй после Поволжья хлебной житницей Золотой Орды. Города Дербент, Маджар, Нижний и Верхний Джулат и др. являлись центрами ремесла и торговли. Целью нашествия Тимура было нанести максимальный урон людским ресурсам и экономике Северного Кавказа, как части Золотой Орды. Сначала он направил своего старшего сына Мироншаха, внука султана Мухаммед Мирзу и эмира Джаханшаха Бахадира на Кубань – покорять черкесов. Видя преимущество сил Тимура, черкесы подожгли сухую траву. В результате от бескормицы пало много лошадей и награбленного скота, служившего провиантом армии. В наказание войска Тимура прошли по Нижней Кубани, и, согласно Йезди, «ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу»¹⁸. После завершения похода, войска собрались в лагере Тимура в окрестностях Бештау (Пятигорье) и широко отпраздновали победу¹⁹.

Затем Тимур двинулся вверх по Кубани. После этого похода в Прикубанье прекратили свое существование Сентинский храм и поселок Аланской христианской епархии на Нижне-Архызском городище, были разрушены многие крепости²⁰. В районе горы «Эльбурз» (Эльбрус) он обрушился на владения Буракана и Буриберди, которые являлись правителями народа асов (алан). Шами повествует: «У неверных было много крепостей, защитники их мужественно сражались, но их всех одолели победоносные войска» и «взяли бесчисленную добычу из имущества неверных»²¹. Исследователи полагают, что эти события развернулись на территории современных Карачая и Балкарии²².

Следующий поход был совершен в область Кулу и Тауса, жители которой, также «принадлежали к племени обитателей Эльбурза». Экспедицией руководил сам Тамерлан. Йезди сообщает: «У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, ...у смотревшего на них мутился глаз и папка валилась с головы, ...пущенная стрела туда не долетала»²³. Жители области Кулу и Тауса

упорно сопротивлялись. В армии Тимура служили искусные горовосходители из племени мекритов из Памира, специализировавшиеся на боевых операциях в горных условиях. Обследовав местность, они соорудили несколько длинных лестниц. Поставив их на уступ скалы, достигли второго, потом третьего уступа, где находилась крепость. Пока одни поднимались снизу, другие воины на канатах спустились сверху. По свидетельству хронистов, в ходе сражения было убито и взято в плен множество защитников крепостей Кулу и Тауса²⁴.

Краевед Т. Б. Шаханов полагал, что остатки крепости Кулу сохранились в Баксанском ущелье в местности Кала-кол близ сел. Былым²⁵. Крепость Тауса располагалась около 4 км южнее. Ее вершина примыкала к скале, а справа и слева были небольшие сооружения, которые играли вспомогательную роль при обороне основной крепости²⁶. Через Былым пролежала горная тропа в сопредельное Чегемское ущелье. Чегемцы часто беспокоили войска Тимура, когда те штурмовали крепости в верховьях Баксана. Тем не менее, следующий поход Тимур начал против эмира Пулада, в крепости которого укрылся Утурку – один из самых высокопоставленных командующих войск Токтамыша во время битвы на Тереке. По пути отряды Тимура один день провели в местности Балкан, в названии которого многие исследователи видят искаженное Малкъяр – название Черекского ущелья Балкарии. Персидский автор Низам ад-Дин Шами вероятно сблизил это название с тюркским «балкан» – «лесистые горы»²⁷. Очевидно войска остановились в районе Голубых озер, откуда начинается покрытая густым лесом Черекская теснина. В верховьях этого ущелья сохранились развалины башни Болат-къала.

Тимур послал Пуладу (Болату) письмо с требованием выдать Утурку. Пулат ответил в соответствии с нормами кавказского гостеприимства: «Утурку нашел у меня убежище, и пока (у меня) душа будет в теле, я его не выдам и, пока смогу, буду защищать и оберегать его»²⁸. Тимур приказал рубить лес, чтобы по просеке обеспечить продвижение войск в ущелье. О разыгравшемся сражении Йезди сообщает:

«Крепость находилась в чрезвычайно недоступном ущелье. А тамошние жители, заняв вход в ущелье и отрекшись от жизни, начали отчаянно сражаться»²⁹. Тимур с невероятными трудностями одолел крепость Пулада, истребил и ограбил его защитников. Сам Пулад, скорее всего, погиб в бою, но Утурку удалось уйти. По словам Шами, он «занял крепость Кабчигай и ущелье и начал игру с жизнью»³⁰, т. е. продолжил борьбу. Видимо речь идет о теснине Къапчигай в Чегемском ущелье, которая примыкает к сел. Верхний Чегем с севера³¹. Это было самое узкое и удобное для обороны место в ущелье.

Обычно перед сражением военачальники Тимура вывешивали белые флаги. Это означало, что, кто примет предложение о сдаче, будет помилован. Затем вывешивались красные флаги. Это означало, что все будет залито кровью. Наконец вывешивались черные флаги – будет уничтожено абсолютно все. В Чегемском ущелье Тимур применил жесткий метод устрашения, здесь развивались только черные флаги. По преданиям балкарцев, защитники несколько дней мужественно оборонялись, но, не выдержав натиска, отступили и повторно встретили врага у городища Лыгыт. Сопротивление местных жителей было сломлено, после чего, как пишет Йезди, «взяли в плен и сожгли всех этих осужденных в ад»³². Чтобы не попасть в руки завоевателям, несколько девушек поднялись в гору над аулом и, совершив акт саможжения, бросились со скалы. Скальный массив, возвышающийся над северо-западной окраиной сел. Верхний Чегем, по сей день называется «Къызла кюйтен къая» – Скала порезших девушек. Сохранилась и песня-плач, посвященная этому событию³³.

Тимур снова упустил своего опасного врага Утурку. Он бежал в Приэльбрусье, но на этот раз великий мирза Мириншах пленил его и доставил к Тимуру³⁴.

Хронисты Тимура отмечали религиозную направленность его походов, писали о «многих сражениях с врагами веры» в христианских центрах, которых предавали «мечу и плаху». В районе Верхнего Чегема находился центр Кавказской митрополии, который подвергся безжалостному

разрушению и разорению полчищами Тамерлана³⁵. При этом тимуриды жесточайшим образом обошлись с «неверными», учинив настоящую резню. Из черепов казненных Железный хромец воздвигал целые пирамиды³⁶. Так называемые «туры Тимура» в Чегемском ущелье³⁷ – это были не обычные каменные туры, а пирамиды из отрубленных человеческих голов.

Когда операции были окончены, войска Тимура вновь собрались на Золотом холме в Пятиторье. Война в горах была тяжелой и изнурительной, воины нуждались в отдыхе, чтобы подготовиться к новому походу.

После кратковременного отдыха Тимур вторгся в область Симсим, локализуемую в современных Чечне и Ингушетии. Правителя этой области звали Гайер Хан или Кырбек. Страна имела удельное деление, часть равнинного населения, по видимости, исповедовала ислам. Так сына Гайер Хана звали Мухаммед, и он имел в своем управлении удел и подвластных. В горной части Симсима, вероятно, жило языческое население: Шами рассказывает о множестве уничтоженных языческих святилищ.

Основное сражение Тимура с ополчением Симсима состоялось на подступах к предгорьям Чечни. Войско Тимура одним ударом овладело плоскостной частью области. Тогда, по словам Йезди, сын Гайер Хана Мухаммед «повязавшись поясом повиновения и послушания», перешел со своим уделом и подвластными на сторону Тимура и, «удостоившись чести целования ковра, вступил в число слуг двора»³⁸. Однако не пожелавшая покориться завоевателю часть населения Симсима отступила и заняла в горах неприступные места для продолжения борьбы. После нескольких дерзких вылазок нахов, Тимур лично отправился против них высоко в горы. Придворные историографы сообщают, что здесь было много неприступных мест, укрепленных башнями и крепостями, которых завоеватели захватывали и разрушали, а защитников, связав, сбрасывали в пропасть³⁹. Исследователи полагают, что в горы Симсима Тимур вошел через Аргунское ущелье, а затем двинулся с запада на восток пока не дошел до Андийского хребта. Накал боев был столь велик, что отряды

Тимура в пылу боев забрались в такие места, с которых ни конному, ни пешему нельзя было затем спуститься, «а следовало оттолкнуться и скользить вниз»⁴⁰. Шами подчеркивает, что и сам Тимур «подвергался этим ужасам и опасностям» в горах Симсима⁴¹. На его территории войска Тамерлана с великой жестокостью истребляли население, разрушали крепости, церкви и капища. Одновременно подверглись разгрому и горные районы Осетии – Дигория и часть Алаверского ущелья⁴².

Покорив область Симсим, Тимур совершил набег на Аулар, пограничный район между Дагестаном и Чечней, а затем пошел на земли Дагестана. Разорив территорию аварцев, пришел по земле кумыков и области Бешкенд, правители которых проявили покорность и получили от Тимура союзы – земли в наследственное владение с правом взимания с их жителей налогов и податей⁴³. Дальнейшие его действия проходили в районе Андийского Койсу, откуда он прошел за Гиркк и основал свою зимнюю стоянку в низовьях р. Кумы в местности Богаз-Кум. Чтобы расплатиться с воинами, Тимур отдал им на разграбление Сарай-Берке, столицу Золотой Орды, и лично посетил Хаджи-Тархан (Астрахань), где был радушно встречен правителем Мухаммади⁴⁴. Попутно он истребил население, называемое в хрониках Балыкчи (рыбаки, жившие на островах у северо-западного побережья Каспийского моря)⁴⁵. Военные действия временно останавливались лишь в периоды резкого похолодания зимой.

Весной 1396 г. Тимур возобновил военные действия в Дагестане. Преодолев сильное сопротивление, он взял город Алмак и разорил его. Затем по хребту Салатавских гор подошел к укрепленным селениям, главным из которых было сел. Батаух. Салатавцы защищались, не зная страха смерти, но были разгромлены. Их укрепления были разрушены, а жители переселены в низменные места⁴⁶.

Переправившись через Кой-су и Сулак, Тимур осадил город Каддар. Чтобы вынудить город к сдаче, он пошел на хитрость. Тимур начал вести с осажденными переговоры и под видом подарков для раздачи в городе послал туда множество сундуков, в которых находились вооруженные воины,

которые начали захват города изнутри. После короткого боя войска вошли и захватили богатые трофеи.

Тимур все глубже проникал на территорию Дагестана и дошел до местности Ушкуджа (Усиша), откуда разослал карательные отряды в соседние земли для захвата добычи. В ходе сражения за селения Дарги и Муха на помощь к защитникам подоспело объединенное войско аварцев и лакцев во главе с шамхалом Казикумухским. Сражение закончилось победой Тимура и гибелью шамхала. Спастись от смерти удалось лишь немногим. Своими действиями тимуровские войска устроили жителей Зерехгерена и Кайтага, и те запросили мира⁴⁷. Прибывших с «повинной», Тимур пытался обратить в ислам, наставлял воевать с его противниками. По отношению к обращенным народам он проявлял доброту, но очень жестко обращался с покоренными немусульманскими народами.

В центральном Дагестане Тимур завоевал крепости Нергес, Мика, Белу, Деркелу и сравнял их с землей. После этого вернулся в Дербент, распорядившись произвести там восстановительные работы. Тимур не закрепил за собой Северный Кавказ, а ограничился разорением, после чего он со своим войском прошел через Ширван и провел несколько дней на берегах Куры, где Ширваншах Шейх Ибрагим устроил в его честь роскошный пир⁴⁸.

О периоде нашествия Тимура на Северный Кавказ горцы сохранили цикл песен и преданий. В фольклоре Тимур выступает как сугубо отрицательный персонаж – «кровожадный», «беспощадный», «жестокий» и т. д.⁴⁹ По мнению Х. А. Хизриева, из всех народов Северного Кавказа наиболее весомо предания о Тимуре представлены в устной традиции балкарцев⁵⁰.

Имя завоевателя глубоко запечатлелось в топонимике Северного Кавказа, особенно Балкарии. Здесь сохранились топонимы Камень Аксак Темира, Ставка Аксак Темира, Конная ставка Аксак Темира, Место стоянки Аксак Темира, Сторожка Аксак Темира, Ров Аксак Темира, Кровавые камни Аксак Темира и др.⁵¹

Многочисленные предания рассказывают о массовом героизме и героической борьбе горцев за свою независимость. Мужество, стойкость и терпеливость предков отложились в исторической памяти народов Северного Кавказа, что впоследствии помогало им выстоять и пережить трудные периоды в их жизни. Во время депортации балкарского народа в 1944 г. старшие подбадривали земляков: «Крепитесь! Народ, переживший бездну Тимуровского ада, не исчезнет никогда»⁵².

Таким образом, Золотая Орда в конце XIV столетия за сравнительно короткий промежуток времени потерпела три сильнейших поражения от полчищ Тимура. Битва на Тереке была роковой для Золотой Орды. Великая и могущественная держава получила сокрушительный удар и уже не смогла от него оправиться. Это стало событием большого международного значения, оказало огромное влияние на дальнейший ход истории всего Евразийского континента. Прямой военной угрозы Западу с Востока больше не было. Русь была избавлена от нашествия Тимура, стала добиваться свержения ордынского ига.

Экспансия Тимура для народов Северного Кавказа стала катастрофическим событием. Полчища врага прошли весь край из конца в конец, оставляя за собой руины, пепелища и горы трупов. Это было чудовищное по своей жестокости нашествие, затмившее даже память о монгольском завоевании. В отличие от монголов, Тимур не ограничивался разорением плоскостной зоны, а проникал далеко в глубь горных ущелий. Были уничтожены города и селения, на долгие годы пришли в упадок сельское хозяйство и ремесленное производство. Значительно сократилась численность населения. События, связанные с нашествием монголов, а затем и крушением Орды под ударами полчищ Тимура, ознаменовали собой переломный этап местной истории, предопределивший существенные изменения в этнической географии Северного Кавказа и в соотношении здесь военно-политических сил в последующие столетия. С XV в. начинается история иного масштаба, история так называемых малых народов – потомков тех, кому довелось уцелеть после кошмара XIII–XIV вв.

Примечания

1. Миргалеев И. Правление Токтамыш-хана // В кн.: История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань, 2009. Т. 3. С. 710.
2. Рахманалиев Р. История тюрков. История великой цивилизации. М., 2015. С. 462.
3. Якубовский А. Тимур // В кн.: Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост. Р. Рахманалиев. М., 1992. С. 31.
4. Рахманалиев Р. Указ. соч. С. 479.
5. Селезнёв Ю. В. Токтамыш – последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 124.
6. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (Далее – СМИЗО). М.; Л., 1941. Т. 2. С. 151–153.
7. Там же. С. 153–155.
8. Рахманалиев Р. Указ. соч. С. 485.
9. Там же. С. 484.
10. СМИЗО. Т. 2. С. 164–172.
11. Миргалеев И. Указ. соч. С. 711.
12. СМИЗО. Т. 2. С. 174.
13. Руи Гансалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990. С. 144.
14. Селезнёв Ю. В. Указ. соч. С. 125.
15. Хизриев Х. А. Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Тереке // Вопросы истории. 1982. № 4. С. 51.
16. Его же. Борьба чеченцев против нашествия чингизидов и Тимура (XIII–XV вв.) // История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Грозный, 2008. Т. 1. С. 114.
17. Рахманалиев Р. Указ. соч. С. 490.
18. СМИЗО. Т. 2. С. 180, 181.
19. Заки Валиди Тоган. Военная кампания Тимура 1395 года на Украине и Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2009. № 2. С. 226.
20. История Осетии: в 2 т. Владикавказ, 2012. Т. 1. С. 328.
21. СМИЗО. Т. 2. С. 121.
22. Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // В кн.: Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4. С. 49, 50.
23. СМИЗО. Т. 2. С. 181.
24. Там же. С. 182.
25. Шаханов Т. Б. Записки краеведа. Нальчик, 2004. С. 94.

26. Малкондуев Х. Х. О нашествии Тимура на Центральное Предкавказье по данным фольклора и топонимики // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 346.

27. Примечание М. Ч. Джуртубаева. См.: Исторические сведения о тюрках Восточной Европы // Сб. мат-в в 2 т. / Сост., пред. и комм. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик, 2018. Т. 2. С. 517.

28. СМИЗО. Т. 2. С. 182.

29. Там же.

30. Там же. С. 123.

31. Бабаев С. К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 2000. С. 207.

32. СМИЗО. Т. 2. С. 182.

33. Малкондуев Х. Х. Указ. соч. С. 350.

34. СМИЗО. Т. 2. С. 183.

35. Батчаев В. М. Балкария в XV – нач. XIX в. М., 2006. С. 167–169.

36. Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // В кн.: Сб. матер. для описания местностей и племен на Кавказе. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 197.

37. Малкондуев Х. Х. Указ. соч. С. 349.

38. СМИЗО. Т. 2. С. 183.

39. Там же. С. 123, 183.

40. Там же. С. 183.

41. Там же. С. 123.

42. История Осетии. Т. 1. С. 328.

43. Шихсаидов А. Р. Борьба народов Дагестана с полчищами Тимура // В кн.: История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 232.

44. Заки Валиди Тоган. Указ. соч. С. 226.

45. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Т. 1. С. 216.

46. Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 232.

47. Там же. С. 234.

48. Заки Валиди Тоган. Указ. соч. С. 227.

49. Малкондуев Х. Х. Указ. соч. С. 359.

50. Хизриев Х. А. Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. Т. 11. С. 198.

51. Малкондуев Х. Х. Указ. соч. С. 349.

52. Там же. С. 350.

Вхождение Балкарии в состав России и его прогрессивное значение *

Предки балкарцев с давних времен поддерживали отношения с Русью. «Повесть временных лет» упоминает предков балкарцев аланов в связи с походом Святослава на Северный Кавказ, состоявшемся в 965 г. Связи русов со страной алан усилились с образованием в X в. на Таманском полуострове русского Тмутараканского княжества. С этим княжеством аланы вступали в военные союзы, вели с ним оживленную торговлю. Русские князья поддерживали приятельские отношения с аланами, что нередко приводило к брачным связям. Тесные связи между Русью и Аланией развивались вплоть до XIII в. Монгольское нашествие на несколько столетий прервало отношения русских с народами Кавказа. Впервые в русских источниках балкарцы упоминаются в XVII в.

Интерес России к Балкарии связан с поисками в 1628–1629 гг. на Северном Кавказе серебряной руды. Россия не имела серебряных рудников и остро нуждалась в серебре, прежде всего для монетного дела. Известие о том, что где-то на Центральном Кавказе есть крупные месторождения серебра, вызвало пристальный интерес Москвы. В результате поиска, предпринятого терским воеводой И. Дашковым, выяснилось, что серебряную руду добывают балкарцы в Черекском ущелье и земля эта принадлежит местному владельцу Аргутаю Айдоболу. Он всячески способствовал «рудознатцам России» в поисках выходов свинцово-серебряных руд в труднодоступных ущельях Центрального Кавказа. Однако в то время разработка предполагаемых месторождений серебра не состоялась [1, с. 139, 140].

На протяжении всего XVII столетия неуклонно возрастала роль российского фактора на Кавказе. В становлении, развитии и дальнейшем укреплении русско-грузинских отношений Балкария играла весьма важную роль. Через ее горные ущелья пролегли пути в православные царства

Грузии, связи с которыми Россия традиционно поддерживала. Осенью 1639 г. московское посольство, возглавляемое Ф. Елчиным и П. Захарьевым, поднялось по Балканскому ущелью к Эльбрусу и через перевал Донгуз-орун перешло в Сванетию. После девятимесячного пребывания в Грузии посольство вернулось обратно тем же путем. По этому трудному и необычному маршруту их сопровождала группа местных жителей – балкарцев и карачаевцев, обеспечившие переход перевала через Главный Кавказский хребет в такое позднее и сложное время года [2, с. 374].

В 1650–1651 гг. русские послы А. Иевлев и Н. Толочанов через Верхнюю Балкарию прошли ко двору имеретинского царя и тем же путем вернулись обратно. Их маршрут проходил по Суканскому и Черекскому ущельям. В Верхней Балкарии они гостили у таубия Айдоболова и по перевалу Гезе-вцик прошли в Имеретию [3, с. 33]. Балкарцы гостеприимно встретили послов, снабдили провиантом, выючными животными и дали проводников. В Кутаиси русские послы получили крестоцеловальные записи Теймураза и имеретинского царя Александра. В ответ грузинским правителям были обещаны покровительство и всевозможная помощь [4, с. 113].

С тех пор путь по Суканскому и Черекскому ущельям становится наезженной дипломатической дорогой. Ею воспользовалось имеретинское посольство в Москву во главе с Ломкаци Джапаридзе, а в 1655 г. – русские послы В. Жидовников и Ф. Порошин. Имеретинских и русских послов балкарские таубии приняли с честью. Через труднодоступные горные перевалы их сопровождал сын местного владельца Жамбулат Айдоболов.

В посольском отчете русские дипломаты особо отмечали теплый прием в Балкарии и активное содействие местных владетелей. Элита балкарских обществ контролировала перевальные маршруты через хребет. Среди тех, кто оказывал содействие в выполнении дипломатической миссии, в документах упоминаются Айдабулла, Алибек, Бута и другие владельцы и сообщается что «горские мурзы не под государевой рукою живут, сами о себе». За оказанные услуги феодалы были одарены дорогими тканями и пушниной.

* В основу статьи положена публикация в Вестнике Академии наук Чеченской Республики. 2021. № 2. С. 62–67.

Активному содействию дипломатическим миссиям способствовала лояльность балкарцев не только к России, но и к Грузии. Особую роль в укреплении русско-грузинских отношений сыграл знатный таубий (горский князь) Артутай Айдоболов. Он поддерживал тесные дружеские и родственные связи с Имеретией и принимал живое участие в поездках русских послов.

Личность нового надежного партнера вызвала повышенный интерес в столице Российского государства. По отзывам послов, здесь стало известно о безвозмездных услугах русским дипломатическим миссиям со стороны Артутая.

В 1657 г. из Имеретии в Москву выехал кахетинский царь Теймураз. Вместе с сопровождавшими его представителями Чечни, Тушетии, Хевсуретии и Пшаветии в российскую столицу прибыл и балкарский таубий Артутай Айдоболов. Вполне вероятно, что Айдоболов предпочел присоединиться к кортежу Теймураза из-за того, что он преследовал одну и ту же цель – поиски политического покровительства. Летом 1658 г. горские послы, приехавшие в свите царя, от имени своих народов присягнули в подданство России на торжественной церемонии в Успенском соборе Кремля [4, с. 130, 131]. Профессор В. Б. Виноградов отмечает, что Артутай был на приеме послов, устроенном царем Алексеем Михайловичем в Грановитой палате Кремля, и что в Москве он провел около года и перед отъездом на родину был одарен высочайшим подарком в сорок соболей [5, с. 91]. Как пишет Е. Г. Муратова, «отдельные свидетельства о политических контактах позволяют заключить, что отношения Российского государства с балкарской знатью строились на тех же принципах, что и с другими северокавказскими владельцами. Эти отношения обставлялись различными атрибутами феодального этикета – наградами, пожалованиями и знаками отличия» [6, с. 140]. Поездку А. Айдоболова в Москву можно рассматривать как демонстрацию стремления балкарских феодалов к оформлению политических связей с Россией.

С уходом царя Теймураза с политической арены в конце XVII в. установилось затишье в грузино-русских отношениях.

Связи России с северокавказскими народами, в том числе и с балкарцами, несколько ослабли, но не прерывались. Об этом свидетельствует проживание в Балкарии ряда грузинских князей русской ориентации, ездивших отсюда в Россию [6, с. 141]. Поддержка, оказанная балкарцами союзникам России, отражала нечто большее, чем простое гостеприимство.

XVIII век – это время значительного расширения границ России, ставшей при Петре I империей. Со времен Каспийского похода Петра I кавказская проблема стала важным компонентом восточной политики России. Потребности экономического и политического развития страны возродили отложенные планы овладения южными морями и Кавказом. В связи с развитием российской промышленности все большую актуальность стал приобретать вопрос о сырьевых ресурсах. Не последнее место в перспективах решения этого вопроса отводилось кавказским месторождениям. При Петре I в Петербург были доставлены образцы серебряной и свинцовой руды из Балкарии и Дитории. На вопрос об отношении балкарцев к планам разработки рудных месторождений на их территории, грузинский царь Вахтанг VI, находившийся в 1725 г. в Петербурге, сообщал правительству о лояльности балкарской знати к России, предлагал принять горцев на службу, выдавать им жалованье и построить на их землях поселения для добычи серебряной руды [7, с. 105, 106]. Однако к их практическому освоению российское правительство так и не приступило. Реализацию замыслов на Северном Кавказе осложняли политическая обстановка тех лет, а также удаленность этой территории и отсутствие развитой системы коммуникаций, связывавших регион с центральными районами России.

При Екатерине II значение Кавказа во внешней политике России резко возрастает, усиливаются экономические связи народов Северного Кавказа с Россией. Интерес к полезным ископаемым края вновь оживился в середине XVIII в. «Много обретається разных руд в тамошнем краю, от чего мог бы прибыток немалый быть государству российскому» [8, л. 51] – отмечалось русскими послами, проходившими через Северный Кавказ в Грузию. Астраханский

губернатор П. Кречетников настоятельно рекомендовал императрице Екатерине II проявить в отношениях с горцами «ласковое обхождение», в результате чего можно приобрести «на вечные времена все горы с их сокровищами» [9, с. 276, 277]. Так Северный Кавказ вошел в зону политических и экономических интересов российских властей.

Белградский мирный договор от 1739 г. закрепил за Кабардой независимый статус. В условиях отсутствия внешней угрозы кабардинские феодалы начали военно-политическое давление на соседние народы региона. Следствием тактики нарастающего «натиска на горы» стало возобладание в горских обществах пророссийских настроений. Аристократические круги сопредельных с Кабардой этнополитических образований искали сближения с Россией в поисках политического покровительства [10, с. 152].

С возрастанием российского влияния на Северном Кавказе правительство стало поощрять прорусскую ориентацию наиболее влиятельных представителей местной знати. Это породило всплеск пророссийских настроений в регионе, содействуя переходу под покровительство России местных владетелей. В последней трети XVIII в. Ингушетия и Восточная Осетия добровольно приняли российское подданство, под покровительство России в 1781–1796 гг. переходят Чечня, Шамхальство Тарковское и Северная Кумыкия [11, с. 178, 179]. Тогда же идея присоединения к России находит сторонников среди различных слоев балкарского общества.

Одно из первых обращений социальной верхушки балкарцев к представителям царской администрации на Кавказе с просьбой о принятии в российское подданство относится к 1781 г. Обращение оказалось безрезультатным, власти отделились обещаниями.

В 1783 г. Константинопольским мирным договором владения Крымского ханства разделили между собой Российская и Османская империи. Русско-турецкая граница была утверждена по р. Кубань. Народы Балкарии и Карачая остались независимыми, т. к. никогда не были подданными крымских ханов [12, с. 419]. Балкарская элита стала проявлять настойчивость в желании вступить в россий-

ское подданство и подавала прошения в 1783, 1787, 1794 гг. [13, л. 140, 141]. Однако представители российского военного командования продолжали практиковать прежнюю линию поведения – обещать. Таубили после очередной встречи уходили несколько огорченными, сожалея, что их пока не приняли, но обещали принять в лоно России. Наметив курс на сближение с горской знатью, российская военная администрация делало это крайне осторожно, давая знать преждевременность постановки вопроса до покорения Кабарды – территории между Россией и Балкарией. Учитывалось и позиция некоторых кабардинских князей, которые опасаясь потерять свои привилегии, весьма болезненно реагировали на попытки балкаро-русского сближения [14, с. 275].

После присоединения в 1801 г. к России восточной части Грузии проблема обеспечения реального контроля над горскими народами Центрального Кавказа стала одной из главных задач имперской внешней политики. Несмотря на имеющиеся внутренние противоречия военно-политическая обстановка в регионе привела к временной консолидации северокавказских этнополитических групп. Известно, что в 1804, 1810 гг. отряды осетин, балкарцев и карачаевцев участвовали в антиколониальной борьбе кабардинцев и поддерживали в них дух сопротивления. Генерал Ртищев сумел несколько поправить обострившуюся обстановку, открыв в 1811 г. меновые дворы на Кавказской линии, где начал производиться обмен с горцами хлебом, солью и другими товарами. К ним стали пропускать торговцев, доставлявших им все необходимое [15, л. 335].

До перехода в ислам многие народы Северного Кавказа являлись приверженцами христианской религии. С учетом этого с XVIII в. органами государственной власти империи предпринимались попытки возвращения населения региона к христианству. В 1814 г. российскими властями было принято решение организовать проповедь христианства среди балкарцев, осетин и ингушей. С его помощью власти надеялись создать устойчивые пророссийские настроения среди новообращенного населения Центрального Кавказа. Однако миссионерская работа в Балкарии священника

Н. Самарганова и архиепископа Иона не имела сколько-нибудь значимых успехов. К тому времени таубии значительно раньше своих подданных приняли ислам, для них он стал как бы «сословной» религией [1, с. 178].

В 1816 г. войска, расположенные на Кавказе, были сведены в отдельный Кавказский корпус во главе с генералом А. П. Ермоловым. Герой Отечественной войны 1812 г., близкий друг многих декабристов, А. П. Ермолов проявил себя на Кавказе как жестокий колониальный деятель. Ему было поручено создание административного управления на Северном Кавказе. Прежде всего он решил улучшить военно-стратегическое положение Кавказской линии. В 1818 г. были заложены крепость Грозная и другие укрепления. Весной 1822 г. А. П. Ермолов с войсками вступил в Кабарду. В ходе масштабной военной экспедиции Кабарда была завоевана. Генерал Ермолов с войсками прошелся по всей Кабарде и по некоторым районам Балкарии.

К осени 1822 г. А. П. Ермолов построил новую линию укреплений на выходах из балкарских ущелий рек Малка, Баксан, Чегем, Нальчик и Урух. Проведением этой линии генерал воспользовался также и для «развода» Балкарии и Кабарды. Российские войска закрыли все выходы из горных ущелий. Тем самым кардинально изменилась вся система традиционных экономических взаимоотношений балкарцев и кабардинцев. Балкарские скотоводы лишились выхода на равнины, служившие им осенне-зимними пастбищами на основе арендных отношений с кабардинскими владельцами. Затруднился и жизненно необходимый для горцев обмен продуктами с населением плоскости. Часть предгорных и равнинных пастбищ перешла в собственность российской казны и стала объектом активной политики по контролю над пастбищными землями, инструментом политического давления на балкарцев. Им было объявлено, что они имеют право выгонять свой скот до линии предгорных военных укреплений, заложенных в 1822 г., и даже несколько ниже, не выплачивая при этом никакой арендной платы кабардинским владельцам. С установлением военно-экономической блокады балкарцы в экономическом плане стали зависеть от

российской военной администрации. От уровня лояльности к ней напрямую зависела степень доступности для горцев сезонных пастбищ [10, с. 211].

Военно-политические и социально-экономические мероприятия генерала А. П. Ермолова коренным образом изменили политическую ситуацию на Северном Кавказе. Владения карачаевцев, балкарцев и дигорцев со всех сторон были окружены землями, вошедшими в состав Российской империи. На очереди стало покорение нагорной полосы Центрального Кавказа. Оценив сложившуюся ситуацию, балкарские таубии упредили вторжение в свои ущелья и предприняли дипломатический шаг к добровольному вхождению в состав России. Позиция балкарской элиты в той исторической ситуации была, безусловно, дальновидной.

В ходе Кавказской войны командующий крупным русским воинским контингентом был наделен полномочиями вести переговоры с представителями этнополитических образований и принимать их присяги о российском подданстве. 11 января 1827 г. владельческие князья пяти обществ Балкарии, а также представители дигорских бадиллат прибыли в Ставрополь к командующему русскими войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Г. А. Эмануэлю. Депутацию возглавлял таубий Мурзакул Урусбиев, имевший значительный политический авторитет по обе стороны Кавказского хребта и в российской администрации. Сегодня его портрет украшает галерею «Кавказские типы» в Лондонском музее. В делегацию входили также от балкарцев Арслан Аджи Жанхотов, Кельмамбет Баймурзов, Магомет Шакманов, а от дигорцев – Касай Кубатиев, Давлетука Абисалов, Биногер Карабутаев, Созо Саватов и Татархан Туганов. Они подали прошение царю Николаю I о принятии их вместе с подвластным им народом в состав Российской империи. «Феодалы выразили готовность принести присягу, привести к присяге своих подданных, выдать аманатов, а в случае необходимости поступать на военную службу. В частности, в прошении говорилось: «Мы... быв отправлены к Вашему Превосходительству для испрошения покровительства и защиты Всероссийского Великого Государя Императора

Николая Павловича, яко поставленного от него наместника, с тем, что ежели сие наше прошение принято будет, то как мы, равно и весь народ, за отдачею уж аманатов – детей наших, принять и на верность подданства присягу Всероссийскому Великому Государю Императору Николаю Павловичу и наследнику Его Государю Великому князю Александру Николаевичу, а затем будем, ежели и на службу Его Величества естли в них мы востребованы будем, на что и имеем ожидать решения Вашего Превосходительства» [16, с. 18]». Кроме того уполномоченные ходатайствовали о гарантии со стороны России сохранения их традиционных обычаев и распорядков, сословных прерогатив знати, свободного исповедания ислама и шариатского суда [17, л. 38]. Несмотря на то, что совокупность этих условий сводилась к предоставлению горцам российского подданства с правами довольно-таки широкой автономии, Г. А. Эмануэль согласился с этими условиями и принял присягу от балкарских и дигорских делегатов верноподданническую присягу императору Николаю I и его наследнику Александру Николаевичу. [18, л. 3]. Акт присяги балкарских владельцев на верность российскому престолу означал политическое оформление процесса вхождение Балкарии в состав Российской империи [19, с. 103].

Отпустив депутатов по домам, генерал Эмануэль поручил им привести к присяге свои народы и доставить аманатов от владельческих фамилий [20, с. 452]. В марте – начале апреля 1827 г. все пять обществ Балкарии присягнули на верноподданничество государю императору [21, л. 38]. Вскоре в крепость Нальчик были доставлены в качестве аманатов шесть мальчиков из влиятельных родов [22, л. 23], от которых зависели решения важных вопросов, в том числе и политических.

Дети владельцев горских народов обычно брались в заложники с тем, чтобы только что присягнувшие на верноподданничество России феодалы не вздумали нарушить свое слово. Эти дети, естественно, не были пленниками, а лишь держались в крепости, к тому же их всячески старались приучить к грамоте и к «русской жизни». В результате многие из них впоследствии становились чиновниками царской администрации или офицерами.

О знаменательном событии Г. А. Эмануэль сообщил главнокомандующему армией на Кавказе генерал-адъютанту И. Ф. Паскевичу, а тот в свою очередь доложил императору Николаю I. 2 мая 1827 г. начальник Главного штаба генерал-адъютант Дибич уведомил Паскевича, что государь с удовлетворением узнал о подданстве горцев, приписал это событие к «благоразумным мерам» и дал свое «высочайшее благоволение за приведение балкарцев к подданству» [23, с. 242].

За присоединение горной полосы Центрального Кавказа с населяющими ее народами к Российской империи генерал Г. А. Эмануэль был награжден орденом Святого Александра Невского [24, с. 47].

Вхождение Балкарии в состав России носило мирный и добровольный характер. Принятие российского подданства предотвратило вторжение войск и военный разгром, позволило избежать неминуемых человеческих и материальных потерь, а также интегрироваться в сильную и большую империю. Вхождение Балкарии в состав Российской империи – событие, открывшее новую страницу в истории балкарского народа, определившее дальнейшие пути его общественно-экономического, политического и культурного развития.

Верность принятой таубиями присяге была позднее «высочайше» отмечена: в декабре 1852 г. представительная делегация балкарского народа из 7 таубиев была торжественно принята императором Николаем Павловичем. В ходе встречи делегация еще раз выразила верность балкарского народа России и обсудила вопросы социально-экономического характера. 6 января 1853 г. делегация завершила работу в Санкт-Петербурге [6, с. 227]. За безупречную службу престолу и похвальное правление подвластным населением Къайтмырза Айдоболов, Кючюк Мисаков, Чопан Сюйюнчев, Омар Шакманов, Исхак Малкаруков, Джумай Келеметов и Исмаил Урусбиев были награждены медалями «За храбрость».

В 1883 г. главнокомандующему на Кавказе князю Дондукову-Корсакову была вручена «счастливая винтовка» для

поднесения императору Александру Александровичу от всего балкарского народа. Винтовка являлась общенародной святыней, на протяжении ряда столетий она служила горцам своеобразным оберегом в оборонительных войнах. На ней имелась надпись: «Своему обожаемому Великому Белому царю, верноподданные и готовые служить по первому призыву народы: Урусбий, Чегем, Хулам, Безенги, Балкар» [25]. «Такая акция могла иметь только символический смысл: отныне гарантом их безопасности становилась Россия. И вручение ружья ее правителю было выражением доверия и залогом мирного будущего» [1, с. 116] – заключает В. М. Батчаев.

Сделанный исторический выбор открыл перед балкарским народом благоприятные перспективы для политического, социально-экономического и культурного развития. Был положен конец вековой изоляции, эпохе вражеских набегов и феодальных войн, утвердились мирные условия жизни.

Осознавая специфичность Балкарии, да и всего Северного Кавказа, российская администрация не форсировала здесь процесс административно-управленческой унификации и сохранила в неприкосновенности самое дорогое для горцев – обычаи, веру и шариат. Несколько позже здесь сложилась военно-народная система управления по которой управление окраинами в Российской империи рассматривалось на равных со всеми субъектными частями государства. Включение Балкарии в общероссийскую систему управления сыграло объективно-прогрессивную роль.

Вхождение Балкарии в состав России способствовало отмене крепостного права, развитию товарно-денежных отношений и включению ее во всероссийский рынок. Вчерашнее крепостные получили свободу и могли самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Изменения в социально-экономической жизни стимулировали развитие торгового скотоводства и производительных сил аграрного производства, проведение колесных дорог в ущелья Балкарии, а также сопровождались предпринимательской деятельностью отдельных лиц.

С принятием российского подданства молодые таубии начали поступать на военную службу. Их привлекали для несения службы в конвой Его Величества и в регулярные войска наравне с русскими дворянами. Зачисление на службу прочно привязывало горца к русскому социуму и культуре. Российская армия со временем получила храбрых кавалеристов, отважных офицеров. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., войны с Японией в 1904–1905 гг. и в годы Первой мировой войны балкарцы героически сражались в рядах российской армии.

С включением Балкарии в состав России создались объективные предпосылки для прогресса в области просвещения и культуры. В 1860 г. была открыта Нальчикская горская школа, усилиями Б. Шаханова преобразованная в гимназию. Получает распространение начальное образование. Большую роль в обучении детей горской знати сыграла Ставропольская гимназия. Огромные возможности для знакомства с русской культурой получили балкарцы, обучавшиеся в высших учебных заведениях центральной России. Русский язык и русская грамота стали основным средством приобщения горцев к русской и европейской культуре. В нарождающейся балкарской интеллигенции правительство видело гарант стабильности и лояльности по отношению к официальной власти. Некоторые из них позднее играли значительную роль в общественно-политической жизни края.

Положительным было оживление культурной жизни. В течении почти двух десятилетий заметное участие в общественно-музыкальной жизни Владикавказа принимал талантливый музыкант-скрипач С.-Б. Абаев. Неизменным успехом сопровождались и концерты организованного им оркестра реального училища. Созданный под руководством М. А. Урусбиева музыкальный кружок давал публичные концерты в слободе Нальчик. Он же в 1908 г. открыл в Нальчике первую в регионе типографию.

Во второй половине XIX – начале XX в. русские исследователи внесли заметный вклад в изучение истории Балкарии, их усилиями опубликовано значительная литература и накоплен богатый материал. Прогрессивные деятели отече-

ственной науки высоко оденывали национальную историю и культуру горцев, демонстрировали большое уважение к местному населению; для их трудов характерны гуманизм и объективность в освещении тех или иных вопросов, касающихся жизни народа.

Многогранная деятельность передовых русских исследователей, развитие печати и открытие русских учебных заведений в крае оказали большое влияние на рост национального самосознания балкарцев, способствовали появлению первых представителей национальной интеллигенции. На страницах периодической печати публикуются первые очерки, статьи, заметки деятелей национальной культуры – Сафар-Али и Науруза Урусбиевых, Мисоста, Исмаила и Фатимы Абаевых, Басията Шаханова. Небольшая группа образованных горцев стремилась к развитию прогрессивных, гуманистических традиций национальной культуры, являлась активным поборником укрепления дружественных связей между народами. Для русского читателя публикации балкарских авторов, насыщенные богатым национальным колоритом, представляли откровенный интерес.

Важнейшим последствием вхождения Балкарии в состав России явилось сближение балкарского народа с другими народами России и прежде всего с русским народом.

Таким образом, с активизацией в первой трети XVII в. связей России с Грузией, балкарцы как жители перевальных путей в Закавказье оказались встроенными в контекст русско-кавказских связей. Аристократическая элита балкарцев занимала особое место в этой политике и сыграла большую роль в становлении и развитии русско-кавказских отношений. Дружественное содействие влиятельных лиц балкарцев российским и грузинским дипломатическим миссиям, приезд в Москву таубия Айдоболова – недвусмысленное свидетельство стремления феодалов к оформлению политических связей с Россией.

В течение XVII–XVIII вв. российское правительство проявляло живой интерес к рудным богатствам Балкарии. Тем самым обозначились предпосылки складывания специфических форм взаимодействия с горцами. Однако к практи-

ческому освоению недр правительство так и не приступило. Только в советское время был открыт Тырныаузский горно-обогатительный комбинат, ставший одним из основных поставщиков вольфрама и молибдена в стране.

Со второй половины XVIII в. началось укрепление позиций России на Северном Кавказе, сопровождавшееся более тесными контактами балкарских феодалов с российской военной администрацией. В этих условиях российское правительство важное значение придавало религиозной политике. В начале XIX в. стратегические интересы Российской империи совпали с желанием балкарской аристократии принять российское подданство. Вхождение Балкарии в состав России в основном сопровождалось мирными действиями имперских сил. Это одно из важнейших событий в истории Балкарии и балкарского народа.

Примечания

1. Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX вв. М., 2006. – 240 с.
2. Белокуров С. А. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадиянскую землю (1639–1640 гг.) // Чтения императорского Общества истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1887. Кн. 2. Отд. 3. С. 257–376.
3. Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Мевлева в Имеретию в 1650–1652 гг. Тифлис, 1926. – 231 с.
4. Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1988. – 176 с.
5. Виноградов В. Б. Аргутай – друг Москвы // В кн.: Время, горы, люди. Грозный, 1980. С. 87–92.
6. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 419 с.
7. Гамрекелли В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Тбилиси, 1968. – 323 с.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. ВУА, оп. 1, д. 35.
9. Кокиев Г. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1934. Т. VI. – 345 с.

10. Бегеулов Р. М. Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. Карачаевск: Карачаево-Черкесский госун-т, 2009. – 290 с.

11. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 221 с.

12. Кипкеева З. Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 432 с.

13. РГВИА, ф. 482, д. 192.

14. Азаматов К. Г. К вопросу о русско-балкарских отношениях в XVII–XVIII вв. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е гг. XX в.). Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 1982. С. 273–276.

15. РГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 93.

16. Цит. по «К вопросу о русско-балкарских отношениях» // Живая старина. 1992. № 2. С. 18, 19.

17. Управление Центрального государственного архива Архивной службы КБР (УЦГА АС КБР), ф. Р-1209, оп. 7, д. 77.

18. Государственный архив Ставропольского края, ф. 79, оп. 1, д. 906.

19. Сабанчиев Х.-М. А. Историография и терминология проблемы вхождения Балкарии в состав России // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию В. П. Невской / Отв. ред. П. И. Абайханова. Карачаевск, 2019. С. 100–105.

20. Документальная история образования многонационального государства Российского // Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М.: Норма, 1998. Кн. 1. – 672 с.

21. УЦГА АС КБР, ф. Р-1209, оп. 7, д. 77.

22. РГВИА, ф. ВУА, д. 6244.

23. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. – 300 с.

24. Будаев Н. М. Летопись Эльбруса. Черкесск, 2009. – 120 с.

25. О знаменитой в горах винтовке «огурлу-ушкок» // Терские ведомости. 1884. 1 янв. № 1.

Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Кабардино-Балкарии в советское общество (1917–1940 гг.) *

События 1917 г. чрезвычайно активизировали национальные процессы на Северном Кавказе. Стремительный развал царского самодержавия в феврале 1917 г. на первый план выдвинул задачу национально-государственного устройства. Она обсуждалась на I съезде горских народов Кавказа, состоявшемся в мае 1917 г. Был сформирован Союз объединенных горцев Кавказа, основной целью которого было создание на Северном Кавказе национально-территориальной автономии в составе будущей Российской Федеративной Демократической Республики, провозглашение которой ожидалось на Всероссийском учредительном собрании. Съезд провозгласил Союз горцев как национально-политическую единицу и избрал Центральный Комитет как руководящий исполнительный орган. От Кабарды и Балкарии в его состав вошли адвокаты П. Коцев и Б. Шаханов.

Оставаясь политически лояльным к Временному правительству, Союз начал осуществлять свои национальные и культурные цели. Выполняя роль законодательного и исполнительного органа на территории Дагестанской, Терской и Кубанской областей, Союз определил основные направления своей деятельности, разработал политическую платформу, программу и Конституцию¹.

В начале ноября 1917 г. Союз декларировал создание Горской Республики и сформировал горское правительство. Государственно-правовая форма возникшего государства мыслилась как демократическая республика с парламентской формой правления. Каждый народ должен был самоуправляться, а все вместе должны были иметь федеральные органы в лице горского правительства и Союзного Совета (Парламента). Последний до созыва Учредительного сейма

* Формирование гражданского общества и права человека в Кабардино-Балкарии. Кн. 4. Нальчик, 2011. С. 115–129.

являлся законодательным органом Горской Республики, ему принадлежал высший надзор за союзным управлением. Согласно положению, Союзный Совет избирал Председателя правительства и утверждал Кабинет, им составленный. Члены правительства были ответственны перед Союзным Советом².

Государственный флаг республики представлял собой изображение семи полос – четыре зеленых и три белых, в углу был помещен голубой квадрат с семью золотыми звездами. С. Лакоба пишет: «Семь звезд объединяли семь самостоятельных штатов: Дагестан, Чечено-Ингушетию, Осетию, Карачаево-Балкарию, Кабарду, Адыгею, Абхазию»³.

С победой большевиков лидеры Горской Республики все более склонялись к идее государственной независимости и продемонстрировали эти настроения, объявив в мае 1918 г. о решении отделиться от России.

Образование Союза и Горской Республики исследователи склонны рассматривать как первую форму политического самоопределения народов Северного Кавказа, попытку создания в 1917–1919 гг. объединенной государственности горских народов региона. Однако по ряду причин она не удалась. Главная из них – захват А. Деникиным в феврале-марте 1919 г. Северного Кавказа и выдвинутый генералом лозунг «Единой и неделимой России».

Среди общероссийских политических организаций в национальном вопросе самые радикальные позиции занимали большевики. Принятая 2 ноября 1917 г. «Декларация прав народов России» объявляла, что «национальная политика Советской власти – это политика добровольного и честного союза народов России, основанного на взаимном доверии». Далее в Декларации провозглашались отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий, равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Подобные положения присутствовали и в опубликованном 22 ноября 1917 г. обращении Советского правительства «Ко всем трудящимся России и Востока», где содержался призыв к народам свободно и беспрепят-

ственно устраивать свою национальную жизнь⁴. Безусловно, эти юридические документы, впервые провозглашая права этносов на свою национальную государственность, способствовали утверждению Советской власти на окраинах, а также обеспечивали правовые условия для преодоления недоверия, укрепления дружбы и сотрудничества между народами.

Принятая в январе 1918 г. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» провозгласила федеративное переустройство в России (она была объявлена Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой – РСФСР), хотя федеративные отношения на уровне их субъектов не были четко определены. Новая организация власти была закреплена в Конституции РСФСР, принятой на V съезде Советов в июле 1918 г. Первая Конституция Советской России декларировала областную территориальную автономию. Поэтому имел место прогрессирующий процесс роста самостоятельных образований на базе областей. Тогда же возникла идея создания коллективной автономии для горских народов Терской области. 4 марта 1918 г. II съезд народов Терека провозгласил Терскую область Терской Народной Республикой в качестве составной части РФ. В состав республики входили четыре отдела и шесть округов, в том числе Нальчикский округ, который составляли Кабарда и Балкария. Терская Республика просуществовала около года (март 1918 – февраль 1919 г.). Как отмечено в литературе, временная по своему характеру, она не сыграла той роли в истории Северного Кавказа, которая ей предназначалась, а именно – создание и развитие национальной государственности народов региона. Терская Республика в своей основе была территориальной, областной, а не национально-территориальной автономией⁵. Тем не менее, она явилась важным шагом на пути становления национальной государственности, выступавшей и как форма политического самоопределения горских народов, и как административно-политический институт управления этими народами со стороны центральной государственной власти⁶.

После разгрома контрреволюционных сил на Северном Кавказе основу государственной власти составляли назнача-

емые ревкомы. Они считались временными органами власти, до проведения выборов в советы, и просуществовали до лета 1920 г. В последующем органами власти, наряду с советами рабочих и солдатских депутатов, являлись народные советы. Они возникли еще до установления советской власти на Северном Кавказе, что можно рассматривать как специфическую черту государственного строительства в регионе. Важную роль играли окружные Народные съезды, избиравшие народные советы, которые в перерыве между съездами были органами государственной власти. Такая система была характерна для первого периода строительства новой государственной власти – до ноября 1919 г.⁷

На V съезде народов Терека (ноябрь 1919 г.) были упразднены народные советы, якобы уже сыгравшие свою роль в подъеме политического сознания горцев до уровня советской власти.

В национальном вопросе большевики действовали предельно прагматично. По окончании гражданской войны основным вопросом национальной политики партии стал вопрос о самоопределении различных национальностей на началах советской автономии, т. е. начала складываться новая система российской государственности – Советская. Важным этапом в истории образования национальной государственности народов Северного Кавказа явилось создание Горской АССР. Идея ее создания была выдвинута С. Кировым и Г. Орджоникидзе. При этом они стремились создать противовес стремлениям представителей горской оппозиционной интеллигенции, пытавшихся объединить горские народы и образовать независимую Горскую Республику путем отделения ее от Советской России. Кроме того, в лице Горской АССР формировалась политическая и силовая оппозиция меньшевистской Грузии, после революции вышедшей из сферы большевистского влияния и представлявшей значительную проблему для политики партии на Кавказе. Наконец, надо было предоставить горцам Северного Кавказа автономию, наделить их своей государственностью.

17–18 ноября 1920 г. на съезде народов Терской области было провозглашено образование Автономной Горской

Советской Социалистической Республики. Нарком по делам национальностей И. Сталин, выступивший с докладом на съезде, всячески подчеркивал «дарованный» характер автономии, оказанное горским народам советской властью «доброе». Говоря о целях создания автономии, Сталин отмечал и необходимость того, чтобы «приобщить горцев к высшей культуре», для чего было необходимо «начать, прежде всего, с устройства школ и культурно-просветительных учреждений»⁸.

20 января 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР издал декрет, законодательно оформивший провозглашенную республику⁹. Национальная государственность народов Северного Кавказа, вошедших в состав Горской Республики, мыслилась как объединенная многонациональная автономное образование. Высшая власть в республике принадлежала съезду советов, в период между съездами ГорЦИКу, который избирал из своей среды Президиум, состоявший из двух частей – широкий и узкий. При избрании ЦИКа в основу брался «национально-территориальный признак»¹⁰. Кабарда и Балкария в числе шести других административных единиц вошли в состав Горской АССР на правах национальных округов (Кабардинский округ – северная часть, Балкарский округ – южная часть бывшего Нальчикского округа). Образование Кабардинского и Балкарского округов явилось первым этапом создания национальной государственности кабардинского и балкарского народов. Центром и Кабардинского и Балкарского округов стал гор. Нальчик.

С точки зрения государственного строительства, экономических связей, национально-бытовых и хозяйственных особенностей населяющих ее народов Горская АССР не представляла собой цельную, исторически сложившуюся территориальную единицу. ГАСР с самого начала стало лихорадить в результате той политики, которую вело ее руководство в области административно-правового и земельного вопросов¹¹.

Важным событием в истории советского национально-государственного строительства стал X съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 г. На съезде было принято постановление «Об очередных

задачах партии в национальном вопросе». В нем подчеркивалось необходимость быстрее выравнивания уровня отставших народов и центральной России. Для этого необходимо было развивать и укреплять советскую государственность, в формах соответствующих национальным особенностям региона; надо было развивать действующие на основе родного языка институты государственной власти (суд, администрацию, управление хозяйством и т. д.); основу регионального руководства должны были составить местные кадры; развивать систему образования, театр, прессу и в целом культурно-просветительные учреждения на родном языке; подготовить квалифицированных рабочих и советских партийных работников. Такая постановка вопроса в наибольшей степени учитывала интересы национальных меньшинств, подготавливая и даже подталкивая их к созданию советской государственности.

Рост национального самосознания, интересы дальнейшего хозяйственного и культурного развития выдвинули вопрос об образовании автономных областей каждой из горских народностей в отдельности. Нормативной базой для этого являлась статья 8 Конституции РСФСР 1918 г., согласно которой сами народы через свои съезды Советов определяют свой политический статус. Стремление к более тесным экономическим связям с РСФСР, а также государственная политика уравнительного землепользования ускорили выделение Кабарды из ГАССР в самостоятельную автономную область. Процесс был инициирован в мае 1921 г. на объединенном заседании окружного исполкома и парткома, а в июле 1921 г. съезд Советов Кабарды поднял этот вопрос перед руководством страны. Сталин поддержал идею организации Кабардинской автономной области. Несмотря на активное сопротивление руководства ГАССР, 1 сентября 1921 г. ВЦИК принял постановление об образовании Кабардинской АО. Организационное образование КАО было завершено на учредительном съезде Советов Кабардинской области в конце ноября 1921 г.

Кабарде была оказана значительная материальная помощь. 2 сентября постановлением Совнаркома РСФСР для

нужд Кабарды было выделено 5 млрд руб. Правительство направило сюда также оборудование и материалы, необходимые для восстановления народного хозяйства.

В сфере регулирования и управления национальной политикой был создан достаточно эффективный механизм — Народный комиссариат по делам национальностей. Вскоре после его возникновения в регионах появляются специальные органы, призванные регулировать национальные отношения. После образования СССР национальные проблемы стали предметом обсуждения союзных съездов Советов. С образованием второй палаты ЦИКа — Совета национальностей в июле 1923 г. был упразднен Наркомнац. Однако, это вовсе не говорит о том, что молодое советское государство стало меньше внимания уделять национальному вопросу. В дальнейшем Президиум ВЦИК учредил институт представителей автономий¹².

Вскоре назрел вопрос о выделении Балкарии из Горской АССР. Впервые эта мысль прозвучала 2 июня 1921 г. на объединенном заседании Кабардинского и Балкарского окружных партийных комитетов. Предполагалось создание самостоятельной Балкарской автономной области подчиненной центру РСФСР. Вопрос был поставлен перед Москвой. Коллегия Наркомнаца 6 января 1922 г. приняла постановление о создании Балкарской автономной области и Балкарский округ вышел из состава ГАССР. В процессе практического решения проблемы выделения Балкарии в автономную область стала очевидной целесообразность интеграции с Кабардой. 16 января Президиум ВЦИК принял постановление об объединении Кабарды и Балкарии в образование единой Кабардино-Балкарской АО. Это решение обосновывалось наличием тесных экономических и хозяйственных связей между Балкарией и Кабардой, потребностями политического и экономического единства двух народов. Документ устанавливал принципы организации единой области как федерации двух народов, хотя понятие «федерация» при этом не упоминается¹³. Так была создана Кабардино-Балкарская АО, непосредственно подчинявшаяся центральным органам власти РСФСР.

Построение органов власти и управления в КБАО предполагалось следующим образом. Две национальности – кабардинцы и балкарцы, дающие имя области, имеют свои съезды Советов отдельно для Кабарды и отдельно для Балкарии, которые избирают, также в отдельности, свои исполнительные комитеты. Избранные исполкомы на паритетных началах образуют объединенный Кабардино-Балкарский исполнительный комитет.

Проведение в жизнь постановления ВЦИК по разным причинам затянулось. Прежде всего, не было единого мнения по вопросу о принципах объединения. В частности, партком Кабарды настаивал пересмотреть постановление и установить представительство в областном исполкоме пропорционально количеству населения. Балкарская сторона опасалась доминирования в объединенной автономии Кабарды над гораздо малочисленной Балкарией. Позиция центральных органов нашла свое подтверждение в постановлении коллегии Наркомнаца от 19 июля 1922 г., где указывалось: «Признать, что организация объединенного Кабардино-Балкарского исполкома на паритетных началах – единственно правильный путь для изживания национальных недоразумений между Кабардой и Балкарией»¹⁴.

17 августа 1922 г. на объединенном заседании Кабардинского комитета РКП(б) и Балкарского окружного бюро РКП(б) было выработано и принято «Положение по объединению Кабарды и Балкарии». В нем были зафиксированы основные принципы объединения и действия единого облисполкома, основанные на равенстве политического представительства, независимо от численности народа. В отличие от постановления ВЦИК здесь имеет место отказ от национальных исполкомов. Структура облисполкома должна была строиться по следующей схеме: пленум из 15 человек, где было бы по пять представителей от кабардинцев, балкарцев и русских; Большой президиум из семи человек: по два представителя от основных трех групп населения и один секретарь обкома РКП(б); Малый президиум из четырех человек: одного председателя и двух заместителей (один из них – председатель исполкома Балкарии) и

секретаря обкома РКП(б)¹⁵. Процесс образования автономии Кабардино-Балкарии завершил областной съезд Советов 6 декабря 1922 г. избранием членов облисполкома. Председателем областного исполкома был избран Б. Каамыков, его заместителями – М. Энеев и Ф. Фадеев.

Особенностью образования единой автономии являлось то, что она создавалась не на этнической основе. Территориальная и экономическая общность двух разных народов – вот то объективное начало, способствовавшее их объединению, отодвинув этнический признак на второй план. Нельзя было не учитывать и исторический фактор – длительное совместное проживание. Еще до революции Кабарда и Балкария входили в Нальчикский округ и были в рамках единого административного управления с центром в Нальчике. В первые годы Советской власти нередко были совместные заседания высших партийных и советских органов, в исполкомы Кабардинского и Балкарского округов были введены по три представителя от кабардинского и балкарского народов с правом решающего голоса¹⁶. Как отмечает профессор М. М. Кучуков, с созданием КБАО оба народа объединились «на равноправной основе, где органы государственной власти создавались на паритетной основе, где учитывалось, в первую очередь, наличие двух народов, создающих это государство как равноправные субъекты»¹⁷. В основу государственного устройства КБАО был положен национально-территориальный принцип с элементами национально-культурной автономии для национальных меньшинств, населяющих автономную область. Они также получили возможность для реализации своих интересов. Со временем в области были организованы самостоятельные сельские Советы для горских цыган, цыгов, болгар и осетин.

Историческое значение образования КБАО состояло в том, что с ее возникновением кабардинский и балкарский народы впервые за свою историю обрели свою национальную государственность. В рамках автономной области народы получили самостоятельность в вопросах руководства внутренней жизни области, распространяющуюся на сферу государственного управления без предоставления законо-

дательных прав. Это означало, что здесь не будет ни своего законодательного органа, ни верховного суда, ни управленческих структур министерского уровня. В этом смысле, автономия предполагала усиление экономических и политических связей с экономически более развитыми областями страны, что объективно способствовало развитию хозяйственной и культурной жизни народов.

Для поддержания постоянного координирующего контакта между центром и автономной областью при Наркомнаце РСФСР было создано представительство КБАО, обладавшее соответствующими полномочиями: входить от имени своего облисполкома с представлениями и ходатайствами во ВЦИК, Совнарком и наркоматы РСФСР, информировать органы власти своей области о важнейших мероприятиях РСФСР и органы власти и управления РСФСР о состоянии экономики и нуждах КБАО.

До 1924 г. автономная область делилась на пять административно-территориальных округов: Нальчикский, Балкарский, Баксанский, Мало-Кабардинский и Урванский. К 1926 г. к ним добавились три новых округа – Нагорный, Прималкинский, Казачий. Постановлением ВЦИК от 30 сентября 1931 г. округа были упразднены и взамен были созданы районы, количество которых постепенно возрастало, и к началу Великой Отечественной войны, их было уже 16.

Образование СССР и изменение правового положения союзных республик, вызвали, в свою очередь, изменение правового положения автономных республик и областей. В отношениях между автономиями и федерацией стали проследиваться тенденции к централизации управления со стороны федеральных органов власти. 13 февраля 1924 г. была учреждена Юго-Восточная область в составе Донской, Кубано-Черноморской областей, Ставропольской и Терской губерний, города Грозного, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Адыгейской и Чеченской автономных областей. Устанавливалась система управления: область – округ – район¹⁸. 16 октября 1924 г. Юго-Восточная область была преобразована в Северо-Кавказский край. В 1924–1936 гг. Кабардино-Балкария входила в состав Северо-

Кавказского края, являвшего для нее, в известной степени, промежуточным звеном во взаимоотношениях с центральными органами РСФСР.

В национальной политике СССР выделяется период начала 1930-х гг., когда государство особое внимание уделяло пожеланию национальных меньшинств и был реализован «принцип национальности». Создавались национальные районы и республики, выделялось дополнительное целевое финансирование для их хозяйственного и культурного развития.

Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 г., внесла изменения в национально-государственное устройство страны и положила начало новому этапу в этом процессе. Были оформлены новые союзные республики, а несколько автономных областей преобразованы в автономные республики. 12-я статья Конституции преобразовала КБАО в КБАССР. Но это начало переход к более высокой форме национальной государственности – от административно-политической к национально-государственно-политической. На основе Конституции СССР и РСФСР был разработан проект Конституции КБАССР, который был опубликован для всенародного обсуждения. Граждане республики высказались за одобрение проекта и его утверждение. В ходе обсуждения были внесены предложения о поправках и дополнениях к проекту, выражалась поддержка проводимой государством политики.

24 июня 1937 г. Чрезвычайный X съезд Советов КБАССР принял Конституцию республики. Она отразила и закрепила изменения, которые произошли в республике после образования КБАО, и была составлена в полном соответствии с Конституциями СССР и РСФСР, но учитывала и конкретные особенности субъекта.

В первой главе Конституции республики закреплялись политические и экономические основы государства применительно к КБАССР, а также основы социалистического строя. Она, прежде всего, закрепила социалистический характер республики и показала ее классовую сущность, провозгласив, что КБАССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян. В Конституции нашли свое выражение принципы

народовластия и новые взаимоотношения между классами советского общества. Она установила, что власть в КБАССР принадлежит трудящимся города и села в лице Советов депутатов трудящихся, являющихся политической основой республики.

Основной закон республики закрепил общественное, государственное и политическое устройство Кабардино-Балкарии, определил основные права и обязанности граждан. Высшим органом власти по Конституции являлся Верховный Совет КБАССР, осуществлявший все права, присвоенные КБАССР. В период между сессиями Верховного Совета высшую власть осуществлял Президиум, имевший широкий круг полномочий, в том числе – решение вопросов государственного устройства и административно-территориального деления.

Высшим исполнительным и распорядительным органом власти КБАССР являлся Совнарком (с 1946 г. – Совет Министров). Отдельными отраслями государственного управления руководили министерства, подчиняющиеся как Совмину КБАССР, так соответствующим министерствам РСФСР.

Конституция закрепила широкие права, свободы и обязанности граждан, зафиксировала положение о том, что выборы происходят на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, установила основные принципы организации и деятельности органов правосудия и органов надзора за соблюдением социалистической законности.

В июне 1938 г. состоялись выборы в верховные советы РСФСР и КБАССР, а в декабре следующего года – выборы в местные советы. С их завершением практически была закончена работа по созданию Кабардино-Балкарской АССР. Она являлась формой советской автономии и обладала признаками и особенностями советского государства. Кабардино-Балкария имела свою территорию, которая не могла быть изменена без ее согласия, конституцию, гражданство, завершенную систему органов государственной власти, государственный герб и флаг. Одиннадцать депутатов от КБАССР теперь представляли интересы республики в Верховном Со-

вете СССР, до этого их было пять. Особенностью Кабардино-Балкарии являлось то, что она, будучи составной частью союзной республики, осуществляла свою государственную власть на автономных началах лишь в области внутреннего самоуправления.

Конституция автономной республики подлежала утверждению на уровне РСФСР. 2 июня 1940 г. ВС РСФСР утвердил Конституцию КБАССР. Она получила юридическую силу для вступления в действие, и этим актом завершился процесс национально-государственного устройства КБАССР.

Конституция КБАССР 1937 г. закрепив достигнутые к этому времени определенные результаты развития общества, стала законодательной базой для развития КБАССР и совершенствования ее государственности в последующие десятилетия. Правда декларируемые в ней права и свободы граждан не всегда находили свое воплощение в действительности, что объяснялось сложившимися в стране политическими реалиями. Права граждан на деле зачастую нарушались.

В целом период 1920–1930-х гг., с точки зрения создания советским государством условий для национального строительства народов Кабардино-Балкарии, можно оценить как вполне позитивный. Однако формы государственного строительства автономии были строго определены советской властью, что позволило профессору В. Г. Шнайдеру определить советское нациестроительство на Северном Кавказе как директивное¹⁹. В ходе этого процесса создавалась новая социальная структура в среде горских народов, формировалась новая политическая элита. Несмотря на незавершенность курса «коренизации» местного партийного и советского аппарата, его можно отнести к числу положительных моментов взаимодействия государства с национальными меньшинствами.

В середине – второй половине 1930-х гг. советское государство уверенно начало обретать свою жестко тоталитарную сущность. Во взаимосвязи «государство – общество», второе начинает играть явно подчиненную роль.

Во второй половине 1930-х гг. в Кабардино-Балкарии ликвидировались национальные сельские Советы. Под прикрытием необходимости борьбы против «националуклонизма» и «буржуазного национализма» начались массовые репрессии против партийных и государственных деятелей, представителей творческой интеллигенции.

За 1917–1940 гг. кабардинский и балкарский народы прошли сложный путь становления и развития своей национальной государственности: от объединенной государственности в составе Горской республики, округов в составе Терской Республики и Горской АССР через национальную автономную область до Кабардино-Балкарской АССР. При этом следует отметить, что, идя на образование национальных республик, большевики неуклонно отстаивали незыблемость собственных позиций. Политическая деятельность большевиков обеспечивала укрепление основ новой общественной системы, в которой главную роль играла Коммунистическая партия. Построенная на принципе демократического централизма, она обеспечивала всеобъемлющий контроль за всеми сферами общественной жизни через систему партийных комитетов и репрессивно-карательных органов²⁰.

Примечания

1. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / Сост.: Г. И. Какагасанов, А.-Г. С. Гаджиев и др. Махачкала, 1994. С. 6; Музаев Т. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. Март 1917–1918 гг. М., 2007.

2. Союз объединенных горцев... С. 188, 190.

3. Цит. по: Ижаев М. Первая республика горцев // Газ. «Гипанис». 1994. № 1; см. также газ. «Ислам ньюс». 1992. № 6.

4. Образование СССР // Сборник документов 1917–1924 гг. М., 1949. С. 20.

5. См. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917–1941 гг. Майкоп, 1995. С. 94, 113, 144.

6. Тетугев А. И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. Нальчик, 2006. С. 72.

7. Шнайдер В. Г. Территориально-административные преобразования на Северном Кавказе в начале советского социального цикла (1920-е гг.) // История и обществознание. Армавир, 2008. Вып. VI. С. 23.

8. Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 4. С. 406.

9. Улизов У. А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабардино-Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов. Нальчик, 1979.

10. Бугай Н. Ф. 20-е годы: становление демократических форм управления на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 37.

11. Бугай Н. Ф. Горская АССР: правомерность создания, особенности, причины и ход ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации...

12. Шнайдер В. Г. Указ. соч. С. 23.

13. Кучуков М. М. Национальное самосознание и межнациональные отношения. Нальчик, 1992. С. 140.

14. За власть Советов в Кабарде и Балкарии: документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образование КБАССР (1917–1922 гг.). Нальчик, 1957. С. 496.

15. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922). Нальчик, 1957. С. 720, 721.

16. Кучуков М. М. Указ. соч. С. 137; Асанов В. Конфедерация горцев: база противостояния России? // Кабардино-Балкарская правда. 1992. 20 октября.

17. Кучуков М. М. Указ. соч. С. 142.

18. Шнайдер В. Г. Указ. соч. С. 25, 26.

19. Там же. С. 26.

20. Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 269.

«Все для фронта!»: мобилизация материальных и людских ресурсов в Кабардино-Балкарии *

Накануне Великой Отечественной войны Кабардино-Балкарская АССР занимала достойное место среди национальных образований Российской Федерации. По данным переписи 1939 г. там проживало 359 236 чел., в том числе 84 662 городского и 274 574 сельского населения. По составу населения республика была многонациональной: кабардинцы составляли 42 % населения, русские и казаки – 35 %, балкарцы – 11 %, горские евреи, немцы, осетины, грузины и представители других национальностей – 12 % [1]. В столице республики гор. Нальчике проживало около 50 тыс. чел.

За годы индустриализации республика сумела осуществить интенсивную модернизацию, значительно увеличив свой экономический потенциал. В строй действующих вступили 73 промышленных предприятий. Индустрия Кабардино-Балкарии была представлена в основном легкой, пищевой и металлообрабатывающей промышленностью [2, с. 107]. Большая часть крупных предприятий находилась на территории Нальчика. Тырныаузский горно-обогатительный комбинат – один из основных поставщиков вольфрама и молибдена в стране – относился к оборонному наркомату. В промышленном секторе производства было занято 11 700 чел. [3, с. 373].

Политикой коллективизации к 1941 г. было создано 160 колхозов, 11 совхозов и 16 машинно-тракторных станции [4, с. 205]. Они обрабатывали 287 500 га земли. Посевы кукурузы, пшеницы, подсолнечника, конопли, кенафа, а также бахчевые и огородные культуры, фруктовые сады давали высокие урожаи. На подъеме находилось и животноводство, особенно в горных и предгорных районах республики. В общественных хозяйствах насчитывалось 459 200 овец и

коз, 95 300 голов крупного рогатого скота, 64 500 лошадей, 19 200 свиней [5].

Как промежуточная территория между Западным и Восточным Северным Кавказом, Кабардино-Балкария осуществляла тесные транспортно-экономические связи региона со страной в целом. По ее территории проходил отрезок Северо-Кавказской магистрали железной дороги Ростов – Баку от которой отходило ответвление Прохладный – Нальчик. Станция Прохладная связывала Северную Осетию, Чечено-Ингушетию и Дагестан с Центральной частью страны. Через станцию осуществлялись железнодорожные перевозки грозненской и бакинской нефти, сюда прибывали и отправлялись дальше другие ценные грузы. Через Нальчик проходила автомагистраль, идущая от Ставрополя и Пятигорска к Орджоникидзе, Грозному и Махачкале. Железнодорожная и автотранспортная инфраструктура создавала условия для тесных связей Кабардино-Балкарии с главными промышленными центрами Северного Кавказа и РСФСР [6, с. 24].

Важной частью социально-экономической системы республики являлся санаторно-курортный комплекс, созданный на базе уникальных природных и лечебных минеральных источников. В 1936 г. Нальчик был включен в число курортов союзно-республиканского значения.

В республике была создана сеть общеобразовательных школ, средних специальных учебных заведений, с 1932 г. функционировал педагогический институт.

Великая Отечественная война коренным образом изменила налаженную в предвоенные десятилетия жизнь населения Кабардино-Балкарии. С первых дней войны руководство республики активно включилось в решение военно-хозяйственных задач. Развернулась работа по мобилизации сил и средств на борьбу с агрессором. По линии военкомата были созданы военно-мобилизационные пункты, которые занимались призывом в ряды действующей армии. В первые месяцы войны на фронт добровольцами ушли более 10 тыс. юношей. Значительная часть военнообязанных вошли в 174-ю и 337-ю стрелковые дивизии, которые формировались в основном из горцев Северного Кавказа. Всего за годы войны

* Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 1. С. 31–35.

республика проводила на фронт более 60 тыс. чел. [7, с. 378]. Перед лицом грозной опасности народы Кабардино-Балкарии продемонстрировали непреклонную верность Отчизне.

В директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» была дана развернутая программа мобилизации всех сил народа на отпор врагу. 4 июля 1941 г. в Нальчике состоялось собрание партийного актива. На нем были обсуждены вопросы перестройки партийно-политической работы и хозяйственной жизни республики на военный лад, всемерного использования материальных и людских ресурсов на нужды фронта [8].

В республике были приняты чрезвычайные меры по обеспечению выпуска военной продукции. Промышленные предприятия быстрыми темпами стали переводиться на военные рельсы и промышленность республики стала полностью работать на нужды фронта.

Война потребовала введения особых условий для работников тыла. Предприятия перешли на круглосуточную работу, рабочий день был удлиннен на два часа, введены обязательные сверхурочные работы, для колхозников повышен минимум трудодней. Промышленные предприятия республики наладили производство боеприпасов и военного снаряжения. На Прохладненском мотороремонтном заводе, вошедшем в состав 12-й ремонтной базы Главного автобронетанкового управления, ремонтировались подбитые танки и бронемашины. Цеха Тырнаузского вольфрамово-молибденового комбината давали ценнейшие металлы, необходимые для производства вооружения. Его коллектив также освоил выпуск ручных гранат и мин. Производство мин и снарядов было организовано и на Нальчикском гидротурбинном заводе. Позже здесь был налажен выпуск реактивных снарядов для гвардейцев минометов («Катюш»). Докшукинский спиртзавод стал поставлять для оборонной промышленности страны ацетон и бутанол. На заводе «Чинар» выпускались ручные гранаты и ранцевые огнеметы, бутылки с зажигательной смесью. По мобилизационному плану стали работать железнодорожники и связисты. Промысловые артели снаб-

жали оборонные заводы полуфабрикатами для изготовления деревянных частей стрелкового оружия, военно-инженерного имущества. Пищевые предприятия поставляли фронту мясные и овощные консервы, пищевые концентраты. Было налажено производство теплой одежды и белья, кожаной обуви, валенок [7, с. 395].

22 октября 1941 г. ГКО СССР принял постановление «О городских комитетах обороны». Отмечалось, что их создание подчинено интересам «сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в городах и прилегающих районах, представляющих ближайший тыловой район фронта...» [9]. Руководствуясь этим постановлением ГКО СССР, 25 октября был создан Нальчикский городской комитет обороны во главе с председателем — первым секретарем обкома ВКП(б) З. Д. Кумеховым.

Нальчикский комитет обороны являлся органом оперативного реагирования с чрезвычайными полномочиями. Им были разработаны мероприятия по обороне края, дальнейшей мобилизации военнообязанных в ряды Красной Армии, снабжению кавалерийских частей лошадьми, поставке фронту и стране продукции промышленности и сельского хозяйства [10, с. 21].

По решению городского комитета обороны, для укрепления оборонительного рубежа по Малке, Баксану и Терьку на строительные работы было мобилизовано около 40 тыс. чел. Рабочие, колхозники, учителя, врачи, студенты, домохозяйки в возрасте от 16 до 60 лет самоотверженно трудились, укрепляя оборонительные линии. Было подготовлено около 50 км траншей, противотанковых рвов и несколько десятков долговременных огневых точек [11, с. 216].

Нальчикский комитет обороны организовал всеобщее военно-политическое обучение, сформировал батальоны народного ополчения, партизанские и истребительные отряды. На заседаниях органов партийной власти всех уровней неоднократно поднимались вопросы патриотического воспитания, идеологической и разъяснительной работы.

Лозунг «Все для фронта, все для победы!», выдвинутый в первые дни войны, оставался главным и для много-

национальной Кабардино-Балкарии. Трудящиеся республики приняли активное участие в продовольственном и сырьевом обеспечении советских воинов. На фронт ушли 23 вагона с теплыми вещами и 20 с продовольствием. На фронт выезжали и специальные делегации от трудящихся Кабардино-Балкарии с подарками для воинов. Встречи делегации с фронтовиками имели огромное морально-политическое значение, укрепляли живую связь фронта и тыла, дружбу многонационального советского народа [10, с. 58].

Большой вклад в дело обеспечения Красной Армии продовольствием вносили труженики сельского хозяйства республики. За годы войны они сдали государству в счет госпоставок и в Фонд Красной Армии 287 тыс. т зерна, 97 тыс. ц мяса, 56 тыс. т картофеля, немало других продуктов питания. Красная Армия получила 28 тыс. строевых лошадей. Одной из важных форм помощи фронту были сбор средств на вооружение Красной Армии, создание Фонда обороны. Он возник из добровольных пожертвований и взносов населения. Добровольные взносы трудящихся Кабардино-Балкарии в Фонд обороны, на строительство боевой техники составили 160,5 млн руб. [7, с. 398]. В перечисленных цифрах – огромный труд десятков тысяч людей.

Комплекс важных военно-хозяйственных задач решали транспортники. С приближением фронта поток грузов через станции Котляревская и Прохладная нарастал. Бригады железнодорожников обеспечивали бесперебойное движение поездов, помогая доставить фронту вооружение, боеприпасы, снаряжение, другие материальные средства.

Вместе с рабочими и колхозниками самоотверженно трудилась интеллигенция республики. Активную помощь фронту оказывали деятели литературы и искусства [12, с. 168–174, 190–199].

С уходом на фронт мужчин основной производственной силой на заводах и фабриках, полях и фермах стали женщины, подростки и старики. Они выпускали снаряды, мины, гранаты, обмундирование, снабжали фронт продовольствием. Люди работали днем и ночью, ежедневно выполняя и перевыполняя нормы.

Война высветила всю мощь и величие женского характера, безмерность ее морального потенциала и духовной силы. Больших успехов достигли женщины-горянки в промышленном производстве. На предприятиях широкое распространение получили двухсотники, трехсотники, движение за совмещение профессий. Двух, – трехсотники трудились и в сельском хозяйстве. Призыв «Девушки, на трактор!» нашел широкий отклик. 782 женщины в Кабардино-Балкарии стали трактористками и комбайнерами [10, с. 29]. Организовывались женские сенокосные бригады по заготовке сена для общественного животноводства.

Женские активы проводили работу по выявлению нужд семей военнослужащих, организовывали среди населения сбор подарков бойцам, разоблачали всякого рода клеветнические и направленные на создание паники среди населения разговоры.

Более 1 тыс. студентов учебных заведений, учащихся средних школ объявили себя мобилизованными для трудового фронта, пошли работать в промышленность и в колхозы. К ноябрю 1941 г. в сельском хозяйстве работало 150 комсомольско-молодежных фронтовых звеньев по уборке урожая [10, с. 32].

Активно привлекались люди пожилого возраста, чьи практические навыки, умения и советы, а также физические силы были неоценимы в условиях малого числа здоровых мужчин. 70-летние старики систематически выполняли дневную норму на поле и по сенокосению на 120–150 %. Мотивацией самоотверженного труда стариков, женщин и подростков стали как патриотические настроения всего населения страны, так и личные чувства, желание не подвести своих сыновей, мужей и отцов, обеспечив им надежный тыл [13, с. 134].

Война требовала постоянного пополнения сражающейся Красной Армии новыми воинами. В соответствии с постановлением ГКО СССР от 13 ноября 1941 г. в Кабардино-Балкарии началось формирование 115-й национальной кавалерийской дивизии. Ее численный состав определялся в 1,5 тыс. активных сабель. Кавдивизия была полностью уком-

плектована, вооружена и экипирована за счет материальных и людских ресурсов республики. Колхозы, совхозы и предприятия принимали активное участие в поставках лошадей, седел, бурок, бричек, фуража. 20 пулеметных тачанок для кавалеристов изготовили заводы и механические мастерские гор. Грозного [14]. Командиром 115-й кавдивизии, согласно приказу штаба Северо-Кавказского военного округа, стал кадровый военный, полковник А. Ф. Скороход. Начальником политотдела был назначен секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) М. Т. Селяев. Факт формирования национальной дивизии имел, кроме всего, и политическое значение. Этим актом еще раз подчеркивалось значение участия в защите многонационального советского государства всеми населяющими его народами. 10 мая 1942 г. дивизия отбыла в состав действующей армии на Южный фронт. На подступах к Сталинграду кавалеристы дрались с ожесточением, проявляя мужество и стойкость [15, с. 37–44].

На базе лечебных и школьных учреждений Нальчика, санаториев и домов отдыха Долинска были развернуты 14 эвакуационных госпиталей на 13 тыс. коек [16]. До оккупации республики профессионализм и трудовой подвиг медицинских работников госпиталей вернули в строй около 60 тыс. раненых и больных бойцов и командиров Красной Армии.

Вниманием окружили жители республики семьи фронтовиков, а также эвакуированное сюда население. С началом войны Кабардино-Балкария стала одним из главных мест эвакуации. Республика приняла и разместила 16,5 тыс. эвакуированных из Ленинграда, Москвы и других городов население [10, с. 62]. Известный композитор Дмитрий Кабалевский вспоминал, что трудящиеся Кабардино-Балкарии относились по-братски к эвакуированному населению, даже кое-кто усыновлял детей, оставшихся без родителей.

Народ, сплотившийся в общей беде, в самоотверженном труде во имя победы, не скрывал своей неприязни к спекулянтам, ловкачам, трусам и стяжателям, пытавшимся нажиться на страданиях людей.

Как видно, народы Кабардино-Балкарии вместе со всем советским народом ковали победу над фашизмом на фронте

и в тылу. С первых дней войны в республике развернулась работа по мобилизации сил и средств на борьбу с агрессором, обеспечению быстрой перестройки экономики на военный лад. Добровольно ушли на фронт и были призваны в армию десятки тысяч жителей республики. Образцы труда показали оставшиеся в тылу рабочие, специалисты, служащие, женщины и подростки. Трудящиеся республики внесли существенный вклад в продовольственное и сырьевое обеспечение Красной Армии.

Литература и источники

1. Социалистическая Кабардино-Балкария. 1939. 20 июня.
2. Кпрмов А. Х. Модернизационные процессы развития экономики Кабардино-Балкарии в 20–30-е гг. XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 6 (50). С. 105–112.
3. История индустриализации Северного Кавказа. Документы и материалы / Гл. ред. В. И. Филькин. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. – 624 с.
4. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации ВКП(б) / Отв. ред. В. К. Тлостанов. Нальчик: Эльбрус, 1971. – 395 с.
5. Центр документации новейшей истории КБР (ЦДНИ КБР), ф. 111, оп. 2, д. 943, л. 59.
6. Бураев Р. А. География Кабардино-Балкарии: что? где? когда? Нальчик: Эльбрус, 1997. – 200 с.
7. История многовекового содружества / Отв. ред. Б. Х. Бгажников. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.
8. Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 6 июля.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 644, оп. 1, д. 12, л. 180.
10. Хикматов Е. Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик: Эльбрус, 1978. – 318 с.
11. Сабанчиев Х.-М. А., Хочуева Ф. С. Германская оккупация территории Кабардино-Балкарии и ее освобождение (К 70-летию Победы) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 2 (64). С. 215–222.
12. Хунцуг Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. – 452 с.

13. Аккиева С. И., Сабанчиев Х.-М. А. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.). Нальчик: Эльбрус, 2014. – 320 с.
14. РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 513, л. 12.
15. Хатукаев А. Т. Боевой путь 115-й кавалерийской дивизии. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 108 с.
16. ЦДНИ КБР, ф. 1, оп. 5, д. 5, л. 100.

Юг России в планах фашистской Германии *

Срыв плана молниеносной войны сделал вполне очевидной потребность в наращивании военно-технического потенциала германской армии на Восточном фронте и, следовательно, необходимость в обеспечении боевой техники горюче-смазочными материалами. Это и другие причины подтолкнули Гитлера приступить в начале 1942 г. к подготовке грандиозного наступления на кавказском направлении.

Командованием германской армии была разработана операция по окружению и разгрому Красной Армии на Северном и Южном Кавказе. Общая цель операции состояла в том, чтобы захватить богатые нефтеносные и хлебородные районы Юга России и к началу октября 1942 г. занять исходные позиции в районе Тебриза и Керманшаха для наступления в направлении ирано-иракской границы. 1 июня 1942 г. в Полтаве, на совещании в штабе группы армии «Юг», Гитлер заявил: «Моя основная цель – занять область Кавказа, возможно, основательно разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен прекратить войну» [10, с. 273].

После тяжелых поражений советских войск под Керчью и Харьковом немцы овладели стратегической инициативой. На южном участке фронта немецкое наступление началось 28 июня. Оно носило исключительно ожесточенный характер. Для немецких войск, направляемых на Кавказ, был издан подробный справочник-путеводитель. В приложении к нему разъяснялись цели наступления: Баку – нефть, Грозный –

лучший в мире бензин, Кабардино-Балкария – молибден, Осетия – цинк, Зантезур – медь [6, с. 153]. Наступление немецко-фашистских войск на Юге России приняло характер блицкрига. 24 июля 1942 г. ими был занят Ростов-на-Дону, 3 августа – Ставрополь, 9-го – Пятигорск, 12-го – Краснодар, 25 августа – Моздок, 25 октября – Нальчик. К осени 1942 г. немецкая армия захватила территорию Юга России общей площадью около 240 тыс. кв. км, на которой в то время проживало около 7 млн чел.

Гитлеровцы стремились использовать захваченные советские предприятия для нужд своей армии. В воззвании к населению командующего группой немецкой армии «Юг» указывалось, что все жители должны оставаться на своем постоянном месте жительства; рабочие, служащие и чиновники, учреждения которых не пострадали во время военных действий, должны быть готовы вновь начать работу [5, с. 72]. В течение нескольких месяцев 1942 г. в Таганроге действовал завод по производству мотоциклов для нужд германской армии, функционировала обувная фабрика. Находясь под оккупацией, люди работали, чтобы прокормить себя и свои семьи. Пример патриотизма и ненависти к врагу показала группа рабочих Ростовской швейно-обувной фабрики. Они испортили значительную партию кожсырья, 480 кавалерийских седел, предназначенных для немецкой армии, и 13 бочек красителей для обработки кожи [8, с. 95].

Подготовкой к активной эксплуатации северокавказских нефтепромыслов занялось «Восточное нефтяное общество». До декабря 1942 г. удалось добыть незначительное количество нефти. Деятельность общества была свернута в связи с успешным отступлением немецких войск.

Немецкая земельная реформа предполагала превратить земли Юга России в сельскохозяйственную вотчину Третьего рейха. Нацистская пропаганда заявляла, что на оккупированных территориях колхозы будут сохранены до окончания войны, а затем немцы распределят землю между семьями, и хозяйства будут развиваться индивидуально. Каждый крестьянин сможет иметь собственный скот в неограниченном количестве [4, с. 376]. Следует признать, что немецко-фа-

* Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 136–142.

шистская аграрная политика дезориентировала значительную часть населения. Во многом это связано с перегибами и нарушениями законности в проведении коллективизации сельского хозяйства. Несмотря на это, оккупанты не смогли добиться главного – бесперебойного снабжения сельскохозяйственной продукцией солдат вермахта и гражданского населения Германии [8, с. 119].

Кавказ в завоевательных планах имел для Германии не только экономический, но и военно-политический интерес. Альфред Розенберг, бывший подданный Российской империи и главный теоретик по «восточному вопросу», подготовил целый ряд проектов по расширению и укреплению германского владычества на Кавказе. Был разработан специальный план «Эдельвейс», по которому немецкое командование после захвата Кавказа должно было организовать рейхкомиссариат «Кавказ», охватывавший территории от левого берега Волги и левобережья Дона до иранской и турецкой границ СССР. Площадь насчитывала 500 тыс. кв. км, а население – 18 млн чел. По немецким планам, этот рейхкомиссариат делился в свою очередь на 7 генеральных комиссариатов, а именно: Грузию, Азербайджан, Горный район (Дагестан, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Карачаево-Черкесия) и т. д. Резиденцию рейхкомиссариата предполагалось обосновать в г. Тбилиси [9, с. 415]. Все это было направлено на достижение единственной цели – установление на Кавказе долговременного господства Германии.

К германской политике на Кавказе и в Крыму активно привлекалась Турция. Турецкие руководители высказывали заинтересованность относительно будущего территорий СССР, населенных мусульманскими народами, и их судьбы. Ввиду этого сближение с Турцией представлялось для Германии весьма заманчивым и использовалось гитлеровцами для реализации стратегических задач войны на Ближнем Востоке. Но Гитлер вовсе не желал, чтобы Турции удалось без войны разыграть роль покровительницы мусульманских и тюркских народов. В ответ на высказанную премьером Сараджоглу озабоченность по поводу нежелания Германии предоставить

самостоятельность территориям, населенным тюркскими народами, Гитлер предложил германскому послу в Анкаре фон Папену проявить «большую сдержанность» и не форсировать тему. Тем самым был положен конец игре в пантюркизм, но она в известной мере повредила некоторым тюркским народам и роковые для них 1943–1944 гг. [3, с. 137–140].

Для реализации своих планов немецкие власти установили контакты с кавказской эмиграцией, проживавшей в Турции после гражданской войны в России. Узнав о начавшейся войне, эмиграция воспрянула духом. Эмигранты с Кавказа еще в 1920-х гг. создали организацию «Прометей». Она придерживалась проанглийской и профранцузской ориентации. Активным деятелем северокавказского комитета был Саид Шамиль, внук легендарного имама. Немецкие власти считали, что внук имама – именно та личность, которая сможет объединить вокруг себя кавказскую эмиграцию. Под влиянием части эмиграции Шамиль начал нащупывать почву, а с началом войны, пытаясь использовать благоприятный момент, хотел заручиться поддержкой гитлеровской Германии для реализации планов «независимости Кавказа».

В Берлине Шамиль высказывал мнение, что Кавказу нужно предоставить автономию, близкую к полной независимости. К этой идее он возвращался несколько раз. Но как раз тогда меньше всего входило в намерения Гитлера. Программа Шамиля оказалась для немецких властей чересчур независимой. Она противоречила сути и духу германской политики на Кавказе. Переговоры затянулись. Шамиль понял, что от Гитлера ему ждать нечего, прервал переговоры и осенью 1941 г. уехал в Турцию. Здесь он пытался создать «Кавказскую независимую добровольческую армию» как отдельное формирование в турецких войсках, но его план успеха не имел. По предложению Шамиля на стезю активного сотрудничества с немцами вступил Алихан Кантемир [12, с. 42].

Гитлеровцы использовали эмигрантов для помощи в формировании добровольческих частей. Кантемир и его соратники создали в 1942 г. в Берлине «Северокавказский национальный комитет», издавали на русском языке журнал «Северный Кавказ» и газету «Газават». Образование комитета

дало толчок к усилению сотрудничества с немцами: комитет проводил вербовку советских военнопленных родом из Северного Кавказа в военные формирования рейха. Создание в составе германских вооруженных сил добровольческих северокавказских легионов началось в феврале 1942 г. Добровольность военнопленных нередко была вынужденной, хотя некоторые руководствовались и политическими мотивами.

В сентябре 1942 г. командование группы армии «Юг» стало формировать казачьи воинские части. Этой акцией занимался полковник фон Панквиц. На помощь немецким властям в формировании коллаборационистских казачьих войск на Северный Кавказ прибыли атаманы времен гражданской войны П. Краснов и А. Шкуро и представитель «Казачьего национального движения» Р. Алидзаев. На Кубани формированием воинской казачьей части «Свободная Кубань» занимался бывший полковник Красной Армии М. Шаповалов [8, с. 34, 35]. В Адыгею прибыл бывший командир «дикий дивизии» генерал Султан-Гирей Клыч. Для идеологического обоснования своих действий нацистами была разработана теория, согласно которой казаки являлись потомками остготов, владевших причерноморским краем во II–IV вв. нашей эры и, следовательно, не славянами, а народом германского корня, «сохраняющим прочные кровные связи со своей германской прародиной» [8, с. 34].

В общей сложности 70 тыс. казаков и 30 тыс. горцев Юга России пошло на услужение фашистам [5, с. 71]. Одну из причин этого негативного явления следует искать в ошибках в национальной политике, проводимой здесь в предвоенные годы, политических и социально-экономических факторах их жизни при советской власти, репрессиях со стороны сталинского режима в 1920–1930-х гг. В период оккупации коллаборационизм стал своеобразным ответом на эти перегибы и гонения.

Активизация деятельности оккупантов по формированию антисоветских военных частей из местного населения и военнопленных вынудила командование Красной Армии и советские спецслужбы к ответным действиям. Была развернута большая агитационно-пропагандистская работа среди

населения оккупированных районов. Ее результатом стало моральное разложение и как следствие массовое дезертирство военнослужащих, в частности, укомплектованной на территории Карачая роты из карачаевцев и балкарцев [9, с. 438].

Сделав эмигрантов и военнопленных «патриотами-освободителями», германское руководство бросило их в самые ожесточенные бои на Северном Кавказе, где основная часть кавказцев показала себя неплохо. Однако часть военнопленных не принимала идеи «освобождения», т. к. выросла в советское общество, имела советское воспитание и не ориентировалась лишь на национальную идею [1, с. 79]. Эти добровольцы-военнопленные в боевых условиях не демонстрировали военные качества северокавказцев, а проявляли пассивность, при первом случае даже перебежали к своим [7, с. 35, 36]. Это говорило о плохой психолого-идеологической подготовке военнопленных. Однако ни при каких условиях не мог вызвать сомнения тот, кто помогал противнику. Поэтому расстрелы захваченных в период наступательных боев коллаборационистов воспринимались населением как совершенно справедливое наказание.

Идея об особой миссии Германии в отношении Кавказа сформировалась еще в период Первой мировой войны. Национальный вопрос с самого начала занял видное место в идеологии германского фашизма. Свои подлинные планы в отношении народов Кавказа нацисты пытались камуфлировать при помощи демагогии и пропаганды. Политика на Кавказе обсуждалась в Берлине весной 1942 г. накануне наступления на советско-германском фронте.

Основные положения немецкой пропагандистской линии были определены следующим образом:

- Германия рассматривает кавказские народы как дружественные;
- германские вооруженные силы берут на себя защиту кавказских народов и освобождают их от большевистского ига;
- национальные, культурные и хозяйственные силы Кавказа будут свободно развиваться, традиции и обычаи уважаться;

- кавказским народам будет предоставлено самоуправление под немецкой гарантией, они будут пользоваться родным языком и иметь собственные школы;
- предпринимательство и торговля получают неограниченную свободу [12, с. 43].

Б. Н. Ковалев считает, что подобный ход нацистского руководства можно объяснить, с одной стороны, стремлением найти новых союзников в затянувшейся войне с Советским Союзом, а с другой – планами наступления вермахта летом 1942 г. на южном участке фронта [8, с. 300].

Летом 1942 г. германское командование издало ряд распоряжений и инструкций по общению немцев с нерусским населением Кавказа. В одном из приказов командования группы армии «Юг» предписывалось следующее:

1. Уважать собственность горских народов. Изъятия проводить только за плату.
2. Все мероприятия, обусловленные войной и касающиеся горцев, следует обосновывать.
3. Уважать честь кавказских женщин [8, с. 300].

Следует подчеркнуть, что эти обещания и уступки были продиктованы чисто тактическими расчетами и только. Никакими обещаниями нацистам не удалось склонить на свою сторону кавказские народы, они остались верными Отчизне, патриотами родного края и России. Об этом свидетельствует и период непосредственных боевых действий на Северном Кавказе.

По инициативе немецких властей в августе 1942 г. начался выпуск газеты «Утро Кавказа». Ее главным редактором стал бывший узник советского концлагеря писатель Борис Ширяев. Кроме него, в роли поставщиков информации выступали добровольцы из числа антисоветски настроенной интеллигенции, граждане, осужденные за политические и уголовные преступления. Нацисты усиленно подчеркивали независимость коллаборационистской прессы в своих суждениях. На самом деле они активно занимались идеологическим разложением местного населения, противопоставляя интеллигенцию и большевиков, народ и коммунистов [2, с. 118, 119].

Когда немецкие армии вышли к Кавказу, в Берлине в сентябре 1942 г. было решено применить особую политику и пойти на создание местных национальных правительств-марионеток Германии. Рейхминистр пропаганды Йозеф Геббельс считал, что «в отдельных областях России целесообразно образовать марионеточные правительства, которые стали бы проводить в жизнь наиболее неприятные и непопулярные мероприятия. Тем самым был бы создан фасад, за которым стало бы легче маскировать свою политику» [11, с. 256].

Для административных органов в оккупированных районах немцы готовили кадры из числа белоэмигрантов, с которыми представители национал-социалистической партии имели контакты. При этом нацисты исходили из того, что в глазах местного населения эмигранты явились бы более авторитетной силой, чем немецкие оккупационные службы.

В Кабардино-Балкарии было создано «Представительство интересов Кабардино-Балкарии», в Карачае – «Карачаевский национальный совет», в Черкесии – «Черкесская управа». Организация «национальных правительств» на местах во главе с привезенными немцами эмигрантами носила исключительно утилитарный характер. За декларативными заявлениями новой администрации о заботе и нуждах мирного населения скрывалась одна задача: содействие гитлеровцам в их войне против СССР. Несмотря на активную поддержку нацистов, марионеточные правительства не смогли взять под жесткий контроль значительную часть населения оккупированных территорий Юга России. К тому же идеи фашистов, проповедуемые эмигрантами, оказались чуждыми горским народам Кавказа. Не случайно командующий южной группой генерал-фельдмаршал фон Манштейн в мае 1943 г. не без иронии констатировал провал использования против советской власти народов оккупированных территорий Кавказа.

В процессе оккупации территории Юга России гитлеровцы активно разыгрывали религиозную карту. Началось восстановление закрытых большевиками церквей и мечетей, строительство новых. Фашисты стали восстанавливать христианские православные и мусульманские праздники.

Граждане, вынужденные скрывать при советской власти свои религиозные убеждения, теперь получили возможность открыто их демонстрировать, посещать церкви, мечети и жить в соответствии с канонами своей религии [5, с. 77].

В мае 1942 г. влиятельный лидер эмиграции в меморандуме германскому командованию обращал внимание на важность использования на Кавказе исламского фактора. Автор, в частности, советовал нацистам, что при вступлении на Кавказ «Германии нужно завоевать душу исламского мира» [13, с. 383]. Поэтому нацисты на Кавказе изображали себя «истинными друзьями ислама». Под внешней оболочкой дружественности скрывалась жестокая расчетливость завоевателей, рассматривавших народы Кавказа лишь как орудие для своих планов и объект для эксплуатации. На захваченной территории Юга России, как и повсюду, где установилась оккупационная власть, происходили события одного порядка: массовые аресты и расстрелы, эксплуатация местных человеческих и материальных ресурсов, вывоз населения на работы в рейх, ликвидация учреждений науки и культуры.

Вопреки своим демагогическим заявлениям немецко-фашистские захватчики установили здесь режим кровавого террора и насилия. Особенно бесчинствовал батальон «Бергман» («Горец»), сформированный в Силезии капитаном Т. Оберлендером. Для службы в этом особом соединении отбирались только те, кто действительно по идейным и политическим соображениям был готов сражаться с большевизмом. По свидетельству немецкого командования, в боях легионеры показали себя хорошо, упорно и стойко сражаясь с советскими войсками. По приказу своего командира уничтожали мирных граждан и военнопленных [1, с. 100]. Фашисты не жалели ни женщин, ни стариков, ни детей. На оккупированной территории Юга России немцы и поступившие к ним на службу каратели убили 33 тыс. 833 лица из гражданского населения и 2 тыс. 330 военнопленных.

Вывоз продовольствия и сырья происходил в широком масштабе с чисто немецкой методичностью и фашистской беспощадностью. Общая сумма ущерба, причиненного не-

мецко-фашистскими оккупантами населению и народному хозяйству оккупированной части Юга России, составила свыше 40 млрд руб.

В целом политика фашистской Германии на Юге России не достигла своей цели и провалилась. Нацисты упускали из вида, во-первых, что народам Кавказа во все времена были ненавистны любые завоеватели, что бы они ни сулили. Во-вторых, расовая теория, возвеличивающая немцев как народ господ, практика уничтожения десятков тысяч людей, угон населения и эксплуатация его в Германии вызвали не только ужас, но и ненависть. В-третьих, античеловеческий характер идеологии и практики гитлеровского рейха абсолютно исключал сколько-нибудь длительное сотрудничество с ним больших групп населения. Только те, кто стали вольными или невольными соучастниками фашистских злодеяний, шли с гитлеровцами до конца. Наконец, вряд ли бывают войны, в которых агрессор хотел бы сделать свою жертву счастливее. Кавказцы это прекрасно понимали.

Литература

1. Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М.: Яуза, 2006. – 350 с.
2. Беликов Г. А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – сентябрь 1943. Ставрополь, 1998. – 220 с.
3. Гасанлы Дж. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр пропаганды, 2008. – 664 с.
4. Дробязко С. И. Под знаменем врага. М., 2004. – 412 с.
5. Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2009. № 6. С. 70–79.
6. Загоруйко М. М. Крах плана «Ольденбург». М., 1980. – 284 с.
7. Кавказ, 1942–1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 32–39.
8. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Нов. ГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – 372 с.
9. Койцунев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону:

Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 1998. – 470 с.

10. Кубань в годы Великой Отечественной войны. Хроника событий. Краснодар, 2000. – 438 с.

11. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). М., 1974. – 360 с.

12. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. – 170 с.

13. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. – 486 с.

Германская оккупация территории Кабардино-Балкарии и ее освобождение *

Летом 1942 г. немецкая армия возобновила наступление, одной из задач которого была овладение Кавказом и Закавказьем. На южном направлении немецкое наступление началось 28 июня. Общая цель операции состояла в том, чтобы захватить богатые нефтеносные и хлеботорные районы Юга России [8, с. 273].

7 августа 1942 г. на территории Кабардино-Балкарии вводится военное положение. По решению Нальчикского комитета обороны для укрепления оборонительного рубежа по Малке, Баксану и Тереку на строительные работы было мобилизовано около 30 тыс. чел. Рабочие, колхозники, учителя, врачи, студенты, домохозяйки в возрасте от 16 до 60 лет самоотверженно трудились, укрепляя оборонительные линии. Было подготовлено около 50 км траншей, противотанковых рвов и несколько десятков долговременных огневых точек. В районе Солдатская – Прохладный был сооружен мощный противотанковый рубеж со сложной системой огневых точек. В основных ущельях, ведущих к перевалам Главного Кавказского хребта, силами местного населения и инженерно-саперными подразделениями Красной Армии были сооружены армейские оборонительные рубежи.

* Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 2. С. 215–222.

Всего в полосе боевых действий 37-й Армии, оборонявшей республику, было сооружено 23 оборонительных узла сопротивления. Благодаря их наличию 37-я Армия в течение почти трех месяцев держала активную оборону на участке в 120 км [16, с. 68–70; 2, с. 7, 8].

С приближением немцев в республике началась работа по эвакуации промышленного оборудования, сырья, общественного скота и населения. Решения о вывозе с территории республики всего перечня промышленной и сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственной техники принимались слишком поздно. В тревожных условиях быстрого продвижения врага эвакуация проходила в спешном порядке. 9 августа были вывезены часть зерна и 4 тыс. т готовой продукции лубяных заводов. Из 66 наиболее крупных предприятий республики было эвакуировано только 15. На эвакуацию остальных просто не хватило времени. Основная часть оборудования Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината, выпускающего стратегически важную продукцию, была своевременно вывезена в Дагестан. 5 ноября около 10 т вольфрама и молибдена, оставшиеся ценные инструменты и приборы гужевым транспортом перевезли в Грузию [9, с. 97].

Провальной можно назвать эвакуацию общественного скота, поскольку практически весь скот был захвачен фашистами. Только 70 тыс. голов успели перегнать через перевал Донгуз-орун в Закавказье.

Не обошлось без проблем при вывозе в тыл банковских ценностей. Значительная их часть была потеряна в хаосе эвакуации и использовалась затем гитлеровцами для укрепления своей оккупационной власти [9, с. 109].

Серьезные организационные издержки сопровождали кампанию по эвакуации населения в тыловые районы. Всего из Кабардино-Балкарии летом 1942 г. были эвакуированы 7647 чел. [5, с. 178]. В основном это – партийный, советский и комсомольский актив, сотрудники НКВД и НКГБ, работники Тырныаузского комбината и члены их семей. Из республики было вывезено три детских дома с 564 воспитанниками. Причины срыва эвакуационных мероприятий по вывозу населения – нехватка времени и отсутствие транспорта.

13 августа 1942 г. боевые действия начались на территории Кабардино-Балкарии. На прорыв оборонительных рубежей по Малке, Баксану и Тереку захватчики бросили две танковые дивизии, большое количество пехотных, военно-воздушных и других частей. Ожесточенность боев и натиск немцев на направлениях Нальчик, Майский, Прохладный и Моздок определялся директивой Вермахта прорваться к нефтяным районам Грозного и Баку в рамках 1942 г. Ареной жестоких боев стали селения Кызбурун I, Заюково, Кенделен, где враг пытался развить наступление на Нальчик, а также вверх по Баксанскому ущелью к Тырнаузскому вольфрамо-молибденовому комбинату и к перевалам Главного Кавказского хребта. Выйдя к рубежам рек Баксан и Кенделен, противник 15 августа пытался прорвать оборону на Нальчикском направлении. Однако успеха он не имел, немцы были остановлены на рубеже рек Баксан и Терек, где бои приняли позиционный характер. Фашистское командование решило произвести перегруппировку сил и направило их на Моздок с тем, чтобы по кратчайшему пути выйти к грозненской нефти. Продолжительное, незатухающее сражение разгорелось по всему оборонительному рубежу. 25 августа противник захватил Прохладный и начал наступление на юг вдоль железной дороги Прохладный–Орджоникидзе.

К покорению Кавказа фашисты готовились давно и основательно. Специально обученные части из дивизии «Эдельвейс» заблаговременно прошли горную подготовку, имели соответствующее снаряжение для ведения боевых действий в горах. Многие из них еще до войны побывали в Кабардино-Балкарии в качестве туристов и альпинистов, а на их подробных картах были отмечены даже козьи тропы. 15 августа 1942 г. специальный отряд капитана Грота из дивизии «Эдельвейс» с секретным заданием двинулся к склонам Эльбруса. При капитане находились два полотнища с фашистской свастикой, освященных на специальной церемонии в ставке фюрера. 21 августа отряд Грота установил черно-красные нацистские штандарты на вершинах Эльбруса [2, с. 157]. Это был политический успех, но военного успеха в горах Кавказа фашисты не имели.

Осенью 1942 г. началась Малгобекская оборонительная операция. 20 сентября противник перешел в наступление, нанеся удар из района Нижнего Курпа на Верхний Акбаш и Плановское. К исходу 24 сентября немцам удалось захватить плацдарм на левом берегу р. Терек в районе Пришибской, Майского и Котляревской. Одновременно с Малгобекской операцией проходила оборона перевалов. Несмотря на большие потери, немецкое командование не отказалось от захвата перевалов Главного Кавказского хребта в районе Эльбруса. В ходе ожесточенных боев в сентябре-октябре 1942 г. советским войскам удалось организовать прочную оборону в районе перевалов. Наступление врага через перевалы Главного Кавказского хребта было сорвано.

25 октября 1942 г. противник перешел в наступление на участке Баксан – Кызбурун III и началась Нальчикская оборонительная операция. Ударами с земли и воздуха противник пытался подавить оборону 37-й Армии. В течение трех дней на защитников Нальчика обрушилась мощь 70 вражеских бомбардировщиков, 270 танков. Не имея авиации, танков, артиллерии части 37-й Армии под давлением противника отошли к Нальчику. Гитлеровцы овладели селениями Яникой и Шалушка и вышли на юго-западную окраину Нальчика. Вечером 28 октября части 37-й Армии оставили Нальчик, уничтожив за время боев более 1500 гитлеровцев и 28 танков [16, с. 102].

30 октября противник возобновил атаки против разрозненных частей 37-й Армии. В течение дня он неоднократно атаковал оборону наших войск вдоль дороги Нальчик – Хасанья – Герпетегж. Советские войска вынуждены были отойти на оборонительный рубеж по линии Издара – Бабутент – Голубое озеро – Ташлы-Тала – верховье р. Урух. Ожесточенные бои продолжались в Чегемском и Баксанском ущельях. Измотанные в боях подразделения 37-й Армии отходили к естественным рубежам обороны, которыми являлись кавказские горы. Гористо-лесистые местности оказались спасительными для войск, враг лишился здесь преимущества в авиации, танках и артиллерии.

В течение почти трех месяцев шли оборонительные бои против немецко-фашистских захватчиков на территории

Кабардино-Балкарии, явившиеся важным звеном в срыве планов фашистов на кавказском направлении. Лишь в конце октября – начале ноября им удалось продвинуться в предгорья Кавказа. За исключением сел. Таплы-Тала и ряда высокогорных районов вся Кабардино-Балкария была захвачена врагом.

Занимая населенные пункты, оккупанты с присущими немецкому менталитету тщательностью и стремлением к порядку, насаждали новые управленческие структуры. Гитлеровские офицеры сразу же приступили к организации выборов местным населением бургомистров городов, районных управ, сельских старост, председателей сельских общинных хозяйств, уполномоченных от граждан и т. д. Оставшимся на оккупированной территории коммунистам предписывалось в обязательном порядке явиться в комендатуры и зарегистрироваться. Оккупационные власти лояльно относились к тем, кто приходил и отказывался от своей партийности, стремились использовать их в административной работе [6, с. 300]. В сельской местности из местных жителей формировалась вспомогательная полиция по принципу один полицейский на сто жителей [9, с. 190–192]. Деятельность новых административных органов находилась под пристальным вниманием немецких военных комендатур.

В процессе оккупации территории Кабардино-Балкарии гитлеровцы активно разыгрывали религиозную карту. Они умело воспользовались в своих интересах ошибками советской власти в религиозном вопросе. Началось возрождение закрытых большевиками мечетей, стали отмечаться мусульманские праздники [4, с. 131]. Определенная часть населения, особенно пожилого возраста, воспринимала такие шаги немцев с одобрением. Нацисты на Кавказе изображали себя «истинными друзьями ислама», Гитлер был провозглашен «великим имамом» Кавказа, а командующий 1-й танковой армией генерал Э. Макензен принял эту религию и посещал мечеть в Нальчике [7, с. 417]. Творцы «нового порядка» преподносили свою политику на Кавказе как «соответствующую интересам самих кавказских народов». Такими методами

немцы пытались распырить социальную базу своих сторонников в Кабардино-Балкарии.

С введением оккупационного режима на территории республики были ликвидированы советские органы власти, все полномочия передавались образованным захватчиками комендатурам и подконтрольным им сетям административных органов управления. Для привлечения на свою сторону местного населения немцы создали «Представительство интересов Кабардино-Балкарии» во главе с привезенными с собой эмигрантами [16, с. 108]. Марионеточное правительство полностью подчинялось немецким властям. В его функции входило проведение в жизнь на оккупированной территории фашистского «нового порядка». Следует признать, что была незначительная прослойка населения, признававшая немецкий «новый порядок», как отвечающий их интересам. Основная часть населения отказалась сотрудничать с оккупантами и местными предателями [10, д. 7].

Оккупационная власть приступила и к переустройству сельской жизни. Революционные, большевистские названия колхозов были отменены. Из колхозов и у колхозников стали изымать сельскохозяйственную продукцию. 6 декабря 1942 г. было объявлено о ликвидации колхозного строя в Кабардино-Балкарии и начали создаваться общинные хозяйства. Пахотные и сенокосные земли подлежали разделу для личного пользования. Пастбища оставались в общем пользовании всего общества [12, л. 16–16 об.; 11, л. 1 об.]. В основе немецкой аграрной реформы лежал постепенный, рассчитанный на несколько лет переход от колхозов к единоличному крестьянскому хозяйству. Этот процесс должен был состоять из следующих основных звеньев: колхоз – общинное хозяйство – земельное (сельскохозяйственное) товарищество – единоличное хозяйство в виде хутора или отруба [9, с. 266].

Большое внимание немецкая власть уделяла налаживанию производственного процесса на уцелевших заводах и фабриках. В оккупированном Нальчике немецкое командование 1 ноября 1942 г. призвало трудоспособное население в возрасте от 16 до 60 лет зарегистрироваться в бюро труда. Получив после регистрации на руки соответствующую

карточку, ее владелец обязан был явиться на предприятие и добросовестно трудиться [11, л. 3]. Для нарушителей трудовой дисциплины немцы широко использовали меры административного воздействия и наказания.

На захваченной территории Кабардино-Балкарии, как и повсюду, где установилась оккупационная власть, происходили события одного порядка: массовые аресты и расстрелы, эксплуатация местных человеческих и материальных ресурсов, вывоз населения на работы в рейх, ликвидация учреждений науки и культуры. Вопреки демагогическим заявлениям немецко-фашистские захватчики установили режим кровавого террора и насилия, особенно бесчинствовал батальон «Бергман» (Горец) во главе с Т. Оберлендером. На территории Кабардино-Балкарии он сформировал национальный легион в составе трех кавалерийских эскадронов. По приказу Оберлендера они уничтожали мирных граждан и военнопленных, участвовали в боях против частей Красной Армии, не жалели ни женщин, ни стариков, ни детей [1, с. 146]. За период оккупации фашисты расстреляли в сел. Кызбурун 152 жителя, в Нижнем Чегеме – 50 чел., в Кёндегене – 41 чел. Оккупанты уничтожали целые семьи. Была расстреляна семья колхозника Мазана Муллаева, состоявшая из 5 человек. Из фамилии Хуламхановых расстреляли 11 человек. Гитлеровцы расстреляли жену красноармейца Шаулова и его пятерых детей в возрасте от 5 месяцев до 11 лет. В противотанковом рву под Нальчиком было убито и захоронено 600 человек. Немецкие врачи проводили антигуманные медицинские эксперименты на военнопленных. Всего за время оккупации фашисты уничтожили 4241 человек, в том числе 2053 военнопленных, 600 женщин и детей [16, с. 114–116; 2, с. 105].

В Кабардино-Балкарии фашисты мародерствовали в полную силу. Из республики были вывезены 32 439 сельхозмашин и орудий [13, л. 115]. Фашисты утнали и уничтожили до 75 % поголовья крупного рогатого скота, до 88 % овец и коз, истребили полностью общественное поголовье свиней и домашней птицы [15, л. 117]. Республиканскому животно-

водству был нанесен огромный ущерб, последствия которого ощущались после войны не один год.

Сталинградская битва, ставшая поворотной в ходе всей войны, повлекла за собой коренной перелом и в ходе боевых действий на Кавказе. 24 декабря 1942 г. войска Закавказского фронта перешли в наступление и через несколько дней подошли к восточной границе Кабардино-Балкарии.

Командующий 37-й Армией генерал П. Козлов поставил задачу в ночь с 31 декабря на 1 января 1943 г. наступать в направлении Нальчика и освободить столицу республики. Кабардино-Балкария вновь стала ареной боевых действий. В первых числах января 1943 г. Красная Армия освободила населенные пункты Лескенского, Урванского и Черекского районов. 3 января части 2-й гвардейской дивизии вступили в бой на подступах к Докшукино, к исходу дня заняли Вольный Ауд, Хасанью, Долинск и приблизились непосредственно к Нальчику. Город был окружен минными полями и хорошо укреплен. Утром 4 января два полка Красной Армии под командованием майора Н. Охмана и подполковника Т. Поветкина разгромили группировку немцев и освободили Нальчик. «Захватив Нальчик, – сообщало лондонское радио, – русские овладели городом, который мог бы служить немцам прекрасной зимней квартирой. ...Немцы уже не приближаются к богатейшим нефтяным источникам Кавказа, а, наоборот, все больше отдаляются от них» [3, с. 271, 272].

В то же время войска 9-й Армии освободили Урух, Старый Урух, Озрек, станицы Александровскую и Котляревскую. 5 января был освобожден посёлок Майский и весь Майский район.

Одновременно части 58-й Армии перешли в наступление в районе Моздока и Курпских высот, освободив Малую Кабарду. 3 января советские войска форсировали Терек и вступили в Моздок. Продолжая наступление в направлении Георгиевска, Красная Армия освободила северо-восточную часть Кабардино-Балкарии.

После освобождения Нальчика 2-я гвардейская дивизия освободила Кенже, Шалушку, Яникой и Лечинкай. Началось преследование врага на баксанско-пятигорском и

моздокско-прохладненском направлениях. Упорные бои проходили близ Прохладного. 5 января немцы были выбиты из города. На следующий день были освобождены Баксан, Баксанёнок, Старая Крепость, станица Солдатская, Карагач, Алтуд, Заюково, Кёнденен, Куркужин. Советские войска освободили и Приэльбрусье.

Особо сильное сопротивление противник оказал на Малкинском рубеже. Немецкие подразделения, засевшие на этом рубеже, получили строжайший приказ держаться, пока не вывезут из городов Кавминвод всех лечившихся и отдыхавших там немецких солдат и офицеров. В течение трех дней шли упорные бои. Утром 8 января сопротивление врага было сломлено и он оставил Малку. Здесь погибло 819 советских солдат и офицеров [16, с. 145].

Последний организованный очаг сопротивления гитлеровцы пытались устроить в районе Куба-Таба, Куба и Марьянская. В результате ожесточенных боев войска 9-й Армии вытеснили неприятеля и вышли на прямые рубежи для наступления на Пятигорск. Пали последние пункты немецкой обороны на территории республики. Уходя, фашисты намеривались утнать из Кабардино-Балкарии и прилегающих районов Ставропольского края до 20 тыс. мужчин и женщин для работы в Германию, но не успели этого сделать. 11 января 1943 г. части 37-й Армии полностью очистили Кабардино-Балкарию от немецких оккупантов [16, с. 147]. В феврале альпинисты поднялись на вершины Эльбруса, сбросили оттуда фашистские штандарты и водрузили советские флаги.

8,5 тыс. воинов 37-й Армии отдали свою жизнь в боях за Кабардино-Балкарию. За проявленные мужество и отвагу, звания Героя Советского Союза были удостоены В. Канкава, А. Пирмисашвили и В. Лурсманишвили. За героический вклад в оборону Кавказа гор. Нальчик в 1987 г. награжден орденом Отечественной войны I степени. 25 марта 2010 г. Президент РФ подписал указ о присвоении звания «Город воинской славы» столице КБР – Нальчику.

Антигуманный характер войны проявился не только на фронте, но и на оккупированных территориях. Тотальный характер войны вызвал изменения в структуре общества

Кабардино-Балкарии. Резко усилились такие процессы, как использование труда женщин и подростков, возрастание количества неполных семей, вдов и сирот. Тысячи людей, выбитых из колеи привычной жизни, испытывали каждодневный стресс от столкновения с бездушной по своей сути фашистской машиной массового уничтожения.

При отступлении немцев с территории республики с ними бежали около 3 тыс. человек [14, л. 125]. В целом гитлеровцам так и не удалось заручиться надежной поддержкой всего населения Кабардино-Балкарии. В исторической победе важную роль сыграло единение всего народа на фронте, в тылу и на территориях, временно занятых вооруженными силами нацистской Германии [9, с. 352].

После оккупации республика представляла печальное зрелище. Вывоз продовольствия и сырья применялись в широком масштабе с чисто немецкой методичностью и фашистской беспощадностью. Были уничтожены и разграблены почти все промышленные предприятия, колхозы и совхозы республики, 16 МТС со всеми тракторами и комбайнами, 216 школ, городские больницы, кинотеатры, библиотеки, 117 лучших зданий Нальчика. При отступлении немцы изорвали все мосты и разрушили железнодорожные пути на большом расстоянии. Ущерб, нанесенный народному хозяйству республики, был оценен в 2,3 млрд руб. [16, с. 150].

Уже в год освобождения республики началось осуществление неотложных мер по восстановлению народного хозяйства. Правительством РСФСР в апреле 1943 г. было принято постановление «О мероприятиях по восстановлению народного хозяйства в городах и районах Кабардино-Балкарии, освобожденных от немецких оккупантов». Правительство хотело, чтобы освобожденные районы быстрее включились в производство, и ассигновало на строительно-восстановительные работы в Кабардино-Балкарии 11 млн 350 тыс. руб.

В первую очередь восстанавливались промышленные предприятия, которые призваны были выпускать продукцию для фронта и удовлетворения бытовых потребностей населения. Одним из первых был восстановлен Нальчикский мелькомбинат, снабжавший мукой Красную Армию и население.

В рекордно короткий срок, за девять дней, была восстановлена железная дорога на участке Прохладная – Моздок. К 15 марта 1943 г. была налажена связь Нальчика с 13 районными центрами. Благодаря помощи центра и напряженному труду населения за короткое время в Кабардино-Балкарии были восстановлены Баксангэс, Докшукинский спиртзавод, первая очередь Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината, мосты через реки Малка, Черек и Урвань, мебельная фабрика, Нальчикский и Терский райпромпромкомбинаты, два маслозавода. Возрождались и сельское хозяйство. Колхозы и совхозы успешно справились с весенним севом, собрали неплохой урожай зерновых культур, овощей и фруктов, оказали большую помощь Красной Армии продовольствием [16, с. 153–157].

Параллельно восстанавливалась база соцкультбыта. В республике начали работу школы, больницы, поликлиники. В октябре 1943 г. возобновились занятия в пединституте и педучилище, начали работать Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца, драматические театры.

4 января 1944 г. была торжественно отпразднована первая годовщина освобождения Кабардино-Балкарии от оккупации. Это был год возрождения разрушенного войной народного хозяйства и нового патриотического подъема населения, которое самоотверженно помогало фронту громить врага.

Литература

1. *Абрамян Э.* Кавказцы в Абвере. М.: Яуза, 2006. – 350 с.
2. *Акжиева С. И., Сабанчиев Х.-М. А.* Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.). Нальчик: Эльбрус, 2014. – 320 с.
3. *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969. – 390 с.
4. *Дегтяров Ю. М.* Открывал ли Сталин церкви? // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы «Круглого стола», посвященные 50-летию Победы, 13 апреля 1995 г. М., 1995. – 184 с.
5. *Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* // Сборник документов и материалов. Нальчик: Эльбрус, 1975. – 620 с.

6. *Ковалев Б. Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Нов. ГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – 372 с.

7. *Койчуев А. Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 1998. – 470 с.

8. *Кубань в годы Великой Отечественной войны. Хроника событий.* Краснодар, 2000. – 438 с.

9. *Линец С. И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2003. – 564 с.

10. Управление центрального государственного архива архивной службы КБР (УЦГА АС КБР), ф. 290, оп. 1, д. 6.

11. Там же, д. 11.

12. Там же, д. 12.

13. Управление центра документации новейшей истории архивной службы КБР (УЦДНИ АС КБР), ф. 26, оп. 1, д. 1.

14. Там же, ф. 1, оп. 5, д. 2.

15. Там же, оп. 3, д. 6.

16. *Хаккушев Е. Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик: Эльбрус, 1978. – 318 с.

Механизм принятия решения и подготовка выселения балкарцев *

До открытия секретных фондов архивов вопрос о механизме принятия решения в определении судеб целых народов – каким государственным органом, на основании чьих докладов или докладных, какую роль в принятии решений играли местные власти, военные органы, учреждения государственной безопасности – был не совсем ясным. Как отмечал А. Некрич, «нигде механизм принятия решений не окружен столь непроницаемой тайной, как в нашем го-

* *Сабанчиев Х.-М. А.* Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик, 2008. С. 85–122.

сударстве, и нигде невидимая система круговой поруки, молчаливого взаимопонимания, господства условных символов, формулировок не носит столь изощренного характера. Неписанные законы аппаратной работы, под покровом которых вырабатываются и издаются инструкции и указания, анонимность их авторства для широкой общественности не только надежно прикрывают промахи, оплошности, а, когда необходимо, и преступления, но и служат препятствием для всякого объективного исследования или расследования»¹.

11 января 1943 г. советские войска полностью очистили территорию Кабардино-Балкарии от немецких захватчиков. Настрадавшиеся люди ждали возвращения к мирной жизни. Никто не предполагал, что готовится выселение.

Заслуживающим внимания шагом на пути формирования предпосылок к репрессированию целых народов стал ряд актов высших органов государственной власти страны. Прежде всего это закон от 30 марта 1935 г. о наказании «членов семей изменников родины», где косвенно признавался социокультурный характер «вины» детей и родственников обвиняемого как потенциально вероятное несоответствие определенным догмам. «Презумпция невиновности – это непозволительная роскошь для тоталитарного режима. От данного тезиса до этнического геноцида – один шаг. И этот шаг был сделан в условиях военного времени», – пишет В. Г. Шнайдер².

Уже в Указе ПВС СССР «О военном положении», изданном 22 июня 1941 г., военным властям в местностях, где было объявлено военное положение, предоставлялось право выселять из них в административном порядке всех лиц, признанных социально опасными.

11 октября 1942 г. ГКО принял постановление «О мерах наказания дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой». В нем говорилось: «Дезертиров из Красной Армии, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой, заочно предавать суду военных трибуналов по ст. 58-1 «б», как изменников Родины. Распространить действие постановления Государственного Комитета Обороны № 1926-сс от 24 июня

1942 г. «О членах семей изменников Родины» в отношении совершеннолетних членов семей дезертиров указанных выше категорий и ссылать их в отдаленные местности СССР сроком на 5 лет»³.

Заложенная в этих документах идея – высылка всех неблагонадежных – оказалась в годы войны весьма востребованной и широко практиковалась карательными органами.

Решения о депортациях принимались, как правило, на самом верху руководителями партии и правительства, по инициативе органов НКВД-НКГБ, а иногда и других ведомств.

Первой категорией высланных из Кабардино-Балкарии стали немцы. 21 сентября 1941 г. ГКО принял секретное постановление о принудительном переселении всех граждан немецкой национальности из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР⁴. На второй день появился приказ народного комиссара внутренних дел СССР «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР»⁵. В соответствии с этими документами из Кабардино-Балкарии были депортированы 5488 чел., которые попали в Красноярский край, Новосибирскую область и Казахскую ССР. Пять немецких поселений прекратили свое существование, прежние названия их были изменены. Указом Президиума Верховного совета КБАССР переименовывались селения: Гнаденбург – в Виноградное, Эбен-Эцер – в Советское, Бруненталь – в Октябрьское, Гофнунгсфельд – в Красноармейское. Колония Александровская была включена в черту гор. Нальчика. Делалось это для того, чтобы стереть даже память о пребывании здесь немецкого населения.

Следует заметить, что превентивные депортации проводились по инициативе и решению военных властей, а исполнителями выступали органы НКВД-НКГБ. Констатация этого факта важна с точки зрения объяснения механизмов последующих депортаций. Военные остались непричастны к депортациям «возмездия» 1943–1944 гг., но их предшествующие действия создали прецедент и настроили меха-

низм, который находился в руках НКВД. Теперь НКВД уже самостоятельно приводило в действие машину депортации. Органы НКВД инициировали депортации, осуществляли конкретную разработку планов подготовки выселения⁶. По этому же вопросу высказался генерал П. А. Судоплатов, считающий, что «не НКВД, а непосредственно Наркомат обороны выступил с инициативой проведения спецоперации по массовому выселению на Северном Кавказе в целях очистки тылов сражающейся Красной Армии. Эти факты при желании можно подтвердить документально»⁷.

Однако можно не сомневаться, что в НКВД стали задумываться над депортацией северокавказских народов со времени создания 15 января 1943 г. Северо-Кавказского округа внутренних войск. С лета этого года штаб округа в условиях строжайшей секретности начал подготовку к спецоперации по депортации горских народов, для чего в регионе к февралю 1944 г. было сконцентрировано более 120 тыс. всех видов войск НКВД. Это подтвердил в 1953 г. сам Л. П. Берия в ходе следствия по его делу⁸.

Анализ архивных и литературных материалов позволил выявить механизм принятия решения о депортации народов Кавказа. Эта проблема, в частности по чеченцам и ингушам, впервые была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 11 февраля 1943 г. Решение о выселении было принято единогласно. Разногласия были лишь в сроках проведения депортации «провинившихся народов»⁹.

Депортация народов возлагалась на органы НКВД-НКГБ СССР, а общее руководство – на наркома внутренних дел Союза ССР, Генерального комиссара государственной безопасности Л. П. Берия. В документах НКВД нет слова «депортация». Оно вошло в употребление после войны. Зато наряду с таким словом, как «переселение» («спецпереселение»), документы силовых структур пестрят словом «операция», наиболее точно передающим смысл происшедшего. В 1943–1944 гг. была осуществлена череда последовательных операций, направленных против ряда народов Северного Кавказа.

О событиях, предшествовавших выселению балкарцев, имеются свидетельства тогдашнего первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) З. Д. Кумехова. В своих неопубликованных воспоминаниях он пишет: «25 февраля в 09.00 Кобулов провел меня в вагон-салон (наподобие пульмана). В салоне находились Берия, Серов, Бзиава и Филатов (последние возглавляли наркоматы внутренних дел и госбезопасности Кабардино-Балкарии. – Х.-М. С.). Берия встретил меня крайне недружелюбно и разразился площадной бранью и нецензурными ругательствами в адрес Кабардино-Балкарии, которая, по его словам, не удержала район Эльбруса и сдала его немцам... После того, как был исчерпан весь возможный запас ругательских слов, он сообщил, что население Кабардино-Балкарии подлежит выселению». После краткого доклада Кумехова о политическом положении в республике Берия снова повторил: «...в наказание за то, что Кабардино-Балкария охвачена бандитизмом, принято решение о выселении»¹⁰.

Как сведения из первых уст они, казалось бы, должны претендовать на исключительность, объективность и безупречность информации. Однако мемуарист не избежал подуправды. З. Д. Кумехову мешало одно важное обстоятельство. Несмотря на стремление к объективности, он был лицом, вовлеченным в этот процесс. Спустя годы, работая над своими воспоминаниями, он инстинктивно сторонился всего, что отягощало его совесть. Поэтому З. Д. Кумехов все сводит к злой миссии Л. П. Берия¹¹. «Однако нам следует отбросить примитивное представление, – пишет военный историк и специалист по «наказанным народам» А. Некрич, – будто решения, принимавшиеся и принимаемые на высшем уровне, высказывают неожиданно, лишь потому, что Сталину или кому-нибудь другому так захотелось. В таком государстве как наше, ...важнейшую роль играет заведенное «дело», бумага, информация (по-современному) или донос.

Такое важное решение, как насильственное выселение народов, должно было явиться, и на самом деле было, как подведение черты под большой поток сообщений о положении в различных районах. Сообщения поступали по парал-

лельным каналам: партийно-государственному, военному, госбезопасности...»¹². В ход шли, как правило, оговоры, фальсификации, применялся принцип групповой ответственности одних людей за поступки других. Так, докладная записка секретаря Калмыцкого обкома партии П. Ф. Касаткина в ЦК ВКП(б) была положена в основу обвинения, выдвинутого правительством СССР против калмыцкого народа в целом. Депортацию чеченцев и ингушей инициировала «Докладная записка о положении в районах Чечено-Ингушской АССР», составленная в октябре 1943 г. группой оперативных работников во главе с заместителем наркома внутренних дел СССР Б. З. Кобуловым. Донесения руководства партизанского движения в Крыму А. Н. Мокроусова и А. В. Мартынова с неверной оценкой поведения татарского населения сыграли роковую роль при решении его судьбы в Москве. По меткому замечанию А. Некрича, «информация по принципу правдоподобия, содержащая лишь часть правды и одобренная изрядной долей дезинформации, узаконенное очковитительство были одной из самых существенных черт явления... названного сталинизмом»¹³. Этот испытанный метод, к сожалению, лег в основу заведенного «дела» против балкарского народа.

20 февраля 1944 г. Л. П. Берия в сопровождении своих заместителей генерал-лейтенанта И. А. Серова, генерал-полковника Б. З. Кобулова, начальника канцелярии НКВД СССР генерал-лейтенанта С. С. Мамулова и других в специальном поезде прибыл в Грозный для непосредственного руководства операцией «Чечевица» по выселению чеченцев и ингушей. Тогда же в Совнарком и НКВД соседней Кабардино-Балкарии приступили к составлению справки на имя Берии «О состоянии балкарских районов Кабардино-Балкарии». Условно она состоит из двух частей. В первой части приводятся данные о населении и территории районов Балкарии-Эльбрусского, Чегемского, Хуламо-Безенгиевского и Черекского – с тщательно выполненными расчетами количества и размера земельных наделов в них. Сведения обобщены в таблицах, где приводятся суммированные данные по общим признакам хозяйственной состоятельности:

население, землепользование, количество скота, площади пахотной, покосной и пастбищной земли в каждом из четырех районов.

Вторая половина справки начинается с констатации: «Несмотря на большую помощь Балкарии, оказывавшуюся Советским правительством и партией, часть населения балкарских районов проявляла враждебное отношение к Советской власти». В подкрепление приводятся материалы агентурных дел, сведения об аресте членов «контрреволюционной националистической организации из числа руководящего состава балкарских районов», а также «деятельности» дезертиров, «образовавших бандгруппы».

Общее заключение справки: «Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым решить вопрос о возможности переселения балкарцев за пределы КБАССР»¹⁴. Документ был датирован 23 февраля 1944 г. и подписан первым секретарем обкома партии, наркомом внутренних дел и госбезопасности КБАССР.

З. Д. Кумехов в своих воспоминаниях вообще не упоминает эту справку, в них нет даже намека на ее существование // В кн.: «Правда о выселении балкарского народа» Л. В. Шабает, со ссылкой на Кумехова, утверждает, что документ был составлен по прямому указанию заместителя наркома внутренних дел СССР Б.З. Кобулова¹⁵.

В обход членов бюро обкома партии и Президиума Верховного Совета республики справка дошла до Л. Берии. Ознакомившись с ней, он расписался на левом поле первой страницы и поставил дату: 24.02.1944 г. Этот документ явился основанием для практического проведения депортации балкарского народа. Вопреки здравому смыслу никаких мер для предотвращения готовящегося преступления тогда принято не было. Ни один ответственный работник республики не попытался защитить балкарский народ, когда он оказался вне национально-семейной общности народов Кабардино-Балкарии. Здесь уместно напомнить о поступке тогдашнего первого секретаря Дагестанского обкома партии А. Даниялова. Подвергая себя смертельной опасности, он через А. И. Микояна добился аудиенции у Сталина и сумел убедить его отменить

решение о выселении народов Дагестана¹⁶. Поступок яркий и мужественный, в лучших традициях старого Кавказа.

Известный исследователь «наказанных народов» Н. Ф. Бугай приводит другой случай предотвращения антигуманной акции. В августе 1944 г. угроза депортации нависла над народами Севера – карелами и вепсами. Инициатором переселения выступил член Военного совета Карельского фронта генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков. Подключились органы НКГБ, Управление контрразведки «СМЕРШ» Карельского фронта и политические органы власти. Выискивался только негатив, самоотверженная борьба этих народов в годы войны в учет не бралась. Первому секретарю ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянову переубедить Штыкова не удавалось. Осознав, что ситуация близка к критической, Куприянов письменно обратился к Сталину. В середине августа 1944 г. Сталин ознакомился с содержанием справки Штыкова и с запиской совершенно иного характера Куприянова. Последнюю Сталин оценил как довольно убедительную и свое мнение изложил Г. М. Маленкову. 30 августа 1944 г. в очередном заседании секретариата ЦК ВКП(б) приняли участие Г. М. Маленков, А. А. Жданов, А. С. Щербаков, Т. Ф. Штыков, М. А. Шамберг и другие (руководил заседанием Маленков). Мнение Сталина Маленков довел до участников заседания и повторил, что принятие административных мер по отношению к карелам и вепсам невозможно. Секретариат отметил только недостатки массово-политической работы в республике¹⁷.

Решения о выселении принимались высшим эшелонem власти по бюрократической технологии. Нарком внутренних дел СССР Л. Берия поступавшие документы складывал в особую папку и докладывал обо всем Сталину – «вождю народов» принадлежало право окончательного решения. Массовые репрессии против целых народов не могли иметь место без одобрения Сталина. 24 февраля 1944 г. Берия послал Сталину подробную телеграмму. В ней он сообщал: «В связи с предполагаемым выселением балкарцев с Северного Кавказа я ознакомился с материалами об их поведении как во время наступления немецко-фашистских войск

на Кавказ, так и после их изгнания...» Обращает внимание последовательность действий: «В связи с предполагаемым выселением ...ознакомился с материалами об их поведении...» Далее Берия сделал акцент на содержание негативной части упомянутой справки. Заканчивал Берия свое донесение изложением стратегического замысла: «В связи с предстоящим окончательным выселением чеченцев и ингушей считал бы целесообразным часть освобождающихся войск и чекистов использовать для организации выселения балкарцев с Северного Кавказа, с расчетом закончить эту операцию 15–20 марта текущего года до покрытия лесов листвой... Если будет Ваше согласие, я сумел бы до возвращения в Москву организовать на месте необходимые мероприятия, связанные с выселением балкарцев. Прошу Вашего указания»¹⁸.

Одобрительный ответ Сталина на донесение Берия был получен на следующий день, и тут же началась непосредственная подготовка к депортации.

26 февраля 1944 г. Берия по спецсвязи телеграфировал Сталину: «В связи с выселением чеченцев и ингушей... предполагалось включить в состав Кабардино-Балкарской АССР два района: Пседахский и Малгобекский. Однако нашла целесообразным Пседахский район передать Северной Осетии, тем более, что после предполагаемого переселения балкарцев, которые занимают территорию около 400 тыс. га, кабардинцы получат освободившиеся земли»¹⁹.

Вся подготовительная работа ложилась главным образом на НКВД. Практические распоряжения по «операции» были отданы 26 февраля. В этот день, еще до принятия официальных решений высшими государственными органами, НКВД СССР за подписью Л. П. Берия издал приказ «О мероприятиях по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения». Остановимся подробнее на нем, поскольку в приказе определялись необходимые для выселения балкарцев силы и средства, а также намечалась схема управления войсками. Для подготовки и проведения операции по депортации балкарцев предполагалось осуществить следующие мероприятия:

– организовать пять оперативных секторов:

- а) первый – Эльбрусский, в составе Эльбрусского района, место дислокации – сел. Нижний Баксан. Начальник оперативного сектора – генерал-майор Петров, его заместители: по оперативной работе – майор ГБ Афанасенко, по войскам – полковник Дроженко;
- б) второй оперативный сектор – Чегемский, в составе Чегемского района, место дислокации – сел. Нижний Чегем. Начальник сектора – генерал-майор Прошин, его заместители: по оперативной работе – подполковник ГБ Парцхаладзе, по военной – полковник Шевцов;
- в) третий оперативный сектор – Хуламо-Безенгиевский, в составе Хуламо-Безенгиевского района, место дислокации – сел. Кашхатау. Начальник сектора – подполковник ГБ Шестаков, его заместители: по оперативной работе – подполковник Краснов, по войскам – подполковник Каменев;
- г) четвертый оперативный сектор – Черекский, в составе Черекского района, место дислокации – сел. Куспарты. Начальник сектора – комиссар ГБ Клепов, его заместители: по оперативной работе – подполковник ГБ Хапов, по войскам – полковник Алексеев;
- д) пятый оперативный сектор – Нальчикский, в составе гор. Нальчика, сел. Ташлы-Тала Лескенского района, сел. Хабаз и Кичмалка Нагорного района. Место дислокации – гор. Нальчик. Начальник сектора – подполковник ГБ Золотов, его заместители: по оперативной работе – полковник милиции Егоров, по войскам – полковник Хорьков;

– ответственность за подготовку и проведение операции возложить на генерал-майора Пияшева. Его заместителями назначить наркома внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР полковника ГБ Бзиаву, наркома госбезопасности КБАССР полковника ГБ Филатова, генерал-майора Сладкевича;

– выделить для проведения операции следующие соединения и части войск НКВД: Московская стрелковая дивизия без 10-го полка: 23-я стрелковая бригада, 263-й,

266-й, 136-й, 170-й стрелковые полки, 3-й мотострелковый полк, Московское военно-техническое училище, Саратовское военное училище, Орджоникидзевское пограничное училище, Школа усовершенствования политсостава, Отдельный батальон промышленных войск. Общая численность – 17 000 чел.

Кроме того, для обеспечения необходимых оперативных мероприятий выделялось 4000 оперативных работников НКВД-НКГБ. Для конвоирования выселенных выделялся 244-й полк конвойных войск НКВД. Срок сосредоточения полка в гор. Нальчике – 1 марта 1944 г., войск и оперативного состава по участкам – 5 марта 1944 г.

Начальникам оперативных секторов перед операцией по переселению предлагалось на основании оперативных материалов арестовать антисоветски настроенных лиц после опещения населенных пунктов.

Для координирования всей работы по переселению, перевозкам, конвоированию и охране выселяемых, а также снабжения войск и обеспечения связи руководства операцией с оперсекторами выделялась группа в составе начальника 3-го управления НКГБ СССР комиссара ГБ 3-го ранга Мильштейна, начальника автобронетанковой службы 1-й Московской стрелковой дивизии майора Ильинского, начальника управления конвойных войск НКВД СССР генерал-майора Бочкова, начальника связи 1-й Московской стрелковой дивизии Федюнкина, заместителя начальника отдела управления военного снабжения НКВД СССР подполковника Бродского.

Днем начала операции приказом устанавливалось 10 марта 1944 г., однако затем срок был передвинут на 8 марта²⁰.

Как видно, для силового обеспечения депортации балкарцев были задействованы войсковые соединения и крупная оперативная группа НКВД-НКГБ общей численностью более 21 тыс. чел. Их соотношение к выселяемым (1:1,8) оказалось самым высоким из всех карательных акций. Это не из-за того, что «руководители спецоперации пытались учесть все ошибки проведения в ЧИАССР и максимально использовать

накопленный опыт»²¹, а из-за явно преувеличенных слухов об агрессивности и враждебном настрое балкарцев против советской власти²². Значительная часть войск участвовала в операции по выселению карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей и имела опыт карательных-репрессивных акций.

29 февраля 1944 г. Берия из Грозного телеграфировал Сталину, что принимаются все необходимые меры для обеспечения подготовки и успешного проведения операции по выселению балкарцев. «Подготовительная работа, – отмечалось в телеграмме, – будет закончена до 10 марта, и с 15 марта будет проведено выселение балкарцев. Сегодня заканчиваем здесь (в Чечено-Ингушетии. – Х.-М. С.) работу и выезжаем на один день в Кабардино-Балкарию и оттуда в Москву»²³.

С 1-го по 5-е марта войска НКВД заняли исходные, согласно дислокации, позиции. Организационная схема осуществляемой ими депортации была следующей.

Начальники оперативных секторов с получением приказа Берии немедленно приступали к проведению необходимых практических мероприятий в соответствии с инструкцией НКВД СССР от 29 января 1944 г.

Каждый из видов войск НКВД выполнял возложенные на них задачи в соответствии со своим предназначением. На пограничные войска возлагалась задача по охране оперативных секторов и районов выселения. Войска по охране железных дорог отвечали за подготовку эшелонов, обеспечение порядка на станциях погрузки, а также следование поездов по маршруту движения. На внутренние войска возлагалась задача по блокированию населенных пунктов, решению всех проблем, связанных с выселением семей из своих домов и доставки их на станции погрузки в эшелоны. Конвойные части выполняли задачи по конвоированию спецпереселенцев от станции погрузки до прибытия на новые места жительства. Курсанты военных училища НКВД выполняли различные задачи в зависимости от складывавшейся обстановки²⁴.

Оперативные сектора разбивались на участки. Всего их образовали 124: в Эльбрусском – 27, Чегемском – 18, Хуламо-Безенгиевском – 25; Черекском – 38, Нальчикском – 16. Участок возглавлял уполномоченный, под началом которого

находилось рассчитанное количество оперативного состава и войск. Каждый уполномоченный разрабатывал подробный план операции на своем участке.

Участки были поделены на 246 кварталов. В Эльбрусском районе их было 81, в Чегемском – 34, Хуламо-Безенгиевском – 53, в Черекском – 40, в остальных – 38. Они возглавлялись квартальными уполномоченными из числа оперработников²⁵. В первую очередь необходимо было произвести точный учет населения. Созданные для этой цели оперативно-чекистские группы заполняли учетные карточки на каждую выселяемую семью, с перечислением всех ее членов, рабочего и продуктивного скота, построек. В том случае, если отдельные члены семьи временно отсутствовали, органы НКВД брали их на учет для последующего направления к местам ссылки. На основании полученных данных составлялся расчет потребного количества автогужевого транспорта по каждому оперучастку.

Штабом руководства группы войск производились расчеты потребности войск и оперативного состава для проведения операции. Пяти оперативным секторам выделялось 13 996 солдат и офицеров, 3849 чел. оперативного состава. Из них для выселения жителей Эльбрусского района направляли войска в составе 4256 бойцов и 1366 чел. оперативников; Чегемского – соответственно 1842 и 532, Хуламо-Безенгиевском – 2592 и 705, Черекского – 3400 и 690, в пятый оперативный сектор – 1906 и 556 чел. соответственно. Военных и оперативников выделяли из расчета 5 на 11 человек спецконтингента²⁶. Штабом операции Черекскому району было уделено особое внимание как наиболее опасному.

Контролировал ход операции лично Л. П. Берия. 2 марта Берия в сопровождении генералов Кобулова и Мамулова прибыл в Нальчик, чтобы дать последние указания по успешному выполнению запланированной акции. Убедившись на месте, что подготовка операции по выселению осуществляется в целом по плану, он поехал в БаксанГЭС и Тырныаузский комбинат. Как заместитель председателя Государственного комитета обороны Берия в годы войны отвечал не только за деятельность спецслужб, но и за производство вооружения и

боеприпасов, работу топливно-энергетического комплекса, поэтому его интересовал ход восстановления крупнейших предприятий республики. Далее кортеж двинулся в сторону Эльбруса. В Приэльбрусье Берия предложил Кумехову заключить устное соглашение о разделе земли, принадлежавшей балкарцам²⁷.

Помимо оперативных троек, создавались республиканская комиссия, районные и местные комиссии по приемке оставляемого балкарцами имущества, скота и сельскохозяйственной продукции переселяемых колхозов. Соответствующая инструкция СНК СССР была утверждена 4 марта 1944 г.²⁸

В состав республиканской комиссии были включены представители от Наркомзема, Наркомфина, Наркомзатга, Наркомсовхозов и Наркоммясомолпрома СССР. Им в помощь было мобилизовано 450 ответработников местных наркоматов и районных организаций²⁹. По инструкции переселенцам, разрешалось взять с собой принадлежащее им имущество (одежду, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, зерно и продовольствие) до 500 кг на семью. Все оставшееся движимое и недвижимое имущество принималось на месте комиссией. Бытовой, хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода подлежали реализации местными органами власти. Вырученные средства поступали в государственный бюджет. На принятый скот и зерно должен был составляться акт в трех экземплярах, и переселенцы якобы могли получить их натурой в новых местах поселения по обменным квитанциям. Имущество переселяемых колхозов, постройки, сельхозмашины, рабочий и продуктивный скот, подсобные предприятия с имеющимся оборудованием, озимые посевы и т. д. — принимались по актам. Несмотря на фактическую ликвидацию балкарских колхозов, государство предполагало получить от них все обязательные поставки и недоимки прошлых лет³⁰.

Все депортации народов Северного Кавказа одобрялись ГКО по представлению Берии как главы НКВД. Вернувшись в Москву, Берия, чтобы узаконить принятое уже решение

о выселении балкарского народа, ставит вопрос в Государственном комитете обороны.

ГКО был образован 30 июля 1941 г. совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и ЦК СССР. Он был коллективным органом, его деятельность направлялась Политбюро ЦК партии. В состав ГКО входили сначала пять, затем девять человек (И. В. Сталин — председатель, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский, Л. П. Берия, П. А. Булганин, Л. М. Каганович), каждый из которых отвечал за определенный участок работы. ГКО осуществлял все государственное, военное и хозяйственное руководство в стране, его компетенция была необычайно обширна. Постановления ГКО подлежали обязательному исполнению всеми учреждениями и гражданами.

5 марта ГКО во главе со Сталиным принимает постановление о выселении всего балкарского населения Кабардино-Балкарии в Казахскую (25 тыс. чел.) и Киргизскую ССР (10 тыс. чел.). Эта задача была возложена на НКВД СССР. Наркоммясомолпрому, Наркомзатгу, Наркомзему, Наркомсовхозу было дано поручение обеспечить возврат скота и зерна спецпереселенцам из Кабардино-Балкарии на условиях и в сроки, установленные постановлением ГКО от 31 января 1944 г. Наркомату путей сообщения, Наркомторгу, Наркомдраву, Наркомфину СССР и Главнефтеснабу надлежало в пределах своих ведомств осуществить необходимые мероприятия в связи с выселением балкарцев. Наркомзатг СССР обязан был выделить также СНК Казахской ССР 300 т муки, 150 т крупы и СНК Киргизской ССР 200 т муки и 100 т крупы для питания переселенцев из Кабардино-Балкарской АССР³¹. Постановление было принято как дополнение к Постановлению ГКО от 31 января 1944 г., когда решился вопрос о выселении чеченцев и ингушей. Поэтому некоторые авторы ошибочно полагают, что судьба балкарского народа была предопределена еще в январе 1944 г.³²

Берия был инициатором этого и подобных ему репрессивных решений высшего правительственного органа. После частичной реабилитации «наказанных народов» советская

пропаганда стала возлагать ответственность за эти акции на одного Берия. Однако подобные акции не могли быть предприняты без предварительной санкции Сталина.

Сын Берии Серго Лаврентьевич в своей книге сделал, казалось бы, мелкое, но, наш взгляд, важное замечание: «К самому факту депортации отец относился крайне негативно, но, как это часто бывало, последнее слово, разумеется, оставалось не за ним. ...К сожалению, решение Политбюро было принято и этих людей выселили. Подлость, безусловно. Но приказ был отдан, и внутренние войска заставили эту подлость сделать. ... Предателей хватало, к сожалению, везде. А Сталину преподносили это как измену народа. Тот разбираться не стал: – Сослать всех!»³³. Ответственность за все эти преступления Берия делил со Сталиным и другими партийными руководителями.

В годы репрессий выселению, как правило, подвергались народы, давшие название своей республике или области. Так было с немцами в АССР НП, с карачаевцами в Карачаевской АО, калмыками в Калмыцкой АССР, крымскими татарами в Крымской АССР. В Чечено-Ингушетии эта страшная участь постигла коренные народы, давшие название республике – чеченцев и ингушей. Особенностью Кабардино-Балкарии было то, что здесь в число «наказанных народов» попала одна составная часть населения республики – балкарцы³⁴. Первым, пожалуй, на это обратил внимание Л. Берия в ходе встречи 25 февраля 1944 г. в Орджоникидзе с руководством обкома партии и силовых ведомств КБАССР. В результате этого разговора, 2 марта за подписью Кумехова, Бзиава и Филатова на стол Берии легла справка «Об антисоветской деятельности по районам Кабарды». Документ содержал данные о бежавших с немцами, их ставленниках и пособниках, полицейских, изменниках родины, дезертирах и уклонившихся от призыва в Красную Армию. Особый упор делался на деятельность созданного немцами марионеточного правительства, его работы по организации национальных легионов и по борьбе с партизанами³⁵. В справке нет каких-либо обобщений, выводов и практических предложений, т. е. принятие решения перепоручалось Л. Берии по долж-

ности. Обычно скорый на принятие авторитарных решений Берия на сей раз решил проверить факты.

За 2–3 дня до выселения балкарцев войска перекрыли поручалы между ущельями. Перед началом операции участвующим уполномоченным предписывалось оцепить населенные пункты и выставить заслоны, чтобы воспрепятствовать выходу населения за территорию населенного пункта. На оцепление балкарских сел выделялось 3540 красноармейцев, которых распределили по оперативным секторам: Эльбрусский – 640 чел., Чегемский – 390, Хуламо-Безенгиевский – 670, Черкесский – 1175 чел., Нальчикский – 665 чел.³⁶ В среднем на один участок выделялось 34 солдата.

После оцепления населенных пунктов, до осуществления основной операции, все подозреваемые лица подлежали аресту. Это специально оговаривалось в приказе Берии. По приказам органов НКВД планировалось арестовать 772 чел. – это детализованные участники бандгрупп, их прямые и скрытые пособники, враждебный антисоветский элемент и прочие. Операция по их аресту была проведена по-чекистски грамотно и прошла относительно спокойно. Перечисленный контингент оперативники под разными предлогами выводили из домов на сборные пункты, где уже находились одновременно приглашенные под видом собрания мужчины, не имевшие отношения к бандитизму. Всего было арестовано и доставлено в Нальчикскую тюрьму 478 чел. «антисоветского элемента»³⁷. Аресты проводились во время самой депортации и продолжались после выселения балкарцев.

В республику шифровкой был передан изданный НКВД СССР приказ от 26 февраля 1944 г. Согласно приказу 5 марта в балкарских населенных пунктах рассредоточились воинские части. Населению было разъяснено, что войска прибыли для охраны и пополнения перед предстоящими боями. Солдаты и офицеры были встречены гостеприимно, население оказало всяческую помощь бойцам³⁸.

В органах и войсках Наркомата внутренних дел насчитали режим строжайшей секретности. Ставка делалась на шантаж и принудительные силовые методы.

7 марта текст приказа НКВД СССР от 26 февраля 1944 г. был доставлен наркому внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР Бзиава. Вечером того же дня в обком ВКП(б) на экстренное совещание были вызваны первые секретари райкомов партии: Эльбрусского – С. Настаев, Чегемского – М. Бабаев, Хуламо-Безенгиевского – М. Аттоев, Черекского – Ж. Залиханов. У первого секретаря обкома партии З. Д. Кумехова их ждали Бзиава, Филатов, заместитель наркома ВД КБАССР Барсоков и группа военных во главе с генерал-майором И. И. Пияшевым. Кумехов предоставил слово Пияшеву. Генерал в устной форме сообщил, что ему поручено возглавить выполнение особого задания правительства по выселению балкарского населения республики без всяких изъятий и исключений. Он обратился к руководству республики содействовать организованному и четкому выполнению решений ГКО, а секретарям райкомов партии предложил прибыть на места, к утру закончить акт сдачи партийных документов и быть готовыми к переселению. Начало операции – с рассветом рано утром следующего дня³⁹.

Через много лет участник этого совещания Ж. Залиханов вспоминал: «...О чем он еще говорил, я уже не помню. Но совещание длилось непродолжительное время. Генерал даже не упомянул, почему выселяются балкарцы. Он только спросил: «Есть вопросы?» Наступила тишина, все молчали. Я осмелился и спросил: «Как быть с коммунистами?». Генерал ответил: «Есть мудрая русская пословица – когда рубят лес, то летят щепки. Вы – сыны своего народа. Все поедут»⁴⁰.

Знакомство с механизмом принятия решения о депортации целого народа полезно для постижения структурных основ сталинского режима, для выявления взаимосвязей его конструктивных элементов.

Депортация не имеет юридических оснований для использования в отношении целых народов и этнических групп. Правовая система Советского Союза не имела в своей структуре нормативного положения, предусматривающего коллективную ответственность и применение меры наказа-

ния по национальному признаку⁴¹. Тем не менее отсутствие полной и достоверной информации обернулось трагедией для части народов многонационального Кавказа. Сведения руководителей силовых структур КБАССР о бандгруппах, орудовавших в горах, оказались значительно преувеличенными. Так формировалась почва для применения насилия к целым народам. Непосредственно подготовка операции начиналась с принятия решения ГКО или ЦК ВКП(б) и СНК СССР, затем следовали указы ПВС СССР, приказы НКВД СССР. В них подробно излагалась цель предпринимаемой акции и технология ее проведения. Последовательность законодательных актов и действий, внешне выглядевших как бы логично, была нарушена при депортации балкарцев. На основании донесения из республики Берия 24 февраля 1944 г. обратился с ходатайством к Сталину о необходимости депортации. Сталин поддержал инициативу Берия, и последний начал активную подготовку депортации балкарцев. Приказ НКВД СССР от 26.02.1944 г. и постановление ГКО от 05.03.1944 г. стали важными в определении судьбы балкарского народа.

Санкции Сталина оказалось достаточно для того, чтобы еще до принятия решения на государственном уровне приступить к организации массового выселения балкарцев. Поспешность и юридическая небрежность выдают истинную логику механизмов формирования государственных решений. Вдогонку уже принятым решениям издается ряд новых постановлений, инструкций и положений, создающих реальный механизм депортации. Окончательный документ, указ ПВС СССР об упразднении автономии и переселении балкарцев в Среднюю Азию, появился только через месяц после депортации.

Перечисленные выше члены ГКО и Политбюро несут ответственность за все решения, принятые и одобренные этими высшими партийными и государственными инстанциями, в частности за решение о выселении целых народов с их этнической территории в отдаленные районы страны – в так называемые спецпоселения.

Примечания

1. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. С. 12.
2. Шнайдер В. Г. Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) МГСУ. 2003. № 1. С. 184.
3. РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 63, л. 146.
4. Там же, д. 10, л. 42, 43.
5. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 1, л. 547–460.
6. Эдиев Д. М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003. С. 18, 24.
7. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950-е гг. М., 1997. С. 7.
8. Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995. С. 248; Соколов Б. В. Берия: судьба всемогущего наркома. М., 2003. С. 162.
9. Медведев Р. Они окружали Сталина // Юность. 1989. № 6. С. 162.
10. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (ЦДНИ КБР), ф. 259, д. 16, л. 25–28.
11. Сабанчиев Х.-М. А. Организация выселения балкарского народа в 1944 г. // Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992. С. 56–58.
12. Некрич А. Указ. соч. С. 86.
13. Там же.
14. Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). Особая папка № 52-14 СПО – 8.
15. Шаббаев Д. В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994. С. 7.
16. Боров Ю. Сталиниада. М., 1991. С. 267, 268.
17. Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 19, 20.
18. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 64, л. 163, 163 об.
19. Сердало. 1994. 8 февраля.
20. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 3, л. 315–319.
21. Сидоренко В. П. Войска НКВД на Кавказе в 1941–1945 гг.: исторический аспект: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000. С. 280.
22. Темукуев Б. Б. Спецпереселенцы. Нальчик, 1997. Ч. 1. С. 71.
23. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 64, л. 160.
24. Сидоренко В. П. Указ. соч. С. 285.
25. ИЦ МВД КБР, ф. 2, оп. 1, д. 116, л. 49.
26. Темукуев Б. Б. Спецпереселенцы. Ч. 1. С. 73, 74.
27. Сабанчиев Х.-М. А. Выселка балкарского народа в 1944 г. // Тарих. Махачкала. 1997. № 4. С. 32.
28. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), ф. 692, оп. 1, д. 412, л. 1–5.
29. ЦГА КБР, ф. 526, оп. 1, д. 8, л. 11.
30. Там же, ф. 692, оп. 1, д. 412, л. 1–5.
31. ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 175, л. 5.
32. Боров А. Х. Депортация и реабилитация балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии // Исторический вестник Института гуманитарных исследований. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 306.
33. Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. М., 1994. С. 20, 21.
34. Хутуев Х. И. Проблемы восстановления и развития национальной государственности балкарского народа // Репрессированные народы: история и современность. Нальчик, 1994. С. 16.
35. Информационный центр Министерства внутренних дел Кабардино-Балкарской Республики (ИЦ МВД КБР), ф. 2, оп. 1, д. 116, л. 178–180.
36. ИЦ МВД КБР, ф. 2, оп. 1, д. 116, л. 48.
37. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М., 1992. С. 113.
38. Балкария: депортация. Свидетельствуют очевидцы / Сост. М. А. Котлярова, В. Н. Котляров. Нальчик, 2004. Вып. 1. С. 16.
39. Сабанчиев Х.-М. А. Были сосланы навечно. Нальчик, 2004. С. 16.
40. Кабардино-Балкарская правда. 1994. 5 марта.
41. Арапиев М. А. Выселение чеченского и ингушского народов: развитие, решение и последствия проблемы (1940–1950-е гг.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006. С. 17.

Депортация народов Северного Кавказа в 40-х гг. XX в. *

Насильственное выселение народов – одна из самых трагичных страниц нашего прошлого. Целый ряд проблем во взаимоотношениях народов в современной Российской Федерации связан с последствиями войн и конфликтов, просчетами и деформациями в государственной национальной политике. Особого внимания в данном контексте заслуживают этнические депортации – массовые репрессии по национальному признаку, которым подверглись миллионы граждан СССР в первой половине XX в. Достаточно отметить, что основная аргументация современного чеченского сепаратизма была построена на драматической презентации Кавказской войны XIX в. и сталинской депортации¹.

В январе–феврале 1943 г. Северный Кавказ был освобожден от фашистских захватчиков. Несмотря на то, что еще шла война, правительство ассигновало автономным образованиям значительные суммы на строительно-восстановительные работы, а также предоставило кредиты по различным направлениям хозяйства. За февраль–сентябрь 1943 г., благодаря помощи центра и напряженному труду населения, большая часть промышленных предприятий, транспорт, связь, учреждения образования, медицины, культуры были восстановлены. Параллельно поднимались колхозы, которые успешно справились с весенним севом, собрали неплохой урожай зерновых культур, овощей и фруктов, оказали большую помощь Красной Армии продуктами земледелия и животноводства. Предприятия, колхозы и совхозы неоднократно рапортовали о направлении материальных и денежных средств в фонд укрепления оборонной мощи страны. Молодежь автономных образований собрала десятки миллионов рублей на строительство танковых колонн и авиационной эскадрильи.

1943 год в национальных республиках Северного Кавказа был периодом возрождения разрушенного войной народно-

го хозяйства и нового патриотического подъема населения, которое самоотверженно помогало фронту.

В конце 1943-го – первой половине 1944 г. была осуществлена череда последовательных операций военного характера. В результате пять северокавказских народов – карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши и балкарцы подверглись тотальной этнической депортации. Если в 1916 г. Николай II поблагодарил за военные подвиги на австрийском фронте горцев, добровольно вступивших в армию и героически сражавшихся за Россию в составе легендарной «Дикой дивизии», то в годы Великой Отечественной войны маршал Сталин выслал тех же горцев под фальшивым предлогом их нелояльности советскому режиму².

Причины депортации народов кроются в природе сталинской тоталитарной системы. Развитие страны и региона в предвоенные годы было сложным и противоречивым. Советская модернизация, особенно сложно проходившая в национальных автономиях Северного Кавказа, неоднозначно воспринималась горскими народами. Движущими мотивами недовольства были крайности коллективизации, переход на ислам и пренебрежение к традиционным народным обычаям. Стремление народов региона сохранить этническую и религиозную самобытность аккумулировали традиционалистские и националистические настроения, принявшие среди части населения антисоветскую форму и проявившиеся в годы Великой Отечественной войны. Тоталитарный режим нашел в этом конъюнктурное объяснение репрессиям и насильственному решению проблем этнополитической жизни.

Депортации народов Северного Кавказа отличались от депортаций, происходивших в военное или предвоенное время в СССР и за рубежом. В подавляющем большинстве случаев народы, в чей лояльности власть сомневалась, выселялись перед началом военных действий, а народы Кавказа – после того, как фронт откатился далеко на запад, когда он был за Днестром, и новые военные действия Кавказу не угрожали. Причины депортации народов с Кавказа и из Крыма имели глубинную основу, были связаны с соображениями

* Вопросы истории. 2013. № 11. С. 104–114.

военно-стратегического порядка и потому носили завуалированный характер. Выселение с этих территорий преимущественно мусульманских и тюркских народов было обусловлено подготовкой власти к возможному театру военных действий на юге Союза ССР. Сталин рассчитывал после победоносного завершения Великой Отечественной войны установить контроль над Черноморскими проливами и отобрать у Турции территории Армении и Грузии, перешедшие к ней в 1921 г. Проживание этнически, конфессионально и лингвистически близких туркам народов вблизи южных границ СССР было нежелательно. Основным способом стали так называемые пограничные зачистки – выселение «неблагонадежных» народов из пограничных районов будущего театра военных действий³.

Основным поводом к насильственному выселению некоторых народов Северного Кавказа стала месть за «пособничество» врагу во время оккупации. Целые народы наказывались за преступления, которые совершили относительно небольшие группы их представителей. На государственном уровне обвинения в адрес отдельных групп людей незаконно были распространены на всех поголовно, включая детей, женщин и стариков. При этом игнорировались реальные масштабы мобилизации и участия представителей репрессированных народов в Великой Отечественной войне. Таким образом, мотивы, которыми партийное и государственное руководство страны того времени объясняло депортацию, можно отнести в разряд версий или гипотез⁴.

Выселению народов предшествовала определенная идеологическая подготовка и сбор информации о положении дел в различных районах страны. Обычно давалась заведомо ложная информация, для убедительности содержащая незначительную долю правды, одобренная изрядной клеветой на опальный народ. Сообщения поступали по параллельным каналам: партийно-государственному, военному, госбезопасности⁵. В августе 1941 г. Сталин получил шифротелеграмму от военных с предложением о немедленном выселении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья, среди которого якобы имелись десятки тысяч диверсантов

и шпионов, которые по сигналу из Германии должны были произвести взрывы в районах Поволжья. 25 августа Сталин положил на эту телеграмму резолюцию: «Тов. Берия. Надо выселить с треском»⁶, а 26 августа было принято соответствующее постановление Политбюро. Указом Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 28 августа 1941 г. все советские немцы были депортированы на Восток.

За небольшим исключением аналогично развивались события, связанные с депортацией населения с территории Северного Кавказа. Здесь первоначальные обвинения исходили от партийных инстанций, органов НКВД-НКГБ Ставрополья, автономии Калмыкии, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Донесения из республик с фальсифицированной негативной оценкой поведения населения сыграли роковую роль при вынесении приговора целым народам. Заведомо ложная информация нужна была, чтобы скрыть свою беспомощность и снять с себя ответственность за ряд грубейших просчетов и неудач в борьбе с оккупантами. Входили, как правило, оговоры, фальсификации, применялся принцип групповой ответственности одних людей за поступки других. Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия, исходящие документы складывал в особую папку для вождя народов и с готовым проектом представлял Сталину, которому принадлежало право окончательного решения.

Непосредственно операция начиналась с принятия решения Государственного Комитета обороны или ЦК ВКП(б) и ЦК СССР, затем следовали указы ПВС СССР, приказы НКВД СССР. В постановлениях подробно излагалась цель предпринимаемой акции, отмечались количественные характеристики подвергшихся депортации народов, назывались службы и лично ответственные за проведение операции по переселению, необходимые для этого денежные средства и материальные ресурсы.

Депортация возлагалась на органы НКВД-НКГБ СССР, а общее руководство – на наркома внутренних дел Берия. Его непосредственными и постоянными помощниками являлись генералы И. А. Серов, Б. З. Кобулов, В. В. Чернышев, которые участвовали во всех операциях по выселению на-

родов с Северного Кавказа. Некоторым операциям давались условные названия. К примеру, переселение калмыков проводилось под кодовым названием «Улусы», чеченцев и ингушей – «Чечевиза».

Методы и условия проведения операций определялись приказами и инструкциями НКВД СССР. В них указывались сроки проведения операции, общая численность сотрудников НКВД-НКГБ и воинского контингента, необходимая для отправки на места и для осуществления операции. Особое внимание уделялось проведению мероприятий по предотвращению сопротивления. Так, в инструкции НКВД СССР о порядке проведения мероприятий по делу «Улусы» оперработникам предписывалось в случае возникновения «волынок» или вооруженных столкновений «применять оружие, действовать твердо и решительно» по их ликвидации. Мероприятия по выселению осуществлялись руководством НКВД-НКГБ СССР очень тщательно, в глубокой тайне, удерживая в секрете подготовку и начало каждой операции.

Первыми на Северном Кавказе депортации были подвергнуты карачаевцы. Официально против них было выдвинуто обвинение в измене и бандитизме отдельных лиц и групп этой национальности. На основании Указа ПВС СССР от 12 октября 1943 г. и Постановления СНК СССР от 14 октября 1943 г. все карачаевцы подлежали переселению в Казахскую и Киргизскую ССР⁷. 2 ноября 1943 г. из Карачаевской автономной области было выслано 69 207 чел. (14 774 семей). 424 карачаевца были выявлены в соседних областях и также выселены.

В конце 1980-х гг. по требованию народных депутатов было предпринято официальное расследование предъявленных карачаевцам обвинений. В ответе заместителя председателя КГБ СССР В. А. Пономарева от 21 июня 1990 г. указывалось, что к уголовной ответственности за измену Родине были привлечены 270 карачаевцев⁸. Однако жестокий удар обрушился не только на предателей, но и на весь карачаевский народ.

В том же 1943 г. обвинение, основанное на якобы имевших место проявлениях бандитизма и предательства, было

выдвинуто против калмыков. В основу обвинения были положены донесения секретаря Калмыцкого обкома партии по военным вопросам П. Ф. Касаткина и двух местных наркомов (внутренних дел и госбезопасности) – А. А. Жукова и А. П. Михайлова⁹. Так возник повод к ликвидации Калмыцкой АССР Указом ПВС СССР от 27 декабря 1943 г.¹⁰ На следующий день было принято постановление СНК СССР за подписью В. М. Молотова о депортации калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. В момент прибытия на спецпоселение было учтено 93 062 калмыка, среди которых 65 % было стариков и детей до 16 лет. В пути следования эшелонов умерли 1640 чел., в том числе 642 ребенка и 736 стариков. Госпитализированы в пути следования и на станциях разгрузки были 1010 человек¹¹.

Те же причины служили предлогом для выселения чеченцев, ингушей и балкарцев в 1944 г., когда война приближалась к победоносному завершению. Депортацию чеченцев и ингушей инициировала «Докладная записка о положении в районах Чечено-Ингушской АССР», составленная в октябре 1943 г. группой оперативных работников во главе с заместителем наркома внутренних дел СССР Б. З. Кобуловым. В документе рассматривался широкий круг вопросов, в том числе, участие чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне и в вооруженных антисоветских выступлениях¹². 29 января Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей». 31 января 1944 г. судьба этих народов была решена окончательно: согласно постановлению ГКО за № 5073 они подлежали депортации в Казахскую и Киргизскую ССР¹³. 20 февраля Берией был подготовлен и проект Указа ПВС СССР «О передаче ряда районов бывшей Чечено-Ингушской АССР и организации Грозненского округа», а также разработан проект постановления СНК СССР «О порядке заселения освобожденных от местного населения районов»¹⁴.

Операция по выселению чеченцев и ингушей была начата на рассвете 23 февраля 1944 г. Ее лично возглавили прибывшие 20 февраля в гор. Орджоникидзе Берия и его заместители Серов и Кобулов, начальник канцелярии НКВД

СССР М. Мамулов и другие. В операции приняли участие 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД и 19 тыс. оперативных работников. К 29 февраля 1944 г. было выселено и погружено в эшелоны 478 479 чел., в том числе 387 229 чеченцев и 91 250 ингушей¹⁵. В пути следования умерли 1272 человека.

В горных районах, куда из-за большого снегопада и бездорожья доступ был затруднен, все еще оставалось местное население. На сборный пункт в чеченском ауле Хайбах свезли больных и немощных жителей нескольких аулов для отправки на станцию. Из-за невозможности транспортировки они были сожжены заживо в конюшнях, а пытавшиеся спастись – расстреляны войсками НКВД¹⁶.

24 февраля 1944 г., в самый разгар операции «Чечевица», Берия получил справку «О состоянии балкарских районов Кабардино-Балкарии» за подписью первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) З. Д. Кумехова, наркома внутренних дел КБАССР К.П. Бзиава и наркома госбезопасности республики С. И. Филатова. В нем авторы поставили вопрос о выселении балкарцев за пределы КБАССР¹⁷. На основании донесения Берия в тот же день обратился с ходатайством к Сталину о необходимости депортации. Сталин поддержал эту инициативу, и Берия начал активную подготовку депортации балкарцев. 26 февраля он издал приказ НКВД СССР «О мероприятиях по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения». В нем определялись необходимые для выселения балкарцев силы и средства, а также намечалась схема управления войсками. Днем начала операции приказом устанавливалось 10 марта 1944 г., однако затем сроки были передвинуты на 8 марта¹⁸.

Одним из основных аргументов для обоснования решения о выселении балкарского народа явились события в Черекском ущелье Кабардино-Балкарии. С 27 ноября по 5 декабря 1942 г. там, под предлогом борьбы с бандитизмом, сводным отрядом внутренних войск было расстреляно более 700 мирных жителей (в том числе 155 детей в возрасте до 16 лет) и сожжено 519 домов с имуществом и хозяйственными постройками¹⁹. Согласно международному гуманитарному праву, гражданское мирное население не может являться

объектом военного нападения. Следовательно, Черекская трагедия – грубейшее нарушение его норм. Сразу после освобождения Кабардино-Балкарии от немцев карательная акция отряда НКВД была документально оформлена как злодеяния фашистов и их пособников²⁰. Тем самым была подготовлена документальная база депортации балкарского народа.

5 марта ГКО принял постановление о выселении всего балкарского населения Кабардино-Балкарии в Казахскую (25 тыс. чел.) и Киргизскую ССР (15 тыс.)²¹. Приказ НКВД СССР от 26 февраля и постановление ГКО от 5 марта 1944 г. стали решающими в определении судьбы балкарского народа. Окончательный документ, Указ ПВС СССР об упразднении автономии и переселении балкарцев в Казахстан и Киргизию, появился ровно через месяц после депортации – 8 апреля 1944 г.

9 марта операция была закончена: в Казахстан и Киргизию было отправлено 37 713 чел., в основном дети, женщины и старики. За 18 дней в пути умерло 307 чел. С учетом дополнительно отселенных общее количество депортированных балкарцев составило 38 053 человека.

При депортации выселению, как правило, подвергались народы, давшие название своей республике или области. Особенностью Кабардино-Балкарии было то, что здесь в число наказанных народов попала одна составная часть населения республики – балкарцы.

Всего с Северного Кавказа было переселено в восточные районы страны 608 749 карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и 96 113 калмыков.

Летом 1944 г. из Крыма были выселены татары, и в это же время из Грузии, с турецкой границы депортировались турки-месхетинцы, курды и армяне-мусульмане. Сроки и очередность «зачистки территории» между Каспийским и Черным морями показывают, что каток массовых депортаций накатывался с северо-востока на запад и юго-запад. «Бросается в глаза, – пишет профессор Б. В. Соколов, – что наказывались в первую очередь те народы, которые проживали на стратегически важных территориях Крыма и Кавказа»²².

14 марта 1944 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) Берия отчитался за «успешно проведенную операцию» на Северном Кавказе. Сталин в ответ на это от имени ВКП(б) и Комитета обороны СССР объявил благодарность всем частям и подразделениям РККА и войск НКВД за успешное «выполнение важного правительственного задания на Северном Кавказе». За образцовое и четкое выполнение специального задания правительства и проявленное при этом «мужество и отвагу» указами ПВС СССР от 8 марта и 22 августа 1944 г. орденами и медалями СССР были награждены более 800 наиболее отличившихся сотрудников внутренних дел и госбезопасности. Берия, Серов, Кобулов и Круглов удостоились полководческого ордена Суворова I степени, еще 13 высших чинов НКВД – ордена Суворова II степени. 120 офицеров рангом ниже заслужили за депортацию боевой орденом Красной Звезды, 370 участников акции – медаль «За отвагу» и «За боевые заслуги»²³. Большого кощунства по отношению к репрессированным народам, да и к самим знакам воинской доблести трудно представить. В 1964 г. эти указы были безгласно отменены.

Народы Северного Кавказа были представлены в Красной Армии в равном процентном соотношении с другими народами страны. Выселение происходило в то время, когда десятки тысяч представителей репрессированных народов находились в рядах воюющей Красной Армии. За годы войны добровольно ушли в армию и были призваны 15 600 карачаевцев, 20 082 калмыка, 27 500 чеченцев и ингушей, каждый пятый балкарец. Половина из них погибла, защищая Родину. Воины-северокавказцы в числе первых встретили врага на западной границе СССР, став участниками героической обороны Брестской крепости. Сыны Кавказа и Калмыкии защищали Москву и Ленинград, принимали участие во всех крупных операциях Великой Отечественной войны, участвовали в партизанском движении на Украине и в Белоруссии, в антифашистском сопротивлении в Европе, в освобождении народов Европы от гитлеровского ига. Многие из них дошли до Берлина²⁴. Героями Советского Союза стали 5 чеченцев, 2 карачаевца, 8 калмыков, 2 балкарца. Многие

были представлены к званию Героя, но не получили его как представители репрессированных народов. Значительная часть воинов – представителей депортированных народов – отмечена правительственными наградами. Плечом к плечу со всеми они храбро сражались на фронтах Великой Отечественной войны и внесли значительный вклад в разгром врага. К 50-летию Победы звание Героя России было присвоено 9 карачаевцам, 4 чеченцам и 4 ингушам.

Когда подавляющая часть мужского населения находилась на фронте, обвинение целых народов в пособничестве оккупантам выглядело абсурдно: из общего числа высланных балкарцев 52 % составляли дети, 30 % – женщины и 18 % – мужчины. Такое же соотношение у карачаевцев и калмыков. Мужчины – это вернувшиеся с войны инвалиды, старики, инвалиды детства, оставленные по брони советские и партийные работники, сотрудники госбезопасности и внутренних дел. Таким образом, жертвами депортации оказались дети, женщины и старики. Следовательно, «пособничество оккупантам» – это не причина, а повод, и повод надуманный. Ведь вся чудовищность сталинизма в том и состоит, что миллионы его жертв пострадали совершенно безвинно.

Жестокие законы войны требовали бескомпромиссной борьбы с теми, кто совершил военные и уголовные преступления. Однако репрессивные меры в отношении целых народов вряд ли можно оправдать условиями военного времени. Депортация северокавказских народов была частью общей политики советского государства, переселявшего миллионы своих граждан по социальному или национальному признаку для решения, как политических, так и экономических задач.

Хотя в Указах делается попытка юридического обоснования репрессивного действия государства против целых народов, сами акты и механизм их реализации являются антиконституционными, политически и нравственно несправедливыми, а потому преступными. Обвинения, выдвинутые в Указах, не содержат никаких политико-правовых и моральных оснований для этнических депортаций. Д. А. Волкогонов пишет: «Если бы Сталин следовал своей

преступной логике всегда, то после образования Русской освободительной армии Власова ему надо было бы сослать и русский, украинский и все другие народы... В неисполнимости этого, между прочим, видна вся абсурдная преступность сталинских решений»²⁵.

Депортация в отношении целых народов и этнических групп не имеет юридических оснований. В правовой системе Советского Союза не было нормативного положения, предусматривавшего коллективную ответственность народа и применение меры наказания по национальному признаку. Репрессии против северокавказского населения, исходя из представлений о «коллективной вине», не могут быть оправданы и с точки зрения современных политических стандартов Совета Европы, отрицающих «этнические чистки».

Одним из тяжелых последствий депортаций народов Северного Кавказа в конце 1943 – первой половине 1944 г. является полная ликвидация существовавших национально-государственных автономных образований карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей и балкарцев. Она сопровождалась существенными изменениями административно-политического деления Центрального Кавказа и Предкавказья. С ликвидацией Карачаевской автономной области ее территория была разделена между Ставропольским и Краснодарским краями. Высокогорная область Карачая вошла в состав Грузинской ССР, для чего была изменена граница между РСФСР и Грузией. Указом ПВС СССР от 27 декабря 1943 г. Калмыцкая автономная область как национально-государственное образование прекратила свое существование, а ее территория была включена в состав Астраханской, Ростовской, Сталинградской областей и Ставропольского края. С ликвидацией Чечено-Ингушской АССР на большей ее части была образована Грозненская область РСФСР, а оставшиеся территории переданы Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Грузинской ССР.

Указ ПВС СССР от 8 апреля 1944 г. узаконил ликвидацию автономии балкарского народа и разделение его этнической территории. Пункт 4 Указа, вопреки Конституциям РСФСР

и КИАССР, проводил новую границу между РСФСР и Грузинской ССР, которая расширялась за счет земель Балкарии.

Целью перекройки границ было сделать в будущем невозможным восстановление государственности «наказанных» народов. Чтобы искоренить саму память о них, последовали распоряжения о переименовании населенных пунктов. Даже история была подвергнута этнической «чистке». В начале 1950-х гг. появились труды Л. Лаврова, Г. Зардалишвили и И. Акритгаса, которые вопреки исторической правде пытались доказать правомерность присоединения части территории Карачая и Балкарии к Грузии, намеренно опровергали право карачаевского и балкарского народов на этническую территорию²⁶.

Территориальные изменения всегда вызывают самые печальные, многочисленные и трудноразрешимые последствия. В данном случае закладывалось мощное взрывное устройство под будущее существование бывших народов-соседей. То, что мы получили в наследство в результате национальных репрессий, сопровождавшихся перекройкой исторически сложившихся этнических границ, уже дало горькие плоды и осталось в наследство поколениям XXI в.

Депортация северокавказских народов повлекла за собой масштабное физическое уничтожение этносов, насильственное разрушение всей структуры их политического, социально-экономического и культурного развития. В дороге и в местах высылки от голода, холода, бытовой неустроенности и эпидемических заболеваний репрессированные народы потеряли от трети до половины своей численности²⁷. Им был нанесен огромный морально-политический и материальный ущерб. Дома, угодья, сотни тысяч голов скота, хозяйственные утвари, домашняя обстановка, ценности, одежда и все имущество, накопленное несколькими поколениями предков, было конфисковано государством, подверглось разграблению и уничтожению. Сотни поселений были полностью заброшены, и регион некогда высокопродуктивного животноводства и производства в экономическом плане практически перестал существовать.

Права личности, провозглашенные в Конституции СССР 1936 г., в том числе возможность иметь равные права «независимо от национальности и расы... во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни», были нарушены. Депортация нанесла большой урон национальной культуре, дальнейшее развитие которой было насильственно прервано и отброшено назад. Для абсолютного большинства детей спецпереселенцев было затруднено получение даже школьного образования. А высшее и среднее специальное образование стало практически невозможным. Ссылка вычеркнула депортированные народы Северного Кавказа из общественно-политической и культурной жизни страны. Переселенцы лишились возможности заниматься изучением своей литературы, истории, языков. Прекратили свое существование театры, творческие коллективы, было запрещено издавать любые книги на родном языке, прекращена вся научная деятельность. Балкарцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы и ингуши изымались из списка народов страны и мира, из справочников и энциклопедий. Это нанесло огромный ущерб национальному сознанию и самосознанию. В годы ссылки в значительной степени был утрачен фольклор, многие элементы материальной и художественной культуры. Конфискованные семейные реликвии, являющиеся материальным воплощением национальной духовно-художественной культуры, были утрачены не просто для каждой отдельной семьи, но и для народа в целом.

Власть навязывала репрессированным народам комплекс вины, ответственности за несовершенно совершенные преступления. Нравственные страдания честно и мужественно выполнивших свой воинский долг солдат и офицеров носили особенно глубокий характер. После депортации их народов они уже не повышались в звании, как правило, не награждались, а если и получали награду, то заниженную. По национальному признаку были приостановлены наградные дела фронтовиков о присвоении звания Героя Советского Союза. Демобилизованным воинам предписывалось выехать в места ссылки их родных, где они становились на учет как спецпереселенцы со всеми вытекавшими из этого ограничениями.

Депортация нанесла урон экономическому развитию всего северокавказского региона. Оставшемуся населению пришлось осваивать и поддерживать опустевшие земли по добровольно-принудительной схеме. Несмотря на меры по заселению и освоению покинутых земель, нормальная демографическая, хозяйственная и социокультурная ситуация там так и не была восстановлена.

В целом депортация северокавказских народов имела самые трагические последствия в этногосударственном, этнокультурном, этнонациональном и иных аспектах. Практически исчезли государственность, национальные школы, периодическая печать, книгоиздание, театр. Была подорвана жизнеспособность народов.

Кроме того, депортация, попрание конституционных норм и прав личности наносили заметный ущерб формируемой общности советских народов. Насильственными переселениями подрывались основы существующего строя, подвергались сомнению основополагающие принципы существования государства, вера в законность и справедливость советской власти²⁸.

Примечания

1. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 54.

2. Фоменко А. Проблемы коллаборационизма во Второй мировой войне // Международная жизнь. 2010. № 5. С. 41.

3. Гасанлы Дж. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 137–140, 160.

Конфессиональная принадлежность калмыков здесь выступает как показатель отношения верховной власти к регионам, условно говоря, «буферной зоны», где политическое, идеологическое и иное влияние признаков доминирующего исторически-культурного типа наиболее слабо. Территория Калмыкии – это безлюдная степь, самое возможное место нападения на обозы.

4. Шнайдер В. Г. Причины депортации северокавказских народов: историография проблемы // Кавказский сборник. М., 2006. Т. 3 (65). С. 153.

5. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. С. 86.
6. Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 195.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7523, оп. 4, д. 198, л. 79, 80.
8. День республики. 5.XII.1993.
9. Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение и возрождение. 1943–1959 гг. Элиста, 2007. С. 197.
10. ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 200, л. 151, 152.
11. Алиев И. И. Этнические репрессии. М., 2008. С. 167.
12. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008. Т. 2. С. 547.
13. Российский центр хранения и использования документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 644, оп. 1, д. 200, л. 8–12.
14. ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 708, л. 61–63.
15. Там же, ф. Р-9401, оп. 2, д. 64, л. 166.
16. История Чечни. С. 555.
17. Центральный архив ФСБ. Особая папка № 52 – 14 СПО-8.
18. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 3, л. 315–319.
19. Азаматов К. Г., Темиржанов М. О., Темукеев Б. Б. и др. Чеченская трагедия. Нальчик, 1994. С. 55–56.
20. Там же. С. 57.
21. ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 175, л. 5.
22. Соколов Б. В. Берия: судьба всемогущего наркома. М., 2003. С. 172.
23. Сталинские депортации. М., 2005. С. 460, 461.
24. Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. Элиста.
25. Вологонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина. Кемерово, 1991. Кн. 2. С. 273.
26. Лавров А. И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века // Вопросы историографии Кавказа. Тбилиси, 1952; Зардалишвили Г. К установлению некоторых географических наименований Клухорского района // Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1952. Т. 84. Вып. 3; Акритас П. Г. Древнейшее название горы Бештау // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954.
27. Эдиев Д. М. Демографические потери депортированных народов в СССР. Ставрополь, 2003. С. 292.
28. Вклад репрессированных народов СССР в Победу... С. 565.

О природе принудительных миграций в годы Второй мировой войны в СССР и за рубежом: общее и особенное *

Со времен принудительных миграций иудеев в Вавилон, мировая история знает достаточно примеров депортаций. Совершив краткий экскурс в многовековую историю принудительных миграций, П. М. Полян сделал следующий итоговый вывод: за века движущие мотивы применения принудительных миграций принципиальных изменений не претерпели. За ними стоит то или иное сочетание политических и прагматических факторов. Вполне очевидной представляется связь между вспышками принудительных миграций и историческими катаклизмами, например, мировыми войнами ¹.

Депортация народов являлась одной из жестких репрессивных мер в сфере национальных отношений. Как одна из специфических форм политической репрессии, имеющая целью подавить, пресечь что-либо, она имеет свои особенности. Важнейшей особенностью депортации как репрессий является их внесудебный, административный характер, направленный не на конкретное лицо, а на целую этническую группу.

Помимо карательной функции, отличительным признаком репрессивных миграций является их прямое действие, основывающееся на верховном политическом решении и не подлежащее обжалованию. Действующие законы не принимались во внимание, что ставило депортации вне компетенции и правового поля существующего судопроизводства.

Другой принципиальной особенностью принудительных миграций является установка на отрыв масс людей от устоявшейся и привычной среды обитания. Народы и этнические группы на весьма длительный срок были лишены предметов и объектов материальной и духовной культуры (культовых

* Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Материалы Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2015. С. 50–55.

сооружений, музеев, театров, учебных заведений), возможности ее воспроизводства.

В условиях военной угрозы и в период войны депортационная политика как мера решения конфликта имеет превентивный или карательный характер. Руководство страны принимает эту крайнюю меру в отношении «неблагонадежных» народов, «пособников врагов», компактно проживающих в напряженной зоне, и особенно тех, с соплеменниками которых ведется война². Функционирование власти в условиях усеченной демократии позволяет ей полностью игнорировать интересы самих этих народов³.

Депортация народов и преодоление ее последствий была и остается одной из важных проблем российского общества. Беглый обзор наиболее примечательных депортаций прошлого дал основание П. М. Поляну утверждать, что ни первооткрывателем, ни тем более монополистом в области депортации советское государство не является. Скорее это наиболее последовательный и целеустремленный их претворитель в жизнь, что и предопределило в общем-то феноменальное распространение депортации в СССР, их отлаженную технологичность и, как следствие, – неслыханную прежде масштабность⁴. Как теперь известно, эта мера коснулась 15 народов СССР и более 60 групп населения, принадлежащих к различным национальностям. В данном случае нельзя не учитывать характер сталинской политической системы, которая свою стабильность связывала с мерами насильственного управления народами.

Принудительная высылка целых народов в годы Великой Отечественной войны явилось политическим преступлением сталинского режима. Депортация народов – это следствие функционирования сложившейся при Сталине системы, открывшей с конца 1920-х гг. широкий простор для репрессий и террора в отношении советских людей. Сталин приспособил к своей политике не только партию и государство, но и идеологию. Став государственной, она пронизала все сферы жизни. Программными составляющими этой государственной идеологии были:

- классовый подход к общественной и экономической жизни;
- однозначность и бескомпромиссность;
- оправдание любых жертв и ставка на насилие;
- навязывание сверху основных постулатов государственной идеологии и наказание за уклонение от них⁵.

При всей общности депортационной политики наблюдаются и существенные типологические различия. П. М. Полян пишет: «Вопреки декларациям, в СССР наблюдалась поразительная эволюция от классового к этническому критерию репрессий: государство с неустанно проповедуемым интернационализмом и классовым подходом на практике тяготеет к сугубо националистическим целям и методам. Наиболее яркий пример – так называемые наказанные народы, причем депортация и явилась наказанием». Он же провел классификацию депортации по социальному, этническому, конфессиональному и политическому признакам. В этой схеме репрессивные миграции по этническому признаку сводились к следующему:

1. В порядке «политической подготовки театра военных действий» и «зачистки границ»: а) тотальные, б) частичные.
2. Тотальные депортации «наказанных народов»: а) превентивные, б) депортации «возмездия».
3. Компенсирующие миграции⁶.

Еще не было военных действий, когда в 1935–1937 гг. зачистке и «подготовке театра военных действий» подверглись едва ли не все приграничные фронты: западный (депортация финнов, немцев, поляков), южный (курды, иранцы), дальневосточный (корейцы). После аннексии в 1939–1940 гг. прибалтийских государств и части территорий Польши и Румынии, Советскому Союзу пришлось как бы заново обработать свои новые западные границы. В целях укрепления советской власти эта «работа» была проделана в 1940–1941 гг. в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и в Молдавии. Постановлением ГКО от 29 мая 1942 г. пограничной зачистке подверглись Таманский полуостров, районы Азовского и Черного морей, откуда в административном порядке были высланы «социально-опасные» греки, румыны

и крымские татары. Однако в связи с приближением фронта к предгорным районам Кавказа, полностью завершить их выселение не удалось. В связи с союзническими отношениями Турции с Германией встал вопрос о депортации этнически близких туркам народов из районов, прилегающих к южным границам СССР. Специальное постановление ГКО от 31 июля 1944 г. определило судьбу турок-месхетинцев, курдов, хемшинов из пограничных округов. Характерно, что многие из депортируемых расценивали эту акцию как стремление Сталина «сохранить мирное население в случае войны с Турцией»⁷.

Некоторые из упомянутых депортаций имели и превентивный характер. Например, выселение финнов и корейцев. Но самый массовый прецедент превентивной депортации – это переселение в августе 1941 г. более 1 млн советских немцев из Поволжья, отнесенных к потенциальным «коллаборантам» исключительно в силу своей этнической принадлежности к нации, с титульным государством которой шла война.

Превентивные депортации – это наказание за принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война. В этом и заключается принципиальная разница с периодом Первой мировой войны, когда депортации угрожали исключительно гражданам государств, с которыми шла война. В ситуации Второй мировой войны удары пришлось по собственным гражданам, национальность которых совпадала с титульной нацией врага, причем это относится не только к СССР, но и к США⁸.

Последующие операции носили уже не профилактический характер, а были как бы акциями «возмездия» за совершенные или несовершенные в годы войны преступления против советского государства. В 1943–1944 гг. была осуществлена череда последовательных операций военного характера. В результате шесть народов – карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и крымские татары – подверглись тотальной этнической депортации. Представителей этих народов выселяли целиком не только с их исторической родины, но и изо всех других регионов страны. Перечисленные народы и немцы лишились при этом своих

национальных автономий. Тем самым был нанесен удар по самому важному признаку в оценке национальности в шкале советских ценностей – по их государственности. Суммарная численность депортированных из Поволжья и Северного Кавказа составляла около 2 млн чел. Обезлюдела территория в 150 тыс. кв. км. Серьезный ущерб был нанесен уникальной этнокультурной мозаике Северного Кавказа⁹.

В опустевшие земли власти вынужденно водворяли соседнее население – русских, грузин, кабардинцев, осетин, аварцев, лакцев и др. Не затронутые депортациями непосредственно, они оказались затронуты ими косвенно, или компенсационно. Нельзя не заметить и стремления Л. Берия расширить территорию Грузии за счет ликвидированных республик Северного Кавказа.

Хотя в указах о выселении делается попытка юридического обоснования репрессивного действия государственного органа против целых народов, сами акты и механизмы их реализации являются антиконституционными, политически и нравственно несостоятельными, а потому преступными. Ни Конституция СССР, ни правовая теория, никакие другие подзаконные акты не содержали юридических норм, дающих какие-то права органам государственной власти по наказанию целых народов. Как пишет видный военный историк, генерал-полковник Д. А. Волкогонов, «если бы Сталин следовал своей преступной логике всегда, то после образования Русской освободительной армии Власова ему надо было бы ссылать и русский, и украинский, и все другие народы... В неисполнимости этого, между прочим, видна вся абсурдная преступность сталинских решений»¹⁰.

Осуждение коллаборационистов было неизбежным действием любой власти, тоталитарной или демократической, ибо нарушение присяги и отказ от верности своим прежним государственным институтам не прощает своим подданным или гражданам ни одна власть в мире. Однако, как отметил П. М. Полян, «использование депортации как репрессивных методов воздействия к гражданским лицам есть специфическая черта тоталитаризма в целом. Только тоталитарное общество могло породить такое явление, как принудительная

высылка народов, ставшая одной из главных составных частей сталинских репрессий. И у немецких национал-социалистов рука не дрогнула ни при угоне миллионов оstarбайтеров и эвакуированных в Третий Рейх, ни при депортации и методической ликвидации евреев и цыган»¹¹.

В прецеденте «наказания народа» принцип индивидуальной ответственности лишь при наличии вины в совершении преступления начисто игнорировался. Приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьезным и бесспорным преступлением против человечности.

Проводя переселенческую политику, советское государство преследовало и экономические цели. Ставилась задача освоения трудоемких регионов страны путем увеличения численности населения и за счет дешевой рабочей силы повышение производительности. Не случайно основными ареалами вселения депортированных были Казахстан, Средняя Азия и Западная Сибирь. Демографический удар, полученный Казахстаном в 1930–1933 гг., когда в результате коллективизации погибло и умерло от голода 1,7 млн чел. и откочевало в Китай 600 тыс. казахов, был в значительной мере компенсирован. В правительственных решениях предусматривалось использование спецпереселенцев на трудоемких работах. В середине 1940-х гг. в 65 отраслевых учреждениях было занято на работе 1 015 850 чел. спецпоселенцев. Своим самоотверженным трудом они внесли значительный вклад в развитие экономики восточных регионов страны.

Депортация народов в годы Второй мировой войны была инструментом государственной политики не только в СССР, но и в других государствах Европы, Азии и Америки. Главным «соперником» Сталина в деле депортации был национал-социалистический режим Гитлера. Характерно, что и в Германии превалировал этнический аспект. После пакта Риббентроп-Молотов нацистская Германия начала претворять в жизнь масштабные переселенческие планы. Прежде всего, они коснулись немецкого населения, проживавшего вне пределов Рейха, и проводились под девизом «Домой в Империю». К февралю 1940 г. из зоны советского влияния

(Прибалтики и Транснистрии) было эвакуировано на запад 128 тыс. лиц немецкого происхождения. Гитлер не питал иллюзий относительно того, как с ними поступит Сталин в ситуации войны или непосредственной подготовки к ней. Депортации подверглись и судетские немцы. Провал блицкрига и дефицит трудового баланса заставили Германию депортировать советских граждан в Третий рейх – 3,8 млн чел. К ним следует добавить и 56 тыс. финнов-ингерманландцев, в апреле 1943 г. переселенных из Ленинградской области и Карело-Финской АССР в Финляндию. Депортация Советским Союзом немцев из стран Юго-Восточной Европы важна типологически как целенаправленная попытка Сталина распространить советские правила игры на оккупированные страны Европы, а заодно получить и дополнительный контингент рабочих рук. В годы войны из Германии в Польшу и Прибалтику выселялись евреи, а поляки – из аннексированных Германией районов Польши в другие. Преступлением Гитлера был также геноцид евреев и цыган.

«Этническая кристаллизация» территории в гитлеровской Германии и СССР проявлялась по-разному, но направленность ее была одинаковой – очистить территорию от «неблагонадежного населения» в целях укрепления позиций властвующего режима. Сам принцип формирования системы мер по этническому переустройству и в Германии, и в СССР включал такую репрессивную меру как депортация.

В начале Второй мировой войны власти США в связи с угрозой японского вторжения выселили из Алеутских островов и островов Прибылова около 400 чел. и разместили их на юго-востоке Аляски.

19 февраля 1942 г. президент США Ф. Рузвельт подписал приказ о выселении из западных прибрежных штатов всех граждан японской национальности. Депортации подлежал любой с одной шестнадцатой японской крови. Под конвоем 110 тыс. японцев, включая и не имеющих американского подданства, были доставлены в центральную часть США и помещены в 13 специальных лагерях. В 1986 г. апелляционным судом было признано, что содержащиеся в концлагерях до окончания войны японцы не представляли угрозы для национальной безопасности.

Интересно мнение американского ученого Дж. Критчлоу, подчеркивающего, что переселение японцев в США имеет особенности, отличающие его от депортации народов СССР. Места выселения японцев ограничивались только прибрежными штатами Западной Америки. Власти США гарантировали возможность продолжить обучение студентам-японцам и трудовое устройство переселенцев в новых районах. Срок депортации ограничивался четырьмя годами. Самое существенное, что в ссылке многие представители «наказанных» советских народов терпели тяжелейшие испытания и гибли массами. В Соединенных Штатах этому аналогий нет.

Сравнивая депортационные меры в США и СССР надо отметить, что в Советском Союзе переселению подверглось все население определенной национальности. Из 15 народов, подвергшихся тотальной депортации, 7 потеряли свою государственность. Несмотря на разницу форм депортаций в двух странах, между ними обнаруживается и определенное сходство: власти и СССР и США обвинили целые народы, а не просто отдельные «неблагонадежные элементы». Здесь решающим фактором стала этническая принадлежность к будущим или мнимым врагам ¹².

Сама Япония в 1941–1944 гг. насильственно вывезла из колониальной Кореи более 700 тыс. молодых корейцев для работы на военных заводах, в шахтах или отправки на фронт. Депортация в данном случае преследовала экономические и военные цели. В Японии корейцы проходили принудительный курс обучения перед отправкой на военные заводы. Женщины в принудительном порядке отправлялись на фронт для «поддержания боевого духа» солдат. Органы власти Японии проводили политику, максимально учитывавшую интересы своей страны ¹³.

В целом депортация народов была и остается чудовищным преступлением и тягчайшим злодеянием. Крупное социальное событие, а тем более масштабное насилие, представляются слишком серьезным явлением, чтобы объяснять его происхождение, казалось бы, поверхностными обстоятельствами, как, например, неблагонадежность и пособничество оккупантам. Как мы убедились, этнические депортации

возможны и появляются там, где само государство поощряет этнический партикуляризм и строит на нем систему управления. И СССР, и США, и Япония отступили от правил развития цивилизованных стран. Повышенная на излете XX в. популярность идеи разрешения этнических конфликтов путем депортаций и иных способов «чисток» территорий (события последних лет в Африке, на Балканах и снова на территории бывшего СССР) показывает, что печальные уроки СССР, Германии, Японии и США мало влияют на современных политиков. Опыт истории подсказывает: не должно быть ни одного человека, ни одного народа, повергнутого ниц, униженного и оставленного в одиночестве.

Примечания

1. Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 23.
2. Полян П. М. Депортация и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 5–7; Мухомотова Т. В. Особенности депортационной политики советского государства // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Нальчик, 2005. Вып. 10. С. 46, 47.
3. Сим Хон Енг. Депортация народов: международный аспект приклемы // Россия в XX веке: проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 380.
4. Полян П. М. Не по своей воле... С. 13.
5. Коржухина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М., 1995. С. 285.
6. Полян П. М. Не по своей воле... С. 46, 47.
7. Бибилова О. Репрессии длиною в жизнь // Азия и Африка. 1995. № 1. С. 4.
8. Полян П. М. Не по своей воле... С. 103.
9. Сабанчиев Х.-М. А. Депортация народов Северного Кавказа в 40-х гг. XX в. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 104.
10. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина. Кемерово, 1991. Кн. 2. С. 104.
11. Полян П. М. Не по своей воле... С. 13.

12. Критичлоу Дж. Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций. Хельсинки, 1991. С. 11.
13. Сим Хон Енз. Указ. соч. С. 383.

Проблема депортации народов Кавказа и Крыма в 40-х гг. XX в. в международном контексте *

Выселение в 1943–1944 гг. карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, турок-месхетинцев и крымских татар представляет собой показательный акт внутренней политики сталинского режима и доминанты его национальной политики. Депортация перечисленных народов проводилась во вторую половину войны, когда произошел перелом в ходе войны, а прифронтовые районы уходили на Запад и военной необходимости в «укреплении» районов проживания депортированных народов не было. Они как бы выпадают из закономерности этнических депортаций. Картина становится более ясной, если обратиться к показаниям Л. Берии в ходе судебного процесса над ним в декабре 1953 г. На вопрос председательствующего маршала И. С. Конева, почему он воспрепятствовал выдвижению войск НКВД для обороны Кавказа, Берия ответил: «Я утверждаю, что недостатка в войсках там не было. Перевалы были закрыты. Я считаю, что мы провели большую работу по организации обороны Кавказа... Я раньше не говорил, почему я не давал войск НКВД для обороны Кавказа. Дело в том, что предполагалось выселение чеченцев и ингушей» [7, с. 62]. Берия задумывался над выселением северокавказских народов, чтобы в случае прорыва немцев через Главный Кавказский хребет в Закавказье они не получили пополнения из числа противников советской власти.

Это было своеобразной реакцией Берии на складывающуюся обстановку. По данным советской разведки, герман-

* Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2014. Т. 4. № 4. С. 54–58.

ское командование предполагало развернуть национально-освободительные движения во всем Кавказском регионе. Применение кавказских формирований во главе с батальоном «Бергман», как считало немецкое руководство, должно было ускорить процесс восстаний. По мнению немцев, Советские не ожидали сильных народных волнений, и вооруженные восстания и удары с тыла должны были заставить врасплох окружившую Красную армию [1, с. 102]. Однако окружение германской группировки в Сталинграде в конце ноября 1942 г. позволило с выселением повременить, и Берии пришлось заниматься задуманной депортацией северокавказских народов несколько позднее. «Бросается в глаза, – пишет В. В. Соколов, – что наказывались в первую очередь те народы, которые проживали на стратегически важных территориях Крыма и Кавказа» [13, с. 172]. Депортация преимущественно тюркских и мусульманских народов с территории Кавказа и Крыма уже увязывается с особой ролью этих стратегически важных территорий в свете грядущей конфронтации с Турцией. Сталин рассчитывал после окончательного завершения Великой Отечественной войны установить контроль над Черноморскими проливами и отобрать у Турции части территории Армении и Грузии, уступленные ей в 1921 г. [13, с. 172]. Можно предположить, что спецоперации по массовому выселению этнически, конфессионально и по языку близких туркам народов из районов, прилегающих к южным границам СССР, были предприняты в плане подготовки будущего театра военных действий и «пограничной зачистки», что широко практиковалось в 1935–1940 гг. В развитии этого положения вкратце рассмотрим, как складывались советско-турецкие отношения в годы войны.

До середины 1930-х гг. советско-турецкие отношения в целом можно характеризовать как дружеские. СССР и Турция накопили в целом позитивный опыт многостороннего сотрудничества, в том числе и на международной арене. Ухудшение в советско-турецких отношениях наметилось после смерти президента Ататюрка в ноябре 1938 г.

Охладевшие были советско-турецкие отношения с весны 1939 г. снова вошли в режим сближения. Начавшиеся

в Анкаре в апреле-мае 1939 г. переговоры с целью заключить пакт о взаимопомощи для сопротивления агрессии были продолжены в сентябре-октябре в Москве. Переговоры не дали положительных результатов. 23 августа 1939 г. уже был подписан германо-советский договор о ненападении, и таким образом Советский Союз определил свой курс. Пакт Риббентропа – Молотова всерьез обеспокоил правящие круги Турции, и пути СССР и Турции разошлись [2, с. 46–49].

В ноябре 1940 г. состоялся визит советской правительственной делегации во главе с В. Молотовым в Берлин. В ходе бесед Молотова с Гитлером и Риббентропом наряду с другими проблемами были затронуты и вопросы, связанные с Турцией. В. Молотов считал необходимым пересмотреть договор о Проливах в Монре и разрешить советским военным кораблям свободный выход и возвращение в Черное море. Он предлагал позволить СССР за столом переговоров вернуть свои права на содержание военных баз в Проливах. Также Молотов считал необходимым обеспечить Болгарии выход к Эгейскому морю. С началом германо-советской войны Берлин довел информацию об этом аспекте переговоров до Анкары. Турецкая пресса подняла шумиху по поводу претензий СССР на Босфор и Дарданеллы. Чтобы успокоить общественное мнение в Турции, советское правительство выступило со специальным заявлением, что у СССР и в мыслях не было ничего подобного. Открытие немцами секретных планов, выдвинутых Молотовым в Берлине, серьезно ухудшили советско-турецкие отношения [6, с. 30].

До нападения Гитлера на СССР Турция проводила политику лавирования между германо-итальянским и англо-французским блоками, выбирая из них для себя наиболее сильного покровителя и союзника. 18 июня 1941 г. Турция подписала с Германией договор о дружбе и ненападении. Этот шаг Турции советским руководством был встречен с тревогой. Договором с Турцией Германия обезопасила южный фланг своего Восточного фронта [5, с. 172]. Германо-турецкий договор специалисты оценивают как последнее мероприятие в процессе подготовки Германии к нападению на СССР [2, с. 89].

Во время Второй мировой войны вокруг Турции закручивалась сложная дипломатическая игра с участием германского блока, Англии и СССР, а на более позднем этапе – и США. Целью этой борьбы было привлечь Турцию к участию в военных действиях на своей стороне, учитывая ее исключительно важное стратегическое положение. Приняв в качестве основного принципа своей внешней политики удержаться «в стороне от войны», Турция проповедовала нейтралитет. В реальности было очень сложно, соблюдая баланс, не нарушать Договор о дружбе и нейтралитете 1925 г. с СССР, оставаться союзницей Англии, а с другой стороны – оставаться в рамках турецко-германского пакта о ненападении и сохранять нейтралитет. Как отмечено в статье В. К. Егорова, «нейтралитет Турции был выгоден Германии, поскольку обеспечивал безопасность южного фланга вооруженных сил германской коалиции, способствуя тем самым канализации агрессии на Восток. Благодаря турецкому нейтралитету Германия контролировала Балканский полуостров и Восточное Средиземноморье. Кроме того, Турция поддерживала торгово-экономические отношения с Германией и даже поставляла ей стратегическое сырье. Не только СССР, но и другие члены антигитлеровской коалиции отмечали также факты прохождения Проливами германских военных судов, замаскированных под торговые» [4, с. 150].

После нападения Германии на Советский Союз турецкое правительство 26 июня заявило о своем нейтралитете в отношении как Германии, так и СССР. Однако в действительности политика турецких правящих кругов в значительной мере облегчала Гитлеру ведение войны против СССР.

Когда в начале Великой Отечественной войны советские войска терпели тяжелые поражения, в Турции оживились пантюркисты, вытесненные из публичной политики во времена Кемаля Ататюрка, который крайне отрицательно относился к их идеям об освобождении тюркских народов России. В июле 1941 г. с поощрения немецкой дипломатии в Турции был создан Пантюркистский комитет [3, с. 98]. По приглашению германского командования несколько турецких генералов, настроенных пантюркистски, прибыли на

оккупированную немцами советскую территорию и совершили «ознакомительную» поездку по Восточному фронту.

Турецкие власти разрешили издание пантюркистских печатных органов. В своих публикациях пантюркисты призывали к войне с Советским Союзом. Так, журнал «Чинаралты» вел пропаганду против России от имени тюркского населения юга России. Целью журнала было объединение всех тюрков «под одной чинарой» [9]. В июле 1941 г. журнал «Бозкурт» опубликовал статью «Пантюркизм ждет», поместив карту «Великой Турции», в состав которой были включены Закавказье и Средняя Азия. Устремления пантюркистов, вспомнивших о младотурецкой идее создания «Великого Турана», которая объединит под эгидой Турции все тюркские народы, распространялись и дальше этих регионов. «Границы нынешней Турции проходят далеко за горами Кавказа, за Каспийским морем: Волга – это река, из которой веками наши предки поили своих коней», – писали они [6, с. 32].

Сами руководители Турции занимали тогда хотя и скрытую, но враждебную по отношению к Советскому Союзу позицию. Как уже отмечалось, Турция поставляла Германии продовольствие, марганец, медь и хромовую руду, необходимую для выплавки качественных сталей. Турция нарушала Международную конвенцию о Черноморских проливах, пропуская в Черное море военные корабли держав оси. В середине 1942 г., когда Советский Союз переживал особо тяжелые дни, Турция держала на кавказской границе более 25 дивизий и вынуждала советское командование выделять крупные силы на случай возникновения непредвиденных обстоятельств на советско-турецкой границе. В Анкаре были уверены, что во время летней кампании 1942 г. Красная Армия будет окончательно разбита и турки самостоятельно, без особых потерь смогут занять Южный Кавказ [6, с. 34].

Кавказская эмиграция в Турции тоже не сидела без дела: она объединялась под руководством Саида Шамиля, внука знаменитого имама. В Турции Шамиль организовал союз горско-азербайджанской эмиграции, затем – возглавлял Северокавказский комитет, который вскоре начал активно сотрудничать с германским руководством [1, с. 42].

Для реализации своих планов немецкие власти установили контакты с кавказской эмиграцией, проживавшей в Европе после гражданской войны в России. Узнав о начавшейся войне, эмиграция воспрянула духом. Эмигранты Кавказа еще в 1920-х гг. создали организацию «Прометей». Она придерживалась проанглийской и профранцузской ориентации. Немецкие власти считали, что внук имама – именно та личность, которая сможет объединить вокруг себя кавказскую эмиграцию. Под влиянием части эмиграции Шамиль начал прощупывать почву, а с началом войны, пытаясь использовать благоприятный момент, хотел заручиться поддержкой гитлеровской Германии для реализации планов «независимости Кавказа».

В Берлине Шамиль высказывал мнение, что Кавказу нужно предоставить автономию, близкую к полной независимости. К этой идее он возвращался несколько раз. Но как раз это менее всего входило в намерение Гитлера. Программа Шамиля оказалась для немецких властей чересчур независимой. Она противоречила сути и духу германской политики на Кавказе. Переговоры затянулись. Шамиль понял, что от Гитлера ему ждать нечего, прервал переговоры и осенью 1942 г. уехал в Турцию. Здесь он пытался создать «Кавказскую неделимую добровольческую армию» как отдельное формирование в турецких войсках, но его план успеха не имел. С предложением Шамиля на стезю активного сотрудничества с немцами вступил Али-хан Кантемир [8, с. 42].

Гитлеровцы использовали эмигрантов для помощи в формировании добровольческих частей. Кантемир и его сторонники создали в 1942 г. в Берлине «Северокавказский национальный комитет», издавали на русском языке журнал «Северный Кавказ» и газету «Газават». Образование комитета было толчком к усилению сотрудничества с немцами: комитет проводил вербовку советских военнопленных родом из Северного Кавказа в военные формирования рейха.

К германской политике на Кавказе и в Крыму активно привлекалась Турция. Турецкие руководители высказывали заинтересованность относительно будущего территорий СССР, населенных мусульманскими народами, и их судьбы.

Ввиду этого сближение с Турцией представлялось для Германии весьма заманчивым и использовалось гитлеровцами для реализации стратегических задач войны на Ближнем Востоке. Но Гитлер вовсе не желал, чтобы Турции удалось без войны разыграть роль покровительницы мусульманских и тюркских народов. В ответ на озабоченность Турции по поводу нежелания Германии предоставить самостоятельность территориям, населенным тюркскими народами, Гитлер предложил германскому послу в Анкаре фон Папену проявить сдержанность и не форсировать эту тему. Тем самым был положен конец игре в пантюркизм, но она в известной мере повредила некоторым тюркским народам в роковые для них 1943–1944 гг. [10, с. 76].

Германия обещала передать Турции, если та вступит в войну на ее стороне, земли на Кавказе, острова Эгейского моря, Западную Фракию (Восточную Болгарию) и расширить территорию Турции за счет южных соседей – Сирии и Ирака. Однако президент Инёню колебался в принятии такого решения, помня о сокрушительном поражении своей страны в Первой мировой войне, в которую она ввязалась на стороне Германии, и трагических последствиях этого поражения для судеб турецкой нации. После разгрома германских войск под Сталинградом вопрос о вступлении Турции в войну больше в Берлине не поднимался.

В период коренного перелома в ходе войны стало наблюдаться постепенное изменение отношений Турции с союзниками по антигитлеровской коалиции, прежде всего – Англией и США. Что же касается третьего члена этой коалиции – СССР, то турецкая политика в его отношении почти не менялась, оставаясь, мягко говоря, недружественной и неискренней [6, с. 35].

Германское давление по втягиванию Турции в войну сменилось англо-американо-советским давлением с той же целью. Анализируя этот факт, Дж. Гасанлы пишет: «Советский Союз был заинтересован во вступлении Турции в войну, т. к. считал, что именно этот шаг предотвратит осуществление идеи проникновения конкурентов на Балканы. Соответственно, в советской прессе была организована волна

критики политики нейтралитета» [2, с. 125]. По мнению советского правительства, нейтралитет Турции был на руку Германии, а не союзникам. Правительства трех стран настойчиво предлагали Турции вступить в войну против Германии на стороне союзников до конца 1943 г., но тщетно. До объявления войны фашистской Германией (23.02. 1945 г.) Турция балансировала с целью избежать участия в вооруженных действиях Второй мировой войны.

На Тегеранской конференции руководителей союзных держав (21 ноября – 1 декабря 1943 г.) вступление Турции в войну Сталин отнес к второстепенным вопросам. В марте-апреле 1944 г. прекратилась помощь Англии и США Турции. Советский Союз уже считал, что Турция опоздала включиться в войну, и теперь не желал ее участия в военных действиях.

С весны 1944 г. давление на Турцию со стороны союзников приобретает конкретно-прикладной характер. После совместной англо-американской ноты Турция с 21 апреля прекратила поставки хрома в Германию. Сотрудниками Наркомата иностранных дел СССР была подготовлена 21-страничная «Справка по неразрешенным вопросам между СССР и Турцией по состоянию на 15 апреля 1944 года», отражающая спорные моменты в отношениях двух стран. Рекомендации Наркоминдела оказать давление на Турцию по каждому описанному инциденту впоследствии выполнили роль интродукции к советским претензиям к южному соседу [2, с. 137].

13 июня 1944 г. союзники потребовали от Турции прекратить политические, экономические и дипломатические отношения с Германией. Очевидная безнадежность положения гитлеровцев вынудило турецкое правительство 2 августа разорвать дипломатические отношения с Берлином.

С осени 1944 г. союзники сворачивают давление на Турцию. Основным направлением советской политики в отношении Турции наряду с обвинением ее в прогерманских настроениях и раздуванием значения связей с Германией становится пересмотр в интересах СССР Конвенции Монтрё по режиму Проливов. Этот вопрос советская сторона поднимала еще на Тегеранской конференции. Тогда союзники заняли

выжидательную позицию. Проблема серьезно обсуждалась на московских переговорах Черчилля и Сталина в октябре 1944 г. Черчилль поддержал претензии СССР на пересмотр Конвенции Монтрё и изменение режима Проливов. Изучив материалы переговоров, историк Дж. Гасанлы делает вывод, «что Черчилль соглашался на изменение отдельных статей Конвенции, в то время как Сталин рассчитывал целиком заменить весь документ» [2, с. 155]. В Наркоминделе СССР шла напряженная работа по изменению Конвенции по Проливам и ликвидации особых прав Турции над Босфором и Дарданеллами. Весной 1945 г. Анкара подверглась жесткому давлению со стороны Москвы. Советский Союз высказал свою озабоченность существующим режимом проливов, которые Турция могла закрыть в любое время, преградив проход через них советским военным кораблям и судам союзников, пропуская в то же время корабли и транспорт противника. Об этом Сталин заявил на Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Англии (4–11 февраля 1945 г.). Черчилль согласился с тем, что Россия как черноморская держава не может быть удовлетворена таким положением, и рекомендовал советскому правительству внести конкретные предложения по этой проблеме [11, с. 180].

23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии. Война приближалась к концу, в военных действиях Турция совершенно не участвовала, и объявление войны было актом чисто формальным. Сделав этот акт в нужное для себя время, Турция избежала многих нежелательных катаклизмов, стала участницей конференции по созданию Объединенных Наций в качестве государства-учредителя. Президент Исмет Инёню рассматривал это как большой успех своей политики. Однако определенная непоследовательность внешней политики Анкары подорвала авторитет Турции и ее правительства на международной арене. Страна оказалась в конце войны фактически без союзников, в одиночестве, что грозило ей полной изоляцией в мировом сообществе.

В свете всех этих фактов выглядит естественной реакция Советского Союза: 19 марта 1945 г. Москва объявила о денонсации советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете

1925 г. со всеми к нему дополнениями (его срок действия истек 7 ноября 1945 г.), как нуждающегося в серьезном улучшении в соответствии с изменившейся обстановкой [6, с. 47].

Обеспокоенная сложившейся ситуацией Турция предложила советскому правительству заключить новый договор о союзе. СССР выдвинул условия заключения советско-турецкого договора: совместный контроль над Проливами, возвращение Советскому Союзу областей Карса, Артвина и Ардагана, переданных кемалистам по договору 1921 г. о дружбе и братстве, и предоставление вооруженным силам СССР военно-морской базы в Проливах [6, с. 47].

Турецкая сторона не согласилась на удовлетворение территориальных требований Советского Союза, и переговоры были заморожены. На участке сухопутной границы с Турцией начали концентрироваться советские войска, в Болгарию были переброшены 30-тысячная армия, танки и артиллерийские орудия.

На Потсдамской конференции руководителей СССР, США и Англии (17 июля – 2 августа 1945 г.), кроме других проблем, обсуждались также вопросы о Турции и черноморских проливах. Черчилль поддержал советское предложение об изменении конвенции Монтрё, дабы обеспечить свободный проход через Проливы советского военного и торгового флота и в мирное, и в военное время [12, с. 144]. Далее британский премьер в раздраженной форме высказался Сталину, что турки весьма встревожены концентрацией советских и болгарских войск на границе с Турцией, нападениями на нее в советской печати и по радио, тем оборотом, которые приняли советско-турецкие переговоры, и тем, что страна фактически находится под непосредственной угрозой войны. Советские руководители заявили, что в некоторых частях границу между СССР и Турцией считают неправильной. В 1921 г. турки воспользовались слабостью советского государства и отняли у него часть территорий советской Армении и Грузии. Поскольку эти территории не принадлежали туркам, то надлежит восстановить справедливость и вернуть Армении и Грузии земли, входившие в состав России в 1878–1918 гг. [12, с. 145].

США и Англия не приняли советские предложения и выдвинули идею интернационализации Проливов. Союзники порекомендовали Советскому Союзу воспользоваться жёсткими примирения со стороны Турции и установить с ней добрососедские отношения. Твёрдая позиция союзников предостерегла Сталина от каких-либо действий, затрагивающих независимость и целостность Турции. Однако возникшая напряженность в советско-турецких отношениях в конце войны трагически отразилась на судьбе тюркского и мусульманского населения Кавказа и Крыма [2, с. 14].

Проблема советско-турецких отношений в годы войны и их влияние на депортацию народов Кавказа и Крыма может стать предметом самостоятельного исследования с привлечением документов и материалов Архива внешней политики Российской Федерации, Турции и Германии.

Примечания

1. Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М., 2006.
2. Гасанлы Дж. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008.
3. Гилязов И. А. Пантюркизм, пантуранизм и Германия // Этнографическое обозрение. 1996. № 2.
4. Егоров В. К. Российско-турецкие отношения и фактор третьих сил // Турция в XX веке: сб. статей. М., 2004.
5. Еремеев Д. Е. На стыке Азии и Европы: очерки о Турции и турках. М., 1980.
6. Еремеев Д. Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005.
7. Берия Лаврентий. 1953: документы. М., 1999.
8. Нехрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 128, д. 9, л. 23.
10. Сабанчиев Х.-М. А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик, 2008.
11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): сб. док. М., 1979.

12. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.): сб. док. М., 1980.

13. Соколов Б. В. Берия: судьба всемогущего наркома. М., 2003.

Правовое положение и социальный статус балкарцев на спецпоселении *

8 марта 1944 г. балкарский народ подвергся тотальной депортации из Кавказа в Среднюю Азию и Казахстан. Проблема правового и социального статуса балкарцев в условиях спецпоселения остается слабоизученной.

В документах о выселении народов не были определены их гражданский статус и правовое положение. В местах расселения органы власти не имели на руках конкретного руководства регулирования и организации административного управления спецпереселенцами. Поэтому последовало обращение за разъяснениями о правах переселенцев с Северного Кавказа, об их социальном обеспечении. НКВД СССР представил ответ, что для них не предусматривается лишение или ограничение каких-либо гражданских прав, за исключением права выезда из мест поселения, что они сохраняют полностью права на все виды социального обеспечения¹.

Статус депортированных народов менялся. При выселении все они становились спецконтингентом. С 1944 г. переселенцы имели статус спецпоселенцев, подразумевающий их жесткую административную привязанность в местах нового жительства к сети спецкомендатур. На спецпоселенцев распространялась ст. 135 Конституции СССР, по которой они официально сохраняли статус полноправных граждан, но не могли покинуть установленного государством места жительства. Это обстоятельство делало «полноправие» спецпоселенцев формальным и декларативным. Помимо спецпоселенцев

* Государство и право. 2005. № 12. С. 89–96.

существовали категории ссыльнопоселенцев (отправленные в ссылку навечно с поражением в гражданских правах), ссыльных (присужденных к ссылке на определенный срок) и высланных. В документах термины «спецпоселенцы» и «спецпереселенцы» употреблялись как синонимы.

В повседневной жизни спецпереселенцы подвергались явной или завуалированной дискриминации. Их в Красную Армию не призывали и на учет в военкоматах не ставили. Предпринимались также меры, чтобы они самостоятельно не овладевали военными знаниями и навыками. Им отказывалось в приеме в партию и комсомол. Хотя спецпереселенцы не были лишены избирательных прав, никто из них не имел права быть избранным в местные органы самоуправления. Деятели литературы и искусства были поставлены вне творческой жизни. Различного рода специалисты неэффективно использовались на работе.

Права и обязанности спецпереселенцев и административное управление спецпоселениями регламентировались особыми правилами и инструкциями центральных органов власти и ведомства, возглавляемого Берией. Вопросами спецпереселенцев ведал Отдел специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР. 17 марта 1944 г. приказом НКВД СССР № 00286 в связи с массовыми переселениями в Казахстан и Киргизию карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев Отдел спецпоселений (ОСП) был выделен из ГУЛАГа в самостоятельный отдел НКВД. Функции ОСП НКВД СССР заключались в содействии трудовому и хозяйственно-бытовому устройству спецпереселенцев, оперативном чекистском обслуживании, учете и административном надзоре за ними в местах их расселения². Отделы спецпоселений создавались и в составе НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей для агентурно-оперативного обслуживания и административного надзора за спецпереселенцами.

Название ОСП, так же как, впрочем, и самого министерства, постоянно менялось: в 1950–1953 гг. – 9-е управление МГБ СССР, в 1953–1954 гг. – отдел «П» МВД СССР, с октября 1954 г. – 4-й спецотдел МВД СССР³.

Непосредственно в местах размещения спецпереселенцев административный надзор за ними обеспечивался через сеть спецкомендатур НКВД. В 1944 г. в Казахской ССР было создано 488 спецкомендатур, в Киргизской – 96, в Узбекской – 95 спецкомендатур⁴.

В своей деятельности спецкомендатуры делили спецпереселенцев на две категории: социально опасные и не являющиеся по своему составу таковыми. К первой группе были отнесены спецпереселенцы, в период оккупации служившие полицейскими, старостами и т. д. Ко второй группе – члены и кандидаты ВКП (б), ВЛКСМ, бывшие сотрудники органов НКВД, руководящие и ответственные работники советских и профсоюзных учреждений, а также не запятнавшие себя в период оккупации рабочие, служащие и колхозники. Начальник ОСП НКВД СССР полковник М. В. Кузнецов одну из основных задач спецкомендатур определял как «неослабное агентурное наблюдение за выявленным антисоветским элементом»⁵.

Для выявления лиц, склонных к побегам с мест расселения и уже совершивших побег, создавались группы содействия из местного населения, куда только в Казахстане было привлечено 15 966 человек. Для усиления надзора за переселенцами населенные пункты, в которых они проживали, разбивались на «десятидворки» с установлением круговой поруки. В них назначались старшие, которые каждые 10 дней отчитывались перед комендантом о положении дел во вверенной им «десятидворке».

С целью поддержания порядка спецкомендатурам придавались воинские подразделения в составе 5–7 бойцов внутренних войск НКВД во главе с сержантом или офицером. Кроме того, большое внимание уделялось оперативно-чекистскому обслуживанию спецпереселенцев. Существовала специальная агентурная сеть, которая отслеживала реакцию переселенцев на политико-правовой произвол руководства страны. По состоянию на 1 июля 1944 г. агентурно-осведомительная сеть органов НКВД только среди спецпереселенцев Северного Кавказа, Калмыкии и Крыма насчитывала 11 699 чел.⁶

Над спецпереселенцами постоянно нависала угроза расправы. Так, профессиональный певец О. Отаров имел

неосторожность однажды высказать мнение, что целые народы страдают из-за одного человека. Он немедленно был арестован и приговорен к 10 годам лагерей. С момента расселения спецпереселенцев с Северного Кавказа до сентября 1944 г. НКВД Казахской ССР арестовал 3310 человек.

Узнав о трагедии депортации, солдаты и офицеры действующей армии стали проявлять озабоченность о судьбе своих родных и близких. 31 октября 1944 г. заместитель наркома внутренних дел В.В. Чернышов и начальник ОСП НКВД СССР В. М. Кузнецов направили Берии письмо, где сообщалось: «В НКВД СССР поступает значительное количество заявлений от офицеров в бойцов Красной Армии, являющихся по национальности калмыками, карачаевцами, балкарцами, чеченцами, ингушами и крымскими татарами, которые ходатайствуют об освобождении из спецпоселения своих родственников – спецпереселенцев с Северного Кавказа, из Крыма и бывшей Калмыкской АССР». Далее В. Чернышов и М. Кузнецов предлагали «в случае оставления заявителя на службе в Красной Армии и при отсутствии компрометирующих материалов на его родственников – спецпереселенцев (жену, детей, родителей, несовершеннолетних братьев и сестер) освобождать последних из спецпоселения в персональном порядке, без права их возвращения на Северный Кавказ, в Крым и на территорию бывшей Калмыкской АССР». Берия наложил на письмо резолюцию: «Переговорите со мной». Чуть ниже имелась приписка В. Чернышова «Тов. Кузнецову. Тов. Берия согласен, но не применять широкой практики, исключительно индивидуально подходить по заключению ОСП НКВД СССР»⁷. Действительно, удовлетворение ходатайства воинов было явлением редчайшим. Во всяком случае ни одна семья фронтовика-балкарца не была освобождена из спецпоселения. «В просьбе отказать» – такие визы или почти такие по смыслу были на всех письмах.

В общесоюзном масштабе правовое положение спецпереселенцев, условия их проживания и трудоустройства в местах насильственного поселения были определены постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г.

Главной обязанностью спецпереселенцев провозглашалось занятие общественно-полезным трудом, для чего местные советы по согласованию с органами НКВД организовывали их трудовое устройство. Предусматривалось использование труда спецпереселенцев на тяжелых и трудоемких работах. Особо оговаривалось, что «за нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами».

В постановлении было закреплено ограничение свободного передвижения спецпереселенцев. Возбранялось отлучаться из зоны компетенции своей спецкомендатуры без ее разрешения. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой уголовную ответственность.

Главам семей предписывалось в трехдневный срок информировать спецкомендатуру о любых переменах в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т. д.). Спецпереселенцы обязаны были «строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах расселения», беспрекословно подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур. За любое нарушение, неподчинение коменданту спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. или аресту до пяти суток.

В документе был пункт и о правах спецпереселенцев: они «пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением ограничений, предусмотренных настоящим постановлением»⁸. Однако эти права скорее декларировались, чем гарантировались, поскольку сам документ противоречил гуманизму и человечности. Постановлением был четко обозначен статус спецпереселенцев для всех балкарцев и других депортированных народов.

8 января 1945 г. В. М. Молотов постановлением СНК СССР утвердил представленное НКВД СССР Положение о спецкомендатурах НКВД. В разделе «Общие положения» указывалось, что для специальных оперативных функций и контроля за организацией труда и быта спецпереселенцев в районах их расселения создаются спецкомендатуры

НКВД. Непосредственное руководство спецкомендатурами осуществляли РО НКВД по территориальности.

В Положении был раздел об обязанностях и правах комендантов. Они наделялись широким спектром полномочий, вели точный учет спецпереселенцев, осуществляли надзор за ними и организовывали розыск бежавших. На них возлагались предупреждение и пресечение беспорядков, осуществление контроля за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев в местах их поселения. Они же осуществляли прием жалоб и заявлений и обеспечение по ним необходимых мероприятий, а также выдачу спецпереселенцам разрешений на право временного выезда. Комендантам спецкомендатур НКВД предоставлялось право в необходимых случаях применять к спецпереселенцам меры воздействия – арест, штраф и т. п. На комендантов возлагалось производство расследования по делам о побегах и других преступлениях спецпереселенцев.

Более сложные дела рассматривались начальником РО НКВД, а наиболее серьезные – о бандитизме и контрреволюционных преступлениях подлежали рассмотрению Особым совещанием при НКВД СССР⁹.

Указанные два постановления, определявшие правовой статус спецпереселенцев, показывают их явную направленность в сторону ужесточения условий проживания депортированных народов. Переселенцы утратили все основные гражданские права, гарантированные Конституцией страны. Комендатуры фактически обладали неограниченной властью над спецпереселенцами. Это открывало широкий простор самодурству и произволу комендантов. Нередко ими были надзиратели, сумевшие проявить себя еще в довоенных гугаговских лагерях. Об одном из них, младшем лейтенанте Юдине, до сих пор вспоминают недобрым словом балкарцы, попавшие под его иго в одном из районов Талды-Курганской области в Казахстане. Свое знакомство с ними Юдин начал словами: «Таких врагов, как вы, я в Сибири знаю тысячами. Зря вас оставили здесь, а не отправили дальше, на Колыму. Но ничего, вы у меня и здесь попляшете лезгинку».

За малейшее неповиновение он избивал людей, занимался поборами¹⁰.

Комендант с. Юрьевка Фрунзенской области Киргизии Петусов частенько пьяным выходил на улицу и стрелял из пистолета в первого попавшего ему на глаза спецпереселенца.

На произвол комендантов особенно болезненно реагировали фронтовики. Отношения между ними и комендантами, большинство из которых не нюхало пороха и просидело в тылах, были довольно напряженными. В отместку коменданты забирали у фронтовиков документы и не возвращали. Некоторые из-за этого потом не могли доказать, что они участники или инвалиды войны. Многие спецпереселенцы были арестованы и осуждены за открытый протест против бесчинств комендантов. Были, правда, и официальные жалобы, например, со стороны заместителя наркома внутренних дел Киргизской ССР Леотова, инструкторов ЦК КП(б) Киргизии, Казахстана и др. Наиболее одиозные из комендантов за факты злоупотреблений арестовывались и предавались суду¹¹.

Униженное состояние спецпереселенцев было отягчено их бедственным экономическим положением. Органами власти предпринимались отдельные попытки ослабить тяжелые материально-бытовые условия проживания спецпереселенцев вплоть до введения некоторых льгот для них. 29 июня 1945 г. Берия направил на имя зам. председателя ЦИК СССР проект постановления СНК СССР со следующей сопроводительной запиской: «Приусадебные земельные участки, индивидуальные огороды и скот, находящийся в личном пользовании спецпоселенцев с Северного Кавказа, из Калмыкии, Крымской АССР и Грузинской ССР, наравне с местным населением облагаются сельхозналогом, подоходным налогом и обязательными натуральными поставками сельхозпродуктов».

Уплата этих налогов и обязательные поставки сельхозпродуктов ухудшают и без того тяжелые материально-бытовые условия указанных спецпереселенцев и не способствуют их хозяйственному устройству и закреплению по

месту нового поселения. В связи с этим НКВД СССР считает необходимым освободить указанных спецпереселенцев в 1945 и 1946 гг. от уплаты сельхозналога...»¹². Через месяц, 28 июля 1945 г., последовало постановление СНК СССР «О льготах спецпереселенцам» за подписью зам. председателя Совнаркома Н. Вознесенского и Управляющего делами СНК Я. Чадаева. Спецпереселенцы были освобождены от налогов и поставок сельхозпродуктов до лета 1946 г. Кроме того, постановлением органы власти наделялись правом списать со спецпереселенцев недоимки, образовавшиеся за ними в местах нового поселения¹³.

Страдания могут быть оправданны, если они приводят к осознанию. И у народа в целом, и у каждого в отдельности. С самого первого дня на чужбине среди балкарцев бытовало мнение, что все несправедливости в их отношении делались Берией втайне от Сталина. Люди не переставали верить, что «вождь народов», узнав о беззаконии, немедленно вернет их обратно на родину. Ж. Залиханов вспоминал: «...Люди были уверены, что произошла ошибка, что вот-вот ее поправят. И они в большинстве своем не желали обустроиваться на новых местах, ожидая, что если не завтра, то на следующей неделе повезут всех на Кавказ»¹⁴.

Особенно глубокий и ранимый характер носили нравственные страдания мужественно выполнявших свой воинский долг фронтовиков. Приказом наркома внутренних дел СССР от 22 августа 1945 г. демобилизованным из армии балкарцам и представителям других высланных народов предписывалось выехать в места ссылки их родных. Прибыв туда, вчерашние воины-победители ставились на учет как спецпереселенцы и попадали под унижительный комендантский режим.

С победоносным завершением войны в среде спецпереселенцев царил эмоциональный подъем. Многие надеялись, что теперь, когда война закончилась, в Москве, наконец, разберутся, кто чем в войну занимался, и разрешат вернуться в родные края. Вскоре наступило разочарование. «Отец народов» не собирался менять свою политику по отношению к «наказанным народам». Вместо либерализации режима

первые послевоенные годы принесли, напротив, еще большее его ужесточение.

Победа стала для Сталина главным оправданием существования советской власти и коммунистического строя. В своей речи на собрании Сталинского избирательного округа гор. Москвы 9 февраля 1946 г. в связи с выборами в Верховный Совет СССР Сталин говорил: «Советский многонациональный государственный строй еще больше окреп за время войны, ибо наше многонациональное государство выросло... на советской основе, которая культивирует чувство дружбы и братского сотрудничества между народами нашего государства. Наш строй – образец многонационального государства, где проблемы сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве»¹⁵. Между тем на спецпоселении находилось более 1,5 млн немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев и других репрессированных народов.

Спецпереселенцы, как и все взрослые граждане, вносились в списки избирателей и участвовали в выборах в Верховный Совет СССР, республиканские и местные советы. Сохранение за спецпереселенцами избирательных прав наравне с другими гражданами СССР вовсе не означало их полноправности. Спецпереселенцы ощущали себя несвободными, неполноправными людьми. Никто из них не имел права быть избранным даже в местные органы самоуправления, не говоря уже о районных, областных и республиканских органах власти. По существу были попорчены важнейшие ценности социализма – социальная справедливость, гуманизм, права личности, свобода.

После войны общество в социально-политическом плане приобрело некоторые мрачные черты бюрократического, полицейского характера, что, конечно же, прежде всего отразилось на правовом положении спецпереселенцев. МВД и ОСП ставили своей основной задачей дальнейшее усиление и укрепление режима спецпоселений, поднятия производительности труда спецпереселенцев. Естественным поэтому было стремление людей вырваться на свободу. Многие предпочитали бежать. Было зафиксировано 438 побегов

балкарцев, из них только 172 человека были задержаны, т. е. менее половины ¹⁶.

14 февраля 1947 г. МВД СССР и Генеральная прокуратура СССР издали совместный циркуляр «О порядке привлечения к уголовной ответственности спецпереселенцев за побег, совершаемые с мест их поселения». По сути дела, он подменял отдельные положения уголовно-процессуального законодательства СССР, хотя являлся лишь подзаконным актом. Циркуляром предусматривалось применение более строгих мер наказания за правонарушения по сравнению с предыдущими годами. Теперь 5-суточный арест заменялся сроком лишения свободы от 10 до 15 лет. Следственные дела о побегах спецпереселенцев оформлялись по месту задержания бежавших и по окончании следствия направлялись на рассмотрение Особого совещания при МВД СССР. Для реализации задач и расширения карательных мер против спецпереселенцев предусматривалось создание дополнительных комендатур.

Всего в течение 1944–1948 гг. из спецпоселений бежали 15 992 жителя Северного Кавказа. На 1 октября 1948 г. в розыске числились 2637 спецпереселенцев. Все случаи побегов тщательно расследовались, задержанные возвращались обратно на места расселения, по результатам расследования принимались необходимые меры.

Конец 40-х гг. характеризовался максимальным ужесточением режима в отношении спецпереселенцев. 24 ноября 1948 г. Совет Министров СССР за подписью Сталина издал постановление «О выселенцах», которое констатировало продолжение побегов из мест обязательного поселения чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, немцев, крымских татар и др. Отмечались факты выдачи переселенцам разрешения на возврат в места их прежнего жительства со стороны МВД СССР. Конкретно указывалось, что в ряде случаев задержанные возвращались в места расселения органами МВД и прокуратуры без привлечения к уголовной ответственности за побег. Все это квалифицировалось как «антигосударственная практика» в работе административных органов, которая стала возможной «в результате попустительства со стороны

МВД и Прокуратуры СССР». Указывалось, что установленные меры наказания за побег с мест поселения: лишение свободы на срок до трех лет и за укрывательство – до одного года, – «являются крайне недостаточными», и они были значительно ужесточены.

Постановление впервые устанавливало, что переселение в отдаленные районы страны балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев и др. произведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. Самовольный выезд (побег) наказывался 20 годами каторжных работ. Укрывательство выселенцев, бежавших из мест поселения, пособничество их побегу, а также выдача им разрешения на возвращение к местам жительства карались лишением свободы на пять лет.

Постановление распространяло на поселенцев п. 12 Постановления Совета Министров СССР о привлечении к уголовной ответственности и осуждению на восемь лет лишения свободы переселенцев, продолжающих уклоняться от общественно-полезного труда и ведущих, по мнению представителей административных органов, паразитический образ жизни в местах поселения.

Министерство внутренних дел СССР было обязано в месячный срок провести ревизию местных органов МВД, занятых осуществлением административного надзора за выселенцами, в особенности в части надлежащего учета поселенцев и обеспечения режима, исключающего возможность побегов. Министерству государственной безопасности предписывалось принять меры на железнодорожном и водном транспорте по выявлению, задержанию и аресту выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения ¹⁷. Обреченность должна была способствовать укоренению спецпереселенцев.

В тот же день, 24 ноября 1948 г., аналогичный документ был принят и ЦК ВКП(б).

Особо печальную роль в жизни депортированных народов сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег с мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» от 26 ноября 1948 г., принятый в развитие постановлений

СМ СССР и ЦК ВКП(б). Это был первый нормативно-правовой акт высшего представительного органа страны, который в государственном порядке регулировал положение депортированных народов.

Указ фактически утверждал, что немцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и представители других выселенных во время войны на спецпоселение народов должны остаться в этом статусе навечно, без права возврата на этническую родину. Выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД СССР карался каторжными работами на срок до 20 лет. Кроме того, лица, виновные в укрывательстве бежавших из мест обязательного поселения или способствовавшие их побегу, а также виновные в выдаче разрешения выселенцам на возврат в места прежнего жительства, и лица, оказывающие помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, подлежали привлечению к уголовной ответственности и наказанию лишением свободы на пять лет¹⁸.

После принятия Указа была внесена ясность в положение выселенцев. Они должны были оставить надежды на возвращение к местам прежнего жительства и прочно обустроиться в местах поселения. По этому Указу были осуждены тысячи спецпереселенцев, которые привлекались к уголовной ответственности не за злостный побег, а просто за выезд без разрешения к своим родным в другие села. Спецпереселенцы могли свободно передвигаться лишь в радиусе 3 км от места проживания. Выход за пределы очерченной зоны поселения расценивался как попытка к бегству. Уголовные дела по побегам должны были рассматриваться Особым совещанием при МВД СССР, т. е. внесудебным органом. Только за один 1949 г. Особым совещанием за самовольный выезд (побег) из мест поселения были осуждены к 20 годам каторжных работ 1932 выселенца¹⁹.

Следствием Указа от 26 ноября 1948 г. стало резкое снижение числа побегов, т. к. он действовал парализующе на многих. Если в 1948 г. бежали 6863 спецпереселенца, то в 1949 г. – 1723, или в 4 раза меньше. В большинстве случаев побегі заканчивались неудачно. Из всех бежавших в 1944–

1949 гг. балкарцев к 1 января 1950 г. только один числился в розыске. Тем не менее принимались дополнительные меры для борьбы с побегами. 4 февраля 1950 г. приказом МВД № 00101 для усиления работы по розыску бежавших заключенных и спецпереселенцев Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ) МВД было реорганизовано в Главное управление МВД СССР по оперативному розыску.

В 1948 г. спецпереселенцы были переведены на положение выселенцев, и депортированные в годы войны народы Северного Кавказа получили новое статусное наименование. Категория выселенцев делилась на три группы: выселенные на определенный срок, выселенные без указания срока и выселенные навечно. Указами ПВС СССР «О навечном поселении лиц, выселенных в период Великой Отечественной войны» от 26 ноября 1948 г. и от 9 октября 1951 г. балкарцы и другие контингенты спецпереселенцев из Северного Кавказа были отнесены к категории выселенных навечно. По состоянию на 1 января 1949 г. на учет состояло 2300223 спецпереселенца, из них 1 835 078 чел. относились к категории выселенных навечно, в том числе 31 873 балкарца²⁰.

Однако термин «выселенец» не прижился, и с конца 1952 г. в документах вновь используется слово «спецпереселенец».

Режим спецпоселения был одинаково жесток для всех, невзирая на профессию и службу. 12 марта 1949 г. за подписью зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В. С. Рясного в республиканские министерства, краевые и областные управления внутренних дел был направлен циркуляр МВД СССР с требованием «всех бывших сотрудников НКВД-НКГБ и МВД-МГБ, относящихся к национальностям, переселенным навечно в период Великой Отечественной войны (чеченцы, карачаевцы, ингуши, балкарцы, калмыки, немцы, крымские татары и др.), немедленно взять вместе со всеми членами семьи на учет спецпоселения по месту нахождения в настоящее время». Им объявляли под расписку постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. и Указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. и устанавливали в их отношении режим и административный надзор на общих основаниях²¹.

2–3 декабря 1948 г. в Москве состоялось совещание всех министров внутренних дел союзных республик, краев и областей. Решением совещания для проверки работы на местах направлялись 2200 работников аппарата МВД СССР. Велся активный розыск беглецов в конечных точках их маршрутов – на родине. Специальная комиссия в первой половине декабря 1948 г. обследовала Кабардинскую АССР и выявила 6 человек балкарцев, демобилизованных из армии и репатриантов. Из 7 бежавших спецпереселенцев-балкарцев был задержан один. Все они подлежали немедленному и обязательному отселению, о чем категорические указания были даны министру внутренних дел Кабардинской АССР полковнику Семеновых.

Следующей мерой по усилению наказаний за побег спецпереселенцев явился совместный приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР «О порядке привлечения к уголовной ответственности выселенцев за побег с мест поселения и уклонение от общественно полезных работ», изданный 22 декабря 1948 г. Документ обязывал органы Особых совещаний при МВД СССР уголовные дела о побеге спецпереселенцев рассматривать в 10-дневный срок. К выселенцам применялись меры, предусмотренные к лицам, злобно уклоняющимся от трудовой деятельности и ведущим антиобщественный, паразитический образ жизни²². Для этого выселенцев следовало ставить на спецучет и, бдительно контролируя их действия, привлекать к ответственности за любые нарушения. Этот документ явился как бы еще одним напоминанием спецпереселенцам об их фактически бесправном существовании.

Режим проживания спецпереселенцев контролировали спецкомендатуры. К середине апреля 1949 г. их было задействовано 2679. В спецкомендатурах налаживался посемейный учет выселенцев, а в районных органах МВД – посемейный и персональный карточный учет выселенцев. В феврале – марте 1949 г. органами МВД были проведены переучет и перепись всех переселенцев по месту проживания, на основе которых были созданы картотеки их персонального учета, а также заведены личные учетные дела на каждого спецпереселенца.

В МВД СССР была создана картотека централизованного персонального учета всех спецпереселенцев.

Усиливался гласный и негласный надзор за выселенцами, осуществляемый спецкомендатурами и тайной разветвленной агентурной сетью. 27 марта 1950 г. приказом № 0209 «О мероприятиях по подготовке кадров в офицерских школах МВД» создавались Алма-Атинская и Апшхабадская офицерские школы со специализацией – подготовка оперативного и комендантского состава для Отдела спецпоселений МВД.

Была предусмотрена регулярная явка в спецкомендатуры МВД всех взрослых выселенцев на регистрацию. С каждого выселенца сотрудник МВД брал расписку об ознакомлении с Указом от 26 ноября 1948 г. Обычно расписывались один раз в месяц. В эти дни некоторые коменданты говорили: «Теперь не думайте, как раньше, Кавказ вы и во сне не увидите»²³.

Для балкарцев и других репрессированных народов статус спецпереселенца был наследственным. Дети, родившиеся в их семьях, считались спецпереселенцами (выселенцами) с момента рождения. Состоявшие в брачных отношениях представители других национальностей, добровольно прибывшие в места высылки для совместного проживания со спецпереселенцами, ставились на учет спецпоселений.

Ограничены были права балкарцев и в культурно-просветительной и общественно-бытовой работе. Переселенцы не имели права обучаться в вузах, публиковаться и печататься, иметь свои очаги культуры. Организованный в 1945 г. во Фрунзенской области ансамбль песни и танца «Кавказ» по распоряжению МВД Киргизии вынужден был в следующем году прекратить свою работу. Был установлен полный запрет на упоминание балкарцев и представителей других репрессированных народов в научных изданиях, энциклопедиях, в литературе и искусстве. Известный кавказовед Л. Лавров вспоминал, что только с замаскированным заголовком и без упоминания названий «балкарцы» и «карачаевцы» вышла его работа по истории этих народов в годы их ссылки. Всякие общественные собрания спецпереселенцев проводились представителем комендатуры.

Беспризорные сироты должны были помещаться в детские учреждения, а старики-инвалиды, не имевшие родственников, – в интернаты. Но т. к. это далеко не всегда делалось, детей и стариков брали к себе родственники и знакомые. По данным Министерства госбезопасности Союза ССР, на 1 января 1952 г. в местах поселения в Средней Азии и Казахстане находилось 1384 человека одиноких стариков и инвалидов-спецпоселенцев – балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев и др. «Не ясен вопрос в получении пенсии и помощи спецпоселенцам», – отмечалось в справке МГБ. Особенно страдали дети. Было учтено свыше 1000 детей-сирот, потерявших на спецпоселении родителей и не устроенных в детские дома. В начале 50-х гг. не посещали школы 33 702 ребенка спецпоселенцев, высланных с Северного Кавказа, во многом из-за отсутствия школ в местах расселения или вследствие отдаленности от мест проживания²⁴.

За редким исключением, депортированные сохраняли свое членство в ВКП(б) и комсомоле. В марте 1949 г. среди спецпоселенцев-балкарцев насчитывалось 357 коммунистов и 369 комсомольцев, состоявших на учете в местных партийных и комсомольских организациях. Однако они находились на особом статусном положении. Коммунисты были отстранены от партийной и советской работы и значились членами партии формально.

14 июля 1950 г. Сталин подписал постановление Совета Министров СССР «О передаче спецпоселений из МВД СССР в МГБ СССР», на основании которого совместным приказом МВД и МГБ от 21 июля 1950 г. из МВД СССР в МГБ был передан Отдел спецпоселений (ОСП).

Уже 16 ноября приказом МГБ № 00552 на базе бывшего ОСП МВД было создано 9-е управление МГБ по надзору за ссыльными, высланными и спецпоселенцами во главе с генерал-майором С. Ф. Кожевниковым. В МГБ смотрели на спецпоселенцев под несколько иным углом, чем в МВД, и один из пунктов приказа об организации 9-го управления гласил: «Оперативные работники органов МГБ должны иметь в виду, что не только на ссыльных и высланных, но и на спецпоселенцев надо смотреть не как на рабочую силу, а

прежде всего как на лиц, которых следует держать под постоянным строгим чекистским надзором»²⁵. Государство против личности – это типичнейшая для переселенцев ситуация.

Самым тяжким испытанием для балкарского народа были моральные испытания, ущемления гражданских и политических прав, о чем свидетельствуют письма на имя руководителей партии и страны. Не все спецпереселенцы мирились со своим бесправным положением. Многие из них пытались изменить ситуацию легальным способом, направляя Сталину и в различные инстанции письма и заявления. Их было много. В письме на имя секретаря ЦК ВЛКСМ Г. М. Михайлова сообщалось, что многие юноши и девушки из семей спецпоселенцев имеют образование 3–5 классов, и они стремятся продолжить свою учебу. Однако некоторые местные органы неохотно допускают их в вечерние школы рабочей и сельской молодежи, другие учебные заведения и под различным предлогом отказывают им в приеме.

В местные органы МГБ и в 9-е управление МГБ СССР, на учете которого находились спецпоселенцы, поступали многочисленные заявления от молодежи с ходатайством позволить им служить в Советской Армии, принять их в ряды ВЛКСМ, а также разрешить выезд на учебу в средние и высшие учебные заведения. От детей спецпоселенцев также поступали заявки с ходатайством снять их с учета спецпоселений, поскольку они высланы не персонально, а вместе с родителями²⁶.

Заявления и просьбы спецпоселенческой молодежи рассматривались в ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ и 9-м управлении МГБ СССР. В отдельных случаях они удовлетворялись (учеба, выезд на учебу), в других – отклонялись (освобождение из спецпоселения, служба в армии).

Были обращения и к Сталину с просьбой исправить допущенную ошибку и разрешить народу вернуться на родину. Не соглашаясь с преступной акцией выселения балкарцев, боевой офицер А. Соттаев в 1946 г. написал Сталину о беззакониях по отношению к его народу. Свое мнение относительно депортации балкарцев выразили И. Башиев, С. Караев, К. Отаров и др. Для многих авторов подобные обращения

кончались трагедией. Всем им приписывали стандартные в те времена обвинения типа «антисоветская агитация, дискредитация руководителей ВКП(б), клевета на советский государственный и общественный строй» и т. д.²⁷

Нужно было обладать огромным гражданским мужеством, чтобы, не страшась последствий, выступить с разоблачением политики насильственного выселения народов, в защиту их поправных прав и поплатиться за это собственной «свободой». Люди шли на жертвы во имя своего народа, восстановления справедливости и честного имени.

За свои смелые выступления с осуждением выселения балкарцев А. Соттаев получил 20 лет каторги и освободился только после XX съезда КПСС. И. Башиев также попал в тюрьму и умер, не выдержав тяжелых условий. С. Караев отсидел в тюрьме шесть месяцев. Серьезная «разъяснительная работа» была проведена с инвалидом войны поэтом К. Отаровым. Это была печальная и изнурительная борьба не за житейские блага, не за абстрактную справедливость, а за утраченное человеческое достоинство.

Анализ законотворческого процесса советского государства в отношении балкарского и других депортированных народов позволяет сделать вывод о том, что грубое нарушение прав и свобод человека стало возможным в условиях тоталитарного режима, утвердившегося в обществе.

Бесправное юридическое и тяжелое социально-экономическое положение спецпереселенцев закреплялось серией нормативных актов высших органов государственной власти. В целом законодательные акты и нормативные документы 40 – начала 50-х гг. следует оценить как противоправные, противоречащие как Конституции СССР (1936 г.), так и провозглашаемым советским государством принципам национальной политики. Самое главное – они противоречили гуманизму и человечности. Ущемленные в правовом положении балкарцы в нечеловеческих условиях проживания в спецпоселениях не сломались, объективно оценили произошедшее, утвердили в самосознании народа чувство своей невиновности и вынашивали идею о возвращении на родину. Эти первые объективные оценки неправомерности

этнической депортации свидетельствовали о назревших предпосылках хотя бы частичной реабилитации депортированных народов. Противоречивость их гражданского и социального статуса становилась все очевиднее. Смягчение режима спецпоселений и перемены в судьбах репрессированных народов наступили только после XX съезда КПСС.

Литература

1. См.: Бугай Н. Ф., Гонов А. М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья ... (20–50-е гг.). Нальчик, 1997. С. 67.
2. См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 9401, оп. 2, д. 86, л. 66–77.
3. См.: Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 102.
4. См.: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 86, л. 77.
5. Там же, ф. Р-9479, оп. 1, д. 172, л. 12.
6. Там же, ф. 9401, оп. 2, д. 86, л. 75.
7. Там же, ф. Р-9479, оп. 1, д. 152, л. 33, 34.
8. Там же, ф. Р-9401, оп. 1, д. 213, л. 1.
9. Там же, ф. Р-5446, оп. 48, д. 3205, л. 25–28.
10. См.: Лукьяев В. А вы вернетесь, верьте мне... // Юность. 1989. № 1. С. 73.
11. Более подробно об этом см.: Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах. 20–60-е гг. М., 1998. С. 243.
12. ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 48, д. 3289, л. 4.
13. См.: Российский государственный архив новейшей истории, ф. 3, оп. 58, д. 179, л. 17.
14. Кабардино-Балкарская правда. 1995. 28 марта.
15. Правда. 1946. 10 февр.
16. См.: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 86, л. 76.
17. Там же, ф. Р-8131, коллекция документов.
18. Там же, ф. 7523, оп. 40, д. 62, л. 1.
19. Иосиф Сталин – Лаврентий Берия: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Бугай. М., 1992. С. 254.
20. См.: ГАРФ, Коллекция документов.
21. См.: Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация: документы, материалы, комментарии / Автор-сост. Х.-М. А. Сабанчиев. Нальчик, 2001. С. 103, 104.

22. См.: Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. С. 99–101.
23. *Темухов Б. Б.* Спецпереселенцы. Нальчик, 1997. Ч. 1. С. 68.
24. См.: ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 570, л. 243.
25. *Кокурин А., Морук Ю.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль – XXI. 2001. № 4. С. 103.
26. См.: Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. С. 118, 119.
27. *Хутуев Х. И.* Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Рукопись. Ростов-на-Дону, 1965. С. 102; *Бакеев П. Д.* О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста, 2003. С. 121.

Гражданский подвиг и трудовая доблесть балкарцев на спецпоселении *

Хозяйственное и трудовое устройство спецпереселенцев должно было осуществляться совнаркомом союзных республик и облисполкомами в соответствии с решениями СНК СССР. Органам НКВД вменялось оказывать содействие спецпереселенцам в их хозяйственном и трудовом устройстве.

Миллионы людей, не по своей воле оказавшиеся на чужбине без средств к существованию, нуждались в питании, одежде, обуви и жилье. СНК СССР, обсудив вопросы хозяйственного и бытового устройства спецпереселенцев, 29 мая 1944 г. принял постановление о выдаче им скота и продовольственного зерна в обмен за принятые от них скот и зерно в местах выселения¹. Ставилась задача в ближайший год хозяйственно обустроить спецпереселенцев, обеспечить их скотом, продуктами питания и одеждой.

Была установлена норма выдачи скота – одна единица крупного рогатого скота в среднем по 200 кг в живом весе на одну переселенческую семью. Разрешалось выдавать взамен одной головы крупного рогатого скота овец или коз общим

* *Акиева С. И., Сабанчиев Х.-М. А.* Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.). Нальчик, 2014. С. 220–236.

весом не менее 200 кг. Это значительно меньше того количества скота, которое было у каждой балкарской семьи до выселения. Но при выделении скота зачастую не придерживались даже этой нормы. Часть отпущенного для спецпереселенцев скота разбазаривалась. В 1946 г. в Казахстане до спецпереселенцев не дошло 1869 голов крупного рогатого скота, 1020 овец и коз, 341 лошадь².

Спецпереселенцы не имели ни стойл, ни кормов и испытывали серьезные трудности с сохранением полученного скота. Некоторые из них полученную телку – нетель продавали, т. к. молоко от нее можно было получить только через год, и покупали дойных коз, которые к тому же требовали значительно меньше кормов. В силу тяжелого материального положения многие балкарцы полученный скот прирезали и употребляли в пищу или продавали, чтобы приобрести необходимые продукты. В некоторых областях в первый же год было забито и распродано от 50 до 80 % выданного скота, хотя спецпереселенцы были под подписку предупреждены об ответственности за убой³.

Скотоводство всегда являлось основой жизни балкарцев, и они традиционно имели большую тягу к обзаведению скотом. Подобно другим скотоводческим народам у балкарцев от размера стада как главного богатства и основного источника получения материальных благ зависел социальный престиж его владельца; первым пожеланием у балкарцев было – иметь побольше скота. Весной 1949 г. в Ошской области Киргизии 125 семей балкарцев имели крупный рогатый скот и 529 – овец и коз. К тому же времени в Казахстане крупный скот имели 1827 балкарских семей и еще 1186 – овец и коз⁴. Летом 1956 г. из 4385 балкарских семей в Казахстане 2108 семей держали коров в сельской местности и 416 семей в городах и рабочих поселках⁵.

5 сентября 1944 г. начальник ОСП М. В. Кузнецов докладывал в НКВД СССР: «В соответствии с постановлением СНК СССР от 29 мая 1944 г. в Казахской ССР продовольственное зерно получили 350 973 человека, или 75 % всех переселенцев, из расчета по 19 кг на человека. Раздача продзерна по

Казахской ССР и Киргизской ССР продолжается и будет закончена в сентябре с. г.

...В ряде областей при раздаче зерна были допущены грубые нарушения порядка раздачи – выдавалось меньше установленной нормы, часть зерна расходовалась на общественное питание местного населения, на авансирование колхозников и т. д.

По каждому отдельному случаю разбазаривания спецпереселенческого зерна производились расследования»⁶.

По ходатайству правительства Казахской и Киргизской ССР союзное правительство в декабре 1944 г. выделило дополнительные фонды муки, крупы, соли и сахара для выдачи за наличный расчет наиболее нуждающимся переселенцам. Продажа продовольственных товаров производилась также по нормам, установленным СНК Казахской и Киргизской ССР. В Казахстане на одного остро нуждающегося спецпереселенца выдавалось в месяц: муки – 3 кг, продзерна – 4,5 кг, крупы – 1,5 кг, сахара – 150 граммов. В Киргизии в день на одного человека отпускалось (в граммах): муки – 100, крупы – 25, соли – 15, сахара – 5. Сахар выдавался только для детей до 10 лет⁷. Даже эти скудные нормы продовольствия многим спецпереселенцам выкупать было не на что – не было денежных средств. Имеющийся у них незначительный запас одежды и ценностей они променяли на еду или продали в первые же месяцы ссылки.

Отсутствие продуктов питания явилось одной из основных причин высокой смертности балкарцев в Казахстане и Киргизии. Голод и болезни косили в первую очередь детей и стариков. Буслимаг Ажоева вспоминала: «В Казахстане работала в депо, на путях, таскала тяжелые шпалы. Потом в поле. Женщины, набирали пшеницу в рот, размачивали, разжевывали и незаметно носили детям. Когда так же хотела накормить свою годовалую дочь, то попалась. Осудили на семь лет и выслали на север работать на золотых рудниках»⁸.

Потрясающие факты тяжелого продовольственного положения спецпереселенцев в Казахстане в 1949 г. приведены в докладной записке начальника Отдела спецпоселений МВД СССР полковника В. В. Шияна, адресованной министру вну-

тренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову. Шиян писал, что неурожай 1948 г. вызвал большие трудности с продовольствием в Акмолинской, Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской областях, где проживали ссыльные балкарцы, чеченцы и немцы. Тысячи людей пухли от голода, было много смертных случаев, особенно среди спецпереселенцев. Принимаемые меры не обеспечивают улучшения положения. За неимением денег большинство выселенцев из Северного Кавказа не имеют возможности выкупить выделенные для них зернопродукты, которые остаются нереализованными. Выселенцы-колхозники получали по 100–150 граммов хлеба на трудодень, а во многих колхозах на трудодень вовсе ничего не выдавалось. С скромные продовольственные ссуды для выдачи колхозникам не полностью использовались по назначению⁹. И если высокий чиновник МВД СССР считал продовольственное положение спецпереселенцев неудовлетворительным, то можно представить в каких нищенских условиях они владели жизнь. От болезней и голода умирали десятки тысяч людей.

Весной 1944 г. СНК СССР разрешил совнаркомам Киргизии и Казахской ССР наделить спецпереселенцев с Северного Кавказа приусадебными участками. Однако не были приняты своевременные меры по выполнению распоряжения союзного правительства. Земельные участки выделялись с большим опозданием, и эта работа растянулась на несколько лет. Некоторые колхозы вообще отказывались выделять землю и семенной фонд. В результате спецпереселенцы оставались без подсобной продовольственной базы. К весне 1949 г. в Казахстане имели приусадебные участки 3886 семей балкарцев (14 718 чел.). В Киргизии вошедшие в колхозы переселенцы также получили земельные наделы. Не имели огороды семьи переселенцев, работавших главным образом на промпредприятиях¹⁰.

В порядке возмещения стоимости имущества спецпереселенцев, оставленного в местах прежнего жительства, распоряжением СНК СССР от 17 августа 1945 г. было выделено 3,8 млн руб. На каждого спецпереселенца приходилось немногим более 7 руб. ассигнований. Разумеется, на эти

деньги организовать свое хозяйственно-бытовое устройство спецпереселенцы не могли.

Самыми тяжелыми для балкарцев в хозяйственно-бытовом отношении были первые годы их оседлой жизни на новых местах. Семьи зачастую размещались в тесных и непригодных для жилья помещениях, временных бараках, хлопко-сушилках, в полуразрушенных домах, клубных заведениях и т. д. В особенно неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях находились семьи, переданные в распоряжение промышленных предприятий и на стройки, руководители которых оказались не в состоянии обеспечить спецпереселенцев необходимой жилплощадью. Ощущая острую нужду в рабочих, они приняли большой контингент, не располагая помещениями, пригодными для жилья. Оставшиеся под открытым небом семьи сооружали землянки.

В сельской местности вопрос частично решался в порядке принудительного уплотнения в домах колхозников, что вызывало недовольство со стороны местных жителей и не только с позиции чисто житейских неудобств. Они были напуганы, предупреждены, что спецпереселенцы – это бандиты, и не каждый решался впускать их в свой дом.

Отсутствие подготовленного жилья для спецпереселенцев усугублялось нехваткой самого примитивного инструмента для строительства жилищ (пил, топоров, лопат, молотков и т. п.). Хотя директивными документами местные органы обязывались подготовиться к приему и размещению переселяемых семей, но огромные масштабы и крайне сжатые сроки не позволили это сделать.

На первых порах активному индивидуальному жилищному строительству препятствовали имевшие место среди переселенцев возвращенческие настроения. Но основным тормозом в развертывании строительства жилья для спецпереселенцев являлось отсутствие стройматериалов – леса, стекла, гвоздей ¹¹.

Выделяемые государством незначительные фонды стройматериалов не всегда использовались по назначению, их разбазаривание шло в открытую. Так, в Киргизии из занаряженного областям фондового леса 1604,5 куб. м было ис-

пользовано не по назначению. В 13 областях Казахстана на другие цели было использовано: леса – 565 куб. м, стекла – 4 тыс. кв. м, гвоздей – 3 тонны. Поэтому достигнуть каких-либо ощутимых результатов в строительстве домов для спецпереселенцев не удавалось.

Спецпереселенцы, чтобы выжить, должны были рассчитывать только на свои собственные силы, сами должны были строить хотя бы временное жилье. В условиях дефицита строительных материалов это была нелегкая задача. Среди балкарцев были хорошие плотники, которые смастерили для себя жилище, обучали этому ремеслу и других. У народа сильны были традиции семейной и соседской взаимопомощи (изеу). Методом «изеу» возводили жилища своим сородичам. При возведении дома родственники и соседи оказывали содействие на всех этапах строительства – с закладки фундамента до возведения кровли. К 1948 г. депортированные балкарцы укоренились в местах расселения: две из трех семей имели свои дома, купленные или построенные. Остальные размещались на квартирах и в домах, принадлежащих учреждениям, предприятиям, совхозам.

В марте 1949 г. в Опской области Киргизии в собственных домах проживали 494 балкарской семьи, в домах предприятий, учреждений и ведомств – 631 и на уплотнении – 95 семей. Приусадебные участки имела 481 семья ¹². Примерно такое же положение в 1949 г. было в Казахстане.

Значительное количество балкарцев – 1889 человек – проживало в трех районах Иссык-Кульской области Киргизии. В справке ЦК компартии Киргизии от 17 сентября 1955 г. отмечалось, что материальное положение этого контингента хорошее, «почти у каждой семьи имеется свой дом и личное хозяйство, выражающееся до 40 овец, 3-х коров, приусадебного участка и т. д.» ¹³.

К августу 1956 г. в Казахстане проживало 4385 балкарских семей. Из них 2262 семьи проживали в собственных домах в сельской местности и 1313 в городах и рабочих поселках. 2524 семьи имели крупный рогатый скот ¹⁴.

Дополнительные трудности в хозяйственном обустройстве спецконтингента создавало настороженное, а в неко-

торых случаях прямо неприязненное отношение к ним не только местного населения, но и многих хозяйственников и работников местных советских органов.

Проводя переселенческую политику, советское руководство, конечно же, преследовало цели хозяйственного освоения и возрождения отсталых в экономическом отношении восточных регионов страны и получения дешевой рабочей силы для различных отраслей народного хозяйства.

На высылке балкарцы показали себя подлинными патриотами Родины, жили в трудные годы интересами и заботами всего советского народа.

Природное трудолюбие балкарцев помогало им во все периоды их истории. Труд как главный критерий ценности человека, прославление труда – главная, черта их жизнеспособности.

В стихотворении «Многострадальный мой народ», написанном в Казахстане в 1944 г., поэт Кязим Мечиев писал:

*Свой народ прошу – с бедою споря,
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут.*

Другой поэт – Саид Шахмурзаев в 1945 г. в стихотворении «Помоги своей стране» призывал своих земляков добросовестно трудиться, быть опорой друг другу и достойными гражданами великой страны. В сложившейся ситуации нужно было поддержать и правильно сориентировать народ.

С первых дней в местах насильственного поселения балкарцы стали активно участвовать в трудовом процессе. Они попали в места поселения весной, в период сельхозработ, что способствовало их быстрому вовлечению в производственную сферу. По сообщениям органов НКВД и отдела спецпоселений, практически все трудоспособные, – а это в подавляющем большинстве были пожилые люди, женщины и подростки, – поступили на работу в колхозы и совхозы, в строительные и иные организации. Большинство прибывших в первые же дни после расселения приступило к

работе, «причем характерно, что люди вышли на работу по собственному желанию»¹⁵.

Балкарцев задействовали в основном в сельском хозяйстве. Тяжелой физической работы в колхозах и совхозах было много. Спецпереселенцы не знали ни расценок, ни норм выработки, их обсчитывали на каждом шагу. В некоторых районах их не принимали в колхозы и не ставили на хозяйственный учет. Принятым в сельхозартель не заводили трудовых книжек, и они не имели представления, сколько ими выработано трудодней. Оплату труда спецпереселенцев рекомендовалось устанавливать «на равных условиях с другими членами колхозов», но фактически этого не было.

О работе по специальности в первое время не могло быть и речи – ярлык спецпереселенца делал всех колхозниками или рабочими. Особенно трудным было положение интеллигенции, которая вынужденно занималась любой малоквалифицированной работой. Известный танцор Якуб Рахаев стал строителем на Алма-Атинской гидроэлектростанции.

В комендатурах висела инструкция ограничений для спецпереселенцев:

- в партию не принимать;
- в высшие, учебные заведения не принимать;
- использовать только как чернорабочих;
- на руководящие должности – не выдвигать;
- общественную работу не поручать;
- инициативу и всяческие начинания не поощрять;
- никакими наградами и грамотами не награждать;
- в армию не призывать¹⁶.

На первых порах переселенцам приходилось нелегко из-за перемены климата, физической слабости и неимения навыков во многих новых видах труда, как, например, в выращивании табака, сахарной свеклы, риса, хлопчатника. В привычных же видах сельхозработ (уход за скотом, заготовка сена, уборка хлеба) своим умением балкарцы удивляли местных жителей и руководителей хозяйств. Работали весь световой день, по 15–16 часов в сутки. Уже к осени 1944 г. балкарцы показали, что в местах насильственного поселения труд для них – основа жизни. Женщины, дети-подростки,

старики, не жалея сил, работали, чтобы выжить и не исчезнуть в пустынях Средней Азии.

Условия труда и жизни не соответствовали никаким нормам, особенно в трестах «Каззолото» и «Казахдорстрой». В пос. Жалымбет находился золотой рудник. Через несколько лет работы на нем шахтеры зарабатывали силикоз легких – профессиональную болезнь рабочих горнорудной промышленности.

В Южно-Казахстанской области спецпереселенцы из Келесского района, работающие на дорожных работах, в соревновании 5 районов заняли первое место и получили переходящее Красное знамя, 120 человек получили премии¹⁷.

В совхозе «Пахта-Арал» спецпереселенцы внесли заметный вклад в производство хлопка, мяса, молока и также завоевали переходящее Красное знамя. В этом сказался хозяйственный опыт ссыльных и, конечно, их трудолюбие.

В 1945 г. в колхозах Казахской ССР работало 6777 балкарцев, которые выработали 1 096 231 трудовень. В совхозах работали 777 человек.

В Киргизии балкарцы выращивали и собирали хлопок, сахарную свеклу, табак, каучук, коноплю и другие сельскохозяйственные культуры, значительная часть спецпереселенцев занималась животноводством. Городские переселенцы работали на сахарных заводах Канта, Мерке, Джамбула, Пахта-Аральском хлопкозаводе, Токмакском консервном и хлебном заводах, на предприятиях городов Фрунзе, Чимкента, Кызыл-Кия и других промышленных центров. Тысячи балкарцев работали на комбинате им. Фрунзе и руднике «Сурьма» министерства цветной металлургии, на угольных рудниках городов Кызыл-Кия, Ташкумыр и Сулюкта треста «Киргиз-уголь», на строительстве Аламединской ГЭС.

Во Фрунзенской области Ч. Уянаев, К. Уянаев и М. Мамаев открыли артель по изготовлению предметов быта и трудоустроили десятки безработных земляков. М. Башпиев и М. Черкесов организовали промбыткомбинаты, где работали многие балкарцы, для семей которых эти предприятия стали спасением от гибели. В Наукатском районе Омской области женщины создали артель по изготовлению шерстяных

пиделий. Работали вручную, получали в месяц один кусок мыла, два литра керосина и 500 г хлеба ежедневно.

Чтобы прокормить семью, спецпереселенцы помимо работы в колхозе, вынуждены были подрабатывать по домам – копать огороды, делать саман, заниматься строительством, заготовкой сена.

В 1945 г. 11 783 учетных трудоспособных спецпереселенцев-балкарца были размещены для работы в 20 отраслевых учреждениях: в колхозах и совхозах на всей территории расселения 7938 чел. (67,3 %), в местной промышленности – 1037, на предприятиях и шахтах наркомата угольной промышленности – 598, железнодорожном строительстве – 582, в золотодобывающей и на других предприятиях наркомцветмета – 446, в пищевой промышленности – 260, в государственных и советских учреждениях – 259, в системе наркомлеса – 215, в торговых организациях – 66, в других отраслях народного хозяйства – 482 человека¹⁸.

В целом трудовое использование спецпереселенцев-балкарцев было поставлено удовлетворительно. Руководители хозяйственных организаций привлекали к работе не только трудоспособных, но и лиц, ограниченно годных к труду (инвалидов войны и труда, пожилых людей), а также подростков до 16 лет. В результате работающих было больше, чем количество трудоспособных. Принимались меры по улучшению питания и заработной платы.

Большинство квалифицированных рабочих использовались по своим специальностям в колхозах, совхозах, МТС и других организациях. Несколько хуже было положение отдельных групп балкарской интеллигенции. Так, лица со средним и высшим образованием не все работали по специальности. Часть из них вообще не могла быть использована по специальности (юристы, артисты, учителя, некоторые категории бывшего партийно-советского актива). Сказывалась и нераспорядительность руководителей. Среди не работающих по специальности встречались животноводы, медицинские сестры, счетоводы. В системе наркомпроса в 1945 г. работал только один человек, остальные учителя не находили себе работы.

В телеграмме заместителя министра внутренних дел СССР В. Чернышова председателю Совета Министров Казахской ССР Ундасынову (август 1946 г.) предлагалось учесть, что «подавляющее большинство спецпереселенцев к труду относится добросовестно, а значительная их часть являются стахановцами и ударниками, перевыполняющими установленные производственные нормы.

Причем рабочие и служащие из этого контингента в силу установленных ограничений прав свободного передвижения являются наиболее стойкими и постоянными кадрами промышленности и сельского хозяйства.

Все это требует со стороны хозяйственных организаций особого внимания к созданию этим переселенцам нормальных условий существования»¹⁹.

В 1944–1945 гг. в колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях остро ощущался недостаток мужских рабочих рук, выходить на работу должны были все: пожилые люди, дети, женщины.

Традиционно балкарские женщины не занимались тяжелой физической работой. Этот устоявшийся уклад был нарушен с началом войны, когда женщины были вынуждены выполнять ту работу, которую делали до ухода на фронт их мужчины. В местах насильственного поселения балкарским женщинам было еще тяжелее. В половозрастной структуре высланного народа вследствие того, что мужчины были на фронте, женщины составляли большинство в первые самые тяжелые годы ссылки. Дополнительно к своим специфическим функциям в семье и обществе женщины-балкарки в ссылке, как видно из вышеизложенного, несли и новое для себя бремя – главы семьи и основной производительной силы в обществе. Чтобы выжить, им приходилось по две смены работать в угольных и золотоносных шахтах откатчиками вагонеток, коногонами, сортировщицами угля и т. п. В этих нечеловеческих условиях жизни и труда они сыграли решающую роль в физическом и духовном выживании этноса, в борьбе за жизнь и здоровье детей, старшего поколения, сохранив тем самым главные элементы семьи как основы этноса и социума.

Наравне с взрослыми работали не достигшие физической зрелости подростки 11–15 лет. Для них организовывались специальные трудовые детские колонии. В июне 1944 г. в них было устроено 1268 чел.²⁰ Балкарским детям очень рано пришлось стать взрослыми и брать на себя порой заботу обо всей семье. В 13 лет многие из них спускались в шахты. Отработав день в шахте, вечером бежали на учебу. Видя, как нелегко приходится взрослым, дети старались хоть как-то помочь им. В период полевых работ они трудились плутарями, сеяльщиками, работали подводчиками, скирдовали сено и солому, пололи свеклу и кукурузу поливали растения под палящим солнцем, собирали урожай. Помогая старшим, они получали трудовую закалку, которая не раз выручала их в дальнейшей жизни.

После окончания войны и с возвращением воинов-балкарцев в места проживания их родных положение спецпереселенцев несколько улучшилось. Миф о них как о предателях Родины стал развеиваться. Многие фронтовики сразу трудоустраивались, их грамотность, компетентность также способствовали улучшению отношения местного населения к балкарцам в целом.

Из общего числа спецпереселенцев-балкарцев имелось трудоспособных 10 457 чел., все они стопроцентно были заняты на производстве. Количество работавших было больше, чем трудоспособных потому, что использовался труд подростков и ограниченно годных. Число последних составляло 1326 чел., что значительно увеличивало процент работающих. В ту пору работать приходилось и немощным, и больным. Всего, вместе с ограниченно годными к труду, использовалось на работах 11 783 чел.²¹

Балкарцы работали на хлопковых, табачных, свекольных, кукурузных плантациях, животноводческих фермах, в угольных шахтах, каменоломнях, на лесоповалах, заводах химпрома, цветной металлургии и машиностроения, строительстве железных дорог, на золотых рудниках. По данным полковника В. В. Шияна, наибольшее число спецпереселенцев было занято в сельском хозяйстве (68,9 %), местной промышленности, железной дороге, предприятиях «Нарком-угля»,

«Наркомлеса»²². Трудоустройство спецпереселенцев-балкарцев имело важное значение для их жизнеобеспечения, для налаживания контакта с другими спецпереселенцами и местным населением, способствовало увеличению выпуска сельскохозяйственной и промышленной продукции в местах их расселения.

Для того, чтобы выжить и прокормить семью, спецпереселенцы вынуждены были трудиться изо всех сил. За короткий срок балкарцы освоили новые для них производственные процессы и успешно выращивали хлопок, табак, сахарную свеклу, коноплю, добывали руду на шахтах, возводили дома, прокладывали каналы и дороги. Многие из них приобрели специальности тракториста, шофера, комбайнера, механизатора. Наравне с остальными тружениками села и рабочими промышленных предприятий участвовали в социалистическом соревновании. Среди них было немало ударников труда, особенно в животноводстве. В справке бригады ЦК ВКП(б) Киргизии отмечалось: «Со стороны партийных, советских и хозяйственных органов с удовлетворением отмечается в основном хорошая работа спецпоселенцев, особенно балкарцев-животноводов»²³. Так, в колхозе «Коминтерн» Исмаил Гогуев от каждых 100 овцематок получил и вырастил по 130 ягнят. Чабаны колхоза «Большевик» Тюпского района Зеер Ольмезов и Джанхой Ахкубеков добились лучших показателей в выходе молодняка и продукции с закрепленного за ними скота.

В некоторых колхозах Киргизии были созданы отдельные свекловодческие и хлопководческие звенья и бригады из переселенцев-балкарцев. Многие из них план сбора урожая выполняли от 100 до 135 %, премировались за высокую культуру обработки полей. Участок, обрабатываемый звеном Далхата Чанаева, специальной комиссией был признан лучшим во всем Куршабском районе Ошской области. В колхозе «10 лет Октября» хлопководческая бригада балкарцев выполнила план на 116 %, сдав только первый и второй сорта хлопка-сырца, заняв первое место по колхозу. Вся бригада из 15 человек во главе с Ахматом Теммоевым была занесена на Доску почета.

Колхозницы сельхозартели им. Фрунзе Тюпского района Ахкубекова, Ольмезова, Аппаева выполняли задания на 150–200 %.

В народном хозяйстве Казахстана и Киргизии трудились тысячи стахановцев из числа спецпереселенцев-балкарцев, передовиков производства. В Воропшиловском районе Фрунзенской области в 1946 г. насчитывались 51 стахановец и 70 ударников. За хорошую работу 30 человек были премированы ценными подарками, скотом и деньгами, 6 человек занесены на районную Доску почета. По итогам 1949 г. в Ошской области учтено 945 стахановцев и ударников. В Иссык-Кульской области 122 человека получили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Стахановскими методами и по-ударному трудилось в промышленности большинство балкарцев. В справке МВД Киргизской ССР (1 июля 1946 г.) отмечалось, что на комбинате им. Фрунзе министерства цветной металлургии и на угольных рудниках треста «Киргизуголь» шахтеры из числа балкарцев М. Миссиров, З. Казаков, Х. Лухъяев, Ю. Бабаев и другие ежедневную норму выработки выполняли от 105 до 252 %. В 1949–1950 гг. производственные планы значительно перевыполняли шахтеры Кази Миссиров, Маил Атаев, Али Газаев, Шамиль Трамов, Зекерия Настаев, Ададьби Эбзеев, Махмуд Кульбаев и др. Дорожный мастер Абдулла Миссиров в мае 1946 г. месячную норму выполнил на 223 % и получил денежную премию²⁴.

Джафар Кучменов работал бригадиром плавильного цеха Норильского никелевого завода. Годовые нормы бригада выполняла на 123 %. В 1956 г. на протяжении всего года она удерживала переходящий красный вымпел цеха. Как хороший организатор и активный рационализатор Дж. Кучменов был удостоен звания «Заслуженный металлург РСФСР». Образцы примерной работы и добросовестного отношения к труду балкарцы показывали и на других промышленных предприятиях, учреждениях и стройках.

Руководители хозяйств признавались, что спецпереселенцы добивались более высоких, производительных результа-

тов, чем местное население, в колхозах и совхозах повысилась урожайность сельскохозяйственных культур. Сказались хозяйственные навыки, мастерство и самоотверженный труд ссыльных.

Все это позволило им с начала 1950-х гг. обеспечивать свои потребности в одежде, пище и выполнять государственные поставки наряду с местным населением. Спецпереселенцы, работавшие в промышленности, обеспечивали себя продовольствием из подсобных хозяйств.

Постепенно трудолюбие, балкарцев, их стойкость, выносливость, доброжелательность расположили к себе коренное население и местное руководство. Во многих докладных записках подчеркивалось, что балкарцы-спецпереселенцы работают добросовестно, выполняют и перевыполняют плановые задания, фактов уклонения от работы среди них нет. В хозяйствах мест поселения они приносят ощутимую пользу и являются наглядным примером самоотверженного труда и честного отношения к работе.

Многие балкарцы, оставаясь спецпереселенцами, получили награды Родины. В 1944–1945 гг. они поощрялись как передовики производства денежными премиями, промтоварами, скотом и т. д. Первых наград – почетных грамот и медалей – они удостоивались уже в 1947 г., а в последующие годы были отмечены даже орденами. В 1947 г. за высокие производственные показатели 13-летний хлопкороб Салих Эфендиев, впоследствии доктор философских наук, был награжден медалью «За трудовую доблесть».

Звено Зулейхи Динаевой выращивало хлопок в совхозе «Пятилетка» Ташкентской области Узбекистана. В 1947 г. оно заняло первое место в республике. За выдающиеся достижения З. Динаева была удостоена ордена Ленина. Многие передовики производства участвовали во Всесоюзной и республиканских сельскохозяйственных выставках, получили высокие правительственные награды. Шесть тысяч человек были награждены медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Сотни балкарцев, работавших в хлопководстве, свекловодстве, животноводстве, на стройках и шахтах, были награждены орденами Трудового

Красного Знамени, «Знак Почета», медалями. В 1948 г. высокое звание Героя Социалистического Труда было присвоено III. Келеметову, бригадирю свекловодческой бригады.

Вместе с тем имели место факты ущемления в поощрениях передовиков производства из числа спецпереселенцев. Это признало даже МВД Киргизской ССР: «В колхозе им. Молотова Кутургинского сельсовета Тюпского района организована полеводческая бригада из числа спецпереселенцев, бригадир которой – балкарец, участник Отечественной войны, член ВКП(б) Отаров Исхак. Эта бригада с начала уборочной кампании в колхозе держит первое место, но правление колхоза ничем бригаду не отметило»²⁵.

Чапай Созаев работал в Североуральске бригадиром проходчиков шахты. В 1945–1946 гг. не раз устанавливал всесоюзные рекорды. В центральной газете «Правда» о выдающихся достижениях Ч. Созаева и его бригады было напечатано четыре очерка и репортаж. В феврале 1947 г. Министерство цветной металлургии СССР представило к высоким правительственным наградам бригадиров передовых бригад. Лучший из них Ч. Созаев был награжден медалью «За трудовое отличие», а подтягивавшиеся к его показателям бригадиры Пронечкин и Минзарипов были удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Через год шестнадцатилетней Шамкыз Уянаевой за рекордный урожай сахарной свеклы вручили орден Ленина.

Колхозница Зухра Геккиева в 1953 г. была удостоена Большой золотой медали Главного комитета ВСХВ. Через два года Министерство сельского хозяйства СССР наградило ее юбилейной медалью к 100-летию Мичурина. В 1956 г. Зухра за выдающиеся достижения в выращивании сахарной свеклы была представлена к присвоению звания Героя Социалистического Труда. Указом ПВС СССР от 11 января 1957 г. ее наградили орденом Ленина.

После XX съезда КПСС четырем передовикам производства – Ш. Тегуеву, М. Узденовой, И. Жангуразову и З. Ульбашевой – по представлению правительств Казахстана, Киргизии, Узбекистана присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Районы, куда были сосланы депортированные, представляли собой настоящие этнические конгломераты. Балкарцы на спецпоселении работали и жили рядом с людьми разных национальностей: казахами, киргизами, узбеками, русскими и представителями других переселенных народов. Это была ситуация вынужденных, но очень активных межэтнических взаимодействий и контактов. Трудолюбие спецпереселенцев показало местному населению, что они обычные люди, а не враги советской власти. В отношениях между ними постепенно наметилось потепление, переросшее в дружбу. Местное население проявляло к спецпереселенцам сочувствие и заботу, старалось помочь, облегчить их участь. Всех их объединял труд, и в сложившейся атмосфере ценить людей и выдвигать на работе начали по делам.

Так, в 1955 г. только в Иссык-Кульской области на скромных руководящих должностях в колхозах и совхозах – зав. МТФ, зоотехниками, бухгалтерами, учетчиками, зав. клубами, счетными работниками – работало 100 балкарцев. Ануара Урусбиева члены сельхозартели избрали председателем колхоза. Его хозяйство было самым рентабельным в Баяутском районе Узбекистана. Мастером строительной базы гор. Алма-Аты трудился Махай Текуев. Идрис Кадыров работал начальником налоговой инспекции гор. Науката.

Улучшилось и укрепилось положение интеллигенции. Кандидат филологических наук Аскер Алпаев в 1945–1958 гг. преподавал в Казахском госуниверситете, Алма-Атинском институте иностранных языков, работал в АН Казахской ССР, сыграл большую роль в подготовке ученых-филологов.

К активной работе привлекались учителя. Некоторые из них занимали должности директоров или завучей школ. Мариям Черкесова работала директором интерната в Алабукинском районе Джалал-Абадской области, удостоена звания «Почетный учитель школы Киргизской ССР». Впоследствии в течение 17 лет она была заместителем министра просвещения Киргизской ССР, награждена орденом «Знак Почета». Лучшим математиком Джамбульской области был признан учитель школы сел. Кара-Кундуз Музафар

Кудаев, впоследствии кандидат физико-математических наук, доцент КБГУ.

Исключенный из Союза писателей поэт Кайсын Кулиев был специальным корреспондентом газеты «Советская Киргизия», переводил на русский язык произведения киргизских поэтов и писателей. Будущего народного артиста республики Омара Отарова приняли в Киргизскую госфилармонию, где он исполнял киргизские песни. Артист Исмаил Рахаев был ведущим актером Русского госдрамтеатра им. Н. К. Крупской во Фрунзе, работал начальником отдела министерства культуры Киргизской ССР. Юрист Тимур Шаханов работал в адвокатской коллегии Талды-Курганской области Казахстана, был членом президиума коллегии.

Так получилось, что многие бывшие руководящие работники и активисты из среды балкарского народа оказались в Киргизии. Здесь начал свою трудовую деятельность Жанакант Залиханов инструктором Джалал-Абадского обкома партии, потом работал заместителем директора «Киргосиздата», директором типографии при Совете Министров Киргизской ССР, начальником Управления Союзпечати Киргизской ССР и одновременно был утвержден членом коллегии министерства связи республики.

Ханафи Хутуев работал заместителем директора газетно-журнального издательства «Красный Киргизстан», директором типографии министерства сельского хозяйства республики. О Х. Хутуеве член-корреспондент АН СССР К. Каракеев писал: «В 1945–1957 гг., работая в органах печати и полиграфии, Х. Хутуев своей журналистской деятельностью внес определенный вклад в укрепление дружбы между народами Северного Кавказа и Средней Азии»²⁵.

На руководящие должности среднего звена в областном масштабе были выдвинуты также Мухажир Кульбаев, Магомет Башиев, Сакинат Наршаова, Чомай Уянаев, Канамат Уянаев, Хызыр Жанатаев, Максим Геттуев, Мурадин Холаманов, Сарби Черкесов, Магомет Цораев и др.

В целом ответственные посты из числа спецпереселенцев занимали единицы, незначительным был их процент и в сфере интеллектуального труда.

Исторические события постоянно переосмысливаются в свете опыта современности, в свете нового знания. В начале 1990-х годов был проведен социологический опрос людей, переживших депортацию. Респондентам был задан и такой вопрос: «В период депортации была ли дискриминация в труде из-за национальной принадлежности?» 47 % опрошенных ответили, что спецпереселенцам поручали более тяжелые участки работы, 26 % – за равный труд им платили меньше, 32 % – нас не повышали по служебной лестнице, 41 % – ответственные посты нам не доверяли, 29 % – при трудоустройстве не учитывали специальность, 53 % – не учитывали состояние здоровья и возраст. Дискриминацию в труде не испытывали лишь 6 % переселенцев²⁷.

Следует заметить, что в 1947 г. спецпереселенцев уволили из судебных органов и прокуратуры. В том же году нарком путей сообщения Л. Каганович издал распоряжение об освобождении с занимаемых должностей всех спецпереселенцев, связанных с движением поездов. А в ноябре 1948 г. появилось Постановление Совета Министров СССР «О выселенцах», по которому за уклонение от трудовой деятельности спецпереселенцам высылка заменялась заключением в исправительно-трудовые лагеря сроком на 8 лет. Все законченные дела рассматривались Особым совещанием при МВД СССР.

По мере обустройства и закрепления спецпереселенцев из Северного Кавказа на местах поселений появилась возможность привлечения их к общественной жизни. Сферы участия спецпереселенцев в общественной жизни были различными. Главной опорой в организации политической работы среди спецпереселенцев были коммунисты и комсомолы. Наряду с ними серьезное влияние на хозяйственно-трудовое устройство и оздоровление политического климата оказывали религиозные деятели. Их усилия имели положительные результаты, вносили в сознание спецпереселенцев определенное спокойствие. В организации агитационно-просветительской работы важное значение придавалось обучению спецпереселенцев различным профессиям. В 1945–1946 гг. в Казахской ССР 2600 спецпереселенцев учились на трактористов, комбайнеров, шоферов, слесарей

и т. д. В Киргизии в 1945 г. были призваны в ФЗУ и ремесленные училища около 3 тыс. подростков. Именно подготовленные специалисты занимались решением проблем народного хозяйства в районах нового обитания.

Безусловно, участие спецпереселенцев в общественной жизни способствовало улучшению их положения в обществе, изменению их отношения к жизни, формированию национального сознания²⁸.

Спецпереселенцы в массе своей жили успехами и проблемами своей родины, считали себя ее патриотами. Они трудились в основном в тяжелых климатических условиях в сельском хозяйстве, на стройках и предприятиях угольной, лесной, золотодобывающей промышленности, внесли заметный вклад в экономическое освоение восточных регионов страны.

Примечания

1. ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 151, л. 40–43.
2. Шабазов Д. В. Указ. соч. С. 161, 162.
3. ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 297, л. 32.
4. ЦГА КБР, ф. Р-774, оп. 1, д. 2, л. 49, 50, 59.
5. Там же, д. 4, л. 37.
6. ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 86, л. 71.
7. ЦГА КБР, ф. Р-774, оп. 1, д. 2, л. 29, 30.
8. Газета Юга. 2010. 28 окт.
9. Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944–2001 гг. Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М. А. Сабанчиев. Нальчик, 2001. С. 105–109.
10. ЦГА КБР, ф. Р-774, оп. 1, д. 4, л. 49, 50.
11. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия... С. 117, 118.
12. ЦГА КБР, ф. Р-774, оп. 1, д. 2, л. 58, 59.
13. Там же, л. 452.
14. Там же, д. 4, л. 37.
15. ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 176, л. 420.
16. Так это было: Национальные репрессии в СССР. М., 1993. Т. 2. С. 117, 118.
17. ЦГА КБР, ф. Р-774, оп. 1, д. 4, л. 20.

18. ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 257, л. 107.
19. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия... С. 243.
20. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 63, л. 313.
21. Там же, ф. Р-9479, оп. 1, д. 257, л. 70.
22. Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. С. 124.
23. ЦГА КБР, ф. Р-774, оп. 1, д. 2, л. 248.
24. Там же, л. 252.
25. Там же, д. 6, л. 50.
26. Кабардино-Балкарская правда. 1998. 15 апр.
27. Репрессированные народы: история и современность. С. 23.
28. См.: Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е гг.). М., 1998.

Секретный доклад Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС и судьбы репрессированных народов *

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на закрытом заседании которого Первый секретарь ЦК партии Н. С. Хрущёв выступил с докладом, переломившим ход советской истории и всколыхнувшим все советское общество. С него берет начало либерализация политической жизни. И сегодня, по прошествии 60 лет, интерес к этому событию не угасает. В стране и за рубежом растет понимание значения того коренного поворота в политике КПСС и Советского Союза, которое связано с XX съездом и с именем Хрущёва, совершившего этот поворот.

Важно подчеркнуть, что не одна прагматика двигала Хрущёвым в давно назревшем деле разоблачения сталинских преступлений, а объективные пороки тоталитарного режима. К осени 1955 г. в Президиуме ЦК КПСС накопился значительный материал о политических репрессиях и личной ответственности Сталина за совершенные преступления в отношении рядовых коммунистов и партийных руководителей во второй половине 1930-х гг. 30 декабря 1955 г. была со-

* Вопросы истории. 2016. № 7. С. 65–74.

здана комиссия во главе с секретарем ЦК П. Н. Постпеловым. Ей поручили изучить материалы о массовых репрессиях в период 1935–1940 годов. Комиссия получила право запрашивать все необходимые для работы материалы. В Президиум ЦК пошла систематическая информация о собранных ею фактах. Чем больше выявлялось документов, тем чаще и острее вставали вопросы о причинах и виновниках трагедии, об отношении к Сталину и его политике, о предании гласности ужасающих фактов¹. Поэтому неверно объяснять XX съезд партии личной корыстью Хрущёва и не видеть в нем ответ на чаяния общества, уставшего от политики террора и постоянного страха. Накануне больших свершений народ нуждался в консолидирующем и вдохновляющем глотке свободы. По мнению В. П. Наумова, было бы ошибкой полагать, что лишь субъективные моменты определили направленные на преодоление последствий сталинизма действия Хрущёва и других членов Президиума ЦК. Советский Союз стоял перед необходимостью принятия кардинальных мер, направленных на реформирование существующего режима при сохранении его сущности. Это и была одна из важнейших причин, побудивших руководителей партии выступить с критикой сталинизма².

Решения о созыве первого после смерти Сталина съезда было принято Президиумом ЦК КПСС 8 апреля 1955 г. Тогда же утвердили и месяц проведения съезда – февраль. Извещение о созыве очередного XX съезда партии появилось в печати в июле 1955 г. Съезд должен был утвердить директивы к шестому пятилетнему плану, а также заслушать Отчет ЦК КПСС.

Хрущёв выступил инициатором подготовки доклада о культе личности и его последствиях. Многие подробности зарождения этой знаменитой инициативы известны по публикациям Р. Медведева, В. П. Наумова, Ю. В. Аксютина, Дж. Боффа и др.³ Против намерения предать гласности преступления Сталина выступили В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков и К. Е. Ворошилов. Последний при этом вопрошал: «А что с нами будет?»⁴. Письмо от А. В. Снегова, члена КПСС с 1917 г., делегата с X по XVII съез-

ды партии и политзаклученного, с предложением пригласить на съезд группу реабилитированных старых коммунистов подтолкнуло Хрущёва сделать новый шаг. 3 февраля 1956 г. решением Президиума ЦК секретариату ЦК было поручено рассмотреть вопрос о выдаче пропусков «группе коммунистов, которые в прошлом неправильно исключены из партии и ныне восстановлены в рядах КПСС». Хрущёв предложил, чтобы ветеран ГУЛАГа Снегов и еще два-три недавно реабилитированных партийных работника выступили на съезде как обвинители Сталина от лица миллионов репрессированных. Но и эта идея была отклонена. «Ты предлагаешь, чтобы бывшие каторжники судили нас», – возмутился Каганович. В ответ Хрущёв представил 32 письма Кагановича в НКВД с требованием ареста руководящих партийных работников⁵. 9 февраля Президиум ЦК КПСС принял решение пригласить на съезд «группу старых коммунистов».

Партийная верхушка принялась уговаривать Хрущёва не делать на съезде доклад о культе Сталина или перенести его на следующий съезд. Однако Хрущёв был не согласен: «Очень важно, что мы должны сказать о культе именно на этом съезде, первом после смерти Сталина»⁶.

В ЦК партии Хрущёв опирался на поддержку «молодых» членов и кандидатов в члены Президиума ЦК – А. И. Кириченко, Л. И. Брежнева, Ф. Р. Козлова, секретарей ЦК А. Б. Аристов, П. Н. Пospelова и др. Гарантию на успех ему давала поддержка министра обороны Г. К. Жукова и председателя КГБ СССР И. А. Серова. Н. А. Булганин, М. З. Сабуров, Г. М. Маленков также решили поддержать Хрущёва.

13 февраля Президиум ЦК решил предложить Пленуму, а в случае его одобрения и съезду доклад «О культе личности и его последствиях». Состоявшийся в тот же день Пленум ЦК принял это предложение и утвердил докладчиком Хрущёва. Поручение Пospelову подготовить текст доклада было дано еще 9 февраля, когда рассматривались итоги работы комиссии. 13 февраля пленум ЦК принял решение подключить к работе над докладом секретарей ЦК Аристов и Д. Т. Шепилова⁷.

Никита Сергеевич начал активно готовиться ко второму докладу, который оказался главным событием XX съезда, а также всей жизни и деятельности самого Хрущёва. Основой для доклада послужили материал о преступлениях Сталина, подготовленный комиссией секретаря ЦК академика Пospelова, содержание бесед Никиты Сергеевича с реабилитированными членами партии и собственные воспоминания. Проект выступления был разослан членам Президиума ЦК КПСС для внесения замечаний. Поправки, сделанные разными почерками в тексте, говорят о том, что экземпляр М. А. Суслова читали не меньше трех человек. Самый, пожалуй, любопытный эпизод – то, что именно на экземпляре человека, сыгравшего трагическую роль в судьбе карачаевского народа, выведено предложение для вставки: «(Поправка нац. прав народностей 1943–1944 гг. Карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы)»⁸.

К 23 февраля окончательный вариант доклада был готов. В первый экземпляр текста, который зачитывался на заседании съезда, были добавлены три вставки. Одна из них касалась депортации кавказских народов⁹.

XX съезд открылся 14 февраля 1956 г. в Кремле в присутствии 1426 делегатов и представителей 55 дружественных партий. Вплоть до исторического «закрытого заседания» съезд проходил спокойно, ничто не предвещало политической сенсации. 25 февраля при закрытых дверях, только перед советскими делегатами, Хрущёв в течение четырех часов зачитывал свой «секретный» доклад. Помимо делегатов съезда в Кремль пригласили около 100 недавно реабилитированных партийных работников, список которых Хрущёв лично просмотрел и утвердил.

Еще в отчетном докладе он вскользь сказал о «преодолении культа личности», но имя Сталина не называлось. Теперь же необходимо было совершить подвиг, раскрыв это туманное понятие, назвав его по имени. Отметив принадлежность права окончательного решения по всем важнейшим вопросам Сталину, Хрущёв впервые открыто назвал Сталина инициатором и организатором всех репрессий. Из доклада участники съезда узнали о поражающих воображение и ввергавших в ужас

преступлениях обожествленного кумира. Доклад состоял из полутора десятков сюжетов. В мертвой тишине зала Никита Сергеевич переходил от темы к теме. Весь пафос выступления был направлен на осуждение сталинских беззаконий.

Хрущёв говорил о незаконных методах ведения следствия и нечеловеческих страданиях людей, не выдержавших моральных и физических мук и подписавших вымышленные показания, приводил примеры необоснованных репрессий, расправ с видными партийными и государственными деятелями во имя беспредельной личной власти Сталина. Сталин представлял безжалостным палачом, человеком, лишенным элементарных нравственных качеств. Некоторым делегатам становилось плохо, их выводили из зала и даже выносили на носилках. Хрущёв развенчал Сталина и как вождя. Делегаты съезда впервые узнали о «Завещании Ленина», об оценках, которые он давал Сталину еще в начале двадцатых годов. Глубинный смысл доклада был направлен на то, чтобы развенчать миф о Сталине как «наследнике» и «гениальном продолжателе» дела Ленина, т. е. отделить искусственно соединенные в период культа личности имена Ленина и Сталина. Доклад Хрущёва нарисовал новый портрет Сталина – портрет властолюбивого, кровавого, беспощадного диктатора и тирана¹⁰.

Нетрудно представить, какое требовалось мужество, чтобы всего через три года после смерти генералиссимуса перед сотнями наиболее приближенных к нему высокопоставленных лиц говорить о преступлениях «вождя народов». Как отмечает профессор Д. А. Волкогонов, тогда Хрущёв «совершил настоящий гражданский, исторический подвиг мысли, политики, действия... проявил историческую смелость, гражданское мужество, способность перешагнуть через десятилетиями создававшиеся предрассудки»¹¹.

Трудно было что-либо противопоставить открывшейся горькой правде. Это был шок. Речь Хрущёва дала возможность освободить, реабилитировать миллионы людей, снять с них клеймо опасных преступников, врагов народа¹². Благодарность XX съезду и сделавшему его историческим Хрущёву в той или иной степени испытывали миллионы жертв сталинских репрессий.

Следует отметить, что пришедшее к власти после смерти Сталина руководство страны отметило начало своей деятельности рядом решений, поворотных с точки зрения развития национальной политики. В ряду этих акций – постепенный процесс восстановления в правах репрессированных народов. В течение 1954–1955 гг. Советом Министров СССР и Президиумом Верховного Совета СССР был принят ряд нормативно-правовых актов, снимающих некоторые ограничения в правовом положении спецпереселенцев. Работающим спецпоселенцам предоставлялось право передвижения в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам – и в другие города страны на общих основаниях. Из-под административного надзора и с учета снимались дети спецпереселенцев в возрасте до 10 лет включительно, а также дети старше 16 лет, обучавшиеся в учебных заведениях. Несколько ограничивались полномочия комендантов спецкомендатур. Штрафы и аресты как мера наказания за нарушение режима в местах поселения были отменены.

Устранялись наиболее жестокие и одиозные пункты режимного распорядка спецпоселений. 13 июля 1954 г. был принят Указ ПВС СССР об отмене Указа от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». По Указу от 13 июля 1954 г. спецпоселенцы за побег уже не приговаривались, как раньше, к 20 годам каторжных работ, а подлежали лишению свободы до трех лет.

Постановлениями Президиума ЦК КПСС и правительства с учета режима спецпоселений были сняты и освобождены из-под административного надзора члены и кандидаты в члены КПСС и члены их семей, участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР, члены семей погибших в ходе боевых действий.

После визита канцлера ФРГ К. Аденауэра в СССР осенью 1955 г. последовал Указ ПВС СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 г. – ключевой

документ, положивший начало массовому процессу освобождения народов. Освобождению подлежали оставшиеся на спецпоселении российские немцы. Этот указ взбудоражил всех спецпереселенцев. Ситуация складывалась таким образом, что, отменив особый режим в отношении одного депортированного народа, уже нельзя было не принять аналогичных решений в отношении других депортированных народов.

Политэмигранты из СССР активно поднимали вопрос о сосланных в Среднюю Азию и Казахстан репрессированных народах: обращались в ООН, Госдепартамент США, в различные общественные организации с целью привлечь внимание мирового сообщества к данной проблеме. Именно благодаря этому мир узнал о массовых депортациях по национальному признаку, которые проводились в СССР. Они были также инициаторами постановки вопроса перед мировой общественностью о восстановлении репрессированных народов в гражданских правах, полной их реабилитации. Лидеры западных стран не упускали случая поинтересоваться о правах человека в СССР и тем самым ставили советских руководителей в довольно трудное положение. Проблема репрессированных в СССР народов стала одной из актуальных проблем, носивших международный характер. В это время ни государство, ни партия не были готовы к тому, чтобы ликвидировать беззаконие в отношении своего народа и причины, породившие его.

Правительство избрало поэтапный путь снятия ограничений. Выработка органами власти новых подходов к судьбе репрессированных народов обосновывалась утратой значения тех обстоятельств, которые послужили основанием для выселения. Поэтапное снятие ограничений по спецпоселению стало альтернативой единовременной и полной реабилитации депортированных народов. На этом этапе ни один из «наказанных народов» пока еще не получил легитимного права на возвращение на родину. Тем не менее, либеральные решения правительства сыграли важную роль в улучшении жизни спецпереселенцев в местах поселений. В 1955 г. депортированным начали выдавать

паспорта, молодежь стали призывать на срочную службу в армию.

В докладе «О культе личности и его последствиях» были рассмотрены и такие специальные проблемы, как Сталин и война, депортация кавказских народов в период войны в восточные регионы страны. Впервые высшим должностным лицом страны была дана оценка совершенному Сталиным и его ближайшим окружением произволу в отношении репрессированных народов. В докладе прозвучало признание, что власть в официальных документах зачастую санкционировала создание картины, весьма далекой от реальной. Выселение карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей и балкарцев Хрущёв назвал «грубым попранием национальной политики советского государства». В своем докладе он подчеркнул массовый, поголовный характер выселения, отклонил довод о том, что при выселении руководствовались военными соображениями, т. к. в то время уже определился перелом в ходе войны в пользу СССР. Хрущёв не забыл упомянуть о намерении Сталина выслать украинцев, но их оказалось «слишком много и некуда выслать. А то бы он и их выселил»¹³. XX съезд партии предложил возродить незаконно упраздненные национальные автономии репрессированных народов.

Однако вне поля зрения докладчика остались поволжские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, корейцы и др., т. е. большая часть депортированного населения. Возможно ли обычными словами передать, какое потрясение испытывали представители этих народов, о будущем которых не было сказано ни слова. «Почему?.. Неужели мы все еще под подозрением?» – задавался вопросом каждый из них. Во время сессии, где обсуждались судьбы депортированных народов, когда зашла речь о крымских татарах, Хрущёв якобы сказал: «Нецелесообразно иметь две татарские автономные республики»¹⁴. Конечно, не могли не сыграть свою роль окружавшие Хрущёва недавние соратники Сталина, со стороны которых он испытывал давление, которому не всегда был в силах противиться. Тем не менее, публичное осуждение массовых репрессий против северокавказских этносов

имело огромное значение для судеб всех депортированных народов, способствовало проведению ряда мероприятий, направленных на восстановление справедливости.

Спустя месяц после съезда, 13 марта 1956 г., советское правительство своим постановлением впервые разрешило некоторым спецпереселенцам вернуться в родные края. В апреле и июле 1956 г. появились указы Президиума Верховного Совета СССР о снятии ограничений по спецпоселению с балкарцев, карачаевцев, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев, чеченцев, ингушей и членов их семей. Это еще не было полным восстановлением их прав. Во всех указах констатировалось, что снятие людей с учета спецпоселений не влечет за собой возвращения им конфискованного имущества и, что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены. Отметим также, что ни один из «освободительных» указов не отменял содержательной части ранее принятых решений о депортации.

Хотя эти указы не давали права всему народу вернуться на родину, люди массами стали возвращаться на Кавказ, бросая все нажитое в тяжелейших условиях спецпоселения. Самовольное возвращение репрессированных народов Кавказа ускорило принятие официальных решений о воссоздании их упраздненной государственности.

Весной 1956 г. были созданы комиссии Верховного Совета СССР и Президиума ЦК КПСС для расследования репрессий. Правительственная комиссия во главе с А. И. Микояном проводила расследование обвинений, предъявленных «наказанным народам», обобщала поступающие предложения. Депортированные народы посылали своих представителей в Москву с наказом добиться приема у руководителей страны и решить вопросы реабилитации и возвращения на родину. Летом 1956 г. Хрущёв принял делегацию карачаевцев, Микоян – представителей чеченцев и ингушей, Ворошилов – делегацию калмыков, Брежнев дружески обсуждал перспективы возвращения балкарцев на Кавказ¹⁵.

Из Москвы в места проживания переселенных народов были отправлены ответственные работники центрального аппарата. На проводимых ими собраниях открыто диску-

тировался вопрос о возвращении на родину. Ответственные работники ЦК КПСС Е. Громов и В. Чураев отмечали, что многие настоятельно просили и о восстановлении национальной автономии. К предложениям о создании национальных районов или автономной области в тех республиках, где они сейчас находятся, относились весьма отрицательно¹⁶.

Положение осложняло довольно плотное заселение территории, на которой ранее проживали высланные народы, переселенцами из других мест. В иных случаях возвращаться надо было практически на пустые места, в разрушенные и не заселенные со времени высылки населенные пункты. Принимая это во внимание, центральное руководство стремилось удержать народы в местах их принудительного расселения¹⁷. Но решимость и неистребимое желание вернуться на родину победили. Поэтому в центральных органах обсуждались детали законодательного решения вопросов восстановления автономии, урегулирования правовых и экономических проблем, связанных с переселением людей из мест ссылки на прежнее место жительства. Центральная власть стремилась разобраться в этих сложных вопросах и найти оптимальное решение.

Как отмечает К. Н. Максимов, после восстановления репрессированных народов в гражданских правах ЦК КПСС и советское правительство постепенно стали принимать меры по их реабилитации. Поэтому в очередных партийных и государственных документах тональность и вектор направления политики по отношению к репрессированным народам стал меняться¹⁸.

16 октября 1956 г. группа специалистов партийных и центральных советских ведомств, обобщив все предложения и рекомендации, представила на имя Микояна проект постановления ЦК КПСС. 24 ноября 1956 г. проект был рассмотрен на заседании Президиума ЦК КПСС. В тот же день ЦК КПСС принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». В нем была сделана попытка дать оценку допущенному произволу, а сама высылка осуждалась как акт беззакония. Отмечалось,

что массовое выселение целых народов не вызывалось необходимостью и не диктовалось военными соображениями, а было одним из проявлений культа личности. В документе признавалось, что принимаемые меры недостаточны и не решают задачи полной реабилитации необоснованно выселенных народов и восстановления их равноправия с другими нациями страны. ЦК КПСС считал необходимым восстановить национальную автономию указанных народов и разрешить им возвращение на родину.

Постановление явилось документом особой важности, сыгравшим большую роль в судьбах бывших спецпереселенцев. Однако оно не имело правовой основы, поскольку только ПВС СССР – высший законодательный орган страны – имел право отменить указы о выселении народов и принять указы о восстановлении их государственности. Но в советский период партийный орган нередко подменял высший орган государственной власти страны. Поэтому постановление ЦК КПСС было принято к неукоснительному выполнению всеми органами власти СССР и РСФСР, с четким соблюдением всех законодательных процедур и с тщательным изучением проблемы на местах, обеспечением нормативной базы, содержавшей перечни средств для обустройства возвращавшихся народов.

Решение ЦК КПСС приняло конституционную форму в соответствующих указах ПВС СССР. 9 января 1957 г. последовали Указы «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР», «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область», «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР». В тот же день были приняты соответствующие Указы ПВС РСФСР. 11 февраля 1957 г. эти указы обрели силу закона, и плановое возвращение депортированных народов на родину началось¹⁹.

Восстановление автономии, возвращение в родные места жертв сталинизма стали важными событиями во внутренней жизни СССР, явились знаковыми жестами со стороны власти как свидетельство ее готовности восстановить историческую

справедливость. Хрущёв обязал все органы власти проявлять максимальное внимание к реабилитированным лицам и опальным народам²⁰.

Однако по-прежнему не была восстановлена справедливость в отношении крымских татар, турок-месхетинцев и советских немцев. Формальная реабилитация последних состоялась в августе 1964 г., но без восстановления автономной республики немцев Поволжья.

После октябрьского пленума ЦК партии в 1964 г. и снятия Хрущёва со всех постов работы, связанные с выполнением решений закрытого заседания XX съезда, прекратились. С 1965 г. становилось все более запретным упоминание о репрессиях. Более того, стали приниматься меры, имевшие целью предать забвению преступления Сталина. Сам XX съезд на долгие годы попал в полосу идеологического запрета. Даже в трудах профессиональных историков о нем можно было упоминать лишь мельком, в связи с пресловутым культом личности. В результате административного вмешательства в развитие исторической науки тема депортации оказалась в ней табуированной и закрытой для исследования на десятилетия. Замалчивание трагических событий тех лет вызывало недовольство как со стороны репрессированных народов, так и со стороны ученых, поскольку наносило существенный вред самой исторической науке. Накопившиеся проблемы в сфере межнациональных отношений лидерами государства периода застоя упорно игнорировались. Тревожные процессы пытались утопить в потоке казенного славословия в честь дружбы и братства народов СССР.

Не решаемая десятилетиями проблема крымских татар, месхетинских турок, поволжских немцев не могла не вызывать у них чувство тревоги за свое будущее. Общественные движения этих народов стали обращаться в ЦК, правительство, в различные государственные инстанции с просьбой восстановления их равноправия и возвращения к прежним местам жительства. Последовали Указы ПВС СССР от 5 сентября 1967 г. по крымским татарам, 30 мая 1968 г. по туркам-месхетинцам, а в 1972 г. по советским немцам, разрешавшие им возвращение в родные места. Но о

восстановлении автономии и прав в те годы не было и речи. Местные партийные и советские органы разрабатывали и осуществляли на местах принудительного заселения этих народов комплекс мероприятий по «усилению идеологической работы», «устранению недостатков интернационального воспитания» и т. д., направленных исключительно на их укоренение в этих местах. С воссоединением Крыма с Россией в марте 2014 г. начался процесс реабилитации крымских татар на основе российского законодательства.

В 1985 г. вновь ожили идеи XX съезда. Спустя 33 года, в 1989 г., впервые в СССР был опубликован секретный доклад Хрущёва с грифом «Не для печати». До этого его нельзя было получить в архивах, найти в материалах XX съезда, не говоря уже об отдельных изданиях.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. были открыты секретные фонды многих архивов. Гигантские, до тех пор совершенно секретные архивные материалы не просто подтверждали и дополняли основные положения доклада Хрущёва, а многократно расширяли и углубляли. В те годы правдивый анализ прошлого, восстановление справедливости были необходимы не только ради обретения истины, но и для решения насущных задач демократизации, законности, гласности. 14 ноября 1989 г. ВС СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав». Тем самым Верховный Совет СССР, в 30-х и 40-х гг. XX в. поломавший судьбы этих народов, покаялся и повинился перед репрессированными народами за допущенные беззакония. Важным рубежом стали принятые ВС РСФСР в 1991 г. законы «О реабилитации репрессированных народов» и «Реабилитации жертв политических репрессий». Была сказана вся правда о сущности преступного сталинского режима, реабилитированы его жертвы и, что не менее важно, произошло нравственное очищение общества. Люди с развитым нравственным чувством не согласились с реабилитацией Сталина.

Во второй половине 1950-х гг. в общественном сознании происходил сложный и противоречивый процесс посте-

пенного разрушения созданных сталинизмом и далеких от реальности представлений о репрессированных народах. Основой для формирования новых взглядов стало принятие высшими органами власти страны официальных документов по репрессированным народам и осуждение культа Сталина. Решения XX съезда КПСС открыли дорогу для возвращения из ссылки депортированных народов и их последующей реабилитации. Живучесть сталинизма в сознании многих людей с особой силой подчеркивает гражданский и нравственный подвиг тех, кто выступил против его преступной теории и практики.

Примечания

1. Аксютин Ю. В. Новое о XX съезде КПСС // Отечественная история. 1998. № 2. С. 109.

2. Наумов В. П. К истории секретного доклада Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 153, 154.

3. Медведев Р. Н. С. Хрущёв: политическая биография. М., 1990; Наумов В. П. Указ. соч.; *его же*. Борьба Н. С. Хрущёва за единоличную власть. Доклад Хрущёва на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 2; Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991; Аксютин Ю. В. Указ. соч.; *его же*. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; Джузеппе Боффа XX съезд КПСС // http://scepsis.net/library/id_3225.html

4. Медведев Р. Указ. соч. С. 89.

5. Независимая газета. 23.11. 1996.

6. Там же.

7. Наумов В. П. К истории секретного доклада... С. 162.

8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 1, оп. 2, д. 16, л. 133.

9. Аксютин Ю. В. Новое о XX съезде КПСС. С. 112.

10. Для более подробного анализа см.: О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва к XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

11. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кемерово, 1991. Кн. 2. С. 426, 428.

12. Медведев Р. Указ. соч. С. 87.

13. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 151, 152.

14. Амит Э. Никто не забыт, ничто не забыто? // Звезда Востока. 1989. № 9. С. 110.

Е. Ю. Зубкова по этому поводу пишет: «Нецелесообразность восстановления крымско-татарской автономии объяснялась многонациональным составом населения Крымского полуострова и его плотной заселенностью, а также существованием на территории РСФСР автономного образования – Татарской АССР. При этом совершенно не учитывалось то обстоятельство, что крымские и казанские татары являлись разными этническими группами, хотя и близкими по культуре». См.: Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР в 1953–1985 годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 5.

15. Карачаевцы: выселение и возвращение (1943–1957). Черкесск, 1993. С. 120–126; Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста, 2007. С. 337.

16. РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 56, л. 112.

17. Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. соч. С. 334.

18. Максимов К. Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004. С. 288.

19. Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 гг. Документы. М., 1994. С. 49–55.

20. Медведев Р. Указ. соч. С. 99.

Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения *

Преодоление последствий массовых репрессий 1920–1950-х гг. – одна из главных проблем истории России в ушедшем столетии. Обнадеживающее дыхание XX съезда, либерализация многолетних порядков позволили большинству репрессированных народов вернуться на историческую роди-

* Отечественная история. 2008. № 1. С. 79, 90 (в соавт. с А. А. Алафеевым).

ну. Однако очень скоро «оттепель» сменилась «заморозками», началась работа над постановлением ЦК КПСС, посвященным «реабилитации» Сталина на основе проектов 1966 и 1969 гг. ¹

С середины 1960-х гг. процесс реабилитации «наказанных народов» был почти свернут. Стали предприниматься меры, имевшие целью предать забвению преступления Сталина. О настроениях, господствовавших в высших эшелонах власти в брежневский период, поведал глава КГБ СССР Ю. В. Андропов своему коллеге из ГДР М. Вольфу. Последний вспоминает, что в 1978 г. когда он попытался уговорить Андропова обменять Н. Щаранского, сидевшего в тюрьме с формулировкой «за измену родине и шпионаж», на разведчика Г. Гийома, который 13 лет отбывал заключение в ФРГ, он вскипел. «Товарищ Вольф, – сказал он мне, – разве вы не знаете, что если мы дадим такой сигнал, может возникнуть ценная реакция? Слишком много групп людей пострадали от репрессий в нашей стране. Если мы освободим Щаранского – борца за права евреев, то и другие народы могут последовать этому примеру. Кто же будет следующим? Немцы Поволжья? Крымские татары? Может быть калмыки или чеченцы?» М. Вольф продолжает: «В КГБ для этих народов, изгнанных Сталиным с их родных земель, даже изобрели бюрократический термин, который я никогда не слышал, – контингентирование, от слова "контингент", имея в виду "квоту" "ненадежного населения"». Этот контингент рассматривался как потенциально враждебный, и Андропов полагал, что в общей сложности он насчитывал 8,5 млн чел. * «Мы не можем в эти трудные времена разрешить эти проблемы одним махом, – продолжал он, – если мы откроем все клапаны и народ начнет вываливать все свои обиды и претензии, нас захлестнет эта лавина, и мы не сможем ее сдержать» ². Попытка возобновить процесс реабилитации была сделана после образования 28 сентября 1987 г. Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению

¹ Всего в СССР в 1920–1940-х гг. подверглись полной или частичной депортации более 60 наций и народностей. Их общая численность составляла тогда около 3,5 млн чел.

материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и начала 1950-х гг.

Под занавес XX в. в России был сокрушен коммунистический режим. Курс на демократические преобразования в стране, взятый на рубеже 1980–1990-х гг., придал процессу реабилитации репрессированных народов второе дыхание. В те годы правдивый анализ прошлого, восстановление справедливости были необходимы не только ради исторической истины, памяти жертв беззаконий и произвола, но и для решения насущных задач демократизации, законности, гласности. На сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалась необходимость решительного осуждения фактов произвола и выселения народов с мест их проживания в годы Великой Отечественной войны и полного восстановления прав репрессированных народов³. Анализ совершенных против них преступлений, предание их гласности побудили Верховный Совет СССР принять 14 ноября 1989 г. декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав»⁴. Тем самым Верховный Совет СССР, в 1930-х и 1940-х гг. поломавший судьбы этих народов, покаялся и повинился перед репрессированными народами за допущенные беззакония. В декларации факт депортации признан преступлением против человечности, а все, кто участвовал в геноциде народов, объявлены фактическими преступниками. Справедливая оценка допущенному произволу по отношению к миллионам граждан и целым народам была дана в указе Президента СССР М.С. Горбачева «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х гг.» и в постановлении второго Съезда народных депутатов России «О жертвах политических репрессий в РСФСР» (1990 г.). Осуждая многолетний террор и массовые преследования против собственного народа, съезд выразил твердое убеждение, что подобная трагедия народов и граждан России никогда не повторится, и постановил разработать и принять законодательные акты «О реабилитации и полном восстановлении прав репрессированных народов и граждан РСФСР».

Разумеется, закон о полной реабилитации следовало бы принять союзному, а не российскому парламенту: в 1930–1950-х гг. судьбу народов решали союзные органы управления, да и беззакония совершались не только на территории России. Однако законодатели СССР медлили, а парламент России выжидать не мог: нерешенные проблемы создавали опасные очаги конфликтов. Современному поколению российских политиков выпало тяжкое бремя решения проблем, заложенных десятки лет назад.

В 1991–1992 гг. в сфере регулирования взаимоотношений центра и республик больше всего было сделано тогдашним Верховным Советом РСФСР. Закон о реабилитации разрабатывался авторитетными специалистами высокой квалификации – доктором юридических наук В. Коваленко, заслуженным юристом РФ И. Костоевым и другими⁵. Он принимался трудно, пробиваясь через многочисленные комиссии, дискуссии, слушания⁶. 26 апреля 1991 г. под гром аплодисментов Верховный Совет РСФСР принял закон. Вместе с ним было принято постановление «О порядке введения в действие Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов"». Закон вводился в действие с момента его опубликования. 26 апреля его подписал Председатель ВС РСФСР Б. Н. Ельцин. Закон признал репрессированными народы, в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселений. Под определение «репрессированные» попадали 15 народов, 11 из которых были депортированы с территории РСФСР: корейцы, немцы, финны, калмыки, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, болгары и греки. В Среднюю Азию и Казахстан были также насильственно переселены четыре народа: турки-месхетинцы, курды, хемшилы и иранцы, населявшие территорию Грузинской ССР⁷.

Верховный Совет осудил произвол властей по отношению к целым народам, подтвердил их полную невиновность,

предусмотрев для всех репрессированных народов полную реабилитацию – политическую, территориальную, социальную, культурную. В соответствии со статьей 3 принятого закона политическая реабилитация репрессированных народов «означает признание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения». Статья 6 касается территориальной реабилитации репрессированных народов. Следует особо оговорить, что под ней понимается возвращение депортированным народам их земель, незаконно отторгнутых в годы сталинского режима⁸. Статья 10 гласит: «Социальная реабилитация репрессированных народов означает, что гражданам, подвергшимся репрессиям, время их пребывания в спецпоселениях (местах ссылки) зачисляется в [трудовой] стаж в тройном размере. В связи с этим предусматривается также увеличение размера пенсии по возрасту за каждый год работы». Кроме того, ущерб, причиненный государством, подлежит поэтапному возмещению. Культурная реабилитация предусматривает осуществление комплекса мероприятий по восстановлению духовного наследия и удовлетворения культурных потребностей репрессированных народов, а также возвращение прежних исторических и географических названий. Согласно ст. 12 «Все акты союзных, республиканских и местных органов и должностных лиц, за исключением актов, восстанавливающих их права, признаются неконституционными и утрачивают силу».

Применение закона предусматривало издание отдельных постановлений по каждому из репрессированных народов. Важно подчеркнуть, что государственная оценка политическим репрессиям дана в постановлении Конституционного суда РФ от 30 ноября 1992 г. по «Делу о проверке конституционности указов Президента РФ: от 23.08. 1992 г. "О приостановлении деятельности КП РСФСР"; от 25.08.1991 г. "Об имуществе КПСС и КП РСФСР" и от 06.11. 1991 г. "О деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР"». В постановлении отмечено:

«В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в Политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС... Руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах – зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей, в том числе в отношении депортированных народов»⁹.

17 мая 1991 г. появилось распоряжение Совета Министров РСФСР о порядке реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов». Министерством и ведомствам республики было поручено подготовить предложения об отмене всех государственных актов, послуживших основой для противоправного насильственного переселения народов из мест постоянного проживания, разработать конкретные меры по восстановлению целостности национально-государственных образований и административно-территориальных границ, существовавших до их насильственного изменения, размерах и механизме материальной компенсации депортированным лицам¹⁰. С участием Госкомнаца РСФСР, Минюста, КГБ, МВД РСФСР и других ведомств был определен перечень нормативных актов высших органов власти СССР и РСФСР, на основании которых производилось насильственное переселение народов, ограничение их гражданских прав, упразднение национально-государственных образований, действие которых подлежало отмене.

Специальным постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1991 г. для рассмотрения вопросов и подготовки предложений по практическому восстановлению законных прав реабилитированных народов были созданы правительственные комиссии по каждому из них. Комиссию по Кабардино-Балкарской АССР из 11 человек возглавил заместитель председателя Совета министров РСФСР А. Ф. Каменев¹¹. Одновременно по линии Верховного Совета РСФСР была создана рабочая группа по подготовке нормативных актов о политической реабилитации насильственно депортированных народов во главе с народным депутатом Л. Н. Генюм. Обсудив сообщения руководителей комиссий,

Совет национальностей Верховного Совета РСФСР 25 сентября 1991 г. отметил, что эти рабочие органы проявили полную неспособность к решению обозначенных проблем, обратил внимание на необходимость активизации практической деятельности комиссий, потребовал предметного рассмотрения предложений с мест¹². Из-за нулевого результата работы правительственных комиссий они были распущены и распоряжением правительства РСФСР созданы новые. Председателем комиссии по Кабардино-Балкарии был назначен И. Н. Лазарев¹³. Комиссия совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами должна была до 13 февраля 1992 г. разработать концепцию реализации закона о реабилитации. В ее состав входили чиновники высокого ранга, однако они работали на общественных началах, что и предопределило малую эффективность их деятельности¹⁴. В июне 1992 г. итоги работы правительства РФ по реализации закона заслушивались и обсуждались в Совете национальностей Верховного Совета РФ. Было указано, что первые мероприятия по реализации сводились в основном к анализу законодательной базы. Советом министров были отменены 47 постановлений ГКО и решений правительства СССР в отношении депортированных народов. Вновь было отмечено, что реализация Закона «О реабилитации репрессированных народов» осуществляется правительством неудовлетворительно, механизм реализации не проработан и остается фактически невыполненным¹⁵.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Кабардино-Балкарии активизировался процесс национального возрождения. Поиск путей решения проблем реабилитации народа стал смыслом и сутью балкарского национального движения. Эта проблема была и в центре внимания властных структур республики, осуществивших ряд мероприятий по реабилитации балкарского народа. В августе 1990 г. Верховный Совет Кабардино-Балкарской АССР рассмотрел принятую Верховным Советом СССР декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» и констатировал, что в марте 1944 г. в результате

актов тоталитарного режима, произвола и беззакония безвинно пострадал балкарский народ, высланный с исторической родины в Среднюю Азию и Казахстан. Верховный совет КБАССР осудил репрессии против балкарского народа как беззаконие и произвол, поручил Совету Министров подготовить систему мер по полному восстановлению прав балкарского народа. Была создана комиссия по подготовке предложений о восстановлении районов Балкарии в границах на 1 января 1944 г. и установлен День памяти жертв насильственного выселения балкарского народа (8 марта). Верховным Советом КБАССР была образована комиссия для внесения предложений по реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», а также содержалась просьба к Верховному Совету РСФСР «ускорить принятие решения о механизме реализации Закона»¹⁶.

Эти решения и последующие законодательные акты послужили на долгие годы стимулом для национального движения балкарского народа. После возвращения из ссылки вплоть до 1990-х гг. балкарцы практически не могли выступать в качестве самостоятельной этнической группы. Всякая апелляция к национально-культурным интересам народа в советское время воспринималась как проявление национализма¹⁷. В июле 1990 г. постановлением Президиума Верховного Совета КБАССР была зарегистрирована общественная организация балкарского народа «Тёре» («Балкарский форум»). В 1990–1994 гг. «Тёре» и Национальный совет балкарского народа стали самыми популярными общественными организациями среди балкарского населения и могли оказывать существенное влияние на республиканские органы власти¹⁸.

С принятием Закона «О реабилитации репрессированных народов» на федеральном уровне появилось официальное признание репрессированных народов в качестве субъектов права. Особенно этому способствовал развиваемый в федеральной правовой практике подход, основанный на статье 13 закона, который предусматривал издание отдельных постановлений по каждому из репрессированных народов¹⁹.

Закрепление политического статуса репрессированных народов на федеральном уровне повысило авторитет нацио-

нальных движений и общественных организаций балкарского народа в общественном мнении и привело к качественно-му изменению характера их активности. Это выразилось в комплексе основных требований национальных движений: незамедлительное и безусловное выполнение положений Закона «О реабилитации репрессированных народов», восстановление районов Балкарии в пределах землепользования на момент депортации балкарского народа в марте 1944 г., соблюдение его экономических и социально-культурных прав²⁰.

Магическая фраза «отсутствие механизма» и бюрократические формулировки затушевывали суть вопроса и существенно сдерживали его решение органами власти не только в Кабардино-Балкарии. Созданные республиканские комиссии по существу не приступили к вопросам практической реабилитации балкарцев. Они больше занимались проработкой документов и изучением предложений по реабилитации, подготовленных организациями национального движения балкарского народа. Важная заслуга последних – в выявлении и постановке насущных вопросов реабилитации.

Главным итогом тех лет было принятие распоряжения правительства РСФСР «О выделении капитальных вложений на развитие горных населенных пунктов и хозяйств» от 6 августа 1991 г. Предусматривалось ежегодное целевое выделение госкапвложений на строительство хозяйственных и социальных объектов, развитие связи, организацию работы филиалов крупных промышленных предприятий в горной зоне, материально-техническое обеспечение.

Большая организационная работа по реабилитации народов, подвергшихся репрессиям в 1920–1940-х гг., была проделана специалистами функционировавшего в начале 1990-х гг. Госкомнаца России, а затем Миннаца России. В министерстве действовал специальный отдел по делам депортированных и репрессированных народов, трансформировавшийся в одноименный департамент. В последующем вопросами граждан, подвергшихся репрессиям, занимался отдел в структуре Департамента по делам Северного Кавказа, Департамента по делам национальностей²¹.

В решении проблем национально-культурного возрождения и развития репрессированных народов, их неформальной реабилитации существенную роль играли такие общественные организации, как Конфедерация репрессированных народов России (КРНР), Фонд репрессированных народов и граждан, с которыми Миннац России поддерживал тесные контакты. КРНР была учреждена в Москве в ноябре 1990 г. общественно-политическими движениями балкарцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар и советских немцев, объединяла организации 10 репрессированных народов и координировала их работу. На учредительном съезде Конфедерации была принята «Декларация о реабилитации и возрождении репрессированных народов». КРНР и Фондом подготовлен банк данных о репрессированных народах, с их помощью опубликованы сборники документов «Конфедерация репрессированных народов России», «Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 гг.», серия книг «Репрессированные народы России», проведены съемки документальных фильмов о депортированных народах. Эти организации в значительной мере способствовали морально-психологической реабилитации репрессированных народов, разрушали созданный сталинизмом в общественном мнении образ «народов-предателей».

В июле 1991 г. КРНР провела свой первый съезд. В его работе участвовали представители правозащитных и общественных организаций репрессированных народов. Докладчики рассказывали о реализации на местах Закона «О реабилитации репрессированных народов». По их словам, закон не исполнялся ни в одном из регионов из-за отсутствия взаимодействия между федеральными и местными органами власти. В порядке законодательной инициативы Конфедерации, съезд направил пакет законопроектов по реабилитации ряда репрессированных народов, в том числе и балкарского, в адрес Президента, Верховного Совета и Совета Министров РСФСР. Кроме того, съезд квалифицировал трагедию населенных пунктов Сауту и Глашево Черекского ущелья как акт геноцида²².

Проблемы репрессированных народов и пути их решения, ход выполнения закона о реабилитации обсуждались и

на последующих съездах Конфедерации. Была разработана схема механизма реализации закона. С обретением официального статуса одного из крупнейших общественно-политических движений обновляющейся России КРНР стала участвовать в законотворчестве, ее теоретики и аналитики разрабатывали конкретные предложения по назревшим проблемам репрессированных народов в порядке законодательной инициативы²³, в том числе обращение КРНР по вопросу о полном восстановлении государственности, территориальных, политических и экономических прав балкарского народа, проект постановления Верховного Совета РСФСР о реабилитации балкарского народа и др.

Участие в законотворчестве, открытое, юридически оформленное выступление в защиту репрессированных народов, акцентирование внимания на правовых аспектах и мобилизация разрозненных усилий по объединению и координации деятельности с целью решения проблем реабилитации можно отнести к числу наиболее важных достижений КРНР.

В 1992–1996 гг. в Элисте, Карачаевске, Нальчике и Назрани состоялось 5 всероссийских научных конференций по теме «Репрессированные народы и современность». В марте 1993 г. в Москве прошла конференция «Проблемы реабилитации репрессированных народов в контексте современных национальных отношений», а в ноябре 1998 г. Миннац России провел заседание «круглого стола» по теме «Реализация Закона "О реабилитации репрессированных народов" как фактор укрепления федеративных отношений» с участием ученых, специалистов правительства РФ, Государственной Думы и руководителей общественно-национальных организаций. Практические рекомендации научных конференций учитывались при разработке федеральных государственных программ экономического и национально-культурного возрождения репрессированных народов, способствовали созданию нового отношения к их проблемам и к самой политике реабилитации.

30 марта 1992 г. Минюстом России был зарегистрирован Фонд реабилитации и развития репрессированных и депортированных народов России, призванный содействовать ре-

шению проблем социально-экономического и культурного возрождения и развития репрессированных народов и российского казачества в местах их компактного проживания путем разработки и реализации благотворительных, научно-гуманитарных программ и инвестиционных проектов.

Планом Фонда предусматривалось создание «Международной ассоциации по содействию реабилитации, развитию репрессированных и депортированных народов и этнических групп» («Содействие»), а также Международного центра репрессированных народов со штабом в Москве, в Волгоградской и Саратовской областях, в Приморском крае и на Северном Кавказе.

Постановлением Президиума Верховного Совета РФ «О некоторых вопросах организации и деятельности Фонда реабилитации и развития репрессированных и депортированных народов России» от 25 мая 1992 г. предписывалось «обратиться с просьбой к парламентам и правительствам государств – республик бывшего СССР, на территории которых проживают репрессированные и депортированные народы, об оказании всемерного содействия Фонду в его деятельности»²⁴.

Курс, взятый на реабилитацию, был поддержан в принятой в Российском государстве 15 июня 1996 г. «Концепции государственной национальной политики РФ». В ней отмечалась необходимость «ускорить разработку и реализацию соответствующих законодательных актов, направленных на устранение последствий репрессий и депортаций в отношении этих народов»²⁵. На этом фоне набирали силу параллельные инициативы, с которыми выступали балкарские общественно-политические организации на митингах, собраниях и других мероприятиях, связанных с Днем памяти жертв насильственного выселения (8 марта), Днем возрождения балкарского народа (28 марта) и 50-летием депортации (1994 г.). Конструктивные предложения общественных организаций не оставались без внимания со стороны руководства Кабардино-Балкарской Республики.

В 1991–1992 гг. основная работа по подготовке, принятию и реализации законодательно-нормативных актов по реабилитации репрессированных народов выполнялась в Вер-

ховном Совете РФ: в эти годы парламентом были приняты более 20 постановлений и распоряжений²⁶. В последующий период возросла роль в этой работе исполнительных органов и субъектов РФ. В установленном порядке местные органы власти готовили соответствующий проект программы и обращались к федеральным органам с просьбой принять его к рассмотрению. Правительство РФ давало поручение заинтересованным министерствам и ведомствам. Согласованный с Миннацем России окончательный вариант документа предлагался правительству в качестве проекта.

Проекты же президентских указов по реабилитации разрабатывались как местными, так и федеральными органами власти. После процедуры их согласования в Государственно-правовом управлении при Администрации Президента РФ, они представлялись на подпись Президенту РФ. Федеральным органом, ответственным за подготовку указов, был Миннац России²⁷.

Все это явилось свидетельством того большого внимания, которое было оказано государством и обществом народам, пережившим ужасы депортации и спецпоселения. Закон «О реабилитации репрессированных народов» заработал и начал приносить реальные плоды. В 1993–1996 гг. многое было сделано для балкарского народа. По инициативе Президента Кабардино-Балкарской Республики и правительства были приняты принципиально важные документы на федеральном уровне: Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержки его возрождения и развития» (от 3 марта 1994 г.), постановления правительства РФ «О мерах по ускорению восстановления законных прав балкарского народа, подвергшегося депортации в 1944 году» (1993 г.), «О социально-экономической поддержке балкарского народа» (от 10 июня 1993 г.), «О мерах по выполнению указов Президента РФ и постановлений правительства РФ о государственной поддержке социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики в 1995–2000 годах» (от 31 июля 1995 г.).

В числе указанных государственных актов особое место занимает указ Президента РФ «О мерах по реабилитации

балкарского народа и государственной поддержки его возрождения и развития» от 3 марта 1994 г. Спустя 50 лет после депортации глава Российского государства, восстанавливая историческую справедливость, официально признал, что по отношению к балкарскому народу было допущено чудовищное преступление, он подвергся насильственному переселению и политической репрессии по национальному признаку²⁸.

Эти документы укрепили законодательную основу и подвели материальную базу для решения проблем балкарского народа. Они также стали основой для принятия комплекса нормативных актов в республике: указов Президента Кабардино-Балкарской Республики «О некоторых мерах по реабилитации балкарского народа в связи с 50-летием его репрессии» (от 7 марта 1994 г.), «Об установлении Дня возрождения балкарского народа» (от 25 марта 1994 г.), распоряжения Кабинета Министров (правительства) Кабардино-Балкарской Республики «О выплате единовременных денежных пособий некоторым категориям граждан балкарской национальности, подвергшимся насильственному переселению в 1944 году» (от 23 марта 1994 г.), «О порядке компенсаций за бесхозно оставленное домовладение и имущество реабилитированным лицам» (от 24 августа 1995 г.) и др.

Внимание к проблеме проявляла и Государственная Дума Федерального Собрания РФ. 24 мая 1994 г. были проведены парламентские слушания «О ходе выполнения Закона Российской Федерации (РСФСР) "О реабилитации репрессированных народов" от 26 апреля 1991 года», проходившие под руководством председателя Комитета по делам национальностей Б. Жамсуева. В рекомендациях слушаний было указано на необходимость «своевременного и в полном объеме финансирования уже принятых федеральных программ по реабилитации репрессированных народов, не ущемляя интересы всех граждан, проживающих на землях репрессированных народов»²⁹.

Подведение черты под трагическим прошлым предполагает как минимум компенсацию ущерба жертвам беззакония или их наследникам. Законом РФ от 1 июля 1993 г. внесены

изменения и дополнения в Закон «О реабилитации репрессированных народов», которые распространяли на граждан из числа репрессированных народов действие Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» и определяли порядок возмещения ущерба реабилитированным народам и отдельным гражданам. Органами МВД реабилитировано 38 550 балкарцев. В 1996 г. завершена выплата единовременных пособий на общую сумму 12 млрд 676 млн неденоминированных рублей всем реабилитированным лицам, в том числе родившимся в местах выселения до 11 февраля 1957 г. Это стало возможным после внесения 23 мая 1995 г. Конституционным судом РФ коррективки в Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», которая распространила льготы, предусмотренные для жертв политических репрессий, и на детей, находившихся вместе с родителями в местах спецпоселений.

В соответствии с указанными законами правительством России приняты меры по возмещению репрессированным народам, в том числе и балкарцам, материального ущерба. В 1994 г. правительство РФ приняло постановления, утвердившие «Положение о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам, пострадавшим от политических репрессий» (3 мая) и «Положение о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятых или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации» (12 августа).

Пособия по 500 тыс. неденоминированных рублей получили 25 380 граждан. Из 11 тыс. высланных из республики семей 9,5 тыс. выплачена компенсация от 40 до 100 минимальных размеров оплаты труда за конфискованное государством домовладение и имущество. Сумма до 6,3 тыс. руб., конечно же, не соответствует фактическим убыткам.

Проводилась социальная реабилитация, не законченная во второй половине 1950-х гг. В законодательном порядке было закреплено положение, согласно которому время, проведенное на спецпоселении с 14-летнего возраста, засчитывается в трудовой стаж в 3-кратном размере. Всем, кто пережил

трагедию депортации, с 1 марта 1991 г. сделан перерасчет пенсии, предоставлены коммунально-бытовые и другие льготы³⁰. Следует отметить, что с принятием Государственной Думой РФ Закона № 122 эти льготы для репрессированных народов были аннулированы. Из жизни людей, переживших ссылку, были вычеркнуты 13 лет унижений и невзгод, испытанных ими за период пребывания в депортации. Потерявшие родных и близких, кое-как выжившие сами, эти люди заслужили право достойно прожить оставшиеся годы, получать в необходимом объеме положенную им от государства пенсию и льготы. Решение Государственной Думы как несправедливое должно быть пересмотрено в судебном порядке.

Другой стороной проблемы соблюдения прав незаконно репрессированных народов является то, что действующее законодательство регулирует отношения государства с отдельным индивидом, а не общностью индивидов в целом. В связи с этим необходимо обратить внимание на реализацию коллективных прав граждан и прежде всего права на устойчивое развитие. В контексте прав человека под развитием подразумевается всесторонний экономический, социальный, культурный и политический процесс, направленный на постоянное повышение благосостояния всего народа и всех индивидов.

Восстановление прав физических лиц – одна из составляющих материальной ответственности за производ, но составляющая производная. Основой же материальной ответственности является ликвидация последствий геноцида как посягательства на национальную группу, создание необходимых экономических условий для возможно более скорого и полного восстановления этой группы. В 1992–1997 гг. на строительство объектов производственного и непроизводственного назначения в горной части республики из федерального бюджета поступило более 40 млн руб. Тем самым было положено начало решению важной социально-экономической задачи. От рыночных реформ пострадали все национальные группы Кабардино-Балкарии, но в самых трудных условиях оказались жители горных селений,

где проживают преимущественно балкарцы. Практически перестали работать туристические центры, которые давали работу значительной части балкарского населения. Дешевый турецкий и китайский ширпотреб свел к минимуму шерстяной промысел балкарцев. К сожалению, надежды на увеличение числа рабочих мест, решающих проблему безработицы, оказались несостоятельными. Комиссия правительства Кабардино-Балкарии, обследовав техническое состояние строящихся объектов, в своем акте от 1 июля 1998 г. отметила, что начатые в 1992–1998 гг., они в основном не завершены, и создание части объектов рекомендовала прекратить.

Несмотря на предупреждения Президента республики, имели место хищение и грубые нарушения в использовании бюджетных средств, выделенных на реабилитацию балкарского народа. По поручению Президента в 1996 г. специальной комиссией была проведена проверка целевого их использования и выявлено использование 3 млрд руб. не по назначению и утрата средств на 1,7 млрд неденоминированных рублей. Обращено внимание на отсутствие должного порядка в выплате компенсации за материальный ущерб. Главная причина сложившейся ситуации в том, что правительство практически самоустранилось от контроля расходования многомиллиардных сумм. Не существовало и серьезного общественного контроля. Разбазаривание миллиардных сумм, выделенных для экономической, социальной и культурной реабилитации балкарского народа, негативно действовало на настроение большинства населения, ставило под сомнение реальность выполнения принятых решений, вызывало недоверие к власти и в известной мере способствовало дестабилизации общественно-политической ситуации в республике.

Велась работа по культурной реабилитации, восстановлению духовного наследия народа и удовлетворению его эстетических потребностей. Десятки балкарских юношей и девушек в 1993–1995 гг. поступили в вузы России вне конкурса. Четверо балкарцев проходили стажировку в престижных учебных заведениях США. Завершено строительство

мемориального комплекса жертвам геноцида балкарского народа в Долинске. Выпущен документальный фильм «(С) чем молчат камни», снят художественный фильм «Дорога на край жизни» (режиссер Р. Х. Мурадян), посвященные депортации балкарского народа в 1944 г. Главные роли в фильме исполняют как столичные (Н. Фатеева), так и местные актеры (Б. Кулиев, З. Бапинаев). Премьера фильма состоялась в 1995 г. в Нальчике. С долевым участием Минкультуры России в 1997 г. состоялся первый Международный фестиваль тюркских народов, в котором приняли участие от балкарцев 10 человек. Проводился также фестиваль «Преодоление» в Республике Калмыкия с участием представителей депортированных народов. Министерством культуры России были учреждены Государственные стипендии. Первым стипендиатом, по представлению Союза архитекторов России, стал архитектор В. Х. Асанов. Был создан фольклорно-этнографический ансамбль «Балкария». Для подготовки творческих кадров в Северо-Кавказском институте искусств открыта балкарская театральная студия. В Тырныаузе начал функционировать филиал педагогического колледжа, в поселке Кашхатау – филиалы двух профессионально-технических училищ. Начали выходить книги о трагедии народа, еще недавно запрещенные. В рамках национально-культурного возрождения народов Кабардино-Балкарии и укрепления единства народов России 11–14 октября 1995 г. прошли Дни республики в Москве. Парламентом Кабардино-Балкарской Республики восстановлены Эльбрусский и Черекский административно-территориальные районы.

Ответственность государства перед народами, ставшими объектом его политики геноцида, предполагает, помимо прочего, возмещение морального ущерба всей национальной группе. В последние годы покаяние как элемент религиозного сознания из чисто духовного переходит в светское, становится идеологией в культуре и политике. Многие правительства каялись от имени государства за преступления, совершенные их предшественниками. Первый Президент России Б. Н. Ельцин как глава государства-правопреемника СССР в канун 50-летия депортации балкарского народа обра-

тился к нему со словами сочувствия и принес свои извинения за все ужасы сталинщины³¹. Восстановление исторической истины имеет огромное морально-политическое значение для народа в целом и для каждой личности отдельно. В условиях обновления всей сферы общественной жизни, только признав и осудив содеянное преступление, современная Россия может освободиться от тяжелого груза истории.

Во многих нормативных актах 1990-х гг. констатировалось, что наиболее эффективной формой реабилитации народов было бы принятие специальных программ по социально-экономическому возрождению и национально-культурному развитию репрессированных ранее этносов. В соответствии с Указом Президента РФ от 3 марта 1994 г. «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержке его возрождения и развития» была разработана федеральная целевая программа «Социально-экономическое и национально-культурное возрождение балкарского народа в 1996–2000 гг.». Государственным заказчиком программы выступал Миннац России, который координировал и контролировал ход ее подготовки. Официально сформулированная цель программы заключалась в «восстановлении исторической справедливости путем устранения последствий депортации балкарского народа, доведения состояния развития социально-культурной и производственной инфраструктуры в горных районах Кабардино-Балкарской Республики до среднереспубликанского уровня жизни населения»³². 21 марта 1996 г. она была рассмотрена и 3 апреля утверждена правительством РФ. Общий объем бюджетного финансирования программы должен был составить 2 млрд 674 млн руб. Заложенная в программе база давала реальную перспективу для дальнейшего социально-экономического, духовного и культурного развития балкарского народа. Однако в условиях углубления финансового и экономического кризиса, ухудшения социально-экономической ситуации в стране Минэкономики и Минфин России не смогли обеспечить выделение средств в соответствии с постановлением Правительства. Как отмечают Н. Ф. Бугай и А. М. Гонов, «реализация программы протекала не совсем успешно и вызывала

нарекание со стороны балкарцев, т. к. по всем направлениям программы ощущалась острая нехватка финансирования»³³. В 1996 г. на реализацию программы было получено 9,5 млн руб., а в 1997–2000 гг. лишь 12,3 млн и то зачетами. Как известно, действия нормативных актов в части предоставления из государственного бюджета необходимых ассигнований для выплаты единовременных пособий на возмещение ущерба лицам, подвергшимся переселениям, были ограничены 1996 г., а по капитальным вложениям – 2000 г. В силу этого многое из намеченного в программе сделать не удалось, и положение должно исправляться путем реальных действий. В перспективе часть оставшихся нереализованными основных объектов может быть интегрирована в федеральные целевые программы «Юг России», «Приэльбрусье» и другие синхронные программы. Предметом особой заботы республиканских властей призваны стать социальная сфера и ее «болевые точки»: положение безработных, особенно молодежи и женщин. Главная проблема Кабардино-Балкарской Республики – занятость молодого мужского населения, которое составляет значительную часть местного сообщества и поведение которого во многом определяет сегодняшнюю ситуацию. Наиболее трудный вопрос состоит в нахождении достойной работы для жителей сел и малых городов, где имеет место социальная маргинализация. Ответ можно искать в двух направлениях: в ограниченности роста горного села и в помощи его радикальному благоустройству, а также в организации частно-общинного типа пользования угодьями с ориентацией на частичную рыночную реализацию сельской продукции. В то же время программы социально-экономического развития для республики должны способствовать развитию малого бизнеса и предусматривать преимущественные инвестиции в те отрасли, где можно занять именно молодежь и женщин.

Сложной продолжает оставаться проблема возвращения и обустройства балкарцев из республик Средней Азии и Казахстана в Россию. Это связано с экономическими трудностями и отсутствием механизма взаимодействия государств-членов СНГ в реализации этой задачи. Кроме того,

парламенты ряда государств до сих пор не ратифицировали Бишкекское соглашение от 9 октября 1991 г. о восстановлении прав депортированных лиц, национальных групп и народов, которое позволило бы укрепить правовые нормы сотрудничества государств на современном этапе. В результате более 6 тыс. балкарцев, проживающих в Средней Азии и Казахстане, не могут вернуться на родину. Правительство Кабардино-Балкарской Республики вынуждено, не имея нормативно-правовой базы, вести работу с заявлениями граждан, содержащими просьбу об оказании им помощи в переезде в республику.

Изложенный материал свидетельствует о значительной работе по реабилитации балкарского народа, проделанной за прошедшие 15 лет после принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов». Закон создал правовую базу для концептуального решения проблем реабилитации и национального развития репрессированных народов на государственной основе. В реализации мер по реабилитации постоянно проявлялась заинтересованность со стороны федеральных и местных органов власти, общественности. Вопросы постоянно находились в центре внимания Министерства по делам национальностей РФ.

Произошла моральная и политическая реабилитация балкарцев. Акт депортации государством был признан как геноцид, и Президент России принес официальные извинения перед балкарским народом. Важно, что это знает мировое сообщество. На базе соглашений и взаимодействия федеральных и местных структур принимались меры по национально-культурному возрождению, предоставлялись денежные компенсации, пенсионные льготы, проводились работы по обустройству социальной сферы, по реализации образовательных и здравоохранительных (реабилитационных) программ. Осуществлено возмещение семьям репрессированных имущественного ущерба.

Сделаны определенные шаги и по экономической реабилитации. Реализация мер, определенных комплексом принятых нормативных актов, была направлена на укрепление связей между народами, их равноправное развитие. Однако

решение всех проблем реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа и устранение всех последствий геноцида осложнились кризисом в экономике, политике и духовной жизни страны. Реализация реабилитационных процессов пришлось на время системного, глубокого экономического кризиса в Российской Федерации. Общее сокращение реального финансирования после августовского дефолта в 1998 г. по отношению к планировавшимся объемам существенно усложняло задачу по реализации программных мероприятий. Отсюда незавершенность процесса реабилитации балкарского народа, равно как и других репрессированных народов.

Именно поэтому данная проблема отражена в специальном докладе (2001 г.) Ассамблеи народов России Президенту РФ «О национальном самочувствии народов России. О состоянии и перспективах государственной национальной политики», в котором призывается «решать по-человечески вопросы реабилитации репрессированных народов; определить меры по восстановлению и защите прав насильственно депортированных народов»³⁴.

В федеральном центре подавляющее большинство политиков и экспертов вполне отдают себе отчет в том, что процесс реабилитации репрессированных народов, несмотря на все принятые законодательные акты и практические меры, остается незавершенным, и растущее на этой почве недовольство целого ряда народов и этнических групп может стать источником серьезных политических осложнений, прежде всего на Северном Кавказе, где сосредоточено большинство этносов, пострадавших от репрессий и депортаций³⁵.

Забота о межнациональном согласии в регионе предполагает разработку, как уже отмечалось, и принятие законодательного акта, который впитал бы в себя основные положения Закона «О реабилитации репрессированных народов» с учетом сегодняшних реалий. Примером именно такого подхода может служить Республика Калмыкия, где президент К. Илюмжинов в январе 2000 г. образовал Совет по реабилитации народов республики. 9 января в респу-

блике был принят и новый Указ «О мерах по материально-экономической реабилитации калмыцкого народа в 2001–2010 годах», в основе которого – положения Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (ст. 9 и др.)³⁶.

Последовательная реализация Закона «О реабилитации репрессированных народов», претворение в жизнь постановлений и решений Российского правительства и местных органов власти, безусловно, послужит делу мира, согласия и взаимопонимания на Северном Кавказе, усилению позиций каждого из подвергшихся репрессиям народов Российской Федерации.

Примечания

1. Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т. 2. С. 606.
2. Вольф М. Игра на чужом поле. М., 1998. С. 181.
3. Правда. 1989. 24 сент.
4. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 449.
5. Правозащитники репрессированных народов. М., 1996. С. 81.
6. Московские новости. 1992. 19 янв.
7. Алафеев А. А. Миннац России и проблемы реабилитации репрессированных народов // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии. Материалы научно-практ. конференции. Пермь, 1998. С. 141.
8. Правозащитники репрессированных народов. С. 76, 77, 89.
9. Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 1993. № 4-5. С. 54, 56.
10. Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 гг. / Сост. И. И. Алиев. М., 1994. С. 162, 163.
11. Там же. С. 165.
12. Ведомости ВС РСФСР. № 42. Ст. 1337. 1595.
13. Реабилитация народов и граждан... С. 195.
14. Алиев И. Реабилитация репрессированных народов – политический блеф или добрая воля руководства? // Конференция репрессированных народов РФ. 1990–1992 гг. М., 1993. С. 159.
15. Реабилитация народов и граждан... С. 212.

16. См.: Зумакулов Б. М. Реабилитация балкарского народа. Нальчик, 1998. С. 90, 97.

17. Музаев Т. Балкария. Вулкан замедленного действия // Новое время. 1996. № 48. С. 18.

18. Лязкова А. Национальные движения в Кабардино-Балкарии и их роль в развитии политической системы в республике // Конфликт-диалог-сотрудничество. Бюллетень № 4. М., 2000. С. 47.

19. Хаперская Л. П. Современные этнические процессы Северо-Кавказского региона: проблемы политического управления // Автореф. дис. ... д-ра политол. наук. М., 1997. С. 38.

20. См.: Конфедерация репрессированных народов РФ. С. 110–117.

21. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики. М., 2001. С. 169.

22. Губогло М. Н. Реабилитация репрессированных народов. Надежды. Реальность. Иллюзии // Конфедерация репрессированных народов РФ. С. 19, 26.

23. Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 661.

24. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Указ. соч. С. 177.

25. См.: Реабилитация народов и граждан. С. 156–230.

26. Алафеев А. А. Указ. соч. С. 142, 143.

27. Реабилитация народов и граждан. С. 254.

28. Российская газета. 1994. 14 марта.

29. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Указ. соч. С. 178, 179.

30. Зумакулов Б. М. Указ. соч. С. 23, 24.

31. Кабардино-Балкарская правда. 1994. 10 марта.

32. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие и национально-культурное возрождение балкарского народа 1996–2000 годах» (Ксерокопия с оригинала). С. 2.

33. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Указ. соч. С. 180.

34. Независимая газета. 2001. 30 янв.

35. Червонная С. Карачаево-балкарский мир Северного Кавказа: современная этнополитическая ситуация // Ас-Алан. 1999. № 1. С. 13.

36. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Указ. соч. С. 199.

Государственность Кабардино-Балкарской Республики в условиях реформирования системы федеративных отношений *

С начала 1990-х гг. начался новый этап формирования государственности народов Северного Кавказа. В национально-территориальных образованиях актуальность приобрели вопросы национального строительства и национальной homogeneity. Проблемы целостности страны, ее политического, экономического и социального развития, урегулирование межнациональных отношений – все это настоятельно требовало реформирования государственного устройства России. В Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. было признано необходимым существенно расширить права автономий. В то время в российском обществе становится общепризнанным мнение, что демократическое устройство общества – единственно приемлемое для цивилизованной страны. Основным признаком демократии – примат народного решения над мнениями остальных структур общества. В современном мире он выражается в том, что свое право и свою обязанность управлять страной народ делегирует избираемым им гражданам. Попытку перейти к выборной системе управления государством вместе со всей страной предприняли и народы Кабардино-Балкарии.

Сверхцентрализация была одной из наиболее характерных черт российской государственности. По Конституции СССР, союзные республики считались суверенными, а автономные не имели такого статуса. В начале 1990-х гг. деятельность властных структур, общественно-политических и национальных движений Кабардино-Балкарии была направлена на получение нового государственно-правового статуса, на ликвидацию унижительной иерархии административно-территориального деления. Начало процессу суверенизации Кабардино-Балкарии было положено 30 января 1991 г., когда Верховный Совет КБАССР провозгла-

сил Декларацию о государственном суверенитете. Верховный Совет республики объявил об отказе от статуса автономной республики. Декларация о государственном суверенитете Кабардино-Балкарии была принята в условиях, когда в стране уже был открыт учредительный процесс по созданию обновленного Союза и федеративного Российского государства. Декларация провозгласила народовластие, верховенство Конституции КБАССР, законов КБР на всей территории республики, за исключением тех полномочий, которые делегируются Союзу ССР и РСФСР. Свои внешнеполитические отношения, как субъект международного права, КБАССР, согласно Декларации, могла осуществлять непосредственно с другими государствами и принимать участие в деятельности международных организаций. По Декларации кабардинский и балкарский народы, как равные суверенные субъекты КБАССР, обладают неотъемлемым правом на самоопределение, вплоть до выхода из республики и образования самостоятельной государственности. Кабардино-Балкария, являясь субъектом СССР и РСФСР, оставляет за собой право на самостоятельный выбор своего национально-государственного устройства, на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

Власть в КБАССР принадлежит народу. Наиболее важные вопросы жизни республики решаются на основе всенародного голосования (референдума). По Декларации Верховный Совет КБАССР состоит из двух равноправных палат – Палаты Республики и Палаты Национальностей, причем последняя формируется на паритетной основе. Государственными языками на территории КБАССР признавались кабардинский, балкарский и русский, гарантировалось сохранение и развитие языков других национальностей [1].

Процесс суверенизации республик бывшего СССР имел важное политическое значение, поскольку означал создание полноправного государства, т. е. – не предоставление государства внешними детерминантами, а самоорганизацию общества, как политической системы [2, с. 11]. Выдвижение республик на роль субъектов общероссийского и северокавказского политического процесса важно еще и потому, что

* Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 3. С. 182–189.

в этом случае от имени народов выступили демократически сформированные, представительные и легитимные, а потому полномочные и ответственные органы. Именно поэтому в суверенных республиках большинство людей национальную государственность видят необходимым условием существования. В целом, Декларация знаменует важный этап на пути развития кабардинской и балкарской наций.

В границах принципов суверенитета в республике шла подготовка к повышению статуса республики и изменению политического строя. Были внесены важные изменения и дополнения в Конституцию республики. По сути дела, они формально зафиксировали основы постсоветской государственности Кабардино-Балкарии [3, с. 151]. 8 марта 1992 г. Верховный Совет республики изменил предыдущее название, исключив «советский» и «социалистический». Официальным наименованием государства стало «Кабардино-Балкарская Республика». Важными шагами утверждения государственности республики стали учреждение 8 сентября 1991 г. поста Президента и принятие Закона о выборах президента. В результате проведенных в декабре 1991 г. и январе 1992 г. двух туров альтернативных выборов первым Президентом КБР был избран В. М. Коков.

Первые шаги по построению суверенной республики давались нелегко. 1990–1992 гг. стали для Кабардино-Балкарии периодом формирования национальной государственности. Этнополитические процессы в республике развивались в рамках борьбы за возрождение институтов этнической суверенности. 17 ноября 1991 г. в гор. Нальчике состоялся съезд балкарского народа. Съезд провозгласил Декларацию о национальном суверенитете балкарского народа и образовании Республики Балкария. Одновременно был избран Национальный Совет балкарского народа. Чуть позже, в декабре 1991 г., прошел аналогичный форум кабардинского народа, где был образован Конгресс кабардинского народа и объявлено о создании независимой республики Кабарда. Национальные движения этих народов были единодушны в необходимости решения своих задач исключительно мирными методами, в рамках Конституции РФ и права народов на

самоопределение. На первом этапе движения балкарского и кабардинского народов к образованию самостоятельных государств были одобрены ВС КБР. До законодательного закрепления этих решений на территории республики продолжали действовать Конституция КБР, законы и конституционно избранные органы власти и управления. В декабре 1991 г. сформировалось «Движение за сохранение единства Кабардино-Балкарии», поддержанное всеми, проживающими в республике народами.

Наиболее критическим оказался политический кризис 24 сентября – 4 октября 1992 г., вызванный реакцией на грузино-абхазский конфликт. Целый ряд сопутствующих факторов и обстоятельств спровоцировали его эскалацию [4, с. 162–173]. В принятом 24 сентября постановлении митинга от имени Конгресса кабардинского народа выдвигались ряд требований и содержался призыв к организации «Адыгэ Хасэ» организовать сбор подписей для расторжения Федеративного договора с Российской Федерацией. Впервые в республике был озвучен лозунг о выходе из РФ [5, с. 260]. Митингующие стали требовать отставки Президента, Председателя Верховного Совета, депутатов ВС и правительства КБР. Обстановка приняла чрезвычайный характер. Третьего октября было обнародовано заявление президента КБР. Происходящие события характеризовались, как стремление сил крайнего национализма и сепаратизма к захвату власти. Официальная власть КБР была решительно поддержана Правительством РФ. Руководство страны осознавало, что если развитие событий в Кабардино-Балкарии пойдет по чеченскому пути, то Россия потеряет весь Северный Кавказ [4, с. 173, 181]. В самой республике проводились собрания, сходы и сессии Советов с осуждением действий митингующих. После продуктивных переговоров кризис был улажен [6].

Смягчить этнический, религиозный и другие виды сепаратизма можно было лишь выдвинув оптимальную форму государственного устройства России. 31 марта 1992 г. в Москве был подписан Федеративный договор, определявший взаимоотношения между РФ и ее субъектами, в том числе и Кабардино-Балкарией. Этот документ стал первым крупным

шагом конституционной реформы в России. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. и ограниченно включенный в нее Федеративный договор действовали во взаимосвязи [7, с. 92]. Однако Федеративный договор, закрепив разнотипность субъектов Федерации по своему статусу, породил проблему симметричности и асимметричности модели российского федерализма [8]. Принятие новой российской Конституции в 1993 г. нивелировало заложенную Договором асимметричность, но одновременно спровоцировало очередной виток политических трений между федеральным центром и субъектами. В итоге это привело к «каскадному» заключению отдельных договоров между органами государственной власти РФ и органами государственной власти ряда субъектов федерации [9, с. 95]. Ориентация новой России в пространстве федерации потребовала закрепить ее отношения с субъектами федерации на основе договоров и различных соглашений. 1 июня 1994 г. был подписан Договор между КБР и РФ о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий. Необходимость подписания этого договора объяснялась тем, что ни Конституция РФ, ни федеральные законы не могли учесть специфику каждого из субъектов Российской Федерации, которые имеют серьезные различия по этническому составу и уровню социально-экономического развития. Он стал вторым, заключенным после Татарстана договором в истории России, положившим начало формированию принципиально новых отношений центра с регионами. Смысл его состоял в том, что он установил устраивающий обе стороны процесс разрешения возникающих в новых условиях политических и юридических коллизий. Он определил новую структуру отношений Российской Федерации с Кабардино-Балкарией, выработал механизм реализации прав республики, чего не могли добиться регионы в рамках Федеративного договора [10]. Договорным процессом, в целом, было охвачено более 40 субъектов Российской Федерации. Это 72 % территории страны, 52 % населения, 56 % ее экономического потенциала [11]. Политическая власть постепенно перемещалась из центра в республики. Это давало основания

политикам выступать против договорной практики как процесса, разрушающего целостность России. Между тем многие специалисты считали, что договорной процесс при всех его недостатках был единственно возможным методом сохранения федерации. С. Шахрай, принимавший непосредственное участие в процессе разработки и заключения договоров, считал договоры о разграничении предметов ведения и полномочий наиболее эффективным инструментом нормализации и конкретизации взаимоотношений федеральных и региональных властей [12, с. 156].

Таким образом, самый сложный этап становления государственности и суверенитета Кабардино-Балкарии был пройден. В переходный политический период проблема национализма и постулирования этнических ценностей приобрела в Кабардино-Балкарии новый смысл. Общественные движения кабардинцев и балкарцев активно включились в процесс создания своей государственности. В развитии таковой прослеживаются две линии – утверждение приоритетов этнических ценностей, с одной стороны, и приверженность нормам правового общества и толерантности – с другой. Однако все очевиднее становилось, что социально-политические перспективы Кабардино-Балкарии связаны с формированием такой идеологии, в которой были бы обозначены конкретные пути соединения этнокультурных особенностей с задачами построения гражданского общества.

12 декабря 1993 г. был избран двухпалатный Парламент КБР, который приступил к разработке законодательных основ государственного строительства КБР. Политическая система кабардино-балкарского общества подверглась резким изменениям, и к концу 1993 г. была завершена ликвидация системы Советов народных депутатов. Процесс структурной политической перестройки завершился принятием Парламентом республики 21 июля 1994 г. атрибутики государственности – специальных законов о гербе, флаге и гимне КБР.

В ходе реализации федеральной программы «Народы России: возрождение и развитие» как одно из решающих направлений возрождения и развития кабардинской и балкарской наций в республике был подготовлен Закон КБР

«О языках народов КБР», достаточно объективно отразивший реальную языковую ситуацию, и в январе 1995 г. Президент КБР подписал его. По документу три языка – кабардинский, балкарский, русский объявлены государственными. Закон устанавливал, что «на территории Кабардино-Балкарской Республики в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека гарантируется языковой суверенитет личности и языковой суверенитет каждого народа» [13, с. 171].

Становление новых систем государственности в Кабардино-Балкарии нашло законодательное закрепление в новой Конституции республики. Проект Конституции широко обсуждался в печати и был принят на заседании Парламента КБР 1 сентября 1997 г. Принятие Конституции и новой государственной символики логически оформило суверенитет КБР.

Конституция 1997 г. имеет большое значение в общественно-политической жизни республики и стала тем цементирующим стержнем, который объединяет народы Кабардино-Балкарии и Российской Федерации. Что представляет собой государственность КБР по этой Конституции?

По своему статусу она определяется, как суверенное государство, входящее в состав Российской Федерации. Четко представлена схема разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и республикой, как одним из ее субъектов.

По форме правления Кабардино-Балкария – республика с доминирующим положением института президентства в структуре власти. Согласно Конституции главой государства и исполнительной власти одновременно является Президент, которому принадлежит несколько важнейших функций. Он осуществляет все кадровые перемещения, играет роль арбитра в конфликтах между разными ветвями власти, имеет право роспуска парламента и может отправить в отставку правительство, которое сам же назначает.

Главное различие между президентской и парламентской республиками заключается в способе ответственности правительства – кем оно назначается и кому подконтрольно: президенту или парламенту. Конституция КБР 1997 г. устанавливает институт двойной ответственности правительства –

частично перед парламентом и больше перед президентом. Председатель правительства КБР по новой Конституции назначается президентом с согласия парламента, правительство же подотчетно и подконтрольно президенту. Свои полномочия правительство слагает перед вновь избранным президентом, он же принимает (или отклоняет) отставку правительства. В случаях, когда президент не может выполнять свои обязанности, их временно исполняет избираемый вместе с ним вице-президент. Обязанности вице-президента в этот период несколько ограничиваются: он не может распускать парламент, назначать референдумы и т. д.

Высшим представительным и законодательным органом по новой Конституции является Парламент КБР, состоящий из двух палат – Совета Республики и Совета Представителей. Депутаты палат избираются сроком на четыре года. К предметам ведения парламента относятся: принятие Конституции и законов; дача согласия на назначение премьер-министра; назначение на должности судей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего арбитражного суда, принятие решения о проведении референдума об импичменте президента и др.

Исполнительная власть в республике осуществляется Кабинетом Министров (Правительством) КБР. По Конституции Кабардино-Балкарии – это самостоятельный институт, существующий наряду с институтом президентства.

Судебную систему составляют Конституционный Суд, Верховный Суд, Высший арбитражный суд, городские и районные суды. Конституционный Суд дает толкование Конституции КБР, разрешает споры между ветвями власти. Этот орган призван обеспечить конституционную законность наряду с президентом и парламентом – не подчиненный при этом никому из них и, более того, стоящий над всеми, способный дезавуировать и указы президента, и законы, принимаемые парламентом. Остальные судебные органы занимаются уголовными, гражданскими, экономическими и другими делами.

Проведением государственной политики на местах занимаются назначаемые президентом главы местных администраций.

В соответствии с принципами системы сдержек и противовесов ни один государственный орган не является неограниченным в своих полномочиях. Президент может наложить вето на принятый парламентом закон, парламент может подвергнуть президента импичменту; споры между ветвями власти полномочен разрешать только Конституционный Суд.

В главном Законе КБР закреплена основная норма конституционного строя – принцип народовластия. Только воля народа делает власть государства легитимной, правомерной. Народ осуществляет свою волю непосредственно, т. е. через формы прямой демократии, и опосредованно, т. е. через институты представительной демократии. Наиболее важные политические вопросы могут быть решены только референдумом, т. е. самим народом.

По Конституции Кабардино-Балкария является социальным государством. Это означает – политика государства должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь, свободное развитие человека, что предполагает обеспечение социально-экономических и культурных прав.

Кабардино-Балкария является светским государством, где никакая религия не может устанавливаться государственной или обязательной [14].

Конституция КБР 1997 г. стала нормативно-правовым «завершением» процесса государственного строительства и ее целостным оформлением. Демократия, национальная государственность и федерализм – опоры конституционного строя КБР [15, с. 502].

Вследствие расширения прав и полномочий республики появилось Представительство КБР при Президенте РФ. Главная задача Представительства – отстаивание интересов республики в центре, осуществление связей с федеральными, правительственными и хозяйственными органами.

На рубеже эпох, органами власти Российской Федерации была начата работа по укреплению роли федерального центра, созданию вертикали власти. В соответствии с данной концепцией реформирования политической системы в 2000 г. была проведена кардинальная смена принципов вза-

имоотношений между федеральным центром и субъектами Федерации, выразившаяся в проведении административной реформы, изменении принципа формирования Совета Федерации, создании Государственного Совета и учреждении федеральных округов.

С изменением нормативно-правовых условий развития российского федерализма были проработаны принципы договорного разграничения предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами. Существующие договоры были расторгнуты, а новые, о разделении полномочий, после одобрения законодательным органом субъекта Российской Федерации подлежали утверждению в Государственной Думе РФ [7, с. 93].

Анализу и устранению подверглись несоответствия, имеющиеся в конституциях и законах, нормативных и правовых актах республик, краев, областей, городов федерального значения с положениями Конституции Российской Федерации и федеральных законов.

Нововведения конца 2004 г. привели к ряду изменений в системе государственной власти. Согласно проведенной реформе избрание глав субъектов федерации стало осуществляться путем голосования законодательных собраний территории по кандидатуре, предложенной Президентом России; вводилась пропорциональная система выборов в Государственную Думу по партийным спискам.

Проводимые федеральным центром мероприятия затронули все регионы России, в том числе и Кабардино-Балкарию. За короткий срок была проделана значительная работа по приведению республиканских законов в соответствие с федеральным законодательством. В мае 2003 г. Конституционное собрание приняло новую редакцию Конституции КБР, которая соответствует Конституции Российской Федерации [15]. В условиях реализации политики укрепления вертикали государственной власти шел процесс совершенствования государственности Кабардино-Балкарии, формирования гражданского общества и его институтов, утверждения принципов правового государства. В Конституцию КБР были внесены изменения, касающиеся порядка избрания

президента и его отрешения от должности: Президент КБР наделяется полномочиями Парламентом республики по представлению Президента России сроком на 5 лет. Изменялся и порядок формирования парламента республики: состав законодательного собрания стал формироваться по партийным спискам. Таким образом, внесенные в Конституцию КБР поправки отразили начало нового этапа государственного строительства в республике в рамках единой российской государственности.

С 1993 г. Парламент КБР состоял из двух палат – Совета Республики и Совета Представителей. Во второй палате места были распределены по основным национальностям в равной мере. В связи с тем, что Совет Представителей выполнял свою функцию стабилизации межэтнических отношений, с 2003 г. в Кабардино-Балкарии функционирует однопалатный парламент. По Закону о выборах депутатов парламента КБР, принятому в 2008 г., депутаты парламента избираются по партийным спискам. Парламентская демократия в республике вступила на качественно новый этап своего развития.

Важным направлением деятельности руководства республики стали меры по созданию институтов гражданского общества, являющиеся неотъемлемой частью современной российской государственности. В 2006 г. был создан Общественно-консультативный совет при Президенте КБР, главной задачей которого является содействие диалогу между органами государственной власти и институтами гражданского общества. В том же году была создана Комиссия при Президенте КБР по делам национальностей, религий и общественных объединений, которая занимается подготовкой рекомендаций по разработке и реализации государственной национальной политики в КБР взаимодействуя с общественными и религиозными объединениями. Были созданы официальный сайт Президента и интернет-приемная Правительства КБР, обеспечившие прямую коммуникацию жителей республики с высшим руководством субъекта [16, с. 519–520]. Для обеспечения гарантии прав и свобод личности, формирования гражданского общества в респу-

блике был учрежден институт Уполномоченного по правам человека и сформирована Общественная палата. В последние годы проводятся Гражданские форумы, целью которых является консолидация институтов гражданского общества, поиск путей решения важнейших проблем республики.

29 сентября 2011 г. Парламент КБР принял закон «О поправках к Конституции Кабардино-Балкарской Республики». Принятый закон изменил наименование «Президент Кабардино-Балкарской Республики» на «Глава Кабардино-Балкарской Республики». Парламент КБР 29 июня 2012 г. принял закон «О выборах главы Кабардино-Балкарской Республики».

В целом, Кабардино-Балкария развивала и укрепляла свою государственность в составе России и оказалась способной ответить на те вызовы времени, которые поставил перед обществом начавшийся XXI в. Национальный интерес Кабардино-Балкарской Республики – развитие всех атрибутов светского цивилизованного общества в неразрывном единстве с Россией. Иными словами, основной принцип государственного строительства – обеспечение конституционных прав и свобод каждого гражданина независимо от его национальной и расовой принадлежности, вероисповедания и политических убеждений.

Литература и источники

1. Декларация о государственном суверенитете КБАССР. Нальчик, 1991.
2. Качесов Р. Х., Тхакахов В. Х. Политическая регионалистика: социально-политическая система и международные отношения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1997. – 97 с.
3. Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. – 223 с.
4. Докшоев М. И. Главная привилегия – ответственность за других. Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 198 с.

5. Акжиева С. И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). М., 2002. – 448 с.

6. Кабардино-Балкарская правда. 1992. 11 окт.

7. Тетугев А. И. Национально-государственное строительство в Кабардино-Балкарии // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 87–97.

8. Золоторева М. В. Асимметрия в федеративном устройстве России // Вестник Московского университета. Сер. 11; Право. 1999. № 1. С. 74–82.

9. Венков А. А. История исследования эволюции современной модели федерализма в России // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 5. С. 94–97.

10. Договор РФ и КБР «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти КБР» // Кабардино-Балкарская правда. 1994. 8 июля.

11. Российская газета. 1998. 14 фев.

12. Шахрай С. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма // Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 153–157.

13. Закон КБР «О языках народов КБР» // Сборник законов и постановлений Парламента КБР. Нальчик, 1994.

14. Конституция (Основной Закон) Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 1997.

15. Конституция (Основной Закон) Кабардино-Балкарской Республики. В редакции, принятой Конституционным собранием Кабардино-Балкарской Республики 29 мая 2003 года. Нальчик, 2003.

16. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

Раздел II

ЭТНОГРАФИЯ

Поселения и поселенческая культура балкарцев до 20-х гг. XX в. *

Поселения – это место пребывания человека, выбранное на долгое время и оснащенное жилыми и рабочими помещениями, с относящейся к нему площадкой и окружающей его хозяйственной территорией¹. Поселение может определяться как территориально целостный и компактный ареал концентрации населения со всеми необходимыми условиями и оборудованием для жизни, труда и отдыха людей.

Поскольку в дореволюционной Балкарии отсутствовали города, нас будут интересовать сельские поселения. Сельское поселение можно определить как территорию, включающую все необходимые условия и средства для облегчения жизнедеятельности людей, занятых сельскохозяйственным производством².

Рассмотрение сельского поселения предполагает вычленение в нем таких элементов, как жилая часть, хозяйственные постройки, центр, культурно-бытовые учреждения, культовые объекты, оборонительные сооружения и др. Одной из важных характеристик поселения является также численность проживающего в нем населения. В структуре поселений находит свое отражение характер освоения этносом ресурсов среды обитания.

* Вопросы истории. 2021. № 9 (2). С. 216–226 (в соавт. с Х. К. Геграевым и М. И. Барзbieвым).

Образование традиционных балкарских поселений уходит корнями в далекое прошлое. В ходе монгольских завоеваний и походов Тимура большинство уцелевшего населения Центрального Кавказа укрылось в труднодоступных горных ущельях. К XV в. горные ущелья на севере Главного Кавказского хребта стали основной территорией проживания балкарского этноса. Поселения располагались в верховьях рек: Черка Балкарского, Черка Безенгиевского, Чегема и Баксана на высоте от 800 до 2100 м над уровнем моря³. В ущельях вышеназванных рек балкарцы организовали пять самостоятельных феодальных обществ – Балкарское, Хуламское, Безенгиевское, Чегемское и Баксанское (Урусбиевское). Ущелья соединялись между собой системой перевальных троп и дорог, которые были трудны и опасны. Крутые склоны горных хребтов с пересекающими их ущельями, впадины между хребтами, густая водная сеть, значительные лесные массивы и субальпийские дуга – такова вкратце физико-географическая характеристика мест расположения традиционных балкарских поселений⁴. Территория расселения балкарцев представляет собой один из красивейших уголков Северного Кавказа. В очерке о Балкарии известные кавказоведы И. Иванюков и М. Ковалевский отмечали: «Все члены нашего общества были хорошо знакомы с Швейцарией, и все мы соглашались, что таких красот, такого величия природы не найдешь и в Швейцарии»⁵.

В условиях постоянной внешней угрозы население вынуждено было селиться в труднодоступных местах, что позволяло организовать успешную защиту поселений даже относительно небольшими силами. Там, где естественные укрепления были недостаточной гарантией, феодалы строили оборонительные сооружения, крепости и боевые башни. Ранние поселения носили характер родовых поселений.

По мере стабилизации обстановки стали возобладать поселения, лишенные искусственной защиты. Типичными становились хорошо укрепленные поселения, локализованные на пологих склонах горного массива⁶. Более удобные земли в долине отводились под пахотные участки. В визуальной видимости от крупных и лучше укрепленных поселений

создавались более мелкие, т. е. поселения локализовались компактными «гнездами».

Для поселения обычно выбиралась самая широкая часть ущелья, имевшая достаточно условий для занятия скотоводством и отчасти земледелием, т. е. в первую очередь должны были быть учтены хозяйственные нужды: наличие вблизи источников воды, пахотных земель, покосных и пастбищных участков. Как правило, в такой горной долине или котловине имелось много боковых речушек, впадавших в основную магистральную реку. Являясь основным источником питьевой воды, они использовались также для орошения пахотных полей и покосных участков.

При выборе места для поселения его основатели старались придерживаться ориентации на солнечную сторону – «кюнлюм». Все наиболее старинные поселения в Балкарии, такие как Кюнлюм, Мухол, Коспарты, Зылгы, Безенги, Верхний Хулам, Шики, Верхний Чегем и Верхний Баксан, располагались на склонах, обращенных на юго-восток. Они большее время суток находились под обогревом солнечных лучей, чем села, расположенные на несолнечной стороне – «чегет». Отсюда поселенческая антитеза: «кюнлюм-чегет». Вместе с тем выбор солнечной стороны главным образом был обусловлен сугубо хозяйственными соображениями. Так, на солнечной стороне раньше созревали хлеба, а при орошении они давали более высокий урожай. Весной на солнечных склонах раньше появлялась трава, зимой же на них быстрее стаял снег, что позволяло более продолжительный период держать скот на подножном корму⁷.

Одной из отличительных черт старых поселений являлось отсутствие в них главных улиц. Существовало множество узких улочек и тупиков. Улицы, помимо своей непосредственной функции, служили также для прогона скота. Наряду с этим, весной и осенью, в период наибольших осадков, они превращались как бы в своеобразные русла, по которым вода стекала вниз в речку.

Поселения по возможности благоустраивались. Срезы горного склона предохраняли от обвала посредством мощных каменных стен, улицы иногда мостили булыжником.

В случае нехватки питьевой воды к селу подводили водопровод из керамических труб. Археологи обследовали остатки водопроводов в старинных поселениях Чегема и Холама⁸. Водопровод строился по самотечно-гравитационному принципу – от родников и высокогорных притоков рек. Большое внимание уделялось и мерам безопасности. На дальних подступах к поселениям сооружали сторожевые башни, из которых дозорные подавали сигналы друг другу⁹.

В начале XVII в. и на рубеже XVIII–XIX вв. в Балкарии свирепствовали губительные эпидемии чумы и холеры. Остановить их удавалось путем самоизоляции. Поселения закрывались для въезда и выезда. Чтобы не заразить окружающих, больные целыми семьями уходили в склепы умирать, давая, таким образом, шанс выжить еще не заразившимся. Так появились склеповые сооружения – «города мертвых». Это были характерные для позднесредневековой Балкарии наземные и полуподземные сооружения, отличающиеся разнообразием архитектурных форм и способов захоронения. Наиболее известный склеповый некрополь расположен у поселения Верхний Чегем в местности Фардык. Полуподземный склеповый могильник в районе Верхней Балкарии размещался на площади около 10 га. В склепах больным предстояло жить до смерти или излечения. Родные приносили им еду и оставляли неподалеку. Если случалось чудо и человек выживал, то он возвращался домой. Выжившие считались почти святыми, их балкарцы с уважением называли «увидевшие смерть»¹⁰. Моровые болезни уничтожали жителей целых аулов, приводили к резкому сокращению численности населения.

В условиях развитого скотоводства, каждое поселение Балкарии имело специальные сезонные пастбища – летние, весенне-осенние и зимние, куда выводился весь наличный скот. На зимовниках имелись хозяйственные постройки для различных видов скота. Застроенность зимовников была различной и зависела от состоятельности владельцев. Причем зимовники имели тенденцию перерастания в постоянный населенный пункт там, где позволяли условия. Усложнение функций зимовников, увеличение числа построек, все большее уплотнение населения свидетельствовало о развитии как

сельскохозяйственного производства, так и поселения¹¹. На базе сезонных поселений возникли такие новые поселения как Верхняя Жемтала, Бабугент, Лапшута и др.

В XIX в. наблюдалась тенденция постепенного «сползания» поселений балкарцев с высокогорных мест в зону предгорий. После отмены в Балкарии крепостного права (1867 г.) правительственная комиссия выделила участки для 400 безземельных семейств, которые образовали поселения Кашхатау, Кенделен, Нижний Чегем и Хабаз. В 1886 г. в местности Хазна-Тар жители Балкарского общества образовали хутор, впоследствии выросший в поселок Тапшы-Тала. В эти же годы появились поселения Хасанья, Белая Речка и Яникой¹².

Особенностью балкарских поселений XV – первой половины XIX в. является их компактность. В условиях местного рельефа застройка принимала вид ярусного расположения домов, при котором крыша одного дома как бы служила двором для другого, расположенного выше по склону. Следует отметить, что специфика компактно-слитной застройки заключалась в большинстве случаев в непосредственном примыкании домов друг другу не столько по горизонтали, сколько по вертикали. Тем самым можно говорить об определенной корреляции компактно-слитного типа застройки с ярусным расположением домов. Это давало ряд преимуществ оборонительного характера, т. к. позволяло посредством специальных ходов и сообщений передавать оружие и другие предметы, а в случае крайней необходимости люди могли переходить по ним из одного дома в другой без появления на улице. Ярусность имела место не только во взаиморасположении отдельных домов, она предопределяла также вертикальную планировку последних, при которой жилые комнаты находились над хозяйственными помещениями¹³.

Выраженной террасностью построек отличались поселения Черекского, Хуламо-Безенгиевского и Чегемского ущелий. В Баксанском ущелье склоны, на которых располагались села, были более пологими, поэтому поселения здесь имели менее выраженный террасированный характер.

Улицы в поселениях шли серпантинном по склону. Общий вид селения органично вписывался в ландшафт окру-

жающих гор. Несмотря на скученность, улицы и проулки были хорошо спланированы и вымощены. На улицах горных поселений вода не скапливалась, а потому в дождливую погоду на них не было грязи. Проехать по ним можно было и на лошади, и на арбе ¹⁴.

Для поселений, образованных позднее, таких как Кашхатау, Кенделен, Хабаз и др., была характерна более свободная планировка, т. е. не было той скученности жилищ, которая наблюдалась в старинных балкарских поселениях. Объясняется это тем, что они были расположены в основном в предгорьях или же при выходе из ущелий на более или менее ровную местность речных долин ¹⁵.

Точных данных о динамике сети поселений и населения в XV–XVIII вв. нет, имеющиеся же сведения позволяют воссоздать лишь самую общую картину. Достоверные сведения о поселениях появляются во второй половине XIX в. Так, в 1852 г. в Балкарском обществе фиксируется 14 аулов, около 850 дворов и 5250 жителей; в Чегемском – 6 аулов, до 300 дворов и 1825 чел.; в Хуламском – 3 аула, 120 дворов и 750 чел., в Безенгийском – 2 аула, около 100 дворов и 600 чел., в Урусбиевском – 3 аула, 110 дворов и 455 человек ¹⁶.

Более подробные данные о количестве балкарских поселений относятся к концу XIX века. По сведениям, собранным М. З. Кипиани в 1884 г., в Черекском ущелье насчитывалось 18 аулов, 537 дворов и 5008 чел. обоего пола ¹⁷. В Хуламском ущелье было 5 селений, 276 дворов и 2143 чел. ¹⁸ В Безенгиевское общество входило всего два села со 140 дворами и населением 1045 чел. ¹⁹ В Чегемском обществе в 1896 г. насчитывалось 22 поселения, 379 дворов и 4514 чел. ²⁰ В Баксанском ущелье, в Урусбиевском обществе, размещались 23 отселка. Официально в Урусбиевском обществе числилось всего два села – Урусбиевское, или же Верхний Баксан, и Гирхожан (Нижний Баксан), а остальные представляли собой выселки. Данные о числе дворов и количестве населения имеются лишь по этим двум селам. В Гирхожане в 1896 г. числилось 39 дворов и 301 чел., а в поселении Урусбиевском – 301 дворовое место и 2505 чел. ²¹

Сведения о количестве дворов и численности населения в балкарских поселениях в 80–90-х гг. XIX в. говорят о том, что одни из них представляли собой крупные населенные пункты, другие – мелкие, в несколько дворов. Как полагают исследователи, более крупными были старинные поселения ²². Так, в Черекском ущелье преимущественно все поселения являлись более или менее крупными населенными пунктами. Они были образованы разновременно: одни – в древности, другие – до отмены крепостного права. Некоторые из мелких селений представляли собой зимовники ²³, в которых содержали скот и временно жили люди, и лишь впоследствии они стали местом постоянного жительства. В Хуламо-Безенгийском ущелье крупными населенными пунктами были Безенги, Верхний Хулам, Шики и Тотур, которые образовались в древности. В Чегемском ущелье наиболее старинными поселениями являлись Верхний Чегем (Эльтюбю), Булунгу, Думала, Орсундак, Аче, Кам и Жарильги. В Баксанском ущелье выделялось поселение Верхний Баксан (Урусбиево), где среднегодовой прирост населения с конца XIX в. составлял более 5 % ²⁴.

Одной из особенностей балкарских старинных поселений этнограф А. И. Робакидзе считал высокий коэффициент плотности населения и количества дворов в среднем ²⁵.

В XIX – начале XX в. в Балкарии населенные пункты по своей структуре или морфологии делились на полифамильные и монофамильные образования. В Черекском ущелье однофамильными поселками были Башиевский, Глашевский, Темуккуевский, Азаматовский и Аппаевский. В Хуламо-Безенгийском ущелье однофамильным было только сел. Жабоево. В Чегемском ущелье однофамильные поселки, за исключением Геграево, отсутствовали. К 90-м гг. XIX в. здесь появилось много сел, в которых проживало в среднем 2–3 фамилии. В Баксанском ущелье моногенных поселков насчитывалось больше. Здесь к 90-м гг. XIX в. было одно полигенное село – Верхний Баксан (Урусбиево). Остальные, в большинстве своем, представляли собой небольшие однофамильные поселки ²⁶.

«Образование однофамильных поселков происходило в результате выделения отдельных семейств или целой

фамилии и поселения их на постоянное местожительство в зимовниках или хуторах в пореформенный период. Как в первом, так и во втором случае такого рода моногенные села являлись более поздними и не представляли той древней формы, которая основывалась на родовом принципе поселения. Они лишь воспроизводили его древний прототип»²⁷, – пишет этнограф Ю. Н. Асанов.

Во многих старинных балкарских поселениях родственники-однофамильцы в основной своей массе занимали определенный квартал. Принцип этот постепенно начал нарушаться после отмены крепостного права в связи с образованием в предгорьях новых балкарских поселений.

Наиболее полные статистические данные о сети поселений и населении Балкарии относятся к концу XIX – началу XX в. В 1889 г. в 69 поселениях проживало 16 670 чел. Самым крупным из них было сельское поселение Кёнденен с населением 1317 чел. Для Балкарии рассматриваемого времени было характерно увеличение количества сельских населенных пунктов. В 1917 г. насчитывалось 84 балкарских поселения с численностью жителей 26–28 тыс. чел.²⁸ Как видно, количество населенных пунктов с конца XIX по начало XX в. увеличилось с 69 до 84, а численность их жителей – с 16,6 тыс. до 26–28 тыс. чел. За 1889–1914 гг. число сельских поселений выросло на 21 %. Доминировали поселения с ростом людности²⁹. Наиболее крупными стали поселения, образованные во второй половине XIX – начале XX в.³⁰ При этом мужское население преобладало над женским: в период с 1890-го по 1910 г. рождение мальчиков составляло по отношению к рождению девочек в среднем 114 %³¹.

Балкарские поселения до 40-х гг. XX в. были однородны по своему национальному составу. Исключение составляли сел. Ташлы-Тала, в котором наряду с балкарцами жили осетины-дигорцы, и сел. Урусбиево (Верхний Баксан). Здесь помимо балкарцев проживали еще сваны и выходцы из Дагестана³². Смешанный этнический состав балкарских сел не нарушал, однако, единства балкарского народа. Этническое смешение происходило на основе балкарского субстрата и заканчивалось ассимиляцией пришлого элемента³³.

До принятия ислама в крупных и средней величины поселениях имелись святилища и капища, часовни, а после принятия – мечети. Помимо этого, в каждом обществе была центральная мечеть, в которой каждую пятницу жители всего общества собирались на коллективную молитву³⁴. Квартал, где располагалась мечеть, пользовался особым почетом.

Каждый квартал имел ныгыш – небольшую площадь с деревянными сиденьями, где коротали свой досуг мужчины преклонного возраста. Здесь же решались квартальные дела, обсуждались повседневные бытовые проблемы, нарушения принятых правил и т. п. Провинившихся подвергали позорному наказанию – привязывали к «Камню позора» в самом людном месте поселения, и каждый прохожий мог выразить преступнику свое презрение³⁵.

Площадь перед мечетью выступала в качестве центра поселения, служила местом встреч и общения односельчан. На центральной площади проходили и заседания аульного тёре – выборного органа управления сельской общиной, – на которых в средневековые решались все общественные общесельские вопросы³⁶. Новшеством для старинных балкарских поселений было то, что со второй половины XIX в. основным местом сбора мужчин стал двор-площадь при сельском правлении. Аульные правления начали строиться в каждом балкарском обществе в связи с циркулярным предписанием от 10 октября 1868 г. К 80-м гг. во всех обществах были построены сельские управления. То поселение, в котором находилось правление, считалось главным³⁷.

Каждое поселение имело несколько кладбищ. В горных и предгорных селениях они располагались на окраине, часто – на расстоянии до 800 м. Для захоронения знати строились монументальные склепы – мавзолеи (кешене) из хорошо обработанных камней³⁸.

Отличительной особенностью поселений Балкарии является наличие многочисленных (более 60) оборонительных и сторожевых сооружений – крепостей, замков, башен и оборонительно-жилых комплексов. Количество башенных сооружений постепенно убывает с востока на запад, от Черекского к Баксанскому ущелью³⁹.

Боевые башни в прошлом различались по своему назначению. Одни из них были расположены в поселениях или в непосредственной близости от них, другие сооружались на стратегических высотах над поселениями и предназначались для наблюдения за проезжими путями, для подачи сигналов и охраны горных проходов. Башни, находившиеся в черте поселений, нередко соединялись с жилищем переходными мостиками или обносились дополнительно высокими стенами, в результате чего усадьба приобретала черты крепостного укрепления-замка⁴⁰. Поселения, имевшие башенные сооружения, попадали в разряд престижных и в народе существовал даже специальный термин – «кьалалы эл» – «селение с башней»⁴¹. Право сооружать боевые башни принадлежало исключительно феодалам.

В пределах почти того же ареала, где встречаются боевые башни, можно видеть другие маленькие поселения, состоящие из небольших каменных домиков-склепов. Иногда склепы разбросаны по окрестным полям и горам поодиночке, но иногда составляют большие некрополи, настоящие «города мертвых».

Боевые башни, склепы и мавзолеи составляют неотъемлемую часть «пейзажа» балкарских поселений. Все эти сооружения отличаются высоким качеством постройки, правильностью архитектурных форм, умелой кладкой и т. д. Особенно выразительны эти памятники в Черекском и Чегемском ущельях. Подобно церквям в русских деревнях, боевые башни доминируют над селениями балкарцев и организуют их архитектурный облик, придавая цельность и завершенность. Башни, склепы и мавзолеи представляли собой соционормативный компонент феодальной субкультуры.

Степень развитости и наличие культурно-бытовых и производственных объектов в поселениях балкарцев вполне соответствовало уровню социально-экономического развития этноса. В селах имелись небольшие примечетские медресе, а с начала XX в. стали появляться светские школы, дающие необходимый минимум знаний⁴².

Из объектов бытового назначения наиболее распространены были небольшие лавки, в которых продавались бака-

лейные товары. К основным объектам в балкарских селениях относились также кузницы, принадлежавшие конкретной семье, мельницы, число которых в среднем достигало 3–4. На рубеже XIX–XX вв. начали появляться и частные масло-сырзаводы, но их были единицы⁴³.

С 60-х гг. XIX в. в горных аулах постепенно стало налаживаться медицинское и ветеринарное обслуживание. Анализ санитарного состояния поселений, здоровья населения и статистика болезней в Балкарии попадали в медицинские отчеты⁴⁴.

В 80-е гг. XIX в. получило импульс дорожное строительство⁴⁵. Для этого на общественных сходах принимали решение о прокладке путей сообщения для соединения гор с плоскостью, распределяли необходимое количество средств по дворам, заключали договор с подрядчиком.

В условиях местного рельефа благодатные угодья занимали земли, лежащие ниже поселений. Это являлось рациональным вариантом, поскольку в ущельях обычно протекала река, которая служила основным средством орошения земли, а также потому, что вдоль рек находились сравнительно ровные, удобные для обработки земли. Ограниченность земельных ресурсов стимулировала развитие террасного земледелия. Ровные площадки – террасы, удобряли, подводили к ним воду для орошения⁴⁶.

В условиях повсеместного развития скотоводства каждое поселение имело специальные пастбища, дифференцированные по сезонам, – весенне-осенние, летние, зимние, куда выводился наличный крупный и мелкий рогатый скот. Скот практически в течение всего года находился на пастбищах, куда для присмотра за ним выезжала часть мужского населения.

Недра Балкарии богаты разнообразными полезными ископаемыми. Население с давних времен пользовалось месторождениями металлических руд. Свинцово-серебряные руды добывали в Черекском, Чегемском и Баксанском ущельях. В XVII в. о здешних залежах серебряной руды стало известно даже в далекой Москве. Из цветных металлов изготавливали предметы быта и разнообразные украшения,

а из свинца и селитры – пули и порох⁴⁷. В советское время в районе Нижнего Баксана был открыт Тырныаузский горно-обогатительный комбинат, ставший одним из основных поставщиков вольфрама и молибдена в стране.

В балкарских поселениях не было специальных строений для празднеств и общественных зрелищ, но жители умело использовали в этих целях ровные участки земли на окраине поселения или поляны на берегу речки, в лесу.

Балкария славилась богатством уникальных, созданных самой природой достопримечательностей. Прежде всего – это пять из семи пятитысячных горных вершин Кавказа во главе с Эльбрусом и уникальные минеральные источники. Минеральную воду люди использовали для питья в качестве лечебной, а термальные источники – для бальнеологических целей (источник Джылы-Су). После вхождения Балкарии в состав России (1827 г.) поселение Урусбиево в Приэльбрусье стало центром альпинизма для русских и иностранных горно-восходителей и ученых. Именно отсюда они при активном содействии владельческого князя Исмаила Урусбиева и его односельчан-проводников отправлялись для восхождения на Эльбрус и другие вершины Главного Кавказского хребта⁴⁸. Сегодня Приэльбрусье называют «жемчужиной России». Оно является одним из самых популярных международных центров туризма, альпинизма и горнолыжного спорта.

Подводя итог, можно сказать, что на расселение и выбор поселения в Балкарии оказывали влияние природно-климатические факторы, а также социально-политические процессы, происходившие в обществе в целом. Факторы, влиявшие на формирование поселений, можно условно разделить на объективные и субъективные. К объективным следует отнести природно-экологический, социокультурную среду, а к субъективным – сферу сельскохозяйственного производства.

Для балкарских поселений была характерна компактная форма застройки на склонах гор. По зонально-географическому признаку поселения делились на горный и предгорный типы. Последний возник в пореформенный период. Дома были упорядочены по кварталам, преимущественно родственными и родственно-соседскими.

Культурно-бытовые объекты были представлены мечетями, медресе и мануфактурными лавками. Из хозяйственно-производственных объектов следует отметить почти повсеместно имевшиеся мельницы и кузницы. Постепенно происходило строительство новых производственных объектов, в частности, маслозаводов.

Населенные пункты, за небольшим исключением, были однородны по своему национальному составу. При этом мужское население превосходило по численности женское.

Поселения балкарцев в конце XIX – начале XX в. постепенно вовлекались в общероссийскую культурную среду: налаживалось медицинское и санитарное обслуживание, развивались образование и альпинизм, происходило вовлечение в общероссийский рынок.

Примечания

1. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1989. Вып. 3. С. 144.
2. Культура жизнеобеспечения и этнос / Отв. ред. С. А. Арутюнов. Ереван. 1983. С. 111.
3. Абиев М. К. Балкария. Исторический очерк // Мусульманин. Париж, 1911. № 14–17. С. 614.
4. Бернштейн Э. Б. Архитектура балкарского народного жилища. М., 1993. С. 10.
5. Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. СПб., 1886. Кн. 1. С. 555.
6. Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX вв. М., 2006. С. 57.
7. Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976. С. 26.
8. Батчаев В. М. Указ. соч. С. 58.
9. Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970. С. 16.
10. Аргументы и факты. 2020. № 17.
11. Асанов Ю. Н. Указ. соч. С. 103.
12. Там же. С. 24.
13. Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982. С. 162.

14. Кумиезова М. Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик, 2003. С. 8.
15. Асанов Ю. Н. Указ. соч. С. 28.
16. Документы по истории Балкарии (40–90-е гг. XIX в.) / Сост. Е. О. Крикунова. Нальчик, 1959. С. 40, 41.
17. Кипиани М. З. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ. 1884. С. 42.
18. Документы по истории Балкарии... С. 15–17.
19. Кипиани М. З. Указ. соч. С. 43.
20. Документы по истории Балкарии... С. 17.
21. Там же. С. 20.
22. Асанов Ю. Н. Поселения, усадьбы, жилища // В кн.: Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред.: М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М., 2014. С. 201.
23. Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии. Хозяйственные условия поселения // В кн.: Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1964. Вып. 1. С. 193 (на груз. яз.).
24. Зеленская А. Е. Трансформация сети сельских поселений Кабардино-Балкарии (конец XIX – начало XX в.) // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 6. С. 55.
25. Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии. Топография поселения // В кн.: Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1960. Вып. XI. С. 95.
26. Асанов Ю. Н. Поселения, усадьбы, жилища. С. 201, 202.
27. Там же. С. 202.
28. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 257.
29. Зеленская А. Е. Указ. соч. С. 56.
30. Бабич И. Л., Степанов В. В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии (1860–1990-е гг.). М., 2009. С. 38.
31. Геграев Х. К. Этнодемография Балкарии XIX – начала XX в. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2003. С. 25.
32. Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии. Хозяйственные условия... С. 183.
33. Мамбетов Г. Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 81.
34. Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989. С. 86.
35. Кобычев В. П. Города, селения, жилища // В кн.: Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1969. С. 285.

36. Малкондуев Х. Х., Сабанчиев Х.-М. А. Тёре как форма организации управления в средневековой Балкарии и Карачае // В кн.: Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990. Вып. 3. С. 147.
37. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007. С. 345, 346.
38. Абшлеев М. Т. Памятники истории и культуры Балкарии. Нальчик, 2015. С. 69.
39. Мизиев И. М. Указ. соч. С. 16.
40. Кобычев В. П. Поселения и жилища... С. 183.
41. Асанов Ю. Н. Поселения, жилища... С. 30.
42. Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 76.
43. Терские ведомости. 1875. 9 июля.
44. Там же. 1869. 27 авг.
45. Темуккуев Б. Б. Балкарская общественная колесная дорога. Нальчик, 2008. С. 5.
46. Абиев М. К. Указ. соч. С. 587.
47. Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Нальчик, 1991. С. 86.
48. Галачиева Л. А. Развитие альпинизма и горнолыжного спорта в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2012. С. 46–56.

Тёре как форма организации управления в средневековой Балкарии и Карачае *

Глубинные процессы внутреннего развития средневековой Балкарии и Карачая, сопровождавшиеся процессом феодализации у местного населения, породили сложные формы общественного бытия, ряд социальных институтов и немалое число специфических явлений, из которых, вероятно, наиболее любопытным было возникновение и функционирование на протяжении нескольких столетий такого общественного феномена, как Тёре. Он возник в кризисной для народа ситуации, когда выяснилось, какое организационное

* Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990. С. 143–161 (в соавт. с Х. Х. Малкондуевым).

оформление необходимо для того, чтобы сохранить общину и продлить ее существование. Отсутствие централизованной власти и существование феодальной раздробленности обеспечивали побудительный мотив для утверждения определенного политического порядка и формирования союза сельских общин с высшим органом Тёре. В таких условиях Тёре представлял автономный источник саморегуляции общества, единственную централизованную силу, влиявшую на все стороны жизни населения.

Тёре способствовал процессу преодоления феодальной раздробленности и междоусобицы в Балкарии, он являлся символом справедливого порядка в обществе, в трудных ситуациях его санкция придавала законность решениям авторитетных людей, пользующихся всеобщим уважением у народа.

«Тёре» происходит от слова «тёр», которое в карачаево-балкарском языке означает почетное место в доме или святое место в языческих святилищах, мусульманских мечетях. У древних тюрков «священное место – тёр – находилось напротив двери»¹, – замечает С. А. Плетнева. Слово же «тёре», образованное от «тёр», обозначает «святой совет». В Карачае его настолько почитали, что дорогу, по которой ездили в Балкарию на Тёре, называли «Тёре жол» – дорога на Тёре. Исследователь лексики тюркских языков Р. Г. Ахметьянов пишет: «Слова тёре, тёрю – закон, законность; правило, правление; учение; судебное разбирательство есть во всех тюркских и монгольских языках. Значение лица (царевич, принц, знатный, видный, исправник, судья) распространено в западных тюркских языках»². Это измененное значение сохраняется и в карачаево-балкарском языке (тёречи – член Тёре, судья).

Публикации о Тёре малочисленны и отрывочны. Краткие сведения о нем содержатся в работах В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, И. И. Иванюкова, Н. Петрусевича, Б. Шаханова, Е. З. Баранова, опубликованных в конце XIX и начале XX в.³ Весьма ценным представляется исторический очерк М. К. Абаева «Балкария». Автор рассматривает обширный круг вопросов социально-экономической истории Балкарии, дает описание культуры, быта и нравов населения, показыва-

ет, какую значительную роль играл Тёре в народной жизни⁴. Затрагивая этот вопрос, современные авторы во многом опираются на суждение М. К. Абаева. В этом отношении характерна статья Г. Х. Мамбетова «Суды, хеижа, тёре» в первом томе «Истории Кабардино-Балкарской АССР»⁵. В 1980 г. вышла книга К. Г. Азаматова и Х. И. Хутуева, посвященная общественно-политическим взглядам Абаева⁶. В соответствующем разделе исследования они вслед за Абаевым проследили вопросы управления, судостроительства и судопроизводства в балкаро-карачаевских обществах и их выводы являются вкладом в понимание темы⁷.

В данной статье, на основании публикации, документов и полевых материалов, попытаемся показать в общих чертах структуру и функции Тёре.

М. К. Абаев считал Тёре древним судебно-законодательным народным учреждением, правовой принцип которого целиком базировался на обычае (адате)⁸. Реальные политические, общественные и жизненные ситуации давали новые импульсы для его развития и совершенствования, придавали гибкость практике, которая согласовывалась со стилем времени. Так, когда «возникали новые вопросы, не предусмотренные адатами, то Тёре устанавливал новый обычай»⁹. А с усилением влияния ислама в общественной и культурной жизни в Тёре стал заседать кади – духовный судья¹⁰. В завершённой форме Тёре – это высший выборный общенациональный универсальный орган социально-политического и законодательного порядка, регулирующий политическую и общественную жизнь в средневековой Балкарии и Карачае. На Тёре была возложена ответственность за судьбу страны и народа, чьими интересами он и руководствовался. Как верховное собрание и трибунал Тёре обладал известной независимостью и, как отмечают К. Г. Азаматов и Х. И. Хутуев, был вправе ограничить даже власть Олиа – верховного князя Балкарии¹¹.

В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский отмечают, что Тёре не знал строгого иерархического деления. Он состоял из самых лучших и влиятельнейших представителей всех сословий, кроме крепостных крестьян, хотя ясно, что князья в жизни общества играли значительную роль¹². Члены Тёре цени-

лись прежде всего своими личными качествами. Главные качества тёречи – безупречность поведения и суждений, весомость мнения на основе хорошего знания народных обычаев и традиций. Сила тёречи коренилась в его непрекаемом авторитете среди населения как человека высокой честности, сведущего в народных законах и действующего в соответствии с ними и со своим нравственным долгом, в его выборности. По данным опубликованных и полевых материалов, в разные периоды членами Тёре были избраны такие незаурядные личности Балкарии и Карачая, как Со-сран Абаев, Болака Биттиров, Исмаил и Теберди Урусбиевы, Хасан Кулиев, Къаншаубий Ахматов, Жабели Жабелов, Келемет Малкаруков, Трам Трамов, Мусса Басиатов, Жаммот Жаникаев, Таусолтан Газаев, Хаджи-Герий Биджиев, Сюле-мен Эттеев, Идылс Сюйюндуков, Конакъ Жазаев, Тебо Куда-ев, Ислам Гергоков, Мусос Сюйюнчев, Алий-Хаджи Биев, Касболат Созаев, Алий-Мырза Кудаев, Хаджи-Мырза Тау-кенов, Акболат Таппасханов, Бёдене Байчоров, Алий-Хаджи Крымшамхалов, Тутар Гылыев, Ибрагим Эдоков и другие, которые пользовались полным доверием народа. Кроме того, в балкаро-карачаевский Тёре иногда приглашались кабар-динские мудрецы Лиуан Бжихатлоков и Жабаги Казанок, а также ряд представителей дигорских князей Караджауовых.

Выборы в Тёре проходили один раз в семь лет и отличались высокой демократичностью. Каждый аул называл из своей среды пять или семь наиболее достойных людей. Кандидатуры тщательно обсуждались на ныгыппе (сельская площадь, где сходились взрослые мужчины и решали повседневные дела и проблемы, а также проводили свой досуг) и утверждались решениями сельского схода. Избранники общины выбирали из своей среды одного представителя в общеушельский совет или Гитче Тёре – Малый Тёре, как его называли. Подобные советы из девяти человек в прошлом действовали в Баксане, Чегеме, Большой Балкарии, Хуламо-Безенгийском ущелье и Карачае. В свою очередь, Малый Тёре на демократических началах выдвигал одного тёречи в Халкъ Тёре – Общенародный Тёре. Таким образом, этот орган объединял самые известные умы и круп-

ные авторитеты общества, говоря словами В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского, «этих верховных охранителей спокойствия и порядка»¹³.

Кроме того, функционировал Уллу Тёре – Большой Тёре или Верховный Тёре.

Был также Бий Кентеш – Княжеский Совет. Его еще называли Бий Тёре – Княжеский Тёре. Он объединял аристократию великих родов.

О действовавшем в Карачае Тёре информатор Абугалий Узденов рассказывал: «В то время Карачай правил сам собой, устанавливая различные обычаи и правила. Для решения вопросов собирались в ауле Карт-Журт, в почитаемом местными жителями месте. Позже, когда стало здесь три аула – Карт-Журт, Хурзук, Учкулан – собирались в Учкулане, т. к. он находился в середине ущелья. Из трех аулов выбирали по три делегата с тем, чтобы получилось девять представителей. Этот орган назывался Тёре. На нем должны были решать все проблемы, возникавшие в жизни Карачая. Здесь судили в чем-либо повинных людей, убийц и давали определение их действиям».

Собранные по какому-либо важному случаю мужчины-общинники перед Тёре давали клятву-присягу:

Ант этебиз:

Ёлсек – бирге ёлурге!

Къалсакъ – бирге къалыргъа!

Саулай артха турмазгъа!

Тейриге кертичи болургъа!

*Тейрини антын бузмазгъа!»*¹⁴.

Даем клятву:

Если погибнуть – погибнуть вместе!

Если победить, то быть вместе!

Пока живы – не отступать!

Быть верными Тейри!

Не нарушить клятву (именем) Тейри!

В общественной жизни балкарских и карачаевских аулов особое место занимали местные Малые Тёре, в компетен-

цию которых входили вопросы узколокального характера, включая и частнопроводные, а также касающиеся интересов данной субэтнической группы.

В этой связи И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский указали на любопытный факт. «Посредническому суду, или так называемому тѣре турган (предстать перед тѣре), – пишут они, – далеко не подлежат все без различия случаи нарушения чужого права. Подобно осетинам, балкарцы представляют решение споров между близкими родственниками семейным советам, в которых, наряду со старейшинами, заседают и аталыки, или воспитатели. Нецеломудрие девушек, неверность женщин, случаи воровства у единокровных – вот обыкновенно те дела, которые ведаются семейными советами. Причина такого изъятия лежит, очевидно, в желании избежать огласки»¹⁵.

В другой работе М. М. Ковалевского, написанной совместно с В. Ф. Миллером, отмечается, что «если судоустройство и не составляло... исключительного занятия горских князей, как ошибочно полагает комиссия по исследованию сословных прав туземцев, то надзор за выполнением приговоров, самое приведение их в действие всецело входит в круг обязанностей старейшего представителя княжеской династии в ауле. Да иначе и быть не могло в обществе, в котором, благодаря исключительному господству посредничества, приговор сам по себе имел лишь условное значение»¹⁶.

Об особенностях общаульских советов мы частично узнаем из описания Басиата Шаханова: «От заинтересованных сторон зависело по важному делу обратиться, не ездя в Балкарию, к своему Тѣре. Кроме того, в большом ходу были третейские суды...»¹⁷. Далее он останавливается на общественно-социальной роли этих институтов: «Споры о владении, пользовании и распоряжении землей разрешались в существовавших во всех горских обществах судах – Тѣре...»¹⁸.

Если решение местного и Малого Тѣре не удовлетворило истца, то он, как правило, обращался в Общенародный Тѣре.

В отличие от Малых Тѣре, Общенародный Тѣре не был постоянно действующим органом и собирался раз в два-три месяца по мере накопления крупных вопросов, общих для

всех входящих в союз общин, а также в условиях тревожной военной и политической обстановки.

Верховный Тѣре созывался реже: раз несколько лет или в десятилетие, по исключительно важным событиям, которые требовали всестороннего обсуждения и принятия неотложных, решительных мер. В его заседаниях, помимо членов Общенародного Тѣре, как правило, участвовали представители малых советов, иногда присутствовал по приглашению начальник стражников (мыртазакъ) при Тѣре.

Княжеский совет собирался для обсуждения вопросов, касавшихся лишь самих аристократов, а в нужных случаях, чтобы довести до конца принятые на священном Халкъ Тѣре решения. В прошлом такие советы были у Абаевых, Малкаруковых, Урусбиевых, Крымпамхаловых, куда по усмотрению князя приглашались и другие лица. Однако власть княжеских династий, отмечают В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, «не была неограниченной: важнейшие дела решались ими не единолично, а при участии и с совета старейшин»¹⁹.

Члены Тѣре избирались на длительный срок, и каждый из них разделял ответственность за судьбу общины и народа. Они знали, что главным критерием, определяющим положение тѣречи в совете, является благочестие, справедливость и готовность способствовать триумфу истины. Проявление малодушия, других предосудительных действий предопределяло исключение из Тѣре. По устным преданиям, так поступили в прошлом с одним из Байчоровых из Карачая и Айдоболовым из Балкарии, несмотря на их знатное происхождение.

Тѣре имел «мыртазакъ аскер» – отряд специальных стражников, выполнявший особо важные задания совета. Профессор Ф. И. Леонтович писал, что они же охраняли Тѣре в период его работы²⁰. Как уже отмечено, предводитель мыртазаков мог присутствовать на Тѣре только по приглашению и всецело подчинялся его решению. По сообщениям многочисленных информаторов, искусно и преданно выполнял роль руководителя таких отрядов Молла Сотта, житель аула Тузулгу.

Кроме того, при Тёре были еще специальные посыльные и глашатаи, которые оповещали народ и членов Тёре об его заседании. Их называли «Тёре бегеуллери» – «распорядители Тёре».

Когда Тёре рассматривал вопросы судебного характера, сюда приглашались доказчик – айрахчы и судьи – кьади²¹. В качестве адвоката-ёкюля обвиняемый мог нанимать любого человека по своему выбору. Обычно для такой роли подбирали человека авторитетного, честного, с острым умом, который мог бы парировать самые неожиданные вопросы и успешно защитить своего подопечного. В ходе процесса многое зависело от умения айрахчы вникнуть во все тонкости разбираемого дела. Как подчеркивал М. К. Абаев, иногда их удавалось подкупать и они не всегда бывали до конца объективными²². Это подтверждается и полевым материалом. Так, сказитель из п. Былым Шаваев Мажир рассказывает, что во время спора между чегемскими князьями Барасбиевыми и Толгуровыми из-за пахотной и покосной земли Толгьур-Чегет в местечке Гестенти, в роли айрахчы выступил житель Большого Карачая Мусса Батчаев. Он лживо обвинил братьев Толгуровых в незаконных притязаниях на данную землю. После долгого спора и разбирательства было доказано, что в давние времена этими землями владели предки Толгуровых – Крымшамхаловы. И участок решением Тёре был оставлен за Толгуровыми. Особенно хорошо и аргументированно отстаивал свои права на земельные участки старший из братьев – Маил Толгуров²³.

«Ложь и пустословие у них порицается», – писал Н. А. Караулов о балкарцах²⁴. Ложные показания перед Тёре строго осуждались и бросали тень на весь род лжесвидетеля. Поведение общинника, принцип, который лег в основу его поступков или слов, тесно увязывались с честью, понимаемой как моральное право на уважение и общественное признание, приобретая характер нравственного испытания. Отмечая это, Б. Шаханов конкретизировал: «В случае, если спор о границах все-таки возникал, таковой разрешался в судах «Тёре». Как к крайнему средству, по согласию сторон, прибегали к следующему приему: одна из заинтересованных

сторон, обнажив одну из половин своего тела (руку и ногу) произносил клятву (перед Тёре), говоря: «Пусть отсохнет у меня рука и нога, если я покажу границу неправильно». Насколько у населения была сильна вера в святость подобной клятвы, видно из того, что, по словам преклонного старика Тенгиза Сюйюнчева, в детстве он видел безенгиевца Эбу Рахаева с отсохшей рукой, про которого ему говорили, что рука у него отсохла после того, как он обманно провел, дав клятву, границу²⁵.

Доисламские клятвы-присяги, помимо сакральной функции, несли на себе также и определенную социально-общественную нагрузку. Некоторые из них были приурочены к значительным событиям в жизни общества. В них были «детально разработанные ритуальные действия, соединенные со строго заданными словесными формулами»²⁶. Так, информатор Биазиров Барасбий из с. Яникой сообщал, что в прошлом мужчины, давая перед Тёре присягу на верность в выполнении какого-либо важного задания, произносили алгыш (магическую формулу):

*Мен Тёре аллында ант этеме,
Бюгюн боллукъ ишден
Къачмазгъа, артха турмазгъа,
Жашаууму аямазгъа.*

*Я даю клятву перед Тёре,
От дела, которое предстоит сегодня,
Не уклоняться, не отступать,
Не щадить свою жизнь.*

Объясняя особенности этого ритуала, сказитель подчеркнул: «Кто отступался от клятвы-присяги, того называли «ант алдагъан» – «клятвоотступником» и обычно убивали»²⁷.

Полевые материалы свидетельствуют, что на самом раннем этапе своей деятельности Халкъ Тёре проводился в ауле Зылгы Балкарского общества, в помещениях христианских церквей. Позже Тёре собирался либо у семейной башни

князей Абаевых, либо ниже квартала Абаевых на берегу реки Черек Балкарский.

Каждое ущелье и аул Балкарии имели свои места схода. «На этом месте доселе можно видеть несколько камней, слегка видоизмененных рукою человека, на которых и заседали посредники», – пишут В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский²⁸.

В Чегемском ущелье опутимо присутствуют топонимические названия, связанные с Тёре. Так, на площади близ аула Уллу Эль сохранились удобные для сидения камни, которые называют Тёре ташла (камни Тёре). В летнее время здесь собирались члены Тёре для решения насущных проблем. Обычно совет проходил в часовне Байрым. В этой связи следует возразить Г. Д. Чиковани, отрицающему наличие в Балкарии площадей с обработанными каменными стульями²⁹. Как видно, заседания Тёре проходили вне территории поселения. Отметив эту особенность на примере осетинского нихаса, Г. Д. Чиковани замечает: «Место схода третейского суда нельзя было устраивать на самой территории поселения, т. к. до окончательного решения вопроса ход собрания не оглашался»³⁰. Сказанное может быть отнесено к балкарскому Тёре.

М. К. Абаев, подчеркивая особую роль Балкарского общества в истории своего народа, указывал, что все важные вопросы решались в Балкарском Тёре. Поскольку Большая Балкария считалась территорией первых поселений предков балкарцев, ей придавалось особенное значение: здесь заседал Общенародный Тёре, где принимали участие представители из других ущелий Балкарии, а также из Карачая и Дигории³¹. Того же мнения был, в сущности, и Басиат Шаханов: «Особое положение занимало Балкарское Тёре: по всем наиболее важным уголовным и гражданским делам обращались к нему, для чего ездили из других обществ в Балкарское»³². По словам В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского, Балкарское Тёре было еще и высшей апелляционной инстанцией³³.

Следует отметить, что с течением времени, наряду с Балкарским обществом, начало возвышаться и Чегемское общество, и соответственно возросли значение и роль местного Тере. Народная память связывает это со случаем посещения

горских обществ сборщиками дани из Крыма. Информаторы Анзор Акбулатов, Лёкман Атакуев, Къанпаубий Журтубаев, Мухаммад Калабеков, Хизир Кетенчиев, Мажир Шаваев и другие рассказывают, что перед очередным появлением в горах крымцев в Большой Балкарии был созван Тёре с повесткой дня: как найти пути избавления от уплаты дани. Было решено истребить сборщиков дани, а исполнителей назначить по жребию. Еще до жеребьевки представитель Чегема из рода Эбуевых по имени Басиат добровольцем вызвался осуществить это дело, на что было дано согласие. При этом было оговорено, что в случае, если крымцам об этом станет известно и Чегемское ущелье подвергнется нападению, все другие общества совместно выступят в его защиту.

Прежде всего Эбуев распорядился приготовить крепкий хмельной напиток – знаменитое балкарское сыра (пиво). Когда, крымцы появились в Чегеме, старейшины и молодежь гостеприимно встретили их в местечке Ак Топрак. В их честь были зарезаны откормленные бычки и овцы, музыканты играли на сыбызги (свирель) и кынгр кобузе (арфа). Но больше всего «гости» были увлечены великолепным сыра, от которого они постепенно захмелели и начали засыпать. Когда крымцы заснули крепким сном, они все были истреблены, их тела с оружием и вещами были сброшены в глубокие ямы, а кони под покровом ночи переправлены в Баксанское ущелье.

Представители Крыма почти год искали своих людей, но так и не нашли следов их загадочного исчезновения. Долгие разбирательства ни к чему не приводили, после чего Крым прекратил посылать в горы своих людей за сбором дани, а на Тёре было решено относиться к Чегемскому обществу с особым уважением.

Впоследствии чегемцев в Большой Балкарии стали называть «фитначы чегемлиле» – «коварные чегемцы»³⁴.

В честь этого случая было решено отдать должное находчивости и храбрости чегемцев и впредь проводить заседания Общенародного Тёре в Чегемском ущелье, что находит подтверждение в многочисленных полевых материалах.

Заслуживает упоминания и то, что в середине XIX в., т. е. на последнем этапе существования Тёре, жители аулов Уллу Эль, Думала, Булунгу, Ак Топрак, Безенги и Хулам в местечке Донгат, расположенном между аулами Уллу Эль и Думала, построили специальное здание для заседаний Тёре. Развалины этого здания по сей день называют «Тёре жыйылыган юй – «дом заседаний Тёре»³⁵.

Первыми, наиболее достоверными свидетельствами о деятельности Тёре являются надписи на каменных плитах, обнаруженные в 90-х гг. прошлого века в Хуламе. На них одним из первых обратил внимание Н. П. Тульчинский. В 1903 г. он писал: «Несколько лет тому назад в Хуламском ущелье выше селения Скуру, в развалинах башни, нашли два плитовых камня, один большого размера, а другой малого; на большом камне вырезаны арабскими буквами на горском языке слова, которые гласят, что собравшиеся почетные люди (имярек) от крымского хана, из Кабарды и от горцев установили границы горских владений от крымских и русских владений. На другом камне тем же шрифтом и языком начертано, что вследствие спора каракиша Бекмурзы Гиргокова с кем-то (не указано с кем) свидетели: из Баксана Исмаил Урусбнев, из Балкарии Муртазали Биев, из Хулама Султан Шакманов и другие – установили границы владений Бекмурзы Гиргокова. Все это происходило по магометанскому исчислению в 1127 году, т. е. в 1711 г. Стало быть, почти 200 лет назад каракиши считали своей собственностью большие земли и таубии признавали это, что видно из того, что они же, служа посредниками при тяжбах, устанавливали границы чужих нетаубиевских земельных владений»³⁶.

Исследование памятника, проведенное М. К. Абаевым, позволило несколько уточнить содержание текста. Выясняется, например, что надпись на одной из плит посвящена тому, что «спор о границах земель народов малкар, безенги, хулам, чегем и баксан (урусбий), с одной стороны, владений крымского хана, занятых Кабардою, – с другой, решен третейским судом...», в котором, кроме избранных из своей среды представителей, участвовали приглашенные – сванский князь Отар Отаров (Дадешкелиани) и кумыкский Агалар

Хан. В надписи указаны пограничные пункты и помечены день, месяц и год по мусульманскому летоисчислению³⁷.

Упомянув эту надпись, Б. Шаханов отмечал, что на камне отражена суть спора «из-за земель, по которому сделали «Тёре» (так сказано в этой надписи)»³⁸.

В советский период свою интерпретацию большой надписи дал А. Т. Шортанов³⁹. Он полностью привел текст, допустив при этом ряд ошибок. Так, выделяя курсивом слово «тёре», он поясняет его лексическое значение с кабардинского как «тур» (разграничительный знак), тогда как в тексте ясно говорится, что был создан Тёре с целью определения территориальной границы.

Список большой хуламской надписи в настоящее время хранится в фонде ЦГВИА СССР⁴⁰. Вот его содержание: «Перевод с арабского, с камня, найденного в развалинах фамильной башни Гиргоковых, в Хуламском обществе, выше селения Скуру».

«Между кабардинцами, крымцами и пятигорскими (пятью горскими. – Х. Х., Х.-М. С.) обществами возник спор из-за земель. Пять горских обществ – Балкар, Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Горские общества избрали Кайтукова Асланбека, кабардинцы Казаниева Жабаги *, крымцы Сарсанова Баяна, и они сделали Тёре – определили: с местности Татартюп до Терека, оттуда до равнины Кабана, оттуда до перевала Лескенского, оттуда до Жамбаша и на Малку. Верхняя часть принадлежит пяти горским обществам. С Ташлы-Каласы (Воронцовки) до Татартюпа владение крымское. От Таш-Каласы вниз владение русских. Свидетели при этом были: из Крыма Агалар хан, Опчаров Отар; Опчарова доставили горские общества. Писал Абдулкади Халилов. Раджаб (месяц) в последних числах, в воскресенье 1127 г. (1709 г.)».

* Данный памятник является одним из редчайших письменных документов, где упоминается имя Жабаги Казаного. Он служит подтверждением реальности его личности и его участия в данном совете. Интересным представляется и обнаружение в 1961 г. в ауле Улду-Эль тамги Жабаги Казаного⁴¹.

В целом содержание памятника из Хулама и его интерпретация исследователями * позволяют уловить некоторые существенные черты социального строя балкарцев, в общественной жизни которых в прошлом особое место занимал Тёре.

Предметом постоянных забот Тёре были вопросы суверенитета и территориальной неприкосновенности, войны и мира, укрепления дружественных отношений с соседними народами. Эта прогрессивная роль Тёре вырисовывается из описания М. К. Абаева. По его словам, в борьбе за власть один из Айдаболовых уговаривал кабардинского князя Асланбека Кайтукина выступить с войском и покорить Балкарское общество. Готовясь к кампании, Кайтукин решил прежде предложить олию Сосрану Абаеву добровольно подчиниться и стать его данником. Послов Кайтукина правитель Балкарии принял неласково, отправив их обратно со словами: «Если он имеет дело в Балкарии, то может явиться на заседание «Тёре», если же он имеет в виду посетить лично самого Абаева, то может пожаловать в его кунацкую (гостиная); на попытку послов сделать возражение и дать понять, что Кайтукин требует дань, олий строго воспретил им рассуждать и приказал немедленно удалиться и передать его слова Кайтукину»⁴².

Твердость Сосрана Абаева расстроила планы Кайтукина, а явно выраженное миролюбие вызвало у него симпатию, он «завел мирные переговоры с ним, и они заключили союз»⁴³. Достигнутое между двумя правителями соглашение, видимо, послужило основанием для того, чтобы балкарцы пригласили Кайтукина в числе других наиболее представителей людей на заседание Уллу Тёре в 1709 г., как об этом свидетельствует Большая Хуламская надпись.

* Кроме названных работ, см. еще: Лавров Л. И. Этнографические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. М., 1966; Ч. 2. М., 1968; его же. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. С. 82; Байчоров С. Я. Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к болгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 114–139.

Для сложившейся тогда ситуации было характерно, что враждебная позиция стала отходить на второй план, уступив место искусной политике, направленной на сплочение сил перед угрозой мощного неприятеля. Ряд исторических источников проливает свет на политическую деятельность Тёре в этом направлении. Как свидетельствуют документы, в середине XVIII в., когда крымский хан Арслан-Гирей готовился пойти войной на Кабарду, было созвано народное собрание (хаса) Большой и Малой Кабарды с приглашением представителей Балкарии, Карачая и Дигории, «которые в единстве с кабардинским владельцем состоят», как сказано в документе⁴⁴. Во имя общего дела военные отряды балкарцев, карачаевцев и дигорцев выступили против экспансионизма Крыма и в составе кабардинского войска расположились по правому берегу Кубани. Вероятно, это было связано с прямой поддержкой достигнутого на собрании Уллу Тёре взаимопонимания, ибо совместные, организованные действия Балкарии и Карачая, как правило, вырабатывались и санкционировались им. Подобное единение горские народы проявляли и позже. «Вместе с кабардинцами балкарцы в 1804 г. оказали в Кабарде упорное сопротивление большому отряду генерал-лейтенанта Г. И. Глазенапа», – отмечает Л. И. Лавров. На р. Чегем 9 мая произошло большее сражение. Г. И. Глазенап в рапорте Александру I писал, что бой длился с 11 часов утра до 6 часов вечера. «Дрались, – пишет он, – в ущельях большею частью с 11 000 отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осетинами, выбитыми из 12 окопанных аулов»⁴⁵.

Горские народы совместно с кабардинцами оказали также серьезное сопротивление войскам генерала Булгакова, продвигавшимся в предгорные районы Кабарды в 1840 г.⁴⁶ Это было сделано опять-таки по решению Уллу Тёре.

Еще раньше во время волнений 1781 г. в Дигорию на помощь местному крестьянству прибыл отряд балкарцев во главе с Бекби⁴⁷.

В свою очередь, население Дигории и Балкарии принимало активное участие в защите Карачая в период попыток его покорения генералом Эммануэлем в 1828 г. В Чегеме, у

здания часовни Байрым, был собран Уллу Тёре, где представители Балкарии и Дигории решили защитить Карачай от сильной и хорошо вооруженной армии. Следы этих событий сохранились в народной памяти. Один из наиболее интересных вариантов песни «Хасаука», посвященной этим событиям, записал фольклорист М. Ч. Джуртубаев. В ней карачаевцы благодарят отважных дигорских воинов за помощь, оказанную им в битве с войсками генерала ⁴⁸. Другой вариант этой песни был записан в 1981 г. у столетилетнего сказителя Жабелова Муха ⁴⁹. В ней воспеваются единство и сплоченность Балкарии и Карачая в борьбе за свою независимость.

Тёре заседал и по случаю споров со Сванетией, возникавших на почве границ смежных участков в верховьях Баксана и Хулама. На Тёре было решено отклонить земельные притязания сванских князей, вместе с тем прекратить набеги на Сванетию и придать отношениям с ней мирный и добрососедский характер. Часто споры разрешались путем мирных переговоров, и тогда сванские скотоводы получали возможность расположить свои коши в верховьях Хуламо-Безенгийского ущелья ⁵⁰.

Кроме пограничных конфликтов, были земельные споры, связанные с процессом образования и роста феодальных владений, которые не могли не отразиться на деятельности Тёре. Концентрация в руках местных феодалов земли как основного средства производства привела к практике ее отчуждения сначала в границах рода, а затем и за его пределами. Это сопровождалось соперничеством, усилением напряженности между феодалами и даже междоусобной борьбой, крайне осложнявшей внутреннюю жизнь балкаро-карачаевских обществ. Примерами таких открытых конфликтов являются битва чегемцев и малкарцев на реке Джылгы-су, истребление сыновей Малкара Мисакой и Рачикауовых Малкаруковыми, описанные по преданиям балкарцев И. Тамбиевым ⁵¹.

В народной памяти сохранился острый спор между балкарскими князьями в период переселения карачаевцев из верховий Баксана в Кубанское ущелье. Феодалы захватили все освободившиеся земли карачаевских землевладельцев. Верховья Чегема были аннексированы верхнебалкарскими

князьями Абаевыми. В местности Мёлюшкю и сейчас сохранились топонимические названия, связанные с ними – Абайланы баула, Абайланы жайлыкъ и т. д.

Пахотными и пастбищными угодьями Крымшамхаловых в том же Чегемском ущелье, в частности Ара-Боран, Кёк Таш, Гестенти и др., овладели чегемские князья Рачикауовы, Малкаруковы и безенгиевские князья Сюйюнчевы (Урусбиевы). Между ними возник острый конфликт из-за земель Былыма. Его кульминационной точкой стало кровавое столкновение, в которое были вовлечены сванские и кабардинские дружины ⁵².

Устные предания не дают ясной картины о деятельности Тёре в тех сложных ситуациях. Мы склонны полагать, что Тёре принадлежит значительная роль в примирении враждующих родов; он бесспорно оказывал стабилизирующее воздействие на балкарские и карачаевские общества, Тёре часто выступал посредником в отношениях между феодалами и крестьянством. Первоначально более независимый от феодалов, он на заключительном этапе своего функционирования все больше становился проводником интересов социальной верхушки. Так или иначе, Тёре считал необходимым устроить над феодалами несколько процессов, на которых обвиняемым были вынесены смертные приговоры. Об этом ярко свидетельствуют бытующие в народе песни, легенды и генеалогические предания. Так, в Большой Балкарии по тайному решению Тёре были истреблены местные князья Ботапевы, которые пытались ввести и намеревались узаконить здесь право первой ночи.

Аналогичным образом поступили с могущественной патрионимией Хулама – Жабоевых. По рассказам информаторов и потомков самих Жабоевых (ныне они разделены на ряд фамилий: Таппасхановы, Жабоевы, Джабоевы, Акбулатовы, Макитовы, Аккизовы, Таучуковы, Неппеевы, Лапшюковы), их предки игнорировали Тёре и вырабатываемые им каноны. Чашу терпения переполнил исключительный случай, когда, породнившись с одним из кабардинских князей, Жабоевы убили юношу из его рода. Через дочь, которая была невесткой у Жабоевых, об этом стало известно отцу убитого. Акт убийства взбудоражил общину, был собран Уллу Тёре, который

решил уничтожить эту патронимию. Охрана замка Жабоевых была подкуплена. Жители Чегема, Хулама, Безенги, Большой Балкарии совместно с кабардинской конной дружиной почти полностью перебили род Жабоевых. Чудом спаслись от побоища двое мужчин и беременная женщина, спрятавшаяся на дне большого казана. Мужчины образовали фамилию Таппасхановых, а родившийся от той беременной женщины мальчик сохранил за собой фамилию Жабоевых. Как известно, развалины грандиозного замка Жабоевых до сих пор стоят на правом берегу реки Хуламо-Безентийского Черека.

Особая жестокость и бесчеловечность сделали род Рачикауовых чуждым населению Чегема. На Халкъ Тёре решились на физическое уничтожение Рачикауовых. Исполнить это взялся чегемский князь Малкаруков Келемет, хотя при Тёре имелась дружина профессиональных воинов. В сочиненной по этому случаю народной песне поется:

*Ахтуухан улу батыр Келемет
Ахшы ишлерин Тёреде биширди
Жанмырза улу Гелдиреуюк
Жангыз ургъанлай Рачикъау улуну башын тюшюрдю!*⁵³

*Ахтухана сын, храбрый Келемет,
Свои действия в Тёре оговорил.
Жанмырзы сын, Гелдиреук,
Одним ударом снес голову Рачикауова!*

Род Рачикауовых был полностью истреблен. Как поется в песне, от них остались «красивые белые дома» и «молодые женщины, покрывалом закрытые», в том числе и беременная невестка. В Чегемском ущелье по сей день сохранились топонимические названия, связанные с этим родом, и развалины их семейной башни.

Песня о Рачикауовых в некоторой степени помогает уточнить подробности трагедии. Свою миссию Келемет Малкаруков выполнил с помощью Эльбаевых – Тайчыка и Бала, которые у Рачикауовых выполняли роль лазутчиков. В песне есть такие слова:

*Берекет берсин Эльбайланы Тайчыкъ бла Балагъа,
Къан тёгюлдю Гестентиде Рачикъаулары талагъа*⁵⁴.
*Да будет благо Эльбаевым Тайчыку и Бала,
Пролилась кровь в Гестенти, на поляне Рачикауовых.*

Обширные земли Рачикауовых были розданы безземельным крестьянам. Песня заканчивается словами благодарности Тёре, воспеванием победы над жестоким княжеским родом:

*Уллу Тёреге энди ыспас этейик,
Жерсизлеге Ылышкыны * берейик,
Уллу Чегемге Уллу Тёреге жол этдик
Рачикъаулары арты бла думп этдик*⁵⁵.

*Возблагодарим теперь Уллу Тёре,
Безземельным Ылышкы раздадим.
Путь держали мы в Уллу Чегем, в Уллу Тёре,
Рачикауовых всех мы до единого истребили.*

Одна из невесток Рачикауовых, гостившая в это время у своих родственников – Карабутаевых в Дигории, родила мальчика. Когда ему исполнилось 7–8 лет, мать привела его в Тёре и сказала, что этот мальчик из рода Рачикауовых. «Делайте с ним что хотите, – добавила она, – но я была бы рада, если бы Тёре разрешил мальчику жить на земле своего рода – в ауле Думала». На совете было решено отменить дальнейшую месть, взять мальчика под опеку общины, выделить ему пахотную землю и помочь с приобретением скота. Но было оговорено, что он и его потомки не могут претендовать на какие-либо родовые привилегии. Мальчику было дано имя Тууду, что означает «родился». От него пошел потом род Туудуевых.

На ранней стадии развития общины этическая сторона этих действий не шокировала общинников, а воспринималась как должное, в соответствии с логикой кровной мести. Избавление от тирана и его ближайших родственников вос-

* Одна из равнин в Чегемском ущелье.

принималось как созидательный акт, «чтобы впоследствии не было мстителей за кровь родственников»⁵⁶. Вместе с тем Тёре, как видно из работы Е. З. Баранова⁵⁷, принимал меры к устранению самосуда, при котором не делалось разницы между убийством преднамеренным и случайным.

Выше отмечалось, что споры между членами общины разрешали аульные советы, которые были высшей законодательной и исполнительной властью на селе. Касаясь их деятельности, Н. Петрусевиц описывает следующий случай: «В Карачае Исали Эркенов купил у женщины Хаджат Долаевой кусок сафьяна на одни чувяки. Несмотря на напоминания Долаевой, Эркенов долго не платил долг, считая его незначительным. Через семь лет Долаева потребовала долг через Тёре, который заставил уплатить Эркенова за кусок сафьяна три коровы с телками, одну телушку-двулетку и двух баранов с барашками»⁵⁸.

По существующим в Чегеме преданиям, на пастуха Боташа Макитова напал одомашненный тур Малкаруковых и ударом свалил его. Защищаясь, Боташ убил животное, но отказался возместить его стоимость. Малкаруковы предъявили иск в местный Тёре, который решил вопрос в пользу Боташа.

О роли и деятельности Тёре говорят следующие поговорки:

*Сен дау этгенликге, Тёре кесини ишин этер. —
Каков бы ни был твой иск, Тёре решит по-своему.*

*Даучудан дау кьалмаса, тёричиден Тёре кьалмаз. —
Сумел бы истец растолковать свой иск, а за решением судьи
дело не станет.*

*Тёре кесген жерде кьан чыкьмаз. —
Где рассудило Тёре, там кровь не прольется.*

*Тёренни жумушакълыгъы, кьатылыгъы да башчысыны
соруууна кёре болур. —*

*Суровость и мягкость приговоров Тёре зависят от вопросов
его главы.*

*Тёре айтырыкъны билмесенг, Тёреге кирме. —
Если не уверен в решении Тёре, к нему не обращайся.*

*Дуньяда тюзлюк кьуругъан эсе да, Уллу Малкъарда Тёредамы
къуругъанды? —*

*Если на свете и исчезла справедливость, то неужели исчез и
Тёре в Большой Балкарии?*

Народ в этих поговорках отразил сущность Тёре, выразил веру в его действенную силу в общественной жизни. Интересно отметить, что с приведенными поговорками балкарцев и карачаевцев тесно смыкаются по своей сути поговорки ногайцев о Торемзале – съезде народных представителей в Ногайских ханствах в XIV–XVIII вв., где разбирались государственные и некоторые частные дела.

Например.

*Товьреде торынъ бар болса, товьремзалда алып кал.
Если у тебя есть претензии (иск, обвинение) к господам (правителям, судье), то спеши это сделать на Торемзале.*

[Товьре – господин, правитель, судья. Тор – претензия, иск, обвинение, месть. (Любезное сообщение А. И.-М. Сикалиева, ст. научного сотрудника КЧНИИ).]

Перестройка общественной жизни горцев на основе государственного управления и внедрения в горскую деревню царского административного права подорвало политический вес общины и корни общинного управления, с чего начинаются постепенное ослабление и угасание деятельности общенародного Тёре⁵⁹.

Союзы сельских общин, со своей формой организации управления, существовали у всех горских народов Северного Кавказа. Как отмечено в академическом издании, они являются своеобразной формой развития феодализма, возникновение и существование которого было определено историческими и локальными особенностями горной зоны Дагестана и Центрального Кавказа. Вместе с тем, как мы знаем, распространенным типом политического устройства

на Северном Кавказе были феодальные владения, которые также можно разделить на несколько категорий, исходя из того, в какой мере личная власть феодала успела вытеснить, ограничить, приспособить к своим интересам элементы общинного управления⁶⁰.

Таковы некоторые замечания об институте Тёре – высшем выборном органе управления общественной и политической жизни средневековой Балкарии и Карачая, всестороннее исследование которого в историческом и этнографическом плане остается актуальной задачей.

Примечания

1. Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 59.
2. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. С. 98.
3. Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. СПб., 1984. Т. 2. Кн. 4. С. 574, 575; Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы, СПб., 1886. Т. 1. Кн. 1. С. 110; Петрусов Н. Заметки о карачаевских адатах по долговым обязательствам // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 51; Шаханов Б. В комиссию по исследованию современного положения землепользования и землеустройства в нагорной полосе Терской области от землевладельцев Пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области. Объяснение; ЦГА СОАССР, ф. 270, оп. 1, д. 24; Баранов Е. З. В голубом озере // Вокруг света. М., 1913. № 29. С. 469.
4. Абаев М. Балкария. Исторический очерк // Мусульманин. Париж, 1911. № 14-17.
5. Мамбетов Г. Х. Суды, хейжа, тёре // История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 279, 280.
6. Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Общественно-политические взгляды. Нальчик, 1980. С. 56-62.
7. Там же. С. 57, 58.
8. Абаев М. Указ. раб. С. 601.
9. Там же.
10. Там же. С. 590.
11. Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Указ. раб. С. 57.

12. Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 574.
13. Там же. С. 575.
14. Архив КБНИИ, Балкарская фонотека. Кас. № 2 «Б».
15. Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 110.
16. Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 575.
17. Шаханов Б. Указ. раб. Л. 33.
18. Там же.
19. Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 575.
20. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. С. 279.
21. Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 100; Абаев М. Указ. раб. С. 590.
22. Горец (М. Абаев). Горцы Нальчикского округа // Газета «Каспий». Баку, 1900. № 47.
23. Архив КБНИИ. Балкарская фонотека. Кас. № 6 (11).
24. Караулов Н. А. Болкары на Кавказе // Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 149.
25. Шаханов Б. Указ. раб. Л. 22.
26. Бгажноков Б. Х. Адыгские клятвы // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986. С. 82.
27. Архив КБНИИ. Рукописный фонд. Папка № 6.
28. Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 574.
29. Чиковани Г. Д. Один из видов площадей народного схода горского Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1988. Вып. VII. С. 79.
30. Там же.
31. Абаев М. Балкария. С. 593; Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 575.
32. Шаханов Б. Указ. раб. Л. 33.
33. Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 575.
34. Архив КБНИИ. Балкарская фонотека. 1985/II. Кас. № 2 «А».
35. Личный архив Х. Х. Малкондуева.
36. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 169.
37. Абаев М. Балкария. С. 596.
38. Шаханов Б. Указ. раб. С. 60.
39. Шортанов А. Т. Жабаци Казаноко // Предания о Жабаци. Нальчик, 1985. С. 18.
40. ЦГВИА СССР, ф. 1300, оп. 7, д. 177а, л. 83.

41. *Медведева О.* Новые этнографические коллекции музея по Балкарии // Краеведческие записки. Нальчик, 1961. Вып. 1. С. 81.
42. *Абаев М.* Балкария. С. 597.
43. Там же. С. 600.
44. См.: *Налоева Е. Дж.* Документальные данные о Казаноко Жабаци // Жабаци Казаноко. Нальчик, 1987. С. 103.
45. *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария... С. 92.
46. Там же. С. 93.
47. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. С. 184.
48. Архив КБНИИ. Балкарская фонотека. Матер. 1985. п/к № 7.
49. Личный архив Х. Х. Малкондуева.
50. См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 256.
51. *Тамбиев И.* Заметки по истории Балкарии // Революция и горцы. Ростов-на-Дону, 1933. № 8. С. 61, 62.
52. *Абаев М.* Балкария. С. 593; *Лавров Л. И.* Указ. раб. С. 82.
53. Архив КБНИИ. Балкарская фонотека. Кас. 17/16.
54. Личный архив Х. Х. Малкондуева.
55. Там же.
56. *Миллер Б., Ковалевский М.* Указ. раб. С. 568.
57. *Баранов Е. З.* Указ. раб. С. 469.
58. *Петрусевич Н.* Указ. раб. С. 51.
59. *Абаев М.* Балкария. С. 626.
60. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 119.

Хозяйственная жизнь балкарцев в XIX – начале XX в. *

Животноводство. Главным видом хозяйственных занятий балкарцев в рассматриваемое время было скотоводство. Его развитию способствовало наличие прекрасных альпийских лугов и богатых сочными травами пастбищ. Подобно

* Третьи, четвертые, пятые, седьмые Всероссийские историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р. М. Магомедова. Махачкала, 2016. С. 179–183; 2017. С. 6–8; 2018. С. 197–200; 2020. С. 205–207.

другим скотоводческим народам у балкарцев маркером статуса было наличие скота. Им обеспечивалось благосостояние балкарских семей, он составлял неотъемлемую ценность и собственность [1, с. 54].

В Балкарии преимущественно разводили овец, крупный рогатый скот и лошадей. Скот был главным образом местных пород. В горной полосе выработался особый тип малорослой, но сильной горской лошади, хорошо приспособленный к местным условиям. «Сорт балкарской лошади очень хороший, – писал Н. А. Караулов, – она неприхотлива и вынослива... Крепкое небольшое копыто очень цепко, и лошади эти незаменимы в горах» [2, с. 142]. Кроме того, в Терской области были распространены ногайская и казачья породы лошадей, однако балкарцы отдавали предпочтение карачаевской горной и кабардинской породам. Лошадь практически не использовалась в крестьянском хозяйстве, а служила исключительно для верховой езды, военного дела и соображениям престижа. Некоторое место отводилось разведению выючных животных – ослов, которые в горах свободно шли по крутым узким тропам. Скрещивая ослов с кобылами, получали приплод в виде выносливых мулов и лошаков.

Местная порода крупного рогатого скота была малорослая, но молочная. Нетребовательные к кормам животные этой породы быстро набирали вес, давали хорошее мясо и сильных рабочих волов. Выведение балкарского быка, а также местных пород скота другими горцами, этнограф А. И. Робакидзе считает «выдающимся достижением скотоводов горного Кавказа» [3, с. 16].

Из мелкого скота больше всего разводили овец, главным образом карачаевских курдючных, отличавшихся необыкновенной выносливостью. Разведение овец было выподным. Овца давала мясо, молоко, шерсть и шкуры, она менее страдала от болезней и требовала меньше стойлового кормления. Коз было относительно немного. Их держали для молока, пуха и как вожakov овечьих отар.

Существующий материал позволяет определить тенденцию развития скотоводства в Балкарии. В 1866 г. в Балкарии насчитывалось 15 747 голов крупного рогатого скота,

118 273 овцы, 3289 лошадей. Это количество скота приходилось на 10 087 человек населения, составляющих 1455 дворов [4, с. 9].

В 1897 г. в Балкарии имелось: крупного рогатого скота – 46 558; овец и баранов – 223 786; лошадей – 5900 (сюда не вошли лошади поселков Гижгит и Гирхожан). Этот скот был рассредоточен в 2195 дворах с населением 17 529 человек [5, с. 187].

Со второй половины 60-х гг. по конец 90-х XIX в. поголовье овец увеличилось на 89 %. Прирост крупного рогатого скота составил 196 %, а лошадей – 77 %. Ведущей отраслью скотоводства по количеству поголовья было овцеводство, а по темпам роста – крупный рогатый скот. Доминирующее положение овцеводства сочеталось с увеличением удельного веса крупного рогатого скота.

За рассматриваемое время население возросло на 74 %. Животноводство же дало прирост на 127 %. Как видно рост животноводства значительно обгонял рост населения.

Накануне крестьянской реформы количество скота, приходящегося на 100 жителей населения, составляло 423 головы. Принимаемый за 100 %, к концу века этот показатель вырос на 31 % и составил 555 голов. Количество мелкого рогатого скота переведено на крупный в пропорции 5:1, лошади – 1:1. По этим показателям можно констатировать довольно высокий уровень животноводства в Балкарии.

Сравнивая скотоводство в Балкарии с другими округами Терской области, Н. П. Тульчинский устанавливает, что балкарцы «имеют больше скота против Грозненского округа в 1,7 раза, Владикавказского в 3,4 раза, Хасавюртовского в 1,9 раза и Кабарды в 1,5 раза; овец против Грозненского округа в 8,3 раза, Владикавказского 6,6 раза, Хасавюртовского в 3,3 раза и Кабарды в 3,5 раза; лошадей против Грозненского округа в 4,4 раза, Владикавказского в 2 раза, Хасавюртовского в 2 раза и Кабарды одинаково» [5, с. 187].

Скотоводство носило отгонный характер, наиболее целесообразный в условиях высокогорья. На весенне-летний период скот отгоняли на горные пастбища, осенью и зимой содержали на предгорьях и равнине.

В горах скот находился в течение пяти месяцев и в период осенних холодов спускался в предгорные районы. С наступлением холодов скот содержался в зимних кошах, расположенных недалеко от селения.

Перед весенним выгоном формировались отары. Основным принципом их формирования являлось раздельное содержание крупного и мелкого рогатого скота. Принцип выращивания лошадей был табунно-косячный.

Существовала практика найма общественных пастухов для присмотра за общинным стадом. Плата сельским пастухам распределялась между всеми хозяйствами, сообразно количеству присоединяемого скота. Хороший, опытный пастух должен был знать повадки и поведение животных, народную ветеринарию, уметь оценить и правильно использовать пастбищные угодья, отобрать в стаде лучших производителей, ориентироваться в погодных приметах и, конечно, приумножить стадо [6, с. 78].

Богатые общинники образовывали свои собственные коши. При договоре о выпасе скота использовались нормы правового института ортак (испольщина). Бытовали две формы ортака. Суть первого заключалась в том, что хозяин скота предоставлял пастуху стадо овец и коз сроком на пять лет, по истечении которых стадо вместе с приплодом делилось пополам. Определялся также ряд побочных условий относительно павшего скота, зарезанных овец, нарушения условий хозяином или работником. Второй вид ортака предполагал следующее: взявший скот через пять лет возвращал хозяину то же количество скота, а весь приплод от коров и овцематок оставлял себе [5, с. 215].

Крупному скотоводу гораздо выгоднее и проще было содержать свой скот на основе ортачных отношений, чем нанимать специальных работников по уходу и обслуживанию стад за плату.

На летних пастбищах скотоводы располагались на временно устроенных кошах. В течение лета места стоянок менялись несколько раз, в силу чего постоянные помещения не строились. На коше существовал строгий порядок, и все его члены подчинялись старшему и выполняли его распоряжения.

Уход за скотом был делом мужчин, которые здесь занимались изготовлением молочных продуктов. При большом количестве скота в летнее время скапливалось много молока, из которого приготавливали сыр, масло и айран – национальный напиток балкарцев и карачаевцев. Молочные продукты регулярно отвозились в деревню, где преимущественно потреблялись на месте и шли на продажу.

При отгонной форме скотоводства устанавливались широкие хозяйственно-культурные и экономические взаимоотношения с населением горного Кавказа. На пастбищах наряду с обменом и торговлей скотом, горцы обменивались знаниями и опытом ведения хозяйства, делились достижениями в улучшении породы скота, его скрещивании. Кроме того, посредством контактов, установленных на летних пастбищах, балкарские скотоводы принимали участие в осенних ярмарках, устраиваемых в Они, Цагерах и других частях Грузии, где торговали пригнанными с гор скотом и заготовленными там продуктами скотоводства [7, с. 134].

На зимней стоянке скот подкармливался, а в хорошую погоду выгонялся на зимние пастбища. На зимовниках имелись хозяйственные постройки для различных видов скота. Князья и зажиточные крестьянские семьи имели целые комплексы хозяйственных построек. Маломощные крестьяне объединялись в кошевые товарищества [8, с. 94]. Создание кошевых объединений обеспечивало наиболее благоприятный режим использования общественных пастбищ.

К сенокосу готовились заблаговременно и в честь его начала устраивался праздник с жертвоприношением. Страда сенокосения начиналась с августа и продолжалась до середины октября. В организации сенокосения бытовала традиция трудового коллективизма, создавались временные объединения косарей. Их распорядок отличался своей исключительной строгостью и обязательностью [9, с. 159].

У балкарцев для обозначения собственности на скот широко бытовало таврение скота и нанесение ему отличительных меток. Тавро накладывали лошадям, а овец метили на ушах. Порча фамильных тамг рассматривалась как преступление и строго преследовалась.

Со второй половины XIX в. животноводческое хозяйство приобрело товарное значение. На продажу шли часть скота и продукты животноводства. Успешное развитие торговли способствовало развитию предпринимательства. Появляются скотопромышленники – крупные кулаки-скотоводы, которые разводили скот исключительно для рынка. Князья Урусбиевы явились инициаторами улучшения пород скота путем метизации. Зажиточные хозяйства покупали племенных производителей таврической и пивидкой породы. Были достигнуты неплохие результаты в деле улучшения местных пород крупного рогатого скота и лошадей: на выставке в ст. Прохладной в 1900 г. лошади коннозаводчика Н. Урусбиева были отмечены малой серебряной медалью. Такой же медали он и Д. Балкаруков были удостоены за хорошую породу рогатого скота [10].

В конце XIX – начале XX в. в Балкарии большое распространение получило молочное животноводство, связанное с сыроварением. В попытках наладить сыроваренные, маслодельные и кумысные заведения исследователи усматривают новые явления в хозяйственной жизни Балкарии того времени.

Балкарцы и родственные с ними карачаевцы были и остаются одними из лучших животноводов горного Кавказа, причем занимающимися данным видом хозяйственной деятельности наиболее эффективно.

Земледелие и агрикультура. В горной Балкарии не было подходящих условий для значительного развития земледелия, что обусловило специфические формы земледелия, землеустройства и землепользования, а также скотоводческо-земледельческий тип ее хозяйства. По мнению Б. Х. Кучмезова, земледелие балкарцев имело давние традиции, а сама технология земледелия восходит к кобанской эпохе [11, с. 68]. Верхние пределы земледелия в Балкарии достигали 2700 м над уровнем моря.

Балкарские земледельцы практиковали несколько систем полеводства – плодосменную, однопольную, переложно-залежную, элементы подсеменной и паровую. Дореволюционный автор Е. Баранов подчеркивал, что перед удобрением пахота засеивалась овсом, в первый год после удобрения поле занимал ячмень, и затем сеяли пшеницу [12]. При таком подходе одна культура готовила почву для другой и

устранялось истощение почвы, возникавшее в результате посевов однородных хлебных злаков.

В горной местности в условиях нехватки земли часто применяли однопольную зерновую систему, при которой земля распахивалась из года в год. Интенсивная эксплуатация земель требовала внесения большого количества удобрения и орошения.

При переложно-залежной системе земледелия посевы чередовались с парами. После истощения почвы, пашню пускали в «залежь» на пять-семь лет. За это время залежь становилась по качеству равной целине. К этой системе прибегали лишь владельцы больших земельных угодий. С увеличением численности населения срок залежи сокращался и эта система земледелия постепенно превращалась в паровую, когда один из участков земли оставался целый год под паром [11, с. 75].

В некоторых местностях, особенно в лесистом Баксанском ущелье, обширные и красивые леса пали жертвой подсечной системы земледелия. С конца XIX в. над рубкой леса установился строгий контроль, а выжигание участков вовсе запрещалось местными властями. К началу XX в. подсечное земледелие встречалось только в порядке исключения [13, с. 13].

Ограниченность земельных ресурсов стимулировало развитие террасного земледелия. Ценой тяжелого и кропотливого труда на склонах гор устраивались ровные площадки-террасы. Их покрывали слоем чернозема, удобряли, подводили к ним воду для орошения. Титаническая работа по созданию искусственных террас, разбросанных в самых разных, часто в труднодоступных местах, с оттенком восторга и симпатии к трудолюбию балкарских крестьян подробно описана многими авторами. Российский этнограф М. А. Агларов пишет: «Террасирование полей – действительно одно из «чудес света», по грандиозности сооружений и количеству вложенного труда превосходящее многие известные памятники» [14, с. 48].

Из сведений дореволюционных авторов выясняется важная роль удобрения и орошения полей в системе земледелия балкарцев. Ценным удобрением считался куриный помет и очаж-

ная зола, но основным удобрением служил перегнивший навоз крупного рогатого скота и овец. Чтобы скопить органические вещества, скот на ночь загоняли в огороженные участки полей. У балкарцев существовал оригинальный способ подкормки почвы. Запрудив оросительный канал хорошо утрамбованным навозом, они пускали через него навозную эссенцию на поля. Пахоту периодически удобряли через два-три года. Лучшим временем для удобрения считалась весна [5, с. 182].

Балкарцы имели давние традиции орошения и обладали большим искусством в строительстве оросительных сооружений с оригинальными гидроинженерными решениями. Анонимный путешественник писал: «Они (т. е. балкарцы – Х.-М. С.) – высококлассные гидроинженеры, искусству которых могли бы позавидовать многие специалисты» [15]. Вода из рек и ледниковых ручейков по оросительным каналам поступала на поля и высокогорные участки, расположенные намного выше водного источника. Условия местности не всегда позволяли провести их по земле, и тогда воду пускали по специально сооруженным деревянным желобам.

У балкарцев сложилось несколько устойчивых обычаев в отношении ирригации, распределения и пользования водой. Строительство, содержание, очистка, ремонт каналов проводилось сообща, по решению общины, она же регулировала режим водопользования. Орошение начиналось с мая и продолжалось до августа. На этот период выбирали «канавного работника», в обязанности которого входило наблюдение за исправностью главного канала и соблюдение очередности в распределении воды. Вода подавалась в равные сроки пользования подворно. Такой порядок водопользования порождал другой – торговлю водой: те хозяева, которые не имели поливных участков, продавали свою долю воды нуждающимся. В день полива все члены семьи с утра до вечера находились в поле и «в буквальном смысле слова заглядывали во все уголки, производя разные манипуляции над почвой и водой: где нужно, уравнивали почву, строили валы, прокапывали еле заметные канавки, пропускали в разные стороны различной величины струи воды и т. п.» [5, с. 181, 182].

В ходе многовековой земледельческой практики отбирались наиболее рентабельные в условиях гор культуры. Выращивали рожь, ячмень, овес, пшеницу, кукурузу и другие хлеба. Распространение исключительно яровых посевов было обусловлено почвенно-климатической спецификой Балкарии. Ведущее место в посевах принадлежало ячменю. Другой распространенной культурой был овес. Из ячменя и овса балкарцы делали превосходные напитки – домашнее пиво и бозу [16, с. 164]. В предгорных районах кукуруза выращивалась в заметных и все возрастающих размерах. С середины XIX в. начал входить в употребление картофель, заимствованный от русских поселенцев. Новый корнеплод быстро распространялся и к концу столетия становится главным огородным растением.

Возделывание овощей в Балкарии имело меньшее распространение, чем у других народов Северного Кавказа. Причиной было малоземелье, когда каждый клочок земли горец отводил под пашню, оставляя лишь небольшой клин под огород. Возделывали лук, чеснок, редьку, свеклу, морковь, горох, тыквы, огурцы.

Садоводство также имело незначительное развитие. Сады разбивались в защищенных от ветров котловинах и выращивали в них яблоки, груши, сливы, вишни [17, с. 22].

Земледельческий год начинался ранней весной с очистки полей и канав. В основном к севу приступали в конце марта. Сроки посева колебались в зависимости от погоды. Нельзя было посеять рано, т. к. весенние заморозки могли побить всходы. Нельзя было опоздать с посевом – хлеб мог не успеть вызреть. Вначале сеяли культуры с длительным вегетационным периодом или не боящихся заморозков, затем приступали к севу проса, кукурузы, подсолнечника и пр. [18, с. 22].

В период роста хлебов за ними тщательно ухаживали. По словам С. Давидовича, посевы в балкарских аулах чистенькие, «как английский газон» [19, с. 31]. К концу лета уход за посевами сводился в некоторых случаях к их охране от кабанов, опустошавших посевы проса и кукурузы.

Несмотря на тщательную обработку, удобрение и орошение земли урожайность полей была невысокой. По дан-

ным Абрамовской комиссии урожаи ячменя не превышали сам – 4, овса – сам 3–5, картофеля 300–400 пудов [20, с. 42]. Ежегодный сбор хлеба не покрывал потребности населения в продовольствии и его приобретали на ближайших базарах у казаков и кабардинцев в обмен на продукты животноводства [21]. Малоземелье было одно из главных причин периодической нехватки продуктов почти у всех горцев. Земледелие в Балкарии носило мелкий, парцеллярный характер, крупных пахотных владений было мало. По словам Б. К. Далгата, балкарцы своими участками «дорожат как золотом» [22].

Земледелие у балкарских крестьян было пашенным. Орудием пахоты служил деревянный плуг с металлическим лемехом, в который впрягали пару волов. Орудия пахоты изготовлялись местными мастерами, которые, приспосабливаясь к характеру почвы, вводили различные усовершенствования, улучшающие их функциональные качества. Изобретение легкой деревянной сохи с железным лемехом свидетельствует о глубоком знании горцами строения почв и ее особенностей [1, с. 87]. Фабричные орудия в Балкарии внедрялись в предгорных районах, где нужна была более глубокая вспашка. Пашню бороновали волокушей и другими типами бороны. Уборка хлебов производилась в августе, а кукурузы – в сентябре. Время жатвы определялось полным твердением зерна. Жатва производилась косой или серпами местного производства. Хлеб молотили на специально устроенном току. Колосья ровным толстым слоем раскладывали по току, посередине вкапывали столб, к которому привязывали волов и гоняли их по кругу, пока зерно не отделится от соломы [9, с. 146].

Земледельческие культы и празднества (Голлу, Хардар, Гутан, Чоппа, Дауле, Сабантой) занимали важное место в обрядовой жизни балкарцев [11, с. 73, 76]. Сложный и развитый пантеон аграрных божеств свидетельствует о давних земледельческих традициях этноса.

Таким образом земледелие балкарцев на высокогорных плато Центрального Кавказа является уникальным социально-экономическим явлением. Земледелие носило ярко выраженный интенсивный характер. Развитие террасной

системы земледелия и строительство ирригационных сооружений – крупные агротехнические достижения горцев.

Промыслы и ремёсла. Для Балкарии, ввиду ее отдаленности и слабого развития товарно-денежных отношений, был характерен натуральный характер хозяйства: крестьяне полностью обеспечивали внутренний спрос на средства жизнеобеспечения (жилище, орудия труда, одежду и т. п.). Женская часть населения была занята в основном обработкой шерсти, выделкой сукон, производством шерстяных изделий [23, с. 171].

Рассматривая разнообразные отрасли крестьянского кустарного производства по характеру перерабатываемого сырья можно выделить три группы домашней промышленности: шерстяное производство, обработка дерева и металлическое производство. Такова в общих чертах классификация кустарных промыслов Балкарии.

До конца XIX в. Балкария характеризовалась значительным развитием обработки животноводческого сырья, с выделением суконного производства в качестве основной отрасли. Возникновению и широкому распространению этой отрасли производства способствовало развитое овцеводство. Главными центрами суконного производства были Чегемское и Урусбиевское сельские общества. Однако суконное производство в товарных формах было привилегией Урусбиевского и Худамского обществ, изготавливавших «самые лучшие сукна» [5, с. 188].

Кроме сукна горянки изготавливали бурки, войлочные ковры, пляпы и т. д. Бурки, изготовленные в ауле Урусбиево, славились на весь Северный Кавказ [24, с. 187]. Изделия балкарских мастериц расходились по всему региону и поставлялись в Закавказье. В документах зафиксированы три центра шерстяного производства, работавших на рынок: Урусбиевское сельское общество, селения Кёнденен и Кашхатау [25, с. 26–46]. Здесь промыслы служили звеном, связывающим крестьянское хозяйство с рынком.

Свое особое неповторимое слово балкарцы и родственные им карачаевцы сказали в изготовлении узорных войлоков. По технике изготовления, стилю орнамента войлоки

делились на три вида: с вкатанным узором, с аппликацией и инкрустацией.

Из других видов промысловых занятий, связанных с обработкой продуктов животноводства, можно указать на существование обработки овчины, выделки кожи, на которых основывалось шубное и шорное дело. Кожи, овчины и шкуры широко применялись для изготовления бурдюков, ремней, принадлежностей для верховой езды, шитья мужских головных уборов и других изделий, особенно обуви. Изготовление сафьяна и овчинно-шубное производство наибольшее развитие получили в Балкарском сельском обществе [16, с. 149, 198]. Дореволюционные авторы отмечали высокое мастерство балкарцев в выделке сафьяна, яловых и сыромятных кож и изделий из них [16, с. 149; 2, с. 138].

Большое значение в хозяйственной жизни населения Балкарии имели народные промыслы по обработке дерева. Мастера по дереву для каждого изделия применяли разные сорта дерева. Сельские жители предприимчиво и находчиво использовали строевое и поделочное дерево для построек и изготовления средств передвижения, а также ярма, колес. Ступицу колеса делали из березы, спицы – из дуба, а обод в основном из груши и чинара [23, с. 183].

Вся домашняя мебель и значительная часть посуды в Балкарии были деревянными. В селениях были мастера, изготавливавшие деревянные кадки, бочки, ведра, чаши, необходимые в крестьянских хозяйствах. Из половины ствола выдалбливали корыто для теста, вырезали подносы для подачи блюд. Из дерева изготавливали тарелки и ложки для еды. Еда подавалась на круглых низеньких треногих столиках.

Многие изделия мастеров сопровождалась художественной отделкой. Изделия украшали резьбой, геометрическим орнаментом, растительным и зооморфным узорами. Изысканностью форм и декора выделялись деревянные чаши – чанаки, вырезавшиеся из древесных наплывов [26, с. 414–416]. Большим разнообразием отличалась мебель, украшенная резьбой: кровати, сундуки, детские люльки, столики-подносы, шкатулки.

Деревообрабатывающие промыслы обеспечивали балкарских крестьян также и орудиями сельскохозяйственного

труда [2, с. 144]. Для легкого пахотного орудия лучшей древесины считались клен и береза.

Среди сельских ремесленников само население особо важную роль отводило плотникам. Обилие хорошего строевого леса в Баксанском ущелье позволяло возводить добротные жилые и хозяйственные постройки из крупных, массивных брёвен. Во всех селениях встречались мастера по плетению из прутьев корзин для хранения кукурузы в початках, пчелиных сапеток. Изготавливались также плетеные навесы, загоны для скота. Женщины занимались плетением циновок [23, с. 184].

Заметное место в хозяйственной деятельности балкарцев занимала металлообработка, которая находилась на довольно высоком уровне. Развитию этого ремесла способствовала рудоносность мест их проживания. Эта отрасль ремесла представлена двумя направлениями: кузнечным и ювелирным. Среди металлообрабатывающих промыслов у балкарцев наибольшее значение имели кузнечный и оружейный. Балкарские кузнецы и оружейники изготавливали сошники, лемехи, серпы, подковы, топоры, предметы домашней утвари, холодное и огнестрельное оружие [27, с. 99; 2, с. 144]. Мастерами эффективно использовались многие металлы: железо, сталь, медь, свинец, золото, серебро, олово. Кузнечное ремесло у горцев было наиболее ранней формой выделившегося ремесла. Известна специализация кузнечного ремесла, где выделялись мастера по железу, меди, серебру, золоту, т. е. ювелиры.

Балкарцы слыли также мастерами по приготовлению пороха из местного сырья.

Касаясь ювелирного производства балкарцев, В. Я. Тепцов упоминает изготовление дорогих украшений из золота, серебра и меди [16, с. 198]. Мастера-ювелиры в своей работе умело сочетали разные операции по обработке металлов: зернение, чернение, золочение, инкрустацию и т. д. Мастера из Дагестана, который почитался ремесленным центром Кавказа, приносили свой декор в ювелирное дело балкарцев [23, с. 181].

Широкое распространение имело вышивка золотом и серебром, которой украшалась праздничная мужская и

женская одежда. В. Я. Тепцов подчеркивал декоративность, красочность, разнообразие композиционных и технических приемов балкарского златошвейного мастерства [16, с. 156].

В первой половине XIX в. в Балкарии из домашних промыслов переросли в ремесло кузнечное и оружейное дело, изготовление деревянных остовов для седел, а в некоторых сельских обществах – и производство бурок. В рамках домашней промышленности продолжало существовать изготовление домашней утвари, мебели и некоторых деревянных орудий.

Пореформенный период можно считать переломным в развитии промыслов. Рост капитализма вширь и вглубь оказывал значительное влияние на судьбы крестьянского производства, разрушая и сокращая некоторые его отрасли, развивая другие. В конце XIX – начале XX в. оружейное производство потеряло характер специального промысла. «В прежнее время были у балкар хорошие оружейные мастера, но теперь они встречаются очень редко», – писал Н. А. Караулов в 1908 г. [2, с. 138]. Сократилось суконное производство, не выдержав конкуренции с привозными фабричными тканями из российских городов.

Особенность экономического развития Балкарии – отдаленность от больших городов и промышленных центров, – предопределили устойчивость и дальнейшее развитие отдельных промыслов [28, с. 9]. Особенно большой размах получило шерстяное производство. В этой отрасли домашний промысел, перерос в ремесло, рассчитанное на производство для рынка. На ярмарках и базарах Северного Кавказа балкарцы продавали бурки, башлыки, войлочные ковры, шляпы и другие женские рукоделия.

Отмечая связь мелкой крестьянской промышленности с рынком, следует подчеркнуть, что промыслы по обработке животноводческого сырья росли и приобретали товарный характер на основе роста товарного скотоводства. Его рост создавал предпосылки для ускоренного вызревания более развитых форм капиталистического производства. Однако в результате замедленного развития капиталистических отношений в крае, по своей экономической организации крестьянская промышленность осталась на уровне дома-

нуфактурных форм. Во второй половине XIX – начале XX в. шел процесс перерастания домашней промышленности и ремесла в мелкотоварное производство, но не далее [29, с. 68].

Складывание новых социально-экономических отношений способствовало прокладке гужевых путей с гор на плоскость и поставило вопрос о разработке природных ресурсов Балкарии. Оно втягивало сельскую буржуазию в промышленное предпринимательство, в результате чего создавались лесные хозяйства и даже имели место попытки наладить разработку горнорудных месторождений.

Таким образом, крестьянские промыслы балкарцев были высокоразвитыми и во многих отношениях совершенными. В рассматриваемое время крестьянские промыслы существовали в форме домашней промышленности, ремесла и мелкотоварного производства. Каждый шаг от домашнего производства к ремеслу, а от него – к мелкотоварному производству означал известный прогресс, т. к. разрушал натуральное хозяйство, вызывал развитие товарно-денежных отношений и элементов капитализма.

Торговля и торговые отношения. Важную роль в хозяйственной жизни балкарцев играла торговля. Через территорию Балкарии пролегали перевальные пути, связывающие Северный Кавказ с Закавказьем, и все балкарские общества были втянуты в торговые связи с Грузией. Значительная роль в товарообмене между ними принадлежала ярмарке в Цагерах, Рачинскому уезду Кутаисской губернии и Сванетии – крупнейшим торговым партнерам Балкарии в Закавказье. Основными предметами торговли являлись мелкий и крупный рогатый скот, а также разнообразные промысловые изделия – сукна, бурки, башлыки, войлоки и т. п. [4, с. 10]. Постоянная и растущая потребность в них придавала этой торговле большое значение для балкарских обществ. В свою очередь для народов Грузии, в особенности для сванов, торговля с балкарцами была важным источником получения скота и животноводческой продукции [4, с. 10].

Интенсивный товарообмен стимулировал развитие предпринимательской деятельности в торговле в целом. Некоторые предприимчивые балкарцы брали в аренду пастбищные

участки в Рачи и Сванетии, где откармливали «обреченный на продажу скот» и здесь же продавали в период высоких цен, который наступал поздней осенью, «когда переход через горы становится уже невозможным» [16, с. 211].

В пореформенный период получила дальнейшее развитие торговля с Кабардой и российскими губерниями, где балкарцы успешно сбывали свои товары и делали необходимые покупки. Продаваемая продукция включала скот, широкий набор женского рукоделия и ремесленные изделия [17, с. 22].

Во второй половине XIX в. у кабардинцев и казаков было широко развито хлебопашество, а у балкарцев ощущался дефицит хлеба при наличии богатого ассортимента животноводческой продукции, благодаря чему сложились благоприятные условия для широкого обмена на базе сельскохозяйственной продукции. Материалы дореволюционных авторов свидетельствуют о притоке балкарских изделий к казакам и в Кабарду и вывозе оттуда хлеба. В этой связи не безынтересно сообщение Н. П. Тульчинского о том, что жителями балкарских обществ ежегодно для продажи в Кабарду пригонялось много овец [5, с. 188]. Таким образом, можно отметить довольно развитое хозяйственное взаимодействие между народами, связанными с разными типами хозяйства.

Принятая цена за скот была достаточно высокой. Стоимость лошади составляла 30–50 руб., наилучшие продавались по 100–200 руб. Крупный рогатый скот продавался по 10–20 руб., овцы по 2–5 руб. Цена ягнят варьировалась от 75 коп. до 1 руб. 20 коп. [30, с. 142; 16, с. 134]. К концу XIX столетия годовой сбыт скота составлял до 3 тыс. голов крупного рогатого скота и 14 тыс. овец, общей стоимостью до 72 тыс. руб. [5, с. 187, 188].

На вырученные от продажи скота деньги население приобретало необходимые в хозяйстве и быту предметы. Особым спросом балкарцев пользовались русские серпы и косы, огнестрельное оружие новых образцов, металлическая посуда и т. д. [12; 2, с. 144].

Благодаря ярмаркам и базарам, куда приезжали со своей продукцией торговцы из Балкарии, Карачая, Кабарды, Осетии, а также русские, грузинские и армянские купцы,

активно развивались торговые отношения между народами Северного Кавказа. Во второй половине XIX в. ярмарки являлись центрами реализации крестьянской товарной продукции и снабжения населения промышленными товарами российского производства [31, с. 114]. С развитием товарно-денежных отношений северокавказские ярмарки заметно эволюционировали. Традиционно деревня с рынком была связана лишь эпизодически, в новых же условиях были обогатились регулярные торговые связи, из-за чего усилилась роль базаров, которые организовывались еженедельно. Показательны в этом отношении базары Прохладного и Нальчика, где велась оживленная торговля между горцами, казаками и русскими новоселами [32, с. 208]. Во второй половине XIX в. в слободе Нальчик торговля приобретает более оживленный характер. Здесь балкарцы осуществляли не только обычный товарообмен, но и вели довольно прибыльный торг пушниной и другими продуктами охотничьего промысла. Меха пользовались большим спросом у армянских купцов, которые перепродавали этот товар агентам крупных фирм России. Куний мех покупался за 3–6 руб., темно-бурая лисица продавалась по 2–3 руб. Как отмечается в литературе, число продаваемых лисьих шкур достигало 3000 шт. в год, куниц – 500 [17, с. 22]. Упоминается и торговля лесом. Балкарские крестьяне с большим мастерством выпиливали доски, кололи лучину для освещения жилищ и сбывали их в слободе Нальчик. Лесоторговля активизировалась благодаря русским и украинским новоселам, которые остро нуждались в лесоматериалах для строительства построек жилого и хозяйственного назначения [31, с. 116].

Как видно, развитие торговых связей между балкарцами и другими народами Северного Кавказа было взаимовыгодным.

С установлением к началу 80-х гг. XIX в. железнодорожного сообщения Ростов-Владикавказ расширяются непосредственные торговые связи с Россией. В торговле Балкарии с Россией значительную роль играла поставка животноводческой продукции. Балкарцы же покупали у русских купцов и торговцев различные мануфактурные изделия и изделия русской промышленности [31, с. 100]. Важно отметить, что

при этом имел место процесс хозяйственного и культурного взаимодействия.

Развитие торговли на территории самой Балкарии сдерживалось установками этического характера. Как писал о балкарцах В. Я. Тепцов, «всякую торговлю, кроме продажи собственного скота, они презирают... Слово торговец у них бранное слово, злая насмешка» [16, с. 97]. Отсюда понятно, почему внутренний товарный обмен в Балкарии уступал по своим масштабам внешней торговле. Для ведения торгового обмена в Балкарию регулярно наведывались армянские, грузинские и еврейские купцы. Номенклатура привозимых ими товаров включала в основном бакалейные изделия, различные мануфактурные и галантерейные товары. Приспосабливаясь к местным потребностям, торговцы предлагали пользующиеся большим спросом товары, обменивали их на скот, сукно, бурки, войлоки, шерсть, турьи и меховые шкуры, выделанные кожи [16, с. 61]. Скупленный товар в дальнейшем препровождался на крупные ярмарки и базары, где он реализовывался уже на наличные деньги [27, с. 99; 30, с. 140].

О развитии внутреннего рынка свидетельствует большой объем торговли скотом, привлекавшая скупщиков из разных мест, особенно из Грузии. Они, закупив большие гурты скота, перегоняли приобретенное в Рачи и Сванетию [33, с. 100].

Конечно, не могло быть и речи о сколько-нибудь точном соответствии стоимости предметов обмена. В условиях отдаленности Балкарии от торговых центров, неразвитости капиталистических отношений, узости внутреннего рынка, добравшиеся сюда немногие торговцы выступали в роли хозяев торговли, монополистов цен на товары. Расплата за скот и изделия товарами позволяла им устанавливать высокие цены на свои товары, как указывает Н. П. Тульчинский, в 2–3 раза превосходящие рыночные, и одновременно понижать стоимость крестьянских изделий, что, на взгляд того же автора, давало обеспеченные прибыли торговцам на вложенный в процесс обращения капитал.

По всей видимости, то, что иногородние занимали доминирующее положение в торговле, детерминировалось слабостью местных торговцев в экономическом отношении.

Ряды последних пополнялись по мере усиления социальной дифференциации социума.

Рост народонаселения и хозяйства приводил к некоторому увеличению емкости местных рынков. Одновременно несколько усилившееся в пореформенные годы расслоение крестьянства повысило уровень товарности крестьянских хозяйств, расширяя вовлечение населения в товарно-денежные отношения. Обилие сырья и возможность доходного сбыта способствовали развитию торгового направления в крестьянских промыслах [1, с. 199].

С 90-х гг. XIX в. во внутренней торговле Балкарии все большее место начала занимать постоянная торговля в стационарных заведениях. Появление лавок, торгующих мелочными товарами и мануфактурой было связано с определенными сдвигами в товарно-денежных отношениях и с прокладкой колесных дорог в горах Балкарии, которые расширяли возможности контактов [29, с. 68].

Судя по «Статистическим таблицам населенных мест Терской области», для постоянной торговли Балкарии было характерно преобладание мелких лавок – «гильдейских» и «мелочных», как указано в источнике.

Рост стационарной торговой сети предопределил существенные изменения во внутренней торговле. Перемены выразились главным образом в увеличении товарооборота, в повышении удельного веса «фабричного красного товара» в постоянной торговле, доставляемого из промышленных и торговых центров. Отдельные разбогатевшие балкарцы стали открывать мелочные лавки, занимаясь торговлей по документам гильдейских и негильдейских купцов [31, с. 300].

До второй половины XIX в. торговля в Балкарии носила обменный характер. Поскольку скот являлся основной единицей обмена [27, с. 561], это главное занятие населения влияло и на материальную культуру. В 30-х гг. XIX в. на Кавказе была введена единая система русских мер, весов и монет, что явилось важным шагом в развитии денежного обращения во всем регионе. Расширение товарно-денежных отношений во всех сферах хозяйствования горцев в пореформенный период усилило процесс использования денежной массы в сфере

торговли, постепенно вытесняя натуральные отношения [31, с. 124]. Этот факт является одним из показателей уровня развития этноса. Товарно-денежные отношения вносили заметные изменения в материальную культуру, хозяйственный уклад и духовный мир горцев.

Рассмотренные материалы показывают, что для хозяйства балкарцев была характерна его многосторонность: животноводство, земледелие, огородничество, садоводство, домашние промыслы. Описание хозяйственных занятий населения позволяет конкретно представить местную специфичность отраслей сельского хозяйства и материальной культуры.

Литература

1. Сабанчиев Х.-М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии: монография. Нальчик, 1989.
2. Караулов Н. А. Болкары на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1908. Вып. 38.
3. Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1972. № 2.
4. Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3.
5. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5.
6. Усольцев В. В. Преемственность традиционных трудовых навыков у балкарцев // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980.
7. Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии: монография. Тбилиси, 1979.
8. Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев: монография. Нальчик, 1976.
9. Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М., 2014.
10. Сельскохозяйственная выставка в ст. Прохладной // Терские ведомости. 1900. № 112–114.

11. Кучмезов Б. Х. Земледелие у балкарцев // Этнографическое обозрение. 2001. № 1.
12. Баранов Е. Очерки и жизни горских татар Кабарды // Терские ведомости. 1895. № 21.
13. Иванов М. А. В ущелье р. Баксана // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1902. Т. XV.
14. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.: монография. М., 1988.
15. Тюркское племя // Терские ведомости. 1885. № 66.
16. Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис. 1892. Вып. 14.
17. Дроздовский А. И. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области // Медицинский сборник. М., 1870. Вып. 4.
18. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа / Сост. Букретов. Тифлис, 1908.
19. Давидович С. В горах Кавказа // Природа и охота. М., 1893. Окт.
20. Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.
21. Стеблинский П. Путешествие в Балкарию // Терские ведомости. 1896. № 53.
22. Беркут (Б. Далгат). Поездка к Чегемским ледникам // Казбек. 1896. № 31.
23. Кочкаров У. Ю., Шаманов И. М. Промыслы и ремёсла // Карачаевцы. Балкарцы.
24. Марграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства: монография. М., 1882.
25. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Владикавказ, 1890. Т. II. Вып. V.
26. Абдуллаева М. А. Карачаево-балкарская традиционная кулинария: монография. Нальчик, 2014.
27. Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. СПб., 1886. Т. 1.
28. Мамбетов Г. Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии: монография. Нальчик, 1962.
29. Кучмезова М. Ч. Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный пе-

риод // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1967. Т. 25.

30. Леонтьев И. Поездка к Баксанскому леднику // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. II. С. 119–162.
31. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в.: монография. Нальчик, 1965. – 419 с.
32. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу: монография. М., 1874. – 287 с.
33. Крикунова Е. О. Балкария в пореформенный период // Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. С. 99–121.

Пища как компонент культуры жизнеобеспечения балкарцев во второй половине XIX – начале XX вв. *

В комплексе системы жизнеобеспечения любого народа одну из ключевых мест принадлежит пище, которая составляет самую первую и основную жизненную потребность человека¹. Как пишет профессор С. А. Арутюнов «в соответствии разным народам наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд, в традициях пищевого предпочтения или избегания, в организации и ритуале трапез и в других аспектах культуры, прямо или косвенно связанных с пищей, отразилась этническая, культурная и историческая специфичность народа»² и изучение этих явлений имеет большой культурологический интерес.

Цель статьи – анализ комплекса питания балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. При этом нас будет интересовать не столько технология приготовления пищи, сколько пища как явление бытовой культуры этноса.

В питании человека как биологического вида, уже в силу особенностей биохимической организации, присутствуют

* Концепция устойчивого развития науки в современных условиях // Сб. ст. по итогам Междун. научн.-практ. конф. в 6 ч. Стерлитамак, 2017. Ч. 5. С. 47–50; Научные открытия – 2018 // Сб. мат-в XXXVIII Междун. научн.-практ. конф. М., 2018. С. 94–96.

два компонента – животный и растительный. Соотношение и формы сочетания этих компонентов исследователи положили в основу типологической классификации системы питания этноса. Природно-географические условия проживания балкарцев обусловили преимущественно скотоводческий характер их хозяйства. Его развитию способствовали наличие субальпийских и альпийских лугов и пастбищ на северо-восточных склонах Эльбруса³. Разведение крупного и мелкого рогатого скота сохраняло большое значение во все исторические эпохи. В горной Балкарии не было подходящих условий для значительного развития земледелия. Террасное орошаемое земледелие позволяло выращивать в ограниченном количестве рожь, ячмень, овес, просо, пшеницу, кукурузу и другие злаки⁴. Большую часть выращенного скота балкарцы обменивали у кабардинцев и казаков на продукцию земледелия – чаще всего на зерно. Таким образом, продукция скотоводства в значительной степени покрывала недостаток зерновой продукции, ощущавшийся в Балкарии. Потребность в обмене стимулировала развитие скотоводства, придавала ему доминирующее значение в экономической жизни общества⁵. Традиционная культура балкарского народа вписывается в хозяйственно-культурный тип, основанный на разведении крупного и мелкого рогатого скота в сочетании с возделыванием зерновых культур и с использованием получаемых от них продуктов. Однако растительная пища в быту балкарцев была дополнительной по отношению к исконному хозяйственно-культурному типу. Такова, в общих чертах, классификационная схема балкарской системы питания.

Продукты животноводства в балансе рациона питания балкарцев стоят на первом месте. В наибольшей степени это относится к молочным компонентам питания, которые занимают особое положение в традиционной пище балкарцев. Молоко являлось продуктом повседневного потребления. Без употребления молочных продуктов не проходила ни одна трапеза, как рядовая, так и праздничная или ритуальная. Молоко и молочные продукты в Балкарии имели особый, превосходный вкус. Летом весь скот находился на субальпийских лугах, питаясь цветами и лекарственными травами.

Созданные вековой практикой молочные блюда, являлись лучшей пищей для людей всех возрастов, различные молочные продукты обладали питательными веществами и витаминами, необходимыми человеческому организму, причем молочные белки и жиры легко усвояемы⁶.

Основное назначение молочных продуктов у балкарцев – это их употребление в пищу в сочетании с продуктами зернового хозяйства, прежде всего с хлебом. Молоко добавляли в различные мучные блюда, супы и каши. Тесто, замешанное на молоке, надолго сохраняло вкусовые качества мучных изделий⁷. Кисломолочные продукты сопровождали мясные и мучные блюда, добавлялись в супы и каши для улучшения вкуса и питательности.

Молоко получали от коров, овец, коз и буйволиц. В XIX – начале XX в. доили также кобыл. Доеение скота на летовках велось мужчинами. Они же преимущественно занимались изготовлением молочных продуктов. Коров при доме доили женщины. Очень ценились молоко буйволиц и коз. Продукты из них считались наиболее почетными. Питательностью и высоким процентом жирности отличалось овечье молоко. Молоко потреблялось преимущественно в кипяченном виде, потребление сырого молока было ограниченным. Обилие молока давало широкий выбор для приготовления разнообразных молочных продуктов и блюд (более 50 наименований)⁸. Вершиной культуры производства молочных продуктов является айран – превосходный и популярный в народе кисло-молочный напиток. По технологии приготовления, вкусовым качествам и свежести различали до десяти видов этого кисломолочного продукта (жуурт, гыпы, мыстындау, тузлукь айран, мысты айран и т. д.). Секреты производства айрана передавались в семьях из поколения в поколение. Особенно вкусным и престижным считался айран из козьего молока. Употребляли айран с хлебом, лакумами, мамалыгой, бастой, кашей.

Соленым айраном на зиму консервировали мясо в дубовых кадушках. Из айрана готовили приправу для мясных блюд (тузлукь), с добавлением соли, чеснока, черного и красного перца.

Балкария и Карачай – родина кефира. Именно здесь культивировались кефирные грибки (гыпы), вывезенные в начале XX века в Россию⁹. Название «кефир» профессор Э. Э. Керн считал производным от тюркского слова «кеф», что значит «пена», а «кефли» – «бодрый, веселый», откуда кефир – «веселящий»¹⁰. У балкарцев бытовало поверье, запрещающее передачу кефирных грибков в чужие руки, чтобы хозяина не покидало изобилие. Даже соседям они передавались путем ритуального хищения. У гыпы была даже своя покровительница, в честь которой устраивали торжества¹¹. По убеждению, бытующему в этносе, гыпы дает чудодейственную силу, особенно мужчинам¹².

Как отмечено в литературе, добавление в жууурт айран ягод (вишни, смородины, малины), меда и сахара в кухнях тюркских народов, в том числе и балкарцев, подвело предпринимателей Европы к созданию в пищевой промышленности йогурта – айрана с различными добавками¹³. В жару айран разбавляли нарзаном или родниковой водой и получали прекрасный прохладительный напиток, хорошо утоляющий жажду.

Айран не только великолепный напиток, но и лекарство. Еще дореволюционный автор В. Новицкий отмечал, что айран «как лекарство широко применяли при расстройствах желудка, ожогах, различных ядовитых укусах, сильных отравлениях и т. д. Ничего не может противостоять яду змеи, кроме айрана»¹⁴.

Из кобыльего молока балкарцы готовили кумыс. Тонизирующий кумыс славился своими целебными свойствами. Его употребляли как лекарство против туберкулеза и заболеваний желудка¹⁵.

Значимое место в ряду молочных продуктов у балкарцев занимал сыр, который считался таким же необходимым компонентом пищи как хлеб. Сыр готовили из козьего, овечьего, коровьего и буйволиного цельного молока, редко из снятого. Закваска использовалась из сычуга молочного ягненка, козленка или теленка. В Балкарии производили до 13 сортов сыра¹⁶. Готовили их из густого молока, смешанного с парным молоком, из парного молока, из кипяченого и из подогретого молока. Престижны были жирные сыры из овечьего

и буйволиного молока, которые употреблялись с горячим хлебом, пышками и лакумами. Особыми вкусовыми качествами обладали сыры, приготовленные из козьего молока¹⁷. В летний период практически все сыры готовили мужчины на летовках. При большом количестве скота на летних пастбищах скапливалось много молока, из которого готовили сыры, масло и айран. В кошевых условиях коровье молоко предпочитали смешивать с овечьим или козьим. Молочные продукты регулярно отвозились в деревню, где преимущественно потреблялись на месте и шли на продажу¹⁸.

По технологии производства и используемого сырья различали сычужные твердые и полутвердые, творожные или кисломолочные сыры. Различали сыр также по свежести: свежий и созревший сыр¹⁹. Для созревания сыры хранили в деревянных дубовых бочках и бурдюках. Рассольные сыры хранили в крутом рассоле из сыворотки. Чтобы придать приятный вкус и запах в сыворотку добавляли специи – чеснок, перец, тмин, чабрец и т. д. Особенно ценился в народе бурдючный сыр. Для обрядовых праздников готовили жирный сыр с добавлением сливок.

Не очень жирные сыры коптили над дымом, добавляя в костер стебли крапивы, конопли и можжевельниковые ветки. Копченые сыры хранили в бурдюках. Сыры сохраняли также, высушивая на полках из плетня. Они становились твердыми и уже входили в разряд терочных сыров, удобных для потребления в походных условиях²⁰.

Балкарцы верили в магические свойства копченого сыра. Когда ребенок начинал делать первые шаги, между ногами малыша прокатывали сыр, как колесо. Считалось, что ребенок будет ходить так же проворно, как катится сыр. В период весенне-полевых работ копченый сыр надевали на рог рабочего вола, чтобы обеспечить хорошую и ясную погоду²¹.

Путем простого нагревания молозиво превращали в творог. Творожные сыры – продукт, приготовленный без сычужного фермента. Качество такого сыра зависело от процентного соотношения молока и айрана. Эти сыры употреблялись в свежем виде или же служили субстратом для некоторых блюд из теста.

С появлением в конце XIX в. заводских сепараторов, несколько возрос удельный вес сыра из снятого молока. Он был жестким и не особенно популярным в народе, в основном шел на начинку к хычинам.

В конце XIX – начале XX в. в Балкарии большое распространение получило молочное животноводство, связанное с сыроварением. Были открыты первые сыроваренные заводы в Приэльбрусье, на которых приглашенные иностранные мастера наладили производство сыра «на манер голландского и швейцарского». В то же время, народная технология изготовления и способы выдержки балкарских сыров получили признание и одобрение у мастеров-сыроделов²².

Популярным и лакомым молочным продуктом являлись сливки. Встречались два основных сорта сливок – сладкие сырые и топленые пенки. Собранные сливки через несколько суток превращались в сметану. С появлением сепараторов стала производиться и настоящая сметана. Как пища сметана была престижней, чем сливки²³. Сметану и сливки употребляли в свежем виде, добавляли в сдобное тесто, с ними ели пироги, на сметане еще готовили яичницу. Значительная часть сметаны и сливок шла на производство масла.

Наряду с айраном и сыром, масло являлось молочным продуктом самого широкого потребления. Население потребляло масло двух сортов – сливочное и топленое. Наиболее древний способ получения масла – бурдючный. Масло сбивалось и в специальных кадушках – маслобойках. По вкусу, качеству и престижности бурдючное масло было выше. Побочным продуктом маслodelия являлась пахта, употребляемая как жаждоутоляющий напиток.

Свежее масло хранили в бурдюке из кожи козла-кастрата. Для запасаения впрок масло растапливали и хранили в специальных кадках из горной березы²⁴. Масло также хранили в меду. Определенное количество масла заливали медом и тщательно перемешивали. Таким способом продукт хранился длительное время, не теряя вкусовых качеств. Масло широко использовалось для приготовления блюд для гостей и праздничных застолий²⁵.

Молочные продукты в системе питания балкарцев подвергались трем способам обработки – термическому, механическому и ферментационному. Последний способ по роли в формировании ассортимента молочных продуктов стоит на первом месте.

Существовало много примет, связанных с молоком: «Если отдашь один удой коровы другому целиком, то уменьшится удой этой коровы»; «Когда отдавали молоко, то наливали его, используя другую посуду»; «Если молоко отдашь сырым, то богатство твое уйдет»; «Если отдашь чужому закваску для приготовления айрана, то молоко испортится». По мнению профессора М. Б. Кетенчиева, эти приметы ориентировали горца на то, чтобы всегда оставлять про запас то или иное количество продукта. А самое главное, прежде чем отдать кому-либо, продуктом необходимо воспользоваться самому²⁶.

Высокий статус молочной пищи отразился даже в толковании сновидений балкарцев. Считалось, что видеть во сне айран, молоко или другой молочный продукт – это хорошо²⁷.

В обыденной пище балкарцев к молочным продуктам по престижности приравнивались мясо и блюда из него. Мясо и мясные блюда являлись повседневной пищей, занимали ведущее место в праздничных и ритуальных трапезах. Молочные и мясные продукты взаимосвязаны и представляют собой наиболее релевантные звенья одной пищевой цепи. «У не имеющего в бочке молочных продуктов, нет вяленого мяса и на чердаке», – гласит народная поговорка²⁸.

Для балкарцев было характерно потребление мяса домашних животных (крупного рогатого скота, овец, коз) и таких птиц как курица, индейка, утка, редко гусь. Охота была древнейшим занятием балкарцев. Охотились главным образом на косуль, туров, оленей, серн, реже на медведей, волков, лисиц, кунниц, зайцев, барсуков и на птицу – дроф, куропаток, горных индеек. Целью охоты было добыча мяса для пищи и пушнины. Способ получения мясной пищи через охоту или животноводство существенно не влиял ни на качественный состав получаемого мяса, ни на удельный вес его в общей системе питания. Мясо диких животных и

птиц являлось сезонной пищей. Из него готовились те же блюда, что из мяса домашнего скота и птицы ²⁹.

Мясо хищников в пищу не употребляли, шкуры и меха зверей шли на изготовление одежды, на обмен и продажу. На зайцев и барсуков охотились для лечебных целей, из их внутренностей готовили лекарства. Употребление мяса кабана и свинины магометанам было запрещено Кораном. По суеверным соображениям избегали есть также крольчатину ³⁰.

Убой и свежевание туши производил мужчина. Он должен был знать мусульманский обряд и уметь разделять тушу строго по суставам. В основном использовалась баранина, говядина, козлятина и, отчасти, конина. Тщательно был разработан ритуал и порядок разделки туши на определенные порции. После расчленения из туши барана получалось 12–14 долевых частей и до 20 паев.

Каждая кость имела свое назначение и по престижности занимало свое особое место. Почетными порциями считались голова, лопаточная часть, тазовые, локтевые, бедренные и коленные кости ³¹. Почетными считались также кости из позвоночника, что расположены ниже почек.

По своей престижности, говядина уступала баранине. На уровне баранины ценилось и мясо горного козла и косули ³². Суперсакральным у балкарцев было угощение гостя мясом молочного ягненка или козленка.

В обработке и приготовлении мясных продуктов выделялись такие основные способы приготовления блюд, как варка, жарение на углях, жарение на жировом субстрате и специфические способы консервации – вяление, сушка, копчение, посол ³³.

В большом количестве потребляли вареное мясо. Говядину варили большими кусками, а баранину – разделанную по суставам. Сваренное мясо ели руками, макая в тузлук или чесночный соус, с хлебом, лакумами и картофелем.

У охотников и пастухов был особый способ варки мяса, представляющий историческую и этнокультурную ценность. На охоте или на пастбище, далеко от кошары, когда под рукой не было посуды для приготовления еды, в тщательно

промытую брюшнину складывали очищенное от костей и нарубленное небольшими кусками мясо, наливали воды и плотно завязывали. Разгребали костер и в раскаленный центр клали брюшнину с мясом, а вокруг продолжали разводить огонь. Сваренное таким способом мясо было нежным и вкусным ³⁴.

Престижной пищей была кьюурма (тушенка). Готовили ее из баранины и козлятины. Мясо хорошо проваривали в казане, затем отделяли от костей, засыпали в деревянные кадки или бурдюк, добавляли соль, чеснок, лук, перец и заливали курдючным жиром. В таком виде мясо долго хранилось и в употреблении было удобно: брали по мере необходимости и разогревали в казане. Гарниром для кьюурма были картофель, чуреки, пшенная каша (баста). Приготавливали из него жаркое, рагу ³⁵. Очень престижным считалось мясо ягненка, сваренное в молоке. Супы из птичьего мяса считали лечебной пищей.

Вареное мясо обязательно запивалось бульоном – шорпа. Соусом для шорпы являлся тузлук.

Широко употреблялось и жареное мясо – шашлык, название которого происходит от слова шаш, т. е. вертел. Различается несколько видов шашлыка: мясо кусками на вертеле; шашлык из ребер; мясо, жаренное на сковороде; мясо, жаренное в казане; жареная спинка; шашлык из вяленого мяса; шашлык с кровью; шашлык из вареного мяса; шашлык из рубленого мяса и др. ³⁶ В качестве маринада обычно использовали айран. Одним из лакомых шашлыков был жалбауур из свежей печени, зажаренный на внутреннем жире только что разделанной туши барана. В праздничные дни и на свадьбах тушу бычка или барана варили или жарили целиком, т. е. готовили «уча». В ритуальных целях при разделе туши барана вырезали небольшой кусок грудинки и жарили на вертеле. Этот шашлык предназначался тому, в честь кого заклали животное ³⁷. Жарение мяса на углях в отличие от других кулинарных приемов являлось исключительно мужской прерогативой. Жареное мясо ели с тузлуком. Шашлык – самое лучшее угощение для гостей.

Балкарцы широко практиковали заготовку мяса впрок. Для этого использовали баранину, говядину и козлятину. Мясные заготовки производили осенью, когда живность становилась исправной. Это нашло отражение в народном календаре. Балкарцы октябрь называли «эт ай» букв.: «мясной месяц»³⁸. В этом месяце спадала жара, что было важно для вяления и сушки мяса. Для сушки тушу резали на шесть частей или разделяли пополам. На продажу тушу барана сушили или коптили целиком. Говядину сушили и вялили разрезав на тонкие куски³⁹. Умение распластать мясо на тонкие пласты, не отделяя от костей, было целым искусством. Особо ценилось сушенное на ветру мясо. В нем практически сохранялись все витамины и питательные свойства⁴⁰.

Коптили мясо на небольшом огне на специальном плетне. Чтобы получить идеальный вкус использовали березовые и грабовые поленья. Для аромата подкладывали подсушенную траву конопли, крапивы и можжевельниковые ветки.

Вяленое, копченое и сушеное мясо жарили на вертеле, варили, употребляли с кашами из различных злаков⁴¹. Эти виды мяса служили также дорожной, походной едой.

Солили мясо в бочках. Соленый сбой – голову и ноги – крупного рогатого скота также заготавливали впрок, используя рассол из сыворотки. Это кушанье было престижной частью балкарского застолья⁴².

Из внутренних органов скота заготавливали в большом количестве колбасы разных видов – сохта, жёрме, кыйма. Весь зимне-весенний период сушеное мясо и колбасы были главным компонентом различных блюд и супов.

Обязательной заготовкой на зиму считался вытопленный жир. Каждый вид животного жира топили отдельно. Козий жир применяли в народной медицине как лекарство. Наиболее престижный курдючный жир употребляли для приготовления и выпечки праздничных блюд⁴³.

Заготавливали впрок и мясо птицы – куриное, индюшачье, гусиное. Сушили, солили и коптили птицу так же, как и мясо.

Как видно, большинство мясных продуктов у балкарцев было рассчитано на непосредственное потребление и в то же

время значительное место занимали специфические формы снеди, рассчитанные на длительное хранение.

Основная масса растительного компонента пищи в традиционной балкарской культуре получалась через земледелие. По характеру культурных растений выделяются зерновые и незерновые подтипы. В рационе балкарцев среди земледельческих продуктов преобладали зерновые. В ходе многовековой земледельческой практики отбирались наиболее рентабельные в условиях гор зерновые культуры. Выращивали рожь, ячмень, овес, пшеницу, кукурузу и другие хлеба. Пшеница из-за климатических условий возделывалась в ограниченном количестве и большей частью приобреталась у кабардинцев и казаков в обмен на скот и продукты животноводства⁴⁴.

Зерно перемалывали в муку, употребляли в пищу в обжаренном виде. Помол зерна производили на ручных и водяных мельницах, для очистки шелухи использовали ступы. Ряд блюд готовили на масле, разбавляли в молоке или воде, варили различные каши. Особым способом обработки зерновых продуктов выступает печеное тесто. Разными были как состав теста (пресное, кислое, слоеное), так и методы выпечки (в горячей золе, на углях, шиферных плитах, на сковороде). С появлением кислого теста к термическим и механическим способам обработки зерновых продуктов добавляется ферментационный. Другой путь ферментации – это проращивание зерна для получения солода. Результатом этой инновации явилось возникновение хлебных солодовых напитков – бозы и пива (сыра).

Зерновые употреблялись круглый год и все виды включались в повседневную пищу в сочетании с молочными продуктами, мясом домашних животных и дичи. Этнограф Б. Х. Кучмезов обратил внимание на то, что ассортимент мучных блюд у балкарцев был намного шире, чем мясных, они преобладали и в списке ритуальных блюд⁴⁵.

Из зерновых самой престижной была пшеница. Все обрядово-праздничные, свадебные и похоронно-поминальные блюда приготавливались из пшеничной муки. Она наиболее полно отвечала потребностям традиционной балкарской

кухни ⁴⁶. Наряду с пшеницей довольно широкое распространение в интересующий нас период получила кукуруза. Соответственно упала в питании доля проса, ржи, ячменя.

Наиболее древним видом принято считать хлеб из пресного теста ⁴⁷. Готовили его из всех видов муки – ржаной, просяной, ячменной, пшеничной, кукурузной. Нередко хлеб пекли из двух разновидностей муки. Часто к пшеничной примешивали ячменную или кукурузную муку. С середины XIX в. просяной хлеб вышел из употребления, наиболее популярным стал хлеб из кукурузной и пшеничной муки. Закваской служили парное молоко, айран, сыворожка, хмель. Со второй половины XIX в. стали употреблять принятый в России пышный дрожжевой хлеб ⁴⁸. С этого времени пресные чуреки стали вытесняться лепешками с добавлением соли. К соли отношение было почти сакральное.

По размерам, форме и рецептам приготовления теста, выпекаемый балкарцами хлеб можно разделить на лепешки (гыржын), пышки (поттю) и дрожжевой пышный хлеб (кёпген ётмек) ⁴⁹. Форма хлеба зависела от состава теста (пресное или заквашенное), вида муки и от хлебопекарного устройства.

Местом приготовления пищи служил очаг в жилище ⁵⁰. Важнейшими элементами очага являлись приспособления для установления посуды, а также шиферная плита или гладкий плоский камень для печенья хлеба ⁵¹. Наблюдательный русский офицер В. Швецов отметил выпечку балкарцами хлеба в горячей золе и в специальном устройстве «ямного» типа – тандыре ⁵². С появлением в обиходе сковороды при выпечке на тесте насакали геометрические узоры, в основном квадраты и ромбы. Такой хлеб легко ломался руками. Резать хлеб не разрешалось, поскольку ему приписывали магические свойства ⁵³. В начале XX в. получают распространение русские печи и хлеб стали выпекать на сковороде. Этот способ является привносным в балкарской культуре.

Наиболее распространенными мучными изделиями после хлеба считались тонкие пироги – знаменитые балкарские хычины с разнообразными начинками и способами приготовления (печенные, жареные). Хычины были круглыми.

Тесто месилось вначале из ячменной, а позже только из пшеничной муки. Начинкой служили мясо (говяжье и баранье), сыр, творог, курдючный жир с добавлением лука, чеснока, черного перца и листочков дикорастущих трав. Весной и летом начинка состояла из молодых листьев свеклы, крапивы, конского щавеля; осенью и зимой – из варенной картошки, тыквы, капусты ⁵⁴. Улучшали вкус начинки добавлением сыра или творога. Самым престижным видом хычина был мясной (эт хычин) ⁵⁵.

Хычины выпекались на все торжества, религиозные и календарные обряды, при приеме гостей. Готовые хычины смазывали маслом, складывали один на другой и подавали на стол в горячем виде разрезав крестом на четыре части. Равносторонний крест у древних тюрков означал четыре стороны света и являлся символом солнца. А каждый кусок хычина символизировал четыре времени года. «Хычин, как визитная карточка народа, представляет собой самое яркое мучное блюдо балкарцев, широко известное за пределами их территории», ⁵⁶ – заключает профессор М. Т. Абшаев.

У балкарцев много мучных изделий, жаренных в масле. Из дрожжевого теста, с добавлением молока, яиц, масла, меда или сахара жарили лакумы треугольной и ромбовидной формы. В этом, как и в орнаменте балкарских войлоков, можно усмотреть стилизацию древнего астрального знака ⁵⁷. По составу компонентов, лакумы представляли собой своеобразные печенья ⁵⁸. Их употребляли с молоком, айраном, сметаной, калмыцким чаем. Лакумы являлись обязательным элементом поминальной трапезы. Ими кормили тех, кто приходил разделить горе, раздавали соседям ⁵⁹.

Из сдобного и тонко раскатанного теста пекли трубочки – чыкьыртла. Лакумы и чыкьыртла считались престижным блюдом, наряду с хычинами были украшением свадебного стола.

Из кислого теста, приготовленного из пшеничной муки, жарили пышки – боуурсакъ. Блюдо готовилось для свадеб и похорон.

На праздники и поминки обязательным являлся бёрек – пирожок полулунной формы с мясом или сыром. Он являл

собой символ луны. На торжества бёрек жарили больших размеров, а на поминальные трапезы поменьше ⁶⁰.

Кукурузные зерна и початки употребляли в жаренном, вареном виде, а также как воздушную кукурузу – кьурмач. Поджаренные зерна перемалывали на мельнице и получали кьууут (толокно). Его размешивали на айране или сметане, иногда с маслом или медом. Кьууут готовили из всех видов зерна, а также из сушеной дикой груши ⁶¹. Питательное и вкусное толокно брали с собой на охоту, в дорогу.

Популярны в народе были галушки (хатлама) – лепешки из кукурузной муки, которые варились в воде и подавались к мясу и поджарке. Из теста пшеничной муки готовили тонкий хинкал – особая лапша, отваренная в мясном бульоне. Иногда хинкал подавали отварив в воде и пожарив с сыром и маслом ⁶².

Пельмени и вареники балкарцы называли одинаково – суу бёрек. Пельмени бывали с мясной, а вареники с творожной или сырной начинкой и считались пищей для женщин и стариков.

Из зерновых продуктов готовили различные каши и похлебки. Это: баста – прессованная каша из зерна или сечки (просо, рис или рисовая крупа, кукурузная крупа), чуку баста – рассыпчатая каша из зерна (просо, ячмень, овес, гречка, кукуруза, пшеница, рис), мучные сметанно-сырные каши (бишлакь биширген, мерезе, зыкка), мамалыга (как), похлебка (худур, билямукь). Круто сваренную прессованную кашу из пшена подавали вместо хлеба к мясным блюдам, употребляли с молочными продуктами. Рисовая баста с добавлением масла и меда являлось праздничной пищей, излюбленной едой женщин, детей, стариков. В рассыпчатую кашу добавляли мед, сухофрукты, изюм и угощали гостей в дни религиозных праздников. Для улучшения вкуса мамалыги добавляли молоко, сыр, сыворотку ⁶³. Ели с молочными продуктами и с мясом. Ежегодно, перед выходом на весенне-полевые работы, устраивали большие празднества, на которых готовили ритуальную кашу из семи или девяти (нечетное число) видов злаковых – гёже.

Из мучных сладких блюд самое распространенное – халва (халыуа) из кукурузной или пшеничной муки, заправленный сахарно-медовым сиропом. Готовили халву на свадьбах, религиозные и календарные праздники, поминки.

На основе хлебно-зернового солода (из овса, ячменя, проса, кукурузы и пшеницы) с добавлением закваски варили хмельной напиток – бозу. Ее готовили только женщины. Для активного брожения и вкуса в бозу добавляли мед. Кроме бозы варили превосходное ячменное пиво (сыра). О нем в свое время одобрительно отзывался академик Г.-Ю. Клапрот: «Их пиво лучшее на всем Кавказе и похоже на английский портер» ⁶⁴. Для варки пива изготавливали специальные медные котлы. Боза и сыра были ритуальными напитками, употребляли в основном во время свадеб. Водка у балкарцев этнографически представлена и исторически засвидетельствована. Генерал-лейтенант русской армии И. Ф. Бларамберг писал: «Они гонят водку из ячменя и пшеницы... Водку пьют крайне редко, поскольку Коран запрещает употреблять опьяняющие напитки» ⁶⁵. Из овса, меда и ягод готовили безалкогольный напиток гумул (квас), а из ячменя и овса бетене, род киселя ⁶⁶.

С середины XIX в. на Северном Кавказе начал входить в употребление картофель, заимствованный от русских поселенцев. Новый корнеплод быстро распространялся и к концу столетия становится главным огородным растением в Балкарии ⁶⁷. Имея большой выход питательной массы, картофель стал важным заменителем хлеба в пищевом рационе населения. Способы использования отличались разнообразием. Картофель пекли в золе, жарили на сковороде, варили, использовали как начинку для пирогов, пирожков, готовили жаркое с сушеным и свежим мясом ⁶⁸. В таких же видах употребляли и тыкву. Как отдельное блюдо тыкву варили разрезав, ели добавляя айран, сметану.

Из бобовых культур были распространены фасоль и горох, называемые общим термином кьудору. Белая и фиолетовая фасоль проникли к балкарцам через кабардинцев и сванов ⁶⁹.

Издревле в пищу балкарцев входили различные дикie растения и плоды. Прежде всего это дикie яблоки, груши, сливы, алыча, лесные орехи и другие плоды. Их ели в сыром виде, сушили, варили компоты из свежих и засушенных плодов⁷⁰. Различные корнеплоды и травы – стебли дикой горчицы, кресс-салата, аниса, стебли и корни анзура, клубни топинамбура, корни бутеня – дополняли рацион горцев витаминами и другими биологически необходимыми компонентами питания. В виде пряностей в различные мясные и мучные блюда добавляли укроп, чабрец, черемшу, хрен, дикий чеснок, тмин, пастернак. Ароматические травы сушили впрок.

В большом количестве употреблялись дикорастущие ягоды: земляника, малина, брусника, черника, ежевика, крыжовник, кизил, облепиха, терн, смородина, клюква. Ягоды шли на приготовление компотов, варенья, кваса, их также сушили впрок.

В середине XIX в. в пищу входят огородные культуры – капуста, огурцы, морковь, лук, чеснок и др.⁷¹ На зиму овощи солили, сохраняя их в деревянных кадках.

Развитие садоводства сопровождалось увеличением потребления фруктов⁷². Впрок мочили яблоки и груши, заготавливали сухофрукты (къатхан кегёт). Из чернослива, алычи и других фруктов готовили тонкую сушенную пастилу (мырзай), из сухофруктов варили компоты (татлы суу).

В целом, способы употребления, обработки и консервации дикорастущих трав и плодов были разнообразными. Огородничество и садоводство явились более поздним пластом в хозяйстве балкарцев. Приемы, выработанные на использовании в пищу дикорастущих съедобных растений, частично были экстраполированы на фруктово-овощной компонент. Часть овощей и фруктов была создана на месте самостоятельно, другая же была введена в культуру балкарцев через заимствование. Помимо потребления в сыром виде, приготовление овощей включало ферментацию и термическую обработку.

Покупные изделия в питании занимали небольшое место. В конце XIX в. получили распространение бакалейные

товары, особенно сахар. Тогда же в быт горцев вошел чай как своеобразная роскошь. До появления чая использовали отвары из мяты, душицы, шалфея, ягод и из веток шиповника и барбариса⁷³. В качестве источника сладкого вкусового ингредиента использовали мед. С лечебной целью пили чай из шиповника. Собственно чай еще в начале XX в. был довольно дорогим и престижным напитком.

В своей основе, пищевые продукты балкарцев наиболее близки к комплексу питания родственных им карачаевцев.

Выше отмечалось применение продуктов питания в лечебных целях. Об использовании айрана и кумыса уже говорилось. Жирное молоко коз и овец рекомендовалось больным от многих болезней, равно как и отвары ароматических трав. В лечебных целях активно употребляли нарзаны, горячие источники, купались в них, растирались грязями и голубой глиной. Вытопленные животные жиры и сливочное масло использовались при лечении обморожений, пролежней, язв, гнойников, а также при простуде, бронхите, воспалении легких, уха. Как лечебное средство хранили козий, гусиный, медвежий, барсучий жиры и использовали при простуде, гриппе, легочных болезнях. Очень ценился курдюк при лечении желудочно-кишечного тракта. Раны лечили с помощью волокна окопника лекарственного. Мед шмелей, разведенный водой, пили при сердечных заболеваниях. Больным не рекомендовалась грубая и тяжелая пища. В питании для беременных женщин существовали запреты на употребление зайчатины (чтобы ребенок не был пугливым), мяса дичи (чтобы у ребенка не задерживалась речь). В целом балкарцы использовали для борьбы с болезнями около пятидесяти продуктов животного происхождения, сотни лекарственных трав и пятнадцать минеральных веществ⁷⁴.

Пищу готовили в котлах (казан) и котелках. В них варили мясо, кипятили молоко и воду, изготавливали каши, похлебку, жарили кукурузу, лакумы и т. д. Посуда и утварь в основном были деревянные. Долбленные кадки использовали для хранения айрана, сыра, сливок, для сбивания масла. В дубовых бочках хранили мед, топленое масло, разнообразные варенья, напитки. В деревянных ведрах и чашах отстаивали

молоко. Из половины ствола выдалбливали корыто для теста, вырезали большие подносы для подачи блюд. Из дерева изготавливали тарелки и ложки для еды. Еда подавалась на низеньких треногих столиках (тепси). Для больших застолий изготавливали большие столы⁷⁵.

Изделия украшались резьбой, геометрическим орнаментом и растительным узором. Изысканностью форм и декора выделялись деревянные чащи, употребляемые преимущественно в торжественных случаях.

Для перевозки молочных продуктов использовали бурдюки (тыбыт), а для хранения зерна и муки – кожаные мешки (кьабчыкь).

Мясо, хлеб, сыр, крутую басу, пироги балкарцы ели руками, используя нож или кинжал. Супы и жидкие похлебки ели деревянной ложкой. Со второй половины XIX в. состоятельные семьи стали приобретать медну, стеклянную и фарфорово-фаянсовую посуду и широко использовать ее в обиходе. Путешественник С. Ф. Давидович подчеркивал: «К обеду подаются тарелки и приборы»⁷⁶. Другой путешественник, побывавший в Баксанском ущелье Балкарии, с восторгом писал: «Прием отличный! Чайный сервиз, такой изящный и полный, едва ли найдется в западных губерниях у мелкопоместной шляхты»⁷⁷. Большинство же населения пользовалось деревянной посудой.

К продуктам питания балкарцы относились бережно и придавали им особый магический смысл. Всякая пища рассматривалась как божья благодать. Запрещалось наступать на нее, выбрасывать, отзываться пренебрежительно. Клятва пищей считалась священной, нерушимой, она приравнивалась к клятве на Коране. Остатки пищи, даже крошки, не выбрасывали, а отдавали на корм животным. Бросить хлеб на землю или перешагнуть через него было немислмым святотатством. Упавший на пол хлеб поднимали, целовали и клали обратно.

Таким образом, пища балкарцев была тесно связана с климатическими и географическими особенностями Балкарии. Система питания балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. основывалась на мясомолочных, зерновых и

фруктово-овощных продуктах. Последние играли заметную, но все же второстепенную и дополнительную роль. Пища балкарцев была полифункциональна и в основном служила для поддержания жизнедеятельности. Приготовлением пищи занимались и мужчины, и женщины. Продукты питания подвергались трем способам обработки – термическому, механическому и ферментационному. Способы обработки и заготовки впрок позволяли расширить сроки потребления пищевых продуктов. Пшеничному хлебу, некоторым видам мяса, национальным напиткам приписывались сакральные, престижные и целебные свойства. Запрет на потребление того или иного продукта имел религиозный оттенок. Основной системой трапез может считать трехразовую, хотя у мужчин, занятых хозяйством, бывало и пятиразовое питание. Расширение фруктово-овощного спектра питания, новации в посуде и утвари связаны с заимствованиями от русских поселенцев и соседних народов. Вместе с тем, элементы своей культуры балкарцы передавали им. Составляя значительную часть пищевого рациона, мясо-молочные, зерновые и мучные изделия имели выраженный знаковый статус. Система поверий и примет, связанных с пищей, являлась неотъемлемой частью самых разнообразных ритуалов. Правила поведения за столом подчинялись застольному этикету. Высокая символичность правил распределения, подачи и приема пищи была и остается одной из характерных особенностей этикета балкарцев. Многие блюда, характерные для традиционной балкарской кухни, вошли в современный быт как богатое наследие многовековой народной культуры.

Примечания

1. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. С. А. Арутюнов. М., 1989. Вып. 3. С. 134.

2. Арутюнов С. А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие // Lewiston: Edwin Mellen Press, 2002. С. 329.

3. Сабанчиев Х.-М. А. Скотоводство и скотоводческий быт балкарцев в XIX – начале XX в. // Третьи Всероссийские (с международ-

ным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р. М. Магомедова // Сб. статей. Махачкала, 2016. Ч. 2. С. 179.

4. Сабанчиев Х.-М. А. Земледелие и агрикультура балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. // Четвертые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р. М. Магомедова // Сб. статей. Махачкала, 2017. С. 7.

5. Кучмезов Б. Х. Земледелие у балкарцев // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 77.

6. Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989. С. 256.

7. Абдуллаева М. А. Карачаево-балкарская традиционная кулинария. Нальчик, 2014. С. 287.

8. Абшаев М. Т. Памятники истории и культуры Балкарии. Нальчик, 2015. С. 334.

9. Тебуев Р. С., Хатыев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002. С. 115.

10. Керн Э. Э. О ферменте кефира // Кубанские областные ведомости. 1882. № 42.

11. Хаджиева М. Х., Шаманов И. М. Пища // Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М., 2014. С. 270.

12. Кетенчиев М. Б. Философия национальной карачаево-балкарской пищи // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, филолога, культуролога Г. Д. Гачева. Нальчик, 2015. С. 481.

13. Абшаев М. Т. Указ. соч. С. 336.

14. Новицкий В. Ф. В горах Кавказа. Три поездки в окрестности Эльбруса летом 1896 г. и восхождение на эту гору // Известия императорского Русского географического общества. СПб., 1903. Т. 39. Вып. 2. С. 95.

15. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 293.

16. Мисиров Х. Карачаевские и балкарские сыры // Заман. 2017. 8 апр. (на карач.-балк. яз.).

17. Хаджиева М. Х., Шаманов И. М. Указ. соч. С. 271.

18. Сабанчиев Х.-М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989. С. 57.

19. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 294.

20. Там же. С. 296.

21. Мисиров Х. Указ. соч.

22. Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. СПб., 1884. Кн. 4. С. 542, 543.

23. Текеев К. М. Указ. соч. С. 274.

24. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 298.

25. Текеев К. М. Указ. соч. С. 275, 276.

26. Кетенчиев М. Б. Указ. соч. С. 480, 481.

27. Там же. С. 482.

28. Там же.

29. Абшаев М. Т. Указ. соч. С. 335.

30. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 282.

31. Текеев К. М. Указ. соч. С. 248.

32. Хаджиева М. Х., Шаманов И. М. Указ. соч. С. 269.

33. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 36–50.

34. Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII веков. Нальчик, 1991. С. 74.

35. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 313.

36. Там же. С. 315.

37. Там же. С. 313.

38. Кетенчиев М. Б. Указ. соч. С. 482.

39. Хаджиева М. Х. Особенности приготовления и сохранения мясных продуктов и блюд у карачаево-балкарского народа // Четвертые Всероссийские... С. 238.

40. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 311.

41. Там же.

42. Текеев К. М. Указ. соч. С. 251.

43. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 313; Текеев К. М. Указ. соч. С. 256.

44. Сабанчиев Х.-М. А. Земледелие и агрикультура балкарцев... С.

45. Кучмезов Б. Х. Указ. соч. С. 77.

46. Текеев К. М. Указ. соч. С. 277.

47. Мамбетов Г. Х. Пища в обычаях и традициях кабардинцев и балкарцев // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 97.

48. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 332.

49. Там же. С. 330.

50. Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. СПб., 1886. Т. 1. С. 555.

51. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 161.
52. Швецов В. В. Очерк о кавказских горских племенах // Москвитянин. М., 1855. Кн. 1, 2. С. 50.
53. Текеев К. М. Указ. соч. С. 282.
54. Карчаева Х. Ж., Кудиев М. Ч. Пища карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 2004. С. 48.
55. Текеев К. М. Указ. соч. С. 286.
56. Абшаев М. Т. Указ. соч. С. 337.
57. Кучмезова М. Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик, 2003. С. 161.
58. Леонтьев И. Поездка к Баксанскому леднику // Сб. матер. для описания местностей и племен на Кавказе (СМОМПК). Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 142.
59. Кучмезова М. Ч. Указ. соч. С. 160.
60. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 337.
61. Там же. С. 340.
62. Там же. С. 338.
63. Там же. С. 338, 339.
64. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 249.
65. Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 423.
66. Хаджиева М. Х. Традиционные напитки карачаево-балкарского народа // Известия Российского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. 2008. № 55. С. 326.
67. Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 142.
68. Карчаева Х. Ж., Кудиев М. Ч. Указ. соч. С. 50.
69. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 344.
70. Там же. С. 342.
71. Тепцов В. Я. Указ. соч. С. 193.
72. Дроздовский А. И. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области // Медицинский сборник. М., 1870. Вып. 4. С. 22.
73. Хаджиева М. Х. Традиционные напитки... С. 326.
74. Абдуллаева М. А. Указ. соч. С. 354–357.
75. Там же. С. 414–417.

76. Давидович С. Ф. Восхождение на Эльбрус. С. 354.

77. Г.-Дъ. Поездка к южному склону Эльбруса // Библиотека для чтения. СПб., 1868. Т. 97. С. 88.

Трапезы и поведенческая культура балкарцев в XIX – начале XX в. *

В реальной жизни пища обычно выступает в составе трапезы, которая представляет собой комбинацию элементов пищи, соответствующую реальным жизненным ситуациям. Особый интерес с историко-этнографической точки зрения представляют специфические виды пищи и специальные блюда, отличающиеся от повседневных, носящие праздничное или ритуальное значение. Не меньший интерес вызывает другой аспект питания – поведенческий, отражающий взаимоотношения людей в обществе, нормы и формы их поведения, традиционные для данного общества. Важно не только то, что именно люди едят, но и как они это делают, как они при этом располагаются, какой утварью и посудой пользуются [1, с. 191].

Общую классификацию трапез предложил С. А. Арутюнов. Трапезы делятся по времени (утренние, дневные, вечерние), по ситуации (домашние, полевые, общественные), по осмыслению и престижности (повседневные, праздничные, ритуальные). Основной единицей трапезы является блюдо. Параметрами каждой трапезы является набор ее участников, характеристика лица, которое готовит эту трапезу, и ее материальный состав. «Сопоставление этих параметров позволяет выявить социально-знаковую и материально-потребительскую роль различных компонентов в этнически специфической системе питания», – заключает ученый [2, с. 344].

Поскольку поддержание жизнедеятельности членов поселенческого коллектива есть основная функция культуры жизнеобеспечения, именно будничные, повседневные трапе-

* Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 4. С. 40–43.

зы образуют основу всей системы питания *. Исследователь карачаево-балкарской кухни М. А. Абдуллаева отмечает, что у горцев бытовало не три приема пищи, а несколько больше. Первая половина дня делилась на три части. День трудолюбивого горца начинался ранним утром с быстрого перекуса в поле летом и дома – зимой. С восходом солнца устраивался легкий утренний завтрак. Ели в основном холодную пищу – хлеб, лакумы, айран (престижный кисломолочный продукт), сыр, сметану, масло, мед, варенные яйца. Остальное время до обеда – это время более плотного завтрака с отдыхом [3, с. 363]. В целом удельный вес утренней трапезы в дневном рационе питания был минимальный и не отличался особым разнообразием.

Обеденная трапеза была основательнее, чем утренняя. Зимой это была, как правило, домашняя трапеза, летом – как домашней, так и полевой. Обед был с горячей едой. Хозяйка готовила тушеное мясо, супы с айраном, яичницу, мёрезе (сметанно-сырная каша) с большим количеством масла, мамалыгу, басту из кукурузы или пшена.

Ужин был семейным и предполагал обильный стол. Основными блюдами были вареное или жареное мясо, мясной бульон с тузлуком, жареная картошка с мясом, хычины, лакумы, сыр, овощи и сдобное печенье детям. Из напитков подавали айран и бозу, детям – сладкую фруктовую воду.

За столом строго придерживались половозрастного деления. Не принято было садиться за один стол всем членам семьи. Это считалось неуважением со стороны младших к старшим. Взрослые ели отдельно, а маленькие дети – с матерью или бабушкой. В первую очередь кормили нетрудоспособных стариков. Затем садились за стол мужчины, за ними – дети, женщины – в последнюю очередь. В повседневном быту гендерная иерархия за столом поддерживалась очередностью кормления младших после старших, женщин после мужчин. Подростки обслуживали взрослых. За семейным

* Поскольку в рассматриваемый период большинство населения Балкарии составляли уздени (дворяне и свободные общинники), объектом анализа будет состав трапезы в их семьях.

столом пло воспитание детей: как сидеть и как себя вести за столом, как обслуживать старших за трапезой, оказывая им почет и уважение [4, с. 48].

Дневной ассортимент питания обычно складывался следующим образом: утром – лакумы, айран, варенные яйца, сметана, сыр, масло; днем – хлеб, мясо, суп с айраном, яичница, различные каши и баста; вечером вареное или жареное мясо, жареная картошка, мясной бульон, хычины, овощи, напитки и остатки от дневной трапезы. Трапезы обычно шли по нарастающей – от утренней к вечерней, наиболее плотной трапезе. Вечерняя трапеза была домашней, а утренняя и дневная, в зависимости от сезона, проходили летом как дома, так и в поле, зимой – дома. Характерно преобладание трехразового режима питания, хотя у мужчин, занятых хозяйством, бытовало и пятиразовое питание; существование системы половозрастных ограничений. Обыденные трапезы различались по набору продуктов: зимой в пище преобладали мясомолочные и мучные блюда, а летом и осенью – зерновые каши и супы, сезонные овощи, фрукты, ягоды, съедобные растения и плоды. Для большинства семей мясо было каждодневной едой: летом свежее, а зимой – супеное.

Питание в сенокосной группе, в кошевом товариществе, на общественных работах было коллективным. Во время трапезы рассаживались по возрасту. Почетное место занимал старший по возрасту. Отношения между старшими и младшими подчинялись этикету общения, разработанному до мелочей. Совместная трапеза в общественном быту являлась формой единения людей, а общение за едой – наиболее тесным видом общения.

Традиционно балкарцы к свадьбе, рождению ребенка, приезду гостей и другим праздничным событиям резали барана или бычка. Жертвенных животных свеживали, варили мясо и жарили шашлыки мужчины. Для жениха и его дружков тушу барана варили или жарили целиком (уча). Мужчины резали птицу, а блюда из нее готовили женщины. Они же готовили мучные, сладкие блюда, напитки. Хозяйке помогали ее и мужа родственницы.

Свадьба продолжалась неделю и больше. Застольем руководил старший среди сотрапезников и наиболее уважа-

емый мужчина – тамада, хорошо знающий порядки и обычаи ведения стола. Он занимал самое почетное место. Остальные рассаживались в порядке убывания возраста и ранга. Крестьянам запрещалось садиться за стол с дворянами, и тем более с князьями. Тамаде беспрекословно подчинялись все участники трапезы. Ему помогали шапа – юноши, обслуживающие стол. Старшему стола предназначались правая часть головы жертвенного животного, одна из лопаток, две части грудинки по два ребра, две части грудных позвонков, жалбауур, жёрме, сохта (колбасные изделия) и кусок курдюка. Голова не считалась отдельной порцией, но входила в обязательную часть церемонии, определяя ритуальность выделения старшинства тамады [3, с. 379]. Почетным гостям доставались грудинка и плечевые кости. К столу в обязательном порядке подавали вареное мясо жертвенного животного, различные виды шашлыка, жалбауур, сохта, жёрме, традиционные балкарские хычины, лакумы, домашнюю халву и другие сладости. В праздничных трапезах большую роль играли национальные напитки – боза и сыра (пиво). Эти хмельные напитки готовили только женщины [5, с. 314].

Строго регламентированным был застольный этикет. Согласно этикету, существовала четкая схема использования пространства, расположения в ней гостей и остальных участников трапезы, формы контакта и общения, приема пищи и напитков [6, с. 40]. Вначале подавались шашлык, пироги и другие мясные блюда, к концу застолья вареное мясо с соусом и бульоном. Каждое кушанье подавалось на низких круглых столиках (тепси) мужчинам и квадратных – женщинам. Мужчины и женщины сидели отдельно. На свадьбах выносили и тушу барана, сваренного или жаренного целиком. Умеренность в еде и питье была признаком воспитанности.

Застолье длилось несколько часов с перерывами для танцев, соревнования певцов, сказителей, силачей. По обычаю, тамада из своей доли бараньей лопатки угощал окружающих кусочками мяса (тигим). Центральным моментом за столом было гадание по рисункам на бараньей лопатке. Считалось, что лопатка хранит информацию о будущем урожае, судьбе рода, села и даже этноса в целом [7, с. 37]. После обряда

гадания экран лопаточной кости обязательно надо было сломать. Бытовало мнение, что по целой лопатке недруги могли «прочитать» ее и нанести вред [8, с. 484].

Кульминацией праздничного застолья являлся ритуал, связанный с делением правой половины бараньей головы. Она делилась на три части. Первым делом тамада отрезал ухо и отдавал его шапе – прислуживающему юноше. Носовая часть полагалась человеку, сидящему справа от него. Затем он отламывал глазницу и почтительно преподносил старшему из гостей, который сидел слева от него. А себе оставлял заднюю часть головы, где находились мозги. Каждое действие сопровождалось вербальным текстом тамады. Дележ тамадой головы имел игровое начало и ассоциируется с актом постановки народного театра [8, с. 483].

Ни один календарный праздник или религиозный обряд не проходил без специально испеченных хлебцов, пирогов, варенного мяса, изделий из теста и зерна [9, с. 76]. Праздник Голлу, приуроченный к весеннему равноденствию, был самым массовым из календарных обрядовых праздников балкарцев. Он продолжался несколько дней и заканчивался раздачей жертвенного мяса, пирогов и хлебцов [6, с. 87].

Верующие балкарцы отмечали два праздника исламского мира – Рамадан-байрам и Курбан-байрам. За день до начала поста (ураза) женщины пекли хычины, жарили лакумы, готовили бёреки с мясом (пирожки), сладости и раздавали детям и бедным. Во время поста готовили повседневную пищу. Сытным завтраком считалась тюря с айраном и хлебом или с поджаренной кукурузной мукой (кьюуут). Вечерний прием пищи проходил за обильно накрытым столом. Хозяйка дома готовила мясную пищу, хычины, подавала фрукты и овощи. Хорошая хозяйка должна была уметь не только разнообразно и вкусно готовить, но и угодить вкусам членов семьи, а в особенности старшим. Умение быстро и красиво накрывать стол считалось одним из лучших качеств горянок.

С окончанием ураза наступал праздник разговения. В этот день накрывали праздничные столы, принимали гостей, посещали друг друга с подарками.

Через семьдесят дней после окончания поста отмечали Курбан-байрам. В этот праздник делали жертвоприношения,

поздравляли родных, знакомых, дарили подарки, угощали, ходили в гости. В состав подаваемых блюд входили мясные блюда, хычины с разнообразной начинкой, лакумы, сыр, халва, печенье, рисовая каша с изюмом и сухофруктами, считавшаяся престижной. Обязательным было присутствие на столе сухофруктов и сладких напитков [3, с. 394]. Для жертвоприношения не забивали козу, комолых, однорогих, корноухих животных.

Ритуальный характер трапез наиболее отчетливо проявлялось во время траурных мероприятий. В первые три дня после смерти, в доме покойного не разводили огонь и не готовили пищу. Этим обычно занимались соседи и родственники. Поминки справлялись на 3-й, 7-й и 52-й дни и в годовщину смерти. Поминальная трапеза состояла из мучных и мясных изделий. Большая нагрузка по организации поминок лежала на женщинах. В ритуальную пищу входили шорпа с порционными кусками мяса, лакумы, пирожки, халва. Для стариков варили суу бёрек (пельмени) [10, с. 86]. Ритуальными напитками были калмыцкий чай и сладкая вода (шербет суу). Традиционно на поминальное угощение мужчины резали баранов, одного из них варили целиком. Уча разрезали на доли и на больших подносах выносили в людные места, чтобы накормить как можно больше людей. Сбор детей был особенно желательным. Характерно, что в поминальной трапезе допускались только варенные блюда из мяса. Лакумы были больших размеров, чем обычные. Мужчины и женщины сидели отдельно. Поминальная трапеза длилась половину светового дня. На седьмой день семья покойного раздавала круглые лепешки – жайма, приготовляемые из пресного, несоленого теста. Существовало поверье, что в Судный день жайма создадут тень над головой и уберегут покойного от жары и жажды [6, с. 158].

На годичные поминки забивали бычка, несколько баранов. На столы подавали мясные и мучные блюда, сладости и фрукты, национальные пироги (хычины), пирожки с мясом. Поминальной и утешительной пищей считалась халва. Без традиционных лакумов и мяса поминок не бывало. Ритуальное посещение продолжался целый день [6, с. 164].

В словесном оформлении поминальных трапез важное место принадлежало религиозным элементам: благословению и прочтению молитвы муллоу.

В траурные дни родственники и соседи не устраивали увеселительные мероприятия. Члены близкородственных групп, соседи помогали друг другу в радостных и горестных случаях. Взаимопомощь и взаимоподдержка консолидировали людей. Помогать друг другу – у балкарцев в крови.

«Гость – посланник Аллаха» гласит известная поговорка балкарцев. Приход гостя принимал форму семейного праздника. Хозяин обязан был доставить гостю лучшее, что есть у него в доме. В честь гостя приносилась в жертву живность, обычно это был откормленный баран. В пай гостя включались самые лучшие и престижные части мясной пищи. Угощение бывало разнообразным, обильным и вкусным, ибо каждый хотел прослыть щедрым и гостеприимным [5, с. 244, 317]. Близкие родственники хозяина, его соседи должны были развлекать гостей, оказывать им всевозможные услуги, обеспечивать четкую организацию застолья. Принимая почести со стороны хозяев, руководитель гостей не забывал о своих обязанностях: следил за поведением подчиненных ему гостей, направляя и корректировал (чаще всего взглядом, мимикой, жестом) их поведение.

Если гость приезжал на кощ, его встречали айраном – символом гостеприимства, изобилия и щедрости. В его честь приносили в жертву молочного ягненка. Шашлык, жалбауур, вареное мясо – лучшие угощения для гостя в горной летовке. И здесь гость пользовался большим почетом.

С начала XIX в., в особенности со второй его половины, высокогорная Балкария и ее жители стали объектом внимания со стороны отечественных и европейских путешественников, ученых и горовосходителей. Представителей другого этноса балкарцы возводили в ранг почетных гостей. Их радушно встречали, принимали как требует закон гостеприимства, совершенно бескорыстно оказывали необходимую помощь и поддержку, снабжали айраном и едой в дорогу. Многие из них с оттенком восторга и восхищения отмечали широкое балкарское гостеприимство и этикетное поведение хозяев [11].

Готовили пищу в медных или чугунных котлах и котелках конусообразной формы. Мясной бульон, супы ели дере-

вянными ложками, а все остальные ели в основном руками с помощью ножа. Ложки, тарелки, черпаки, чаши, подносы изготовлялись из дерева, украшались резьбой. Самой почетной чашей считался гоппан. Используемый преимущественно в торжественных случаях, он выделялся изысканностью форм и декора. Гоппан в торжественных процедурах имел символическое значение. С ним произносили клятвы, благопожелания на свадьбах, при рождении ребенка, при земледельческих и скотоводческих празднествах, приемах гостей и т. д. [12, с. 325].

С середины XIX в. состоятельные семьи в обиходе стали пользоваться металлической, стеклянной и фаянсовой посудой [13, с. 88]. В пищевой рацион вошли новые бахчевые и огородные культуры – картофель, морковь, капуста, фасоль, репчатый лук, чеснок и др.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что трапезы представляют собой основную смысловую единицу культуры питания. В них отражается соционормативная культура этноса, общепринятые и общепризнанные нормы социального поведения.

Основной системой трапез можно считать трехразовую, хотя бывало, и больше. Для балкарцев был характерен сравнительно легкий завтрак, более плотный обед и плотный ужин. Определяющим маркером свадебной трапезы было престижность блюда – компонента, а целью трапезы – ее пышный, праздничный характер. Поминальная трапеза была наиболее регламентированной и строгой, действовал запрет на жареное мясо – шашлык, являющийся праздничным блюдом. Во всех трапезах самыми излюбленными, почетными и популярными были мясные блюда.

Во второй половине XIX – начале XX в. расширяется пищевой рацион, усложняются категории столовой посуды. В процессе принятия трапез соблюдалось социальное разобщение и половозрастное ролевое распределение. Четко разделялись мужчины, женщины и дети. Застольем руководил тамада, чья роль особенно возрастала в праздничных трапезах. Правила поведения за столом были ориентированы на сдержанность, уважительное отношение к старшим по возрасту и гостям. Участие в трапезах, умение держаться, выполнять соответствующие ритуалы являлись факторами воспитания личности.

Литература и источники

1. Культура жизнеобеспечения и этнос / Отв. ред.: С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983. – 319 с.
2. Арутюнов С. А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие // Dewiston: Edwin Mellen Press, 2002. – 387 с.
3. Абдуллаева М. А. Карачаево-балкарская традиционная кулинария. Нальчик: Эльбрус, 2014. – 456 с.
4. Карчаева Х. Ж., Кудиев М. Ч. Пища карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 2004. – 98 с.
5. Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М.: Наука, 1989. – 448 с.
6. Кучмезова М. Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 213 с.
7. Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.
8. Кетенчиев М. Б. Философия национальной карачаево-балкарской пищи // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г. Д. Гачева. Нальчик, 2015. С. 479–485.
9. Кучмезов Б. Х. Земледелие у балкарцев // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 72–81.
10. Будаев М. О. Похоронные обряды карачаево-балкарцев. Карачаевск, 2007. – 106 с.
11. См.: Давидович С. Ф. Восхождение на Эльбрус // Исторический вестник. СПб., 1886. Т. 28. С. 351, 352; Иванюков И. М., Ковалевский М. М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. СПб., 1886. Т. 1. С. 98; Давидович С. В горах Кавказа. Путевые заметки. М., 1893. С. 26; Ган К. Ф. По долинам Черема, Уруха и Ордона // Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 85. С. 126; Аниселес И. И. Сылтран-Кёл // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. Одесса, 1910. С. 20.
12. Абшаев М. Т. Памятники истории и культуры Балкарии. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 382 с.
13. Г.-Дъ. Поездка к южному склону Эльбруса в 1848 г. // Библиотека для чтения. М., 1849. Т. 97. С. 57–104.

Раздел III

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Из истории становления и развития исторических знаний и исторической науки о балкарском народе *

Кавказ издавна вызывал пристальный интерес ученых и путешественников во многих странах. Но раньше чем в других странах оформление кавказоведения в самостоятельную область знания произошло в России. Русская историография Кавказа с самого начала отражала политические и экономические интересы господствующего класса. Характер ее развития в значительной мере определялся историческими этапами русско-кавказских отношений, а также общей эволюцией общественной мысли в дореволюционной России. В общем русле кавказоведения зародились и исторические знания о балкарском народе.

Первые достоверные сведения о Балкарии и балкарцах начали поступать в Россию в XVI–XVII вв. от русских служилых людей, посольств и дипломатических миссий, посылаемых на Кавказ с целью установления и развития политических отношений. Наиболее интересные данные содержатся в материалах посольств Ф. Елчина и П. Захарьева (1639 г.), Н. Толочанова и А. Иевлева (1651 г.), В. Жидовникова и Ф. Прошина (1655 г.), путь которых в Имеретию пролегал через ущелья и перевалы Балкарии. В их донесениях имеется информа-

* Сибанчиев Х.-М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989. С. 3–13.

ция о социально-экономической истории Балкарии. Однако эти сведения отрывочны и в целом еще незначительны.

Организирующее и систематическое начало в изучение истории и этнографии Кавказа было внесено в XVIII в., что главным образом связано с преобразованиями петровского времени и с деятельностью Российской Академии наук ¹. Ее учреждение само по себе было крупным явлением, существенно затронувшим и область исторической науки в России, когда в разработке исторических проблем начинают принимать участие постоянные кадры ученых историков-профессионалов, появляются возможность печатать научные труды, поддерживать связь с другими странами по вопросам науки ². В условиях государственного регулирования наука приобретает прикладное значение: научные изыскания подчиняются интересам укрепления могущества страны, а нередко и целям обоснования политики дворянского государства, накладывавшим отпечаток как на сам ход процесса накопления фактов, так и на окончательное их осмысление и обобщение.

К этому времени русско-кавказские политические и экономические связи в целом приобрели более стабильный характер. В этих условиях настоятельная необходимость организации научных исследований на этой обширной территории становится очевидной и признается задачей большой государственной важности. Исполнение ее академическими экспедициями 60–70-х гг. XVIII в. дало интересные результаты, закрепило за русской наукой на долгие времена тему истории и этнографии народов Кавказа. Как справедливо подчеркивал известный кавказовед Л. И. Лавров, с деятельностью Академии наук русское кавказоведение начинает складываться в самостоятельный историографический комплекс ³, в состав которого вошло и описание общественных процессов в Балкарии. Особенно интересными с точки зрения изучения Балкарии представляются путешествия по Кавказу И. Гюльденштедта, П. Палласа, И. Потоцкого, Я. Рейнегтса и др., которые составили прежде всего естественнонаучные описания края, но затронули и некоторые вопросы его исторической географии и быта местного населения.

Академии наук принадлежит важная заслуга и в популяризации историко-этнографических знаний о Кавказе. В издаваемых ею журналах начали появляться статьи, посвященные отдельным народам Северного Кавказа ⁴.

Усилия отдельных русских путешественников и исследователей привели к накоплению новых сведений о различных сторонах жизни балкарцев. Развиваясь в конкретно-исторической обстановке XVIII в., русская наука к концу столетия располагала сравнительно богатым по содержанию и разнообразным по составу материалом о народах Кавказа, включавшим в себя значительный запас знаний. Именно последнюю четверть XVIII в. следует считать временем, когда кавказоведение начало делать свои первые шаги на пути превращения в науку.

Первая половина XIX в. была временем разложения и кризиса феодальной системы в России, развития капиталистических отношений. Сдвиги в экономической, политической и общественной жизни страны определили и развитие общественных наук в этот период. Русская историография первой половины XIX в. достигла в своем развитии новых значительных успехов ⁵. В этих условиях в России продолжался процесс все более активного изучения народов Кавказа. Русскому царизму нужны были сведения для дальнейшего политического и экономического проникновения в этот регион.

В первые десятилетия XIX в. официальными лицами составлялись различные ведомости, справки, донесения специального характера. Исключение составляет лишь предпринятое Академией наук путешествие академика Г. Ю. Клапрота, давшего описание хозяйства, социально-политического строя, нравов и обычаев народов Северного Кавказа, в том числе и балкарцев.

Накопленный и вновь собранный материал составил основу работ военно-административных лиц на Кавказе. К их числу относятся «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» в 2-х ч. С. М. Броневского, три тома «Материалов для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 гг.» П. Г. Буткова, в разные годы состоявших на должности правителя канцелярии главнокомандующего на Кав-

казе, и «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» генерал-лейтенанта русской армии И. Ф. Бларамберга. Названные работы представляют собой наиболее полные произведения о кавказских горах в русской дворянской историографии, солидные для своего времени научные труды, основанные на архивных материалах, личных наблюдениях и данных, почерпнутых из литературных источников, как русских, так и иностранных. Они принесли широкую известность кавказским горцам, способствовали складыванию в отечественной науке достаточно объективного представления о Балкарии, долгое время служили основным источником, из которого русское образованное общество черпало сведения о Кавказе, а также сыграли положительную роль для последующего изучения истории края. Подробное раскрытие заслуг С. М. Броневского, П. Г. Буткова, И. Ф. Бларамберга и других перед кавказоведением принадлежит М. О. Косвену.

Осуществление русским царизмом широких планов освоения Кавказа, а также организация управления краем, в частности суда, сталкивались с прямой необходимостью изучения обычного права кавказских народов. Начатый в 1827 г. сбор надлежащих сведений «О кавказских провинциях вместе с записями адата из сословных отношений, судопроизводства и т. д.» был продолжен в 40-х гг. XIX в. с целью более широкого и систематического собирания материалов по обычному праву горцев. С 1843-го по 1845 г. было составлено семь сборников адатов, в их числе и «Адаты балкарцев и карачаевцев» (1844 г.), опубликованные позднее профессором Одесского университета Ф. И. Леонтовичем. В адатах зафиксированы сословное и классовое деление в Балкарии, взаимоотношения между ними, рассматриваются вопросы уголовного права балкарцев, права наследования и семейных отношений.

В 1851 г. увидела свет книга Н. Забудского «Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния». В ней, с привлечением статистических материалов, автор предпринял попытку дать обстоятельный обзор Кавказской линии и собрал интересные сведения о прожи-

вавших здесь народах. По широте затронутых вопросов и их трактовке труд Н. Забудского можно считать первым серьезным сочинением по истории Балкарии. Среди работ 50-х гг. XIX в. заслуживают внимания публикации и исследования К. Ф. Сталля, В. Швецова, А. П. Берже и других, в которых содержались некоторые сведения о Балкарии. Они важны как показатель заметного оживления интереса к балкарцам и другим горцам.

Важный этап в изучении Кавказа и его народов был связан с зарождением и развитием здесь русской периодической печати. Первой газетой на Кавказе были еженедельные «Тифлиссские ведомости» (1828–1932 гг.). Исключительно важное значение имело основание в Тифлисе газеты «Кавказ» (1846–1917 гг.), своей главной задачей считавшей «знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще малоизученным», его многочисленными и разноязычными народами. Верная своему назначению, она до появления «Терских ведомостей» оставалась единственной газетой, на страницах которой печатались материалы о народах Северного Кавказа. Очень доброжелательно относился к этому району редактор газеты И. О. Константинов, давший в своих «Очерках северной стороны Кавказа» ценные сведения о жизни многих его народов.

Заметным событием, наложившим отпечаток на качественные изменения в организации изучения Кавказа, было создание в Тифлисе (1851 г.) Кавказского отдела Русского географического общества. Занимаясь историей и этнографией не меньше, чем собственно географией, отдел долгие годы «был единственным ученым учреждением на Кавказе и деятельно трудился над исследованием этого любопытного края»⁶. Благодаря его деятельности спорадические наезды экспедиций уступили место систематическому изучению края. Кавказский отдел издавал свои «Записки» и «Известия», где ведущее место принадлежало публикации материалов по материальной и духовной культуре, быту и обычаям горских народов.

Значительным событием в культурной жизни народов Северного Кавказа было открытие светских школ, распро-

странение образования и русской грамоты, давших горцам возможность приобщиться к русской и европейской культуре. Первая школа была открыта в крепости Нальчик в 1820 г. для аманатов. Большую роль в обучении детей горской знати сыграла Ставропольская гимназия, основанная в 1837 г. Наиболее талантливые из окончивших ее горцев стали позднее видными деятелями науки и культуры Северного Кавказа и играли значительную роль в общественно-политической жизни края.

Таким образом, в первой половине XIX в. зарождается периодическая печать на Кавказе, открываются филиалы Всероссийских научных обществ, получает распространение начальное образование, растет интерес и пробуждается активность образованной части общества к мировому историческому опыту, к родному краю. В указанное время происходило дальнейшее накопление сведений о Балкарии и балкарцах, в известной мере был обобщен значительный фактический материал, несколько улучшилась организация научных исследований.

Развитие капитализма привело во второй половине XIX в. к глубоким сдвигам во многих областях знания. На русскую историческую науку в это время оказывали благотворное воздействие прогресс мировой науки, передовые научные традиции, идеи революционных демократов об огромной социальной роли науки, первые шаги марксизма в России. В стране создались благоприятные условия для развития археологии, на новую ступень поднялась этнография.

В начале 1860-х гг. Северный Кавказ стал составной частью государственной территории Российской империи. Русские исследователи усилили свое внимание к изучению истории и этнографии горских народов, их языков, традиций, обычаев и верований, особенностей бытового уклада. Продолжался процесс создания на Кавказе научных обществ и организаций, различных кружков и комитетов, сбор экономических, геолого-географических, топографических материалов, изучение истории, материальной культуры и образа жизни населения, положения непосредственных производителей и перспектив экономического развития Северного Кавказа, включая и Балкарию.

В результате появились специальные кавказоведческие труды, в центральной научно-популярной и кавказской периодике были опубликованы сотни статей, очерков и путевых заметок представителей русской науки и культуры, чиновников, работавших в местных управлениях, и путешественников. Заметный вклад в изучение Балкарии внесли Е. З. Баранов, Н. Ф. Грабовский, Н. Я. Динник, К. Ф. Ган, И. И. Леонтьев, Г. Н. Казбек, В. Я. Тепцов, Н. П. Тульчинский, Е. Максимов и др. Они составили описания, где накоплен значительный фактический материал, характеризующий общее историческое, статистико-экономическое и географическое положение Балкарии.

С непосредственными задачами царской администрации по поземельному устройству горцев было связано появление трудов П. А. Гаврилова, М. З. Кипиани, Н. П. Тульчинского.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России сформировалась школа кавказоведов, представленная русскими и некоторыми местными учеными. Среди них особое место в историографии Балкарии принадлежит В. Ф. Миллеру и М. М. Ковалевскому. В исключительно широком по своему диапазону научном творчестве этих ученых кавказская тематика заняла значительное место.

Специалистов по классической филологии, древней истории и этнографии Кавказ заинтересовал огромными возможностями, открывающимися перед исследователями в этих областях. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский приехали сюда уже вполне сложившимися учеными, как нельзя лучше подготовленными к исследовательской работе, и поэтому их научная деятельность была весьма плодотворной. В период с 1881-го по 1913 г. В. Ф. Миллер опубликовал более 50 научных статей и монографий о Кавказе, стал признанным специалистом в области кавказской филологии, истории и археологии края.

Работая в контакте со знатоками быта, обычаев и нравов горцев и представителями местной интеллигенции, В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский значительное внимание уделили сбору полевого этнографического материала, записи устных исторических традиций, изучению архивных

фондов Горского суда, археологических памятников Балкарии, хозяйственного быта, материальной и духовной культуры ее населения. Основываясь на этом разностороннем и обширном материале, В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский издали ряд работ о балкарцах, ставших серьезным, важным событием и прогрессивным для своего времени явлением в историографии Балкарии. Очерки М. М. Ковалевского «В горских обществах Кабарды» и «У подошвы Эльбруса» были включены в его наиболее известные книги «Современный обычай и древний закон», «Закон и обычай на Кавказе», появление которых М. О. Косвен справедливо считал значительной вехой, началом нового периода в развитии кавказоведения⁷. Труды В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского стали первыми в России серьезными научными исследованиями, имевшими отношение к балкарской тематике.

Ценным дополнением к собственно исторической литературе являются работы общего или историко-экономического характера, посвященные скотоводству и пастбищному делу, промыслам и ремеслам. Таковы, например, книги и статьи О. В. Марграфа, П. Острякова, Г. А. Вертепова, Н. П. Тульчинского.

Как и прежде, большая роль в изучении Кавказа принадлежала Русскому географическому обществу и его отделу. Значительную краеведческую работу вел Кавказский музей в Тифлисе с основанной еще в дореформенное время публичной библиотекой. В структуре музея имелись отделы этнографии и археологии, где сосредоточивались как случайные археологические находки, так и материалы раскопок, этнографические материалы и т. д. В 1895 г. вышел пятым изданием «Путеводитель по Кавказскому музею».

Из других научных обществ и учреждений выделялись Кавказское общество сельского хозяйства, Кавказский кустарный комитет, Терский областной статистический комитет. Наиболее полные статистические данные о населении, количестве дворов и состоянии производительных сил в крестьянском хозяйстве Балкарии представлены в «Статистических таблицах населенных мест Терской области» (Владикавказ, 1892), составленных Е. Максимовым. Появле-

ние статистических исследований означало применение в познании истории народов края новой методики отбора и анализа исторических источников.

Важное значение для распространения исторических знаний имело развитие газетно-издательской деятельности и журналистики на Кавказе. В пореформенные годы периодическая печать на Кавказе значительно расширилась. Начали издаваться «Терские ведомости», «Каспий», «Терек», «Казбек», «Северный Кавказ» и другие общественно-политические и литературные газеты. В них заслуживают внимания публикации о жизни горцев Северного Кавказа, проникнутые либерально-демократическими идеями. Прогрессивные представители русской интеллигенции, передовые люди края, затрагивая в своем творчестве, кавказскую действительность, поднимали злободневные вопросы времени – показывали произвол и самоуправство терской администрации и местной правящей верхушки, поддерживали борьбу горцев за землю, ратовали за просвещение народа, распространение письменности, создание системы здравоохранения. В газетах «Терские ведомости», «Казбек», «Каспий» много места отводилось вопросам общественного устройства горцев, периодически публиковались статьи о жизни, быте, традициях, истории балкарцев, образцы их устного творчества.

С 1880-х гг. на Кавказе успешно развивается книгопечатное дело: стали выходить «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Терский календарь», «Терский сборник», сыгравшие значительную роль в ознакомлении общественности с фактами и явлениями культурной жизни населения Кавказа.

Чрезвычайно важную работу по сбору и публикации документов по истории Кавказа, правда, в прямой зависимости от планов и направления правительственной политики, провела Археографическая комиссия во главе с академиком Ад. Берже. В 12 фолиантах «Актów, собранных Кавказской археографической комиссией» (1866–1904 гг.), помещено немало ценнейших источников, значительно обогативших источниковую базу кавказской историографии. Тем самым

в историографию Кавказа была внедрена источниковедческо-археографическая практика.

Интерес к историческому прошлому Северного Кавказа проявлялся и в исследовании его древностей, чему во многом способствовало открытие уникального Кобанского могильника в Северной Осетии (1869 г.). Затем памятники старины попали в поле зрения исследователей в связи с подготовкой к V Всероссийскому археологическому съезду в Тифлисе (1881 г.). До середины XIX в. в исторической литературе встречались только упоминания о некоторых археологических памятниках Балкарии. Первым заинтересовался ими А. Фиркович (1849 г.). Небольшие археологические исследования на территории Балкарии произвели Н. Нарышкин, В. Б. Антонович, М. М. Ковалевский, В. Я. Тепцов, В. И. Долбежев, И. А. Владимиров, Д. А. Вырубов, П. С. Уварова и др., оставившие свои записки и сообщения, где зафиксировали и дали описание древностей⁸. Особенно ощутимых результатов в области обследования археологических памятников на территории Балкарии добился В. Ф. Миллер, впоследствии ставший членом Российской Академии наук. Он возглавил организованные в 1883 и 1886 гг. экспедиции Московского археологического общества в Терскую область. В ходе экспедиции В. Ф. Миллер обследовал архитектурно-бытовые сооружения средневековой Балкарии и произвел раскопки в Чегеме, Былыме и Черекском ущелье. Накопленный им археологический материал был обобщен в первом выпуске «Материалов по археологии Кавказа», изданном в 1888 г. в Москве.

В эти же годы Д. А. Вырубов сделал ценнейшие зарисовки памятников Балкарии, ныне частично утраченных для науки, и собрал большую коллекцию древностей, которая в значительной своей части была приобретена Археологической комиссией для Эрмитажа в Петербурге и Исторического музея в Москве (1897 г.).

Вся деятельность как ученых-археологов, так и дилетантов-любителей древностей носила большей частью случайный характер. Их работы, хотя и недостаточно научно выполненные, дали, однако, значительный первоначальный

материал и положили начало археологического изучения Балкарии.

Во второй половине XIX в. наблюдается начало фольклористической деятельности на Кавказе, появляются первые публикации образцов устно-поэтического творчества балкарцев. Много усилий к собиранию и изданию балкарского фольклора приложили П. Остряков, Н. П. Тульчинский, Е. З. Баранов, С. И. Танеев, В. Прёле и др. Уже в трудах их современников (Н. Ф. Грабовский, Н. Я. Динник, Н. А. Караулов, М. М. Ковалевский, И. И. Леонтьев, В. Ф. Миллер, В. Я. Тепцов и др.) фольклор приобрел особую значимость в реконструкции истории балкарцев.

Социально-экономические изменения, которые происходили на Северном Кавказе во второй половине XIX в., породили немало новых, прогрессивных начинаний в культурной жизни горских народов. Особенно ощутимо они проявились в оживлении школьного образования, в открытии различных учебных заведений в крае. К концу века здесь, наряду с медресе, появилась довольно широкая сеть министерских школ. В распространении просвещения среди балкарцев и других горских народов большую роль сыграли Нальчикская окружная школа и Владикавказское реальное училище, открытое в 1874 г. Горцы получали светское образование в учебных заведениях Пятигорска, Ставрополя и центральных городах России.

Многогранная деятельность передовых русских исследователей, развитие печати и открытие русских учебных заведений в крае оказали большое влияние на рост национального самосознания балкарцев, способствовали появлению первых представителей национальной интеллигенции. На страницах периодической печати публикуются первые очерки, статьи, заметки деятелей национальной культуры – Сафар-Али и Науруза Урусбиевых, Мисоста, Исмаила и Фатимы Абаевых, Басията Шаханова. Небольшая группа образованных горцев стремилась к развитию прогрессивных, гуманистических традиций национальной культуры, являлась активным поборником укрепления дружественных связей между народами. Примечательно, что вопросы истории балкарцев нашли отражение в трудах кабардинских историков

Ш. Б. Ногмова и В. Н. Кудашева, а сюжеты, связанные с историей и культурой кабардинцев и других горцев – в историческом очерке М. Абаева «Балкария» и в публицистике Б. Шаханова. Прекрасно владея конкретным материалом, представители горской интеллигенции, несмотря на отсутствие специального образования, создали интересные работы. Они ценны тем, что сведения по истории, хозяйству, быту и культуре народов Северного Кавказа давались в них с пониманием различных сторон жизни и психического склада горцев.

Публицистическая деятельность первых интеллигентов способствовала пробуждению интереса местной общественности к истории и культуре, к вопросам формирования национального самосознания балкарцев, показывала их стремление самостоятельно осмыслить культурное наследие своего народа, осознать его историческое прошлое на фоне истории других народов и в связи с этим сделать попытку определить собственное место в мировой культуре.

В конце XIX – начале XX в. было издано большое количество книг научно-популярного характера, посвященных описанию многонационального Российского государства. В некоторых из них содержались историко-этнографические сведения и о Балкарии. Выходили энциклопедии, многотомные издания отдельных ведомств.

В целом во 2-й половине XIX – начале XX в. был накоплен значительный фактический материал по хозяйственному быту и общественным отношениям, духовной культуре и верованиям балкарцев и других народов Кавказа. В трудах отечественных исследователей наблюдается попытка к обобщениям исторических фактов и намечаются основные проблемы истории Балкарии.

Примечания

1. Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1. С. 289.

2. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Ч. 1. С. 170.

3. Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1976. Т. 106. С. 3–10.

4. О балкарцах см.: Географический месяцеслов на 1772 год. СПб.

5. Очерки истории исторической науки в СССР. Ч. 1. С. 275.

6. Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. 242. СЛ. С. 125.

7. См.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 220–244.

8. См.: Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1941. С. 9–12.

Из истории собирания и изучения фольклора балкарцев и карачаевцев во второй половине XIX – начале XX века *

В истории духовной жизни дореволюционной Балкарии значительное место принадлежит фольклорным формам художественной культуры, которые на протяжении столетий выполняли основную культурную функцию, способствовали развитию культурных традиций.

В литературе по устному народному творчеству балкарцев и карачаевцев принято считать, что общность происхождения, глубокое этническое родство и единство традиционной культуры делает фольклор двух тюркоязычных народов Северного Кавказа их общим достоянием. Специалистами также установлено, что центральное место в фольклорном наследии балкарцев и карачаевцев занимают нартские сказания.

Нартский эпос – цикл богатырских поэм и сказаний о героических свершениях и могуществе нартов – поистине уникальное явление в истории кавказской культуры. Он воз-

* Советская тюркология. 1986. № 5. С. 16–21.

ник на основе фольклорных традиций Северного Кавказа и существует в течение многих веков, пользуясь необыкновенной популярностью у различных народов Кавказа.

Первая фиксация балкаро-карачаевских нартских сказаний относится к 1879 г. В четвертом томе «Вестника Европы» П. Остряков со слов Сафар-Али и Науруза Урусбиевых, сопровождавших его в путешествии по Баксанскому ущелью, приводит содержание нескольких сказаний¹. Публикация П. Острякова осталась в свое время незамеченной и только впоследствии, с повышением интереса к эпосу кавказских горцев, стала привлекать внимание исследователей. Своим названием – «Народная литература кабардинцев и ее образцы» – она ввела в заблуждение нартоведов: тексты долгое время рассматривались как кабардинские. Сравнительно недавно была определена их принадлежность к балкаро-карачаевским сказаниям и близость к урусбиевским текстам, опубликованным двумя годами позднее².

Сафар-Али Урусбиев был первым, кто начал записывать сказания своего народа и попытался дать им научное объяснение. В 1881 г. в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» он издал переводы четырех нартских сказаний балкарцев – «Урызмек», «Шауай», «Рачикау», «Сосурук»³. Публикации было предпослано небольшое предисловие «Несколько слов от собирателя и переводчика», свидетельствующее о хорошей осведомленности С.-А. Урусбиева в области кавказского фольклора своего времени. Там же приводились сведения о нартских сказаниях и отмечалось, что они «сохранились у всех горских племен, живущих на Кавказе, составляя общее их наследство от времен самой глубокой древности». Опубликованные С.-А. Урусбиевым сказания пополнили в литературе галерею героев нартского эпоса народов Северного Кавказа новыми именами – Алаутан и Рачикау. Тексты снабжены комментариями и паспортными данными.

Исследователь балкаро-карачаевского нартского эпоса А. З. Холаев справедливо подчеркивает, что тексты С.-А. Урусбиева представляют собой первые научно значимые материалы по рассматриваемой национальной версии эпоса⁴.

Следует отметить, что с самого начала в упомянутом «Сборнике...» особое внимание уделялось фольклорным материалам. Уже во втором его выпуске (1882 г.) были опубликованы «Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов» известного путешественника и фольклориста Гр. Н. Потанина, в котором выдвигались темы и проблемы, представляющие научный интерес, давались рекомендации собирателям фольклора. Следует отметить также заметную роль в собирании и изучении местного фольклора русской периодической печати на Кавказе, публиковавшей отдельные образцы фольклора горцев.

Карачаевские тексты нартского эпоса впервые были опубликованы учителем местного горского училища М. Алейниковым. Он записал у карачаевских сказителей три оригинальных сказания о нартах – «Ачемез и Хубун», «Девлер» и «Эмегены»⁵, которые значительно отличались от сказаний, записанных С.-А. Урусбиевым. Собирателю были известны и другие сказания карачаевцев, однако он ограничился указанием, что они очень близки к балкарским и отличаются от них лишь в деталях.

К наиболее ранним записям эпических текстов балкарцев и карачаевцев относится и осуществленное воспитанником Закавказской учительской семинарии Али-Беком Боташевым запись сказания «Богатырь Ецмей, сын Ецея»⁶. До последнего времени это произведение не включалось в число нартских сказаний и, очевидно, этим объясняется невнимание нартоведов к нему. Между тем, оно представляет собой лучший вариант записанного М. Алейниковым сказания «Ачемез и Хубун».

В предисловии к XXI выпуску «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» Л. Г. Лопатинский отмечает некоторые общие черты малышей-богатырей: балкарского Ецмея, карачаевского Ачемеза, кабардинского Ашмеза, осетинского Тотраза⁷.

Любителей и исследователей устного народного творчества России с нартской эпопеей познакомила статья «Нартские богатыри», опубликованная в «Энциклопедическом

словаре» Брокгауза и Ефрона⁸. Неизвестный автор сумел в целом верно передать содержание эпоса, определить сюжет и выделить основных героев. Основой для статьи послужили балкарские сказания⁹, и в первую очередь тексты С.-А. Урусбиева, которые приводятся в перечне литературы.

В самом конце XIX в. вышла работа А. Н. Дьячкова-Тарасова, посвященная истории, этнографии и культуре карачаевцев. Автор привел пять новых вариантов нартских сказаний карачаевцев, записанных в старинном селении Карт-Джурт. Это – «Сосрука и эмеген пятиголовый», «Алауган», «Генджакешауай», «Смерть Ёрюзмека», «Княжна Саганай»¹⁰. Здесь же была опубликована песня «Чюэрды», которую автор, а вслед за ним и некоторые исследователи балкаро-карачаевского эпоса отнесли к числу нартских. В этой песне старший нарт назван по имени Борай (сравни: Ёра осетинского эпоса). Основанный на таком созвучии имен вывод представляется более чем сомнительным¹¹, ибо герои-нарты в песне не наделены чертами истинных нартов, а сюжет является традиционным для историко-героической песни. Следует признать ошибочным и мнение А. Н. Дьячкова-Тарасова, что «Сосрука считается главой нартов; иногда его заменяет Ёрюзмок»¹².

В 1963 г. известный исследователь фольклора В. М. Гацак на Сухумской конференции нартоведов сообщил о том, что им обнаружены новые записи нартского эпоса, которые, по его мнению, восходят к балкаро-карачаевским первоисточникам. Рукопись из архива В. Ф. Миллера под названием «Нарты» (черкесские былины) помечена 1901 г. и содержала стихотворные переводы нартских сказаний «Про первого нарта Дебета Золотого», «Сыновья Дебета – Гу и Цекни», «Как вошло зло в нартский род», «Шевай, сын Алаугана» (не окончена).

Исследование рукописи, проведенное позднее А. З. Холаевым, Ю. С. Гаглойти и А. И. Алиевой, подтвердило первоначальное предположение В. М. Гацака. Ю. С. Гаглойти и А. И. Алиева пришли к выводу, что В. Ф. Миллер был владельцем рукописи. Автор, скрывшийся под инициалами «В. Г.» (возможно, В. Гатцук, известный переводчик сказок

кавказских горцев), подверг литературной обработке балкарские нартские сказания, сближая их со стилем русских былин¹³. Кроме того, Ю. С. Гаглойти выявил, что новым в текстах рукописи является сказание о сыновьях Дебета – Гу и Цекни.

Важно, что ранние публикации балкаро-карачаевских нартских сказаний и рукопись из архива В. Ф. Миллера взаимно дополняют друг друга и позволяют рассуждать о циклах данной версии эпоса и их сюжетном составе.

Сбор балкарского фольклора продолжил Н. П. Тульчинский. В 1903 г. он опубликовал с отдельными комментариями четыре сказания о «главном нарте» Ёрюзмеке¹⁴. Эти небольшие по объему сказания интересны тем, что тексты об Ёрюзмеке здесь приводятся как в стихотворной, так и в прозаической форме. В целом, как отмечено в литературе, публикация Н. П. Тульчинского имела «важное значение для уточнения сюжетного состава и круга балкарских нартских сказаний»¹⁵. Часть материалов записана им, а часть, как пишет он сам, заимствована из «тетради Науруза Урусбиева».

К числу первых публикаций балкаро-карачаевского нартского эпоса следует отнести и сказку «Кто сильнее»¹⁶, записанную Е. Барановым.

В многообразном и богатом устном народном творчестве балкарцев и карачаевцев одно из важных мест занимают сказки. Первые записи балкарских сказок были сделаны известным собирателем фольклора Кавказа Е. Барановым. В 1887 г. он опубликовал «Сказки горских татар»¹⁷ в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа». В сборник были включены девять сказок, записанных у жителей разных ущелий Балкарии. Они сохранили глубину содержания, богатство вымысла, свежесть выраженного в них народного нравственного чувства. Е. Баранов сопровождал текст сказок примечаниями и комментариями, по настоящее время не утратившими своего научного значения. В них он указал на все варианты и родственные мотивы из других сказок. Сопоставляя параллели из сказочного фольклора других народов и отмечая специфичные особенности балкарских сказок, Е. Баранов попытался показать общность

некоторых имен, мотивов и сюжетов в сказках соседних народов.

В тридцать втором выпуске того же сборника Е. Барановым была напечатана подборка сказок горцев Северного Кавказа, в том числе и балкарцев¹⁸. Многие из собранного им фольклорного материала было напечатано в выходивших на Кавказе газетах, которые исследователям известны лишь частично. А в 1914 г. в Москве вышла его книга «Иналук и лесная волшебница. Сказки северо-кавказских татар».

Владея балкарским языком, Е. Баранов собирал кроме сказок также легенды и предания балкарцев и переводил их на русский язык, с твердой верой в их полезность для культуры Кавказа. Тем самым он положил начало выходу в свет значительных материалов балкарского фольклора¹⁹. Благодаря целеустремленной многолетней работе этого неутомимого труженика и энтузиаста были опубликованы произведения устного народного творчества и других народов Северного Кавказа.

Несколько сказок вошли и в упомянутые выше публикации М. А. Алейникова и Н. П. Тульчинского.

Собирателями фольклора балкарцев и карачаевцев были записаны разные сюжеты сказочного репертуара – волшебные, реалистические, бытовые, о животных. Большинство сказок имеют социально-этический смысл, раскрывают особенности семейно-родственных взаимоотношений, а также темы богатства и бедности, добра и зла. Основная их ценность состоит в том, что даже в русском переводе бережно изложен сюжет, не нарушена сказочная традиция, сохранены реалии быта, балкарские и карачаевские имена и названия. Все это заметно расширяет возможности научного изучения сказок балкарцев и карачаевцев.

Некоторые материалы об устном народном творчестве балкарцев и карачаевцев приводят в своих трудах члены Русского географического общества Н. Ф. Грабовский, П. Я. Динник, Н. А. Караулов, Б. В. Миллер, В. М. Сысоев, Н. Н. Харузин, балкарский историк М. К. Абаев, а также такие видные деятели русской науки и культуры, как В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, И. И. Иванюков и др. Эти

авторы использовали народные сказания, топонимические, генеалогические и исторические легенды для иллюстрации отдельных мест своих историко-этнографических работ. Для фольклористов они важны и интересны тем, что в научный оборот впервые вводился неизвестный или малоизвестный русской науке материал.

В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский к работе по сбору фольклора балкарцев привлекали и корреспондентов – местных грамотных жителей²⁰.

Самая ранняя запись музыкального фольклора балкарцев принадлежит крупному русскому композитору М. А. Балакиреву. В 1863 г. он записал в Пятигорске мелодии горцев, специально исполненные для него князем Исмаилом Урусбиевым. «Записки кавказской народной музыки» М. А. Балакирева, по словам музыковеда Б. М. Добровольского, состоят из одиннадцати нотных записей мелодий и наигрышей горцев²¹, которые легли в основу знаменитой фортепьянной фантазии «Исламей». Уровень фиксации мелодии на слух по правилам европейской гармонии дает возможность судить о состоянии этого важного раздела музыкального фольклора в то время. Кстати, по утверждению П. Острякова, он был одобрен и исполнителем И. Урусбиевым²².

Музыкальный талант И. Урусбиева высоко оценил и С. И. Танеев, который видел в нем тонкого знатока музыкального и устно-поэтического наследия горцев²³. Именно от него композитор записал на нотной бумаге двадцать старинных песен, оригиналы записей которых ныне хранятся в доме-музее П. И. Чайковского в Клину.

Из числа балкарских напевов С. И. Танеев запечатлел три нартские песни, обрядовые – «Долай», «Инай», «Афсаты», «Гумная песня», «Горская охотничья песня», а также несколько историко-героических. В специальной таблице он дал свой анализ композиции приведенных им записей, уделив особое внимание характеристике ладового строя музыки горцев. «Оценивая работу С. И. Танеева по записи и характеристике музыкального творчества кавказских горцев, – писал В. Беляев, – нужно считать ее выдающейся

работой для своего времени, не потерявшей своего значения и до наших дней... Работа С. И. Танеева является фактически первой работой, удовлетворяющей требованиям научного исследования записи интересных образцов музыкального творчества народов Северного Кавказа, связанной с сообщением исторических и фактических сведений о нем и с музыкально-техническим анализом произведенных записей»²⁴.

Во время посещения аула Урусбиева С. И. Танеев с интересом смотрел народные танцы, слушал сопровождавшие их музыку и песни. Свои наблюдения он изложил в статье «О музыке горских татар»²⁵. По мнению В. Беляева, «замечки С. И. Танеева, давая ряд точно изложенных сведений, с различных сторон характеризующих музыку кавказских горцев, касается фактически всех основных вопросов народной музыки в применении к тому объекту, с которым ему пришлось иметь дело»²⁶. Действительно, композитор впервые в музыкальной фольклористике достаточно полно охарактеризовал народное музыкальное творчество, виды исполнительства, народный инструментарий. Он привел интересные данные о его строе, звукоряде, объеме, тембре, а также высказал свои соображения относительно изучения народной музыки и ее развития.

Впервые в истории исследования балкарского музыкального фольклора С. И. Танеев, исходя из информации И. Урусбиева, определил жанры народной песни. Примечательно, что суждения И. Урусбиева относительно балкарских песен в основном совпадают с современной их научной классификацией и в настоящее время в известной степени сохраняют свое значение.

Записи М. А. Балакирева и С. И. Танеева в области музыкального фольклора горцев Кавказа, а также статья последнего «О музыке горских татар», получили обстоятельную оценку у советских музыковедов и освещены в трудах А. В. Бабакевхаян, Л. В. Михеевой и А. И. Рахаева²⁷.

Сведения о музыке, музыкальных инструментах, хореографическом искусстве балкарцев и карачаевцев содержатся в работах Н. Ф. Грабовского, В. Я. Тепцова, И. И. Леонтьева, Г. Ф. Чурсина, Н. П. Тульчинского и В. М. Сысоева²⁸.

Фрагментарные сведения о «красивых горских танцах» сообщают И. З. и С. Ф. Давидович²⁹. Е. Баранов отметил своеобразие исполнительского приема балкарских певцов³⁰. Отдельные наблюдения о ритуальных танцах и песнях имеются в очерке И. Иванюкова и М. Ковалевского³¹.

Большое количество текстов балкаро-карачаевских песен было опубликовано Н. П. Тульчинским³². По жанру эти песни разнообразны. Сюда входят трудовые, нартские и обрядовые песни, представляющие наиболее древний пласт, а также песни исторические и лирические. Идеино-художественный анализ песен в публикации Н. П. Тульчинского отсутствует: автор ограничился лишь краткими замечаниями о той или иной песне. Особый интерес представляют песни «Долай» и «Охотничья песня», которые приводятся в двух вариантах.

Помимо песен, сказок и эпических текстов Н. П. Тульчинский в своих «Поэмах...» впервые опубликовал в русском переводе 115 балкаро-карачаевских пословиц и поговорок³³, раскрывая в некоторых случаях смысл их лапидарной образности.

Как видно, публикации Н. П. Тульчинского охватили основные жанры народно-поэтического творчества и в них впервые сделана попытка показать многообразие, богатство идейно-тематического содержания балкаро-карачаевского фольклора. Тексты снабжены примечаниями и комментариями автора, содержащими ценные сведения по истории, этнографии, религии и фольклору балкарцев.

Широтой и разнообразием фольклорных жанров отличаются и публикации известного венгерского ученого В. Прёле. Его поездки в Карачай и Балкарию в начале XX в. оказались чрезвычайно плодотворными. В. Прёле побывал во многих селениях, где собрал интересные данные по этнографии, языку и фольклору балкарцев и карацевцев. В результате в двух номерах журнала «Keleti Szemle»³⁴ были опубликованы статьи ученого, отразившие быт и диалекты языка балкарцев и карацевцев того времени.

Зафиксированные В. Прёле произведения устного народного творчества стали примечательным явлением в истории изучения фольклора балкарцев и карацевцев, как един-

ственные дореволюционные записи на языке оригинала. Поэтому образцы фольклора горцев, изданные В. Прёле, имеют большую ценность для фольклористов и лингвистов, занимающихся балкаро-карачаевской филологией.

Наконец, следует упомянуть «Предисловия» А. Г. Лопатинского к балкаро-карачаевским фольклорным публикациям в 21, 23, 25, 34 выпусках «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Содержащиеся в них характеристики образцов устного поэтического творчества балкарцев и карацевцев в сравнении с аналогичными произведениями фольклора адыгов, осетин и других кавказских народов представляют определенный интерес для современных фольклористов.

Дореволюционные публикации фольклора балкарцев и карацевцев вошли в изданную Кабардино-Балкарским ИИИ книгу³⁵, во вводной части которой А. И. Алиевой обстоятельно прослеживается история записи и публикации фольклора двух близкородственных народов в XIX – начале XX в.³⁶ Среди его собирателей и пропагандистов отцу и сыновьям Урусбиевым принадлежит особое место. Подвижническая деятельность Исмаила Урусбиева была отмечена золотой медалью Русского географического общества, он получал награды и от некоторых зарубежных научных обществ. Русскими и другими исследователями вместе с представителями нарождавшейся балкаро-карачаевской интеллигенции были собраны и изданы ценные образцы основных жанров устного народного творчества. Хотя тексты опубликованы и в русском переводе, они выполнены с учетом требований, выработанных к тому времени русской академической наукой и представляют большой познавательный интерес для специалистов различных отраслей знания – фольклористов, лингвистов, историков и этнографов.

Примечания

1. Остряков П. Народная литература кабардинцев и ее образцы // Вестник Европы. СПб., 1879. Т. IV. С. 697–710.

2. Холаев А. З. К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе // В кн.: Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 285–287.

3. Урусбиев С.-А. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1881. Вып. 1. Отд. 2. С. 1–42.

4. Холаев А. З. Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974. С. 11.

5. Алейников М. Карачаевские сказания // СМОМПК. 1883. Вып. 3. Отд. 2. С. 139–155.

6. Боташев А. Богатырь Ецемей, сын Ецея // СМОМПК. 1896. Вып. 21. Отд. 2. С. 76–88.

7. Лопатинский Л. Г. Предисловие к XXI тому // СМОМПК. 1896. Вып. 21. С. 21–24.

8. Нартские сказания // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1897. Т. XX. С. 600.

9. Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977. С. 25.

10. Дьячков-Тарасов А. Н. Заметки о Карачае и карачаевцах // СМОМПК. 1898. Вып. 25. Отд. 2. С. 73–81.

11. Гаглойти Ю. С. Указ. раб. С. 170.

12. Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. раб. С. 87.

13. Гаглойти Ю. С. Указ. раб. С. 165; Алиева А. И. История записи и публикаций фольклора балкарцев и карачаевцев в XIX – нач. XX в. // В кн.: Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983. С. 31.

14. Тульчинский Н. П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 297–301, 329, 330.

15. Гаглойти Ю. С. Указ. раб. С. 165.

16. См.: Баранов Е. Сказки горских татар, ингушские сказки. Кабардинские предания и легенды. Чеченские сказки // СМОМПК. 1903. Вып. 32. Отд. 2. С. 1–3.

17. Баранов Е. Сказки горских татар // СМОМПК. 1897. Вып. 23. Отд. 3. С. 3–48.

18. Баранов Е. Сказки горских татар, ингушские сказки... С. 4–26.

19. Баранов Е. 1. Легенды Кавказа. Ростов-на-Дону, 1913. – 197 с.; 2. Певец гор и другие легенды Северного Кавказа. М., 1914. – 64 с.; 3. Сказки кавказских горцев. М., 1913. – 202 с.; 4. Солнечное за-

мение в горах Кавказа. Балкарское предание // Черноморское побережье. 1912. № 91. – 92 с.; 5. Трус // Терские ведомости. 1896. № 47 и др.

20. См.: Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. СПб., 1886. Т. I. Кн. I. С. 105; Туккаев С., Урусбиев С.-А. Письмо в редакцию // Отечественные записки. СПб., 1884. Т. 268. № 4. С. 276.

21. Балакирев М. А. Записки кавказской народной музыки // Подгот. публ. Б. М. Добровольского // В кн.: Балакирев М. А. Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 434.

22. Остриков П. Народная литература кабардинцев... С. 702.

23. Танеев С. И. Избранные письма. В 2 т. М., 1958. С. 491.

24. Беляев В. По поводу записей музыки кавказских горцев С. И. Танеева // В кн.: Памяти С. С. Танеева. М.; Л., 1947. С. 217–218.

25. Танеев С. И. О музыке горских татар // Вестник Европы. СПб., 1886. С. 94–98.

26. Беляев В. Указ. раб. С. 218.

27. Бабакевхайн А. В. Автореферат теоретической части диссертации на тему: «"Исламей" М. А. Балакирева и некоторые вопросы его интерпретации». М., 1951. – 12 с. (на правах рукописи); Михеев Л. В. «Исламей» М. А. Балакирева. М., 1961. – 21 с.; Рахаев А. И. К вопросу изучения народных песен и статьи «О музыке горских татар» С. И. Танеева // В кн.: Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. С. 131–141.

28. См.: Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. 1869. Вып. 2. С. 8–10; Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. 1892. Вып. 14. С. 147–148; Леонтьев И. Поездка к Баксанскому леднику // СМОМПК. 1897. Вып. 22. С. 139; Чурсин Г. Ф. Музыка и танцы карачаевцев // Кавказ. 1901. № 270; Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды. С. 205; Сысоев В. М. Карачаевцы в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. 1913. Вып. 43.

29. И. З. Баксанское ущелье (Путевые заметки) // Кавказ. 1891. № 326; Давидович С. В горах Кавказа // Природа и охота. М., 1893. Кн. 10. С. 47.

30. Баранов Е. З. В горах // Северный Кавказ. 1903. № 77.

31. Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 111.

32. Тульчинский Н. П. Поэмы, легенды, песни... С. 253–295.

33. Там же. С. 330–334.

34. См.: *Keleti Szemle*. Budapest, 1909. № 10; 1916. № 16.

35. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / Составление и комментарии А. И. Алиевой. Нальчик, 1983. – 432 с.

36. Алиева А. И. История записи и публикации... С. 5–32.

Изучение балкаро-карачаевского нартского эпоса в советский период *

Историография нартиады насчитывает много имен ученых – дореволюционных, советских и зарубежных. Их деятельность отражена в специально посвященных этому вопросу работах ¹, мы же кратко остановимся на истории изучения балкаро-карачаевского нартского эпоса в советский период, когда его собирание, издание и исследование ставится на подлинно научную основу.

В 20-е гг. вышла брошюра М. В. Рклицкого «К вопросу о нартах и нартских сказаниях» ², посвященная сравнительному анализу осетинских и кабардинских нартских сказаний и генезису нартского эпоса. В ней нас интересует критический разбор М. В. Рклицким миллеровского утверждения о влиянии кабардинского эпоса о нартах на осетинский и балкарский. Опровергая его, он исходит из насыщенности осетинских и балкарских сказаний «нартским элементом» в виде пережитков далекой старины и высказывает сомнение, не трактуются ли некоторые балкарские сказания как кабардинские? Как показал А. З. Холаев, основания для подобного сомнения действительно имелись ³.

Однако М. В. Рклицкий склонен был полагать, что «из осетинского эпоса кабардинцы и балкарцы выбрали для себя наиболее симпатичных для них героев» ⁴. Он правильно указывает на то, что в балкаро-карачаевском нартском эпосе «центральной фигурой» является Ёрюзбек.

Начало исследованию балкаро-карачаевского нартского эпоса в советскую эпоху было положено статьей Н. М. Дря-

* Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 81–91.

гина ⁵. Автор на основе записанных в Карачае (1926–1928 гг.) сказаний анализирует художественные особенности эпоса, высказывает интересные соображения, хотя некоторые его построения страдают чрезмерным увлечением «яфетической теорией» Н. Я. Марра.

Недостатки статьи Н. М. Дрягина общеизвестны и, к сожалению, о них говорят чаще, нежели о ее достоинствах. Записанные Н. М. Дрягиным легенды о Кызы-хан и красавице Ак-Билег содержат матриархальные мотивы, свидетельствующие о сохранении в фольклоре наиболее ярких отголосков эпохи, когда женщины стояли во главе племенных союзов. Это гордые и независимые красавицы, девы-воительницы, которые ведут борьбу с нартами. Этой борьбе мужского и женского начала Н. М. Дрягин приписывает распространение гораздо более широкое, чем это имеет место в эпосе. Подобными же мотивами насыщена адыгская легенда об эммеч, записанная в 1730 г. Я. Рейнегтсом. Это дало возможность И. В. Трескову отметить общее между карачаевской красавицей Ак-Билег и адыгской Адикох ⁶. М. О. Косвен считал вариант Я. Рейнегтса «фантазией на тему Страбона» ⁷. По мнению Л. И. Лаврова, следы эммеч в Карачае, о которых писал Н. М. Дрягин, не согласуются с мнением М. О. Косвена ⁸. Однако и Л. И. Лавров не пошел дальше этого, и вопрос об эммечках в северокавказском фольклоре остался открытым.

В 1939 г. была организована первая лингвистическая экспедиция советских ученых во главе с профессором В. И. Филоненко, в которой участвовали профессор В. П. Сухотин, доцент Я. И. Фролов, аспирант А. М. Алпаев, писатели Ю. Либединский и В. Козин. Они побывали во всех уцельях Балкарии и собрали значительный материал. Был подготовлен сборник балкарских сказок, нартских сказаний и песен, который не увидел свет и пропал в период временной оккупации территории республики немецкими войсками. Сохранившаяся у В. И. Филоненко часть сборника была выпущена КБНИИ отдельным изданием – «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору». Туда вошли три сказания о Сосуруке, записанные в Черекском, Хуламо-Безенгиевском и Чегемском уцельях ⁹.

Они ценны тем, что публикация текстов осуществлена на основе принципов научной текстологии с синхронным переводом на русский язык.

В предвоенные годы публикации балкаро-карачаевского нартского эпоса пополнились вариантами сказания об Ачемеze¹⁰ и известным сказанием о Сосуруке – «Сосурка и эмеген пятиголовый»¹¹. Последний был опубликован на карачаево-балкарском языке.

С конца 1950-х гг. начался систематический сбор балкаро-карачаевского фольклора, главная роль в организации которого принадлежит Кабардино-Балкарскому НИИ. Специальная научная сессия этого института была посвящена проблемам периодизации, отбора и публикации фольклора адыгов, балкарцев и карачаевцев (1960 г.). С докладом «О сборе и публикации произведений устного народного творчества балкарского народа» выступил А. Ю. Бозиев¹². Утверждая общность происхождения, исторического развития и духовной культуры балкарцев и карачаевцев, он указал на необходимость совместного изучения фольклора двух близкородственных народов.

С этого времени широко разворачивается сбор и изучение балкаро-карачаевского нартского эпоса.

Результатом фольклорной экспедиции КБНИИ 1958 г. явилось издание «Антологии балкарской поэзии»¹³, в которой собраны тексты пяти песен о нартах: «Ёрюзбек и рыжебородый Фук», «Ёрюзбек и Ногайчик», «Сосурук и эмеген», «Богатырь Карашауай», «Ширдан и Нёгер», ошибочно включенная в раздел «Старинные песни»¹⁴.

После этой книги публикация балкаро-карачаевского нартского эпоса была приостановлена. Главная причина состояла в необходимости накопления новых записей для отдельного издания эпоса. Именно в 60-е гг. было зафиксировано большинство имеющихся ныне материалов.

В этот период много внимания уделяется и его научному изучению. Здесь прежде всего следует назвать работу А. И. Караевой «О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа»¹⁵. Это первое филологическое исследование всех жанров балкарского и карачаевского фольклора, особен-

ностей его поэтики. Автор особо останавливается на нартских сказаниях. Определяя нартский эпос как «наиболее древний памятник устного народного творчества карачаевцев и балкарцев», автор дает краткую характеристику содержанию и героям эпоса. Вслед за А. И. Дьячковым-Тарасовым она утверждает, что Сосурук выступает главою нартов, а «второе по значительности место в нартском эпосе принадлежит Ёрюзбеку»¹⁶. Автор не избежала некоторых неточностей, на большинство из которых справедливо указал А. З. Холаев¹⁷. Кроме того, не все дореволюционные публикации нартского эпоса оказались в поле зрения А. И. Караевой (например, публикации И. Острякова, А. Боташева, Н. П. Тульчинского, Е. З. Баранова и др.). Однако, при всех очевидных недостатках этой работы, для своего времени она была, несомненно, заметным явлением и до сих пор сохраняет определенную научную ценность.

В начале 1960-х гг. особое внимание уделялось комплексному изучению духовной культуры кавказских народов: появились монографии И. В. Трескова и В. Б. Корзуна, в которых прежде всего освещались вопросы фольклорных связей, сложившихся в процессе многовекового общения народов Северного Кавказа. И. В. Тресков рассматривает балкаро-карачаевский нартский эпос отдельно, выделив его в самостоятельный эпический узел¹⁸. Стремление автора отнести сюда «с известными оговорками» сказания тюркоязычных кумыков и ногайцев вызвало справедливое возражение А. З. Холаева¹⁹. В. Б. Корзун в одной из глав своего труда рассматривает вопросы поэтики и художественного своеобразия нартского эпоса. Сравнивая абхазские, адыгские, балкаро-карачаевские и осетинские сказания, он показал, что в «построении образов основных героев преобладает такая исторически сложившаяся форма или способ художественного обобщения, как эпическая идеализация и ее высшее проявление – героическая идеализация»²⁰.

Большую роль в постановке и разработке некоторых важных вопросов нартиады сыграла II Всесоюзная конференция нартоведов (Сухуми, 1963 г.). В ней участвовали ученые Кавказа, Москвы и Ленинграда. Она отразила успехи, достигнутые в советском нартоведении со времени совещания 1956 г.

в гор. Орджоникидзе и способствовала определению путей дальнейшего изучения этого выдающегося памятника.

Известный советский фольклорист В. М. Гацак доложил о своем открытии новых записей нартского эпоса. Это рукопись из архива В. Ф. Миллера под названием «Нарты» (черкесские былины), в составе которой оказались стихотворные переводы нартских сказаний «Про первого нарта Дебета Золотого», «Сыновья Дебета – Гу и Цекни», «Как вошло зло в нартровский род», «Шевай, сын Алавгана» (не окончена). Рукопись помечена 1901 г. В. М. Гацак высказал мнение о том, что найденная им рукопись восходит к «балкарским первоисточникам».

Исследование рукописи, проведенное А. З. Холаевым и Ю. С. Гаглойти, подтвердило первоначальные предположения В. М. Гацака. Ю. С. Гаглойти пришел к выводу, что В. Ф. Миллер был владельцем рукописи. Автор, скрывшийся под инициалами «В. Г.», подверг литературной обработке балкарские нартские сказания, стилистически сближая их с русскими былинами²¹. Он же выявил, что новым в текстах рукописи является сказание о сыновьях Дебета – Гу и Цекни.

Важно, что ранние публикации балкаро-карачаевских эпических текстов и рукопись из архива В. Ф. Миллера взаимно дополняют друг друга и позволяют говорить о циклах балкаро-карачаевского нартского эпоса и их сюжетном составе.

Корни древней культурной общности абхазцев, балкарцев и карацев были рассмотрены Ш. Д. Инал-Ипой²². Истории собирания, публикации и изучения балкаро-карачаевского нартского эпоса посвятил свое выступление А. З. Холаев²³. Материалы конференции в последующем вышли отдельным сборником²⁴.

В 1965 г. была организована вторая экспедиция КБНИИ по сбору балкаро-карачаевского нартского эпоса, которую возглавил А. З. Холаев. В ней участвовали научный сотрудник Карачаево-Черкесского НИИ Х. И. Сюйюнчев, поэт, известный знаток фольклора балкарцев и карацевцев С. О. Шахмурзасв и С. Б. Настаев. Записи производились в Балкарии и Карачае. В результате был накоплен богатый материал,

лучшие образцы из которых легли в основу книги «Нарты. Балкаро-карачаевские нартские сказания», вышедшей в свет в 1966 г. на языке оригинала и со вступительной статьей А. З. Холаева²⁵. Тексты в ней расположены по принципу генеалогической циклизации. Она представляет собой самое полное сводное научное издание балкаро-карачаевских нартских сказаний и явилась значительным вкладом в развитие фольклорно-текстологической работы в республике.

В 1973 г. был осуществлен художественный перевод «Нартов» на русский язык под названием «Дебет Златоликий и его друзья»²⁶. Хотя это издание не является научным, нелишне отметить, что в нем имеются такие отступления от первоисточника, которые отрицательно отразились на достоверности текстов, на что справедливо указывают исследователи²⁷.

Тем не менее, отдавая дань замыслу, следует признать, что это издание сделало балкаро-карачаевский эпос достоянием советской читательской публики.

Особое место среди исследователей балкаро-карачаевского нартского эпоса принадлежит А. З. Холаеву. Он внес большой вклад в дело собирания, публикации и изучения фольклора балкарцев и карацевцев и нартского эпоса в особенности. А. З. Холаев – первый историограф балкаро-карачаевского нартского эпоса, им опубликована статья «К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе», в которой проанализированы работы дореволюционных и советских авторов. Основное ее значение в том, что в ней, по существу, впервые подводятся итоги изучения эпоса. А. З. Холаевым написана также серия вступительных статей, комментариев и примечаний к изданиям балкаро-карачаевского нартского эпоса²⁸. Его монография «Карачаево-балкарский нартский эпос»²⁹, явившаяся результатом многолетних исследований, относится к числу основных трудов по балкаро-карачаевской версии нартского эпоса.

По установившейся традиции, балкаро-карачаевский эпос разделен А. З. Холаевым на три «старших» и один «младший» циклы, и каждый из них рассмотрен в сопоставлении с аналогичными адыгскими, абхазскими, осетинскими

и чечено-ингушскими циклами. А. З. Холаев отметил отличительные особенности главных героев балкаро-карачаевских сказаний – Ёрюзмека, Сатанай, Сосруко. Автор показал самостоятельность и оригинальность балкаро-карачаевского эпоса: хотя сказания о Дебете и Карашауае имеют аналогии в адыгском и осетинском вариантах, но такого крута сюжетов, какие связаны здесь с именами этих героев, нет в других национальных версиях; сказания о Рачикау, Алаутане, Бёдене и другие известны только балкаро-карачаевскому нартскому эпосу. По мнению А. З. Холаева, не только основные герои и их характеристика, а поэтика, поэтические приемы выражают и определяют национальную специфику нартских сказаний³⁰. Значительное развитие социальных мотивов, присущих даже древнейшим сюжетам эпоса, выделяется автором как особенность сюжетосложения балкаро-карачаевских сказаний.

Нартскому эпосу вообще свойственна циклизация сказаний вокруг главных героев, а в балкаро-карачаевском налицо и элементы генеалогической циклизации (Дебет, Алаутан, Карашауай, Бёдене, Рачикау).

Автор пришел к выводу, что «связанная с общекавказской эпической традицией балкаро-карачаевская версия нартского эпоса является самобытным и оригинальным творением этих народов, в котором отразились их история, философия, мировоззрение, особенности психологии, быт и нравы»³¹.

Плодотворные разработки А. З. Холаева свободны от предвзятых и произвольных гипотез, свойственных, к сожалению, некоторым авторам.

Конечно, и работа А. З. Холаева не дает ответа на все вопросы. В этой книге можно было глубже разработать его раннюю идею о традициях тюркского фольклора в балкаро-карачаевских сказаниях³², и тогда точка зрения А. З. Холаева была бы менее уязвимой для критики³³.

В последние годы появились серьезные исследования по отдельным жанрам фольклора. Вкладом в караево-балкарскую фольклористику является книга Ф. А. Урусбиевой, в которой рассматриваются история развития основных жанров устно-поэтического творчества и также их художественные

особенности. В ее работе большое внимание уделено нартскому эпосу³⁴. По генеалогической и сюжетной близости автор выделяет шесть групп – циклы Сосурука, Ёрюзмека, Сатанай, Дебета, Карашауая, Бёдене-Рачикау.

Анализируя сюжетный состав всего цикла, Ф. А. Урусбиева определяет, что караево-балкарская версия, сохраняя в главных моментах общее содержание нартиады, в то же время подверглась некоторой «историзации» и «национализации», что «подтверждает мысль об универсальности содержания Нартиады и ее полнокровной художественной жизни у братских народов Северного Кавказа».

Продолжаются исследования и отдельных малоизученных аспектов нартского эпоса. В 1980 г. Т. М. Хаджиева защитила диссертацию «Поэтика балкаро-карачаевского нартского эпоса»³⁵. В ней рассмотрены сюжет, повествовательные и художественно-изобразительные средства эпоса и через них более полно выявлены национальная специфика поэтики балкаро-карачаевских сказаний. Развивая высказанную А. З. Холаевым мысль, Т. М. Хаджиева показала связи балкаро-карачаевских сказаний с традициями тюркского эпоса и убедительно объяснила закономерность этого явления. В заключение автор подчеркивает, что поэтике исследуемого эпоса присущи две традиции: общекавказская и древнетюркская³⁶. В этой связи следует возразить Ю. С. Гаглойти, считающему, что «в балкаро-карачаевских сказаниях традиции тюркского фольклора прослеживаются в очень незначительной степени»³⁷.

Специальные разделы посвящены нартскому эпосу караевоцев и балкарцев в первом томе академического издания «История КБАССР»³⁸, в «Очерках истории балкарского народа»³⁹, в коллективной монографии «Караевоцы»⁴⁰. Разделы написаны соответственно А. Т. Шортановым, А. Ю. Бозиевым и А. И. Караевой.

Сто лет назад Сафар-Али Урусбиев писал о том, что решающую роль в духовном развитии его народа играли фольклорные произведения⁴¹, отражающие взгляды людей на явления природы и социальной жизни, их религиозные и нравственные представления, эстетические чувства и т. д.

Действительно, фольклор оказал огромное воздействие на культурное развитие Балкарии нового и новейшего времени. Устное народное творчество было почвой, на которой выросла балкарская литература. С первых шагов театр, музыка и живопись черпают силы и вдохновение из фольклора. А древность эпоса придает ему важное значение как историческому памятнику. В этой связи особую актуальность приобретают историко-культурные проблемы фольклора. Прежде всего внимание исследователей нартский эпос привлекает как исторический источник. Ш. Д. Инал-Ипа, Ю. С. Гаглойти, З. В. Абаева, В. А. Кузнецов и другие отмечают, что истоки исторических знаний и представлений у младописьменных народов нужно искать в эпических памятниках. Не отрицая мифологической основы эпоса, они полагают, что эпические сказания выражают дух и характер определенной исторической эпохи и могут послужить источником для изучения древней истории народов Кавказа ⁴².

Конечно, творчество народа имеет свою меру истинности и далеко не совпадает с историей реальной. Но утверждение о том, что она исчезает там, где начинается поиск истины, было бы явной однобокостью ⁴³. При таком подходе от истории балкарцев, карачаевцев и других народов Северного Кавказа отсекается ее древнейший период, период формирования культуры, самого типа историко-поэтического сознания.

Роль эпоса в формировании нравственного и эстетического облика народа стала объектом анализа в монографии М. Б. Гуртуевой ⁴⁴.

Бесспорную ценность представляет диссертационная работа А. И. Рахаева, которая является первым опытом музыкологического исследования балкаро-карачаевского песенного эпоса ⁴⁵.

Наконец, следует отметить разработку советскими историками и фольклористами проблем, связанных с развитием историографии нартского эпоса.

Первый опыт историографического обзора нартиады принадлежит профессору Б. А. Калоеву ⁴⁶. Более конкретно историография балкаро-карачаевских сказаний дана в упо-

минавшейся уже статье А. З. Холаева, которая с небольшими изменениями составила историографическую часть его монографии «Карачаево-балкарский нартский эпос».

Что касается новейшей литературы, то укажем на исследование Ю. С. Гаглойти «Некоторые вопросы историографии нартского эпоса». Автором проделана большая работа по изучению дореволюционной, советской и зарубежной литературы по Нартиаде. Им же исследована история сбора и публикации нартских сказаний всех кавказских народов – его носителей. В целом работа представляет значительную ценность по обширности привлеченного материала. Следует только сожалеть, что автор понимает нартский эпос как протоосетинское наследие. От такого понимания идет и его общая концепция «Нартов», определившая трактовку вопросов эпоса и само сосредоточение его внимания на проблемах основного ядра и генезиса нартских сказаний.

Вопросы ядра и генезиса нартского эпоса рассматривались учеными еще в конце XIX в., и тогда же родилось заблуждение, дающее сложные рецидивы и в наши дни. Особенность трактовки этих вопросов состояла в том, что одни хотели видеть героическую эпопею принадлежностью осетин, другие – адыгов, третьи – абхазцев, «неизбежно оставляя другим ущемленную долю заимствования». Относительно балкаро-карачаевского эпоса «теорию заимствования» обосновал В. Ф. Миллер: балкарцы-тюрки как «позднейшие пришельцы, по-видимому, заимствовали некоторые типы нартов у кабардинцев или нацли их на новой родине, раньше их населенной осетинами» ⁴⁷. В разных инновациях эта же мысль была повторена советскими исследователями (например, Ш. Х. Салакая, А. Н. Аншба, Ю. С. Гаглойти), и главным основанием для таких взглядов остается принадлежность карачаево-балкарского языка к тюркской группе языков.

Здесь полезно напомнить замечание А. А. Иессена, высказанное им в связи с анализом происхождения балкарцев: «Не отрицая вполне вероятных передвижений населения, все же нужно стремиться к вскрытию сложных процессов скрещения, происходящих с сохранением ядра древнего

населения, а не к одной констатации нового этнического термина, объясняемого как результат «прихода» его носителя извне»⁴⁸. К этому надо прибавить, что почти все специалисты считают балкарцев и карачаевцев автохтонными народами Кавказа, этногенез которых зиждется на коренном кавказском субстрате⁴⁹.

Выявляется интересное противоречие: данные антропологии и археологии свидетельствуют о местном, а лингвистика и фольклор – о пришлом происхождении народа. Его заметил и разрешил В. П. Алексеев: «...противоречие между разными историческими источниками легко понять, если предположить, что они отражают разные этапы истории балкарцев, карачаевцев: антропологические данные – древнейший этап, лингвистика и фольклор – позднейший»⁵⁰, связанный с переходом на тюркскую речь и усвоением тюркской культуры.

Следовательно, балкарцы и карачаевцы связаны непрерывной преемственностью поколений с древним местным населением Центрального Кавказа, а их нартские сказания на тюркском языке получают своеобразное, соответствующее собственно кавказским культурным традициям, истолкование, приобретая, естественно, тюркский колорит.

Существовавшая в древности кавказская культурная общность во многом определила пути и особенности формирования национальных версий. Близость сюжетики и художественных средств национальных вариантов эпоса еще не свидетельство заимствований.

Конечно, единство многих особенностей нартского эпоса у его носителей никак нельзя объяснить лишь «общей идейной атмосферой»: было бы неправильным игнорировать многовековые непосредственные взаимовлияния и взаимодействия. Взаимодействие культур не ограничивается и не может ограничиться простым обменом ценностями.

Свое мнение в связи с возникающим среди исследователей спора «кому же из народов Кавказа принадлежит эпос» высказала и известный фольклорист А. А. Петросян. На ее взгляд «ответ на этот вопрос очень простой: эпос принадле-

жит тому народу, среди которого он бытует. Это значит, что осетинские версии принадлежат осетинам, кабардинские – кабардинцам, абхазские – абхазцам и т. д. Поэтому более естественно видеть в генезисе нартского эпоса момент общей истории культуры северокавказских народов»⁵¹. И задача состоит не в сборе разрозненных фольклорных фактов, констатации переключек и даже заимствований, что остается еще довольно распространенным явлением в литературе по Нартиаде, а в показе эволюции фольклорных явлений на фоне менявшихся исторических эпох и в тесном взаимодействии между собой.

Серьезный шаг по пути научного осмысления генезиса нартского эпоса сделан специалистом по древней истории Кавказа А. Я. Фёдоровым, который доказывает, что сформировавшийся в эпоху бронзы в пределах Северного Кавказа единый этнокультурный субстрат был нарушен в последующие века вторжением иранских и тюркских племен, что привело к формированию современных народов указанного края. «...Так в процессе этнического развития населения Западного и Центрального Кавказа угасает бывшее этнокультурное единство. В свое время на его основе создавались колхидская и кобанская культуры, а в области духовного творчества – нартский эпос народов Кавказа»⁵².

Таким образом, возникновение нартского эпоса А. Я. Фёдоров относит к эпохе бронзы и увязывает с развитием колхидской и кобанской культур, носителями которых были предки абхазцев, адыгов и осетин. А. Я. Фёдоров поддержал схему Е. П. Алексеевой, по которой в основе происхождения тюркоязычных балкарцев и карачаевцев лежит кобанский этнокультурный субстрат.

Тезис Ю. С. Гаглойти о том, что основное ядро нартского эпоса создавалось в пределах Центрального Кавказа в протоосетинской этнической среде, А. Я. Фёдоровым был отклонен. Он указал на полистадиальность и многонациональность нартского эпоса и дал ему, на наш взгляд, наиболее убедительное общее решение.

Идея эта не нова и не раз рассматривалась в советской литературе. Развернутое изложение вопроса дано, в частности,

в статьях Е. И. Крупнова и А. А. Петросян⁵³. Примерно таких же позиций придерживаются В. К. Гарданов⁵⁴, А. З. Холаев и другие ученые, что представляется вполне правильным и достаточно обоснованным.

Таким образом, речь идет не о случайном эпизоде в истории духовного развития балкарцев и карачаевцев, как то неоднократно пытались квалифицировать отдельные исследователи. Отметим также, что обнаружение кавказского фольклорного субстрата в творчестве балкарцев и карачаевцев очень важно и для восстановления истории их фольклора, и, быть может, для выяснения некоторых загадок в этногенезе этих народов.

Таковы основные итоги сбора, публикации и изучения балкаро-карачаевского нартского эпоса в советский период. Если в дооктябрьский период собирание нартских сказаний было делом энтузиастов-одиночек, то в советское время оно носит планомерный и организованный характер. Фольклорными группами КБНИИ по всей Балкарии и Карачаю были собраны различные варианты сказаний. Лучшие из дореволюционных публикаций и вновь собранных материалов увидели свет на языке оригинала и в русском переводе. Важное значение придается изучению нартского эпоса балкарцев и карачаевцев в тесной связи с эпическими сказаниями других кавказских народов. Прделанная работа открывает перспективу дальнейшего изучения эпоса, облегчает возможность выделить актуальные проблемы нартиады.

Литература

1. См.: Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977.
2. Рклицкий М. В. К вопросу о нартах и нартских сказаниях. Владикавказ, 1927.
3. Холаев А. З. К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 285–288.
4. Рклицкий М. В. Указ раб. С. 24.

5. Дрягин Н. М. Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нарттов с эммец в свете яфетической теории // Яфетический сборник. М., 1930. Вып. 6. С. 18–34.

6. Тресков И. В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963. С. 203.

7. Косвен М. О. Амазонки // Советская этнография. 1947. № 3. С. 25.

8. Лавров Л. И. К истории северокавказского фольклора (до XIX в.) // Советская этнография. 1979. № 1. С. 40.

9. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962. С. 46–49, 63, 64, 104–106.

10. Ачemez – старинное карачаевское сказание / Пер. С. Карачаева. Ворошиловск, 1940.

11. Къарачай фольклор. Микоян-шахар, 1940. С. 15–19.

12. Бозиев А. Ю. О сборе и публикации произведений устного народного творчества балкарского народа // Материалы научной сессии КБНИИ, посвященной проблеме периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского и карачаевского фольклора. Нальчик, 1960. С. 49–58.

13. Малкъар халкъны анталогиясы. Нальчик, 1959.

14. Холаев А. З. К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе... С. 290.

15. Караева А. И. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961.

16. Карпеев А. И. Указ. раб. С. 13.

17. Холаев А. З. К вопросу... С. 293, 294; *его же*. Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974. С. 22, 23; Позднеев А. И. Караева позитивно решает вопрос о главе нарттов // Карачаевцы. Черкесск, 1977. С. 392.

18. Тресков И. В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963. С. 43–47.

19. Холаев А. З. Карачаево-балкарский нартский эпос... С. 24.

20. Корзун В. Б. Фольклор горских народов Северного Кавказа. Грозный, 1966. С. 57–91.

21. Гаглойти Ю. С. Указ. раб. С. 166, 167.

22. Инал-Ипа Ш. Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 50–52.

23. Холаев А. З. К вопросу... С. 282–294.

24. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.

25. Нартла. Малкъар-къарачай нарт таурухла. Нальчик, 1966.
26. Дебет Златоликий и его друзья. Балкаро-карачаевский нартский эпос. Нальчик, 1973.
27. Гаглойти Ю. С. Указ. раб. С. 168.
28. Нартла. Малкъар-къарачай нарт таурухла; Дебет Златоликий и его друзья. Балкаро-карачаевский нартский эпос; и ряд других работ.
29. Холаев А. З. Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974.
30. Там же. С. 112–120.
31. Там же. С. 136.
32. Холаев А. З. К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе... С. 293.
33. Гаглойти Ю. С. Указ. раб. С. 174.
34. Урусбиева Ф. А. Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск, 1979. С. 37–59.
35. Хаджиева Т. М. Поэтика балкаро-карачаевского нартского эпоса: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1980.
36. Там же. С. 17.
37. Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. С. 172.
38. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 1. С. 58–60.
39. Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. С. 180–182.
40. Карачаевцы. Черкесск, 1977. С. 311–313.
41. Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881. Вып. 1. С. 1–8.
42. Инал-Ипа Ш. Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов... С. 52, 53; Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. С. 5; Абаева З. В. Этюды по нартскому эпосу. Цхинвали, 1978. С. 23–53; Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980. С. 5–27.
43. Дынник В. А. Сюжетика осетинского нартского эпоса и его идеальный герой // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. С. 358.

44. Гуртуева М. Б. Балкарский фольклор о народном опыте воспитания. Нальчик, 1974.
45. Рахаев А. И. Балкаро-карачаевский песенный эпос и его значение в музыкальной культуре народа: автореф. канд. дис. ... искусствовед. наук. Л., 1982.
46. Калоев Б. А. История записи и публикации нартского эпоса // Нартский эпос (материалы совещания). Орджоникидзе, 1957. С. 175–213.
47. Миллер В. Ф. Кавказско-русские параллели // Этнографическое обозрение, 1893. № 3. С. 167.
48. Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1941. № 3. С. 28.
49. Фёдоров А. Я., Фёдоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 260 и др.
50. Алексеев В. П. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 27.
51. Петросян А. А. Решенные и нерешенные вопросы нартосказания // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. С. 9.
52. Фёдоров А. Я. В обход Кавказского хребта и через его перевалы // Вестник МГУ. Серия историческая. 1980. № 2. С. 75, 76.
53. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. С. 5–30.
54. Гарданов В. К., Абаев В. И. Нартский эпос // Советская этнография. 1947. № 2. С. 242–248.

Историография религиозных верований балкарцев во второй половине XIX – начале XX века *

В рассматриваемое время в целом общественное сознание балкарского общества находилось на уровне повседневного, обыденного. Оно отражало исторически сложившиеся условия жизни и непосредственные интересы населения, закрепленные в традициях, обычаях, привычках и прояв-

* Сабанчиев Х.-М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989. С. 201–210.

ляющиеся в повседневном быту, который был опутан религиозными предрассудками, суевериями и приметами, уходящими в далекие времена. Не случайно интерес дореволюционных авторов к народным верованиям горцев поддерживался главным образом той ролью, которую религия играла в повседневной жизни общества. Однако они верно уловили синкретический характер религиозных представлений горцев, складывавшихся в ходе взаимодействия весьма разнообразных элементов. «Верования горцев, – писала В. Желиховская, – представляют везде смесь магометанства с доброй дозой христианства и еще большей язычества»¹. Принесенный в Турцию арабами-завоевателями ислам, по ее мнению, с XVII в. через Крым распространился среди горцев Кавказа. Начало принятия магометанства балкарцами В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, И. И. Иванюков относят к концу XVII в., а процесс укоренения и распространения исламской догматики связывают с прямым и опосредованным влиянием на верхушку балкарского общества соседнего Дагестана² – своеобразного центра мусульманской схоластики на Северном Кавказе. Подобный взгляд разделял и В. Я. Тепцов³. По словам Г. Н. Казбека, И. И. Леонтьева и Н. А. Караулова, балкарцы исповедовали магометанство суннитского толка⁴. Только Н. П. Тульчинский ошибочно полагал, что население придерживается другого главного направления в исламе – шиизма⁵.

Как установлено исламоведами, обрядовой стороне мусульманство придает первостепенное значение: исповедание веры, пятикратный намаз, пост, узаконенная милостыня – зекят и хадж составляют «пять столпов» ислама⁶, опосредованно воздействующих на сознание и поведение верующих.

Побывав в Урусбиевском обществе, И. И. Леонтьев писал: «Свои посты и праздники урусбиевцы, как истинные мусульмане, держат строго»⁷. В. Я. Тепцов упоминает об отчислениях в пользу мечети и духовенства известной доли из основного богатства населения – скота⁸. Здесь хорошо просматривается обязательный «очистительный» налог мусульман – зекят. Правда, автор не делал такого вывода, но это с очевидностью вытекает из его замечания.

В. Я. Тепцов и И. И. Леонтьев уделили внимание главному мусульманскому празднику – курбан-байраму⁹. В этот день каждый обладающий достатком правоверный резал барана для жертвоприношения. Часть мяса (седьмую по В. Я. Тепцову, третью – по И. И. Леонтьеву) полагалось раздать беднякам, остальное ели сами. Закалывали барана и во время поста в рамазане, когда по вечерам обыкновенно устраивали угощение для родственников, соседей и близких знакомых.

Из трудов дореволюционных авторов (Н. Ф. Грабовского, В. Я. Тепцова, Н. П. Тульчинского и других) явствует, что практическое руководство религиозной жизнью Балкарии осуществляли муллы и эфенди. Круг их полномочий был широк и разнообразен. Они руководили погребальными молениями, скреплением брачных уз, участвовали в проведении различных обрядов. Для отправления культа, сохранения традиционности сознания и религиозности крестьянства священнослужители широко использовали институт мечети. По В. Я. Тепцову, мечеть – духовный центр местных мусульман – являлась твердо фиксированным местом общественного богослужения, встреч и общения населения¹⁰. Особенно много народа, отмечает Н. Н. Раппевский, собиралось на обязательные пятничные моления, когда совершались общие богослужения¹¹.

По данным Е. Максимова, к концу XIX в. почти каждый аул Балкарии имел свою мечеть¹². Особенности церковной архитектуры видны из описания В. Я. Тепцовым красивейшего во всей Балкарии храма в Чегеме¹³.

В повседневной жизни населения исламская традиция сказывалась прежде всего в вопросах брака. И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский писали, что большинство балкарцев придерживаются моногамии, хотя ислам разрешает многоженство. Этим правом пользовались лишь самые богатые, которые, однако, предпочитали иметь «двух жен и отнюдь не более». «Причина тому, – по мнению И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского, – частью неимение средств для содержания нескольких жен, частью удержанная ими христианская традиция»¹⁴. Далее они говорят о религиозном оформлении брака. Мулла по правилам шариата записывал брачное

условие или «неках», в котором выговаривают количество вносимого женихом калыма, а также определяют: какие подарки должны быть сделаны невестиной родне¹⁵.

Данные И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского дополняются сведениями В. Я. Тепцова¹⁶. В совокупности эти наблюдения подтверждают основные сообщения Н. Ф. Грабовского о том, что в Балкарии имел место покупной брак¹⁷. Иначе говоря, семья жениха покупает, а невесты – продает.

Опираясь на полевой материал, В. Я. Тепцов подчеркивает, что в относительно недалеком прошлом калым в Балкарии считался пустой формой, необязательной для брачующихся сторон и существовал без малейшей религиозной экзальтации. Только с упрочением мусульманства у балкарцев этот обычай был канонизирован в соответствии с Кораном¹⁸.

Дореволюционные исследователи балкарской свадьбы свидетельствуют, что только регистрация брака у муллы освящала создание семьи. Н. Ф. Грабовский и Н. П. Тульчинский зафиксировали церемонию религиозного бракосочетания¹⁹. Чтением муллой соответствующих глав Корана завершается церковный обряд венчания, заключает В. Я. Тепцов²⁰.

В представлении сельских жителей мулла был наделен благодатью, обладал таинственной духовной силой. Как отмечает Н. А. Караулов, крестьяне верили в листок бумаги с молитвами из Корана или заклинаниями, написанными муллой. Они используются в качестве амулетов, – продолжает он, – предохраняющих стадо от зверья, людей и домашних животных от «дурного глаза», болезней и разных несчастий, колдунов и т. д.²¹

В работах В. Я. Тепцова и Е. З. Баранова подчеркнуто, что за чтение молитв на свадьбах, во время богослужения, а также по случаю отправления других религиозных ритуалов обычай предусматривал определенное вознаграждение служителям культа. Некоторые из мулл, замечает В. Я. Тепцов, на духовном поприще «сколотили значительные капиталы из доброхотных даяний своих прихожан». Часть благотворительных поступлений шла на строительство

мечети, иногда направлялась в качестве «пожертвования в Константинополь на магометанские духовные училища»²².

Общую оценку степени исламизации населения дают И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский. По их словам, мусульманство балкарцев, «за немногими исключениями, не идет далее внешности»²³. Это же отмечал Н. П. Тульчинский. Исламских принципов строго придерживалось в основном старшее поколение. Не ограничиваясь этой констатацией, Н. П. Тульчинский слабость ислама у балкарцев объясняет тем, что среди них известно немного теоретиков, обращавшихся к серьезному толкованию Корана и главных религиозных догм²⁴.

В этой связи заслуживают внимания сведения И. И. Леонтьева и Н. П. Тульчинского о системе обучения будущих проповедников мусульманства в религиозных школах – медресе²⁵. Они существовали при мечети «в некоторых больших селениях». В массе малограмотных преподавателей медресе иногда встречались богословы, получившие солидное арабо-турецкое образование в Дагестане и Турции. Тем не менее обучение сводилось к простому заучиванию наизусть арабского текста из Корана, без его разъяснения и толкования. «Ученик носит название софты до тех пор, пока не изучит всех священных книг... Когда софты обнаруживают достаточные познания, то получают названия эфенди», – писал И. И. Леонтьев²⁶.

В Балкарии мусульманская практика была опутана многими пережитками домусульманских верований, а также традициями и местными обычаями. Отмечая это, В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский зафиксировали названия месяцев у балкарцев и усматривали в них «искаженные имена христианских святых: Никколай (май), Тотур (Фёдор), Элиа-ай (месяц Ильи), Башил-ай (месяц Василия) и т. п.»²⁷.

С точки зрения упомянутых авторов о пережитках христианства свидетельствовали «часовня» св. Георгия (Бий-Ашкирги или Алтынаш-керге), праздник «хчаубон», когда закаливали быка, праздник «Голлу», устраиваемый в середине марта, когда совершали поминки по умершим²⁸. Кроме того, «память» о христианстве, по мнению И. И. Иванюкова и

М. М. Ковалевского, сохранилась в практике судопроизводства по адату. Отмечая, что «главнейшим видом доказательства признается присяга», они рассказывают, как она принималась. Внутри очерченного круга на земле проводили две пересекающиеся прямые. Присягающий становился на точку пересечения и произносил клятву. Балкарцы «говорят о ней не иначе, как о присяге крестом, называя ее «кач» (крест)», что, по словам И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского, прямо указывает на ее христианское происхождение²⁹. Однако советский историк К. Г. Азаматов склонен воспринимать этот обычай как свидетельство сохранения реликтов некогда существовавшего у балкарцев культа солнца³⁰.

И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский наблюдали соблюдение в семейной обрядности балкарцев культа предков в форме почитания умерших. Здесь на покойника смотрят «как на покровителя семьи, почему приносят ему жалобы на постигшие их бедствия», – пишут они³¹. По их мнению, культ предков тесно связан с поклонением домашнему очагу и надочажной цепи (сынжыр). Каждый балкарский двор имел в году определенный день, запрещавший снабжать соседа огнем. Считалось, что потухший огонь «не может быть зажжен снова с помощью огня, взятого у чужого двора», т. к. «такая передача приобщает соседей к одному с двором домашнему культу»³². Отражая одну из сторон культа очага, сынжыр сам по себе представлял предмет особого почитания, играя важную роль в свадебном ритуале. И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский сообщают, что неминуемая месть ожидала всякого, кто осмелится выкинуть цепь из дому³³. В то же время убийца иногда спасался от мести прикосновением к надочажной цепи³⁴.

По свидетельствам дореволюционных исследователей, в число предметов культа или языческих богов, которым поклонялись балкарцы, входят отдельные виды домашних и диких животных. И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский сообщают, что подозреваемый в краже овец человек клялся, протягивая руку над бараном, и призывал в свидетели того, что он показывает правду, «какого-то Аймыша, с которым связывается у него представление о духе-покровителе жи-

вотных»³⁵. Причем Аймыш ошибочно идентифицируется ими с осетинским Афсати (бог зверей), только первый, по их словам, несколько принижен в своем достоинстве. Здесь И. И. Иванюковым и М. М. Ковалевским отмечено поразительное сходство этого обычая у балкарцев и осетин: последние аналогичную церемонию совершали, призывая в свидетели Афсати.

В. Ф. Миллер считал Аймыша покровителем мелкого скота³⁶. В советской литературе он сопоставляется с древним адыгским божеством овцеводства – Емыш³⁷. В. Ф. Миллер также упоминает покровителя диких животных Апсаты – одного из самых почитаемых балкарцами божеств. Его культ был весьма популярен у абхазцев, карачаевцев, осетин и сванов. Функции Апсаты кавказская традиция всегда связывает с охотой и постоянно именует его покровителем охоты. Специально ему балкарцы посвящали песни и заклинания, две из которых опубликованы Н. П. Тульчинским³⁸. Главное содержание песен – обращение к Апсаты с просьбой обеспечить благополучную и успешную охоту. Они отличаются изысканно вежливым набором обращений и обещаниями вознаградить за доброе отношение. «Мифический покровитель охотников Апсаты (у осетин – Овсати), – пишет Н. П. Тульчинский, – представляется горцам одноглазым»³⁹. Представления о внешнем облике Апсаты были различны. Охотникам чаще всего он являлся в виде козла или оленя с тремя ногами, неуязвимый даже для смертоносных стрел самых искусных из них. В записанных Е. З. Барановым легендах и сказках он предстает в облике человека с большой седой бородой и в белоснежной одежде⁴⁰.

Как видно, целостный образ Апсаты может быть воссоздан только на основании фольклора. Здесь же можно встретить упоминание о старшей дочери Апсаты – Фатиме, которая наделена многими атрибутами и функциями Апсаты⁴¹.

В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский писали, что с доисламских времен в Балкарии считаются священными и окружены вниманием огромные камни. Они имелись в каждом ауле и назывались Байрым. К ним, «несмотря на столетнее

господство мусульманства, обращаются женщины с молитвой о ниспослании детей и приносят в жертву пироги»⁴². Их функции и само имя В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский объясняли исходя из осетинской святыни Мады-Майрам (матери Марии)⁴³. Такая же функциональная роль отводилась Богородице Марии и в верованиях адыгов.

Следует отметить, что В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков приводят осетинские сопоставления и эквиваленты по всем затронутым сюжетам доисламских верований балкарцев. Вместе с тем И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский подчеркивают, что среди балкарцев «религиозная сторона семейной общины сохранилась гораздо ярче, нежели у осетин, и что обычаи их в этом отношении служат не только иллюстрацией, но и восполнением осетинских»⁴⁴.

С точки зрения В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского, «ранее водворения мусульманства, верования балкарцев и осетин были, вероятно, одни и те же. И те и другие были, оязычившимися христианами»⁴⁵. Выявляя этнический субстрат, породивший и обусловивший это явление, они говорили об общем аланском пласте в ранней истории этих народов. Опираясь на археологический материал, труды В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского и других авторов, позднейшая литература еще более расширила круг общих моментов и близких черт, и показала, что значение алан для складывания духовной и материальной культуры осетин, балкарцев и карачаевцев в целом было весьма важным.

Е. Баранов и С. Фарфаровский отмечали, что горцы очень суеверны и что в Балкарии почти каждая речка и каждое ущелье имеет своих духов и богинь⁴⁶. Балкарцы испытывали суеверный страх к озеру Чирик кёл, горе Эльбрус и явлениям природы, которые были одухотворены в устрашающих воображение человека сказаниях⁴⁷. «Большим грехом, — писал неизвестный автор, — считается снимать с тура кожу в нижней части ноги, около копыта. Эта примета всех охотников, и они свято ее соблюдают»⁴⁸.

Ряд исследователей отрицал действенность социально-экономических доктрин ислама, отмечая живучесть в

повседневной жизни балкарцев обычаев и традиций, являющих собой отступления от шариата. Так, у С. Давидовича есть указание на то, что право владения землей определялось согласно обычаям, тогда как по шариату земля должна составлять общую собственность и не могла принадлежать частным лицам в качестве их индивидуальной собственности⁴⁹. Он же обращал внимание на более высокий, чем это позволялось исламом, статус женщины среди балкарцев⁵⁰. По словам В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова, не всегда соблюдались мусульманские нормы наследования, предусматривающие выделение наследнице «половинной доли сравнительно с той, которую получает сын», отдавая предпочтение адату, который существенно ущемлял права женщин⁵¹.

Отклонения от предписаний Корана наблюдались и в вопросах брака, где, как говорилось, сильно ощущалось, влияние догматов ислама. Н. Ф. Грабовский и В. Я. Тепцов писали, что отсутствие средств, необходимых для уплаты калыма, вело к умыканию невесты, одновременно они сообщали и то, что кровное родство, а также известные балкарцам многие случаи некровного родства, являлись по обычаю главным препятствием для заключения брака, хотя такой брак не запрещен исламом⁵².

Таким образом, конечным результатом феномена стойкого синкретизма религиозных верований, а также интеграционного регулирующего воздействия норм обычного права на жизнь общества, явилось то, что балкарцы в рамках единой социально-религиозной общности решали свои житейские дела на шариатско-адатной основе, отдавая предпочтение одному из этих начал.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что в трудах дореволюционных авторов вопросы, связанные с религиозными воззрениями балкарцев, были сформулированы лишь частично, а разрешены в еще меньшей степени. Тем не менее в них содержатся немаловажные сведения и факты о специфике религиозной жизни балкарцев, в особенности по сохранившимся пережиткам домусульманских верований.

Казанская школа исламоведения занималась главным образом изучением мусульманских сект, возникших на базе шиизма, и не проявляла интереса к исламу на Северном Кавказе. Поэтому история ислама у горцев не была вычленена как проблема, и ее изучение, равно как всей системы религиозных представлений, проводилось в рамках историко-этнографических исследований. Характеристика затрагиваемых вопросов религии строилась на идеалистической в смысле методологии основе и дореволюционные исследователи далеко не всегда могли дать верное объяснение фактам.

Примечания

1. Желиховская В. Верования и легенды кавказских горцев // Нива. СПб., 1886. № 39. С. 970.
2. Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. СПб., 1884. Т. 2 № 4. С. 565; Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. СПб., 1886. Т. 1. Кн. 1. С. 100.
3. Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. 1892. Вып. 14. С. 162.
4. Казбек Г. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч. 1, 2. С. 123; Леонтьев И. Поездка к Баксанскому леднику // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 139; Караулов Н. А. Болкары на Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 135.
5. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 193.
6. Массэ А. Ислам. Очерк истории. М., 1982. С. 91.
7. Леонтьев И. Указ. раб. С. 139.
8. Тепцов В. Я. Указ. раб. С. 166.
9. Тепцов В. Я. Указ. раб. С. 166; Леонтьев И. Указ. раб. С. 139.
10. Тепцов В. Я. Указ. раб. С. 191.
11. Рашевский Н. Н. Из Алагиря в Нальчик через Дигорию, Штулувецк и Балкарию // Ежегодник Русского горного общества. М., 1904. Вып. 2. С. 119.
12. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Владикавказ, 1890. Т. 2. С. 26–42.
13. Тепцов В. Я. Указ. раб. С. 165.
14. Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 563.
15. Там же. С. 564.
16. Тепцов В. Я. Указ. раб. С. 175, 178.
17. См.: Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 2.
18. Тепцов В. Я. Указ. раб. С. 168.
19. Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах... С. 12, 13; Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды. С. 206.
20. Тепцов В. Я. Указ. раб. С. 175.
21. Караулов Н. А. Указ. раб. С. 142, 148.
22. Тепцов В. Я. Указ. раб. С. 165.
23. Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 554.
24. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды. С. 193.
25. Леонтьев И. Указ. раб. С. 138; Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды. С. 193.
26. Леонтьев И. Указ. раб. С. 138.
27. Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 551.
28. Там же. С. 551, 561; Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 101, 106, 555.
29. Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 106.
30. Азаматов К. Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев // В кн.: Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 148.
31. Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 556.
32. Там же.
33. Там же. С. 557.
34. Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1880. Т. 1. С. 204.
35. Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 107.
36. Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1. С. 71.
37. Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию // Советская этнография. 1939. № 2. С. 177; Азаматов К. Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев. С. 155.
38. Тульчинский Н. П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1904. Вып. 6. С. 33–38.
39. Там же. С. 38.

40. Баранов Е. Певец гор и другие легенды Северного Кавказа М., 1914. С. 4.
41. Тульчинский Н. П. Поэмы, легенды, песни... С. 33.
42. Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 551.
43. Там же; см. также: Миллер В. 1. Сообщения о поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г. // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества (ИКОИРГО). Тифлис, 1887. Т. 8. Вып. 1. С. 202; 2. Терская область. Археологические экскурсии... С. 74.
44. Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 557.
45. Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 557.
46. Баранов Е. Очерки из жизни... // Терские ведомости. 1894. № 145; Фарфаровский С. Кавказские легенды об Эльбрусе // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 107.
47. Баранов Е. Очерки из жизни горских татар // Терские ведомости. 1894. № 145; Ган К. Ф. По долинам Черема, Уруха и Ардона // СМОМПК. 1898. Вып. 25. С. 6; Харузин Н. По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. СПб., 1888. Кн. 2. С. 103.
48. Охота на туров // Кавказ. 1891. № 314.
49. Давидович С. Восхождение на Эльбрус // Исторический вестник. Т. 28. СПб., 1886. С. 355, 356.
50. Там же. С. 357.
51. Миллер В., Ковалевский М. Указ. раб. С. 546, 574; Иванюков И., Ковалевский М. Указ. раб. С. 559, 567, 570.
52. Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах... С. 14; Тепцов В. Я. Указ. раб. С. 171, 173.

Историография и терминология проблемы вхождения Балкарии в состав России *

Среди проблем, имеющих важное научно-теоретическое значение, ключевая роль в отечественной историографии отводится вопросам присоединения и развития народов в составе Российской империи. Историографический анализ позволяет изучить оценку и характер присоединения.

* Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы // Материллы Всеросс. научн. конф., посвященной 100-летию В. П. Невской / Отв. ред. П. И. Абайханова. Карачаевск, 2019. С. 100–105.

В дореволюционный период проблему присоединения Балкарии к России первым поднял родоначальник балкарской историографии М. К. Абаев. Он пишет, что в 1827 г., владетельные князья от всех балкарских обществ прибыли в Ставрополь к командующему российскими войсками на Кавказе генералу Г. Эммануэлю и подали прошение о принятии их в русское подданство. Депутация заявила главнокомандующему, что таубии желают присягнуть «белому царю» и привести к присяге свои народы, с тем, чтобы государь гарантировал сохранение сословных prerogatives знати, а также традиционных обычаев и свободы вероисповедания. Генерал Г. Эммануэль согласился с предложениями таубиев, принял от них присягу на верноподданство и доложил по инстанции. Политический акт был утвержден на государственном уровне: «Государь повелел принять это подданство и считать присоединенными к России эти народы» [1, с. 607]. М. К. Абаев положительно оценивает присоединение Балкарии к России, прежде всего с просветительских позиций. Он также отмечает, что включение Балкарии в состав Российской империи произошло мирным, ненасильственным путем [1, с. 607].

Это мнение разделяет и В. Н. Кудашев. Отмечая обусловленность этого шага, он пишет, что, когда в Балкарию «проник слух о водворении русских на Северном Кавказе, балкарские таубии решили предохранить себя от возможных случайностей. Они добровольно признали себя русскими подданными» [17, с. 252].

В ранних трудах советских авторов возобладала точка зрения о негативных и отрицательных последствиях присоединения. В частности, В. Христианович и Л. Добрускин указывали на то, что с появлением российской администрации экономическая ситуация на Северном Кавказе несколько ухудшилась [35, с. 47; 12, с. 202]. Теоретико-методологические установки исследователей того времени определялись «школой Покровского» и ее концепцией «абсолютного зла». Российское самодержавие рассматривалось как «абсолютное зло», а Российская империя была объявлена «тюрьмой народов» [14, с. 164]. С 1936 г. «присоединение» стало рассматриваться в рамках теории «наименьшего зла», сформулиро-

важной И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и С. М. Кировым по итогам конкурса на школьный учебник. Согласно выведенной формуле, «присоединение к России являлось для Украины и Грузии меньшим злом, чем если бы они оказались в составе Польши или Турции. В дальнейшем этот подход распространили на все кавказские народы, при этом значительно усилив акцент на благотворности русского влияния» [33, с. 110].

Принятие балкарскими таубиями российского подданства С. Воробьев и Д. Сарахан датируют 1827 г. и отмечают, что при этом царское правительство сохранило все их владельческие права и подтвердило их особой прокламацией [11, с. 23].

Выселение балкарского народа в годы Великой Отечественной войны тяжело отразилось на развитии его культуры. Исследовательская работа в области истории и культуры Балкарии была прервана и возобновилась с реабилитацией и возвращением балкарцев на родину в 1957 г. Стало возможным включить историю Балкарии в круг интересов исследователей, которые, помимо прочего, начали заниматься проблемой ее присоединения к России. Так в «Очерках истории балкарского народа», – первой в советской историографии обобщающей работе, – авторы соответствующего раздела придерживались мнения, что присоединение Балкарии к России произошло в 1827 г., когда балкарские таубии совместно с дигорскими бадиятами были приняты генералом Эммануэлем и присягнули русскому царю. Подчеркивается, что данное событие носило исключительно добровольный и прогрессивный характер [30, с. 37].

Следует заметить, что утверждение концепций «добровольности» и «прогрессивного значения» присоединения к России способствовал ряд партийных и правительственных документов, принятых в 1957 г. местными и центральными властями в связи с празднованием 400-летия «добровольного вхождения Кабарды в состав России». Отныне историки, работающие над проблемой присоединения Северо-Кавказского региона, должны были руководствоваться данной установкой. Это отличало работы советских историков в 50–80-е гг. XX в. [14, с. 148, 363].

В то же время выдвигаются новые предположения, сопровождающиеся дискуссией о времени и характере вхождения Балкарии в состав России. В ряде публикаций авторы склоняются к тезису о совместном с Кабардой вхождении Балкарии в состав России в 1557 г. [29, с. 15; 18, с. 40, 41; 23, с. 12]. Логика суждений была предельно проста: в царском титуле Ивана Грозного упоминается формулировка «государь кабардинских, горских, черкасских земель». Между тем документы двух последующих столетий свидетельствуют: балкарцы «государю не послушны, живут о себе» [8, с. 138]. Тезис о совместном присоединении к Московскому государству адыгов и балкарцев не нашел поддержки в научных кругах ввиду отсутствия документальных подтверждений.

В академическом издании истории Кабардино-Балкарии сформулирован новый вывод, хотя механизм присоединения остался прежним – через Кабарду. В результате заключения Кочук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. – утверждают авторы – влияние России на Кавказе значительно усилилось. «В подданство России поспешили перейти связанные с кабардинскими владельцами балкарские таубии и окстинские адары. Следовательно, не только территория собственно Кабарды, но и соседние земли Балкарии и Осетии также оказались в составе России» [15, с. 171]. Это уже несколько ближе к истине в том смысле, что тогда официальная граница России передвинулась на Кубань, заметный импульс получило развитие кавказско-русских отношений, сложились политические предпосылки для вхождения Балкарии в состав России.

Попытка приобщить Балкарию к знаменательной вехе кабардинской истории повторилось в 1982 г. в связи с празднованием 425-летия присоединения. Идея о вхождении Балкарии в состав России в XVI веке теперь исходила от партийного руководства республики [8, с. 139]. Директивные органы независимо от мнения научной общественности насаждали искусственную и конъюнктурную схему, не способствовавшую объективному изучению прошлой истории народов Кабардино-Балкарии. Идеологический вектор подобных инициатив служил интеграции с центром. Это позволяло ре-

гиональным лидерам проявить себя на всесоюзном уровне, а местному бюджету сулило увеличение финансирования для реализации юбилейных торжеств [33, с. 111]. Наспех созванная конференция не была нацелена на приращение нового знания и вынуждена была ограничиться туманной формулировкой об «общности исторических судеб Кабарды и Балкарии» [8, с. 139].

Попытки утверждения тезиса о совместном вхождении Кабарды и Балкарии в состав России вызвало резкое неприятие со стороны некоторых авторов. Свои аргументированные замечания высказали В. М. Батчаев [8, с. 138, 139] и Н. М. Будаев [10, с. 190–195], которые отстаивали 1827 год как время присоединения Балкарии к России. А. И. Лавров значение «кабардинского фактора» видел в том, что присоединение Балкарии было невозможно без умиротворения Кабарды – промежуточной между Балкарией и Россией территории [22, с. 95].

Вопрос о времени вхождения Балкарии в состав России стал остро обсуждаемой темой в новейшей историографии. Так, К. Г. Азаматов, Х. И. Хутуев и И. М. Мизиев включение балкарских обществ в состав России относили к 90-м гг. XVIII в., поскольку на картах того времени Балкария уже обозначена в составе российских владений [3, с. 276; 4, с. 32; 24, с. 95]. Г. А. Бондаревский вновь возвращается к 1774 г. На его взгляд трактовка российской стороной 21-й статьи Кючук-Кайнарджийского договора включала в себя также присоединение Балкарии, Осетии и Карачая [13, с. 38]. М. И. Баразбиев отмечает, что это событие было связано с политикой России в период Кавказской войны. Автор приходит к выводу, что прошение балкарской депутации, поданное в январе 1827 г. являлось простой формальностью, т. к. фактически балкарские общества после проведенных против них военных операций уже считались подданными Российской империи [6, с. 131]. Однако не следует преуменьшать значение акта верноподданнической присяги, принесенной балкарскими таубиями генералу Эммануэлю в 1827 г. Как справедливо заметила Е. Г. Муратова, с точки зрения царской военной администрации

это могло рассматриваться как простая формальность, но для балкарской феодальной элиты и всей массы населения Балкарии это было формой внутреннего признания новой политической реальности и необходимым условием легитимации Российской государственной власти в общественном сознании [27, с. 11].

Большинство же исследователей, в числе которых Е. Г. Муратова, В. М. Батчаев, М. Ю. Кучинаев, Е. С. Тютюнина, Н. М. Будаев, О. О. Айшаев, Р. С. Тебуев, Р. Т. Хатуев и др., на документальной основе развили и закрепили опыт дореволюционной историографии, который опирался на прошение о вступлении в российское подданство в 1827 г. [25–28; 8; 19; 20; 34; 10; 5; 32]. Свое мнение пересмотрел и М. И. Баразбиев. В его новой интерпретации реальные условия вхождения Балкарии в состав Российского государства были созданы после замирения соседней Кабарды в конце первой четверти XIX в. В качестве отправной даты включения Балкарии в состав Российской империи автор выделяет совместное прошение делегации обществ Балкарии и Дигории поданное 11 января 1827 г. командующему войсками на Кавказе генерал-лейтенанту Эммануэлю в гор. Ставрополе [7, с. 96, 97]. Генерал Эммануэль принял от делегатов верноподданническую присягу императору Николаю I и его наследнику Александру Николаевичу, поручив им по возвращении в свои общества «тот час привести оныя на верноподданство к присяге». Далее автор заключает, что вхождение Балкарии в состав Российского государства стало важнейшим событием в истории балкарского народа, кардинально изменившим его дальнейшую судьбу, приводя положительные примеры этого события.

«В историографии принято считать, – пишет Р. М. Рахматов, – что датой вхождения того или иного народа в состав Российского государства является принесение присяги представителями этих народов, в котором они признают власть русского государя. Чаще всего этот процесс завершался выдачей детей-аманатов из влиятельных родов, от которых принимали решения важных вопросов, в том числе и политических» [31, с. 61].

Значительное влияние на концептуальное видение проблемы вхождения Балкарии в состав России оказали работы Е. Г. Муратовой. Вслед за К. Г. Азаматовым, она значительное внимание уделила динамике русско-балкарских отношений в XVII – начале XX в. На этом пути автор выделяет четыре этапа. Расписывая значение второго этапа Е. Г. Муратова отмечает, что после покорения Кабарды балкарские таубии в 1827 г. присягнули на верноподданничество России. Это событие ученым типологизирован «как лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи» [28, с. 263].

Практически все авторы отмечают мирный и добровольный характер интеграции Балкарии в состав России. В этой связи для обозначения процесса предложен наиболее приемлемое в данном случае понятие – «вхождение», вместо традиционной для историографии «присоединение». К тому же, «присоединение» термин более военный, нежели научный. Для современной историографии проблемы характерно употребление терминов «вхождение», «принятие подданства».

Вопросы причин и побудительных мотивов обращения балкарской депутации к генералу Эммануэлю историками рассматриваются с освещением военно-политических мероприятий А. П. Ермолова [22, с. 95; 6, с. 131; 8, с. 154; 28, с. 261]. В 1822 г. генерал Ермолов с войсками прошелся по всей Кабарде и по некоторым районам Балкарии. С потерей независимости Кабарды, война географически локализовалась с территорией проживания балкарцев. Позиция балкарской элиты в той исторической ситуации была, безусловно, дальновидной. Принятие российского подданства предотвратило вторжение войск и военный разгром, позволило избежать неминуемых человеческих и материальных потерь, а также интегрироваться в сильную и большую империю [21, с. 72].

Вхождение Балкарии в состав России – это не единовременный акт, а длительный процесс. Историки стараются разобраться во всех противоречиях этого времени. Учеными

рассматриваются административная политика Российской империи, устройство судебной системы, гражданское устройство. Российское правительство апробировало разные модели управления новыми территориями, проводило структурные буржуазные реформы [9; 16; 25; 2]. К концу XIX в. народы Центрального Кавказа перешли на общеимперскую систему гражданского устройства.

Модернизационные изменения, проводимые Россией в регионе, исследователями оцениваются по-разному. Доминирует точка зрения о прогрессивной роли империй в социально-экономическом и культурном развитии Балкарии. Не отрицая этого, некоторые авторы негативно относятся к методам их осуществления [19, с. 289, 290].

Наращивание потенциала исторических знаний о российско-кавказских отношениях в XVI–XIX вв. придало толчок историографическому осмыслению проблемы. В частности, историографические аспекты нашей темы получили освещение в трудах Р. М. Рахаева, А. А. Журтовой, А. Н. Максимчика [31; 14]. В них анализируются дискуссии в научной литературе, отмечается, что в новейших исследованиях обосновывается традиционная в историографии дата вхождения Балкарии в состав России в 1827 г. Подчеркивается, что политическое оформление процесс получил в акте присяги балкарских таубиев.

В целом, несмотря на разброс точек зрения, есть позитивные перемены в освещении важного аспекта национальной истории – объективное, без каких-либо пристрастий исследование вопроса вхождения Балкарии в состав России. Полученные результаты позволяют существенно дополнить общую концепцию взаимоотношений Российского государства и народов Северного Кавказа в период с XVII до начала XX в. Представление истории балкарского народа как органической части Российской истории, в которой он присутствует в качестве ее субъекта, активного участника социального и культурного взаимодействия создает основу для удовлетворения потребности в поддержании этнической идентичности и укрепления общероссийского гражданского самосознания и патриотизма.

Литература

1. Абаев М. К. Балкария. Исторический очерк // Мусульманин. Париж, 1911. № 14–17. С. 586–627.
2. Абазов А. Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 262 с.
3. Азаматов К. Г. К вопросу о русско-балкарских отношениях в XVII–XVIII вв. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е гг. XX в.). Грозный, 1982. С. 273–276.
4. Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев: общественно-политические взгляды. Нальчик: Эльбрус, 1980. – 132 с.
5. Айшаев О. О. Присоединение Балкарии к России и его историческое значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aishaev.ucoz.ru> (дата обращения: 07.05.2019).
6. Барзбиев М. И. Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 126–140.
7. Барзбиев М. И. Из истории балкаро-русских отношений XVII – начала XX века // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Карачаевск, 2008. Т. 1. С. 90–101.
8. Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX вв. М.: ТАС-Издат, 2006. – 190 с.
9. Блиева З. М. Становление российского бюрократического аппарата на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ: Ир, 2001. – 223 с.
10. Будаев Н. М. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XX вв. Черкесск, 2007. – 240 с.
11. Воробьев С., Сярахан Д. Кабарда и Балкария. Ростов-на-Дону, 1932. – 81 с.
12. Добрускин Л. Кабарда и Балкария в прошлом // Революционный Восток. М., 1933. № 3–4. С. 196–221.
13. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1 // Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М.: Норма, 1998. – 672 с.
14. Журтова А. А., Максимчик А. Н. Историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX вв.: два подхода к осмыслению проблемы. Владикавказ, 2017. – 439 с.

15. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции / Под ред. Т. Х. Кумыкова. М.: Наука, 1967. Т. 1. – 482 с.

16. Калмыков Ж. А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

17. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. 2-е изд. Киев, 1913. – 300 с.

18. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 350 с.

19. Курчинаев М. Ю. История Балкарии с древнейших времен и до конца XIX в. Нальчик: ПП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. Кн. 1. – 412 с.

20. Курчинаев М. Ю. «Считать присоединенными к России эти народы...» // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2012. № 4. С. 83–88.

21. Куммезова М. Ч. Карачаево-балкарская диаспора в Турции и странах Ближнего Востока // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 70–97.

22. Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4. С. 55–120.

23. Мамбетов Г. Х. Кабардино-Балкария в братской семье народов СССР. Нальчик: Эльбрус, 1989. – 120 с.

24. Мизиев И. М. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России // Минги Тау. Нальчик, 1993. № 1 (53). С. 7–104.

25. Муратова Е. Г. Балкария на пути к единству с Россией // История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 169–184.

26. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 419 с.

27. Муратова Е. Г. От сближения к интеграции: Балкария и Российское государство в XVII–XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2017. № 3 (34). С. 7–12.

28. Муратова Е. Г. Балкария в системе кавказской политики России конца XVIII – первой трети XIX в. Принятие российского подданства (1827 г.) // Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в Российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик, 2017. С. 252–263.

29. Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957. – 72 с.

30. Очерки истории балкарского народа. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. – 247 с.

31. Рахаев Р. М. О присоединении Балкарии к России (историография проблемы) // Перспектива-2007: материалы Международного конгресса студентов, аспирантов и молодых ученых. Нальчик, 2007. С. 61, 62.

32. Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.

33. Тихонов В. В. История лоббирования руководством Кабардинской АССР 400-летия «добровольного присоединения» к России // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 107–114.

34. Тютюннина Е. С. Шаги навстречу // Балкария. Страницы прошлого. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 4, 5.

35. Христианович В. Из истории Кабарды и Балкарии (эпоха борьбы с крымскими ханами и ногайцами). Кабардинская автономная область (к 1-й годовщине автономии). Нальчик, 1922. – 106 с.

Кабардино-Балкарский НИИ как центр исторической науки в республике

К 60-летию института *

Организация изучения истории и методология исследований

В 1926 г. в Кабардино-Балкарии был открыт Научно-исследовательский институт, превратившийся за истекшее шестидесятилетие в один из ведущих научных центров Северного Кавказа. Основной задачей института стало комплексное изучение природных ресурсов, истории, археологии, этнографии и языков народов Кабардино-Балкарии. С первых

* Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. С. 6–67. (в соавт. с Х. И. Хутуевым).

дней его существования в развитии всех этих исследований огромную помощь институту оказали научные учреждения Российской Федерации и советских республик.

Установление советской власти в Кабарде и Балкарии и образование автономии открыли широкие возможности для успешного развития всего комплекса общественных наук, в том числе исторической науки. Ее организационные формы создавались в начале 20-х гг., когда в Нальчике было организовано Кабардино-Балкарское отделение истпарта, открылся Краеведческий музей, было учреждено Архивное бюро, возникло Общество изучения местного края. В числе первых исследовательских подразделений института начал функционировать историко-этнический сектор, которым заведовал директор института В. А. Рюмин. В составе сектора в 20-х гг. работали также В. Р. Апухтин, И. М. Абаев, Г. К. Баснина, В. П. Пожидаев, Н. А. Цагов, В. Я. Яворский и др.

Процесс становления нового научного центра продвигался успешно. Дальнейшему укреплению его организационной структуры способствовало объединение под началом института научно-исторических учреждений области. Был начат сбор музейных экспонатов, памятников древности, этнографического материала, документов по истории революционного движения, состоялись выступления научных сотрудников перед широкой аудиторией, появились первые публикации. Вместе с только что возникшим научным учреждением большую работу на территории Кабардино-Балкарии проводила Северо-Кавказская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), возглавляемая А. А. Миллером.

До революции в крае не было высшей школы, и на первых порах остро ощущалось отсутствие квалифицированных специалистов. Поэтому руководство института привлекало к изучению истории Кабардино-Балкарии ученых из других учреждений страны. В конце 20–30-х гг. над вопросами истории края работали профессора А. А. Миллер и Г. Г. Губайдуллин, сотрудник ГАИМК А. А. Иессен и другие историки из Ленинграда, Махачкалы и Владикавказа. В 1932 г. был

создан Кабардино-Балкарский пединститут. Он сыграл большую роль в деле подготовки национальных кадров – историков с высшим образованием. Многие известные специалисты из числа кабардинцев и балкарцев, первые преподаватели, научные работники и руководители научных учреждений республики питомцы Кабардино-Балкарского пединститута (с 1957 г. – госуниверситет). С открытием здесь исторических кафедр, которые активно сотрудничают с КБНИИ и по сей день, значительно возрос интерес к истории края и научным исследованиям в этой области. Одновременно в эти годы кадры национальной интеллигенции с высшим образованием готовили Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве и другие вузы РСФСР.

16 мая 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление об историческом образовании. Впервые на высшем партийном и государственном уровне была отмечена исключительная роль исторической науки в идейно-политическом воспитании масс. В постановлении указывалось на необходимость изучения многовековой истории народов нашей страны¹. Исходя из этого, бюро обкома партии (август 1934 г.) поставило перед специалистами КБНИИ задачу всесторонней научной разработки истории края, углубленного изучения революционного движения².

Новые перспективы развития исторической науки и роста научных кадров открылись с преобразованием Кабардино-Балкарской автономной области в республику (1936) и принятием Конституции КБАССР (1937).

Главным достижением всей научно-организационной и исследовательской работы, проделанной в республике в течение 20–30-х гг., явилось освоение местными кадрами основ марксистской исторической науки и марксистско-ленинской методологии.

В период временной оккупации фашистами территории республики КБНИИ фактически перестал функциониро-

¹ Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа // Сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 166; см. также: К изучению истории. М., 1937. С. 58.

² Архив КБО КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 55, л. 397.

вать, здание института было разрушено, а библиотечные и ценнейшие архивные фонды сожжены.

После освобождения Кабардино-Балкарии для возобновления нормальной деятельности института не хватало квалифицированных кадров, отсутствовала научная и материальная база. Для решения этих проблем институт получил необходимую поддержку от научных организаций страны, и в первую очередь от Академии наук СССР, которая направила сюда Г. А. Кокиева, Е. И. Крупнова и ряд других специалистов, много сделавших для изучения прошлого народов края. Большую помощь в развитии исторической науки Кабардино-Балкарии в послевоенный период оказали также такие известные ученые из Москвы, Ленинграда и братских республик: З. В. Анчабадзе, И. Б. Берхин, С. К. Бушуев, В. К. Гарданов, Е. Н. Кушева, А. И. Лавров, А. И. Першиц, Г. Н. Сердюченко, Н. А. Смирнов, Е. Н. Студенческая, М. С. Тотоев, А. В. Фадеев и др.

Местные партийные и советские органы уделяли большое внимание вопросам развития науки, укрепления ее кадрами, повышения уровня научных исследований и их роли в развитии экономики и культуры республики. В 1945 г. институт из системы Наркомпроса переходит в ведение Совета министров республики. С превращением института в самостоятельное научно-исследовательское учреждение начали проводиться научные сессии, стали регулярно издаваться «Ученые записки», при институте была создана аспирантура по специальности «История».

Существенную роль в подготовке научных кадров и активизации деятельности историков республики сыграло постановление ЦК ВКП(б) «О работе Кабардинского обкома ВКП(б)» (апрель 1948 г.)¹. На его основе в республике были приняты меры по обеспечению необходимых условий для развертывания исследовательской работы. Научная структура института подверглась перестройке и была приведена в соответствие с задачами, стоящими перед ним. Открываются

¹ Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 208.

новые исследовательские подразделения исторического профиля – сектор материальной культуры и сектор этнографии и фольклора (заведующие П. Г. Акритас и А. И. Першиц). В те годы различные аспекты прошлого и настоящего республики изучали П. Г. Акритас, В. М. Букалова, С. К. Бушуев, Г. А. Кокиев, С. А. Комиссаров, Е. И. Крупнов, В. П. Крикунов, А. П. Лебедев, И. Ф. Мужев, Н. А. Смирнов, Е. Н. Студенецкая, А. И. Першиц и другие, работавшие в институте в качестве штатных сотрудников или по совместительству.

Учитывая интересы развития науки и высшего образования, в обкоме партии был образован отдел науки и высших учебных заведений. В 1957 г. Кабардино-Балкарский пединститут был преобразован в государственный университет, ставший ведущим республиканским центром по подготовке специалистов с высшим образованием. С этого времени научно-исследовательская работа в области изучения истории КБАССР стала развиваться в Научно-исследовательском институте и на кафедрах истории КБГУ.

В 50-х гг. происходят изменения также и в составе научных кадров: исследовательскую работу в институте начинают вести уже местные кадры профессиональных историков – первые кандидаты исторических наук Х. М. Сабанчиев, Т. Х. Кумыков, У. А. Улигов, Т. Т. Шикова, а также Р. Х. Гутов, А. К. Текуев, Е. Т. Хакуашев. Активный процесс воспитания национальных кадров исследователей-историков продолжался и дальше, в 60–70-х гг., когда в науку пришли молодые ученые, получившие образование в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, а также окончившие КБГУ. Новым поколением молодых специалистов высокой квалификации институт пополнился в начале 80-х гг. В их подготовке институту оказывали помощь научные учреждения АН СССР и вузы союзных республик. Параллельно в институте оформилась ныне действующая система организации исторической науки. Проблемы истории народов Кабардино-Балкарии разрабатываются в трех секторах: истории (заведующий доктор исторических наук Р. Х. Гутов), археологии (заведующий кандидат исторических

наук И. М. Чеченов) и этнографии (заведующий кандидат исторических наук С. Х. Мафедзев). В 1983–1984 гг. в КБНИИ были открыты рукописный отдел (заведующий кандидат исторических наук Р. У. Туганов) и сектор социологических исследований (заведующий кандидат исторических наук М. Г. Кумахов), научные сотрудники которых работают в тесном контакте с историческими подразделениями. Все секторы располагают сильным и квалифицированным научным коллективом, способным успешно решать стоящие перед ними исследовательские задачи. Плодотворно работают в институте доктор исторических наук заслуженный деятель науки РСФСР и КБАССР профессор Р. Х. Гутов, доктор исторических наук заслуженный деятель науки КБАССР У. А. Улигов. Много лет заведовали сектором истории доктора исторических наук заслуженные деятели науки КБАССР Т. Х. Кумыков и Г. Х. Мамбетов, ныне профессора КБГУ. Заметный след в научной жизни института оставил Х. Г. Берикетов, в 1958–1967 гг. работавший директором института. С 1973 г. институт возглавляет Х. И. Хутуев, первый балкарец, получивший ученую степень кандидата исторических наук. Успешно совмещая административную работу с научной, Х. И. Хутуев также первым из балкарцев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Число сотрудников и работников научно-вспомогательного персонала в секторах исторического профиля составляет 23 человека. Среди них кандидаты исторических наук Ю. Н. Асанов, В. М. Батчаев, К. Ф. Дзамихов, Х. М. Думанов, А. Т. Карданов, В. Х. Кажаров, Б. М. Керевов, М. Ч. Кучмезова, С. Х. Мафедзев, А. Х. Нагоев, Х.-М. А. Сабанчиев, В. Н. Сокуров, И. М. Чеченов, И. И. Якубова и др. Многие из историков института прошли аспирантуру в головных научных учреждениях АН СССР, вузах Москвы, Тбилиси, Баку, Орджоникидзе под научным руководством известных советских ученых И. А. Булыгина, В. К. Гарданова, В. Я. Гросула, И. А. Гусейнова, Е. И. Крупнова, Л. И. Лаврова, Р. М. Мунчаева, Л. А. Никифорова, С. А. Плетневой, Г. А. Читая, К. Ф. Смирнова, О. И. Тернового, М. С. Тотоева, М. М. Блиева и др.

Огромное влияние на развитие исторической науки в республике, как и во всей стране, оказало постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (август 1967 г.). За истекшие десятилетия КБНИИ окреп организационно и материально, существенно улучшились управление, планирование и координация научно-исследовательских работ. Решением секции общественных наук АН СССР в 1967 г. КБНИИ был включен в состав учреждений, находящихся под научно-методическим руководством отделения истории АН СССР. В апреле 1985 г. бюро отделения истории АН СССР поручило академику А. Л. Нарочницкому оказывать помощь научным учреждениям Северного Кавказа¹ в том числе и Кабардино-Балкарскому НИИ. Исторические подразделения института ведут научно-исследовательскую работу на основе договоров о творческом сотрудничестве с соответствующими институтами АН СССР, причем некоторые исследования ведутся совместно. Институты АН СССР осуществляют также, рецензирование и редактирование трудов КБНИИ и оказывают содействие в публикации их через центральные издательства. Совместная работа с академическими учреждениями способствует росту научной квалификации местных историков, успешному освоению марксистско-ленинской методологии в разработке исторических проблем.

Работа исторических подразделений КБНИИ на современном этапе имеет целенаправленный и плановый характер, она сосредоточена на решении важнейших вопросов истории республики. Возрос научно-теоретический уровень исследований и источниковедческого анализа, выросли методические требования, предъявляемые к полевым работам, изучению и публикации фактического материала. Исследования, проводимые в КБНИИ, постоянно координируются с исследованиями, ведущимися в других научно-исследовательских центрах Северного Кавказа.

Рост числа ученых, совершенствование методов и форм их подготовки, творческий подход к мероприятиям науч-

но-организационного характера, а также повышение идейно-теоретического уровня проводимых исследований, расширение тематики научных трудов историков и оперативная публикация их результатов обеспечили исторической науке Кабардино-Балкарии достойное место в советской историографии. За заслуги в области исторической науки и филологии, подготовке квалифицированных кадров Президиум Верховного Совета СССР Указом от 13 февраля 1976 г. наградил Кабардино-Балкарский НИИ орденом «Знак Почета».

Источниковедческая база исследований – развитие полевых работ и публикация источников

В изучении истории Кабардино-Балкарии важное значение имело создание источниковой базы исследований. Ее основы были заложены организацией в 20–30-х гг. сбора и систематизации археологического, этнографического и документального материала.

Начатые на территории КБАССР в 1924 г. и продолженные в 1929–1930 и 1932–1934 гг. работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК впервые дали представление о целых эпохах истории края. Обследования Агубековского и Долгинского поселений, Нальчикского могильника и других памятников, проведенные экспедициями, имели большое значение для воссоздания древней истории и культуры Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа¹.

Богатые коллекции рисунков и фотографий поздне-средневековых архитектурно-археологических памятников Балкарии, представляющих ныне большую научную ценность, были собраны в 1939 г. фольклорно-лингвистической экспедицией КБНИИ и сотрудником Ленинградской части Института этнографии АН СССР Л. И. Лавровым.

¹ Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1941. № 3. С. 61–212.

¹ Вопросы истории. 1985. № 8. С. 104.

В 1940–1950-х гг. полевые исследования археологов в основном сводились к выявлению, учету и предварительному изучению новых памятников, что, по существу, было продолжением начатого в предвоенные годы накопления первичного материала. С этой целью были созданы комплексные экспедиции, в которых участвовали археологи республиканских и головных научных учреждений. Разведочные работы сопровождались частичными раскопками наиболее интересных объектов. Так, объединенными экспедициями с участием сотрудников КБНИИ изучались мезолитические стоянки (С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас), древние и средневековые поселения предгорных районов республики, укрепленные холмы-цитадели, курганы (Е. И. Крупнов, П. Г. Акритас), архитектурно-археологические и погребальные памятники Балкарии (П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов, Л. И. Лавров, В. А. Кузнецов). Одновременно, реализуя решения Всесоюзного археологического совещания АН СССР (1945), археологи НИИ совместно с сотрудниками пединститута начали работы по учету и охране известных памятников, составлению археологической карты республики (К. Э. Гриневич, В. И. Горемыкина).

В последние 25 лет полевые исследования из года в год приобретают все больший размах, чему способствовало принятие союзного Закона об охране памятников и создание в республике Общества охраны памятников истории и культуры. Помимо сотрудников института, археологические исследования на территории Кабардино-Балкарии проводились Институтом археологии АН СССР, Государственным историческим музеем, кафедрой всеобщей истории КБГУ. Археологические экспедиции КБНИИ в эти годы постоянно расширяли масштабы исследований и от небольших разведочных работ перешли к стационарным раскопкам важнейших археологических памятников. Продолжались и разведочные работы.

Были проведены исследования грота Кала-Тюбю, городища и могильника Нижний Джулат (Г. И. Ионе, И. М. Чеченов, М. П. Абрамова), укрепленных поселений вблизи селений Хамидие, Терское, Урвань, Нальчикской

подкурганной гробницы (И. М. Чеченов) и ряда других городищ, селищ и могильников (И. М. Чеченов, И. М. Мизиев), обследованы башенные и склеповые сооружения средневековой Балкарии и кабардинские курганы той же эпохи (И. М. Мизиев, Н. А. Шафиев). В ходе археологических раскопок было сделано немало значительных открытий, накоплен богатый, часто уникальный материал от эпохи мезолита до позднего средневековья включительно. К сожалению, результаты этих работ пока что обобщены только частично.

Значительно интенсифицировались охранные раскопки в районах новостроек Кабардино-Балкарии, которые спасли для науки многие ценные археологические памятники. С 1972 г. археологами института раскопаны более 450 курганов и других разновременных и разнохарактерных памятников (И. М. Чеченов, И. М. Мизиев, В. М. Батчаев, Р. Ж. Бетрозов, Б. М. Кереев, А. Х. Нагоев). По итогам экспедиции создана трехтомная коллективная работа «Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии (1972–1979)». Первый и второй тома уже вышли из печати¹, третий накануне выхода. Исключительно обильный и разнообразный археологический материал, вводимый этими трудами в науку, охватывает фактически все этапы древней и средневековой истории Центрального Кавказа (за исключением эпохи камня) и в значительной мере способствует дальнейшему освещению и уточнению вопросов социально-экономического и этнокультурного развития племен Центрального Кавказа от эпохи ранней бронзы (III тыс. до н. э.) до позднего средневековья (XIV–XVII вв.).

Параллельно с расширением археологических исследований шел процесс накопления фактического материала по

¹ Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии: (Эпоха бронзы. III–II тыс. до н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. – 100 с.; Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кереев Б. М. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии: (Поздняя бронза – раннее железо. XI в. до н. э. – IV в. н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 2. – 280 с.; Материалы первого года новостроечных раскопок // См.: Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки в 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1973. – 58 с.

этнографии Кабардино-Балкарии. Собранный в довоенные годы значительный историко-этнографический материал не был издан и исчез в годы войны. Поэтому планомерный систематический сбор полевого материала оставался одной из важных задач этнографов. С этой целью в 1947 г. институт совместно с Институтом языка и мышления им. Н. Я. Марра, Институтом истории материальной культуры АН СССР и Государственным историческим музеем организовал комплексную экспедицию во главе с Е. Н. Студенецкой. Экспедиция сосредоточила внимание на изучении материальной культуры, в частности одежды и украшений (Е. Н. Студенецкая), а также народного календаря кабардинцев (Г. Н. Сердюченко). Ценные сведения этнографического характера содержала подборка документов и материалов, изданная Г. А. Кокиевым под названием «Крестьянская реформа в Кабарде» (Нальчик, 1947). К сожалению, сбор материалов по этнографии балкарцев в 40-х гг. не проводился.

Большое влияние на дальнейшие работы в области этнографии оказало создание в марте 1948 г. сектора этнографии и фольклора. Сектор организовал этнографические экспедиции с привлечением квалифицированных специалистов и приступил к осуществлению планомерной работы по изучению ЦГА КБАССР, архивных и библиотечных фондов Москвы и Ленинграда. Продолжался сбор материалов для труда «Кабардинский орнамент», а также для экспозиции в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде.

В 50-х гг. были продолжены начатые еще до революции сбор и публикация архивных материалов по обычному праву горцев. Эти работы завершились изданием «Материалов по обычному праву кабардинцев» (Нальчик, 1956), которые были подготовлены В. К. Гардановым.

Существенный вклад в расширение источниковой базы этнографического изучения кабардинцев и балкарцев был внесен работами М. О. Косвена, который собрал и систематизировал обширную дореволюционную литературу по этнографии Кавказа. Его биобиблиографический труд,

изданный в «Кавказском этнографическом сборнике» Института этнографии АН СССР (М., 1955. Т. 1; М., 1958. Т. 2; М.; А., 1962. Т. 3), представляет собой по существу энциклопедический справочник, охватывающий всю историю отечественного кавказоведения¹. Исследования М. О. Косвена удачно дополняет составленный В. К. Гардановым сборник, где собраны и переведены на русский язык извлечения из 36 сочинений европейских авторов XIII–XIX вв., имеющие важное значение для историко-этнографического изучения адыгов, балкарцев и карачаевцев².

В 60-х годах все чаще стали создаваться комплексные (фольклорно-этнографическо-лингвистические экспедиции, в организации которых главную роль играл уже Кабардино-Балкарский НИИ. С 70-х гг. сектор этнографии начинает проводить самостоятельные полевые исследования в населенных пунктах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгейской автономной области, охватывающие все важнейшие стороны общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры адыгейцев, балкарцев, кабардинцев и карачаевцев. В результате этих работ был создан богатый этнографический фонд в архиве КБНИИ.

Принципиальное значение для разработки истории края имели сбор и публикация исторических источников. Поисковая работа велась сотрудниками института в двух направлениях: 1) в архивах Москвы, Ленинграда и других городов выявлялись новые документальные источники; 2) публиковались мемуарная и другая литература. Важным начинанием в этой области явилась предпринятая в 1940 г. научным сотрудником Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне ЦГАДА) А. М. Персовым подготовка к печати сборника «Документы по истории Кабардино-Балкарии в XVI–XVIII вв.». Война помешала выходу в свет этого труда, но в 50-х гг. часть выявленных

¹ Аршаруни А. М. Кавказский этнографический сборник // Советская этнография. М., 1955. Вып. 1. № 4. С. 163.

² Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. пер., введ. и вст. ст. к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с. Рец. см.: Известия СКНЦ ВШ. 1977. № 3.

А. М. Персовым документов была включена в изданную Академией наук СССР, КБНИИ, Главным архивным управлением МВД СССР и ЦГАДА фундаментальную публикацию «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.»¹. Первый том этой публикации охватывает период с 50-х гг. XVI в. по 80-е гг. XVII в. и содержит 248 документов. Второй том характеризует русско-кабардинские связи в XVIII в., он включает 271 документ. Научные редакторы издания Т. Х. Кумыков и Е. Н. Кушева (т. I), Н. А. Смирнов и У. А. Улигов (т. II) снабдили его введением, содержащим основные сведения по истории многовековых отношений между народами Кабардино-Балкарии и России, примечаниями, комментариями и указателями. Собранный в обоих томах архивный материал представляет собой весьма ценное дополнение к сохраняющим свое научное значение до наших дней трудам П. Г. Буткова «Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г.» (СПб., 1869. Ч. 1–3) и С. А. Белокурова «Сношение России с Кавказом» (М., 1889).

Первое специальное издание архивных документов из местных и центральных архивохранилищ, относящихся к Балкарии, предпринял Архивный отдел при Совете Министров КБАССР в 1959 г.² Собранные Е. О. Крикуновой материалы заполнили ту лакуну, которая имела в упомянутых сборниках Г. А. Кокиева и В. К. Гарданова. Вместе с ними они явились источниковедческой основой для изучения социально-экономического состояния балкарских обществ накануне отмены крепостного права в России, реформы 1867 г. и первых пореформенных десятилетий. В 1962 г. были изданы архивные материалы, отражающие социально-экономическое развитие Балкарии с конца XIX в.

¹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1: XVI–XVII вв. / Ред. Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева; сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. – 478 с.; Т. 2: XVIII в. / Ред. Н. А. Смирнов, У. А. Улигов; сост. В. М. Букалова. – 423 с.

² Документы по истории Балкарии 40–90-х гг. XIX в. / Сост. Е. О. Крикунова; редкол.: С. К. Бабаев, Х. И. Хутуев, Д. В. Шабаев. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. Ч. 1. – 264 с. Рец. см.: КБП. 1966. 13 ноября; Исторический архив. 1960. № 3.

по 1917 г.¹ Издание включает 350 впервые публикуемых архивных документов, которые содержат важные данные о хозяйственном положении, социальной структуре, взглядах и настроениях различных слоев общества, о росте классовых противоречий и реакции представителей местных органов государственной власти на рост недовольства широких слоев народа притеснением со стороны социальных верхов и царской администрации.

В целом эти публикации дали исследователям много нового и ценного материала для изучения различных аспектов русско-кабардино-балкарских отношений и социально-экономического развития дореволюционной Кабарды и Балкарии.

В 1950-х гг. отчетливо определился научный интерес также к источникам по истории советской Кабардино-Балкарии. При этом важное значение придавалось подготовке документальных сборников, посвященных борьбе за установление и упрочение советской власти на территории республики. В 1957 г. вышел в свет сборник «За власть Советов в Кабарде и Балкарии. 1917–1922 гг.». В нем была предпринята в целом плодотворная попытка систематизировать источники по трем темам: 1) Кабарда и Балкария в период победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления диктатуры пролетариата в России; 2) в годы Гражданской войны и империалистической интервенции; 3) в период образования Кабардино-Балкарской автономной области. В сборнике широко были представлены воззвания, резолюции, приговоры и решения собраний, митингов и сходок трудящихся, листовки, обращения, постановления и отчеты партийных, государственных и общественных учреждений и т. п., полно и ярко раскрывающие характер и своеобразие революционной эпохи². Часть из них была включена в из-

¹ Документы по истории Балкарии (конец XIX – начало XX в.) / Сост. Е. О. Крикунова; редкол.: С. К. Бабаев, Х. И. Хутуев, Д. В. Шабаев. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1962. Ч. 2. – 307 с.

² За власть Советов в Кабарде и Балкарии: Документы и материалы по истории борьбы за советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области (1917–1922) / Гл. ред. В. П. Крикунов; сост.: П. Х. Гугов, У. А. Улигов, Л. Б. Татарокова, Д. В. Шабаев; редкол.: С. К. Бабаев, Ж. Ж. Залиханов, К. Н. Керевов, Е. Т. Кешева, Т. Х. Кумыков. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1957. – 540 с.

данную позднее публикацию «Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации в 1917–1922 гг.», которая положила начало созданию документальной базы для написания истории областной партийной организации¹. Составители сборника Х. Г. Берикетов, Р. Х. Гутов и У. А. Улигов попытались показать процесс становления местной партийной организации и формирования большевистских кадров в республике посредством документальных свидетельств – через сообщения периодической печати, материалы, освещающие работу обкома, отчеты окружных комитетов и т. п. в дальнейшем были собраны архивные материалы о революционных комитетах Кабардино-Балкарии².

Весьма существенно, что одновременно с указанными документальными публикациями был подготовлен также сборник воспоминаний непосредственных участников Октябрьской революции и Гражданской войны в национальных районах Северного Кавказа. Об его актуальности и большом идеологическом значении свидетельствует тот факт, что он был переиздан трижды³ и не утратил своей научной ценности до настоящего времени. В составлении указанных сборников наряду с сотрудниками института участвовали работники партийного архива Кабардино-Балкарского обкома КПСС и Центрального государственного архива КБАССР, что по-

¹ Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации в 1917–1922 гг. // Сборник документов и материалов / Сост.: Х. Г. Берикетов (гл. ред.), Р. Х. Гутов, У. А. Улигов. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. – 324 с.

² Революционные комитеты Кабардино-Балкарии и их деятельность по восстановлению и упрочению советской власти и организации социалистического строительства (декабрь 1919-го – июль 1920 г.) // Сб. документов и материалов / Сост.: В. В. Грудцина, Л. Б. Татарокова, Р. А. Ташилова. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1968. – 147 с.; Революционные комитеты Кабардино-Балкарии / Сост. Н. Ф. Бутай. Нальчик: Эльбрус, 1972. – 170 с.

³ Воспоминания участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Кабардино-Балкарии / Под ред. Х. И. Хутуева. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1957. – 272 с.; Каб.-Балк. кн. изд-во, 1960. 2-е изд. – 256 с.; Нальчик: Эльбрус, 1981. 3-е изд. – 316 с.

зволило за короткий срок выявить в архивах СССР и ввести в научный оборот много новых источников, раскрывающих борьбу за установление советской власти и ее упрочение в крае, деятельность ревкомов, национально-государственное строительство в республике.

В последующие годы эта работа была продолжена и в 1983 г. ознаменовалась выходом в свет интересного по своему составу нового сборника, содержащего документы по истории борьбы за советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии¹. Этот сборник значительно расширил фактологическую основу изучения проблемы и, что особенно следует отметить, дал новый яркий и весомый материал для борьбы против буржуазных фальсификаторов истории.

Сборники открываются обширными вводными статьями В. П. Крикунова, Х. И. Хутуева, Х. Г. Берикетова, Н. Ф. Бутая.

К 30-летию Победы советского народа над фашистской Германией архивами республики были впервые опубликованы важные документы по истории Кабардино-Балкарии периода Великой Отечественной войны. Эти документы помогают глубже раскрыть самоотверженный труд рабочих, колхозников, интеллигенции республики в те суровые годы и показать руководящую роль областной партийной организации в мобилизации трудящихся Кабардино-Балкарии на выполнение решений Коммунистической партии и Советского правительства².

Наряду с этим по инициативе Х. И. Хутуева Кабардино-Балкарский обком КПСС снарядил научную экспедицию в республики Средней Азии и Казахстана для сбора материалов, отражающих ратный и трудовой подвиг балкарского народа в завершающий период Великой Отечественной

¹ Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922) / Отв. ред. Б. М. Зумакулов; сост.: Р. Х. Гутов, Л. Б. Татарокова, У. А. Улигов, Д. В. Шабаев. Нальчик: Эльбрус, 1983. – 800 с.

² Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Сборник документов и материалов / Отв. ред. М. Х. Шекихачев; сост.: Д. В. Шабаев, Л. Б. Татарокова, Р. А. Ташилова. Нальчик: Эльбрус, 1975. – 494 с.; Рец. см.: Кабардино-Балкарская правда. 1975. 10 июля.

войны, его вклад в развитие экономики и культуры Казахстана и Киргизии в первые послевоенные десятилетия. Ее материалы ныне хранятся в Центральном государственном архиве республики (ф. Р-774). В последние годы начато выявление комплекса источников по истории культурного строительства в Кабардино-Балкарии. Итогом этой работы стала публикация двух томов документальных материалов, характеризующих начальный этап становления и развития в республике народного образования, сети культурно-просветительных учреждений, органов и средств массовой информации¹. При подготовке публикации были подняты и обработаны материалы многих архивохранилищ республики и страны.

Интересные документы были изданы также в связи с разработкой институтом вопросов истории общественно-политической мысли и революционного движения в Кабарде и Балкарии. К многочисленным прежним изданиям произведений первого кабардинского ученого и просветителя Ш. Б. Ногмова прибавились новые публикации его главного труда «История адыгейского народа»². Они вышли в свет с более полными биографическими и библиографическими комментариями, справочным аппаратом и указателями, над составлением которых работали такие известные ученые, как Г. А. Кокиев, И. В. Тресков, Б.А. (В. К.) Гарданов, Т. Х. Кумыков. «История...» Ш. Б. Ногмова была издана институтом не только на русском, но и на кабардинском языке³.

¹ Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918–1941): в 2 т. / Отв. ред и авт. предисл. Х. И. Хутуев; сост.: В. И. Горбатовская, Л. Б. Татарокова, Д. В. Шабаев. Нальчик: Эльбрус, 1980. Т. 1. – 382 с.; 1985. Т. 2. – 392 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1992. № 2; 1986. № 1.

² Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Введ., примеч. и указат. проф. Г. А. Кокиева. Нальчик: Кабгосиздат, 1947. – 158 с.; там же / Под ред. В. К. Гарданова, Т. Х. Кумыкова, И. В. Трескова. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1958. – 240 с.; там же / Вступ. ст. и подг. текста проф. Т. Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1982. – 166 с.

³ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. – 140 с. (на каб. яз.).

Большое значение для характеристики деятельности руководителя кабардино-балкарских большевиков Б. Э. Калмыкова имел подготовленный институтом сборник его статей и речей¹. К 90-летию революционера он был переиздан, причем в новое издание были включены девять ранее не публиковавшихся выступлений². Эти сборники помогают достаточно полно раскрыть организационные способности и политические качества Б. Э. Калмыкова.

Анализу и характеристике многогранной деятельности Ш. Б. Ногмова и Б. Э. Калмыкова были посвящены также специальные сборники научных статей и воспоминаний, о которых будет сказано ниже.

Развитие планомерных и целенаправленных полевых археологических и этнографических исследований, выявление и публикация документальных материалов, отражающих различные этапы истории Кабардино-Балкарии, дают наглядное представление о росте научного потенциала специалистов-историков, работающих в институте, и вместе с тем свидетельствуют об интенсивности научно-исследовательской деятельности, ведущейся и ведущейся в его подразделениях.

Исторические исследования в КБНИИ³

В 1920–1930-х гг. история Кабардино-Балкарии в институте почти не разрабатывалась. Широким фронтом проблемы истории республики стали изучаться в КБНИИ лишь в послевоенные годы, особенно в течение последних 25 лет.

¹ Калмыков Б. Э. Статьи и речи / Под ред. Б. Х. Цавкилова; сост.: У. А. Улигов, Е. Т. Хакуашев, Д. В. Шабаев. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. – 150 с.

² Калмыков Б. Э. Статьи и речи. 2-е изд., доп. / Сост.: Р. Х. Гугов, У. А. Улигов; отв. за вып. Х. И. Хутуев. Нальчик: Эльбрус, 1983. – 293 с.

³ В настоящем обзоре дается обобщенный анализ трудов историков КБНИИ, а также других авторов, чьи работы изданы институтом. Они рассматриваются не в хронологической последовательности, а по тематической общности.

В дореволюционное время изучение археологических памятников Кабардино-Балкарии практически не было связано с попытками исследования древней и средневековой истории населяющих ее народов. Только в советский период было положено начало исследованию их далекого прошлого, и впервые обширные археологические материалы, добытые на территории республики, нашли свое место в научной реконструкции истории края.

Публикации 20–30-х гг. по археологии Кабардино-Балкарии – это, главным образом, небольшие научные статьи и заметки информационного характера, отражающие итоги разведочных и новостроечных работ на территории республики. Тем не менее уже в них затрагивался ряд узловых проблем древней истории края: например, вопросы этногенеза, социально-экономического и культурного развития его населения в различные исторические эпохи и ряд других.

Первое фундаментальное исследование по археологии и древней истории Кабардино-Балкарии было издано в 1941 г. Это третий том серии «Материалы и исследования по археологии СССР», специально посвященный археологии Кабардино-Балкарии. Главными его задачами были введение в научный оборот и систематизация обширного археологического материала с территории республики (преимущественно по эпохам энеолита и бронзы), добытого в ходе экспедиций ГАИМК, проводившихся в 20–30-х гг. Опубликованные в этом сборнике материалы и выводы, сделанные на основе их изучения, не потеряли своего значения и в настоящее время благодаря высокому научно-методологическому уровню исследований. Сборник открывает статья А. А. Иессена¹, по существу, представляющая первую попытку обобщения и исторической интерпретации археологических памятников Кабардино-Балкарии. На основе известных к тому времени материалов автор прослеживает основные пути социально-экономического и культурного развития населения края, начиная с неолита и кончая поздним средневековьем.

¹ Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии – МИА. М.; Л., 1941. № 3. С. 7–51.

В первые послевоенные десятилетия (1945–1965) институт значительно расширил археологические исследования. В эти годы на территории республики работали специалисты-археологи Е. И. Крупнов, П. Г. Акритас, Г. И. Ионе, В. А. Кузнецов, к археологическим изысканиям привлекались преподаватели пединститута К. Э. Гриневич, В. И. Горемыкина. И хотя научная продукция, посвященная древней и средневековой истории КБАССР, по-прежнему имела в основном характер статей и публицистических очерков, в эти годы уже появляются первые монографические труды, в которых рассматривались вопросы материальной культуры отдельных эпох или давалась интерпретация наиболее важных археологических памятников¹.

Особенно плодотворной в эти годы была научно-исследовательская деятельность профессора Е. И. Крупнова – одного из наиболее видных специалистов в области археологии Северного Кавказа. На протяжении ряда лет он заведовал (по совместительству) сектором археологии КБНИИ и возглавлял организуемые институтом археологические экспедиции. Результаты этих экспедиций были положены им в основу ряда монографий, научных отчетов и статей, представляющих существенный вклад в изучение древней истории республики². Так, в работе «Жемталинский клад»³ был дан исключительно обстоятельный научный анализ уникальной находки – серии бронзовых предметов кобанской культуры (I тыс. до н. э.), в монографии «Древ-

¹ См. библиографию в кн.: Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. № 1, 2, 6–10, 12, 13, 15, 27, 28, 33–37, 54–56, 69–71, 80–82, 84, 92, 93, 97, 139.

² Крупнов Е. И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. – 51 с.; он же. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным // УЗ КНИИ. 1947. Т. 2. С. 113–132; он же. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // УЗ КНИИ. 1948. Т. 4. С. 281–328; он же. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // УЗ КНИИ. 1950. Т. 5. С. 195–277; он же. Древнейший период истории Кабарды // ССИК. 1951. Вып. 1. С. 20–80; он же. Древняя история Кабарды // УЗ КНИИ. 1952. Т. 6. С. 3–62 и др.

³ Крупнов Е. И. Жемталинский клад. М.: Гос. истор. музей, 1952. – 35 с.

няя история и культура Кабарды»¹ рассмотрены основные этапы культурного и социально-экономического развития древнейших аборигенов края и т. д. Примечательно, что на основе археологического материала он предпринял попытку раскрыть проблему раннего этногенеза и этнической истории адыгов. Собранные на территории республики и сопредельных районов края материалы составили источниковую основу фундаментального труда Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», который стал первым исследованием в советской археологии, удостоенным Ленинской премии. В этой монографии была представлена глубокая и всесторонняя характеристика материальной и духовной культуры племен Северного Кавказа эпохи раннего железа, их социальной структуры, экономических связей, вскрыто их реальное участие в формировании современных этнических общностей Северного Кавказа и обоснована мысль о кобанском этносе как этническом субстрате в этногенезе осетин, балкаро-карачаевцев и вайнахов.

Предварительные результаты исследования памятников каменного века на территории республики были обобщены в статьях С. Н. Замятнина, и П. Г. Акритаса². Ученики Е. И. Крупнова – В. И. Марковин, В. А. Кузнецов, М. П. Абрамова в эти годы обращаются к изучению вопросов хронологии и культурных взаимоотношений различных локальных групп населения Северного Кавказа как древней эпохи, так и эпохи средневековья³.

Во второй половине 50-х гг. получили продолжение начатые Л. И. Лавровым в предвоенные годы исследования

¹ Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 176 с.

² Замятнин С. Н., Акритас П. Г. Исследования по каменному веку в Кабарде в 1954–1955 гг. // УЗ КБНИИ. 1957. Т. 12. С. 415–425; он же. Раскопки грота Сосруко в 1955 г.; там же. С. 431–453.

³ Марковин В. И. О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // УЗ КБНИИ. 1959. Т. 16. С. 173–196; Кузнецов В. А. Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии; там же. С. 149–172; Абрамова М. П. Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника // УЗ КБНИИ. 1967. Т. 25. С. 147–157.

архитектурно-бытовых сооружений средневековой Балкарии. Эти работы имели большое значение для изучения материальной культуры и религиозных верований балкарцев в XVII–XVIII вв.¹ Несколько позже была издана монография И. М. Мизиева², который обобщил весь накопленный материал, сделав при этом ряд важных исторических выводов, затрагивающих коренные вопросы развития горцев Центрального Кавказа в эпоху позднего средневековья.

Арабские надписи, найденные на территории Кабардино-Балкарии, стали в эти годы объектом изучения Л. И. Лаврова. Постепенно расширяя работы в области эпиграфики, Л. И. Лавров в итоге создал фундаментальный трехтомный труд «Эпиграфические памятники Северного Кавказа», в который вошли как ранее известные, так и новые, открытые им, памятники, позволившие автору внести целый ряд корректив в устоявшиеся представления по истории и культуре кабардинцев и балкарцев³.

Вторая половина 50-х и начало 60-х годов были временем, когда заметно усилился интерес к древней истории края. Этому в значительной степени способствовала широко развернувшаяся в институте работа над «Историей Кабарды», «Очерками истории балкарского народа» и 1-м томом двухтомной «Истории Кабардино-Балкарской АССР», в соответствующих главах которых предстояло впервые дать систематическое изложение древней и средневековой истории народов Кабардино-Балкарии, рассмотреть

¹ Акритас А. П., Медведева О. П., Шаханов Т. Б. Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии // УЗ КБНИИ. 1960. Т. 17. С. 67–96; Ионе Г. И. Верхне-Чегемские памятники VI–XIV вв. // УЗ КБНИИ. 1963. Т. 19. С. 183–208; Опрышко О. Л. Раннехристианский могильник в сел. Верхний Чегем КБАССР // ССИКБ. 1961. Вып. 9. С. 217–221.

² Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик: Эльбрус, 1970. – 89 с. Рец. см.: АЭС КБНИИ. 1974. Вып. 1.

³ Лавров Л. И. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // УЗ КБНИИ. 1960. Т. 17. С. 97–122; он же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа (на араб., персид. и турец. яз.): в 3 ч. М.: Наука, 1966–1980. Ч. 1. X–XVIII вв. 1966. – 296 с.; Ч. 2. XVIII–XX вв. 1968. – 248 с.; Ч. 3. X–XX вв. 1980. – 168 с.

вопросы социально-экономического развития раннеклассового общества на ее территории, возникновения древнейших племенных союзов и государственных образований, осветить проблемы этногенеза и этнической истории кабардинцев и балкарцев, раскрыть пути формирования их национальных культур и т. п.

Однако в изучении древней истории республики прогресс особенно заметно стал проявляться с середины 60-х гг., когда в секторе археологии сформировался высококвалифицированный коллектив, состоящий из прошедших специальную подготовку молодых ученых, и была четко определена сфера научной проблематики каждого из сотрудников сектора.

Наиболее значительный вклад в изучение древней и средневековой истории края в этот период был внесен исследованиями заслуженного деятеля науки КБАССР И.М. Чеченова. Среди его публикаций, подготовленных в 60-х гг., особого внимания заслуживает статья «Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г.»¹, в которой впервые в кавказоведческой литературе был поставлен вопрос о типологической дифференциации раннесредневековых городищ Центрального Кавказа, уточнена хронология этих памятников и дана общая характеристика материальной культуры их обитателей. Основные положения этой статьи были развиты И.М. Чеченовым в докладе, прочитанном на Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических работ в СССР в 1970 г.²

На протяжении ряда лет И. М. Чеченов работал над составлением археологической карты Кабардино-Балкарии. Тщательный анализ прежних исследований, проводившихся на территории республики, и интенсивные разведочные поиски новых памятников дали ему возможность подготовить

монографию «Древности Кабардино-Балкарии»¹. В ней впервые был представлен полный свод и дана характеристика известных к концу 60-х гг. археологических памятников КБАССР (около 400). Обобщение широкого круга сведений позволило автору внести целый ряд существенных уточнений в описание, хронологию и определение культурной атрибуции ряда объектов и по некоторым узловым вопросам древней и средневековой истории Центрального Кавказа.

Вторая монография И. М. Чеченова, подготовленная в эти годы, была посвящена описанию и исторической интерпретации уникального памятника – исследованной им на территории гор. Нальчика подкурганной гробницы, относящейся к эпохе майкопской культуры (III тыс. до н. э.)². Изучение этого памятника впервые позволило установить относительно высокий уровень социального расслоения в среде местных племен эпохи ранней бронзы, уточнить вопросы, связанные с продвижением носителей майкопской культуры в области Центрального Кавказа, выявить их разносторонние связи с древними цивилизациями Передней Азии и населением Юго-Восточной Европы.

Среди значительных работ И. М. Чеченова должна быть упомянута также его статья, посвященная одной из наиболее дискуссионных проблем кобанской культуры – проблеме ее распространения и выделения в ее составе локальных вариантов³. Им предложена новая, уточненная схема дифференциации культуры, построенная с учетом ландшафтно-географических особенностей ее ареала в целом и отдельных локальных комплексов. И. М. Чеченов внес также ряд уточнений в определение особенностей каждого из локальных вариантов культуры и в устоявшиеся представления о ее генезисе и развитии. Статья И. М. Чеченова явилась существенным вкладом в изучение древних обществ Центрального

¹ Чеченов И. М. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г. // УЗ КБНИИ. 1967. Т. 25. С. 107–127.

² Чеченов И. М. Средневековые городища Кабардино-Балкарии // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971. С. 204–206.

¹ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. – 152 с. Рец. см.: Советская археология. 1972. № 1.

² Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик: Эльбрус, 1973. – 67 с. Рец. см.: Вопросы истории, 1973. № 12.

³ Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // АЭС КБНИИ. 1974. Вып. 1. С. 14–51.

Кавказа и заметной вехой в ряду исследований, уточняющих и развивающих идеи и гипотезы, заложенные в работах Е. И. Крупнова.

Изучение мегалитических сооружений Северо-Западного Кавказа позволило В. И. Марковину выдвинуть весьма интересную гипотезу о раннем этапе формирования адыго-абхазского этнического массива. В. А. Марковин связывает его происхождение с инфильтрацией на территорию Западного Кавказа отдельных групп населения Пиренейского полуострова в III–II тыс. до н. э.¹ Вопросам истории Центрального Кавказа эпохи энеолита и ранней бронзы (IV–III тыс. до н. э.) посвящена работа Р. Ж. Бетрозова². В ней охарактеризованы начальные этапы освоения местными племенами нового производственного сырья – меди – и становление бронзовой индустрии, что послужило толчком к возникновению социально-имущественной дифференциации.

Р. Ж. Бетрозовым были опубликованы также важные материалы, относящиеся к эпохе «великого переселения народов» (IV–V вв.) и характеризующие связи местных племен Центрального Предкавказья с кочевниками евразийской степи и Закавказьем³.

Заметным вкладом в исследование сармато-аланской эпохи на территории Кабардино-Балкарии явились работы М. П. Абрамовой, и прежде всего ее монография, посвященная раскопкам Нижне-Джунатского могильника (I в. до н. э. – VII в. н. э.), в которой наряду с подробным анализом и хронологической классификацией археологического материала освещается процесс формирования аланской культуры Северного Кавказа⁴.

¹ Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы происхождения абхазо-адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1974. – 52 с.

² Бетрозов Р. Ж. К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1981. – 93 с.

³ Бетрозов Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Киппек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и Средние века. М., 1980. С. 113–122.

⁴ Абрамова М. П. Нижне-Джунатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972. – 76 с. Рец. см.: Советская археология. 1975. № 1.

Различным аспектам археологии сарматской эпохи центральных районов Северного Кавказа посвящен также ряд статей Б. М. Керефова¹. Наряду с вопросами этнокультурных взаимосвязей сарматов и местных племен в них значительное место занимает разработка общих вопросов этнической истории Центрального Кавказа в сарматскую эпоху². Результативные полевые изыскания позволили Б. М. Керефову сделать целый ряд новых наблюдений и выводов. Особый интерес представляет попытка Б. М. Керефова связать распространение в центральных районах Северного Кавказа во II в. до н. э. нового погребального обряда – катакомбных захоронений – с широким расселением среднеазиатских кочевников, в частности тохаров, которые, по его предположению, приняли активное участие в этногенезе осетин-дигорцев³.

Культурно-исторические проблемы древней Балкарии успешно разрабатываются В. М. Батчаевым. Им введен в научный оборот ряд новых важных археологических ком-

¹ Керефов Б. М. Памятники племен Центрального Предкавказья в III–I вв. до н. э. // УЗ КБНИИ. 1974. Т. 26. С. 132–147; он же. Некоторые вопросы изучения памятников сарматского периода Центрального Предкавказья // АЭС КБНИИ. 1974. Вып. 1. С. 67–75; он же. К вопросу сарматизации племен центральной части Северного Кавказа (I этап) // АЗДИКБ. 1980. Вып. 1. С. 52–68; он же. О культовых сосудах Северного Кавказа сарматского времени // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 145–153.

² Керефов Б. М. Об этническом составе населения центральных районов Северного Кавказа (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973. С. 11–13; он же. К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время // VIII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 17, 18.

³ Керефов Б. М. Об этнической атрибуции центральнокавказских катакомб последних веков до н. э.: (По материалам Чегемского кургана-кладбища) // Конференция по археологии Северного Кавказа: XII Крупновские чтения: Тезисы докладов. М., 1982. С. 48, 49; он же. Среднеазиатский этнический компонент на Центральном Предкавказье сарматского времени // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тезисы докладов. Баку, 1985. С. 173, 174.

плексов из горных районов республики. Среди них Былымский клад – серия (120 предметов) высокохудожественных металлических изделий начала I тыс. до н. э., – значительно расширяющий представления о материальной культуре кобанских племен¹, а также оборонительно-жилой комплекс II тыс. до н. э., раскрытый автором при исследовании Былымского поселения эпохи бронзы².

Ряд статей В. М. Батчаева посвящен вопросам культурогенеза³. В традиционной культуре балкарцев и карачаевцев им выявлены компоненты кавказского (субстратного), иранского и тюркского происхождения, которые могут служить важным источником для изучения этнической истории этих народов. Свои наблюдения В. М. Батчаев обобщил в изданной в 1986 г. монографии⁴, где им пересматривается традиционная концепция тюркизации Балкарии. Автор полагает, что это явление связано не с инфильтрацией в горы половецких беженцев в 1222 г. (как принято считать), а с этнополитической ситуацией XIII–XIV вв. в плоскостных районах Центрального Предкавказья. На протяжении всей золотоордынской эпохи здесь происходил процесс алано-половецкого этнокультурного симбиоза, следствием которого явилась тюркизация аланов и формирование к концу XIV столетия основного ядра будущей балкарской народности.

Как видно, наряду с изучением вопросов ранней истории Кабардино-Балкарии сотрудниками сектора археологии

¹ Батчаев В. М. Клад из селения Былым // АВДИКД. 1980. Вып. 1. С. 26–52.

² Батчаев В. М. Былымский оборонительно-жилой комплекс эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 57–66.

³ Батчаев В. М. К вопросу, о генезисе зооморфных узоров в карачаево-балкарском орнаменте // АЭС КБНИИ. 1974. Вып. 1. С. 52–66; он же. Тюркское наследие в традиционной культуре как источник по этногенезу балкарцев и карачаевцев // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов. Омск, 1984. С. 50–53; Батчаев В. М., Вайнштейн С. И. К проблеме кочевнического комплекса в традиционной культуре горцев Кавказа // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 153–160.

⁴ Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986. – 150 с.

разрабатывались также и вопросы истории более позднего периода. Среди работ этого цикла особо следует отметить монографическое исследование А. Х. Нагоева, в котором были обобщены результаты изучения материальной и духовной культуры кабардинцев в XIII–XVII вв.¹. Особый раздел его монографии посвящен вопросу о времени переселения кабардинцев в центральные и восточные районы Северного Кавказа. На основании тщательного анализа письменных и археологических данных автор оспаривает распространенное в науке суждение о том, что это переселение имело место в XIII столетии, и высказывает новую гипотезу, согласно которой заселение кабардинцами центральных районов Предкавказья произошло не ранее конца XIV в. Именно освоение новых обширных районов кавказских предгорий, по мысли автора, дало стимул к интенсивной феодализации кабардинского общества, что выдвинуло Кабарду в число наиболее передовых и влиятельных этнополитических образований Северного Кавказа и затем привело ее (в середине XVI в.) к вхождению в состав Российского государства.

Обращение археологов к проблемным вопросам этнической истории кабардинского и балкарского народов в эпоху средневековья можно считать несомненным достижением последних лет. Первоначально эти вопросы были поставлены в работах Г. А. Кокиева, А. П. Смирнова, Л. И. Лаврова, В. А. Кузнецова². В настоящее время они, как уже отмечено, успешно разрабатываются с широким использованием архе-

¹ Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья. Нальчик: Эльбрус, 1981. – 86 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1982. № 4.

² Кокиев Г. А. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946. – 36 с.; Смирнов А. П. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным // УЗ КНИИ. 1948. Вып. 4. С. 65–90; Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // ССИК. 1954. Вып. 3. С. 193–207; он же. Адыги в раннем средневековье // ССИК. 1955. Вып. 4. С. 18–30; он же. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956. № 1; Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // АЭС КБНИИ. 1974. Вып. 1. С. 76–94.

ологического материала в работах А. Х. Нагоева¹, В. М. Батчаева² и др.

Таким образом, археологи института в сотрудничестве с учеными других исследовательских учреждений страны внесли заметный вклад в изучение древней и средневековой истории республики. Они вплотную подошли к приведению в систему всей суммы накопленных фактов, их обобщению, исторической и социальной интерпретации в свете современных достижений науки.

С созданием в 1948 году сектора этнографии было начато обобщение накопленного этнографического материала, и в печати стали появляться его первые публикации. Они еще не были связаны с разработкой единой плановой темы и были неравнозначны по своему научному уровню.

Однако общее направление работы сектора было намечено правильно. В эти годы были опубликованы статьи Г. А. Кокиева, Г. П. Сердюченко, П. Г. Акритаса, В. П. Пожидаева, Е. Н. Студенецкой, А. И. Першица, посвященные различным сторонам этнографии кабардинцев: пережиткам родового быта, аграрным праздникам и обрядам, традиционному воспитанию, системе летосчисления, изучению фамильных знаков, их генезису, истории возникновения малокабардинских поселений в XVI–XVIII вв., эволюции традиционной одежды и украшений³.

¹ Нагоев А. Х. О хронологии кабардинских курганов // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6. С. 271–285; он же. К вопросу о расселении кабардинцев // АЭС КБНИИ. 1974. Вып. 1. С. 121–127; он же. Некоторые спорные вопросы истории и археологии средневековой Кабарды // Торжество ленинской национальной политики КПСС. Нальчик, 1983. С. 168–175.

² Батчаев В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // АВДИКБ. 1980. Вып. 1. С. 79–95; он же. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986. С. 127–133.

³ Кокиев Г. А. Вопросы воспитания у кабардинцев в прошлом // УЗ КНИИ. 1946. Т. 1. С. 129–143; Сердюченко Г. А. Счет лет по животному циклу у кабардино-черкесов, абазин, ногайцев // УЗ КНИИ. 1947. Т. 2. С. 99–112; Акритас П. Г. Аграрный праздник в Кабарде // УЗ КНИИ. 1948. Т. 4. С. 265–270; Пожидаев В. П. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент; там же. С. 239–264; Кокиев Г. А. Малокабардинские поселения

Религиозным верованиям кабардинцев была посвящена специальная статья А. А. Дадова¹ традиционным формам заключения брака – публикация Т. Т. Шиковой², общему анализу причин, способствующих сохранению религиозных пережитков и архаических обычаев, а также методам борьбы с ними – ряд работ Б. Х. Цавкилова³.

Среди публикаций 50-х гг. особо должно быть отмечено комплексное исследование Е. Н. Студенецкой, предназначенное для включения в коллективный труд по истории Кабарды, в котором была дана характеристика всей традиционной культуры кабардинцев и описаны основные занятия, промыслы, ремесла, селения и жилища, пища и утварь, одежда, семейно-общественный быт, народное искусство, религиозные верования⁴.

С конца 50-х гг. круг этнографических исследований, ведущихся в институте, расширяется: к исследованиям по этнографии адыгов присоединяются исследования, посвященные этнографии балкарского народа. Проблема происхождения балкарцев – народа, тюркского по языку и кавказского по происхождению и культуре, – в эти годы оказалась в поле зрения ученых различных специальностей. В 1959 г. КБНИИ организовал научную сессию, посвященную этногенезу бал-

в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе // УЗ КНИИ. 1947. Т. 2. С. 25–64; Студенецкая Е. Н. К вопросу о национальной кабардинской одежде // УЗ КНИИ. 1948. С. 4. 197–238; она же. Украшения одежды у кабардинцев (XIX–XX вв.) // УЗ КНИИ. 1950. Т. 5. С. 163–194; она же. О большой семье у кабардинцев // Советская этнография. 1950. № 2. С. 176–181; Першиц А. И. Фамилия – лэзгик у кабардинцев в XIX в. // Советская этнография. 1950. № 1. С. 177–180.

¹ Дадов А. А. К вопросу о религиозных верованиях кабардинцев // УЗ КНИИ. 1957. Т. 12. С. 285–300.

² Шикова Т. Т. Об условиях и формах заключения брака у кабардинцев в дореволюционном прошлом (кон. XIX – нач. XX в.) // УЗ КБНИИ. 1959. Т. 16. С. 129–148.

³ Цавкилов Б. Х. Против феодально-буржуазных пережитков. Нальчик: Кабгосиздат, 1949. – 77 с.; он же. Религиозные пережитки в сознании людей и пути их преодоления. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 28 с.

⁴ Студенецкая Е. Н. Быт и культура кабардинского народа (XVIII–XIX вв.) // ССИК. 1954. Вып. 3. С. 143–192.

карцев и родственных им карачаевцев. На сессии было заслушано и обсуждено 12 докладов и сообщений, которые были сделаны учеными из научных центров Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Нальчика и соседних республик. Обмен мнениями представителей различных специальностей позволил преодолеть имеющиеся до этого крайности в толковании этногенетических процессов, приведших к образованию балкарцев и карачаевцев. Исследователи пришли в целом к общему конструктивному мнению о том, что складывание этих двух близкородственных народностей происходило путем смешения древних аборигенных северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых в ранний период наибольшее значение имели, видимо, племена протоболгарской группы, а впоследствии одно из западно-кипчакских племен¹.

Большое значение для развития этнографии кабардинцев и балкарцев имело издание Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в 1960 г. двух трудов: «Народы Кавказа» (серия «Народы мира») и «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР», в которых народам Кабардино-Балкарии отведены специальные разделы, написанные Е. Н. Студенецкой и Н. Ф. Такоевой под редакцией Л. И. Лаврова и М. О. Косвена. Они представляют собой первое в советской историографии систематизированное этнографическое описание традиционной материальной и духовной культуры кабардинцев и балкарцев. Дальнейшие исследования в этом направлении были продолжены Е. Н. Студенецкой, Л. И. Лавровым, В. К. Гардановым, Г. Х. Мамбетовым, Т. Т. Шиковой и другими при подготовке обобщающих трудов «История Кабарды», «Очерки истории балкарского народа» и первого тома «Истории Кабардино-Балкарской АССР». Свидетельством растущего интереса советских этнографов к народам Северного Кавказа являются работы М. О. Косвена, В. К. Гарданова, Б. А. Калоева, Л. И. Лаврова, В. Н. Волковой, А. М. Ладыженского,

¹ Материалы научной сессии о происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 310.

А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе, В. П. Кобычева, Я. С. Смирновой, Т. Д. Боцвадзе, посвященные различным проблемам традиционно-бытовой культуры и этнической специфики горцев. Общее расширение этнографических исследований по Северному Кавказу оказало положительное влияние на их развитие в институте, и это нашло свое выражение в оптимальной творческой «отдаче» сектора этнографии в 60–70-х гг.

В этот период сотрудниками института был подготовлен и издан ряд монографических трудов, посвященных материальной и духовной культуре кабардинцев и балкарцев, их общественному и хозяйственному быту. Среди них особенно следует выделить работы Г. Х. Мамбетова. В 1962 г. вышла его книга, в которой прослежены закономерности развития крестьянских промыслов в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в.¹ В ней на основе литературных и полевых этнографических данных автором были обстоятельно описаны различные виды народных промыслов – шерстяное, деревообрабатывающее и металлическое, установлена их взаимозависимость с основными видами крестьянской экономики. В следующей книге, вышедшей в 1971 г., Г. Х. Мамбетов освещает историю развития транспорта и традиционных средств связи в Кабарде и Балкарии². Значительным вкладом в этнографию Кабардино-Балкарии явилась работа Г. Х. Мамбетова «Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии»³. Автор, широко привлекая архивный, литературный и полевой материал, анализирует изменения, которые произошли в материальной культуре кабардинцев и балкарцев за длительный период их истории – от второй половины XIX в. до конца 60-х гг. XX в. В работе развитие материальной культуры республики в совет-

¹ Мамбетов Г. Х. Крестьянские промыслы Кабарды и Балкарии во втор. пол. XIX – нач. XX в. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1962. – 110 с.

² Мамбетов Г. Х. Из истории развития транспорта и средств связи Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1971. – 181 с. Рец. см.: АЭС КБНИИ. 1974. Вып. 1.

³ Мамбетов Г. Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (втор. пол. XIX – 60-е гг. XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1971. – 407 с. Рец. см.: СЭ. 1972. № 6; Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 7.

ский период рассматривается в тесной связи с успехами социалистического строительства. Г. Х. Мамбетов показал, что за годы советской власти материальная культура кабардинцев и балкарцев, обогащаясь достижениями других народов, достигла большого уровня развития и вместе с тем все больше сближается с культурой русского и других народов страны, т. е. идет ускоренный процесс ее интернационализации. Вопросам трудовой и семейно-бытовой культуры кабардинцев и балкарцев Г. Х. Мамбетов посвятил десятки статей¹, в которых на основе богатого фактического материала сделаны интересные обобщения и выводы.

Известным достижением в области изучения материальной культуры балкарцев являются исследования Ю. Н. Асанова². В центре его внимания была история развития типов поселений, жилищ, хозяйственных построек. Им установлены типологические параллели между традиционным жилищем балкарцев и осетин, что отражает как общие закономерности развития сельского жилища в одинаковых природно-климатических и в сходных социально-культурных условиях, так и древние этнокультурные связи обоих народов.

На основе социологического исследования типов сельских поселений кабардинцев Б. Б. Хубиев показал, как во взаимодействии с природной средой и социальными про-

¹ Например: Мамбетов Г. Х. Праздники и обряды адыгов, связанные с земледелием // УЗ КБНИИ. 1966. Т. 24. С. 161–185; он же. Некоторые традиции и обычаи кабардинцев и балкарцев, связанные с жилищем // Вестник КБНИИ. 1970. Вып. 4. С. 82–100; он же. Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 5. С. 91–113; он же. Из истории скотоводческого быта кабардинцев и балкарцев во втор. пол. XIX – нач. XX в. // Вестник КБНИИ. 1973. Вып. 7. С. 36–56 и др.

² Асанов Ю. Н. К истории балкарского жилища в XIX – начале XX в. // Вестник КБНИИ. 1972. № 6. С. 239–252; он же. Очаг балкарского жилища (XIX – нач. XX в.) // Там же. С. 145–162; он же. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1976. – 116 с. Рец. см.: ЭНКБ, 1977. Вып. 1.

цессами складывались некоторые элементы их материальной и духовной культуры¹.

С углубленным изучением материальной культуры тесно связано появление исследований в области народного искусства. Декоративно-прикладному искусству кабардинцев и балкарцев посвящен ряд специальных работ Е. Н. Студенцкой и А. Я. Кузнецовой. Несмотря на искусствоведческий характер монографии А. Я. Кузнецовой, в ней получили разрешение многие этнографические вопросы². По своей тематике к работам названных авторов примыкают также публикации А. С. Кишева³.

Помимо вопросов материальной культуры, этнографы института уделяли внимание также вопросам развития социальных отношений у балкарцев и кабардинцев в XIX – начале XX в. Используя архивные документы и материалы по обычному праву, М. Ч. Кучмезова рассмотрела имущественное и наследственное право балкарцев, включая правовые аспекты землевладения и землепользования⁴. Параллельно исследование тех же вопросов проводил Х. М. Думанов, подготовивший монографию, посвященную общинному, семейно-родственному и наследственному праву кабардин-

¹ Хубиев Б. Б. К вопросу о влиянии типов сельских поселений кабардинцев на их духовную культуру // ЭНКБ. 1977. Вып. 1. С. 143–156; он же. К вопросу о влиянии природной среды на некоторые элементы материальной культуры кабардинцев // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 134–152.

² Кузнецова А. Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1982. – 173 с.

³ Кишев А. С. Технология шва-плетения «бжэцгызгажэ» у адыгов // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. 1981. С. 53–64; он же. Техника и технология производства как источник изучения истории одежды // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 69–71.

⁴ Кучмезова М. Ч. Имущественное и наследственное право балкарцев в XIX веке // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6. С. 177–189; она же. Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX веке // Там же. С. 204–226.

цев¹. Вопрос о системе землевладения и землепользования в кабардинской сельской общине получил освещение также в публикациях В. Х. Кажарова². Исследователи пришли к выводу о том, что, несмотря на живучесть норм обычного права, в пореформенный период его институты в условиях развития капиталистических отношений на Кавказе подверглись заметным изменениям, и это отразилось на всей структуре отношений в среде горцев.

Изучению архаических форм социальной организации балкарцев посвящен ряд работ А. И. Мусукаева³. Некоторые вопросы социального устройства и общественной организации шапсугов в прошлом отражены в исследованиях И. Х. Тхамоковой⁴.

Определенный научный интерес представляет статья О. Л. Опрышко о календарных системах кабардинцев и балкарцев⁵. Они отражают годовой ритм хозяйственной деятельности, основывающейся на сочетании отгонного

¹ Думанов Х. М. Обычное семейно-имущественное право кабардинцев (2-я пол. XIX – начало XX в.) // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6. С. 163–176; он же. Наследственное право кабардинцев во втор. пол. XIX – и начале XX в. // Там же. С. 227–238; он же. Обычное имущественное право кабардинцев (втор. пол. XIX – нач. XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1976. – 139 с. Рец. см.: Этнография народов Кабардино-Балкарии. 1977. Вып. 1.

² Кажаров В. Х. О системе регулирования землепользования в кабардинской общине (пер. пол. XIX в.) // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 25–53; он же. К вопросу о феодальных привилегиях в общинном землепользовании адыгов в первой половине XIX в. // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 65–80.

³ Мусукаев А. И. Из прошлого забытого. Нальчик: Эльбрус, 1975. – 97 с.; он же. К вопросу о разделении трудовых обязанностей в большой семье балкарцев конца XIX – начала XX в. // ЭНКБ. 1977. Вып. 1. С. 83–91 и др.

⁴ Тхамокова И. Х. Некоторые вопросы социального устройства шапсугов (кон. XVIII – пер. пол. XIX в.) // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 112–119; она же. Из истории общественной организации шапсугов в первой половине XIX века // Там же. С. 153–166.

⁵ Опрышко О. Л. Старые календарные системы кабардинцев и балкарцев // УЗ КБНИИ. 1966. Т. 24. С. 201–217.

скотоводческого труда с земледелием. Как видно из работ Ю. Н. Асанова, Г. Х. Мамбетова, А. И. Мусукаева, с хозяйственной деятельностью горцев были связаны субкультура, социальные отношения и весь комплекс идеологических представлений¹. Изучению последних важное место уделено в специальных работах А. Т. Шортанова и К. Г. Азаматова².

Для дальнейшего углубленного изучения развития культуры и социальных отношений у народов Кабардино-Балкарии исключительно важны исследования В. М. Аталикова, который предпринял обзор иностранных европейских нарративных источников, содержащих сведения по этногенезу, материальной и духовной культуре горцев Северного Кавказа в XIII–XVIII вв.³

Этнографами института разрабатывался также ряд проблем общественного быта. Наибольшее внимание им было уделено в работах С. Х. Мафедзева // В книге об обрядах и обрядовых играх адыгов он показал значимость и важность этих явлений в хозяйственном и семейном быту народа в прошлом⁴. В другой своей монографии С. Х. Мафедзев на

¹ См. указанные работы этих авторов, а также: Мамбетов Г. Х. О производственных объединениях по совместному содержанию скота у кабардинцев во втор. пол. XIX – нач. XX в. // АЭС КБНИИ. 1974. Вып. 1. С. 128–147; он же. Некоторые формы взаимопомощи, связанные с хозяйственным бытом кабардинцев во втор. пол. XIX – нач. XX в. // УЗ КБНИИ. 1974. Т. 26. С. 59–80.

² Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. – 196 с. Рец. см.: ИСКНЦВШ. 1984. № 2; Азаматов К. Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 143–162; он же. Религиозные верования балкарцев в прошлом и пути преодоления их пережитков на современном этапе // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 83–91.

³ Аталиков В. М. Вайнахи в XVIII в. по известиям европейских авторов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 119–125; он же. Европейские нарративные источники XIII–XV вв. о черкесах // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1983. С. 99–112; он же. Иностранные европейские нарративные источники XIII–XVIII вв. о народах Северного Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. – 21 с. и др.

⁴ Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1979. – 203 с.

основе синтеза этнографических, фольклорных, архивных и литературных материалов исследовал традиционные методы и средства трудового воспитания адыгов в XIX – начале XX в. ¹ Обращение к этой теме весьма показательно: оно свидетельствует о стремлении специалистов связать свои исследования в области традиционной культуры с насущными проблемами сегодняшнего дня, поставить их на службу современности.

Известным достижением этнографов института является подготовка и издание ими нескольких тематических сборников, в которых собраны исследования, посвященные вопросам этнографии дореволюционного и советского периодов ². В них нашли отражение такие важные темы, как семья и семейный быт (в статьях Х. М. Думанова, Г. Х. Мамбегова, С. Х. Мафедзева, Т. Т. Шиковой и др.) ³, в том числе вопрос о коренных преобразованиях в жизни женщины-горянки, тема общественных традиций и народных обрядов (в статьях Х. М. Думанова, С. Х. Мафедзева) ⁴ и ряд других.

¹ Мафедзев С. Х. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1984. – 172 с.

² Археолого-этнографический сборник. КБНИИ. 1974. Вып. 1. – 246 с.; Этнография народов Кабардино-Балкарии. 1977. Вып. 1. – 180 с.; Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. – 172 с.; Этнография и современность. Нальчик, 1984. – 250 с.; Современные этнокультурные процессы в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. – 160 с.

³ Думанов Х. М. К вопросу о кабардинской семье в 40–60-х гг. XIX в. // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1974. С. 40–52; он же. Некоторые вопросы изучения большой семьи и патронимии у адыгов // Вестник КБНИИ. 1970. Вып. 4. С. 70–86; Мамбегов Г. Х., Думанов Х. М. Некоторые вопросы современной кабардинской свадьбы // ЭНКБ. 1977. Вып. 1. С. 62–82; Мафедзев С. Х. Обрядовые игры в современном семейном быту кабардинцев // Там же. С. 48–61; Шикова Т. Т. 60 лет автономии Кабардино-Балкарии и эволюция семейно-брачных отношений у кабардинцев и балкарцев // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 72–82.

⁴ Думанов Х. М. Некоторые обычаи и традиции, связанные с охотой у кабардинцев в XIX – начале XX в. // ЭНКБ. 1977. Вып. 1. С. 36–47; Мафедзев С. Х. Возвращение жениха в свадебном обряде кабардинцев // Там же. С. 157–168.

В последние годы этнографы стали уделять большое внимание исследованию современного социалистического быта городского и сельского населения республики, новым общественным традициям, складывающимся в наши дни, функционированию в новой исторической обстановке, в условиях изменения и усложнения социальной структуры общества, традиционных форм культуры, интернационализации жизни, активизации культурных взаимовлияний ¹.

Подробному анализу этнических особенностей современной культуры и современного быта кабардинцев и балкарцев посвящено подготовленное в институте этносоциологическое исследование «Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев». В нем показан глубокий процесс интернационализации быта и культуры горцев, взаимовлияние национальных культур на территории республики, всевозрастающая роль в жизни кабардинцев и балкарцев новых общесоветских, социалистических норм и отношений при сохранении этнических черт, определяющих национальные особенности обоих народов.

¹ Кумахов М. Г. Новое и традиционное в духовной культуре кабардинцев и балкарцев // По пути Великого Октября. Нальчик, 1980. С. 177–183; он же. Некоторые социально-этнические аспекты двуязычия в Кабардино-Балкарии // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 165–174; он же. К вопросу об интернационализации культуры и быта кабардинцев и балкарцев // Современные этнокультурные процессы в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 92–96; Мамбегов Г. Х. Интернациональное и национальное в материальной культуре кабардинцев и балкарцев // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 33–45; он же. Пережиточные формы института взаимопомощи, связанные с семейным бытом кабардинцев и балкарцев в XIX – нач. XX в. // УЗ КБНИИ. 1974. Т. 26. С. 115–131; Мафедзев С. Х. Новое и традиционное в организации свободного времени у кабардинцев и балкарцев // Современные этнокультурные процессы в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 58–91; он же. К вопросу о сущности обрядов адыгов на современном этапе // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 110–113; Хубиев Б. Б. Некоторые семейно-бытовые традиции кабардинцев и балкарцев и особенности их проявления в различных этнических сферах // Там же. С. 242–246.

Она вышла в свет в канун празднования 400-летия вхождения Кабарды в состав России¹.

Особенно плодотворный период в изучении истории народов Кабардино-Балкарии начался с середины 50-х годов. Восстановление автономии балкарского народа определило перестройку деятельности научных учреждений республики. В конце 50-х – начале 60-х гг. была проведена научная сессия по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев, изданы два сборника документальных материалов. Работа по сбору и систематизации источников, теоретическому обобщению материалов позволила в короткий срок подготовить и издать «Очерки истории балкарского народа»², «История Кабарды», опубликованная в 1957 г., и «Очерки истории балкарского народа», изданные в 1961 г., явились первыми в советской науке обобщающими работами, в которых освещались важнейшие этапы исторического развития кабардинского и балкарского народов. Эти работы писались в то время, когда систематическое изучение прошлого Кабарды и Балкарии, по существу, лишь начиналось. Неработанность многих проблем обусловила неодинаковую полноту и четкость изложения различных исторических периодов и отдельных вопросов. Схематично изложенным оказался древнейший период, слабо освещены этногенез кабардинского и балкарского народов, социально-экономическое развитие Кабарды и Балкарии в XVI–XVIII вв., не

¹ История Кабарды / Отв. ред. Н. А. Смирнов; редкол.: З. В. Анчабадзе, Н. Е. Гуревич, В. П. Крикунов, Т. Х. Кумыков, И. Ф. Мужев, Х. М. Сабанчиев; авт. коллек.: П. Г. Акритас, Л. И. Лавров, Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева, З. В. Анчабадзе, А. Т. Шортанов, Е. Н. Студенецкая, И. Ф. Мужев, В. П. Крикунов, П. А. Лебедев, М. С. Тотоев, А. И. Краснов, Д. З. Плотников, Р. Х. Гутов, Н. Е. Гуревич, Х. М. Сабанчиев, Е. В. Мулкарева, И. В. Давыдов, Х. М. Бербеков, У. А. Улигов, А. Х. Вороков. М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 388 с.

² Очерки истории балкарского народа / Гл. ред. А. В. Фадеев; редкол.: Т. Х. Кумыков, В. П. Крикунов, Х. И. Хутуев; авт. коллек.: Т. Х. Кумыков, П. Г. Акритас, З. В. Анчабадзе, С. К. Бабаев, А. Ю. Бозиев, В. П. Крикунов, Е. О. Крикунова, Х. И. Хутуев, М. М. Цораев, Т. Т. Шикова. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. – 218 с. Рец. см.: История СССР. 1962. № 6.

получил освещения советский период истории балкарского народа. Однако подготовка этих изданий и их публикация стали первым этапом к созданию полного, обобщающего труда по истории республики, потребность в котором остро ощущалась.

Двухтомная «История Кабардино-Балкарской АССР», вышедшая в свет в 1967 г., явилась итогом плодотворной работы историков республики и их творческим отчетом, приуроченным к 50-летию советской власти¹. Ее авторский коллектив воссоздал правдивую картину пройденного народом Кабардино-Балкарии пути с древнейших времен до середины 60-х гг., показав роль русского народа, рабочего класса страны, Коммунистической партии в исторических судьбах горцев, в их социальном и национальном освобождении и построении развитого социалистического общества.

Работа над «Историей Кабардино-Балкарской АССР» велась в институте параллельно с работой по созданию труда, посвященного истории Кабардино-Балкарской областной парторганизации. Изданный в 1971 г. в виде очерков, этот труд представлял собой первый опыт систематического изложения истории одного из отрядов КПСС от первых шагов революционного движения в крае до современности². В нем

¹ История Кабардино-Балкарской АССР: в 2 т. М.: Наука, 1967. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Гл. ред. Т. Х. Кумыков; редкол.: З. В. Анчабадзе, В. К. Гарданов, А. В. Фадеев, А. Х. Касумов, Г. Х. Мамбетов, Х. И. Хутуев; авт. коллек.: З. В. Анчабадзе, В. К. Гарданов, Е. И. Крупнов, Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева, Л. И. Лавров, М. С. Тотоев, А. В. Фадеев, И. В. Тресков, Т. Д. Бонцадзе, Г. И. Ионе, В. П. Крикунов, В. А. Кузнецов, Г. Х. Мамбетов, И. Ф. Мужев, Т. Т. Шикова, А. Т. Шортанов, А. Ю. Бозиев, И. П. Копачев, Е. Н. Студенецкая, М. М. Цораев. – 475 с.; Т. 2: С Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней / Гл. ред. Х. Г. Берикетов; редкол.: И. Б. Берхин, У. А. Улигов, Е. Т. Хакуашев, Х. И. Хутуев; авт. коллек.: Р. Х. Гутов, У. А. Улигов, Е. Т. Хакуашев, Х. М. Бербеков, Б. Х. Цавкилов, И. В. Давыдов, А. К. Текуев, Х. Г. Берикетов, Х. И. Хутуев. – 436 с. Рец. см.: История СССР. 1968. № 6; КБП. 1968. 22 марта.

² Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС / Отв. ред. В. К. Тлостанов; редкол.: Р. Х. Гутов, Н. Е. Гуревич, Х. М. Сабанчиев, Х. И. Хутуев, М. Х. Шекихачев; авт. коллек.: У. А. Улигов, Р. Х. Гутов,

история областной партийной организации рассматривалась в органической связи со всей историей КПСС в целом. Авторы «Очерков истории Кабардино-Балкарской организации КПСС», наряду с обширной литературой при подготовке издания, использовали значительный новый фактический материал, почерпнутый из архивов и периодической печати.

Выход в свет коллективных монографий явился крупным событием в культурной жизни республики, был с удовлетворением встречен научной общественностью, массой читателей. Вместе с тем создание крупных обобщающих трудов способствовало повышению научной квалификации подготовившего их творческого коллектива, явилось свидетельством его научной зрелости и активизировало дальнейшую работу, направленную на изучение широкого круга проблем истории кабардинского и балкарского народов.

Исследования по истории международных отношений Кабарды и Балкарии, выявление истоков дружбы кабардинцев и балкарцев с русским народом, их многовековых связей составляют одно из основных научных направлений в работе сектора истории. В советской историографии разработка этого направления была начата Г. А. Кокиевым и Е. Н. Кушевой¹. Значительным этапом в его развитии явилась изданная в 1948 г. монография Н. А. Смирнова².

Подготовка к празднованию 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России усилила общественный

интерес к этой проблематике³. Перед историками республики в начале 50-х гг. встала конкретная задача – установить реальные условия, в которых происходило присоединение горских народов к России, и дать объективную оценку его последствий. В августе 1954 г. восьмая научная сессия института заслушала доклад Т. Х. Кумыкова «К вопросу о добровольном присоединении Кабарды к России». Основные положения, высказанные в докладе, в дальнейшем нашли развитие в книге Т. Х. Кумыкова, изданной к юбилею, а также в серии его статей, раскрывающих содержание исторических контактов горцев с русским народом и прогрессивные последствия их вхождения в состав Российского государства⁴. Тема русско-кабардинских отношений была затронута также в публикациях В. Б. Вилинбахова, посвященных А. Черкасскому – сподвижнику Петра I⁵. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей были прослежены в статье профессора А. В. Фадеева⁶. Изучение социально-экономической и политической истории прошлого северокавказских народов значительно продвинулось в советской историографии после выхода в свет книги Е. Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (втор. пол. XVI – 30-е гг. XVII в.» (М.: Мир, 1963).

¹ Бушнев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик: Каб. кн. изд-во, 1956. – 192 с.

² Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1957. – 154 с; он же. О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России // ССИБ. 1955. Вып. 4. С. 65–96; он же. Совместная борьба русского и кабардинского народов против иностранных завоевателей в XVI–XVIII вв. // УЗ КНИИ. 1955. Т. 10. С. 3–24; он же. К вопросу присоединения Кабарды к России // ССИБ. 1956. Вып. 5. С. 75–96; он же. Кабардино-русские отношения в XV–XVI вв. // УЗ КНИИ. 1959. Т. 14. С. 371–378.

³ Вилинбахов В. Б. Походы князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву (1714–1717) // УЗ КНИИ. 1959. Т. 14. С. 59–82; он же. Александр Черкасский – сподвижник Петра I. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1966. – 56 с.

⁴ Фадеев А. В. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // УЗ КНИИ. 1960. Т. 17. С. 39–66.

М. И. Геттуев, Н. Е. Гуревич, А. К. Текуев, Х. Г. Берикетов, Б. Х. Цавкилов, И. В. Давыдов, В. К. Тлостанов. Нальчик: Эльбрус, 1971. – 394 с. Рец. см.: Вопросы истории КПСС. 1972. № 3. С. 127.

¹ Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения в XVI–XVII вв. // Исторический журнал. 1943. № 1. С. 28–43; Кокиев Г. А. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 44–60; он же. Из истории сношений России с Кавказом (IX–XIX вв.) // УЗ КНИИ. 1946. Т. 1. С. 33–80; он же. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // УЗ КНИИ. 1948. Т. 4. С. 25–64 и др.

² Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI–XVIII вв. Нальчик: Каб. кн. изд-во, 1948. – 120 с. Рец. см.: КБП. 1953. 23 мая.

В последующие годы наиболее активно исследования в области изучения отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. проводил Ч. Э. Карданов¹. Дальнейшее укрепление и развитие русско-кабардинских отношений в конце XVII – начале XVIII в. стали предметом изучения В. Н. Сокурова². Их работы отличает стремление раскрыть процесс постепенного сближения горцев с Россией на фоне постоянного агрессивного натиска на Кавказ Персии, Турции и Крыма, а также в условиях борьбы феодальных группировок различной внешнеполитической ориентации.

Особенности политики России на Центральном Кавказе в контексте русско-турецких отношений в 50–70-х гг. XVIII в. в последние годы стали основной темой исследований И. И. Якубовой. Собранный ею материал расширил представления о русско-кавказских политических связях в XVIII веке, когда они приобрели стабильный характер и получили международное признание³.

Стабилизация политического положения благоприятно отразилась и на социально-экономическом развитии народов Северного Кавказа. Как показал Б. М. Моков, в этом большую роль сыграли тесные экономические и торговые контакты горцев с Терским городом и Астраханью⁴.

¹ Карданов Ч. Э. Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI в. (1550–1580). Нальчик: Эльбрус, 1972. – 165 с.; он же. У истоков дружбы. Нальчик: Эльбрус, 1982. – 144 с.

² Сокуров В. Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. // ССИКБ. 1976. Вып. 10. С. 3–14; он же. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII в. // Там же. С. 27–40; он же. Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1977. – 20 с.

³ Якубова И. И. Политика России на Центральном Кавказе в 50–60-х гг. XVIII в. // Вестник МГУ. 1982. № 3. С. 90–96; она же. Политика России на Центральном Кавказе накануне и в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1982. – 23 с.; она же. Политика России в Кабарде в 60-х гг. XVIII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 118–125.

⁴ Моков В. М. К вопросу о торговых связях Кабарды с Русским государством в XVII в. // ССИКБ. Вып. 10. С. 15–26.

Кроме того, вышли монография и отдельные статьи В. Б. Вилинбахова и других авторов, отражающие боевое содружество русского и горских народов¹.

Важнейшей задачей сектора истории является создание обобщающей работы «Россия в исторических судьбах народов Кабардино-Балкарии», над которой трудится большой коллектив историков.

Различные формы связей между народами Кабардино-Балкарии с другими горскими народами Северного Кавказа нашли отражение в статьях Г. Х. Мамбетова².

С конца 40-х гг. важное место в научной деятельности сектора истории заняла разработка вопросов социально-экономического развития Кабарды и Балкарии в XVI–XIX вв. и, в частности, вопросов, связанных с проведением крестьянской реформы на территории нынешней Кабардино-Балкарии и ее социальных последствий³. Открытие и введение в научный оборот новых документов позволили значительно уточнить представления об уровне развития феодальных отношений у горских народов. Успешная работа

¹ Вилинбахов В. Б. Совместные русско-кабардинские военные действия // ССИКБ. 1959. Вып. 7. С. 102–129; он же. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1982. – 256 с.; Ибрагим-бейли Х. Кабардинцы и балкарцы в Крымской войне – 1856 гг. // Вестник КБНИИ. 1968. Вып. 1. С. 92–100.

² Мамбетов Г. Х. К истории взаимоотношений кабардинцев с народами Дагестана в XVI–XVIII вв. // УЗ КБНИИ. 1967. Т. 25. С. 25–58; он же. К вопросу о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией в XVI–XVIII вв. // Вестник КБНИИ. 1971. Вып. 4. С. 16–47.

³ Мамонтова А. В. Социально-экономический строй у нижних черкесов (адыгов) накануне крестьянской реформы 1867 г. // УЗ КНИИ. 1946. Т. 1. С. 81–128; Комиссаров С. А. Из истории освобождения зависимых сословий в Кабарде // УЗ КНИИ. 1947. Т. 2. С. 67–88; Мужев И. Ф. Социально-экономическое развитие Кабарды во второй половине XIX в. (1868–1900) // УЗ КНИИ. 1952. Т. 7. С. 77–112; Кушева Е. Н. Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI–XVIII вв. // ССИК. 1956. Вып. 5. С. 97–121; Тхлмоков Н. Х. Развитие ремесла и торговли в Кабарде в XVIII в. // УЗ КБНИИ. 1960. Т. 17. С. 149–180.

в этой области нашла отражение в целой серии статей по отдельным вопросам истории края¹.

Особенно следует отметить вклад в изучение социально-экономических и культурных процессов, проходивших в Кабарде и Балкарии в XIX в., внесенный работами Т. Х. Кумыкова². В них вопрос о проявлениях элементов капиталистического уклада в жизни горских обществ справедливо рассматривается как часть проблемы развития российского капитализма вширь, как отражение процесса втягивания окраин в орбиту капиталистической экономики центральных районов России.

Наряду с Т. Х. Кумыковым, изучением пореформенной истории Кабарды и Балкарии специально занимались Е. О. Крикунова, Г. Х. Мамбетов, М. М. Цораев, М. Ч. Кучмезова, Ж. А. Калмыков и др.³ Значительное внимание особен-

¹ Кумыков Т. Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (кон. XVIII–XIX вв.) // УЗ КБНИИ. 1963. Т. 19. С. 90–101; *Налоева Е. Дж.* К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды в первой половине XVIII в. // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6. С. 56, 57; *она же.* К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // Вестник КБНИИ. 1968. Вып. 1. С. 61–82; *она же.* Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. С. 5–27.

² Кумыков Т. Х. К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 г. // УЗ КНИИ. 1954. Т. 9. С. 44–97; *он же.* Земельная реформа в Кабарде в 1863–1869 гг. // УЗ КБНИИ. 1957. Т. 12. С. 236–284; *он же.* К вопросу крестьянской реформы в Балкарии в 1867 г. // ССИКБ. 1957. Вып. 6. С. 105–114; *он же.* Некоторые вопросы общественного развития Кабарды в XIX в. // ССИКБ. 1959. Вып. 7. С. 130–149; *он же.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 172 с.; *он же.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1972. – 193 с.; *он же.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 419 с. Рец. см.: КБП. 1965. 29 дек.

³ Крикунова Е. О. Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период // УЗ КБНИИ. 1960. Т. 17. С. 123–147; Мамбетов Г. Х. К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во 2-й половине XIX – начале XX в. // ССИКБ. 1961. Вып. 9. С. 110–149; Цораев М. М.

ностям социально-экономического развития горских народов в начале XX в. уделено в первых главах монографических исследований Р. Х. Гутова и У. А. Улигова¹. В указанных исследованиях 2-я половина XIX – начало XX в. предстает как время проникновения на территорию Кабардино-Балкарии элементов нового, капиталистического, способа производства и качественного изменения общественно-экономического строя горцев. К этой серии работ примыкают исследования И. Ф. Мужева и Г. М. Кашежевой, посвященные изучению проникновения капиталистических отношений в Центральное Предкавказье и переселенческого движения в Терскую область².

Социально-экономическое развитие края и усиление здесь революционной борьбы в период трех русских революций рассматривались в работах В. П. Крикунова и И. Ф. Мужева³.

О помещичьем землевладении в Кабарде и Балкарии в конце XIX – начале XX в. // УЗ КБНИИ. 1965. Т. 23. С. 276–284; Кучмезова М. Ч. Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // УЗ КБНИИ. 1967. Т. 25. С. 59–73; Калмыков Ж. А. К вопросу о сельском административном управлении в Кабарде и Балкарии в конце XIX – начале XX в. // УЗ КБНИИ. 1974. Т. 26. С. 42–52; *он же.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. 1980. С. 105–120.

¹ Гутов Р. Х. Совместная борьба народов Терека за советскую власть. Нальчик, 1975. С. 25–57; Улигов У. А. Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов. Нальчик, 1979. С. 21–33.

² Мужев И. Ф. Развитие капитализма на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // ССИКБ. 1957. Вып. 6. С. 137–162; Кашежева Г. М. К вопросу о проникновении капиталистических отношений в казачье землевладение Терской области // ССИКБ. 1976. Вып. 10. С. 41–52; *она же.* Некоторые вопросы переселенческого движения в Терскую область в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. 1980. С. 54–77.

³ Крикунов В. П. Из истории социально-экономического развития Кабарды в период мировой империалистической войны // УЗ КНИИ. 1953. Т. 8. С. 19–48; *он же.* Революционные разночинцы на Северном

В 1944 г. в институте была проведена научная конференция, посвященная 100-летию со дня смерти Ш. Б. Ногмова. Ее материалы были изданы отдельным сборником, где дана обобщенная характеристика творческого наследия и личности просветителя¹. Работа, осуществленная коллективом института по подготовке конференции и публикации ее материалов, стала началом углубленного изучения в КБНИИ истории развития общественно-политической мысли в Кабарде и Балкарии. В дальнейшем эта проблематика в научной деятельности историков заняла видное место. Т. Х. Кумыков, С. Н. Сафарян, Р. У. Туганов, К. Г. Азаматов, Х. И. Хутуев и ряд других ученых² издали несколько монографий, посвященных жизни и деятельности наиболее видных представителей просветительского движения в крае – С. Абаева, М. Абаева, И. Атажукина, К. Атажукина, Л. Кодзокова, Казы-Гирея, Хан-Гирея и др. В 1974 г. была проведена специальная научно-практическая конференция на тему «Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века», в работе которой приняли участие ученые из других центров Северного Кавказа. На конференции были рассмотрены основные аспекты пробле-

Кавказе. Нальчик: Каб. кн. изд-во, 1956. – 144 с.; Мужев И. Ф. Волнения в Кабардинской сотне Терско-Кубанского полка в 1905 г. // ССИК. 1956. Вып. 5. С. 109–142; он же. Советы рабочих депутатов в 1905 году на Дону и Северном Кавказе. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1962. – 168 с.; он же. Горцы Северного Кавказа в период империализма (Социально-экономический очерк). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 132 с. и др.

¹ Шора Ногмов (1844–1944): Сборник документов и статей к столетию со дня смерти / Под ред. Турчанинова, И. Давыдова, А. Дадова. Нальчик: Кабгосиздат, 1944. – 88 с.

² Кумыков Т. Х. Жизнь и общественная деятельность Л. М. Кодзокова. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1962. – 80 с.; он же. Хан-Гирей: (Жизнь и деятельность). Нальчик: Эльбрус, 1968. – 132 с.; он же. Кази Атажукин: (Жизнь и деятельность). Нальчик: Эльбрус, 1969. – 173 с.; он же. Кази-Гирей: (Жизнь и деятельность). Нальчик: Эльбрус, 1978. – 134 с.; Сафарян С. И. Султан-бек Абаев. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1964. – 172 с.; Туганов Р. У. Измаил-бей. Нальчик, 1972. – 176 с.; он же. Талиб Кашежев. Нальчик: Эльбрус, 1981. – 124 с.; Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев: (Общественно-политические взгляды). Нальчик: Эльбрус, 1980. – 130 с. и др.

мы, подведены итоги ее изучения, выделены недостаточно исследованные вопросы¹.

Третья конференция (октябрь 1985 г.), посвященная истории общественно-политической мысли в Кабарде и Балкарии, была приурочена к 300-летию со дня рождения общественно-политического деятеля и мыслителя XVIII в. Жабаги Казаного.

Изучение истории общественно-политической мысли велось в институте неотрывно от изучения истории классовой борьбы как движущей силы исторического процесса. Первые исследования в этом направлении были предприняты еще в 40-х гг.² В 50-х гг. по этой проблематике вышли монографии В. П. Крикунова и Е. О. Крикуновой, после чего она привлекла внимание и других исследователей. Используя новые документальные источники, В. М. Букалова на страницах журнала «Вопросы истории» (1961. № 6) рассмотрела антифеодальную борьбу кабардинских крестьян во второй половине XVIII в., в частности восстание 1767 г. Побегам горских крестьян в русские поселения Северного Кавказа в том же веке, как форме антифеодальной борьбы, посвятил ряд своих статей Х. Ж. Беров³. Характер народных движений в Кабарде, происходивших в начале XIX века, рассмотрен в статье Т. Х. Кумыкова⁴. Историю борьбы социальных низов в прошлом включали труды общего характера, а также исследования, посвященные проблемам общественного движения в крае. Среди них следует отметить монографию Р. Х. Гугова и У. А. Улигова, где впервые рассмотрено Черекское

¹ Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 1976. – 323 с.

² Мамонтова А. В. Восстание закубанских кабардинцев в 1868 г. // УЗ КНИИ. 1947. Т. 2. С. 49–66.

³ Беров Х. Ж. Побег горских крестьян в русские поселения на Северном Кавказе в 50–60-е гг. XVIII в. // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 44–63; он же. Причины принятия христианства беглыми горцами Северного Кавказа во второй половине XVIII в. // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 217–226.

⁴ Кумыков Т. Х. О характере движения в Кабарде в 1804-м и 1809–1810 гг. // УЗ КБНИИ. 1957. Т. 11. С. 435–444.

восстание 1913 г. в Балкарии¹. В дальнейшем были опубликованы работы М. М. Цораева и М. Ч. Кучмезовой, в которых раскрывалась классовая сущность крестьянских волнений, вспыхнувших во второй половине XIX – начале XX в.² В специальном исследовании М. М. Цораева анализируются причины и характер восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1913 г.³ К 70-летию Зольского и Черкесского восстаний институт в июне 1983 г. провел расширенное заседание ученого совета в гор. Нальчике и выездные заседания в поселках Залукокоаже и Советское.

Важное научное и общественно-политическое значение имеют труды института, посвященные исследованию советского периода истории республики. Всестороннее изучение социально-экономических и политических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции и истории борьбы за власть Советов в Кабарде и Балкарии являлось одним из ведущих направлений в работе КВНИИ. Его зарождение относится еще к первым годам Советской власти, и среди первых трудов по этой проблеме может быть названа книга руководителя кабардино-балкарских большевиков Б. Э. Калмыкова «Очерки революционного движения в Кабарде», вышедшая в 1921 г.

Значительный крут вопросов по теме анализируется в трудах Г. А. Кокиева, П. А. Лебедева, М. С. Тотоева и ряда других авторов. Однако наиболее полное и глубокое освещение вопросы истории революционного движения и борьбы за советскую власть в Кабарде и Балкарии получили в работах Р. Х. Гутова и У. А. Улигова, которыми был поднят документальный материал, хранящийся в различных архивах

¹ См.: Гутов Р. Х., Улигов У. А. Борьба трудящихся за власть Советов в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1957. С. 61–63.

² Цораев М. М. Из истории аграрного движения в Балкарии в годы нового революционного подъема (1910–1914) // ССИБ. 1961. Вып. 9. С. 149–165; Кучмезова М. Ч. Классовая борьба в Балкарии в пореформенный период // УЗ СОПИ. 1967. Т. 27. Вып. 1. С. 135–154.

³ Цораев М. М. Восстание кабардинских и балкарских крестьян в 1913 г. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. – 59 с.

страны¹. В них разрабатываются вопросы экономического и политического положения Кабарды и Балкарии накануне Октябрьской революции, раскрывается степень зрелости условий для победы социалистической революции в крае, интересный материал о развитии социал-демократического движения, росте революционных выступлений трудящихся масс.

Существенным вкладом в историографию Октября на Северном Кавказе является монография Р. Х. Гутова «Совместная борьба народов Терека за Советскую власть»². Эта книга носит характер комплексного изучения социально-экономических и политических отношений на Северном Кавказе в период подготовки и осуществления социалистической революции, в ней нашли освещение теоретические и методические вопросы темы, сформулирован ряд выводов принципиального характера. Критический анализ существующей литературы, широкое привлечение архивных и других материалов позволили автору более конкретно охарактеризовать социально-экономические предпосылки революции на Тереке, дать глубокий анализ практической деятельности партии большевиков по интернациональному сплочению горских народов в борьбе за власть Советов, показать обусловленность тактики большевистских организаций Терека социально-экономическими отношениями, конкретно-исторической, политической обстановкой, расстановкой классовых сил в крае.

Много и плодотворно занимается изучением проблем социалистической революции и Гражданской войны в Кабардино-Балкарии У. А. Улигов – автор нескольких содержательных монографий и большого числа статей. Итогом его многолетних исследований стала крупная монография, из-

¹ Гутов Р. Х., Улигов У. А. Борьба трудящихся за власть Советов в Кабарде и Балкарии. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1957. – 268 с.; они же. Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967. – 387 с.

² Гутов Р. Х. Совместная борьба народов Терека за советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. – 495 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1977. № 1.

данная в 1979 г.¹ В ней автор раскрыл как общие закономерности, так и особенности процесса назревания революции в крае, показал совместную борьбу трудящихся кабардинцев и балкарцев за установление и упрочение власти Советов, определил основные направления национально-государственного строительства. Важное значение для изучения национального вопроса имеет другая монография У. А. Улигова, где на большом материале освещается процесс самоопределения кабардинцев и балкарцев, история образования и развития советской государственности этих народов². Выводы и обобщения, содержащиеся в исследованиях У. А. Улигова, являются важным вкладом в историографию проблемы.

К этим трудам примыкает работа Н. Ф. Бугая, в которой предпринята успешная попытка изучения истории организации и деятельности ревкомов в национальных округах Северного Кавказа³.

Всесторонне раскрывая деятельность партии, исследователи неоднократно обращались к образам ее верных сынов, соратников В. И. Ленина, сыгравших видную роль в развертывании революционного процесса на Северном Кавказе⁴.

¹ Улигов У. А. Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов. Нальчик: Эльбрус, 1979. – 353 с. Рец. см.: История СССР. 1981. № 3.

² Улигов У. А. Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1972. – 164 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1974. № 1.

³ Бугай Н. Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа (1919–1920). Нальчик: Эльбрус, 1977. – 156 с.

⁴ Никонов И. С. Киров на Северном Кавказе. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1962. – 72 с.; Петров Г. И. Соратники В. И. Ленина в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1970. – 92 с.; Гугов Р. Х., Улигов У. А. Посланцы партии Ленина – организаторы борьбы трудящихся за власть Советов на Северном Кавказе // По пути Великого Октября. Нальчик, 1980. С. 35–51; Гугов Р. Х., Улигов У. А. С. М. Киров на Тереке. Нальчик: Эльбрус, 1986. – 142 с.; Бугай Н. Ф. Орджоникидзе на Северном Кавказе. 1918–1920 гг. Нальчик: Эльбрус, 1986. – 106 с.

Целый ряд изданий, подготовленных к печати У. А. Улиговым и другими, посвящен памяти народных героев, отстоявших завоевания социалистической революции в Кабардино-Балкарии¹. Публиковались воспоминания непосредственных участников революции и Гражданской войны². В этих книгах собран и обобщен обширный историко-биографический материал, имеющий огромное идейно-воспитательное значение.

Немало сделано историками также в области исследования двух тесно связанных проблем – истории рабочего класса и индустриального развития Кабардино-Балкарии. История рабочего класса в тех республиках страны, которые не прошли капиталистической стадии развития, представляет большой научный и практический интерес. По этой теме изданы две монографии А. Т. Карданова³, в которых центральное место занимает выявление общих закономерностей и специфических особенностей развития рабочего класса республики в 1920–1980 гг. В этих книгах на большом документальном материале исследуются коренные проблемы развития рабочего класса Кабардино-Балкарии: численность и состав рабочих (по стажу, квалификации, профессии, образованию, полу, возрасту), источники и формы пополнения рабочего класса республики на различных этапах социалистического строительства, создание и развитие на-

¹ Улигов У. А. Жизнь и революционная деятельность руководителя кабардино-балкарских большевиков Б. Э. Калмыкова. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1960. – 60 с.; Улигов У. А., Шабиев Д. В. Они боролись за власть Советов в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967. – 220 с.; Улигов У. А. В борьбе за советскую власть в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. – 248 с.; он же. Солдаты Октября: историко-биографические очерки. Нальчик: Эльбрус, 1981. – 260 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1982. № 4.

² Воспоминания участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Кабардино-Балкарии. 3-е изд., испр. и доп. Нальчик: Эльбрус, 1981. – 316 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1982. № 4.

³ Карданов А. Т. Рабочий класс Кабардино-Балкарии в период строительства социализма (1920–1937). Нальчик: Эльбрус, 1976. – 304 с.; он же. Рабочий класс Кабардино-Балкарии (1938–1980). Нальчик: Эльбрус, 1984. – 352 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1985. № 3.

циональных кадров рабочих, социальная структура рабочего класса, улучшение его материального положения, развитие трудовой активности и творческой инициативы рабочих, возрастающая роль в политической и общественной жизни республики, развитие союза рабочего класса с крестьянством, укрепление интернациональных связей. Являясь первой попыткой исследования указанных проблем в регионе, книги А. Т. Карданова представляют собой заметный вклад в дело изучения национальных отрядов рабочего класса страны.

Восстановительный период и первые успехи социалистической реконструкции народного хозяйства Кабардино-Балкарии освещены в монографиях Р. Х. Гутова и Е. Т. Хакуашева¹. В ряде работ Х. Т. Медалиева проанализирован и обобщен опыт организаторской деятельности КПСС, направленный на индустриализацию национальных республик и областей Северного Кавказа². На обширном конкретном материале исследователи показали, что исключительно сложные задачи восстановления и реконструкции народного хозяйства были решены в Кабардино-Балкарии и других национальных республиках и областях Северного Кавказа под руководством Коммунистической партии и благодаря большой помощи советского правительства, поддержке всех народов СССР.

Вопросы коллективизации и партийного руководства колхозным строительством в Кабардино-Балкарии изло-

¹ Гутов Р. Х. Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1971. – 167 с.; Хакуашев Е. Т. Кабардино-Балкария в годы восстановления народного хозяйства СССР. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1962. – 136 с. Рец. см.: Кабардино-Балкарская правда. 1963. 23 янв.

² Медалиев Х. Т. Областная парторганизация в борьбе за создание очагов социалистической промышленности в Кабардино-Балкарии в период строительства фундамента социализма в СССР (1926–1932) // ССИКБ. 1957. Вып. 6. С. 77–104; он же. Начальный этап осуществления ленинского плана социалистической индустриализации в национальных областях Северного Кавказа // По ленинскому пути. Нальчик, 1960. С. 43–57; он же. Партийные организации национальных республик и областей Северного Кавказа в борьбе за реконструкцию и развитие промышленности в годы второй пятилетки // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 6. С. 3–28 и др.

жены в статьях И. К. Петренко, А. И. Краснова, Р. Х. Гутова, Е. И. Воробьева и др.¹ Обобщающие итоги изучения коллективизации сельского хозяйства в республике, исторического опыта Северо-Кавказской краевой и областных партийных организаций по осуществлению ленинского кооперативного плана в национальных областях региона подвел в своих работах А. К. Текуев².

В статьях Н. Е. Гуревича рассмотрен опыт борьбы трудящихся Кабардино-Балкарии под руководством областной партийной организации за переход к социализму, прослеживаются закономерности и особенности этого процесса, раскрывается значение ленинской национальной политики в решении этой исторической задачи³.

¹ Петренко И. К. К истории коллективизации сельского хозяйства Кабарды (1929–1934) // УЗ КНИИ. 1954. Т. 9. С. 3–43; Краснов А. И. Проведение сплошной коллективизации в Кабардинской АССР // ССИК. 1954. Вып. 3; Гутов Р. Х. Из истории борьбы за социалистическое преобразование сельского хозяйства в Кабардино-Балкарии в 1926–1929 гг. // ССИКБ. 1957. Вып. 6. С. 5–54; Воробьев Е. И. Кабардино-Балкарская партийная организация в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в первые годы второй пятилетки // ССИКБ. 1959. Вып. 7. С. 3–51.

² Текуев А. К. Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1960. – 152 с.; он же. К вопросу о начальном этапе осуществления ленинского кооперативного плана в национальных областях Северного Кавказа // По ленинскому пути. Нальчик, 1970. С. 58–78; он же. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и начало социалистических преобразований в горской деревне // По пути Великого Октября. Нальчик, 1980. С. 7–34.

³ Гуревич Н. Е. Кабарда в период завершения строительства социалистического общества и проведения Новой Конституции СССР (1935–1937) // ССИК. 1955. Вып. 4. С. 109–142; он же. Ленинские принципы национальной политики КПСС и их осуществление в Кабардино-Балкарии (1917–1937) // По ленинскому пути. Нальчик, 1970. С. 115–133; он же. Некоторые вопросы проведения сплошной коллективизации в Кабардино-Балкарии // В. И. Ленин и социалистические преобразования в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 46–74; он же. Некоторые вопросы стратегии и тактики ленинской партии в Октябрьской революции и наше время // По пути Великого Октября. Нальчик, 1980. С. 166–183.

Серьезных успехов достигла в институте разработка вопросов истории культурного строительства в республике. Началась она еще в 40-х гг.¹, однако в качестве самостоятельной темы стала рассматриваться только в 50-х гг.² Начало ее монографической разработке было положено книгой Х. И. Хутуева «Из истории культурного строительства в Кабардино-Балкарии», где основное внимание обращено на роль культурно-просветительных учреждений в коммунистическом воспитании трудящихся, развитие профессионального искусства и другие вопросы³. В выпущенной вслед за ней монографии Х. М. Сабанчиева⁴ рассматриваются главным образом вопросы осуществления партийного руководства культурной революцией в республике, развития образования и науки в КБАССР в период строительства социализма.

Несколько раньше был издан сборник о Ленинском учебном городке – первой кузнице кадров для народного хозяйства республики⁵. Помощи русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии была посвящена совместная монография Г. Х. Мамбетова и Х. И. Хутуева⁶. Существенным дополнением к моногра-

¹ Кешоков А. П. Народное образование // Кабардинская АССР. Нальчик, 1946. С. 25–42; Шейблер Т. К. Из истории развития кабардинской музыки за годы советской власти // УЗ КНИИ. 1948. Т. 4. С. 173–196.

² Сабанчиев Х. М. Из истории советской печати в Кабарде // УЗ КНИИ. 1953. Т. 8. С. 3–18; Гугов Р. Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1926–1929) // УЗ КНИИ. 1959. Т. 4. С. 109–138; Петров Г. И. Красная Кабарда: (Очерки по истории партийно-советской печати в Кабардино-Балкарии в 1921–1923 гг.) // ССИКБ. 1959. Вып. 8. С. 3–55.

³ Хутуев Х. И. Из истории культурного строительства в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1972. – 132 с.

⁴ Сабанчиев Х. М. Деятельность Кабардино-Балкарской партийной организации по осуществлению культурной революции. Нальчик: Эльбрус, 1973. – 279 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1974. № 2.

⁵ Ленинский учебный городок / Сост. Е. Т. Хакуашев. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1964. – 128 с.

⁶ Мамбетов Г. Х., Хутуев Х. И. Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. – 191 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1984. № 4; Вопросы истории. 1985. № 1.

фическим исследованиям стали сборники научных статей КБНИИ «Из истории развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии» (1981) и «Вопросы культурного строительства в советской Кабардино-Балкарии» (1984). В них нашли отражение многие малоисследованные вопросы истории культуры социалистической Кабардино-Балкарии.

Значение работ по исследованию культурного строительства в Кабардино-Балкарии, выполненных в стенах института вышло за пределы республики. Монография Х. И. Хутуева «Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии» является существенным вкладом в историографию культурной революции в стране и целом¹. В ней впервые было предпринято комплексное исследование всей совокупности проблем культурного строительства в Кабардино-Балкарии с первых дней советской власти до середины 80-х гг. Такой широкий охват темы позволил автору дать всестороннюю характеристику культурной жизни в республике на различных исторических этапах и разработать научно обоснованную периодизацию культурной революции, раскрыв динамику общего и особенного, интернационального и национального. Более глубокое и детальное исследование отдельных периодов истории культурного строительства в республике, в особенности тех, которые не получили еще должного освещения, позволило Х. И. Хутуеву сделать ряд новых научных выводов и вместе с этим значительно усовершенствовать методические приемы исследования темы.

В институте неуклонно возрастает интерес к истории Кабардино-Балкарии периода Великой Отечественной войны. Вышла в свет серия документальных очерков о наших земляках – Героях Советского Союза и других воинах, которые отважно защищали социалистическую Родину².

¹ Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. – 451 с. Рец. см.: Советская этнография. 1985. № 5; Известия СКНЦВШ. 1985. № 3; Вопросы истории. 1986. № 1.

² Золотые Звезды Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1965. 24 л. портр.; Боевая слава Кабардино-Балкарии: в 5 кн. Нальчик: Эльбрус, 1965–1985. 1965. Кн. 1. – 399 с.; 1966. Кн. 2. – 662 с.; 1975. Кн. 3. – 591 с.; 1980. Кн. 4. – 540 с.; 1985. Кн. 5. – 612 с.

О мужестве и героизме сынов и дочерей Кабардино-Балкарии на фронтах войны рассказывается в книгах А. Т. Хатукаева¹. Разрабатывались и другие аспекты военной тематики. И. В. Давыдовым опубликован труд о военно-организаторской и идеологической работе областной партийной организации в годы войны. Глубиной и широтой анализа круга вопросов по истории Кабардино-Балкарии периода Великой Отечественной войны отличаются монографии Е. Т. Хакуашева². Ратному и трудовому подвигу балкарского народа в годы войны посвящена кандидатская диссертация Х. И. Хутуева «Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период».

В публикациях У. А. Улигова отражена борьба областной партийной организации за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства республики в послевоенный период, показаны практические дела Советов по развитию экономики и культуры края³.

Развитию промышленности, сельского хозяйства и культуры Кабардино-Балкарии в конце 50-х – начале 60-х гг. посвящены монографические исследования Х. Г. Берикетова и А. Т. Карданова⁴. Итоги социалистического строитель-

¹ Хатукаев А. Т. Боевой путь 115-й кавалерийской дивизии. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 108 с.; он же. Славой овеянные: Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. 3-е изд., доп. Нальчик: Эльбрус, 1985. – 240 с.

² Хакуашев Е. Т. В боях за Кабардино-Балкарию. Нальчик: Эльбрус, 1971. – 138 с.; он же. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. Нальчик: Эльбрус, 1978. – 318 с. Рец. см.: Известия СКНЦВШ. 1981. № 1.

³ Улигов У. А. Кабардинская АССР в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства СССР (1946–1950) // ССИК. 1955. Вып. 4. С. 143–209; он же. Партийная организация Кабардинской АССР в борьбе за осуществление задач четвертой пятилетки в области промышленности // ССИК. 1956. Вып. 5. С. 3–50; он же. Борьба партийной организации Кабардинской АССР за восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства республики в послевоенный период // УЗ КБНИИ. 1957. Вып. 11. С. 271–324.

⁴ Берикетов Х. Г. Кабардино-Балкария в период коммунистического строительства. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967. – 103 с.; Карданов А. Т. Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР в годы семилетки. Нальчик: Эльбрус, 1968. – 107 с.

ства в республике были обобщены в юбилейном сборнике «45 лет советской автономии Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1966). Важнейшие данные, отражающие развитие народного хозяйства и культуры республики за 50 лет Советской власти, приведены в книге «Кабардино-Балкарская АССР в цифрах и фактах» (Нальчик, 1967).

Растет число исследований, раскрывающих руководящую роль Кабардино-Балкарской областной организации КПСС в период строительства социализма. Этой важной проблеме посвящены труды А. Х. Самедова, Х. Ф. Тазиева и др.¹ Значительное внимание исследователи уделяли освещению деятельности массовых общественных организаций. В монографиях Ш. Я. Масаева, М. А. Башлоева и А. И. Исмаилова прослежены отдельные этапы истории профсоюзного движения в республике и областной комсомольской организации².

Возрастание роли общественных наук в практике коммунистического строительства направило внимание историков института на углубленное изучение ленинского наследия. В ряде исследований и публикаций раскрывается сила ленинских идей, роль В. И. Ленина в исторических судьбах народов Кавказа, в революционном преобразовании их социально-экономической и культурной жизни. Свой вклад в разработку этих вопросов внес Х. Г. Берикетов³. Проводи-

¹ Самедов А. Х. Партийная организация Кабардино-Балкарии в борьбе за мощный подъем промышленности и строительства в период между XX и XXI съездами КПСС. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. – 103 с.; Тазиев Х. Ф. Идеино-воспитательная работа Кабардино-Балкарской партийной организации между XX и XXII съездами КПСС. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1962. – 111 с.

² Масаев Ш. Я. Профсоюзы Кабардино-Балкарии в период борьбы за победу социализма в СССР (1920–1937). Нальчик: Эльбрус, 1975. – 208 с. Рец. см.: Кабардино-Балкарская правда. 1976. 16 янв.; Башлоев М., Исмаилов А. Из истории комсомола Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969. – 174 с.

³ Берикетов Х. Г. Ленин и народы Кавказа. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. – 178 с.; он же. В. И. Ленин и исторические судьбы народов Кавказа // ССИКБ. 1961. Вып. 9. С. 3–24; он же. Ленин и Кабардино-Балкария // УЗ КБНИИ. 1965. Т. 23, С. 263–271; он же. Ленин и Кавказ. Нальчик: Эльбрус, 1970. – 254 с.

лись юбилейные научные сессии, посвященные 90-летию и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина¹.

В 60-х гг. были предприняты попытки обобщения международного значения опыта Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма в СССР. Они нашли отражение, в частности, в монографии В. К. Тлостанова².

Широко изучается в институте история населенных пунктов республики. Ряд посвященных им научно-популярных книг и брошюр вышел в свет еще в 60-х гг.³ В настоящее время по инициативе КБНИИ подготовлены очерки по истории 172 населенных пунктов Кабардино-Балкарии (городов, селений и станиц). Издание очерков, несомненно, будет способствовать усилению патриотического воспитания, расширению пропаганды исторических знаний, приблизит результаты научной работы ученых к широким массам.

Успешное изучение важнейших проблем дореволюционной и советской истории Кабардино-Балкарии, накопление нового фактического материала и его публикация предопределили необходимость исследований в области историографии и источниковедения. Первой работой по истории исторической науки стала брошюра Х. Г. Берикетова⁴. С начала 70-х гг. стали выходить работы, посвященные развитию исторической науки в республике, отражающие как ее формирование в целом, так и развитие на отдельных этапах⁵.

¹ По ленинскому пути // Сб. статей. Нальчик: Эльбрус, 1970. – 143 с.; В. И. Ленин и социалистические преобразования в Кабардино-Балкарии: (Доклады и сообщения на юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина). Нальчик: Эльбрус, 1971. – 159 с.

² Тлостанов В. К. Мировой социализм и национально-освободительное движение. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1964. – 103 с.

³ Диденко А. Ф. Два века: (К 200-летию гор. Прохладного). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 162 с.; Хажушиев Е. Т., Тюпин Н. С. Тырныауз. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 131 с.

⁴ Берикетов Х. Г. Историческая наука на Северном Кавказе (1959–1963). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1964. – 60 с.

⁵ Мамбетов Г. Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии за 50 лет ее автономии // Материалы юбилейной научной сессии,

Были изданы историографические обзоры итогов археологического и этнографического изучения Кабардино-Балкарии¹. Значительным подспорьем для историков стал библиографический указатель, составленный Р. У. Тугановым².

Заметные успехи в изучении истории исторической науки достигнуты в последние годы. Они ознаменовались подготовкой исследований Х.-М. А. Сабанчиева³ и К. Ф. Дзамихо-

посвященной 50-летию советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 101–119; он же. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии // Торжество ленинской национальной политики КПСС. Нальчик, 1983. С. 155–167; он же. Из истории развития науки в Кабардино-Балкарии в 20–30-х гг. // Вопросы культурного строительства в советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 44–58; Гугов Р. Х., Мамбетов Г. Х., Тхагапсов Х. Х. К изучению дореволюционной истории Кабардино-Балкарии в 20–30-х гг.; там же. С. 59–86; Хутуев Х. И. Развитие советской исторической науки в Кабардино-Балкарии: (опыт ее изучения) // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1978. Вып. Г. С. 15–22; см. также: Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. С. 73–81, 229–235, 334–350.

¹ Чеченов И. М. Основные итоги археологического изучения Кабардино-Балкарии за годы советской власти // Материалы юбилейной научной сессии, посвященной 50-летию советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 120–139; он же. Этапы развития археологии в Кабардино-Балкарии за 60 лет советской автономии (1921–1981) // Конференция по археологии Кавказа: (XIII Крупновские чтения): Тезисы докладов. М., 1982. С. 2–4; Кузнецов В. А. К истории археологического изучения Кабардино-Балкарии // АВДИКБ. 1980. Вып. 1. С. 139–158; Мамбетов Г. Х. Этнографическое изучение кабардинцев в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1944–1950) // ССИКБ. 1976. Вып. 10. С. 69–86.

² Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи / Сост. Р. У. Туганов. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967. – 667 с.

³ Сабанчиев Х.-М. А. М. К. Абаев и его оценка в советской историографии // Торжество ленинской национальной политики КПСС. Нальчик, 1983. С. 176–185; он же. Дореволюционные исследователи о животноводстве Балкарии в пореформенный период // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 227–241; он же. Пореформенная Балкария в отечественной историографии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1984. – 21 с.; он же. К вопросу об изучении дореволюционной историографии Северного Кавказа // Молодежь и общественные проблемы пореформенной. Нальчик, 1985, С. 41–43; он же. Некоторые проблемы пореформенной

ва¹, содержащих глубокий анализ общественно-политических и теоретических взглядов отечественных кавказоведов по вопросам социально-экономического строя Кабарды и Балкарии как самостоятельного направления в исторической науке республики.

На протяжении 60-летнего существования КБНИИ в его стенах работали десятки людей, которые внесли и продолжают вносить свой вклад в развитие института. Институтом изданы специальные работы, в которых нашла отражение деятельность сотрудников всех поколений и рассказано о наиболее видных ученых первого научного учреждения Кабардино-Балкарии, его вкладе в подготовку квалифицированных специалистов, в современные достижения науки и культуры республики². Важнейшие результаты исследований историков института выходят отдельными монографиями, систематически публикуются в тематических сборниках научных статей³ и таких сериальных изданиях, как «Ученые записки», «Вестник КБНИИ», «Сборник статей по истории

Балкарии в новейшей историографии // Новейшая историография народов СССР: Дооктябрьский период.

¹ Дзамихов К. Ф. К вопросу о периодизации адыгской историографии // Торжество ленинской национальной политики КПСС. Нальчик, 1983. С. 186–190; он же. Начало изучения социально-экономического строя Кабарды с сер. XVIII – пер. пол. XIX в. в русской кавказоведческой литературе // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 148–175; он же. Отечественная историография о социально-экономическом строе Кабарды в XVIII – пер. пол. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. – 17 с.

² Гугов Р. Х. К истории организации Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института // УЗ КБНИИ. 1957. Т. 11. С. 445–460; Берикетов Х. Г. Сорок лет институту // УЗ КБНИИ. 1965. Т. 23. С. 3–26; Улигов У. А. Исследователь истории Кабардино-Балкарии профессор Г. А. Кокмиев // Вестник КБНИИ. 1968. Вып. 7. С. 192–195; Мамбетов Г. Х. Кабардино-Балкарскому научно-исследовательскому институту – 50 лет. Нальчик: Эльбрус, 1976. – 124 с.

³ Археолого-этнографический сборник КБНИИ. 1974. Вып. 1. – 246 с.; Этнография народов Кабардино-Балкарии. 1977. Вып. 1. – 180 с.; Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. 1980. Вып. 1. – 170 с.; Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик,

Кабарды и Балкарии». Положительную оценку научной общественности получили сборники статей, посвященные 45-летию и 60-летию советской автономии Кабардино-Балкарии и 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции¹.

Специалисты КБНИИ участвовали в подготовке ряда статей для Большой Советской Энциклопедии, а также для энциклопедий союзных республик. Многие из них руководят написанием глав и являются авторами разделов четырехтомной «Истории народов Северного Кавказа», которая готовится к изданию Институтом истории СССР АН СССР.

Историки КБНИИ активно участвуют во всесоюзных и региональных научных конференциях и совещаниях, где выступают с сообщениями и докладами по самым различным проблемам исторической науки. А. Т. Карданов и М. Ч. Кучмезова входили в состав делегации СССР на XIII Международном конгрессе историков в Москве (1970).

Сотрудники исторических подразделений института внесли также заметный вклад в организацию ряда всесоюзных и региональных научных конференций, среди которых могут быть названы ставшие традиционными «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа», конференции, посвященные 50- и 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 60-летию автономии Кабардино-Балкарии и образования СССР, 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Все сотрудники института принимают активное участие в общественно-политической жизни республики, ведут большую пропагандистскую работу, популяризируя исторические знания среди широких масс населения через местную печать, теле- и радиовещание.

1980. – 227 с.; Современные этнокультурные процессы в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. – 160 с.

¹ 45 лет советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1966. – 184 с.; Кабардино-Балкария под солнцем Великого Октября. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1967. – 284 с.; 60 лет советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981. – 160 с.

Характерной чертой научной работы всех исторических секторов КБНИИ является постоянная творческая связь с институтами истории СССР, археологии, этнографии Академии наук СССР, редакциями крупнейших исторических журналов, вузами страны. Объединяя специалистов местных и центральных научных и высших учебных заведений для создания крупных трудов по истории республики, Кабардино-Балкарский НИИ выступает как важный организующий центр в указанной области.

Далеко не полный обзор научно-исследовательской деятельности исторических секторов КБНИИ за 60 лет показывает, что исследования по истории в институте ведутся по широкому кругу вопросов, охватывая все эпохи от первобытного общества до наших дней. Главное, что определяет современную тенденцию в развитии института, – это переход от небольших исследований, статей и сообщений к разработке крупных монографических тем, сочетающийся с повышением идейно-теоретического и методологического уровня всей творческой деятельности коллектива, со стремлением к глубокому, методически верному, всестороннему анализу исторических явлений, с усилением внимания к наиболее актуальным с позиций современных социальных задач проблемам исторической науки. Ученые Кабардино-Балкарии при анализе исторических процессов не замыкаются в рамках своего географического ареала, что придает их исследованиям значение подлинно научных обобщений. Ведущиеся в общем русле развития всей советской исторической науки, исторические исследования КБНИИ представляют заметный вклад в общую советскую историографию.

Болевые точки историографии: депортация и реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа *

Почти до конца 1980-х гг. депортация народов в СССР была одной из самых табуированных тем. До середины 1950-х гг., когда прозвучали первые хрущевские разоблачения, из общественного обихода были исключены не только какие бы то ни было сведения о депортациях и депортированных, но и сами упоминания о высланных народах. Профессор Стенфордского университета США Роберт Конквест вспоминал: «Я решил написать о высылке чеченцев, калмыков, балкарцев, крымских татар и столкнулся с полным отсутствием материала. Калмыки просто исчезли с географической карты – можно было писать детектив. И уже после этого заинтересовался сталинизмом, как системой тотального террора и обмана»¹.

После кончины Сталина в отношении властей к репрессированным народам обозначались позитивные изменения. Первое официальное упоминание о депортациях народов в СССР прозвучало в докладе Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС в 1956 г., где было признано, что власти не считают более выселение северокавказских и некоторых других народов законным и правильным². Съезд призвал советских историков избавиться от догматизма и извращений сталинской эпохи.

До восстановления автономии репрессированных народов Северного Кавказа и их возвращения на родину историки не касались проблемы депортации. Исследование политически сложных вопросов, которые могли бы бросить тень на национальную политику советского государства и дружбу народов, было затруднено и после. Партия требовала освещения текущей практики социалистического строительства, а не упущений прошлых лет. Поэтому специалисты по национальным отношениям в СССР не спешили откликнуться

* 75 лет депортации ингушского народа 1944–1957 гг. Магас, 2019. С. 144–165.

на «грубое попрание национальной политики советского государства». Представители же репрессированных народов просто не имели профессиональных историков, которые могли бы приступить к разработке проблемы.

Под влиянием и свежим впечатлением от недавно происшедшей реабилитации, а также творческого духа в науке, пробудившегося после XX и XXII съездов КПСС и Всесоюзного совещания историков 1962 г., началось возрождение исторических исследований, особенно в области истории советского периода.

Особого внимания заслуживает исследование Х. И. Хутуева «Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Восстановление автономии балкарского народа», защищенное в 1965 г. в Ростовском университете как кандидатская диссертация. Частично материалы диссертации Х. И. Хутуева были опубликованы в ряде его работ. Публикации Х. И. Хутуева и его диссертационное исследование были по существу первым в отечественной историографии прикосновением к теме депортации, в которых автором поставлены и решены некоторые вопросы этой острой и непростой проблемы. Перед Х. И. Хутуевым стояла практическая задача опровержения измышления о поголовном сотрудничестве балкарцев с оккупантами и раскрытия на фактах их участия в общей борьбе против гитлеровской Германии. Эту работу автор проделал с блеском. Впоследствии такой подход был детально развит в коллективной монографии «Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне»³.

Очень важна попытка Х. И. Хутуева вскрыть корни предпринятых государством пагубных мер. Значительное внимание в исследовании уделено вопросам упразднения и восстановления автономии балкарского народа. Материалы этой работы использовались всеми исследователями проблемы депортации народов.

С середины 1960-х гг. всяческое упоминание о репрессиях стало запрещаться. В результате административного вмешательства тема депортации в исторической науке оказалась табуированной и закрытой для исследования на десятилетия.

Идеологические установки полностью детерминировали теоретические и методологические ориентиры местных историков. Наиболее наглядно это проявилось в обобщающих трудах по истории автономии Северного Кавказа и областных партийных организаций региона, вышедших в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в.⁴ В них проблема депортаций ограничивалась констатацией факта ликвидации автономии народов и авторы определяли его как грубое нарушение принципов ленинской национальной политики и социалистической законности. Только в «Очерках по истории Калмыцкой АССР» (Т. 2. М., 1970) Д. Ц.-Д. Номинханов представил содержательный материал, отражающий жизнь, труд и правовое положение калмыков на спецпоселении. Вскользь упоминается сюжет о выселении и в монографиях по Великой Отечественной войне⁵.

В целом же до конца 1980-х гг. проблематика «наказанных народов» образует белое пятно в отечественной историографии. Провозглашение главенства идейных и методологических постулатов над исторической реальностью по сути отменила саму процедуру научного исследования – от всестороннего познания фактов к их пониманию и концептуальному обобщению. Идеологам сусловского пошиба удалось вырастить еще одно поколение, не знавшее собственной истории, благодаря чему правда времен горбачевской гласности грянула как антикоммунистический шок, хотя могла бы уже стать просто школьным уроком истории.

С началом в 1985 г. эпохи либерализации советского общества, по мере распространения гласности на прежде заповедные темы, пробудился интерес к проблематике «наказанных народов». В числе первых публикаций необходимо назвать статьи Х. Бокова, Х.-М. Ибрагимбеили, Н. Ф. Бугая, Ф. Урусбиевой, В. Лукьяева, появившиеся в конце 80-х годов, главным образом в центральной печати⁶. В них раскрываются масштабы трагедии народов и поднимается проблема восстановления их поправленных прав. Эти работы носили постановочный характер, по причине отсутствия источниковой базы.

Одновременно появились публикации, фактически обосновывающие оправданность и мотивированность выселения кавказских народов ⁷. Такого типа работы появлялись и впоследствии ⁸. Отдельные авторы хотя и не оправдывают сталинские репрессии, но берут на веру их аргументацию и документацию ⁹. Национальное сознание и общественное мнение репрессированных народов крайне болезненно реагируют на любые попытки прямо или косвенно оправдать депортацию ¹⁰.

С принятием ВС СССР Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав» (1989 г.) и Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (1991 г.) и других актов, создались условия, позволившие активизировать научно-исследовательскую работу в этой области.

За короткое время Н. Ф. Бугай и В. Н. Земсков сделали достоянием гласности сотни важнейших документов. Впервые ими в центральной и местной печати с привлечением документов были рассмотрены проблемы репрессированных народов, приведены статистические материалы о положении различных категорий спецпоселенцев, ход их освобождения.

В 90-е гг. происходило становление историографии по каждому из подвергшихся депортации народов Северного Кавказа ¹¹. Работы написаны на основе новых материалов и документов. Довольно обстоятельно освещены события предшествовавшие выселению народов, приведены сведения о тех, кто руководил преступными акциями, показано участие спецпереселенцев в производственном процессе в местах нового расселения, рассматривается начальный этап реабилитационных мер. Д. В. Шабаетов впервые прослеживается судьба оставшегося от балкарцев имущества.

В публикациях 1990-х гг. попытки обобщения накопленного эмпирического материала встречается реже. Среди них особенно значимы исследования Н. Ф. Бугая, которые опирались на солидную источниковую базу. Его взгляды полнее всего отражены в монографии «Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию...» (М., 1995), в которой

находим итоговый взгляд автора на проблему. Возглавляя департамент по делам депортированных народов Миннаца РФ, он получил доступ к хранившимся в спецхране ГАРФ документам НКВД-МВД СССР, засекреченным материалам других архивохранилищ. Благодаря широкому охвату источников, Н. Ф. Бугай впервые в историографии изучил историю принудительных переселений в СССР на протяжении 30–50-х гг. прошлого столетия как социально-политическое явление в истории советского государства и показал основные закономерности этого явления. В издании подробно освещены депортация народов Северного Кавказа, последствия этой акции, а также реабилитационные процессы. Поэтому мимо работы Н. Ф. Бугая не может пройти ни один исследователь, занимающийся проблемами «наказанных народов».

Основной материал и выводы по народам Северного Кавказа, содержащиеся в монографии, с доработками вошли в книгу, изданной Н. Ф. Бугаем совместно с А. М. Гоновым ¹². Анализируя причины и предпосылки выселения карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей Н. Ф. Бугай и А. М. Гонов много внимания уделяют тому, насколько непродуктивными оказались попытки внедрения советской властью новых принципов общественных отношений в 1920–1930-е гг. среди горцев Северного Кавказа, насколько сложным и противоречивым был здесь процесс коллективизации. Этим самым авторы затрагивают одну из глубинных проблем, возможно подтолкнувших сталинское руководство принять в свое время решение о депортации. В целом, в книге собран интересный документальный материал. Однако на страницах печатных изданий указывается на ряд спорных положений. Пожалуй, самое главное из них – авторы завышают масштабы банддвижения среди депортированных народов Северного Кавказа, основываясь на преувеличенных оценках НКВД СССР и их республиканских органов.

Весомый вклад в историографию проблемы внес В. Н. Земсков. В его книге «Спецпоселенцы в СССР» (М., 2003) рассматриваются социальные, демографические и иные последствия насильственных выселений больших масс людей и целых народов, пришедших на сталинский период прав-

ления. Автор в деталях, цифрах, в динамике представляет целостную панораму спецпоселенческой политики в СССР за всю ее 30-летнюю историю. Обстоятельства и условия пребывания народов на спецпоселении рассмотрены и в монографии В. А. Бердинских «Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России» (М., 2005).

Богатый фактический материал можно почерпнуть из четырехтомного издания «Спецпереселенцы» Б. Б. Темукуева¹³. Оно уникально тем, что в нем дан мартиролог жертв сталинской депортации, который содержит более 40 тыс. балкарских имен.

Проблема бандитизма подробно анализируется в книге «Черекская трагедия» (Нальчик, 1994), представляющей собой материалы специальной комиссии Верховного Совета КБР. На основе документов центральных и местных архивов, воспоминаний участников и очевидцев, члены комиссии сумели прояснить многие детали и обстоятельства черекских событий осени 1942 г., внести существенные уточнения в цифры бандгрупп в Кабардино-Балкарии.

Эта же линия прослеживается в ряде работ (В. П. Сидоренко, Т. М. Баликоева, М. М. Ибрагимова) по истории Северного Кавказа периода Великой Отечественной войны. В настоящее время лучшим исследованием по этой теме является монография С. И. Линца «Северный Кавказ накануне и в период немецкой оккупации: состояние и особенности развития» (Ростов-на-Дону, 2003). Автор на основе отечественных и зарубежных источников, литературных материалов, попытался дать реальную картину коллаборационизма и бандитизма в Северо-Кавказском регионе в целом. Бандформирования на Северном Кавказе были не только в Карачае, Чечено-Ингушетии и Балкарии. По данным В. П. Сидоренко, в 1941–1943 гг. в указанном регионе было ликвидировано 963 бандгруппы (17 563 чел.). В первой половине 1943 г. на Северном Кавказе действовали 314 бандгрупп. Они не имели какой-либо объединяющей их национальной политической структуры, за исключением Чечни.

Заслуживает внимания обращение П. М. Поляна к истории и географии принудительных миграций в СССР¹⁴.

Использование широких географических рамок позволило ему определить место принудительных миграций народов в рамках европейской истории. Любопытен исторический экскурс в предысторию вопроса и предложенная им классификация. Депортацию народов Северного Кавказа он отнес к тотальным, депортациям «возмездия». Совместно с О. Б. Глезером он составил карту депортаций в 1930–1950-х гг.

В публикациях Х. И. Хутуева, Ю. О. Оглаева, М. П. Иванова, С. И. Аккиевой, В. М. Викторина, Б. М. Зумакулова, Е. Б. Кузнецовой показаны этапы и меры по реабилитации народов, восстановление их автономии, указаны трудности по реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». На этом фоне более чем странным кажется игнорирование вопросов упразднения и воссоздания государственности балкарского народа в коллективной монографии А. Х. Борова, Х. М. Думанова и В. Х. Кажарова «Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы» (Нальчик, 1999). В обобщающем плане применительно к народам Северного Кавказа тему рассматривали Н. Ф. Бутай, А. М. Гонов, Х.-М. А. Сабанчиев, А. И. Тетуев и М. М. Шахбанова¹⁵.

В августе 1960 г. в Нальчике состоялось совещание с повесткой дня «О завершении трудового и хозяйственного устройства возвращающегося на прежние места жительства населения и мероприятиях по завершению этой работы». В работе совещания приняли участие руководители северокавказских республик и специалисты заинтересованных министерств и ведомств РСФСР. В выступлениях внимание ораторов оказалось сфокусировано на деятельности центральных и местных органов власти РСФСР по реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа в 1957–1960 гг. и ее итогах. Отмечалось, что за этот период основная часть депортированного населения вернулась на родину, восстановлены упраздненные национальные автономии и реабилитация карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей и балкарцев полностью завершена. В современной историографии это мнение поддерживают и активно продвигают А. Х. Боров и Н. Ф. Бутай¹⁶.

Возвращение на родину и восстановление национальной автономии – это еще не полная реабилитация, а необходимое и главное ее условие. Под реабилитацией жертв политических репрессий как самостоятельным правовым институтом следует понимать совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, связанные с признанием лиц или народов в судебном или ином установленном законом порядке жертвами политических репрессий или пострадавшими от политических репрессий, возвращение утраченных прав и преимуществ, ликвидацию правоограничений, возмещение причиненного материального и морального ущерба, а также восстановление правоспособности¹⁷.

Впервые за долгие годы исследователи обратились к правовой стороне проблемы. В исследованиях Б. М. Лазарева, Б. С. Цоя, А. Г. Петрова, Х.-М. А. Сабанчиева¹⁸ анализируются административно-правовое положение спецпереселенцев, различные стороны Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», а также последовавших за ним нормативно-правовых актов по реабилитации народов.

Закон о реабилитации, получивший в целом положительную оценку, имеет и своих критиков¹⁹. Так В. А. Тишков писал, «В апреле 1991 г. был принят Закон «О реабилитации репрессированных народов», который... по своей идеологии был ущербным и конфликтогенным. Его субъектом были не граждане, непосредственно пострадавшие от репрессий, а коллективные тела под названием «репрессированные народы», в отношении которых должна быть восстановлена «историческая справедливость»²⁰.

Не вступая в полемику с В. А. Тишковым, с подобными выводами не согласны ряд авторов. По мнению И. М. Сампиева, депортация народов Северного Кавказа в 1940-е гг. – не просто историческое событие, это актуальный фактор, определяющий этнополитическую ситуацию в регионе. Многие современные взрывоопасные проблемы на Северном Кавказе порождены именно репрессиями по национальному признаку, а не Законом о реабилитации, как пытаются внушить обществу его противники²¹.

В свете высказывания В. А. Тишкова заслуживает внимания уточнение А. Г. Петрова, что в отличие от других государств, в СССР репрессиям подвергались не только отдельные граждане, но и целые социальные общности и народы. Поэтому субъектами процесса реабилитации выступают государство и его органы (действующие субъекты реабилитации, претворяющие ее в жизнь), а также отдельные граждане и народы, к которым государство и его органы применяли незаконные меры принуждения по политическим мотивам²². «В нормативных актах о реабилитации репрессированных народов нужно различать права этих народов и права конкретных лиц из их состава, – пишет профессор Б. М. Лазарев. – Нет сомнений в том, что «народы», в том числе репрессированные, являются как особые социальные общности, специфическими субъектами права. Являются ими и персонально граждане, принадлежащие к этим народам. Правовой статус народа и конкретных лиц, из которых он состоит, взаимосвязаны, но не тождественны»²³.

Б. М. Лазарев обращает внимание еще на один аспект проблемы: «Право иметь свое национально-государственное образование принадлежит именно народу как общности людей, а не какому-либо человеку персонально. Право на восстановление территориальной целостности путем устранения допущенного в прошлом незаконного перекраивания границ тоже принадлежит народу, а не каждому входящему в его состав человеку. То же касается возвращения прежних исторических наименований местностям и населенным пунктам, где некогда жили репрессированные народы. Однако право раннее репрессированного народа возвратиться в места прежнего проживания означает право и каждого человека из нынешнего состава этого народа вернуться на землю предков»²⁴.

Поскольку другие авторы повторяют или развивают тезисы В. А. Тишкова, нет надобности специально на них останавливаться.

Привлекает обращение Д. М. Эдиева к другому малоизученному аспекту – исследованию демографических потерь десяти totally депортированных народов²⁵. Значительный

интерес представляют сведения о демографической истории народов Северного Кавказа как в период депортации, так и до, и после нее, полученные им оценки человеческих потерь и дефицита рождений среди балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей в период ссылки, а также долгосрочных демографических потерь, вызванных депортацией. Автор пришел к выводу, что масштаб демографических потерь был велик, демографические последствия депортации проявились в деформации структуры населения, практически всех его демографических характеристик.

Теме культурной памяти посвящена статья Дж. Я. Рахеева, в которой рассматривается динамика представлений о депортации карачаевцев и балкарцев, циркулировавших в СССР/России в 1940–2010 гг.²⁶

В последние годы активно развивается изучение проблем депортированных народов с позиций «принимающих сторон» – Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана. Монографии на эту тему опубликовали М. Ч. Калыбекова, Ж. А. Еремекбаев, Б. Х. Кубаев, С. И. Бегалиев, Ж. И. Сулайманов, Л. Н. Дьяченко и др.²⁷ Значительное внимание историки уделили депортации народов Северного Кавказа в республики Средней Азии и Казахстана, вопросам реального положения спецпереселенцев в районах расселения, их адаптации и интеграции в местный социум, роли депортированных народов в подъеме экономического потенциала центрально-азиатских республик, а также начальному этапу реабилитации. Тем самым были закрыты некоторые лакуны проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа.

В историографических обзорах Н. Ф. Бугая, В. Г. Шнайдера и Х.-М. А. Сабанчиева прослеживается критическое осмысление достигнутых исследователями результатов в изучении проблемы депортации и реабилитации народов Северного Кавказа²⁸.

Современная историография обогатилась постановкой ряда проблем, и вопросы принудительных миграций оказались «на перекрестке» нескольких направлений отечественной науки. Однако освещение различных сторон темы

еще далеко не равноценно. Историки в своих публикациях больше внимания обращают на количественные характеристики событий, связанных с депортацией и начальным этапом реабилитации, затрагивают вопросы жизни и труда спецпереселенцев в условиях спецпоселения и уходят от теоретического осмысления проблемы. В целом, многие важные сюжеты темы не нашли должного отражения в отечественной и зарубежной литературе.

Целый ряд конкретно-исторических аспектов проблемы на новом научном и теоретическом уровне разработаны в монографических исследованиях последних лет К. Н. Максимова, В. Г. Шнайдера, В. Б. Убушаева, Х.-М. А. Сабанчиева, А. А. Алафаева, Н. Ф. Бугая, Ф. М. Гадаборщевой, С. И. Аккиевой²⁹.

Специалистами изучены истоки и причины массовых репрессий в СССР, их эволюция в структуре депортационной политики советского государства, ее особенности. Достаточно полно исследованы предпосылки, истинные причины, составные процессы, организационные принципы и правовые основы депортации народов Северного Кавказа, их особенности и социально-политические последствия. Х.-М. А. Сабанчиев выдвинул и обосновал совершенно новый в историографии посыл, согласно которому причины депортации мусульманских и тюркских народов Кавказа и Крыма были обусловлены подготовкой власти к возможному театру военных действий на юге Союза ССР³⁰.

Реструктуризация национально-государственных автономных образований депортированных народов Северного Кавказа сопровождалась перекройкой исторически сложившихся этнических границ, существенными изменениями административно-политического деления региона. Установлены конкретные формы и характер этих изменений, рассмотрены сущность переселенческого процесса на опустевшие территории.

Исследованы такие вопросы как география расселения спецпереселенцев в Средней Азии и Казахстане, их климатическая, социальная и хозяйственная адаптация в новых местах жительства, социальные, демографические и иные по-

следствия депортации. Более полно показана жизнь спецпереселенцев на новых местах, детально охарактеризованы хозяйственно-бытовое устройство и направления трудового использования спецпоселенцев, определены морально-психологическое состояние и особенности спецпоселенческого менталитета, показана степень вовлечения спецпереселенцев в общественную жизнь регионов проживания. Специально изучены особенности спецпоселенческой политики режима, административно-правовое положение и социальный статус спецпоселенцев, их судьбы в послевоенное время (1946–1953 гг.).

Всесторонне исследованы проблемы реабилитации народов Юга России, реальные этапы и весь комплекс реабилитационных процессов. Углубленно изучены такие вопросы, как возвращение гражданских прав спецпереселенцам, процесс формирования в руководстве СССР политики по реабилитации репрессированных народов, воссоздание национальной государственности северокавказских народов и их политико-правовой реабилитации, а также связанное с ними национально-культурное возрождение этносов.

С 1992 г. одна за другой в Элисте, Нальчике, Карачаевске, Магасе и Грозном были проведены Всероссийские и Международные конференции, посвященные 50–60–70-летию депортации в контексте «история и современность». Ученые высветили глубину и масштабность трагедии, проблемы, стоящие перед государством и обществом в деле преодоления последствий депортации. В ходе научных дискуссий были определены подходы к изучению темы и основные направления научного поиска, важные с точки зрения методики и методологии исследования проблемы. Вместе с тем материалы конференций качественно изменили статус темы сталинских депортаций в общественном сознании.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появляется ряд кандидатских диссертационных исследований, в числе других своих задач, затрагивающих причины депортации и реабилитации северокавказских народов.

В 1998 г. И. В. Алфёрова представила диссертацию, посвященную государственной политике в отношении де-

портированных народов в конце 1930-х – начале 1950-х гг.³¹ Диссертантка отстаивает мнение о том, что главной целью репрессивной политики государства было стремление обезопасить границы от явных и «потенциальных» внутренних врагов.

Диссертационные исследования Э. А. Аджиевой «Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов)» (2001), Р. Агиева «Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX в.: депортация, спецпоселение, реабилитация» (2002) и М. А. Арапиева «Выселение чеченского и ингушского народов: развитие, решение и последствия проблемы» (2006), самым названием отражают задачу рассмотрения причин выселения. Авторы единодушны в том, что депортация народов Северного Кавказа явилась антигуманной и незаконной акцией сталинской тоталитарной системы.

Кандидатская диссертация Д. С. Кокорхоевой³² затрагивают проблему депортации ингушского народа в контексте истории становления и развития государственности ингушей с 1917-го по 1944 г. Депортация ингушского народа как предмет исследования в данной работе стоит в одном ряду с понятием геноцида. В этом плане автор вплотную примыкает к обобщениям ранее защищенной диссертации О. О. Айшаева «Борьба балкарского народа против политики геноцида и этапы его возрождения» (1977).

Депортация ингушского народа стала предметом диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата политических наук Л. Я. Арапхановой³³.

Правовой и исторический анализ депортации и реабилитации калмыцкого народа сделаны в диссертационных исследованиях К. В. Убушаева по юриспруденции³⁴ и Б. А. Тюменева по истории³⁵.

В большинстве случаев авторы диссертаций, по мнению В. Г. Шнайдера, могут претендовать не только на обобщение предшествовавшего им опыта, но и на открытие новых тем и аспектов исследования одной из наиболее трагичных страниц истории советского периода³⁶.

Подводя итоги, следует отметить, что в советской историографии изучение вопроса происходило под прямым партийно-идеологическим воздействием, надолго консервировавшим сложный сюжет национальной политики советского государства. В течение длительного периода рассматриваемая тема изучалась односторонне и недостаточно полно.

Новый период в историографии проблемы обозначился в конце 1980-х гг. Это выразилось в смене идеологических установок, изменении и расширении тематики исследований, появлении в научном обороте ранее недоступных архивных материалов. Распад советской системы predetermined историографический прорыв темы национальной политики сталинизма. Разработка проблемы этнических депортаций в СССР превратилась в одно из ведущих исследовательских направлений. Однако еще сохраняются слабоизученные сюжеты. Необходимы исследования, раскрывающие значительный ущерб, нанесенный депортациями дружбе народов, который привел к межнациональным конфликтам на Северном Кавказе. Осмысление процессов адаптации и интеграции принудительно переселенных народов в местный социум, темы культурной памяти фактически только начинается. Нуждаются в дальнейшем изучении вопросы возвращения депортированных народов на историческую родину, их экономического и культурного возрождения.

Литература

1. Поиск. 1991. 31 мая – 6 июня.
2. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.
3. Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Элиста, 2010. Т. 1.
4. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 2; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1972. Т. 2; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2; Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. Нальчик, 1971.

5. Абазатов М. А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973; Хакуашев Е. Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны. Нальчик, 1978.

6. Баков Х. Эхо невозвратного прошлого: о трагической судьбе народов Северного Кавказа в годы сталинского террора. М., 1989. № 1; Ибрагимбеи Х. М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4; Бугай Н. Ф. Депортация // Политический собеседник. 1990. № 6; Урусбиева Ф. Драма на фоне гор // Дружба народов. 1989. № 5; Лусьязев В. А вы вернетесь, верьте мне... // Юность. 1989. № 6.

7. Дементьев В. Кайсын Кулиев. Размышление о жизни и творчестве. Нальчик, 1988; Горбачев Н. Смертные. М., 1989. № 6-8; Кавказ. 1942–1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8; Туалагов А. Д. Истоки трагедии. Владикавказ, 1993; Логинов В. Осетинская трагедия (Ад криминала. Рассказы и очерки). М., 1993.

8. Емельянова Н. Антисоветский газават. «Мусульманская карта» в планах Гитлера // Независимая газета. 2001. 15–21 июня; Глазунов Н. Сталин и время // Буревестник. 2003. № 4; Гродненский Н. Н. Неоконченная война: история вооруженного конфликта в Чечне. Минск, 2004. С. 46–71; Куличкин С. Вставай, страна огромная. М., 2005.

9. Гонов А. М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 1920–1980 гг. // Автореф. дис. ... д-р истор. наук. Ростов-на-Дону, 1998; Хунагов А. С. «Выслать без права возвращения...». Майкоп, 1999; Ардавов М. Не пришедшая весна // Эльбрус, 1991. № 1, 2; Унежев К. Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005. С. 264, 265; Боров А. Х. Депортация и реабилитация балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии // Исторический вестник института гуманитарных исследований. Нальчик, 2006. Вып. IV.

10. Хабичев М., Костинский Ю. Миф из новейшей истории // Социалистическая индустрия. 1989. 18 июля; Голос Балкарии. 2001. № 3; Будаев Н. М. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XX вв. Нальчик, 2007. С. 213–215; Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. Элиста, 2007. С. 24, 25; История Чечни. Грозный, 2008. Т. 2. С. 537; Тебугев Р. Депортация: фальсификации и факты // Тебугев Р. «Народ свободный, храбрый, трудолюбивый...» Ставрополь, 2012.

С. 133–276; Кучмезова Р. Балкария: лики, знаки, тексты. Нальчик, 2012. С. 242–276; Вестник балкарского народа. 2013. № 11.

11. Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение. Элиста, 1991; Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991; Трагедия ингушского народа. Грозный, 1991; Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993; Карачаевцы: выселение и возвращение. Черкесск, 1993; Шабаев Д. В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья. Нальчик, 1997; Шахбиев З. А. Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996; Ибрагимов М. М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. М., 1998.

12. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998.

13. Темукеев Б. Б. Спецпереселенцы. В 4 т. Нальчик, 1997.

14. Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

15. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики. М., 2004; Тетуев А. И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. Нальчик, 2006; Шабанова М. М. Проблемы реабилитации репрессированных народов. Махачкала, 2006; Сабанчиев Х.-М. А. Восстановление в правах репрессированных народов Северного Кавказа // Формирование гражданского общества и права человека в Кабардино-Балкарской Республике. Нальчик, 2011. Кн. 4.

16. См.: Боров А. Х. Депортация и реабилитация балкарского народа...; Бугай Н. Ф. Проблема реабилитации этнических общностей Северного Кавказа: 1950–1990-е годы // Российская история. 2011. № 3; он же. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография. М., 2012.

17. Петров А. Г. Реабилитация жертв политических репрессий (историко-правовой анализ): автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 20.

18. Лазарев Б. М. Правовые вопросы репрессированных народов // Государство и право. 1994. № 12; Цой Б. С. Социальные и правовые аспекты народов и граждан, репрессированных в СССР по политическим мотивам // Там же; Петров А. Г. Реабилитация жертв политических репрессий: опыт историко-правового анализа. М., 2005; Сабанчиев Х.-М. А. Гуманный и демократический закон нашего времени // Жизнь национальностей. М., 2011. № 2.

19. См.: Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Кольев А. Чеченский капкан. М., 1997; Rogozin D. O.

Россия между миром и войной. М., 1998; Дзидзов В. Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. Владикавказ, 2004; Боров А. Х. Указ. раб.

20. Тишков В. А. Указ. раб. С. 144.

21. Сампиев И. М. Проблемы реабилитации репрессированных народов // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе. Элиста, 2006. С. 182.

22. Петров А. Г. Указ. раб. С. 10.

23. Лазарев Б. М. Указ. раб. С. 22.

24. Там же.

25. Эдиев Д. М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003.

26. Рахеев Дж. Я. Анализируя травму: историография депортации карачаевцев и балкарцев как форма культурной памяти // Информационное пространство истории: сб. научных статей. М., 2013. С. 350–380.

27. Калыбекова М. Ч. Казахстан как объект переселения депортированных народов (1937–1956 гг.). Исторический аспект. Алматы, 2005; Ермекбаев Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. Алматы, 2009; Кубаев Б. Х. Карачаевцы и балкарцы в XX столетии. Бишкек, 2009; Бегалиев С. И., Сулайманов Ж. И. Депортированные народы Кавказа в Кыргызстане. Размышления «по рельсам судьбы». Бишкек, 2012; Дьяченко Л. Н. Из истории депортированных народов Кавказа в Кыргызстан. Бишкек, 2010; она же. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблема адаптации и реабилитации). Бишкек, 2013.

28. Бугай Н. Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых северокавказского региона // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2002. № 3–4; Шнайдер В. Г. Причины депортации северокавказских народов: историография проблемы // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., 2006; Сабанчиев Х.-М. А. Проблема депортации карачаевцев и балкарцев в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2011. № 8.

29. Максимов К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии в 1918–1940-е годы. М., 2004; он же. Калмыки в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста, 2013; Шнайдер В. Г. Советское государство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир, 2007; Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Указ. раб.; Сабанчиев Х.-М. А. Балкарцы: выселение и воз-

вращение. Нальчик, 2008; Алафьев А. А. Скрытые цели сталинских депортаций. Нальчик, 2011; Бугай Н. Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография. М., 2012; Гадаборицева Ф. М. Депортация и реабилитация ингушского народа. М., 2012; Аккиева С. И., Сабанчиев Х.-М. А. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.). Нальчик, 2014.

30. Сабанчиев Х.-М. А. Депортация народов Северного Кавказа в 40-х гг. XX века // Вопросы истории. 2013. № 11; он же. Проблема депортации народов Кавказа и Крыма в 40-х гг. XX века в международном контексте // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2014. Т. IV. № 4.

31. Алфёрова И. В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 1930-х – 1950-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

32. Кокорхоева Д. С. Становление и развитие национальной государственности ингушского народа (1917–1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.

33. Арапханова А. Я. Депортация народов как специфический аспект национальной политики советского государства (на примере ингушского народа): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002.

34. Убушаев К. В. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты (1943–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.

35. Тюменев Б. Н. Политика советского государства по реабилитации репрессированных народов России 1953–1991 гг. (На материалах Калмыкии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2006.

36. Шнайдер В. Г. Причины депортации северокавказских народов... С. 151.

Проблема депортации карачаевцев и балкарцев в зарубежной историографии *

Почти до конца 1980-х гг. депортация народов в СССР была одной из самых табуированных тем. Впервые о ней заговорили на Западе. Представители кавказского зарубежья

* Вопросы истории. 2011. № 8. С. 166–170.

в своих статьях и выступлениях, защищая права человека на свободу и независимость, не могли обойти молчанием проблему «наказанных народов», пытались рассказать об их судьбе. За короткий период (1951–1956 гг.) в Мюнхене, Анкаре и Стамбуле вышли работы М. Асланбека (Дудова), А. Авторханова, М. Бала, Вассан-Гирея, Б. Бейтугана, Р. Трахо и др.¹ Акт депортации одной трети населения Северного Кавказа в Среднюю Азию и Казахстан они оценивали как акт народоубийства, подпадающий под соответствующие параграфы конвенции о геноциде, принятой ООН.

Роль защитника карачаевского и балкарского народов в эмиграции взял на себя М. Дудов, опубликовавший в 1951 г. в Мюнхене сначала на английском, а затем на русском языке статью «Истребление Советами карачаевского народа». А в 1952 г. он издал на турецком языке книгу «Трагедия карачаевских и балкарских тюрок».

Среди зарубежных авторов было немало политэмигрантов из Советского Союза. Это обстоятельство накладывало определенный отпечаток на характер их трудов. В них сразу же обозначались приметы времени – разгар холодной войны и стремление актуализировать тему защиты прав обездоленных народов, которые отодвинули на второй план научно-историческое содержание проблемы депортации народов. Заметно было стремление дать ей соответствующее идеологическое объяснение, прочно вошедшее в арсенал зарубежной историографии. Сознательные противники тоталитарной системы, они дали во многом справедливую оценку сути сталинизма, отразили свое видение просчетов, допущенных при сталинской модернизации, причин, их породивших. Но все же, основой для построения теоретической базы проблемы послужил заведомо тенденциозный материал, что обедняло содержание и качество даже плодотворных наблюдений. «И как ни парадоксально, авторы своим желанием помочь, поддержать лишь усугубляли положение "наказанных народов", подтверждая и усиливая огульные сталинские обвинения этих этносов в измене родине, в антисоветских настроениях и действиях. За что могли быть так наказаны Сталиным целые народы, задавались вопросом

зарубежные авторы и отвечали согласно своим интересам и нормальной логике: за антибольшевистское, антисоветское национально-освободительное движение», – пишет С. У. Алиева².

Подобный идейно-политический стандарт в подходе к проблеме депортации народов во многом утвердился благодаря М. Дудову и А. Авторханову. Большую часть своей долгой жизни М. Дудов посвятил ознакомлению мировой общественности с историей и практикой национальной политики советского государства на Северном Кавказе. Его единомышленник А. Авторханов в эмиграции интенсивно занимался изучением современного ему положения в Советском Союзе и по праву считался признанным аналитиком пороков тоталитарной системы и культа личности в СССР.

Интересные факты приводит в своих воспоминаниях бывший нарком внутренних дел Северо-Осетинской АССР, комиссар госбезопасности Г. Такоев (Текаев). Он, будучи наркомом, был участником выселения населения из соседних республик. В конце 1940-х гг. Такоев бежал из СССР и работал в Лондонском университете. На страницах журнала «Социалистический вестник» он пишет по каким рецептам и кем готовилась акция по выселению народов Северного Кавказа: «Генштаб СССР в начале 1940 г. пришел к письменному выводу, что в случае войны в южном направлении народы Кавказа могут стать занозой в чувствительном месте военной машины, и что поэтому было бы стратегически целесообразно принять своевременные "особые" меры... Так было положено фактическое начало того, что произошло в 1943–1944 гг. А обвинение в сотрудничестве с немецкими фашистами выдумали уже позже для оправдания этой акции»³.

Заслугой названных авторов следует признать постановку проблемы, конкретные действия, направленные на разоблачение сталинской политики массового террора, что позволило привлечь мировое общественное внимание к трагической судьбе депортированных народов. В целом же эти работы носят скорее публицистический, нежели строго научный характер.

Любопытно, что перемены в судьбах репрессированных народов после XX съезда КПСС сразу же привлекли внимание иностранцев. 6 сентября 1957 г. к заместителю Председателя Совета Министров КБАССР обратился первый секретарь английского посольства в Москве господин Орчард и заявил, что он желает побеседовать о том, как проходит обустройство возвращающихся балкарцев. В ходе беседы с Ч. Б. Уянаевым Орчард выяснял, как происходит расселение балкарцев, полностью ли они реабилитированы, много ли их работает в государственных учреждениях, какие недостатки имеются в организации переселения⁴. Подробности беседы он опубликовал в печати и рассказал о посещении г. Нальчика корреспондентам английских газет.

Проблемы обустройства возвращающихся балкарцев нашли отражение и в отчете английских альпинистов об экспедиции 1958 г. в Приэльбрусье⁵.

Эти материалы были использованы английским ученым политологом Р. Конквестом. Собранные и обобщенные им имевшиеся на Западе материалы легли в основу книги «Советские депортации народов»⁶, изданной в 1960 г. в Лондоне. Этнические депортации военного времени в СССР он рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России. Несмотря на скудость источников, Р. Конквест сумел дать набросок хронологии депортации «наказанных народов» и статистику смертности в ходе их осуществления. Это важно, ибо даже в «секретном» докладе Н. С. Хрущева XX съезду ошибочно указывалось, что переселение балкарцев было осуществлено в апреле 1944 г., а советские немцы и крымские татары остались даже не упомянутыми. Когда научная разработка темы была еще недостаточной, книга Р. Конквеста существенно дополняла то, чем располагала европейская наука к середине прошлого века. Он же составил первую карту депортации народов в СССР.

Сам автор не считал свою работу итоговой. Он тщательно изучил Справочный отдел Британской библиотеки и Гуверовский архив при Стенфордском университете в Калифорнии – эти хранилища самых полных и авторитетных собраний документов о советской стране. Ровно через десять

лет история «наказанных народов» получила более развернутое описание в изданной в Нью-Йорке книге Р. Конквеста «Народоубийцы: советская депортация национальностей»⁷.

Специалисты по национальным отношениям в СССР не спешили откликнуться на «грубое попрание национальной политики советского государства». Тем больший интерес представляли публикации Х. Хазера⁸, И. Лютфи и Д. Хасана⁹, изданные за рубежом. Статьи написаны в целом традиционно, с повторением ряда утвердившихся в предшествующей литературе положений. Но факт их постоянного присутствия в зарубежной историографии говорит о широком и устойчивом интересе к данной проблеме за границей.

Турецкие авторы Ш. Мурат и С. Ёзбай особое внимание уделяли истории репрессивной политики сталинизма в отношении карачаевцев и балкарцев¹⁰, в значительной степени из-за принадлежности этих народов к тюркскому миру. Эти публикации появились, когда сама депортация воспринималась пережитой и частично «исправленной» историей, когда карачаевцы, балкарцы и другие депортированные народы Северного Кавказа вернулись на Родину. Однако авторы не преминули указать, что руководство Советского Союза ничего не сделало для того, чтобы возместить народам тяжелый моральный и материальный ущерб, который был нанесен им в период ссылки.

По мере освоения темы исследовательская задача усложняется и укрупняется. В 1970-е гг. западные историки стремятся к более широкой ее интерпретации. В этом смысле показательным исследование А. Некрича «Наказанные народы», опубликованное сначала на русском, а затем на английском языке¹¹. Интерес к проблеме со стороны автора не был случаен, а отражал сферу его научных интересов. Ко времени издания своей книги А. Некричу принадлежало несколько работ по истории Великой Отечественной войны, написанных еще в СССР. Важнейшей частью данного издания является раскрытие политической сущности проблемы, описание депортации из Северного Кавказа, Калмыкии и Крыма, отдельно рассматривается пребывание наказанных народов в статусе спецпоселенцев, детализируются трудно-

сти при их возвращении на родину. А. Некрич отнюдь не скрывал своих источниковедческих слабостей, выразившихся прежде всего в основательном использовании материалов, содержащихся в работе Х. И. Хутуева¹², которому он отвел почетное место в историографии проблемы.

Автор уловил существование связи между тоталитарным обществом и таким явлением, как насильственное выселение народов, – обстоятельство, которое длительное время оставалось непонятым многим советским историкам. Все это способствовало расширению информированности западного общества относительно депортации целых народов в СССР. Независимо от натянутости некоторых положений, по научности и меткости суждений, книга А. Некрича наиболее интересна и является одним из первых серьезных опытов в освещении данной темы в зарубежной историографии. Точнее было бы считать ее плодом неподцензурной отечественной исторической мысли.

Общее состояние и направленность зарубежной историографии до 1980-х гг. отразил норвежский профессор Альф Граннес¹³.

После некоторого перерыва за рубежом выходит новый цикл работ по истории депортации. В Турции их появление было связано с созданием обобщающих трудов по истории карачаевцев и балкарцев, проживающих в этой стране. Их авторами выступили потомки мухаджиров, которые побывали на родине своих предков, собрали интересный историко-этнографический и литературный материал. Среди них отметим книгу Хаят Бидже «Переселение из Кавказа в Анатолию»¹⁴. Как видно из заглавия книги, Х. Бидже большое внимание уделяет вопросу мухаджирства карачаевцев и балкарцев, но не только ему. В ней есть также специальный раздел, где подробно описывается сам процесс депортаций 1943–1944 гг., трудности и лишения, которые пришлось пережить карачаевцам и балкарцам на спецпоселении. Отмечается, что десятки тысяч людей – особенно стариков, женщин и детей – погибло от голода, холода и болезней в пути следования и в местах ссылки, климатически непривычных для уроженцев Кавказа. Демографические потери

балкарцев и карачаевцев оцениваются в 40–50 %, т. е. автор придерживается распространенных среди представителей этих народов цифр¹⁵.

В небольшой, но содержательной статье Уфук Таукул рассматривает проблему на общем фоне политики советского государства на Северном Кавказе в предвоенные и военные годы¹⁶. Отмечает патриотизм большинства карачаевцев и балкарцев, их героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, подчеркивает, что многие погибли в боях с врагом. Причин, которыми обуславливалось выселение карачаевцев и балкарцев, он называет несколько: властвовавший режим Сталина и деформации в сфере национальных отношений; неприятие горцами преобразований, подобных коллективизации, в ходе которой крестьян насильно загоняли в колхозы и обобществлялся частный скот; недееспособность местных органов советской власти накануне и политический паралич власти в период оккупации; действия эмигрантских кругов, направленных на объединение Карачая и Балкарии, которые ломали сложившиеся формы национально-государственных образований в регионе.

Известный французский историк Н. Верт ошибочно трактует суть событий на Северном Кавказе в 1942–1943 гг. и пишет об антисоветских восстаниях «трех горных мусульманских народов: карачаевцев, кабардинцев и балкарцев»¹⁷. Автор отождествляет вооруженные вылазки отдельных групп бандитов с целыми народами.

Неверное обобщение сделал и австрийский историк немецкого происхождения А. Каппелер, который отнес балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей к числу тех народов, которые в ходе Кавказской войны оказали России наибольшее сопротивление. Экстраполируя этот тезис на советскую эпоху, он увязывает его со сталинской депортацией¹⁸.

В 1991 г. специальный заказ Хельсинской группы по правам человека был выполнен научным сотрудником Русского исследовательского центра Гарвардского университета Дж. Критчлоу¹⁹. Перед ним стояла задача охарактеризовать современное положение десяти totally депортированных народов. В основу отчета легла информация, полученная

от представителей этих этносов. О социально-экономическом положении балкарского народа и трудностях осуществления реабилитационных мер исследователю поведал Х. И. Хутуев.

Среди зарубежных ученых отметим и Д. Дитмара, который в статье, посвященной основным аспектам депортации российских немцев, упоминает все подвергшиеся насильственному выселению народы в СССР, в том числе карачаевцев и балкарцев²⁰.

Попытка дать обобщенный очерк советских депортаций предпринята в книге французского историка Ж.-Ж. Мари «Депортированные народы Советского Союза»²¹. Здесь хронологически даны основные депортационные операции в СССР, кратко освещены вопросы пребывания народов на спецпоселении, их полуреабилитации и полурепатриации. Французский ученый заключает, что трагические последствия сталинских депортаций до сих пор тревожат национальную память репрессированных в СССР народов, порождая немало проблем в национальных отношениях и современной политике.

Данная концептуальная установка в более широких хронологических рамках развита в монографии Александра Григорьянца «Проклятые Россией. Выселение народов как метод правления»²². В книге повествуется о том, как сперва царизм, а затем советская власть по своей воле организовывали переселение целых народов, начиная с эпохи Ивана Грозного до сталинских времен. Автор утверждает: как бы не менялся режим, российская власть пренебрегала элементарными правами человека, а с целыми народами обращалась как с врагами, изгоняя с родных мест и создавая им невообразимые условия существования.

Американка Карен Байкер трижды побывала в Кабардино-Балкарии, встречалась с очевидцами депортации и записывала их рассказы. В итоге появилась книга «Балкарцы Южной России и их депортация. 1944–1957»²³, в которой профессор анализирует не только изгнание и жизнь в ссылке, но и продолжительное действие депортации на последующие поколения.

В последние годы наблюдается активизация интереса к теме принудительных миграций на различных научных форумах зарубежных обществоведов. Проблема стала предметом дискуссионного обсуждения на семинаре в Австрии (1994 г.), международных конференциях в Германии (1995 г.), Турции и Англии (2006 г.). Ученые из Австрии, Англии, Германии, Польши, России, Турции и других стран особое внимание уделили выявлению и характеристике мер по наказанию народов со стороны режимов, функционировавших в разных странах в 30–40-е гг. прошлого столетия.

Зарубежная литература интересна не столько с информативной, сколько с аналитической точки зрения. В теоретическом отношении западным исследователям удалось сформулировать довольно точные модели «этнических кристаллизаций» населения восточно-европейских стран.

Такова в общих чертах история изучения вопроса. Подводя итоги, следует отметить, что зарубежные соотечественники первыми по свежим следам выступили в западной печати с разоблачениями сталинской депортации. В результате их усилий мир был информирован о постигшей народы Северного Кавказа трагедии. Следует также признать не только нравственный, но и научный приоритет зарубежных исследователей в постановке проблемы. Не имея в своем распоряжении первоисточников, они порой путем эмпирических рассуждений пришли к принципиальным выводам в выявлении причин репрессивных акций против целых народов. Отмечая содержащиеся в зарубежной историографии материалы, наблюдения и выводы, приходится, однако, признать, что интерес авторов к депортированным народам сочетался с идеологическими мотивами.

Примечания

1. Aslanbek M. (Дудов М.) The Extermination by the Soviets of the Karachay people // *Caucasian Review*. Munich, 1951. S. 9–15; он же. Karaçay ve Malkar Türklerinin Faciası. Ankara, 1952; Уралов А. (Авторханов А.). Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в

СССР. Мюнхен, 1952; М., 1991; Bala M. Karaçay ve Balkarlar // *İslam Ansiklopedisi*. Istanbul, 1952. S. 217–221; Вассан-Гирей. Советская национальная политика. Мюнхен, 1955; Бейтуган Б. Первые вести о судьбе карачаевцев и балкарцев. Мюнхен, 1956; Karça R. Simali Kafkasya da tehcir ve Katliam // *Dergi*. 1956. № 2. S. 35–50; Traho R. Gildinlik kurbanı // *Kafkasya*. N 13. Munich, 1956.

2. Алиева С. У. От составителя // Так это было. Т. 1. М., 1993. С. 9.

3. Такоев Г. К проблемам национальной политики в СССР // *Социалистический вестник*. Париж. 1951. № 3. С. 66.

4. Час испытаний. Документы и материалы. Нальчик, 2001. С. 541–546.

5. Jones R. Climbing wit the Russians // *Geographical Magazine*. 1959. June.

6. Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London. 1960.

7. Conquest R. The Nation Killers – Soviet Deportation of Nationalities. New York, 1970.

8. Hizal Ahmed Hazer. Kuzey Kafkasya: Hurriyet ve Istiklal Davasi. Ankara, 1961. S. 123–126.

9. См.: Сборник статей // Kuzey Kafkasya da Sovyet – Rusvahşeti 1944 yili Faciası. Ankara, 1964. S. 17–27, 29, 30.

10. Murat S. Drau Katliami // Kuzey Kafkasya. Haziran – Temmuz. 1972. No 3. S. 20–23; Ozbay C. Alman ordularinin Kafkasya ya Saldirisi // Kuzey Kafkasya. Nisan – Mayıs. 1979. S. 8–10.

11. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

12. Речь идет о кандидатской диссертации Х. И. Хутуева «Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период». Ростов-на Дону, 1965.

13. Grannes A. A note on publishing in a small soviet minority language-Karacaj: A quantitative analysis // *Nordic Journal of Soviet-East European Studies*, 4. Cild. 2. Say. 1987. S. 43–54.

14. Bice H. Kafkasya dan Anadolu ya goçler. Ankara, 1991. S. 88–107.

15. По данным НКВД СССР, потери составили 26,5 %. По подсчетам демографа Д. М. Эдиева, прямые и косвенные потери составляют 48 %.

16. Taukul U. Karaçay halkinin surgun ve soykiriminin // *Basbakanlik arisivi*. Ankara, 1994. No 1. S. 149–156.

17. Верт Н. История советского государства. 1990–1991 / Пер. с франц. 2-е изд. М., 1994. С. 316.

18. Киппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1996. С. 153.

19. Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций. Отчет Хельсинской группы по правам человека. Хельсинки, 1991. С. 91–95.

20. Ditmar D. Operation erfolgreich durchgeführt die deportation der Wolga deutschen 1941 // Flucht und Vertreibung. Picus Verlag. Wien, 1994.

21. Marie Jean-Jacques. Les peuples deportes d'Union Sovietique. Editions. Complexe, 1995.

22. Grigorianz Alexandre. Les Damnes de La Russie. Le déplacement de populations comme methode de gouvernement. Paris, 2002.

23. Baker Karen. The Balkars of Southern Russia and Their Deportation (1944–1957). William Carey Library, 2013.

Источниковая база проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов юга России *

Политическим преступлением сталинского режима было решение о выселении в годы Великой Отечественной войны пятнадцати народов СССР из родных мест в отдаленные районы страны. В их числе оказались и народы Юга России – карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы. Воссоздание закрытых страниц истории затруднялось недоступностью архивных материалов, а с рассекречиванием документов – их тенденциозной интерпретацией.

Всю источниковедческую базу проблемы условно можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся архивные материалы с грифом «секретно» или «совершенно секретно». Именно такие штампы имела вся основная информация по теме.

* Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 3. С. 38–46.

Отсутствие информационной гласности серьезно осложняла задачу воссоздания и освещения истории депортации народов в СССР. С принятием Верховным Советом СССР в 1989–1991 гг. ряда юридических документов и законодательных актов по реабилитации репрессированных народов появилось постановление Кабинета Министров СССР «Об отмене постановлений бывшего Государственного комитета обороны СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению». В этом же плане большую роль сыграло распоряжение Кабинета Министров СССР от 26 марта 1991 г. о рассекречивании нормативных актов и материалов, связанных с противоправным насильственным переселением отдельных народов из мест проживания, ограничением прав граждан из числа этих народов, а также незаконной ликвидацией некоторых национально-государственных образований. В сентябре 1991 г. Президент России Б. Ельцин подписал указы о передаче в пользование широкому кругу исследователей архивов ЦК КПСС и КГБ СССР. В результате центральные и республиканские архивы провели значительную работу по выявлению комплекса сведений по проблеме депортации народов и осуществили их рассекречивание.

По степени важности следует выделить в первую очередь фонды органов власти и правоохранительных ведомств в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Из материалов ГАРФ исключительную ценность представляет фонд НКВД-МВД СССР. Документы отложились как в секретариате, так и в Отделе спецпоселений НКВД-МВД СССР.

В секретариате НКВД СССР (ф. 9401) хранятся так называемые «Особые папки» Сталина, в которые руководство канцелярии специально для него собирало исходящие документы, а также важные государственные акты, принятые в отношении каждого депортированного народа в отдельности. Здесь сконцентрирована основная информация о подготовке и проведении выселения народов, докладные записки Л. Берии на имя И. Сталина, Указы Президиума Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР), Постановления Государственного комитета обороны и Совета Народных

Комиссаров СССР (далее – СНК СССР), а также директивы, распоряжения и приказы НКВД-МВД СССР.

Большой интерес представляют документы Отдела спецпоселений НКВД СССР (ф. 9479), содержащие информацию о хозяйственно-бытовом и трудовом устройстве спецпереселенцев. Очень ценны справки, которые направлялись НКВД-МВД СССР в правительство о выполнении постановлений и распоряжений о материально-бытовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев. Анализ подобных справок и информации позволяет получить представление об истинном положении вещей, а также о том, что многие правительственные распоряжения не выполнялись в срок или выполнялись частично, т. к. не в полной мере учитывали реальную обстановку на местах. Кроме того, здесь собраны все сводные данные о положении дел с переселением народов в восточные районы страны. Обращают на себя внимание сведения о количестве выселенных из Северного Кавказа и Калмыкии с разбивкой по национальностям, а также таблицы о расселении спецпереселенцев по республикам и областям.

Особенность материалов НКВД-МВД СССР заключается в наличии в их составе копий постановлений, распоряжений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, указов Президиума Верховного Совета СССР по спецпереселенцам, а также руководящих документов МВД-МГБ СССР по работе со спецпоселенцами.

В целом основной массив документов НКВД-МВД СССР, содержащий сведения о периоде нахождения народов на спецпоселении, информативный и отражает реальное положение дел. Однако данные НКВД СССР не вызывают доверия, когда речь идет о вопросах политического характера, в частности об обосновании депортации народов. Они поступали из региональных подразделений НКВД, и не всегда соответствовали реальному положению дел на местах. Поэтому они требуют критического анализа и всестороннего осмысления.

Отдельную группу документов ГАРФ составляют законодательные акты ПВС СССР, касающиеся депортации народов и изменения их национально-территориального устройства

(ф. 7523). В указах о выселении дана официальная мотивация репрессивного акта, а также конкретизированы поручения, адресованные Правительству СССР в целях оказания государственной помощи переселенцам в местах их пребывания. В соответствии с этими государственно-правовыми актами упразднению подлежали их национальные автономии. Их бывшие этнические территории были частями переданы в состав соседних республик и административно-территориальных образований. Практически все населенные пункты депортированных народов получили новые наименования.

В фонде имеются указы по вопросам изменения правового положения спецпереселенцев. Особо выделим указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», которым устанавливалось, что указанные народы переселены навечно и выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД СССР карается каторжными работами на срок до 20 лет.

Перемены к лучшему в правовом статусе депортированных народов наметились лишь после смерти И. Сталина и ареста Л. Берии. 13 июля 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР отменил Указ от 26 ноября 1948 г.

В последующие годы государство постепенно смягчало режим спецпоселения. Указами от 28 апреля и 16 июля 1956 г. власть признала, что осуществление ограничений в правовом положении находящихся на спецпоселении народов, в т. ч. балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, «в дальнейшем не вызываются необходимостью...» Поэтому МВД СССР предписывалось «снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора...» эти народы. Однако отдельным пунктом устанавливалось, «что снятие ограничений по спецпоселению... не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».

В начале 1957 г. (9 января) ПВС СССР, руководствуясь решениями XX съезда КПСС и другими партийными ди-

рективными документами, издал указы о восстановлении национальных автономий депортированных народов Северного Кавказа. Таким образом, эти народы получили право на возвращение из ссылки, чуть не ставшей вечной.

11 февраля 1957 г. ВС СССР принял Закон об утверждении этих указов, в соответствии с чем были внесены изменения и дополнения в 22-ю статью Конституции СССР.

Значительный комплекс документов по истории репрессированных народов хранится в фонде СНК-СМ СССР (ф. 5446). Правительство принимало постановления и распоряжения в развитие указов ПВС СССР о депортации народов, а также по вопросам, разрабатываемым НКВД-МВД СССР и касающимся трудового и хозяйственно-бытового устройства высланных в новых местах расселения. В условиях строжайшей экономии материальных ресурсов множество распоряжений СНК-СМ СССР принималось по конкретным вопросам выделения из местных фондов для продажи спецпереселенцам семян, стройматериалов, скота, о снабжении обувью и инвентарем.

Особо следует остановиться на постановлениях СНК СССР, определивших правовое положение спецпереселенцев, условия их проживания и трудоустройства. К ним следует отнести два постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» и «Об утверждении положения о спецкомендатурах НКВД», закрепившие принудительное трудовое устройство и ограничение спецпереселенцев на свободное передвижение. Согласно постановлению дела о побеге, бандитизме и контрреволюционных выступлениях спецпереселенцев подлежали рассмотрению Особым Совещанием при НКВД СССР.

Постановлениями СНК санкционировалось направление трудоспособных спецпереселенцев по запросам наркоматов, партийных организаций краев и областей для работы на предприятиях, стройках, транспорте. Кроме того, здесь сосредоточены тревожные обращения в правительство местных властей по проблемам обустройства и снабжения спецпереселенцев.

Сведения из фонда 44 «Специальная комиссия Совмина СССР по распределению рабочей силы на территории Киргизской и Казахской ССР» дают возможность судить о трагедии высланных народов.

5 июля 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», по которому им разрешалось свободно, без разрешения спецкомендатуры, перемещаться в пределах той области, края и республики, где они проживали в данный момент. Существенно изменился спецрежим спецпоселенцев, им разрешалось вместо ежемесячной отметки один раз в год являться в спецкомендатуру. Кроме того, дети до 16 лет снимались со спецучета, а также лица старше 16 лет, поступившие в учебные заведения. Ценную информацию содержат фонды 48 «Отчеты специальных комиссий Киргизской и Казахской ССР по учету и приему имущества спецпереселенцев, а также итогах их работы за 1944–1950 гг.» и 64 «Предоставление помощи Советом Министров РСФСР переселяющимся на Северный Кавказ спецпереселенцам». В этих фондах ГАРФ хранятся дела, регистрирующие большие трудовые успехи спецпереселенцев в Киргизии и Казахстане, интересные статистические данные об их жизни на спецпоселении, а также конкретной помощи правительства РСФСР возвращающемуся на историческую родину населению. Источниковедческий анализ фондов ГАРФ сделан Т. Ф. Павловой и Х.-М. А. Сабанчиевым [1, 2].

Важные по информативности материалы сконцентрированы в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), бывшем архиве КГБ СССР, Прокуратуре СССР, МВД СССР, их республиканских органов, а также в партийных архивах. Прежде всего это важнейшие постановления партии и правительства по вопросам депортации народов, устройства на новых местах проживания, приказы и совместные циркуляры силовых структур. Материалы фондов 17 – Центральный комитет ВКП(б) и 644 – Государственный комитет обороны РГАСПИ позволяют проследить механизм принятия реше-

ний и меры по их реализации. Большой интерес представляет переписка местных партийных организаций с центром по поводу трудового и хозяйственного обустройства спецпереселенцев, а также вовлечения их в общественную жизнь. Так, фонды 82 «Переселение в республики Средней Азии спецпереселенцев из Северного Кавказа» и 96 «Мероприятия по хозяйственному, культурно-бытовому устройству в местах поселения спецпереселенцев» содержат уникальные документы о самоотверженном труде «наказанных народов» в республиках Средней Азии и Казахстана, в Красноярском крае, Новосибирской области, об их трудовой помощи фронту в 1943–1945 гг., о тяжелых условиях жизни в ссылке. Документы фондов ценны и тем, что они проливают свет на некоторые аспекты подготовки и реализации постановлений ЦК КПСС и правительства страны о возвращении на историческую родину народов Северного Кавказа и восстановлении их национальной государственности.

Полезная информация по этим же проблемам имеется в фонде 89 Российского государственного архива новейшей истории. В Архиве Президента РФ (Политбюро ЦК КПСС) в фонде 3 «Депортации, высылки» хранятся материалы по депортации народов Северного Кавказа и Калмыкии.

Документы и материалы о жизни репрессированных народов в 1940–1950-е гг. хранятся в архивах бывших республик Средней Азии и Казахстана. Основная информация по депортированным в Казахстан и Киргизию народам содержится в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, Государственном архиве политической документации Республики Кыргызстан и в архивах МВД этих республик. В состав фондов, хранящихся в архивах, входят документы СНК-СМ Казахской и Киргизской ССР, НКВД-МВД и Переселенческих отделов при СНК этих республик, содержащие комплекс источников по спецконтингенту из регионов Северного Кавказа.

Наибольшую ценность представляют стенографические отчеты совещаний по вопросу об устройстве переселенцев, докладные записки, информационные сообщения, справки и сведения по расселению и хозяйственно-бытовому устрой-

ству семей, которые содержатся в фондах СНК КазССР и КиргССР.

В информациях и докладных записках председателям СНК КазССР, КиргССР и союзному руководству сообщается о состоянии дел по обслуживанию спецпереселенцев по линии просвещения и наркомздрава.

В фондах правительств этих республик наряду с перечисленными сведениями о хозяйственно-бытовом и трудовом устройстве, можно также получить данные об обеспечении жильем, выдачи ссуды переселенческим колхозам, трудностях и упущениях в решении этих вопросов и т. д.

Особого внимания заслуживают документы отделов спецпоселений НКВД-МВД КазССР и КиргССР. Отчеты, докладные записки, статсведения, справки республиканских органов и их областных управлений содержат ежегодные данные за 1943–1956 гг. о количестве спецпереселенцев в Казахстане и Киргизии, их возрастном составе, количестве занятых на работах в колхозах, совхозах и промышленных предприятиях, о состоянии хозяйственно-бытового устройства и материальном обеспечении выселенцев, продовольственных и иных затруднениях, а также о состоянии режима содержания переселенцев, борьбе с побегами, розыска бежавших и т. д. Примечательно, что в информациях и спецзаписках, направленных в ЦК КП(б) Казахстана и Киргизии, сообщалось о ходе выполнения соответствующих решений партийных и советских органов, указывалось на недостатки и необходимость принятия мер по их устранению.

В государственных архивах Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской и Сахалинской областей сохранились официальные документы и материалы о трудовом и хозяйственном устройстве калмыков, их жизни и правовом положении под надзором отделов спецпоселений НКВД-МВД СССР. Особую группу представляют документы о пребывании военнослужащих-калмыков в Широкомстрое НКВД СССР в 1944–1946 гг. [3, с. 27].

Среди документов, отражающих различные стороны жизни и труда калмыцкого народа в период его сибирской

ссылки особое место занимают «Докладные записки» отделов спецпоселений областных Управлений НКВД СССР.

Анализ документов архивов республик Казахстан и Кыргызстан, восточных и северных областей и краев Российской Федерации позволяет сделать вывод, что адаптация переселенных в эти районы народов сопровождалась серьезными трудностями, которые пришлось им пережить, хотя правительства и местные органы для решения их проблем осуществляли целенаправленные практические меры.

Крупным собранием документов о жизни в ссылке являются извлечения из «Коллекции документальных материалов на бывших спецпереселенцев». Коллекция состоит из личных дел спецпереселенцев, которые заводились в спецкомендатурах на каждого взрослого спецпоселенца, начиная с 1949 г. В личных делах содержатся следующие документы: справки о взятии на учет, расписки об ознакомлении с указами о выселении, о вечном поселении, о правовом положении спецпоселенцев, об освобождении из спецпоселения, регистрационные листы и другие документы. Они являются источником самой разносторонней и чрезвычайно ценной информации об административно-правовом положении и трудовом использовании спецпереселенцев [4].

В республиканских архивах Северного Кавказа и Калмыкии, за исключением Чеченской Республики, где архивы уничтожены в ходе военных кампаний 90-х XX в., хранятся фонды комиссий по сбору скота, сельскохозяйственной продукции и имущества, принадлежавших депортированным народам. Работа комиссии была организована в соответствии с «Инструкцией о порядке приема скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества от спецпереселенцев» СНК СССР. Она содержала четкие предписания о том, как должно было учитываться и куда направляться конфискованное имущество. В фондах комиссии содержатся отчеты о её работе, акты о приеме жилых домов, хозяйственных построек, сельхозинвентаря, скота, домашнего имущества спецпереселенцев, переписка с комиссией СНК СССР и республиканскими партийными органами.

Важную группу источников представляют документы Переселенческих отделов Советов Министров КБАССР и Карачаево-Черкесии, Оргкомитетов по Калмыцкой АО и ЧИАССР, созданных в конце 1956 – начале 1957 гг. Они раскрывают организационную и практическую работу по возвращению населения на родину из ссылки, восстановлению автономии, возрождению экономики, культуры, по созданию необходимых жилищно-бытовых условий населению, территориальному и административному устройству воссозданных республик и областей.

Ценные сведения содержатся также в фондах республиканских партийных и советских органов. По ним можно реконструировать картину политического и социально-экономического положения в Карачаевской и Калмыцкой автономных областях, ЧИАССР и КБАССР накануне выселения, хода его подготовки.

Пониманию многих вопросов депортационной политики помогают Картотеки по учету спецконтингентов, хранящиеся в фондах Информцентров МВД КБР, Калмыкии, Карачаево-Черкесии и ЧИАССР. Они были составлены сотрудниками НКВД СССР в 1943–1944 гг. перед самым выселением народов и состоят из сотен тысяч карточек на семьи выселяемых народов. В каждую карточку записана одна семья. В картотеках зафиксированы факты и более позднего выселения отдельных лиц с территории европейской части страны. Карточки показывают, что депортация проводилась тогда, когда подавляющая часть мужского населения находилась в рядах Красной Армии и под выселение попали ни в чем не повинные мирные жители [4]. Здесь же можно почерпнуть сведения об участниках бандгрупп, которые значительно расходятся с официальными данными, использованными официальными инстанциями для обоснования выселения целых народов.

Открытие секретных фондов архивов сопровождалось публикацией материалов и документов, которые составили вторую группу источников. С принятием Верховным Советом СССР Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, под-

вергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав» (1989 г.) и Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (1991 г.), а также других актов, создались условия, позволившие активизировать работу в этой области. Прежде всего следует отметить большую работу, проведенную В. Н. Земсковым и Н. Ф. Бугаем по выявлению, систематизации и опубликованию документов относительно принудительных переселений в СССР на протяжении 30–50-х гг. прошлого столетия [5]. Возглавляя департамент по делам депортированных народов Миннаца РФ, Н. Ф. Бугай получил доступ к хранившимся в спецхране ГАРФ документам НКВД-МВД СССР, засекреченным материалам других архивохранилищ. Одним из первых он опубликовал обобщающий сборник «Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Третий и четвертый разделы сборника посвящены репрессированным народам Юга России и содержат 63 документа, раскрывающих подготовительную работу и ход событий по их депортации, а также жизнь, хозяйственно-бытовое и трудовое устройство спецпереселенцев на спецпоселении [6, с. 96–128].

Одновременно вышел сборник «Депортация народов СССР (1930–1950 гг.)». Его источниковедческая значимость во многом определяется вошедшими в него нормативными документами, касающимися санкционирования депортаций, хода проведения операций по выселению народов, а также реабилитации репрессированных народов. В основном сборник содержит статистический материал из фондов ГАРФ. Здесь же опубликована «Карта административных центров республик, краев и областей, являющихся местами спецпоселений, с указанием количества расселенных в них спецпереселенцев» [7].

Наряду с публикациями, характеризующими проблему в целом, стали выходить серия документов и материалов по каждому из депортированных народов Юга России [8]. Составителями проведена большая работа по выявлению и систематизации документальных материалов из центральных, ведомственных и местных архивохранилищ. В сборниках документы, акты и материалы даны по преимуществу в тема-

тически-хронологическом порядке за период с 1943 г. до н. д. Представлены документы, раскрывающие процесс подготовки и выселения северокавказских народов, ликвидации их автономии; нормативные документы, определявшие жизнь и правовое положение спецпереселенцев в местах ссылки, отчеты местных органов об их трудоустройстве и быте, а также статистические данные о численности спецпоселенцев в разные годы; приведены материалы по возвращению на родину, восстановлению государственности, а также официальные материалы по реабилитации репрессированных народов и национально-культурному возрождению. Большинство документов публикуются впервые. В отличие от предыдущих документальных сборников, издания осуществлены по всем правилам научной публикации.

Как бы естественным продолжением и дополнением издания по балкарцам явился следующий сборник – «Час испытаний», подготовленный сотрудниками Архивной службы КБР [9]. В целом сборник достаточно полно, конкретно и многосторонне отражает проблемы депортации, реабилитации и возрождения балкарского народа. Его недостатком является малочисленность материалов из центральных архивохранилищ.

В известной мере этот пробел восполнен публикацией книги-хроники «По решению Правительства Союза ССР...» и сборника документов «Сталинские депортации. 1928–1953 гг.», где приведены документы и материалы ГАРФ и РГАСПИ, раскрывающие трагедию депортации народов СССР [10].

Особенностью большинства документов и материалов, сосредоточенных в государственных и партийных архивах является то, что они закрепляли официальную версию депортации народов. Достоинства и недостатки основных тематических сборников по «наказанным народам» отмечены Н. Л. Поболем во вводной части книги «Сталинские депортации».

Важное значение для изучения и научного анализа проблемы имеют указы и постановления о реабилитации «наказанных народов». В этом плане привлекают внимание сборник документов «Реабилитация народов и граждан.

1954–1994 гг.» и фундаментальный трехтомник «Реабилитация: как это было» [11]. Здесь в хронологической последовательности воспроизводится многогранный процесс реабилитации народов. К этой же группе относятся публикации государственных законодательных и нормативных актов, союзных и федеральных органов и Кабардино-Балкарской Республики по вопросам реабилитации репрессированного балкарского народа [12]. Многие ценные документы всесоюзного уровня о репрессиях, жизни на спецпоселении и реабилитации жертв политических репрессий можно найти в сборниках более общего характера, выпущенных Верховным Советом РФ и Генеральной прокуратурой РФ [13].

Особого упоминания заслуживает двухтомник «Семь дней одного века», подготовленный Б.Б. Темукуевым [14]. В него включены 672 сфальсифицированных официальными структурами Кабардино-Балкарии документов по Черекским событиям, когда осенью 1942 г. под предлогом борьбы с бандитизмом сводным отрядом внутренних войск было расстреляно более 700 человек: от шестимесечных детей до глубоких стариков и женщин, сожжено 519 домов с имуществом и хозяйственными постройками. Международное гуманитарное право устанавливает, что гражданское мирное население не может являться объектом военного нападения. Следовательно, Черекская трагедия – грубейшее нарушение его норм. Сразу после освобождения Кабардино-Балкарии от немцев карательная акция отряда НКВД была документально оформлена как злодеяния фашистов и их пособников, что стало основным поводом для выселения всего балкарского народа.

Особое место в источниковедческом наследии депортации народов Северного Кавказа занимают публикации подборок документов коллегами из Кыргызстана и Казахстана, куда в основном были сосланы северокавказцы [15]. Богатый фактический материал, содержащийся в них, отражает значительную работу местных властей по приему, размещению и дислокации спецконтингента по районам и областям этих республик, трудового, хозяйственного и бытового устройства выселенных в местах расселения. Важно еще и то, что по не-

которым документам можно проследить действия отделов спецпоселений и отделений спецкомендатур при местных управлениях НКВД.

Третью группу документальных источников составили источники личного происхождения и периодические издания.

Множество сведений хранится в памяти самих жертв репрессии, прошедших все круги ада. Восприятие ими сталинской депортации отчетливо распадается на два периода: до либерализации конца 1980-х гг. и после нее. В советское время наиболее характерным было замалчивание депортации.

В 1963 г. в процессе работы над своей кандидатской диссертацией Х. И. Хутуев попросил школьных учителей написать рассказы-воспоминания, поделиться своими размышлениями о ссылке балкарцев. Все 44 авторских изложения, основанных на подлинных, конкретных фактах и эпизодах, пролежали в личном архиве Х. И. Хутуева более сорока лет. Только в 2004 г. они были опубликованы в брошюре «Балкария. Депортация: свидетельствуют очевидцы» [16]. Рассказы композиционно схожи между собой и несут в себе определенную информацию о выселении и периоде жизни на спецпоселении.

В воссоздании правдивой картины депортации, расселении на новых местах жительства, контактов с местным населением, взаимоотношении с комендатурой и возвращении на родину важное место занимают воспоминания депортированных кавказцев и калмыков [17]. Определенную ценность представляет публикация более ста школьных сочинений элистинских учеников, в которых по рассказам старших описывается страшная трагедия их семей [18].

Воспоминания – специфический жанр литературы, документальность которых основывается на свидетельских показаниях очевидцев описываемых событий. Они помогают восстановить множество фактов, которые слабо отразились в других источниках. Интерес представляют не только приводимые авторами факты, описание ими конкретных ситуаций, но и личные оценки событий, хотя они носят субъективный характер.

За последние четверть века история депортации народов Северного Кавказа стала предметом большого числа драматических описаний, документальных публикаций и литературно-поэтических интерпретаций [19].

В трехтомнике «Так это было» [20] С. У. Алиевой найден публицистический, художественный подход к отражению этой трагической темы. Отметим принципиальный момент: репрессии документируются не с официальной точки зрения, как это имеет место с большинством документов из государственных архивохранилищ, а с точки зрения самих жертв. Посредством личных воспоминаний, публицистических размышлений, поэзии рассказывается о судьбе сосланных народов.

Публицистически развернутая и художественно осмысленная картина произвола по отношению к целым народам дана в мемуарной литературе [21].

Материалы периодической печати являются важной составляющей источниковой базы исследования. Местная пресса отразила специфику жизни и деятельности вернувшихся на историческую родину народов, столкнувшихся с проблемами и сложностями. В периодике отражена деятельность партийных, советских и хозяйственных органов, связанных с процессом обустройства и налаживания нормальной жизни. В 1990-х гг. в республиканских газетах и журналах Северного Кавказа и Калмыкии появились сотни воспоминаний, содержащих обширный информативный материал, а также публикации аналитического характера местных руководителей, активно занимавшихся приемом и обустройством депортированных народов. Часть этих материалов вышла отдельным изданием [22]. Страницы эти пронизаны неизбывной болью, продиктованы кричащей памятью незаслуженных обид.

В сборнике «Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ», центральных газетах государственных органов (Российская газета), республиканских органов власти Северного Кавказа и Калмыкии (Кабардино-Балкарская правда, День республики, Грозненский рабочий, Сердало, Известия Калмыкии) публиковались законодательные акты

органов власти по политико-правовой реабилитации репрессированных народов. Это федеральные Законы, Постановления, Указы, изданные законодательной и исполнительной властью Российской Федерации и субъектов Северного Кавказа в 1990-е гг.

Таким образом, документальная база по вопросам депортации и реабилитации репрессированных народов Юга России довольно обширна. Тем не менее, необходимо продолжить поиск новых, неизвестных ранее источников. Центр тяжести следует перенести на источниковедение, провести полноценное исследование источников. Однако следует иметь в виду, что многие документы высших органов государства создавали определенный миф для оправдания незаконных насильственных переселений народов.

Литература

1. Павлова Т. Ф. Репрессии против народов: документы Государственного архива Российской Федерации свидетельствуют // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп: Меоты, 1997. С. 142–158.
2. Сабанчиев Х.-М. А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.): автореф. дис ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 19–26; *его же*. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 22–35; *его же*. Источниковедческая база проблемы депортации балкарского народа: архивные материалы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 6. 2009. С. 135–141.
3. Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Монография. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. – 497 с.
4. Парова Л. М. Учетные документы на спецпоселенцев – свидетельство бесправия вайнахов в ссылке // Репрессированные народы: история и современность. Карачаевск. С. 104–106; Шаманов И. М. Учетные документы спецпереселенцев как исторический источник // Там же. С. 107–115; Цуцулаева С. С. Документы и материалы о депортации чеченского народа: общие проблемы и степень их изученности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4. 2011. С. 34–38.

5. Замсков В. Н. Спецпоселенцы. По документам НКВД-МВД СССР // Социологические исследования. № 11. 1990. С. 3–17; *его же*. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // Социологические исследования. № 5. 1991. С. 151–165; *его же*. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960) // Социологические исследования. № 1. 1991. С. 5–26; *его же*. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. Сборник научных трудов. М. 1994. С. 145–194; Бугай Н. Ф. 40–50-е годы: последствия депортации народов. Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР // История СССР. № 1. 1992. С. 36–47; *его же*. 20–50-е годы: принудительные переселения народов // Обозреватель. № 11. 1993. С. 23–38.

6. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать». Документ, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. – 286 с.

7. Депортация народов СССР (1930–1950-е гг.). Ч. 1. Документальные источники ЦГАОР, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР // Серия: Народы и культуры. Вып. 12 / Сост. О. Л. Милова. М.: ИЭА РАН, 1992. – 355 с.

8. Ссылка калмыков: как это было. Сборник документов и материалов / Сост. П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993. Т. 1. Кн. 1. – 220 с.; Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2001. Т. 1. Кн. 2. – 238 с.; Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2004. Т. 1. Кн. 3. – 684 с.; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: ТОО «Капъ», 1994. – 260 с.; Депортация карачаевцев. Документы рассказывают / Сост. Р. С. Тебуев. Черкесск: Карачаево-Черкесский ИГИ, 1997. – 344 с.; Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М. А. Сабанчиев. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. – 227 с.; Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация / Сост. Я. С. Патиев. Магас, 2004. – 480 с. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953–1962). Сборник документов и материалов / Сост. и научн. ред. А. М. Бугаев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2013. Т. I. – 496 с.

9. Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа. Документы и материалы / Сост. Б. М. Зумакулов, А. Х. Каров, С. Н. Бейтутанов. Нальчик: Эльбрус, 2001. – 902 с.

10. «По решению Правительства Союза ССР...». Депортация народов: документы и материалы / Сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов.

Нальчик, 2003. – 540 с.; Сталинские депортации. 1928–1953 гг. / Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. Межд-ный фонд «Демократия». М.: Материк, 2005. – 904 с.

11. Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 гг. / Сост. И. И. Алиев. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994. – 305 с.; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС. В 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. М.: МФД, 2000. – 503 с.; Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М.: МФД, 2003. – 960 с.; Т. 3. Середина 80-х – 1991. М.: МФД, 2006. – 720 с.

12. Зумакулов Б. М. Реабилитация балкарского народа. Нальчик, 1988. – 118 с.; Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Авт.-сост. С. И. Акиева, Х. М. Думанов. М.; Нальчик, 2001. Т. 2. – 344 с.

13. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет РФ, 1993. – 223 с.; Массовые репрессии в СССР / Сост. И. А. Зюзина. М.: Республика, 2004. – 368 с.; Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: Республика, 2004. – 470 с.

14. Семь дней одного века. 27 ноября – 5 декабря 1942 г. В 2 ч. / Сост. Б. Б. Темукуев. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. Ч. 1. – 476 с.; Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. Ч. 2. – 596 с.

15. Депортированные народы в Кыргызстане. Архивные документы свидетельствуют / Сост. Д. Ш. Кызаева, Т. Д. Доценко, С. И. Бегалиев. Бишкек. 1995. – 380 с.; Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / Сост. А. Гарифулла. Алматы, 1998. – 328 с.

16. Балкария. Депортация: свидетельствуют очевидцы. Вып. 2 / Сост. М. А. Котлярова, В. Н. Котляров. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – 68 с.

17. Белая книга: из истории выселения чеченцев и ингушей. 1945–1957 гг. / Сост. Л. Яхьяев. Грозный; Алма-Ата, 1991. – 298 с.; Годиев П. О. Боль памяти. Элиста, 1999. – 263 с.; Мы – из высланных навечно. Элиста, 2003. – 248 с.; Человек непобедим. Воспоминания и литературные произведения / Сост. М. Х. Табаксоев. Нальчик: Эльбрус, 2014. – 600 с. (на балк. и рус. яз.).

18. Шевенова С. И., Гучинова Э. Б. Память в наследство (депортация калмыков в школьных сочинениях). СПб., 2005. – 108 с.

19. Хажкасымов Х. Невыдуманные рассказы. Нальчик: Эльбрус. 1986. – 103 с.; Джургаев М., Джургаев О. Крути ада. Грозный: Книга,

1989. – 64 с.; *Липкин С.* Декада. М.: Дружба народов, 1990. – 220 с.; *Байрамукова Ф. Х.* Книга скорби. Черкесск, 1994. – 179 с.; *Теплеев А.* Мост Сыйрат. Нальчик: Эльбрус, 1993. – 183 с.; *Балакаев А.* Тринадцать дней, тринадцать лет. Элиста, 1995. – 160 с.; *Ахматов И. Х., Гусев Ж. М., Эфендиев С. И.* Насилие. Нальчик: Эльбрус, 1997. – 320 с. (на балк. яз.); *Словесные памятники выселения: народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов (1943–1957) / Сост. Т. М. Хаджиева.* Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 382 с. (на балк. яз.); *Толгуров З.* Голубой типчак. Нальчик: Эльбрус, 1998. – 243 с.; *Теплеев А.* Тяжелый путь. Нальчик: Эльбрус, 2001. – 175 с.; *Бамбеев Т.* Дни, обращенные в ночь. Элиста, 2004. – 160 с.; *Абайхан М.* Великое избиение. Ставрополь, 2012. – 293 с.

20. Так это было. Национальные репрессии в СССР в 1919–1952 гг. / Сост. С. У. Алиева. В 3 т. М.: Инсан, 1993. Т. 1. – 337 с.; М., 1993. Т. 2. – 352 с.; М.: Инсан, 1993. Т. 3. – 352 с.

21. *Гакаев Х.* Годы суровых испытаний. Грозный, 1988. – 82 с.; *Боков Х.* Дорога печали и мужества. М.: Социум, 1992. – 28 с.; *Боташев Х.* Кровавая поляна. Нальчик, 1994. – 96 с.; *Дешериев Ю.* Жизнь во мгле и борьбе. М., 1995. – 120 с.; *Иванов М. П.* Годы ссылки. Элиста, 1997. – 82 с.; *Кульбаев М.* Не только о себе. Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 189 с.; *Дорджиев В. П.* Дело всей жизни. Элиста, 2000. – 170 с.; *Жангуланов И. Х.* Зепака (ссылка). Нальчик, 2004. – 80 с. (на балк. яз.); *Илюмжинов Н. В.* В таежном крае. Элиста, 2005. – 199 с.; *Локаев Г.* Спецпереселенцы. Грозный, 2006. – 210 с.; *Токумаев Ж.* Мой век. Нальчик: Эльбрус, 2006. – 480 с. (на балк. яз.).

22. Балкария: Депортация. Свидетельствуют очевидцы / Подготовка к печати М. и В. Котляровых. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. – 224 с.

Актуальные проблемы истории Карачая и Балкарии, историографии и источниковедения *

Настоящая конференция, предоставившая специалистам возможность проанализировать результаты исследования

* Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа // Сб. мат-в Всеросс. конф. Грозный, 2019. С. 331–338.

истории народов Северного Кавказа, глубоко осмыслить их с позиции современности, станет качественно новым этапом в изучении и интерпретации всего комплекса проблем национальных историй, поворотом к новым исследовательским приоритетам и концепциям.

Проблема этногенеза карачаево-балкарского народа является одной из сложных в науке. Полевыми исследованиями археологов накоплен богатый, часто уникальный материал от эпохи мезолита до позднего средневековья включительно, позволивший сделать ряд важных исторических выводов. Так, обоснована мысль об автохтонных истоках карачаево-балкарской этнической общности, выявлены тюрко- и ираноязычные этнокультурные компоненты, которые могут служить важным источником для изучения этнической истории народа. Без знания дотюркской и собственно тюркской истории невозможно создать этническую историю ни одного из современного тюркоязычного народа Северного Кавказа. Обращение археологов к проблемным вопросам этнической истории карачаево-балкарцев в золотоордынскую эпоху можно считать несомненным достижением последних лет. Сравнительно новым направлением разработки проблематики является исследование генофонда карачаево-балкарцев на основе анализа ДНК-локусов. При этом изучение древних и средневековых этапов этнической истории не должно осуществляться в отрыве от этносоциальных процессов новой и новейшей эпох.

Для современного состояния историографии характерно стремление историков избежать рассмотрение ордынского периода с позиции европоцентризма. При всей пагубности татаро-монгольского завоевания, вхождение Северного Кавказа в состав Золотой Орды имело и определенные положительные моменты. Мощь централизованного и сильного золотоордынского государства, развитая система управления, общеизвестная веротерпимость – все это способствовало политической и экономической стабильности в регионе, подъему производительных сил, развитию торговли и ремесел. События, связанные с нашествием татаро-монголов, а затем и крушением Орды под ударами полчищ Тимура,

ознаменовали собой переломный этап местной истории, предопределивший существенные изменения в этнической географии Северного Кавказа и в соотношении здесь военно-политических сил в последующие столетия. С XV в. начинается история иного масштаба, история так называемых малых народов-потомков тех, кому довелось уцелеть после кошмара XIII–XIV вв. [1, с. 125].

При изучении историко-этнической проблематики актуально обращение к анализу формирования этнической идентичности и ее исторических предпосылках на разных этапах истории, проблемам этнической территории и этнодемографии.

Социально-экономические процессы в Карачае и Балкарии испытывали многостороннее воздействие географического и демографического факторов. Они определили устойчивость традиционного хозяйственно-культурного типа. Но мы не можем возлагать на них ответственность за своеобразие национальных, социальных и политических институтов. Эти институты имеют свои закономерности развития, в реализации которых среда участвует, но не определяет их сущность.

Существенное значение имеет выяснение сути «горского феодализма», на базе которого разрабатывались проблемы форм землевладения и землепользования, сословного строя, традиционных общественных и политических институтов, особенностей национальной духовной и религиозной культуры.

В серьезном научном анализе нуждаются проблемы социально-политической истории карачаевцев и балкарцев. Первостепенное значение имеет вопрос о специфике сословного строя, реконструкции функциональных параметров сословного деления, корпоративной организации и социально-психологических особенностей различных сословий, роли сословий в общественном управлении, взаимоотношений с окружающей социально-политической средой, российской властью и ее администрацией на Северном Кавказе. Об актуальности этой проблемы свидетельствуют имеющие место дискуссии по ряду вопросов. Эти споры следует перенести из области пререканий в область глубокого научного анализа.

Задача реконструкции социальной структуры общества особенно важна для последующего советского периода. Основные направления социальной истории советского общества – это образ жизни и социальный статус основных социальных слоев – от крестьянства до чиновничества, положение интеллигенции, эволюция приоритетов социальной политики, анализ маргинальных групп.

Ключевое значение имеет вопрос о формах гражданского управления. Речь идет о целенаправленном изучении истории органов непосредственной демократии (народные собрания, советы старейшин) и системы представительных органов (Тёре, институт княжеской власти, суды).

Центральной проблемой является поэтапное реконструкция взаимоотношений с Россией, интеграции Карачая и Балкарии в административно-политическую систему Российской империи и сопровождающих ее изменений политического характера, осуществления модернизирующих реформ в крае, административно-территориальных преобразований. Вместе с тем активное вмешательство власти во все традиционные сферы жизни горцев не могло остаться без последствий.

В течение длительного времени преобладающей проблематикой являлась история революции и гражданской войны. Советская историография отстаивала примат революции как наиболее прогрессивной формы преобразования общества. На современном этапе наблюдается изменение исследовательской парадигмы. Специалисты подчеркивают неэффективность революционного проекта как способа модернизации общества, пытаются дать всестороннюю и взвешенную оценку гражданской войне, более полно и объективно исследовать противоборствующие силы и роль отдельных личностей в период революции и гражданской войны.

В новых подходах нуждается также исследование таких традиционных для историографии проблем как альтернативы НЭПа; особенности индустриализации в традиционном аграрном обществе, коллективизация и раскулачивание крестьян. Примечательной тенденцией последних лет стало исследование драматических событий в жизни крестьянства. Раскулачивание и насильственная коллективизация

привели к обострению политического положения, вызвали сопротивление крестьянства, вылившиеся в антиколхозные и даже в антисоветские выступления.

При изучении крупных социальных катастроф актуально обращение к периоду Великой Отечественной войны. Современный взгляд на проблему, основанный на социокультурном анализе, направлен на выявление антигуманного характера глобального вооруженного противостояния. Тотальный характер войны вызывал изменения в структуре карачаево-балкарского общества. Резко усилились такие процессы, как использование труда женщин и подростков, возрастание количества неполных семей, вдов и сирот. Тысячи людей, выбитых из колеи привычной жизни, испытывали каждодневный стресс от столкновения с бездушной по своей сути фашистской машиной массового уничтожения [2, с. 220].

Принципиальное значение имеет освещение ранее табуированных тем. В советские времена по идеологическим соображениям под запретом находились история Кавказской войны и выселения горцев в Турцию, исследование «белого движения», проявления народной борьбы против насильственной коллективизации, массовых репрессий и статистики жертв. Одной из важных тем в современной исторической науке является проблема сталинских депортаций коренных народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Многие значимые в научном отношении аспекты депортации народов в Среднюю Азию и Казахстан нуждаются в конкретно-историческом изучении и историко-теоретическом понимании [3, с. 3]. Исследование ряда аспектов истории высланных народов открывает ее достоверные страницы, обнародованию которых ранее препятствовала идеология советского тоталитаризма [4]. Возможность публикации исторических трудов и документов сыграла важную роль в формировании современной темы депортации.

Накопленный фактический материал предстоит не только обобщить, но и оценить с использованием современных критериев и подходов. При изучении пройденного карачаевским и балкарским народами исторического этапа с 1940-х гг. до начала XXI в. встает сложная и многогранная

задача рассмотрения вопросов депортации, жизни в ссылке, реабилитации и национально-культурного развития народов, современного их состояния. Важно не только раскрыть трагическое прошлое и конструировать образ «наказанных народов», а с научных позиций показать, что негативные явления в истории сочетались с политикой поддержки и национального развития репрессированных народов в последепортационный период [5, с. 3, 4].

В последние годы зарубежные ученые также уделяют особое внимание феномену «этнических чисток», что позволяет выявить то общее и особенное, что определяет принцип формирования системы мер по «наказанию» народов в СССР и за рубежом. Однако комплексной государственной научно-исследовательской программы изучения массовых репрессий в СССР, реабилитации жертв этих репрессий до сих пор нет. Более того, наблюдается тенденция закрытия этой темы якобы из-за того, что процесс реабилитации завершен и проблема исчерпана. Это ложная и опасная установка.

Насильственное выселение народов Северного Кавказа в 1940-е гг. положило начало диаспоризации депортированных народов и стало своеобразным рывком в модернизационном развитии, который был осуществлен чеченцами, ингушами, балкарцами и карачаевцами в 1960-е гг. Модернизационный процесс в СССР в 1960-е гг. проходил по линии образование – индустриализация и переход к нему депортированных народов был подготовлен как развитием системы образования после восстановления их государственности, индустриальным развитием государственно-территориальных образований КБАССР, КЧАО, ЧИАССР, так и импульсам социокультурного характера, накопленным в депортационный период [6].

Важное значение имеет сопоставление и критический анализ советской модели решения национального вопроса и современных (постсоветских) концепций национальной идентичности, связанных с ними политических трактовок национального суверенитета, а также объективных условий, влияющих на современные этнополитические процессы. Приоритетным предметом исследования должны стать спец-

ифика современного периода этнополитического развития, состоящая в том, что национальное самоопределение, ранее осуществлявшееся в рамках советской автономии, теперь ассоциируется с государственным статусом самоопределяющегося в рамках Российской Федерации этноса; идейные мотивы этнополитической мобилизации карачаевцев и балкарцев; воздействие на ход этнополитических процессов комплекса межэтнических противоречий, зародившихся в годы советской власти, постепенно накапливавшихся и проявившихся в 90-е гг. XX в. и в начале XXI в.; роль общественно-политических организаций в процессах внутриэтнической консолидации в условиях обострения межэтнических отношений.

Современный уровень научного исторического знания о карачаевцах и балкарцах – это результат коллективного труда многих историков, заложивших предпосылки для успешной разработки конкретно-исторических проблем и их осмысления на уровне историографического анализа. С конца 1950-х гг. отчетливо определился научный интерес к источникам по истории дореволюционного и советского периодов Карачая и Балкарии, осуществлен ряд изданий документального характера. Ситуация такова, что необходимо продолжить поиск новых, неизвестных ранее источников, особенно по дореволюционному периоду. Центр тяжести следует перенести на источниковедение, провести полноценное исследование источников.

70–80-е гг. прошлого столетия ознаменовались подготовкой исследований, содержащих глубокий анализ общественно-политических и теоретических взглядов отечественных кавказоведов по вопросам социально-экономического и культурного развития Балкарии и Карачая как самостоятельного направления в исторической науке. В последующее время заметно снизилось внимание ученых к истории исторической науки, образовался историографический вакуум, приведший к критической ситуации. Историки еще не располагают целостной характеристикой отечественной историографии Карачая и Балкарии, сложившейся в систему определенных направлений и концепций. Вопросы методологии, концеп-

туальных подходов остаются одним из самых узких мест современного состояния историографии по истории Карачая и Балкарии. Большинство коллег вспоминают о методологии научных подходов и содержательной стороне исследований только тогда, когда нужно написать соответствующий раздел в кандидатской или докторской диссертации.

Одной из потребностей исторической мысли на современном этапе является освоение наследия дореволюционных русских и европейских авторов и путешественников. Их усилиями опубликована значительная литература и накоплен богатый материал по некоторым узловым проблемам истории карачаевцев и балкарцев. В ряде случаев они сумели выдвинуть положения, которые до сих пор стоят в центре внимания специалистов.

Рассмотрение основных научных положений, теоретических взглядов и идеологических конструкций советских исследователей требует внимательного и взвешенного подхода. Переосмысление советского опыта исторической науки, целиком базировавшегося на марксистской парадигме, должно сопровождаться не только критикой, а еще выявлением в нем собственно научного компонента путем его очистки от идеологических наслоений. Однако критический подход должен применяться ко всем авторам, пытающимся дать мифологизированную или идеологизированную картину прошлого [7, с. 5].

Восстановление подлинной истории исторической науки есть не только дань уважения к предшественникам, но и инструмент познания задач карачаево-балкароведения на современном этапе. Динамика историографических исследований должна проявиться в обновлении теоретико-методологического багажа науки, эволюции научной проблематики, расширения источниковой базы, совершенствования методов познания. Сегодня требуется уметь понять природу источника и объективно оценить его информационные возможности.

Несомненно, особое значение для младописьменных народов имеет устная история. Возможность использования исторической информации, содержащейся в устных преданиях, в фольклорных произведениях, безусловно, существует,

хотя и требует сугубо критического к себе отношения со стороны исследователей.

Нет сомнения, что импульсы и ориентиры, заданные кавказоведению конференцией, получают закрепление и развитие в последующей исследовательской и публикаторской активности историков, во многом будут способствовать подготовке аналитической и непротиворечивой истории Северного Кавказа.

Литературы

1. Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX в. М., 2006. – 240 с.
2. Сабанчиев Х.-М. А., Хочуева Ф. С. Германская оккупация территории Кабардино-Балкарии и ее освобождение (к 70-летию Победы) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 2 (64). С. 215–222.
3. Исакиева З. С. Трудовой вклад депортированных чеченцев и ингушей в добывающую промышленность Центрального Казахстана в 40–50-е гг. XX в.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владикавказ, 2016. – 31 с.
4. Исакиева З. С. <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-sotsializatsii-chechentsev-i-ingushey-v-mestah-spetsposeleniya-v-1940-1950-gg> [дата обращения 05.10.2019].
5. Сабанчиев Х.-М. А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в): автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. – 55 с.
6. Аккиева С. И., Сампиев И. М. Депортации народов Северного Кавказа в 1940-е годы как фактор диаспоризации и модернизации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=1581> (дата обращения: 01.10.2019).
7. Гаджиев М. С., Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История в зеркале паранауки: Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006. – 299 с.

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

Историк-просветитель М. К. Абаев *

В плеяде балкарских просветителей конца XIX – начала XX в. особо выделяется личность М. К. Абаева – видного общественного деятеля Северного Кавказа, историка и просветителя.

Мисост Кучукович Абаев родился 5 апреля 1857 г. в селении Шканти (Верхняя Балкария) в аристократической семье. Детские годы Мисоста прошли в родном ауле. Здесь он изучил арабскую грамоту в примечетском медресе. В 1865 г. его определили в Нальчикскую окружную школу, где обучались дети из привилегированных сословий. Мисост успешно учится, особенно ему удаются русский язык, математика и естественные науки. Благодаря своему усердию и любознательности он превзошел других учеников. Окончившие школу могли продолжить образование в училищах и гимназиях или же исполнять обязанности переводчиков и мелких чиновников в административных органах Нальчикского округа и в аулах.

Осенью 1870 г. Мисост Абаев поступает в первую Владикавказскую гимназию, вскоре преобразованную в реальное училище. В гимназии большое внимание уделяли всестороннему развитию своих подопечных. Особое значение придавалось обучению языкам, истории, математике. Программа также предполагала овладение навыками отдельных видов

* Биттирова Т. Ш., Сабанчиев Х.-М. А. Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. Нальчик, 2017. С. 5–27.

служебной деятельности. Мисост в совершенстве усвоил русский язык, знал немецкий и французский языки. Все пять лет обучения в гимназии Мисост Абаев был в числе сильных учеников. При переводе в следующий класс он по всем предметам аттестовался на «4» и «5»¹.

Годы учебы во Владикавказской гимназии (1870–1875 гг.) во многом определили дальнейшую судьбу Мисоста Абаева. С середины XIX в. Владикавказ становится административным центром Терской области. В городе начала развиваться промышленность – открываются заводы, фабрики, шахты, рудники. Со второй половины XIX в. расширяется сеть культурно-просветительских учреждений и обществ: появляются библиотеки, школы, театр, музеи, училища, гимназия, благотворительные общества. В Осетии зарождается светская интеллигенция, происходит модернизация традиционного общества, демократизация общественной жизни.

Обучаясь в четвертом классе гимназии, Мисост знакомится с народовольцами и становится активным членом созданного в 1874 г. «Владикавказского кружка революционных народников». Ядро кружка составляли возвратившаяся из России революционная молодежь – А. Ардасенов (руководитель), братья Индрис и Ибрагим Шанаевы и др. А. Ардасенов был участником московского кружка «чайковцев». Индрис Шанаев принимал участие в деятельности петербургского народнического кружка «нечаевцев», за что был подвергнут аресту и два года отсидел в Петропавловской крепости. Народовольцы впервые заявили о себе открыв подпольную библиотеку во Владикавказе с целью пропаганды нелегальной литературы. Члены кружка пытались организовать и подпольную типографию.

Возникновение народнического кружка во Владикавказе явилось результатом влияния на местную молодежь идей революционного народничества центра России. Участники кружка расклеивали по городу прокламации, в которых провозглашались такие лозунги и призывы, как: «Свобода и воля. Равенство и братство. Долой царя... Смерть мироедам!»².

В 1875 г. кружковцы приступают к практическим делам. Они ведут активную пропагандистскую работу среди рабо-

чих Владикавказа, учащейся молодежи, стараются вовлекать в свои ряды крестьянство, налаживают связь с тифлисским и кутаисским подпольем. Мисост был одним из самых активных членов подпольного кружка народников. Он и его товарищи оказали вооруженную поддержку участникам крестьянского восстания в Сванетии в 1875 г., освобождали политических заключенных, этапиремых по железной дороге из Владикавказа в Петербург³. В 1876 г. М. Абаев был арестован за революционную пропаганду в Тифлисской и Кутаисской губерниях, но за недостатком улик был освобожден⁴.

Правительство готовило показательные политические процессы над участниками революционного движения. Исследователи полагают, что причастность к народническому кружку, преследования его членов вынудили М. Абаева уехать из Владикавказа, не закончив образования.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. застаёт М. Абаева в слободе Нальчик. Двадцатилетним юношей он добровольцем отправляется на фронт, где принимает участие в боевых действиях. М. Абаев показал себя храбрецом и скоро получил первый офицерский чин. Он был награжден знаком отличия «Военный орден 4-й степени» и серебряной медалью «В память войны 1877–1878 гг.»⁵.

Этот период жизни М. Абаева сыграл большую роль в его духовном развитии. Споры в училище на научные и общественные темы во многом способствовали развитию его интеллекта. А вся политическая атмосфера, окружавшая Абаева – гимназиста и воина, не могла не пробуждать в нем серьезных размышлений над острыми вопросами современности и повлиять на формирование его социального облика.

С завершением русско-турецкой кампании он возвращается в родной край. В 1881 г. в Нальчике было образовано «Благотворительное общество». На пожертвование членов общества содержалась женская бесплатная школа в Нальчике, оказывалась денежная помощь студентам и неимущим. Мисост Абаев был активным членом общества со дня его организации.

В том же году М. Абаев был избран старшиной Балкарского общества и с этого времени начинается его ад-

министративно-организационная деятельность. Это было и началом его непосредственного знакомства с тяжелой, бесправной жизнью крестьян, их думами и чаяниями. Будучи старшиной Балкарского общества, Мисост принял участие в подготовке строительства колесной дороги из Черекского ущелья на плоскость. В последующем на М. Абаева ложатся более ответственные обязанности и должности в административных и судебных органах Нальчика, Владикавказа, Кубанской области.

В 1882 г. он женится на Гошях Джанхотовой. Семейная жизнь Мисоста сложилась счастливо. Гошях была его верной помощницей во всех делах, преданной женой и матерью. Она получила прекрасное домашнее воспитание и образование, знала арабскую грамоту, выучила и русскую⁶. В родовом имении Мисост прожил до 1885 г. В июне этого года его назначают переводчиком в Нальчикское окружное полицейское управление. Помимо ведения дел в суде, Мисосту приходилось вникать во множество конкретных жизненных обстоятельств, приводящих горцев в органы правосудия. Это были тяжбы о земельных участках, их границах, спорных покосах и пастбищах. В архивах сохранились документы, где М. Абаев отстаивает интересы вдов и сирот, пытается защитить от несправедливого суда крестьян. В споре по делу «О порубке жителями Балкарского общества леса, принадлежащего подпоручику Хамурзе Шаханову», М. Абаев становится на сторону крестьян и защищает их интересы, заявляя, что самовольный захват и порубка леса происходят в виду тяжелого экономического положения крестьян, вследствие завладения отдельными таубиями лесными угодьями Балкарии⁷.

В 1887 г. Мисост получил предложение занять должность переводчика во Владикавказском окружном суде. Через четыре года работы в суде его назначают командиром сотни Терской постоянной милиции. В ноябре 1892 г. он становится начальником участка Екатеринодарского отдела Кубанской области, а спустя некоторое время получил должность начальника Хумаринского участка Баталпашинского отдела той же области. На этой должности М. Абаев находился четыре

года. Он обнаружил значительную деловитость и большую энергию, привел в порядок запущенные дела своих предшественников. Честность, справедливость, забота об общем благе – вот черты Абаева – администратора.

По роду службы М. Абаеву пришлось много ездить по Северному Кавказу, наблюдать экономическую и политическую жизнь. Мисост был другом выдающегося азербайджанского просветителя Гасан-Бека Зардобе, хорошо знал общественного деятеля Кабарды Лукмана Кодзокова, поддерживал дружеские и родственные отношения с Басиятом Шахановым, Сафар-Али и Наурузом Урусбиевыми, Султан-Бекон и Ханифой Абаевыми, карачаевским просветителем Исламом Крымшамхаловым. Он знакомится с доктором Долинским и художником Алехиным, ставшими потом одними из ближайших его друзей.

Мисост Абаев стремился жить и работать среди своего народа, приносить ему конкретную пользу. В 1896 г. он добивается перевода на работу в Нальчикский округ, где в следующем году был назначен начальником 1-го участка округа, а вскоре был переведен во 2-й участок, куда входили Балкарское, Хуламо-Безенгиевское, Чегемское, Урусбиевское общества и селение Кёнделен. В них насчитывалось более двух тыс. дворов с населением 19 тыс. чел. Мисост очень любил общаться с народом. Особенно нравились ему беседы со стариками, в ходе которых он собирал материалы по истории и фольклору. В эти годы М. Абаев написал лучшие свои произведения. Темы для статей и очерков он черпал из повседневной жизни, из легенд и преданий родного народа.

М. Абаев был в числе основателей «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», которое внесло некоторый вклад в развитие образования в Кабарде и Балкарии.

С 1906 г. до февральской революции 1917 г. М. Абаев работает вначале помощником, а затем начальником 1-го участка Баталпашинского отдела Кубанской области. В этот участок входили карачаевские аулы с центром в Баталпашинске (ныне гор. Черкесск). По своему статусу его должность приравнивалась должности помощника атама-

на Батаалпапинского отдела Кубанского казачьего войска, являлась как бы промежуточным звеном между военным и гражданским ведомствами. Деятельность М. Абаева на посту начальника участка была многогранна. В пределах своих полномочий и возможностей он содействовал открытию школ, старался защищать интересы крестьян в их тяжбах с кулаками, а также с государственными учреждениями – департаментом государственных имуществ и полицейским управлением.

М. Абаева увлекали быт и материальная культура родственных балкарцам карачаевцев. Ему принадлежала ценная коллекция по этнографии Карачая, которую он в 1908 г. передал Кавказскому музею в Тифлисе⁸. В коллекцию входило более 40 экспонатов одежды, домашней утвари и сельскохозяйственных орудий.

После февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. М. Абаев переезжает в Нальчик. В мае он был избран в состав «Временного комитета горцев Кавказа Нальчикского округа». Однако он не принимал активного участия в революционных событиях. По крайней мере, его имя впоследствии почти не встречается в документах той поры. Единственный источник, сколько-либо проясняющий позицию М. Абаева в этот период – это скупые строки романа Л. Аргутинской «Огненный путь» (М., 1936). Один из главных героев романа – сын М. Абаева, доктор Исмаил, участник революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии, известный тем, что в период деникинской оккупации спас жизнь многим большевикам. При советской власти его назначают зав. здравотделом, избирают членом облисполкома Кабардино-Балкарии. Ценность романа в том, что он написан в жанре документальной хроники и многие факты, события, исторические личности описаны достоверно.

В романе писательница, рисуя обстановку тревожных дней конца 1918 г. в Нальчике, особое внимание уделила описанию жизни хозяев дома, приютивших небольшую группу большевиков – друзей Исмаила. Это была семья Мисоста Абаева. О М. Абаеве Л. Аргутинская писала: «...отец с большой красивой, посеребренной головой внимательно

слушал нас и беспрестанно задавал вопросы»⁹. По всей вероятности, Мисост хотел разобраться в бурных событиях революции и гражданской войны. К этому времени он по состоянию здоровья отошел от активной общественной и творческой деятельности.

Новая власть оказалась жестокой по отношению к его семье, близким родственникам, друзьям и единомышленникам. Некоторые из них были расстреляны, другие эмигрировали за границу, большинство же было подвергнуто административной высылке за пределы Кабардино-Балкарии. Когда началось преследование представителей высших сословий области, Мисост в 1927 г. переехал в Дагестанский город Буйнакск, где и умер в следующем году.

Мисоста Абаева можно отнести к плеяде первых публицистов, чья творческая биография была неразрывно связана с общественной деятельностью. Как уже сказано, по роду службы М. Абаев много ездил по Северному Кавказу. В свободное от работы время он интересовался историей, этнографией и культурой народов региона. Свою научную деятельность он начал с историко-этнографического описания бжедугов и шапсугов. Статья «Черкесы Екатеринодарского отдела Кубанской области» полезна и для современного исследователя.

Мисост с увлечением собирал предания и легенды, углубленно изучал специальную литературу и официальные материалы о балкарцах. В первых публикациях М. Абаев констатирует различные факты из аульной жизни. Он рассказывает о тех явлениях, которые представляли бы определенный интерес для любознательного читателя. Это и сообщение о находке исторического памятника в Хуламе («Интересный документ»), об этнографических реалиях Балкарии («Калым и его последствия», «Наши миротворцы»). По мере более глубокого проникновения в проблемы горской действительности в публицистике М. Абаева на первый

план выступают уже не ее «интересные» детали, а вопросы истории и социально-политического устройства общества.

В 1898 г. газета «Каспий» начинает публикацию его материалов «Горцы Нальчикского округа Терской области», посвященных балкарцам. Обширная статья состояла из десяти глав и ее публикация растянулась до 1900 г. В 1905 г. М. Абаев печатает в той же газете статьи «Наделы осетин» и «Горские аграрные вопросы», которые явились продолжением его исторических исследований и были посвящены аграрному строю Балкарии.

Научные интересы М. Абаева охватывали значительный круг проблем: происхождение, социально-экономическое и политическое развитие Балкарии, управление, судостроительство и судопроизводство в балкарских обществах, переселение горцев в Турцию и т. д. Весь основной материал и выводы названных работ с незначительными изменениями составили главный труд М. Абаева – исторический очерк «Балкария», увидевший свет в 1911 г. в издававшемся в Париже журнале «Мусульманин».

Особенность очерка и его значимость заключаются в том, что в нем сомкнулась в одно целое балкарская история с древнейших времен до начала XX в. В авторе очерка «Балкария» балкарская история обрела своего национального историка, а новизна исследуемых проблем выдвинула этот труд на передний план дворянско-буржуазной историографии. Историческая концепция М. Абаева была направлена против представителей официально-охранительного кавказоведения, отвергавших единство исторического развития отдельных народов, и против либерально-буржуазных схем, в которых стиралось своеобразие национальной истории народов.

Мисосту принадлежит заслуга широкой постановки вопроса о международном положении Балкарии. Как интернационалист М. Абаев нигде не ставит под сомнение целесообразность дружбы, экономического и политического сотрудничества балкарцев с соседними народами. М. Абаев положительно оценивает историческое значение присоединения Балкарии к России в 1827 г., прежде всего с просветительских позиций¹⁰.

Между тем, этот акт явился поворотным пунктом в истории балкарского народа. Жизнь в семье народов России, общение с русскими народом, его культурой и демократическими традициями имели для балкарского народа исключительно важное прогрессивное, благотворное значение, не говоря о других, более ярких и политически более значимых событиях позднейшего времени.

Значительное место в научном наследии М. Абаева занимают вопросы этнографии. В течение XIX в. северокавказская публицистика накопила большой художественный опыт и выработала определенные эстетические критерии этнографического очерка. Важнейшим архетипом в структуре данного жанра было стремление авторов выявить этнические черты своего народа в сравнении с соседними, определить характер их взаимоотношений. Статьи и очерки М. Абаева, собранный им этнографический, фольклорный материал способствовали ознакомлению широкой общественности с историей, культурой и бытом народов Северного Кавказа.

Взгляды М. Абаева на межнациональные отношения подчинены просветительским идеям. Пропагандируя необходимость культурного общения с Россией, он отмечает, что, учась у развитых в экономическом и культурном отношении наций, северокавказские народы встанут на путь подъема. М. Абаев разоблачал безнравственность и косность в обычаях и традициях, заклеил многовековое угнетение женщин.

Главная же тема публикаций М. Абаева – вопросы просвещения. Он постоянно пишет о необходимости открытия начальных школ в аулах, сельскохозяйственных школ и училищ. Почти во всех публикациях М. Абаева в той или иной мере затрагивается тема школьного образования. Он ратует за равные права мужчин и женщин в получении образования, выступает за распространение среди народных масс светских знаний. Не ограничиваясь призывами М. Абаев стремился практически внести лепту в просвещение народа. Занимая ответственные посты в администрации Терской и Кубанской областей, он оказал большое содействие открытию школ и училищ в аулах Карачая, Балкарии, Черкесии, Адыгеи.

Будучи общественным деятелем, М. Абаев близко стоял к экономическим проблемам северокавказского региона. Он призывает освоить природные богатства Кавказа, выступает за внедрение достижений науки в промышленность и капиталистическое развитие, считая их одним из главных условий повышения благосостояния местного населения. Тем самым М. Абаев поднялся до понимания роли экономики в общественной жизни. Признание значения экономических факторов в историческом процессе само по себе было явлением прогрессивным ¹¹.

М. Абаев, как и другие просветители конца XIX – начала XX в. улучшение материального положения горцев, поднятие их общей культуры представлял через распространение среди них светского образования, открытие школ и училищ, с приобщением горцев к русской грамоте. По его мнению, горских мальчиков, получивших начальное образование, необходимо было обучать техническим профессиям, а в дальнейшем стремиться к увеличению студентов-медиков, юристов, учителей, столь необходимых для решения жизненно важных проблем горских народов Северного Кавказа.

М. Абаев понимал важность объективного освещения в печати различных проблем горской жизни. Призывая горскую интеллигенцию к активной публицистической деятельности, он писал: «Как горец, и уже немолодой, я позволю себе обратиться к своим землякам-учителям и другим грамотным людям с предложением поработать на пользу своих единоверцев и родичей. Ведь, господа, помимо любви и патриотизма, вас должно побудить к этому и чувство долга» ¹².

Из воспоминаний потомков М. Абаева известно, что он был мастером сочинять экспромтом стихи, сказки, рассказы. До нас дошли только те его произведения, которые были напечатаны на страницах кавказской периодической печати, остальное, возможно, утеряно безвозвратно. К произведениям, имеющим определенную художественную ценность можно отнести его эссе «У могилы Ислама», – некролог на смерть Ислама Крымшамхалова, – и «Горскую легенду».

Художественную прозу М. Абаева отличают лаконичность и точность, отказ от многословия, второстепенных

деталей и цветистости речи. Возможно, это обстоятельство было обусловлено его практикой публициста, требующей краткости и конкретики. Богатый и красочный язык, стремление к анализу и обобщению характеризуют как его статьи, так и различные заявления, служебные записки. Склонность М. Абаева к художественному обобщению проявляется даже в административных документах, им составленных.

Мисост Кучукович Абаев – яркая и богато одаренная личность, посвятившая свой талант делу просвещения народа, служению науке. Его справедливо называют родоначальником балкарской историографии. Имя М. К. Абаева навсегда связано с историей культуры и общественной мысли Северного Кавказа.

Литература

1. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. / Сост. Т. Ш. Биттирова. Нальчик, 1993. С. 145.
2. Скитский Б. В. Из истории революционного движения 70-х годов в Осетии // Известия Горского пед. ин-та. Владикавказ, 1929. Т. V. С. 255.
3. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. С. 325.
4. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 1.
5. Сабанчиев Х.-М. Историк-просветитель М. К. Абаев // Кабардино-Балкарская правда. 1982. 1 июля.
6. Карачаево-балкарские деятели... С. 150.
7. Там же.
8. Сатунин К. А. Деятельность этнографического отделения Кавказского музея // Кавказ. 1908. № 96.
9. Аргутинская Л. Огненный путь. М., 1936. С. 234.
10. Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Общественно-политические взгляды. Нальчик, 1980. С. 34.
11. Сабанчиев Х.-М. Первый балкарский историк // Минги Тау. 1993. № 1. С. 170 (на балк. яз.).
12. Карачаево-балкарские деятели... С. 169.

Х. И. Хутуев видный государственный деятель Кабардино-Балкарии и крупный организатор науки

(к 100-летию со дня рождения) *

Ханафи Исаковича Хутуева судьба щедро одарила мужской красотой, отзывчивым сердцем, талантом политика и ученого. Он прожил довольно сложную, но в целом прекрасную, насыщенную и успешную жизнь.

Х. И. Хутуев родился 20 апреля 1918 г. в сел. Кёндеден Кабардино-Балкарской Республики. Окончив в родном селе семь классов и педрабфак в Нальчике, он поступил в Кабардино-Балкарский пединститут. По существующей тогда практике в 1939 г. был призван в органы НКВД, окончил Ростовскую межкраевую школу НКВД СССР, а в 1953 г. – исторический факультет Киргизского пединститута. В Нальчике несколько лет проработал в органах правопорядка и безопасности. За выполнение важного задания в 1943 г. награжден медалью «За отвагу», позже – орденом Отечественной войны II степени. В 1944 г. вместе со своим народом был депортирован в Киргизию. Будучи спецпереселенцем, Х. И. Хутуева назначили директором типографии Министерства сельского хозяйства Киргизской ССР [1]. О том периоде жизни Х. И. Хутуева близко знавший его член-корреспондент АН СССР К. Каракеев писал: «В 1946–1957 гг., работая в органах печати и полиграфии Киргизской ССР, Х. И. Хутуев своей журналистской деятельностью внес определенный вклад в укрепление дружбы между народами Северного Кавказа и Средней Азии» [2].

С восстановлением государственности балкарского народа в 1957 г. Х. И. Хутуев вернулся в гор. Нальчик, активно включился в решение нелегких вопросов, связанных с возвращением народа на родину и его обустройством. Благодаря организаторским способностям был выдвинут на руководящие должности. Работал зампрокурора республики, затем

в административных и торгово-финансовых органах обкома партии. В июле 1958 г. Х. И. Хутуева избирают секретарем обкома и членом бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС, в 1961 г. он становится заместителем Председателя Совета Министров республики. На работе в идеологической и социальной сферах в полной мере раскрылись его острый политический ум и талант государственного деятеля, неординарность мышления, деловая хватка, железная воля, бескомпромиссность в принципиальных вопросах. Его близко знали и любили в народе, шли к нему как к депутату Верховного Совета республики. Сам он был частым гостем в трудовых коллективах предприятий, колхозов и совхозов. Его авторитет в глазах общественности поднялся до высшего уровня. Впрочем, он был довольно высок и до того, еще в Киргизии. По воспоминаниям народного писателя Кабардино-Балкарии А. Теппеева «в самые тяжкие годы, когда балкарцы находились вдали от родных мест, имена Ханафи Хутуева, Кайсына Кулиева, Жанакъайта Залиханова – единственные, которые появлялись в те годы в печати, – олицетворяли имя народа, вселяли надежду в торжество справедливости» [3, с. 13].

Блестящий оратор, прошедший большую жизненную школу, Х. И. Хутуев постоянно выступал перед населением, с удовольствием общался с молодежью. Ее талантливую часть он просто обожал. У истоков профессиональной карьеры многих известных ныне в республике деятелей науки, культуры и здравоохранения стоял именно Х. И. Хутуев, чье участие в своей судьбе они всегда отмечают добрым словом.

Рослый, стройный, крепко сложенный, он выглядел внушительно, а в чертах его лица нетрудно было угадать нотки властной и волевой натуры. В те годы формирование планов строительства и вопросы финансирования многих объектов социально-культурного назначения решались в Госплане, различных министерствах и ведомствах РСФСР в Москве. Умением предельно ясно излагать свои мысли, убедительностью доводов и аргументов Х. И. Хутуев мог склонить на свою сторону любого столичного начальника. Он был вхож в кабинеты многих чиновников, занимавших высокие посты

* Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 1. С. 117–121.

во властных структурах. Все это делало его работу в составе руководства республики весомой и продуктивной [4, с. 108].

М. И. Докшонов, тогдашний Председатель Совета Министров республики, в своих воспоминаниях пишет: «Вопросы образования, науки и культуры в Совете Министров курировал заместитель председателя Х. И. Хутуев, уважаемый в правительстве за его квалификацию и организаторские способности. Он мог целеустремленно и напористо доводить до конца любое дело, за которое брался. К Ханафи Исхаковичу люди шли охотно, зная, что он умеет войти в положение и конкретно решать вопросы. В одной из бесед со мной В. И. Бесарабов, наш куратор в ЦК КПСС, как-то назвал Х. И. Хутуева «зубром», признавая масштаб его личности» [5, с. 62].

Х. И. Хутуев любил республику и ее столицу, хотел видеть их красивыми и цветущими. Весь свой опыт и знания он направлял на решение крупных социальных проектов преобразования общественно-политического климата в республике. При его прямом участии были построены целые больничные комплексы в Нальчике, значительно расширилась социальная инфраструктура в районах республики, попали в планы строительства туристические комплексы в Приэльбрусье, здание главпочтамта, прокладка троллейбусной линии в Нальчике и другие объекты соцкультбыта. Крупных успехов достигли театральные коллективы, пополнившиеся новыми талантами, прошедшими школу в столичных учебных заведениях. В 1960–1970-х гг. по достижениям в области науки, культуры и спорта Кабардино-Балкария занимала ведущие позиции, а духовная жизнь людей изменилась в лучшую сторону.

Х. И. Хутуев уделял большое внимание вопросам высшей школы и науки, укрепления их кадрами, повышения уровня научных исследований и их роли в развитии экономики и культуры республики. Ни одно значимое мероприятие в университете и в научно-исследовательском институте в Нальчике не проходило без его активного участия. Он постоянно подчеркивал основную идею – образование через науку. Партийную и государственную деятельность он сочетал с научно-исследовательской работой. Его занимали чрезвычайно сложные, научно значимые темы: просветительское

движение, депортация народов в годы Великой Отечественной войны, история исторической науки, вопросы истории культуры Кабардино-Балкарии в новое и новейшее время. Большое внимание Х. И. Хутуев уделял этнологии, топонимике, фольклору народов Северного Кавказа.

Научную известность ему принесла защищенная в 1965 г. в Ростовском университете кандидатская диссертация «Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период», восторженно встреченная специалистами. Дело в том, что в результате административного вмешательства в развитие исторической науки тема депортации оказалась закрытой для исследования на долгие десятилетия. Публикации Х. И. Хутуева и его диссертационное исследование были по существу первым прикосновением к этой теме, в которых автором поставлены и смело решены некоторые вопросы этой острой и непростой проблемы, предложены методика и методология ее изучения [4, с. 109]. Воссоздание Х. И. Хутуевым закрытых страниц истории не прошло незамеченным и получило высокую оценку у историков, многие из которых использовали и до сих пор используют результаты его исследований в своих трудах. Видный военный историк, профессор Калифорнийского университета США А. Некрич в монографии «Наказанные народы» отмечает: «Из диссертации Х. И. Хутуева черпали материалы все, кто занимался этой проблемой, включая и автора настоящей работы. Х. И. Хутуева можно по праву назвать «первопроходцем» [6, с. 5].

С наступлением периода гласности рукопись диссертации Х. И. Хутуева была самой читаемой в Ленинской библиотеке, с ее результатами считались все исследователи проблемы депортации народов СССР в годы войны, а некоторые даже приезжали к Х. И. Хутуеву в Нальчик. Х. Х. Боков в своей книге «Дорога печали и мужества» пишет: «Многие материалы мною взяты из личного архива моего доброго приятеля, известного ученого и общественного деятеля Ханафи Хутуева» [7, с. 10].

Находясь на руководящих должностях, Х. И. Хутуев в течение многих лет не имел возможности полноценно заниматься исследовательской работой. С переходом директора

КБНИИ В. К. Глостанова на другую работу Х. И. Хутуев попросился на ставшую вакантной должность. Он возглавил Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики в 1973 г., будучи одной из наиболее колоритных и весьма заметных фигур в общественно-политической и научной жизни Кабардино-Балкарии. Х. И. Хутуев осознанно пришел в науку, пришел по собственной инициативе, покинув пост заместителя Председателя Совета Министров республики.

Как директор института свою задачу он видел в создании сильного и квалифицированного научного коллектива, в обеспечении необходимых условий для развертывания исследовательской работы, придании ей целенаправленного и планового характера, сосредоточении на решении важнейших вопросов истории, культуры и экономики республики. Он умел отстаивать интересы дела, его общественную пользу, что и продемонстрировал с первых дней, буквально на ходу перестраивая работу института и добиваясь повышения его роли и влияния в общественной жизни республики. Научная структура института была приведена в соответствие с задачами, стоящими перед ним. По условиям для научной работы и оснащенности институт стал лучшим на Северном Кавказе.

Не оставались без его внимания и социально-бытовые вопросы коллектива. На побережье Черного моря открыл базу отдыха, в здании института оборудовал спортивный зал с тренажерами и теннисным кортом, добился улучшения жилищных условий многим сотрудникам института. Он сумел повысить категорию института, что существенно повлияло на повышение окладов научных сотрудников.

Х. И. Хутуев всегда был в поиске и своим примером воодушевлял людей на работу. Он мог быть внимательным, учтивым и оказать каждодневную поддержку людям, занятым важной работой. Уважение к чужому мнению и научная принципиальность, природная тактичность, искреннее желание помочь в любом научном и бытовом вопросе, вместе с тем жесткий контроль, исключительно высокая требовательность позволили ему организовать и координировать работу крупного научного коллектива.

Одним из важнейших аспектов научно-организационной деятельности Х. И. Хутуева являлась его постоянная забота о подготовке высококвалифицированных специалистов. Он привлекал в науку талантливую молодежь, получившую образование в вузах Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, а также окончившую КБГУ. В период его директорства (1973–1988) институт пополнился поколением молодых специалистов высокой квалификации. Благодаря усилиям Ханафи Исаковича в их подготовке институту оказывали помощь головные научные учреждения АН СССР и ведущие вузы страны. В результате главной тенденцией в развитии института стали переход от небольших исследований, статей и сообщений к разработке крупных монографических тем, усиление внимания к наиболее актуальным проблемам истории, филологии и экономики республики [8, с. 112].

Рост числа ученых, совершенствование методов и форм их подготовки, творческий подход к мероприятиям научно-организационного характера, а также повышение теоретического уровня проводимых исследований, расширение тематики научных трудов и оперативная публикация их результатов обеспечили Кабардино-Балкарскому НИИ достойное место в отечественной науке. В 1976 г. КБНИИ первым среди аналогичных институтов страны был награжден орденом «Знак Почета». Благодаря организаторской работе Х. И. Хутуева институт за годы его руководства превратился в один из ведущих научных центров Северного Кавказа.

Коллеги Х. И. Хутуева признавали его неофициальным, но неоспоримым лидером в директорском корпусе научно-исследовательских институтов. Для этого нужно было нечто большее, чем просто блестящие организаторские способности. Характерными особенностями его натуры являлись высокая культура общения с людьми, неподдельный интерес к личности другого человека. Он был замечательным рассказчиком, великолепным тамадой, хорошо играл в бильярд, шахматы.

Научно-организационную работу Х. И. Хутуев умело сочетал с научно-исследовательской. Как историка, его отличала широкая эрудиция, глубокие знания предмета, свой-

ственная его аналитическому мышлению проницательность, высокая ответственность, позволяющие решать сложные проблемы науки и практики. В 1970-х гг. он сосредоточился на важнейших вопросах культурного строительства в Кабардино-Балкарии, активным участником которых во многом он был сам. Неудивительно поэтому, что тема получила глубокую и оригинальную трактовку в серии его монографий и статей. В 1984 г. Х. И. Хутуев в Институте истории АН СССР защитил в качестве докторской диссертации монографию «Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии». Масштабная по объему, но прежде всего по своей проблематике, монография имела значительный научный резонанс. Всего из-под пера Х. И. Хутуева вышло 6 книг и более 200 многоплановых исследовательских статей.

Долгие годы творческой и личной дружбы связывали его со многими выдающимися учеными: академиками РАН Ю. В. Бромлеем, А. Н. Кононовым, М. П. Кимом, А. Л. Нарочницким, Б. Б. Пиотровским, Ю. А. Поляковым, Б. А. Рыбаковым, Б. А. Серебrenниковым, Г. Г. Гамзатовым, член-корреспондентами Ю. А. Ждановым, Э. Р. Тенишевым, профессорами В. П. Шерстобитовым, В. К. Гардановым, Л. М. Дробижевой, В. А. Куманевым, А. И. Козловым, А. П. Пронштейном, В. П. Крикуновым, М. С. Тотоевым, Г. Ш. Каймаразовым, Л. А. Этенко и др. Все они высоко ценили Х. И. Хутуева за профессионализм, гибкий, острый ум, тонкий аристократизм. Кроме того, они признавали, что с Ханафи Исхаковичем было беспроblemно вести дела именно потому, что он был человеком слова и если уж что-то пообещал, то всегда исполнял и никогда не подводил. Непоколебимая верность данному слову, бережно-требовательное отношение к друзьям и поразительно трепетное к мужской дружбе являлись обязательной чертой Х. И. Хутуева. Это позволяло ему объединять усилия специалистов различных направлений, содействовать их вкладу в подготовку кадров и развитие науки Кабардино-Балкарии.

Х. И. Хутуев неоднократно избирался депутатом Верховного Совета КБАССР, членом обкома партии. Его научная и общественная деятельность получила высокую оценку, он был награжден орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд», почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и КБАССР. В 1985 г. за заслуги в развитии науки и культуры и плодотворную общественную деятельность ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарии», а в 1998 г. его избрали почетным академиком Международной тюркской академии.

Рекордные 15 лет руководил Х. И. Хутуев институтом и в год своего 70-летия, в 1988 г., вышел на пенсию. Будучи на заслуженном отдыхе, не оставлял общественно-политическую деятельность и научную работу. Печатал статьи, работал над воспоминаниями, участвовал в научных конференциях. Образ мышления Ханафи Исхаковича в последние годы его жизни можно было бы охарактеризовать как умный патриотизм, не позволяющий равнодушно смотреть на то, что происходило в постсоветской России.

В планах Х. И. Хутуева было издание монографии, куда вошли бы неопубликованные еще работы, доработанные публикации прежних лет, а также его собственные воспоминания. Но неожиданная и скоротечная болезнь не позволила ученому довести задуманное до конца. Он скончался в ноябре 1999 г. Планы Ханафи Исхаковича осуществили его дочери – Клара и Светлана Хутуевы – опубликовав монографию [9] и воспоминания своего отца [10]. Они содержат интереснейшие фактические сведения, являются по существу ценным историческим источником. Поразительно, сколько событий и имен вмещала его память.

Имя Х. И. Хутуева носит основанный им историко-этнографический музей балкарского народа в сел. Кенделен. В доме № 20 по ул. Ленина в Нальчике установлена мемориальная доска напоминающая, что здесь жил один из славных сыновей Кабардино-Балкарии. В памяти тех, кто его знал очно или заочно, Ханафи Исхакович Хутуев – навсегда образец творческой личности, соединявшей в себе потенциал мысли, слова и дела.

Литература

1. Хутуев Х. Автобиография // В кн.: Шел я вместе с людьми, разделяя их долю...: к 90-летию со дня рождения Ханафи Исаковича Хутуева / Сост. С. Алиева. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. С. 30, 31.
2. Газ. «Кабардино-Балкарская правда». 1998. 18 апр.
3. Теплеев А. О Ханафи, сыне Исаака из рода Хутуевых // В кн.: Шел я вместе с людьми... С. 7–18.
4. Сабанчиев Х.-М. А. Политик, ученый и человек (К 85-летию со дня рождения Х. И. Хутуева) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2007. № 3. С. 108–111.
5. Докшочков М. И. Главная привилегия – ответственность за других. Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 198 с.
6. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. – 170 с.
7. Боков Х. Х. Дорога печали и мужества. М.: Социум, 1992. – 28 с.
8. Кучмезова М. Он служил людям и науке: вспоминая Ханафи Хутуева // Литературная Кабардино-Балкария. 2015. № 5. С. 110–119.
9. Хутуев Х. И. Вопросы истории и культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2012. – 285 с.
10. Хутуев Х. И. О Балкарии, о себе и немного обо всем // В кн.: Шел я вместе с людьми... С. 54–95.

Каким мы знали Магомета Мокаева *

Так же, как появление в русской литературе такого феномена, как великий поэт А. С. Пушкин (В. Г. Белинский) объясняется потребностью и велением времени, так и появление яркой плеяды балкарских поэтов и писателей было продиктовано самой жизнью.

В годы депортации балкарская интеллигенция была поставлена вне творческой жизни. Национальная культу-

ра переживала острый кризис. После реабилитации и с началом возрождения балкарского народа национальная литература нуждалась в свежих талантах. Закономерным было появление молодого, решительного творческого поколения, способного дать объективную оценку этой политической ошибке и национальной трагедии; свежим, чистым поэтическим словом обозначить вектор новой жизни народа. В числе заметных личностей, взявшихся за решение этой социально важной задачи во главе с К. Кулиевым, был и Магомет Мокаев (1935–2007 гг.), народный поэт КБР и КЧР.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. широкая, шумная популярность творчества ряда балкарских поэтов оказала сильное влияние на умы молодежи. Многие выпускники школ республики наизусть декламировали их стихи. В то время даже неискушенному читателю была заметна яркость и лаконичность стихотворных строк будущего большого поэта Магомета Мокаева. Вскоре он стал центром внимания для молодых и начинающих способных поэтов – его творчество стало предметом обсуждения в студенческих литературных кружках, поэта приглашали на авторские встречи, обращались за профессиональными советами и консультациями. М. Мокаев часто рекомендовал газетам и журналам авторов и делал многое, чтобы сотрудничество состоялось. Читал предварительно стихи, правил их, советовал что-то дописать. В его редакции увидели свет многие произведения молодых поэтов. И не раз содействие Мокаева оказывало значительное влияние на благоприятное решение вопроса о судьбе того или иного издания. Магомет поддерживал людей по-настоящему талантливых, ярких. Следил за их творчеством и принимал близко к сердцу их удачу и неудачи.

Более близкое наше общение началось в КБИГИ, где авторы этих строк начали свою научную деятельность. В то время редакция журнала «Минги Тау» размещалась в нескольких кабинетах института. Наши встречи были дружескими и приятными. М. Мокаев был чрезвычайно интересной личностью, с ним всегда было легко и весело. Остроумие ему было дано, казалось, для того, чтобы он не унывал.

* Магомет Мокаев: «Биение сердца...» Нальчик, 2008. С. 136–140 (в соавт. с М. Улаковым).

*Друзьям пошутить наступает пора –
Я слушаю присказку эту:
«Когда не идет к Магомету гора,
Пойти бы к горе Магомету».*

*А я улыбаюсь – шути не шути,
Но не перешутишь мужчину:
Кто смело не может к горе подойти,
Тому не взойти на вершину.*

Нам он полушутя частенько приводил фразу, которая в вольном переводе звучит примерно так: «...Для того чтобы написать о народе песню, надо знать его прошлое и настоящее лучше, чем историк, а родным языком владеть лучше, чем лингвист». Кудесник и волшебник родного слова, Магомет действительно хорошо знал историю своего народа, его фольклор. Каждый, кто был с ним знаком, без колебаний признавал его весьма одаренным, мужественным человеком, истинным горцем. Мокаев сразу же заявил о себе как о поэте необычайной силы. Золотые нити традиций связывают поэзию Мокаева с народным творчеством, с писателями прошлого, в особенности с великим Кязимом. Он, конечно, учился у Кязима, но учился. продолжать его, а не пересказывать, он хотел быть самим собой. В одном из его стихотворений выражено его поэтическое кредо:

*Мне б не погрязть в словесной мишуре.
Поэтом стать – не просто стихотворцем!*

Мокаев был новатором в балкарском стихосложении и по праву гордился этим. Он внес новую, свежую и живительную струю в балкарскую поэзию. Непроста он сказал о себе:

*Я Магомет – и я иду к горе,
И та гора Поэзией зовется.*

Мокаев прошел через многие жизненные испытания и сохранил стойкость. Его отец погиб на фронте, мать ушла из

жизни в первые, самые тяжелые годы ссылки балкарского народа. Ему всегда не хватало тепла материнских рук, отцовской ласки. Магомет Мокаев – автор знаменитого цикла стихов о матери, о силе материнской любви:

*Каждый из нас в гуще дел и событий
Кладом любви материнской богат.
Люди, своих матерей берегите, –
Нам их сердца, точно звезды, горят.*

В стихах об отце находим характерные для Магомета слова:

*Не вернулся отец мой с жестокой войны –
Пал, сраженный у дальней твердыни...
Ну, а песни, что были им сочинены,
Здесь, в ауле, поют и поныне.*

*Завет отцовский главный сохраняя
Не подарю неправде ни словца.
Когда носят недруги меня,
Я тверд: я сын народного певца!*

Строки Льва Озерова «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами» как будто адресованы Мокаеву. Он пользовался вниманием и заботой заместителя председателя Совмина республики Ханафи Хутуева, писателей и поэтов Хабу Кадиева, Керима Отарова, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова. Им Магомет посвятил несколько статей и ряд проникновенных стихотворений. Он был верен, предан своим друзьям. Мокаев работал много и самоотверженно.

В своем обширном и многогранном творчестве отображал жизнь своего народа, его заветные думы и чаяния. Героизм М. Мокаева как поэта проявился в достаточно смелом выборе запретной литературной темы – трагедии депортации. Последствия этой трагической страницы в истории балкарского народа и его страдания были известны Магомету не понаслышке. Воспоминания периода трудного детства

и тягот юности, а затем растущее стремление к знаниям переполняли его душу. Все это впоследствии трансформировалось в яркие поэтические картины, иллюстрирующие эмоциональную сторону таланта поэта. В его стихах – горечь жизни на чужбине, тоска по родному очагу:

*Когда мы в изгнании жили,
И с горя слегла моя мать,
И негде достать было пищу,
И негде лекарств было взять,
И кров наш убог был и жалок,
Безрадостен, не утеплен, –
Тогда и утратил, должно быть,
Мой голос серебряный звон.*

Дарственная надпись на книге: Алина Чадаева, «К югу от северного сияния». Хабаровск, «Хабаровское книжное издательство», 1982. «В Ваших стихах слышались мне древние ритмы души Вашего народа. Благодарю судьбу за то, что она открыла перед Вами двери моего дома и на минуту скрестила дороги, славный и светлый Магомет. Алина Чадаева. 18.11.82. г.».

Любовь к потерянной земле – болезненно острое чувство. Без родины, родного очага человек – ничто. Балкарцы, пережившие депортацию, пронесли эту мысль через свою историю, культуру. Наиболее эмоционально это выражено в поэзии Мокаева. Самые нежные, сокровенные слова находил он, когда говорил о далекой родной земле. Они грезят о родной земле, как о руках матери, успокаивающих, врачующих:

*Мой Кавказ! Я, бывало, встречался с тобой лишь во сне,
И счастливым был сон, уносящий меня в край мой горный,
В край, где в сакле семья разжигала очаг животворный,
В край, где храбрый джигит проносился на верном коне.*

Мокаев – поэт с сильно выраженным чувством любви к родине. Его стихи о Балкарии – одни из самых пронзительных. Вот как писал Магомет о родине:

*Ты – исток, жизнь дающий и песням моим, и словам,
Ты – души и покой, и смятение, и верность святая.
Как в далеких краях тосковал по тебе, вспоминаю,
И устами, и песней к твоим припадаю столам.*

И еще:

*Мне родина дала так много сил!
И вновь встречаю я весны разлив.
Я сто сонетов в честь ее сложил,
Их кровью сердца своего вскормив.*

Мокаев – поэт, полный сердечного сочувствия народу. Прямо обращены к народу его стихи, в которых свою личную судьбу он ставит в зависимость от общей судьбы:

*Я, как тур, навстречу шел невзгодам,
Била жизнь едва не наповал,
Но в беде я был с родным народом,
И народ мне раны врачевал.*

Всей своей жизнью поэт проповедовал любовь к родной земле и к ее людям. Живо интересуясь историей Балкарии, он хотел предугадать, чем живет народ. Его многолетняя работа была обобщена в сонетах, посвященных всем пяти ущельям Балкарии. Магомет придавал сонетам большое значение. Появились новые стихи-сонеты о Карачае. На русский язык они переведены Л. Шерешевским уже после того, как поэта не стало. Их двадцать семь. Они преисполнены тревожной, пронзительной любви к земле Карачая и людям, ее населяющим. И это не случайно. Балкарцы и карачаевцы – единый народ, и Мокаев всегда чувствовал силу этого братства. И еще: его замечательная бабушка Кемилят Гызыева – тоже карачаевка. В его сонетах нежная любовь к бабушке и любовь к Карачаю сплелись в единое целое.

Оставляют глубокое впечатление любовные стихотворения Мокаева, по-настоящему страстные и искренние, в то же время изысканно-сдержанные. Это стихи о красоте женщины:

Как гордый лебедь по волне,
Как лань по каменистым склонам,
Ты плавно подошла ко мне,
Ты в платье праздничном, зеленом.

Самой большой радостью и гордостью Магомета были его дети – Ачемез, Зулейха и Азнаур. Эти героические и поэтические имена давали детям его близкие (следуя национальным традициям), но, несомненно, делали они это, посоветовавшись с ним.

Автограф стихотворения Магомета Мокаева, посвященного дочери Зулейхе:

«Маминой и моей любимице Зулюшке-Зулейхе»

В день, когда исполнилось ей десять,
В день, когда все превратилось в песню,
Счастья прошу у Всемогущего Бога,
Чтобы уберег он ее от беды и горя!

3 апреля 1998 г.

М. Мокаев».

(Подстрочный перевод)

Свобода творческого поиска позволяла поэту вторгаться в сложные, ажурные, заповедные духовные и эстетические миры: фольклор – литература – культура; национальное – интернациональное – общемировое.

Мокаев-поэт проявил себя и как талантливый переводчик, его перу принадлежат стихотворные переводы поэтов многих национальностей. Кроме того, он был замечательным редактором.

Кто не восторгался прекрасным исполнением Магометом Мокаевым балкарских народных песен! Обычно хрипловатый его голос становился звонким, как горный ручей.

Застолья завершались, как правило, исполнением Магометом песни об Абдулкериме. По установившейся в Баксанском ущелье традиции, заново накрывался стол, снова произносилась здравица.

Творчество Магомета Мокаева было многогранным и гармоничным. И к своему 60-летию поэт подошел признанным мастером. Юбилейный вечер состоялся в Балкарском театре им. К. Кулиева. Желающих попасть туда было множество. Тепло и торжественно отметил народ знаменательную дату любимого поэта. Это был один из самых ярких, счастливых дней в жизни Магомета.

Во всем облике поэта всегда было что-то праздничное и что-то трагическое. В его глазах жили радость и глубокая, изначальная печаль:

Скажите, скалы, чтобы ледники
Вперед мне продвигаться не мешали.
Я в детстве видел то, что старики
И в девяносто видели едва ли.

В последние годы Магомет много болел. Даже московские лекари не смогли одолеть его недуг, только несколько облегчили страдания. Жизнь и ее трагическая быстротечность – эта тема была главной в поздних стихах Мокаева.

Врожденный поэтический дар, помноженный на титанический творческий труд... Литературные плоды этого сложного интегрированного процесса составляют результат творчества М. Мокаева и, бесспорно, бесценное интеллектуальное достояние всего региона. Нам дороги интернационализм, идейная глубина и могучая нравственная сила стихов поэта. Можно считать, что вся жизнь Магомета Мокаева, мужественного человека и выдающегося поэта, во всем многообразии ее фактов и импульсов обеспечила ему достойное место в национальном и отечественном творческом процессе.

Говорят, поэты живут столько, сколько живут стихи, написанные ими. Поэзия Магомета Мокаева бессмертна.

30.10. 2007 г.

Список сокращений

АБДИКБ –	Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик
АЭС КБНИИ –	Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
ВКБНИИ –	Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
Известия СКЦВШ –	Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Ростов-на-Дону
КЭС –	Кавказский этнографический сборник. Москва
ЛО ИВАН –	Ленинградское отделение Института востоковедения академии наук СССР
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР
СМОМПК –	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
ССИК –	Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик
ССИКБ –	Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик
СЭ –	Советская этнография
УЗ КБНИИ –	Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
УЗ КНИИ –	Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик
ЭНКБ –	Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик

Оглавление

Предисловие	5
Раздел I. ИСТОРИЯ	13
Держава хана Кубрата и ее наследие	13
Походы монголов на Северный Кавказ в 20–30-х годах XIII века	29
Золотая Орда и народы Северного Кавказа	37
Борьба Тимура с Токтамышем и его сторонниками на Северном Кавказе (1385–1396 гг.)	59
Вхождение Балкарии в состав России и его прогрессивное значение	74
Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Кабардино-Балкарии в советское общество (1917–1940 гг.)	89
«Все для фронта!»: мобилизация материальных и людских ресурсов в Кабардино-Балкарии	104
Юг России в планах фашистской Германии	112
Германская оккупация территории Кабардино-Балкарии и ее освобождение	122
Механизм принятия решения и подготовка выселения балкарцев	133
Депортация народов Северного Кавказа в 40-х гг. XX в.	154
О природе принудительных миграций в годы Второй мировой войны в СССР и за рубежом: общее и особенное	169
Проблема депортации народов Кавказа и Крыма в 40-х гг. XX в. в международном контексте	178
Правовое положение и социальный статус балкарцев на спецпоселениях	189
Гражданский подвиг и трудовая доблесть балкарцев на спецпоселениях	208
Секретный доклад Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС и судьбы репрессированных народов	228
Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения	242
Государственность Кабардино-Балкарской Республики в условиях реформирования системы федеративных отношений	266
Раздел II. ЭТНОГРАФИЯ	279
Поселения и поселенческая культура балкарцев до 20-х гг. XX в.	279
Тёре как форма организации управления в средневековой Балкарии и Карачае	293
Хозяйственная жизнь балкарцев в XIX – начале XX в.	316
Пища как компонент культуры жизнеобеспечения балкарцев во второй половине XIX – начале XX вв.	337
Трапезы и поведенческая культура балкарцев в XIX – начале XX в.	359
Раздел III. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ...	368
Из истории становления и развития исторических знаний и исторической науки о балкарском народе	368
Из истории собирания и изучения фольклора балкарцев и карачаевцев во второй половине XIX – начале XX века ...	380